

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени В.И. Вернадского
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ (СЕРБИЯ)
УНИВЕРСИТЕТ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ (ИНДИЯ)

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТВЕТЫ»**

**Сборник научных трудов
XXXVII Международного Харакского форума**

(Симферополь, 5-7 ноября 2020 г.)

В двух томах

Том 1

Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2021

УДК 32 (31)
ББК 74.00
П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).*

Главный редактор:

Т.А. Сенюшкина, доктор политических наук, профессор

Научные редакторы:

Е.А. Сенюшкин, кандидат политических наук, доцент;

А.А. Зоткин, кандидат социологических наук, доцент;

Рецензенты:

Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор;

Ханна Ковальска-Стус, доктор философских наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50

Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума 5–7 ноября 2020 г., г. Симферополь. В 2-х т. Т. 1 / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сенюшкин, А.А.Зоткин] – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2021. – 514 с.

ISBN 978-5-907376-87-8

ISBN 978-5-907376-88-5 (т. 1)

В сборнике размещены материалы XXXVII Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы», состоявшегося в г. Симферополь 5 – 7 ноября 2020 г. Раскрываются актуальные проблемы, связанные с новейшими глобальными вызовами, которые рассматриваются с точки зрения различных методологических подходов в контексте цивилизационной теории.

УДК 32 (31)
ББК 74.00

ISBN 978-5-907376-87-8

© Сенюшкина Т.А., 2021

ISBN 978-5-907376-88-5 (т. 1)

© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2021

Жизнь в режиме онлайн в условиях пандемии: страхи и тревоги молодого поколения

Абрамова С.Б.

*Кандидат социологических наук
Уральский федеральный университет,
доцент кафедры прикладной социологии
e-mail: sofia_abramova@mail.ru;*

Антонова Н.Л.

*Доктор социологических наук
Уральский федеральный университет, профессор кафедры
прикладной социологии
e-mail: n-tata@mail.ru*

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31435 опп.

Аннотация: В статье рассматривается возникновение социальных страхов у студенческой молодежи в период пандемии. Актуализируются современные подходы к пониманию категории «поколение» и возможности поколенческого подхода в социологии для выделения ключевых характеристик молодежи как поколения «цифровых аборигенов». Получение высшего образования создает ситуацию возникновения новых рисков и одновременно механизмов для их преодоления. На основании фокусированных личных интервью со студентами г. Екатеринбурга (n=25) показывается влияние пандемии и перехода на дистантные форы обучения на самочувствие студентов. Выделены две основные зоны тревожности студентов в пандемию: образовательная сфера и физическое самочувствие (здоровье). Показаны влияние социальных страхов на изменение иерархии ценностей молодежи, а также противоречия между условиями онлайн образования и базовыми ценностями молодого поколения.

Ключевые слова: молодежь, социальные страхи, ценности, онлайн образование, поколение.

Abramova S.B.

Assistant professor of Department of Applied Sociology, Ural Federal University

Antonova N.L.

Professor of Department of Applied Sociology, Ural Federal University

Annotation: *The article examines the emergence of social fears among students during a pandemic. Modern approaches to understanding the «generation» category and the possibilities of a generational approach in sociology to highlight the key characteristics of youth as a generation of «digital native» are updated. Receiving higher education creates a situation of emergence of new risks and, at the same time, mechanisms for overcoming them. Based on focused personal interviews with students in Yekaterinburg (n = 25), the impact of the pandemic and the transition to distant learning forms on the well-being of students is shown. Two main areas of anxiety of students in a pandemic are identified: the educational sphere and physical well-being (health). The influence of social fears on the change in the hierarchy of values of youth, as well as the contradictions between the conditions of online education and the basic values of the younger generation are shown.*

Keywords: *youth, social fears, values, online education, generation.*

Сегодня теория поколений приобрела новое активное звучание в социологии в контексте обсуждения особенностей молодежи, и в частности – поколения Z. Молодые люди, родившиеся после 1995 года, выступают в этап активного экономического и политического участия в общественной жизни, и тем самым вызывают к себе пристальный интерес со стороны маркетологов, социологов, политтехнологов и т. д.

Как результат, классическое понимание поколения как совокупности людей, родившихся в определенный период, конкретизируется с целью понимания принципиально нового поколения миллениумов. Новому поколению дают разные названия, которые способны подчеркнуть его специфику. Так, «поколение клубники» родилось на Тайване и первым стало жить без бедности, но не способно противостоять давлению и имеет необоснованное чувство «права». Поколение Samro в Южной Корее отказалось от стабильного брака и рождения детей, но вынуждено платить за дорогое образование [1]. В российской науке эту тенденцию поддерживает проект «RuGeneration – российская школа теорий поколений»: предложенная классификация делает шаг к разделению миллениалов и Z-поколения: победители / строители (1903-1923), молчаливое (1923-1943), бэби-бумеры (1944-1963), X (1964-1984), миллениум (Y) (1985-2002) и хоумлендеры (Z) (2003-) [2].

Коммерческие структуры включаются в изучение новой нестабильной реальности и живущего в нем молодого поколения: одно из самых крупных исследований проведено Сбербанком.[3] Можно зафиксировать появление определенного ярлыка, который активно

используется рекламодателями, политиками, PR-компаниями с целью «достучаться» до молодежи, но одновременно мифологизирует это поколение.[4] Отсюда поколение Z или «цифровые аборигены» («Digital Native») [5] не столько представляют собой термин академической науки, имеющий четкие определения, сколько принадлежит к области популярного знания, размыт, нередко используются некритично и с различными содержательными акцентами.

Признавая, что теория поколений способна объяснять причины многих происходящих явлений, дает возможность через понимание особенностей поколений решать социальные, личные и деловые задачи, социологический подход также утверждает, что поколение – это не только дата рождения, но и сходство мнений, отношений и действий этих людей относительно тех или иных проблем, ценностей, целей и т. д. [6].

Одной из таких характеристик поколений выступают социальные страхи. В социологии страхи рассматриваются как одно из проявлений и результат кризисного состояния общества, трансформации социальных систем, и, в свою очередь, как сильнейшая детерминанта изменения духовных ориентиров и ценностных ориентаций [7]. Исследования показывают, что социальные страхи молодого поколения и их модели преодоления (избежания) этих страхов частично отличаются от более старших поколений. В этом контексте образовательная среда создает как дополнительные риски, так и предоставляет ресурсы для управления тревогой и развития личностных стратегий минимизации рисков [8]. По мнению исследователей, человек в студенческие годы достигает «пика» своих физических, интеллектуальных и биологических возможностей [9]. Предполагается, что именно у студенчества внутренний потенциал представляет наибольшую активность, а соответственно и ценность для его исследования.

Поколение цифровых аборигенов породило «цифровых учеников»: они прекрасно умеют обращаться с интернетом и гаджетами, обладают гиперкогнитивностью (повышенной способностью к переработке и восприятию информации), постоянно погружены в цифровую информационную среду, но при этом обладают «мозаичным мышлением», склонны к синдрому умственной усталости и т. д. [10]

Пандемия, объявленная в российском обществе, спровоцировала существенные изменения во всех сферах, и кардинально изменила образовательный процесс. Цифровые аборигены оказались в условиях полного погружения в режим онлайн, повседневные практики были

ориентированы только на виртуальные контакты и взаимодействия. И даже для этого поколения подобные изменения в образе жизни стали вызовом, сформировавшим новые страхи и тревоги.

Социологическое исследование проведено в мае 2020 года, методом сбора информации выступал онлайн опрос (фокусированные личные интервью) студентов первого курса (бакалавриат) Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). Основной целью исследования стал анализ социального самочувствия молодежи в условиях пандемии и самоизоляции. Опрос был пилотным, полученные данные нельзя экстраполировать на всю совокупность российской молодежи, однако исследование позволило наметить некоторые страхи и тревоги поколения Z.

Нами было опрошено 25 студентов; из них: 15 девушек и 10 юношей. Все студенты получают высшее образование по социально-политическим направлениям. Полученные данные были транскрибированы и обобщены в соответствии с целевой установкой исследования.

Результаты исследования показали две основные зоны тревожности студентов.

Первая зона касается технологии получаемого образования. Речь идет о том, что экстренный переход системы высшей школы в условиях распространения COVID-19 от оффлайн к онлайн обучению продемонстрировал низкую готовность как преподавателей, так и студентов к виртуальной модели образования. Дистанционный формат обучения призван не подменять, а дополнять традиционную систему образования [11, с. 63], однако субъектам высшего образования пришлось срочно освоить новые формы и виды коммуникации и обучения: *«много заданий, очень много, преподаватели, как мне кажется, не освоили онлайн обучение, вот и дают домашние задания...»* (жен.); *«поступала, чтобы учиться, ходить на занятия, но сейчас у всех домашнее обучение...»* (жен.). По оценкам исследователей из НИУ ВШЭ [12] качество обучения онлайн не отличается от традиционных образовательных технологий, однако в нашем исследовании студенты высказали тревогу о получаемом дистанционно образовании: *«мы не получаем знания, мы практически не общаемся с преподавателями, мы сидим дома и делаем домашнюю работу...»* (жен.).

Кроме того, обучение на дистанте максимально унифицировало образовательные технологии, тем самым разрушив одну из базовых ценностей поколения Z – признание индивидуальности и отличий между людьми. Поколению, которое не верит, что совершенство существует и стремится уклоняться от традиционных стандартов,

сложно «вписать» себя в систему тестов, формализованных заданий и ограничений общения [13].

Американские исследователи нового поколения (Per Research Center, Вашингтон) утверждают, что поколение Z находится на пути к тому, чтобы стать самым образованным поколением в истории человечества [14]. Образовательная деятельность занимает все большую долю в структуре жизнедеятельности, и становится доминантной сферой, определяющей социальное самочувствие молодежи.

Вторая зона тревожности и страхов касается состояния здоровья, причем материалы опроса свидетельствуют о том, что молодежь скорее боится не пополнить ряды заболевших, а опасается в условиях снижения физической активности и увеличения объема времени, затрачиваемого на самостоятельное выполнение заданий снижения резервных сил организма, который может и не выдержать подобных нагрузок. *«Я не гуляю, не хожу в кино, не сижу с друзьями в кафе, а с 10 до 18 делаю письменные задания. Это же стрессовая ситуация!»* (жен.). Напряжение, которым сопровождается выполнение режима самоизоляции, студенты пытаются снять просмотром сериалов, прослушиванием музыки, чтением книг, общением онлайн с семьей, а также физическими упражнениями: *«дома делаю зарядку, надо как-то двигаться»* (муж.); *«у меня нездоровый образ жизни, ложусь спать очень поздно... хочу пары по физкультуре»* (жен.). Жизнь в режиме онлайн, по оценкам студентов, ведет к гиподинамии, снижению двигательной активности, появлению новых и обострению существующих заболеваний: *«чувствую, что зрение подсело...»* (жен.); *«спина стала болеть, скорее всего остеохондроз заработал...»* (муж.).

В зарубежных и российских исследованиях [15] ценностей последних лет было зафиксировано, что ценности выживания (в том числе здоровья) сменились ценностями самовыражения и рациональности. Пандемия обращает этот тренд вспять, принудительно возвращая молодое поколение в ценностную иерархию предшествующих поколений. Это закономерно вызывает нарушение чувства социального благополучия у молодежи не только на физическом (биологическом), но и ценностно-ориентационном уровне.

В целом материалы исследования показали, что для молодежи полное погружение повседневных практик в онлайн формат является стрессом. Социальное самочувствие и удовлетворенность различными сферами жизни снижается, запускаются компенсаторные механизмы, которые в привычных стандартизированных практиках не используются в полной мере.

Литература:

1. Arranz M.D. The Millennial Phenomenon [Электронный ресурс]. URL: <http://lab.cccb.org/en/the-millennial-phenomenon/> (дата обращения: 10.07.2020)
2. RuGenerations – российская школа Теории поколений [сайт]. URL: <https://rugenations.su/> (дата обращения: 17.07.2020)
3. 30 фактов о современной молодежи [Электронный ресурс]. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 01.08.2020)
4. Мифы о «поколении Z» / Н. В. Богачева, Е. В. Сивак; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.
5. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. 2000. № 9(5). P.1-6. DOI: 10.1108/10748120110424816.
6. Ковин Е.А. Критический анализ современных теорий поколений в социологии StudNet: Научно-образовательный журнал преподавателей и студентов. 2020. Т. 3. №7. DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10042.
7. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. №2. С. 69-74.
8. Smolnikova L.V., Gorskich O.V., Raitina M.Yu. and Suslova T.I. Social Fears of Youth as an Actual Problem of a Modern University // Proceedings of the Conference «Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives», 25-27 March 2020, St. Petersburg, Russia. P. 685-691. DOI: 10.1007/978-3-030-47415-7_72.
9. Буланова-Топоркова М.В., Самыгин С.И. и др. Педагогика и психология высшей школы / М. В. Буланова-Топоркова, С. И. Самыгин и др. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 544 с.
10. Romanova M. Digital Natives as the New Generation of Learners in ESP https://www.researchgate.net/publication/341201268_Digital_Natives_as_the_New_Generation_of_Learners_in_ESP // Proceedings of the Conference «Integrating Engineering Education and

Humanities for Global Intercultural Perspectives», 25-27 March 2020, St. Petersburg, Russia. P. 483-493. DOI: 10.1007/978-3-030-47415-7_51.

11. Девтерова З.Р. Современные подходы к организации и управлению дистанционным обучением // Гуманизация образования. 2010. № 1. С. 58-63.

12. Chirikov I., Semenova T., Maloshonok N., Bettinger E. and Kizilcec R.F. Online education platforms scale college STEM instruction with equivalent learning outcomes at lower cost // Science Advances. 2020. Vol. 6. № 15. DOI: 10.1126/sciadv.aay5324.

13. Исследование Gen Z [Электронный ресурс]. URL: <https://www.criteo.com/ru/wp-content/uploads/sites/10/2018/07/2018-Gen-Z-Report-RU.pdf> (дата обращения: 10.07.2020)/

14. Parker K., Igielnik R. On the Cusp of Adulthood and Facing an Uncertain Future: What We Know About Gen Z So Far // Pew Research Center. 2020. May 14. URL: <https://www.pewsocialtrends.org/essay/on-the-cusp-of-adulthood-and-facing-an-uncertain-future-what-we-know-about-gen-z-so-far/> (дата обращения: 02.08.2020)

15. Пищик В.И., Лобачева А.О. Объекты веры и страхи студентов – представителей «информационного» и «нового» поколений // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. Сборник трудов XVI международной научно-практической конференции, ФГБНУ «Психологический институт РАО» (г. Москва, 8-10 июля 2020 г.). С. 251-254.

Этничность в современном общественно-политическом и научно-экспертном дискурсе на Северном Кавказе

Авксентьев В.А.

Доктор философских наук

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук» (ЮНЦ РАН), главный научный сотрудник*
avksentievv@rambler.ru

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00132 «Тенденции этнизации / дэтинизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе».

Аннотация. К концу второго десятилетия XXI века этнополитическая ситуация на Северном Кавказе стабилизировалась, что дало основание федеральным и региональным властям утверждать, что основные проблемы региона решены. Такая оценка положения дел является «забеганием вперед». Одним из главных препятствий успешной реализации государственной национальной политики в регионе, его модернизации является гипертрофированная этничность. Анализ общественно-политического и научно-экспертного дискурсов на Северном Кавказе свидетельствует о существенном росте политизации этничности после 2018 г. В наибольшей степени этот процесс проявился при обсуждении поправок к Конституции РФ, когда в контексте критики концепта «язык государствообразующего народа» предлагались этнические трактовки субъекта государствообразования и понятия «соотечественник». Выявлены фиксируемые в региональном дискурсе негативные ожидания и риски дестабилизации этнополитической ситуации.

Ключевые слова: этничность, политизация этничности, дискурс, Северный Кавказ, «государствообразующий народ».

Ethnicity in the Modern Socio-Political and Scholarly-Expert Discourse in the North Caucasus

Avksentev V.A.

Federal State Budgetary Institution of Science "Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of The Russian Academy of Sciences"

Abstract. By the end of the second decade of the 21st century, the ethno-political situation in the North Caucasus had stabilized, which gave the federal and regional authorities the basis to assert that main problems of the region were resolved. Such an assessment is a “running ahead”. One of the main obstacles to the successful implementation of state national policy in the region and its modernization is “exaggerated ethnicity”. The analysis of regional socio-political and scholarly-expert discourses shows a significant increase in the politicization of ethnicity after 2018. This process manifested itself to the greatest degree when discussing amendments to the Constitution of Russia, when ethnic interpretations of the subject of state formation were proposed in the context of criticism of the concept of “language of a state-

forming people” and the concept of “compatriot.” Negative expectations and risks of destabilization of the ethno-political situation recorded in the regional discourse are revealed.

Keywords: *ethnicity, politicization of ethnicity, discourse, the North Caucasus, “state-forming people”.*

Этничность всегда играла на Северном Кавказе заметную роль как в общественно-политической жизни, так и межличностных отношениях. Гипертрофированная этничность на Северном Кавказе является одним из главных препятствий успешной реализации государственной национальной политики в регионе, его модернизации. Традиционализм фактически стал основой социокультурной политики. Экономические преобразования, давшие паллиативный эффект, не только не позволили преодолеть этнотрадиционалистские ориентации, но даже укрепили этноклановые связи, автаркию и этноцентризм. Гуманитарная наука в регионе по-прежнему сконцентрирована на этнорегиональной проблематике, удревлении этнических корней, тем самым поставляя «теоретические обоснования» для периодически вспыхивающих территориальных претензий. Между тем в новой редакции «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.», утвержденной в декабре 2018 г., акцент делается на интегративные процессы, укрепление гражданской и цивилизационной идентичности россиян, устойчивый перевод этничности в социокультурную сферу [1]. Содержательно в документе ставится задача деполитизации этничности.

К концу второго десятилетия XXI века этнополитическая ситуация в регионе стабилизировалась, значительно сократилось количество терактов, происходящие события террористической направленности отчетливо маркируются как религиозно фундированные. Из политической жизни исчез этносепаратизм. Многие конфликты с этническим компонентом, которые еще несколько лет назад неизбежно переросли бы в масштабные этнополитические конфликты, не эволюционируют в качестве этнических. Случаи использования этничности для электоральной мобилизации в «большом электоральном цикле» 2016-2018 гг. были единичными. На официальном уровне все чаще звучат утверждения о том, что проблемы Северного Кавказа в основном решены. Характерным примером такого подхода является заявление бывшего полпред Президента России в Северо-Кавказском федеральном округе о том, что расслабляться нельзя, «но в данный момент мы живем в мирном округе» [2]. Упоминание Северного Кавказа как региона, требующего

приоритетного внимания со стороны государства, не вошло в новую редакцию «Стратегии...».

Такое видение ситуации является «забеганием вперед». Конфликты, произошедшие в регионе во второй половине 2018 – первой половине 2019 гг. (кабардино-балкарский, чечено-ингушский, чечено-дагестанский) ставят вопрос о том, что относительная не является долговременной тенденцией. Концепт российской нации, хотя и включен в официальный политический дискурс, не воспринимается общественным сознанием региона, встречает сопротивление в научном сообществе. Не находят понимания изменения в приоритетах в новой редакции «Стратегии...» (акцент на интегративные процессы, осторожный перевод этничности в сферу личностного самоопределения), звучат утверждения о том, что «Стратегия...» имеет мало отношения к национальной политике, поскольку задача последней – развитие народов России, национальных и культур, и языков, а не построение интегрированного общества. По мнению ряда исследователей, приоритетным показателем стабильности в регионе остается этнический компонент, определяющий функционирование полиэтничного общества [3, с. 131].

Приверженность этничности большей части населения региона характерна для домодерных обществ. Сформировавшая у населения региона общероссийская государственная идентичность основывается на факте гражданства, а не на восприятии жителей страны как сограждан, как народа. Формирование российской гражданской и цивилизационной идентичности остается в стадии постановки задач.

Доминирующее в северокавказском научном дискурсе примордиалистское понимание этничности пронизывает культурную жизнь и культурную политику региона. Этничность сохраняется в качестве ключевой категории в построении социальной картины мира. Такое восприятие этничности является основным вызовом формированию интегративных социокультурных идентичностей, политической модернизации, а также формированию гражданской нации в северокавказском регионе. Несмотря на снижение этнополитической напряженности, этничность остается главной линией социального раскола и системообразующим фактором регионального политического процесса. Этничность на Северном Кавказе остается политизированной, и признаков ее деполитизации нет.

Об этом свидетельствует весьма резкая реакция на предложенную поправку в Конституцию Российской Федерации о том, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа,

входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации [4].

Не вдаваясь в обсуждение вопроса о целесообразности использования в основном законе понятия «государствообразующий народ» в этническом смысле, отметим, что это положение вызвало преимущественно негативную реакцию со стороны гуманитарной интеллигенции региона. 13 сотрудников Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, доктора и кандидаты исторических и филологических наук, подписали заявление, в котором критикуется ряд предложений по изменению конституции. Положение о «государствообразующем народе» признано «неприемлемым, противоречащим духу федерализма, принципам прав и свобод человека, праву народов на самоопределение» [5]. В этом же заявлении утверждается, что государствообразующими являются все народы РФ без исключения. Таким образом, в обоих случаях, как со стороны авторов предложений по изменению конституции, так и со стороны авторов критического заявления осуществляется политизация этничности на уровне общественного и научного дискурса, превращение этничности в источник гражданских прав и обязанностей.

С критической направленностью заявления научных сотрудников КБИГИ можно было бы согласиться, если бы они предложили *гражданский подход* к пониманию государствообразующего народа: субъектом государственности является народ-демос, а не народ-этнос (или народы-этноты). Утверждение подписантов заявления о том, что государствообразующими являются народы (во множественном числе, т.е. народы-этноты), а не народ как источник государственности, свидетельствует о высокой степени политизации этничности на Северном Кавказе. В этом плане абсолютно адекватным, неконфликтующим и не требующим изменения является первый абзац преамбулы действующей редакции Конституции России, начинающейся словами «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». Примечательно, в поправках к Конституции России понятие «государствообразующий народ» не вводится и не толкуется, а используется «по умолчанию».

Предложения по внесению поправок в конституции активизировали зарубежную северокавказскую, в частности адыгскую диаспору. Черкесский писатель и общественный деятель из Иордании А. Башкауи обратился в ПАСЕ, утверждая, что поправки в Конституцию России фактически вводят этническую сегрегацию и дискриминацию коренных народов и национальных меньшинств, возводя их в статус граждан второго сорта [6]. Таким образом, на

основе непродуманного предложения о поправках в конституцию страны раскручивается очередной виток политизации этничности.

Критики концепта «государствообразующего народа» отмечают целый ряд следствий, который напрямую не вытекает из предложенной поправки:

- отказ от принципа федерализма;
- деление народов России «по сортам» (этническая сегрегация);
- сворачивание культурно-национальных программ;
- рост напряженности, вплоть до возрождения этносепаратизма;
- постановка вопроса о государствообразующих народах республик.

Одновременно актуализировался и политизировался вопрос о преподавании родных языков, который за период принятия поправок в закон «Об образовании» в июле 2018 г. перешел из политической в практическую и технологическую плоскость.

Нужно отметить, что критика предложения о языке государствообразующего народа не единодушна со стороны гуманитарной интеллигенции юга России. Известный адыгский писатель и поэт И. Машбаш (Машбашев) отметил, что поправка о русском языке как «языке государствообразующего народа» звучит корректно и относится больше к самому языку, а не к народам [7]. Эту точку зрения можно было бы принять, если бы речь шла о «государствообразующем языке».

Еще один сюжет, обозначившийся в общественно-политическом и научно-экспертном дискурсе на Северном Кавказе в контексте обсуждения поправок в Конституцию России, - положение о том, что «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» [4]. Научный сотрудник КБИГИ М. Хакушева выступает против увязки поддержки соотечественников с российской идентичностью, так как это, по ее мнению, приведет к тому, что под защитой государства будет только русский народ, а, например, 90% черкесов, живущих за пределами России, окажутся исключенными из такой поддержки [8].

Трактовка понятия «соотечественник» в течение нескольких лет, с тех пор как она активно ставится на федеральном уровне, является одной из чувствительных на Северном Кавказе. Еще в разгар украинского и сирийского кризисов адыгские активисты утверждали, что Российская Федерация фактически бросает на произвол судьбы черкесских соотечественников в Сирии, не предпринимая никаких мер для оказания им реальной помощи, которую мы видим в отношении

соотечественников из Украины» [9]. Этнический компонент содержания понятия «соотечественники» неоднократно поднимался на Северном Кавказе.

Анализ текущего общественно-политического и научного дискурса на Северном Кавказе свидетельствует, что регион переживает очередной виток политизации этничности, начавшийся с середины 2018 г. с обсуждения поправок в закон «Об образовании», продолжившийся в серии конфликтов осени 2018 г. (кабардино-балкарский конфликт, чечено-ингушский территориальный спор), определявших динамику этнополитических процессов и научного дискурса в 2019 г. и, наконец, в обсуждении поправок к Конституции РФ в 2020 г.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwzJfgKM3BHРо7AОВG3j.pdf>.

2. На Северном Кавказе назвали криминогенную обстановку «абсолютно спокойной» // РИА «Новости», 16.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20180716/1524662663.html>.

3. Хунагов Р. Д., Шадже А. Ю., Куква Е. С. Инновационное управление регионом в контексте укрепления российской идентичности // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 127-132.

4. Полный список поправок в Конституцию 2020 // FOZO.INFO, 13.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://fozo.info/239-polnyj-spisok-popravok-v-konstituciju-2020.html>.

5. Заявление сотрудников Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований по поправкам в законопроект об изменении Конституции России // Кавказский узел, 07.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/346809/>.

6. Черкесский писатель из Иордании пожаловался в Совет Европы по поводу дискриминации в путинской Конституции // ДОШ, 20.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://doshdu.com/cherkesskij-pisatel-iz-iordanii-pozhalovalsja-v-sovet-evropy-po-povodu-diskriminacii-v-putinskoj-konstitucii/>.

7. Три большие разницы: Поправки о русском народе, Боге и браке могут не найти единодушной поддержки // Коммерсант, 04.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4276168>.

8. Ученые в Нальчике связали изменение Конституции с угрозой сепаратизма // Кавказский узел, 08.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/346843/>).

9. Сирийские черкесы такие же соотечественники, как и беженцы из Украины // Кабардино-Балкарский республиканский правозащитный центр [Электронный ресурс]. URL: http://zapravakbr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=398:2013-07-19-10-08-33&catid=4:doc&Itemid=6.

Геополитический кодекс России: S.W.O.T – анализ

Агапов О.Д.

Доктор философских наук

*ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова», директор научно-исследовательского института социальной философии, профессор кафедры философии
E-mail: ag.oleg2015@yandex.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 09-06-06138-» 2», «Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергичная антропология».

Аннотация: В статье с позиций геополитическая анализа раскрывается потенциал России в условиях современной международной ситуации.

Ключевые слова: национальный интерес, геополитический кодекс, приоритеты, политическая герменевтика.

Geopolitical Code of Russia: S.W.O.T - analysis

Agapov O.D.

Doctor of philosophical science

Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasova, Director of the Research Institute of Social Philosophy, Professor, Department of Philosophy

E-mail: ag.oleg2015@yandex.ru

Abstract: The article reveals the potential of Russia in the current international situation from the perspective of geopolitical analysis.

Keywords: national interest, geopolitical code, priorities, political hermeneutics

Геополитический, геоэкономический, геоантропологический и геокультурный анализ стал одним из важнейших форм осмысления динамики современных международных отношений. В свое время В. Л. Цымбурский определил геополитику как форму политической герменевтики. «Геополитика выступает непосредственно как техника политического проектирования. В многообразии географических данных она открывает политические возможности — позитивные или, наоборот, негативные, опасные. Она обнаруживает такие сцепления этих данных, при посредстве которых можно было бы «заземлить» некие витающие в воздухе общественные запросы и проблемы. Она предлагает свои решения таких проблем в формах пространственного дизайна, проникнутых отношениями политического противостояния/соперничества, или сотрудничества / кооперации, или господства - подчинения, а также порой в формах, призванных снять, изжить эти политические отношения. Геополитика есть род политической герменевтики, ищущей выявить и воплотить в ориентировочных географических схемах (suggestive maps) заказ, часто еще не вполне осознанный самим сообществом - заказчиком» [1, с. 124]. С точки зрения китайской школы геополитики, представленной Е. Цзичэном - она «эффективный метод определения национальных интересов и способ выработки внешней стратегии и дипломатии государства» [2, с. 44].

Российский исследователь Мухаев Р.Т. отмечает, что при анализе геополитических ситуаций важно определить их субъектов и акторов, где субъекты – это государства, международные и региональные группировки, основанные на международном договоре и обладающие международной правосубъектностью, на которые распространяются нормы международного права. Категория «актор» шире по объему и включает транснациональные корпорации, неправительственные объединения, политических лидеров, политические движения [3, с. 51].

Концепт «национальный интерес», появившиеся в 1935 г в Оксфордской энциклопедии социальных наук и раскрытый Г. Моргантау в монографии «В защиту национального интереса» в 1947 г. «сделал» стремительную карьеру за семьдесят лет, существенно расширив как объем, так и содержание. Национальный интерес включает в себя формулу миссии как национального государства, так и ценностное определение смыслов деятельности нации как гражданского общества. Именно совпадение этих параметров обеспечивает национальным интересам конкретность, субъектность,

динамику и открывает путь к мобилизации широких слоев общества. К отстаиваемым национальным интересам, как правило, относят идеи суверенитета, свободы, территориальной целостности, невмешательства, безопасности от угроз и вызовов. Помимо концепта «национальный интерес» в геополитическом анализе активно используют термин «геополитический кодекс», введенный Джоном Гэддисом. В Российской Федерации базовые национальные интересы выражены на уровне Конституции, а также Федерального Закона «О безопасности». В национальный интерес России входит задача обеспечения государственной, экономической, общественной, экологической, оборонной, информационной и продовольственной безопасности.

Большое значение для анализа геополитических процессов имеет категория «гегемония». «Говоря о гегемонии, пишет И. Валлерстайн, мы имеем в виду, что одно государство имеет экономическое, политическое и финансовое превосходство над другими сильными государствами и к тому же оно лидирует в военной и культурной сферах. Державы-гегемоны определяют правила игры. Из такого определения видно, что гегемонии долго не живут, разрушая сами себя» [4, с. 202].

Например, З. Бжезинский определял формулу доминирования США, как единство двух принципов: принципа лидерства, проистекающего из согласия и принцип господства, основанный на силе. Иными словами, эффективность геополитической стратегии США строится на том, что она постоянно в XX в. предлагает мировому сообществу стратегию изменений международных отношений. Это было в случае с 14 пунктами Вудро Вильсона, и планом Ф. Рузвельта, и с доктриной Джона Кеннеди. Вместе с тем, США не только предлагает, но и осуществляет, довольно сильно изменяется сама. И. Валлерстайн отмечает, что как бы скептически державы «старой Европы» не относились к идеям В. Вильсона, но в логике истории победил именно «вилсонизм» и альтернативный ему на тот период «ленинизм». Умение предложить перспективу, обосновать «дорожную карту» развития, с определением ряда совместных приобретений («синергетический мультипликационный эффект») – это очень сильная сторона американской дипломатической стратегии, сделавшей ей имя.

Разумеется, серьезным дополнением для принципа лидерства выступает и принцип силы, совокупной военной, экономической и социально-демографической мощи. Американская политическая элита всегда уделяла большое внимание военной стратегии. Не будем забывать, политический класс и в XIX, и в XX в. веке преимущественно формировался из военных, из «людей фронта». Переход от военной

специализации к гражданской был отработан после Первой и Второй мировой войн. В частности, большинство корпораций военно-промышленного комплекса возглавляют офицеры ВМФ и ВВС США. Политический класс США прекрасно осознает, что мир XXI в., кардинально изменился. В связи с этим выстраивается целая архитектура нового мира. Она обладает иерархией, как на региональном уровне (новое издание версии «Единой (Северной, Центральной, Южной) Америки), так и на метарегиональном уровне (линии США – ЕС, США – АТР и т.д.), так и на глобальном уровне (США - ООН). Означает ли это однополярный мир? И да, и нет. В геополитическом плане это разумеется доминирование, но уже не по формуле однополярности (1991 – 2008 гг.). США прекрасно осознает, что ЕС, Китай, АТР, исламский мир, Россия сегодня обладает большой долей автономности и давно научились антиамериканским стратегиям сдерживания, как на геоэкономическом (например, введение «евро» в Евросоюзе), так и на геокультурном уровнях (мир Голливуда серьезно потеснен европейским, индийским, китайским кино). К тому же американцы учитывают и фактор собственных геополитических ошибок в Ираке, Афганистане и т.д.

Обращение к американской традиции определения национальных интересов / геополитического кодекса нам было необходимо для обращения к российской ситуации. Конкретнее, один из ведущих историков и специалистов по современным международным отношениям В.А. Никонов пишет: «Императивы XXI в. заставляют взглянуть на Российскую Федерацию не как на европейскую или евразийскую страну, а как страну евро-тихоокеанскую. Политика, направленная на усиление позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, предполагает решение триединой задачи: модернизационное развитие Дальнего Востока с использованием возможностей быстро растущих соседних государств, с последующим задействованием возросшего потенциала дальневосточного региона для максимизации нашего влияния в АТР; превращение России в составляющую часть экономики АТР; увеличение роли России как геополитического и геоэкономического игрока в АТР, как участника региональных интеграционных процессов и создаваемых механизмов коллективной безопасности» [5, с. 437].

Одним из конструктивных моментов по выработке новой широкоформатной социально-гуманитарной «оптики» бытия России в мир-системе Модерна может стать применение теоретико-методологического аппарата мир-системного анализа Й. Валлерстайна. В динамике бытия человеческого рода сторонники мир-системного подхода выделяют стадии мини-систем, миро-империй, мир-

экономики. Только стадия мини-систем была связана с развитием локальных и разрозненных человеческих сообществ, но уже эпоха мир - империй была поистине осевой - создав на просторах планеты Земля спектр сообществ, объединяющих в своей структуре большие территории и множество народов (Римская империя, Китайская империя, империя хуннов, Монгольская империя и т.д.). Практически все государства общества современности - прямые или опосредованные наследники народов мир-империй. Например, как отмечает С.А. Нефедов, «в целом насчитывается семь периодов, когда на Русской равнине существовали относительно стабильные государственные или племенные образования — это скифский, сарматский, готский, хазарский, киевский, монгольский и московский». «Скифский период характеризовался усвоением греческой культуры, готы усваивали римскую культуру, хазары - иудейскую и мусульманскую культуру Ближнего Востока, варяги - русы - византийскую культуру, монголы и татары - персидскую культуру, а москвиты - османские военные и политические порядки. В некоторых случаях перенималась не только культура, но и религия: в хазарском случае ближневосточное культурное влияние привело к принятию иудаизма, русы обратились в православие, а монголо-татары приняли ислам» [6, с. 310].

Все государства Русской равнины включались в военно-дипломатические и экономико-культурные отношения с другими мир-империями. Однако, в XIV-XVII вв. среди одной из мир-империй - «средиземноморской» (Ф. Бродель) - произошла социально-антропологическая и экономико-технологическая революция, создавшая переход к новой модели мир-экономики. Благодаря Великим географическим открытиям модель западной мир-экономики была инкорпорирована в мир. Если точнее, то мир был инкорпорирован в мир-систему коллективного Запада. Историческим «ядром» новой модели мир-отношений стал новый субъект истории - коллективный Запад, сформировавший, по И. Валлерстайну, три фундаментальных структуры - капитализм, национальные государства, геокультуру. В рамках динамики исторического бытия до XX модель мир-системы коллективного Запада, имеющая своего социокультурного двойника в термине «модерн/современность» расширилась до масштабов планеты Земля, вобрав в свою орбиту (в различном статусе) практически все государственные и культурно-исторические сообщества, бывшие в мире. Это не был путь только прямого захвата и насилия, вырабатываемые социально-антропологические практики в странах «ядра», постепенно стали атрибутами принадлежности к миру «модерна/современности». По отношению к «ядру» все остальные мир-системы стали занимать позицию полупериферии или периферии. Там,

где открывалась возможность происходило военное завоевание и колонизация, там, где этой возможности не было выстраивалась более гибкая модель, строящаяся на технологическом доминировании. В XIX вв. сформировалась идеология евроцентризма, имеющая отражение в структуре социальных наук (ориенталистика - востоковедение), в практике колониализма новых мир-империй, в распространении идеологием «бремени белого человека», расизма, социал-дарвинизма и т.д. Иммануил Валлерстайн последовательно, с 60-гг. XX в. стоял на позициях выработки новой социально-гуманитарной парадигмы исследования, где идеология евроцентризма (как впрочем, и другой исключительности) была бы преодолена и социальная наука XX - XXI вв. вышла на уровень подлинного мир-системного анализа, вскрывающего социальные противоречия глобального мироустройства и предлагающего методы и формы их совместного преодоления, без дискриминации и дискредитации.

Вызовы XXI в. безусловно ставят перед российским сообществом довольно сложные задачи. Р.Т. Мухаев выделяет, как минимум, пять сценариев – ответов развития России: А) сценарий униженного, нестабильного гиганта, способного без особого труда отказаться от ограничительных пут внутреннего и международного права; Б) союз с Западом, попытка выстроит Европейский союз от «Дублина до Владивостока»; В) путь самоизоляции / автаркии; Г) союз с Китаем, формирование российско-китайского геополитического содружества; Д) формирование евразийского геополитического пространства. Он убежден, что «в ближайшем будущем у России нет радужных горизонтов. Предстоит быстро преодолеть экономический кризис внутри страны. Кроме того, необходимо выработать систему геополитических координат, способную объединить нацию и одновременно приемлемую для западного мира» [3, С.828].

Конкретнее, по В.А. Никонову Российская Федерация обладает следующими геополитическими преимуществами в мировом сообществе в XXI в.:

- освоение Арктики;
- устойчивое положение на рынке атомной энергетики («Советский Союз был родоначальником использования атомной энергии в мирных целях, первым построил атомную электростанцию. Россия сохраняет прежний задел, входит в топ-четверку стран с наибольшим количеством ядерных реакторов — 33 (в США — 104 реактора, Франции — 58, Японии — 50, после Фукусимы не работающих), на которых вырабатывается 16% электроэнергии. Атомная отрасль вернулась к серийному строительству, заказы атомной промышленности машиностроению выросли с 2006 г. в 25 раз.

Создан типовой серийный блок АЭС-2006 со сроком эксплуатации 60 лет. Росатом начал активную международную экспансию. Планы по возведению атомных станций за рубежом (23–25 блоков общей мощностью 30 ГВт) превосходят общий объем российской атомной энергетики (10 блоков мощностью 24,2 ГВт). Росатом достроил станцию в иранском Бушере, достраивает в словацком Моховце, индийском Куданкуламе, есть договоренности на сооружение энергоблоков в Белоруссии, Турции, Китае, Армении, Вьетнаме, Бразилии; участвовала компания в тендерах в Чехии и Иордании. Росатом активно реализует и низкообогащенный уран в десятки стран, среди которых Соединенные Штаты, Южная Африка, Китай, Франция, Германия, Швейцария, Швеция, Нидерланды, Иран» [5, с. 408]

- Россия лидер по добыче и производству металлов (Износ основного оборудования в отрасли не превышает 43% (у ThissenKrupp — 58%, у Nippon Steel — 78%). Производство стали прогнозируется в 2015 г. на уровне 79,3 млн тонн. На экспорт идет порядка 25 млн тонн, импортируется 6–7 млн тонн, причем объемы экспорта растут, а импорта — падают» [5, с. 409]).

- Россия имеет потенциал стать великой транспортной державой (модернизация Транссибирской железнодорожной магистрали и Северного морского пути).

- Россия - «поставщик» космической безопасности («Россия сохраняет мировое лидерство по числу пусков ракет-носителей. В декабре 2013 г. на Плесецке проведено успешное испытание ракеты-носителя «Союз-2.1В» — впервые с 1980-х гг. в космос была отправлена новая российская ракета. Уже в 2014 г. успешно испытана ракета «Ангара». Полным ходом идет строительство космодрома Восточный. Завершилось формирование глобальной спутниковой группировки ГЛОНАСС» [5, с. 410]).

- экологический донор планеты (Фактор обширности территории и наличия девственных лесных массивов делает Россию глобальным экологическим донором. Эта роль выросла за последние десятилетия, когда в результате спада производства страна на треть сократила выбросы парниковых газов, что составило 60% общемирового уменьшения уровня загрязнения. По данным Всемирного фонда дикой природы на Россию приходится примерно 9% всей биоемкости планеты Земля — 1,2 млрд из 13,6 млрд глобальных гектаров (под глобальными гектарами понимают средний по планете показатель способности окружающей среды к воспроизводству ресурсов и поглощению отходов)) [5, с. 412].

- Россия один из ведущих поставщиков международной безопасности (Россия — ядерная сверхдержава, одна из двух стран,

способных уничтожить все живое на планете, а по количеству ядерных боезарядов (с учетом тактических) продолжает занимать первое место в мире. Согласно информации Госдепартамента США, об обмене данными о ходе выполнения СНВ-3 на 1 марта 2013 г. Россия располагала 1480 развернутыми ядерными боеголовками на 492 носителях стратегической триады — межконтинентальных стратегических ракетах (МБР), баллистических ракетах на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиках (ТБ). У Соединенных Штатов было 1654 на 792 носителях. Кроме того, в целом развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР и БРПЛ, а также тяжелых бомбардировщиков в России насчитывается 900 (1499 боеголовки), в США — 1028 (1722) [5, с. 413].

Вместе с тем, все указанные факторы смогут «сыграть» в полную силу только при устойчивом развитии государственности Российской Федерации. Политологи отмечают, что путь строительства федеративного демократического государства с развитыми институтами гражданского общества - это наиболее оптимальный сценарий от изоляции в международных отношениях, от ряда конфликтов внутренней политики. В частности, федеративность России позволяет проводить гибкую и взвешенную культурно-цивилизационную политику. Форматы национальных республик, автономий, округов позволяют уделять должное внимание развитию родных языков, поддержке народных промыслов, традиций, исторической памяти и преемственности.

В геэкономическом плане Российская Федерация в центре экономическое треугольника стран Евросоюза, Японии и АТР. В геостратегическом плане Россия на западе испытывает «прямое давление» НАТО, на востоке есть риски КНР, КНДР и Японии (находящейся в сфере безопасности США), на севере – есть давление стран Арктики (США, Канады), на юге – вызовы со стороны международных исламских фундаменталистов, стремящихся создать свои халифаты. Таким образом, геополитический статус России выстраивается как иерархия возможностей и угроз глобального и регионального уровней.

Среди комплекса региональных отношений следует выделить такие сектора:

- Россия – Прибалтийские государства;
- Россия – Белоруссия;
- Россия – Западное Причерноморье;
- Россия – государства Закавказья;
- Россия – Центральная Азия;

На глобальном уровне выделяются следующие сектора:

- арктический (США, Канада, Дания, Норвегия);
- Россия – США;
- Россия – государства Центральной и Восточной Европы;
- Россия – Евросоюз («логика Брюсселя»);
- Россия – НАТО (28 государств)
- Россия – Ближний Восток и Центральная Азия;
- Россия – Китай (шире - АТР);
- Россия – Япония.

Отдельным сектором глобального уровня выступают взаимоотношения с государствами, входившими в СССР (1922 – 1991 гг.). Ряд из них вошли в состав СНГ, а ряд вошли в состав других международных политических объединений (Евросоюза, НАТО).

«Постсоветское» геополитическое пространство полностью не сводится к построению Евразийского экономического «поля», что требует проработки на социально-гуманитарном, экономическом и военно-политическом уровнях. Конкретнее, создан ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности - стран СНГ (в него вошли 9 из 12 государств СНГ). Также идет процесс создания Союзного государства между Беларуссией и Россией, нового евразийского партнерства ЕврАзЭС, где ведущее положение занимают Россия и Казахстан, а также ШОС (Шанхайская организация сотрудничества).

Внешнеполитическая стратегия Российской Федерации начиная с 2000 г. была определена Президентом РФ В.В. Путиным как «стратегия низкого старта». В 2007 г. она завершилась речью Президента РФ в Мюнхене с предложением странам ООН и Евросоюза о многополярном мире, о выстраивании более гибкой архитектуры международных отношений. В 2008 – 2012 гг. Президент РФ Д.А. Медведев проводил стратегию «дифференцированного партнерства», была намечена линия «перезагрузки» отношений с США. Кардинальной проверкой геополитических реалий для Российской Федерации стал 2014 г. – когда Россия приняла в свой состав после референдума Республику Крым.

Движение в Большую Евразию («от Владивостока до Лиссабона»), на просторы АТР требует изменения инфраструктуры Российской Федерации «До сих пор на Европейский Союз приходится 42% внешней торговли Российской Федерации (2017), хотя пятью годами ранее этот показатель составлял 49%. Европейский эксцентриситет территориальной организации страны усиливался постоянным стремлением России в Европу, что уже отмечалось выше. Не следует забывать, что все три российских президента пытались привести Россию в НАТО... Однако если сдвиг на восток, поворот лицом к Азии становятся важнейшей национальной задачей, то Азиатской России

суждено стать лабораторией будущего, громадным испытательным полигоном для экспериментальной проверки новых решений – институциональных, управленческих, технологических, распространяемых в случае успеха на всю страну или на наиболее мощные в экономическом отношении районы Европейской России и Урала. Возможно, роль этих лабораторий хотя бы отчасти будут выполнять ТОРы» [7, с. 361].

С. Караганов убежден «для России Большая Евразия – это концептуальная рамка, матрица для удобной и выгодной геоэкономической, геостратегической и культурно-исторической самоидентификации как «северной Евразии», центра и севера поднимающегося континента. Россия служит и может служить по нарастающей его важным связующим транспортным и экономическим звеном, ключевым поставщиком безопасности. Наша страна, благодаря своему тысячелетнему опыту взаимодействия с Западом и Востоком, мирного взаимодействия многих религий, открытости русской культуры прекрасно приспособлена и для ведущей роли в налаживании и воссоздании сотрудничества в Евразии». К тому же «Большая Евразия должна формироваться на основе традиционных ценностей нормального международного права и международного общежития, отрицания любого универсализма, ценностного превосходства, заведомой правоты или гегемонии. Она должна формироваться, противодействуя навязываемому ныне миру проигрывающим Западом «закона джунглей». Действительно, страны ШОС придерживаются следующих принципов:

а) классическое вестфальское понимание государственного суверенитета (политическая легитимность друг друга несмотря на характер внутривнутриполитических режимов, невмешательство во внутренние дела, противодействие западной политике распространения демократии);

б) сильное государство, суверенитет и независимость как высшие ценности, более ценные, чем индивид и политические права человека в западном понимании;

в) политическую стабильность, стремление избежать внутривнутриполитического хаоса и неприятие чреватых дестабилизацией идей и ценностей;

г) борьбу с экстремизмом, терроризмом, радикальными религиозными течениями, включая исламизм, и сепаратизмом, восприятие их как зла» [7, с. 33].

На наш взгляд, динамика исторического развития России – это динамика развивающегося субъекта истории способного давать ответы на геополитические вызовы. В рамках своего развития она

неоднократно обновлялась, показывая открытость к процессам этно – социо – культурогенеза. И сегодня для России есть пространство для исторического творчества. Например, на 20,3 сухопутных границ приходится 38,8 морских границ. С перевесом 1:2 перевешивают морские. Обладая своим ледокольным флотом Российская Федерация сможет в XXI в. открыть Северный морской путь, кратчайший водный путь из Японии в Западную Европу. В XXI в. будет востребована «маринизация» Российской Федерации («от Балтики до Тихого океана»).

Следует согласиться с А.И. Уткиным, еще в 2002 г. писавшим, что «в новом мире определено ясно лишь одно: самодовольство и успокоенность будут наказывать немедленно недремлющие конкуренты. Попытка изолироваться от перемен окажется самоубийственной. Тотальная изоляция будет равнозначна тотальному поражению. Постоянный анализ, поиск новых, более эффективных путей становится попросту очевидной предпосылкой выживания, движения вперед, преодоления трудностей, процветания, сохранения земных ресурсов, избегания смертоносных конфликтов, собственно выживания на нашей планете» [8, с. 5].

Литература:

1. Цымбурский В.Л. Поэтика геополитики: в 2х т. Т.2 / В.Л. Цымбурский. – М.: Русский архипелаг, 2013. – 449 с.
2. Грачиков Е. Геополитика Китая / Е. Грачиков. – М.: «Русайнс», 2015. – 234 с.
3. Мухаев Р.Т. Геополитика / Р.Т. Мухаев. - М.: ЮНИТИ, 2010. – 839 с.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. / И. Валлерстайн. – М.: ИД Территория будущего, 2016. – 248 с.
5. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. — М.: Издательство Московского университета, 2015. — 880 с.
6. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Том I. С древнейших времен до Смуты / С.А. Нефедов. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – С. 310.
7. Вопросы географии. Сб.148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В.М. Котляков, В.А. Шупер. – М.: ИД «Кодекс», 2019. – 376 с.
8. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века / А.И. Уткин. - М.: Издательство ЭКСМО, 2002. – 503 с.

Этнический компонент строительства российской нации

Аксюмов Б.В.

Доктор философских наук
Северо-Кавказский федеральный университет, профессор
aksbor@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00132 «Тенденции этнизации / дэтизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе».

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые концептуальные проблемы, связанные с процессами нациестроительства в современной России. Доминирование примордиалистского понимания этничности в советской науке, соответствовавшее этнонациональной структуре советского государства, оказывает существенное влияние и на построение современной российской нации. Этнический компонент нациестроительства является сегодня основным, что вызывает риски чрезмерной этнизации социально-политических и культурных процессов, а также политизации этничности вплоть до угрозы рецидивов сепаратизма. Особенное беспокойство вызывает ситуация в ряде «национальных» республик Российской Федерации, где идеи этнонации получают почти всеобщую поддержку и со стороны местных политических элит, и со стороны интеллектуалов. В статье делается вывод о том, что реальной альтернативой этнонациональной конструкции нациестроительства может быть модель российской гражданской нации, предполагающей деполитизацию этничности и делающей акцент на ее культурных функциях.

Ключевые слова: нация, этнонация, многонациональный народ, нациестроительство, этничность, гражданская нация.

The Ethnic Component of the Construction of the Russian Nation

Aksiumov B.V.

North Caucasus Federal University, Professor

Abstract. The article discusses some conceptual problems related to nation-building in modern Russia. The dominance of the primordial version of ethnicity in Soviet science, which corresponded to the ethno-national structure of the Soviet state, has a significant impact on the construction of the modern Russian nation. The ethnic component of nation-building is

nowadays the main one, which causes the risks of excessive ethnicization of socio-political and cultural processes, as well as the politicization of ethnicity up to the threat of separatism recurrence. Of particular concern is the situation in some "national" republics of the Russian Federation, where the ideas of ethnicization receive almost universal support from both local political elites and intellectuals. The article concludes that a real alternative to the ethnonational construction of nation-building can be a model of the Russian civic nation, assuming the depoliticization of ethnicity and focusing on its cultural functions.

Key words: *nation, ethnic nation, multinational people, nation building, ethnicity, civic nation.*

Россия до сих пор остается страной с незавершенным процессом нациестроительства. Это неудивительно, поскольку построение нации – процесс длительный, иногда растягивающийся на целые столетия. Исторические катаклизмы, часто прерывавшие континуитет развития российского государства и общества (в различных их ипостасях) явно не способствовали процессу построения единой нации. Имперское устройство страны, доминировавшее вплоть до конца существования Советского Союза, а также весьма привившиеся еще в культуре царского периода немецкие традиции в понимании нации обусловили приоритет этнического истолкования т.н. «национального вопроса». Советская школа этнологии, возглавляемая Ю.В. Бромлеем, стояла по сути на позициях откровенного примордиализма, овеществляя этничность и придавая ей ключевое значение в динамике социальных процессов. Советское государственное устройство, включавшее в качестве главных элементов этнонации в виде союзных республик, вполне соответствовало этим научным взглядам. Можно полностью согласиться с американскими исследователями Р. Брубейкером и Ф. Купером, которые утверждают, что советский режим раскроил советскую территорию более чем на пятьдесят якобы автономных национальных «родин», каждая из которых «принадлежала» конкретной этнонациональной группе; и он наделял каждого гражданина этнической «национальностью», которая приписывалась ему при рождении на основании происхождения, регистрировалась в личных идентификационных документах, фиксировалась в бюрократических реестрах и использовалась в целях контроля над доступом к высшему образованию и рабочим местам. Тем самым, – заключают авторы, – режим не просто признавал или ратифицировал уже существующее положение дел; он вновь создавал и лица, и места как национальные» [1, с. 109-110].

Важно отметить, что под «национальным» в процитированном фрагменте подразумевается не общенациональное (в данном случае советское), а этнонациональное, привязанное к конкретным этнонациональным советским республикам, каждая из которых в формате советского государства приобретала статус полноценной нации. По верному замечанию В. Малахова, «коммунисты не пытались построить «советскую нацию». Они пытались построить «советский народ», состоящий из множества наций» [2, с. 197]. Советский Союз, развалившийся, как это и водится за этнофедерациями, четко в соответствии с границами между республиками, оставил в наследство современной России практически ту же самую конструкцию. Емкую формулировку данной конструкции можно увидеть в начальной фразе российской конституции (по-видимому, эта формулировка останется без изменений и в новом варианте основного закона): «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». Согласно документу, именно многонациональный народ является «носителем суверенитета и единственным источником власти». По мнению К.С. Гаджиева, «данное определение представляется спорным (если не ошибочным), поскольку в действительности в современной науке и реальной жизни речь идет не о народном, а о национальном государстве и, соответственно, следует говорить не о “многонациональном народе”, а о единой российской “полиэтнической нации”». Как отмечает исследователь, «главная задача, стоящая перед Россией в настоящее время и в обозримой перспективе, состоит в том, чтобы обеспечить благоприятные условия именно для этой своего рода переплавки множества крупных и малых народов или этносов в единую российскую нацию, но отнюдь не наоборот, множества наций – в единый народ» [3, с. 131].

Может создаться впечатление, что здесь мы имеем дело с банальным спором о терминах и не более того. На самом деле все гораздо сложнее и серьезнее, поскольку этот терминологический спор отражает глубинную конкуренцию двух проектов современного российского нациестроительства – этнического и гражданского. Советская и даже еще более ранняя традиция отождествления национального с этническим укоренилась в отечественной культуре (в том числе и прежде всего – политической) настолько, что избавиться от нее в одночасье, даже если потребность в этом избавлении будет всеми осознана, отнюдь не легко. Однако проблема в том, что традиции этнического понимания нации, особенно в северокавказском регионе, только укрепляются. Возрождение бытового и научного примордиализма в регионе было столь же сильным, как и процессы этноконфессионального ренессанса. Впрочем, в других

«национальных» республиках России наблюдается примерно такая же картина. В результате мы имеем дело с очень сильным лоббированием идеи этнонации со стороны этнорегиональных ученых, политиков, деятелей культуры, интеллектуалов. Их совершенно устраивает конституционная формулировка многонационального народа, поскольку в ней, по сути, утверждается идея о существовании в России множества наций.

Конструкция «один народ – много наций», помимо печального в этом смысле советского опыта, представляется рискованной по двум причинам. Во-первых, данная конструкция предполагает масштабную этнизацию социально-политических, культурных и иных процессов в федеральном и региональном формате. Развитие этнонаций требует, как это было со многими советскими республиками, серьезных инвестиций в национальное (этническое) развитие, что неизбежно влечет укрепление этнической идентичности, которая, как мы полагаем, вступает в прямую конкуренцию с гражданской идентичностью. Во-вторых, существование региональных этнонаций, бытие которых фиксируется в самосознании референтных этнических групп, скрывает в себе серьезные политические риски, особенно опасные для таких сложных в этнокультурном плане государств, как Российская Федерация. Как утверждает один из известных теоретиков национализма Дж. Бройи, «нация должна иметь политическую автономию, лучше всего – в форме суверенного государства» [4, с. 204]. Природа сепаратизма, с которым Россия столкнулась в 1990-е гг., очень тесно связана с идеей этнонации.

В последние годы широкую известность и признание со стороны некоторых ученых [5] получила формула ведущего российского этнолога В.А. Тишкова «нация наций». Ученый предлагает ввести в научную и политическую практику «обозначение нациями двух разных типов социальных коалиций людей – общности по государству и общности по схожести культуры» [6, с. 8]. Идея интересная, но не решающая проблем, обозначенных выше.

Более полезной в практическом смысле нам представляется идея гражданской нации. Гражданские траектории нациестроительства предполагают, на наш взгляд, гораздо более надежную и устойчивую конструкцию – «одна нация – много народов (этносов)». Данная конструкция предполагает деполитизацию этничности, поскольку понятия народа или этноса, в отличие от «нации», гораздо в большей степени культурные, чем политические. Модель российской гражданской нации, предлагаемая многими исследователями [7], решает (по крайней мере в теории) обе главные задачи государственной национальной политики – укрепление гражданского самосознания

(гражданской идентичности) и сохранение этнокультурного разнообразия. В рамках данной модели функции этничности сводятся к воспроизводству культурной региональной специфики и не предполагают никаких политических альтернатив в структуре вертикального (в политическом плане) федерализма. Этнический компонент строительства российской нации важен и необходим, но не как фактор построения региональных этнонаций с перспективой сепаратистских устремлений, а как условие культурного развития многочисленных российских этносов.

Литература:

1. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности. В кн.: Р. Брубейкер. Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
2. Малахов В.С. Нация и культурное разнообразие в имперской, советской и постсоветской России. В кн.: Культурная сложность современных наций. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 190-202.
3. Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 130-146.
4. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма. В кн.: Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 201-235.
5. См., например: Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Межнациональные отношения в современной России: инновации политики и управления // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 8-12.
6. Тишков В.А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить. В кн.: Культурная сложность современных наций. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 7-18.
7. См., например: Клименко Е.В. Интеграция и различия. О гражданской нации в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 131-143; Семенов И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59. № 11. С. 91-102; Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9-24.

Актуальные аспекты организации труда персонала в условиях системного кризиса мирового развития

Алехина Л.Л.

Кандидат экономических наук

ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, доцент

E-mail: allar9372@mail.ru

Голоктнинова Ю.Г.

Кандидат экономических наук

ФГБОУ ВО Орловский государственный университет экономики и торговли, доцент

E-mail: golokdim@yandex.ru

Аннотация: *Задача повышения производительности труда, остро стоящая в настоящий момент перед экономическими субъектами в России, не может быть решена без рациональной организации производства и рабочих мест. Без должного уровня организации труда персонала невозможно достичь максимального результата даже при наличии современного оборудования и новейшей техники. Высокоэффективный труд немыслим без организации труда, выступающей как упорядоченная система взаимодействия работников со средствами производства и друг с другом в едином производственном процессе. В связи с этим кардинальным образом меняются функции кадровых служб в системе управления предприятием, в том числе вопросы, связанные с организацией труда сотрудников хозяйствующих субъектов.*

В данной статье рассмотрены основные уровни организации труда персонала, выделены ее важные задачи (технико-технологического, социально-экономического и психофизиологического содержания), а также структурно представлены подсистемы организационных условий труда персонала на предприятии.

Ключевые слова: *организация труда, производительность, трудовые процессы, условия труда.*

Relevant aspects of the organization of the personnel in the context of a systemic crisis of world development

Alekhina L.L.

PhD in economics

Oryol state University of Economics and trade,

associate Professor
E-mail: allar9372@mail.ru

Goloktionova Y.G.
PhD in economics
Oryol state University of Economics and trade,
associate Professor
E-mail: golokdim@yandex.ru

Abstract: *The task of increasing labor productivity, which is currently facing economic entities in Russia, cannot be solved without a rational organization of production and jobs. Without a proper level of organization of work of the personnel it is impossible to achieve the maximum result even in the presence of modern equipment and the latest technology. Highly efficient work is unthinkable without the organization of labor, acting as an orderly system of interaction of workers with the means of production and with each other in a single production process. In this regard, the functions of human resources services in the enterprise management system are radically changing, including issues related to the organization of labor of employees of economic entities.*

This article describes the main levels of personnel labor organization, identifies its important tasks (technical and technological, socio-economic and psychophysiological content), as well as structurally presents the subsystems of organizational conditions of personnel at the enterprise

Keywords: *labor organization, productivity, labor processes, working conditions*

В условиях системного кризиса мирового развития, когда имеют место быть внедрение новых информационных и иных технологий, конкурентная борьба, демографическая и миграционная ситуация, а также глобализация отдельных экономических и политических процессов, организациям и предприятиям как самостоятельным хозяйствующим субъектам приходится сталкиваться с массой разнообразных проблем и находить не только пути выживания, но и улучшения своей деятельности. Ключевым фактором и решающим звеном выступают сотрудники организаций, в связи с чем кардинально меняются и корректируются роль, задачи и функции кадровой работы в системе управления. Изменение роли и функций служб управления персоналом обусловили перенос акцента в деятельности руководителей и специалистов по кадровой работе, в частности и в особенности с оперативных на стратегические вопросы. Причем данные аспекты особенно связаны с организацией труда персонала.

Сложившийся в настоящее время уровень развития производительных сил, который характеризуется использованием сложной техники и технологии в производственной сфере и сфере обслуживания предполагает совместный труд определенного количества людей в организации и вне ее. При этом имеет место быть многономенклатурная кооперация и специализация. В связи с этим вопросы оптимизации организации труда в системе управления персоналом организации не вызывают сомнений. Практика показывает, что во все времена и во всех сферах человеческой деятельности организованный труд способствует достижению достаточно высоких результатов и высокой производительности труда при прочих равных условиях.

Сегодня особенно возрастает значимость и актуальность организации труда персонала, поскольку в условиях острой конкуренции большой приобретает результативность труда, которые влияют на эффективность деятельности организаций и предприятий. Более того, по мере технического совершенствования увеличивается цена рабочего времени. Так, рациональная организация труда способствует правильному эффективному использованию времени работающих сотрудников, использования оборудования и помещений, что в результате способствует росту производительности труда, снижению себестоимости продукции, работ и услуг, а так увеличению рентабельности деятельности.

Организацию труда персонала можно рассматривать на трех уровнях (рисунок 1):

- на уровне предприятия в целом;
- на уровне системы управления предприятием;
- на уровне рабочего места.

Рисунок 1 – Уровни организации труда персонала.

Организация труда персонала на уровне предприятий и организаций представляет собой систему рационального взаимодействия сотрудников друг с другом и со средствами производства, которая основана на определенном порядке построения и последовательности осуществления трудового процесса. Данная

последовательность реализации трудового процесса в организации способствует получению высоких конечных социально-экономических результатов деятельности предприятий и организаций.

В рамках системы управления предприятием особенно важное значение имеет определение оптимальных пропорций, работающих на предприятии, выбор рациональных форм организации на основе нормирования труда различных категорий персонала. Вместе с тем существенными задачами выступают согласование деятельности всех структурных подразделений как элементов системы управления и организационной структуры предприятия, а также установление оптимальных пропорций трудовых затрат на взаимосвязанных участках работы. При этом важную роль в процессе организации труда персонала следует отнести внутрифирменному планированию, основой которого и выступает нормирование труда

Рассматривая организацию труда персонала на уровне рабочего места, можно отметить такие основные задачи, как рациональная организация исполнения трудового процесса, обеспечение максимально полной загрузки оборудования и персонала, а также создание благоприятных условий труда и эргономичного окружения. При этом рациональная организация трудового процесса, в свою очередь включает планировку, оснащение и обслуживание рабочих мест, рационализацию приемов и методов труда, установление технически обоснованных норм затрат труда.

Организация труда персонала имеет ряд функций и задач, которые способствуют достижению рационального объединения всех составляющих в процессе деятельности хозяйствующих субъектов. Основные задачи организации труда представлены на рисунке 2.

Первая группа задач технико-технологического содержания в силу внедрения нового оборудования, техники и технологии, сырья и материалов, а также организационной оснастки означает совершенствование организации труда персонала. Например, в производстве, технология предопределяет порядок и последовательность изготовления продукции. В связи с этим внедрение новых форм организации труда требует соответствующих необходимых технических и технологических решений, возможное внесение изменений в оборудование, инструменты и т.д. Одновременно предъявляются высокие требования к эргономическим характеристикам, к надежности оборудования, что в результате дает возможность регламентировать обслуживание оборудования, совершенствовать условия труда работников-исполнителей.

Рисунок 2 – Основные задачи организации труда персонала.

Решение экономических задач позволяет получить максимально возможную экономию живого и овеществленного труда при производстве и реализации продукции, выполнении работ и оказания услуг требуемого качества. С помощью решения экономических задач обеспечивается рост производительности труда, снижение затрат на производство, а также повышение качества продукции.

Следующая групп задач психофизиологического содержания обеспечивает формирование благоприятных условий труда на рабочих местах, способствующих высокой и устойчивой работоспособности сотрудника благодаря применению физиологически обоснованных режимов труда и отдыха, оптимизации темпа работ.

И, наконец, последняя групп задач социального направления предусматривает обеспечение удовлетворенности трудом персонала на основе повышения его содержательности, профессионального роста сотрудников согласно требованиям технического прогресса. Такие требования предполагают сплочение трудовых коллективов, удовлетворение трудом и его результатами, а также формирование позитивного психологического климата.

Важно отметить, что решение двух последних групп задач создает условия для гуманизации труда, которая представляет собой учет человеческого фактора в процессе организации труда. В условиях гуманизации труда существуют такие условия труда на предприятии, которые максимально учитывают психофизиологические и социальные потребности персонала организации. Постепенное формирование процессов организации трудовой деятельности, адекватной современному развитию экономики, а также разъяснение персоналу и руководителям психологических основ внутрифирменного общения является важным элементом деятельности руководителя на сегодняшний день.

Таким образом, вышеизложенные основные задачи организации труда персонала должны решаться в комплексе. Более того, во взаимосвязи и взаимодополнении с развитием и совершенствованием техники, технологии, организации производства и управления. И в результате данный подход будет способствовать получению высоких результатов посредством максимальной эффективности организации труда персонала.

На предприятиях организация труда рассматривается как система, состоящая из отдельных основных подсистем, связанных с организацией трудовых процессов, условиями труда, кадровым обеспечением, а также мотивацией и стимулированием трудовой деятельности (рисунок 3).

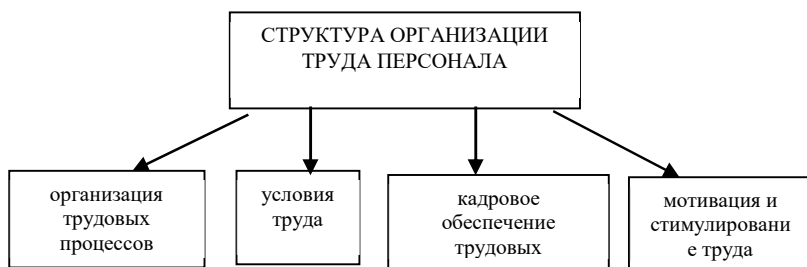

Рисунок 3 – Система организации труда персонала на предприятии.

Данная система организации труда персонала включает социально-экономические и организационные условия труда сотрудника на предприятии. Основным и начальным элементом организации труда выступает состав работ, выполняемых отдельным сотрудником, группой или коллективом работников.

Подсистема организации труда предполагает состав и взаимодействие в процессе трудовой деятельности, которое носит социально-экономический, технико-технологический и производственный характер. Взаимодействие персонала в процессе трудовой деятельности может осуществляться между основными рабочими, между основными и вспомогательными работниками, а также между рабочими, специалистами и руководителями разного уровня. Такие взаимодействия между различными категориями персонала разнятся в зависимости от формы организации труда, состава, объема и сложности работ.

Подсистема организационных условий труда базируется на количественных и качественных характеристиках пространственных и

временных условиях труда. Так, в пространстве организация труда обусловлена взаимным расположением технологического оборудования, средств оснастки на рабочем месте, на участке, в цехе, в бригаде и т.п. Междусменные и внутрисменные режимы труда и отдыха являются временными условиями труда. Культура труда и производства оказывает отдельное существенное влияние на организационные условия труда.

Кадровое обеспечение как подсистема организации труда персонала предполагает формирование и развитие трудовых ресурсов на предприятии. А именно, подбор персонала в организацию, его подготовку и расстановку с учетом кадровых возможностей и организационных потребностей, а также рациональное использование работников, что определяет в итоге место сотрудника в производственном процессе и организационной структуре предприятия.

Подсистема мотивации и стимулирования трудовой деятельности работников на предприятии способствует обеспечению эффективности организации труда. В свою очередь данная подсистема включает социально-психологическую мотивацию и социально-экономическую мотивацию, основанную на моральном и материальном стимулировании.

В заключении можно сделать вывод, что организация труда персонала, являясь значимым составным элементом организации производственного процесса, выступает самостоятельной сферой экономики и управления предприятием и имеет особое содержание, задачи и структуру, а также область исследования и методы изучения трудовой деятельности.

Литература:

1. Апель С.А. Влияние психологических факторов на управление персоналом// Экономическая среда. - 2019. - № 1 (27). - С. 50-54.
2. Ильминская С.А. Система стимулирования труда персонала//Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. - 2017. - № 5. - С. 149-151.
3. Мерзлякова А.В. Совершенствование организации труда предпринимательских организаций на основе формирования локальных управленческих команд//Экономика и социум: современные модели развития. - 2016. - № 11. - С. 114-124.
4. Мосина Е.И. Организация труда в системе управления на промышленном предприятии//Научные Записки ОрелГИЭТ. - 2017. - № 4 (22). - С. 21-28.

5. Третьякова В.А. Функционал специалиста по организации и нормированию труда в организации/ В.А.Третьякова, О.В.Спиридонов// Нормирование и оплата труда в промышленности. - 2017. - № 2. - С. 46-57.

6. Усенко Н.С. Фундаментальные исследования показателей по труду и производительности труда персонала//Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. - 2017. - № 6. - С. 146-150.

7. Чижевская Е.Л. Возможности роста эффективности использования труда в организации// Экономика и предпринимательство. - 2016. - № 1-1 (66). - С. 442-446.

8. Шманев С.В. Человеческий фактор в системе государственного регулирования экономического развития России// Среднерусский вестник общественных наук. - 2017. - Т. 12. - № 3. - С. 64-69.

Вербальные ценностно-смысловые модели в мотивационной внутренней политической коммуникации

Андреева Ю.В.

Доктор педагогических наук

Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций

Казанского федерального университета,

профессор кафедры телепроизводства и цифровых коммуникаций

E-mail: andreevsemen@mail.ru

Аннотация: *Движение глобального мира к моноцивилизации обеспечивается осмыслением и принятием факта существования различных моделей сознания и языка, отражающих специфику культурных кодов, ментальных различий, представлений о ценностях личностного, социального и экзистенциального уровня. Важнейшим полем изучения особенностей кросс-культурных ценностно-смысловых моделей является внутренняя политическая коммуникация, ситуация «простого диалога с народом», когда национальный лидер ведет коммуникацию, опираясь на признанные в социуме вербальные ценности. В статье дан сравнительный анализ ценностно-смысловых моделей мотивационной речи президента РФ, Украины, политических лидеров США и Китая. Анализ медиатекста и экспертные оценки (даны носителями культур), позволяют расширить представление об общим и различном в содержании вербальных ценностных структурах.*

Ключевые слова: *политическая коммуникация, кросс-культурные коды, ментальность, моноцивилизация, ценностно-смысловые модели.*

Verbal axiological models in motivational internal political communication

Andreeva Yu.V.

*Doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of television Production and digital communications of the Higher school of journalism and mass communications of the Kazan Federal University
E-mail: andreevsemen@mail.ru*

Abstract: *The movement of the global world towards monocivilization is ensured by the comprehension and acceptance of the existence of various models of consciousness and language, reflecting the specifics of cultural codes, mental differences, and ideas about the values of a personal, social, and existential level. The most important field for studying the characteristics of cross-cultural value-semantic models is internal political communication, a situation of «simple dialogue with the people», when the national leader communicates based on verbal values recognized in society. The article provides a comparative analysis of the value-semantic models of motivational speech of the President of the Russian Federation, the USA and China. The analysis of the media text and expert assessments (given by carriers of cultures) allow us to expand the provision of general and different in content verbal value structures.*

Keywords: *political communication, cross-cultural codes, mentality, monocivilization, value-semantic models.*

Современные проявления глобальной мировой культуры все более очевидно демонстрируют трансформацию старых традиций и движение к единому, глобальному мироустройству. Растворяются культурные барьеры, всем миром человечество смотрит одни и те же фильмы и сериалы («Звездные войны», «Игра престолов» и пр.), с одинаковым воодушевлением воспринимает музыкальные новинки, эксцентричные шоу, актуальные социальные, экологические дискурсы: благодаря единой информационной сети включают мир в единое этическое и аксеологическое поле. Все больше жителей планеты воспринимают себя «гражданином земли», переступая рамки национальной идентичности. Национальная и культурная идентичность растворяется в мировом котле, расширяя представление об этических границах, моральных регламентах и эстетических категориях. По мнению эксперта ВШЖ МГУ Л. Г. Свитич, общество от цивилизационной идентичности переходит к моноцивилизации, что приводит к деструктивным с точки зрения развития мировой культуры,

явлениям. В целом, цивилизационный подход обогатил сферу гуманитарных знаний глубокими теориями и интересными наблюдениями. М. Блок писал: «Путь развития цивилизационных концепций, это путь от представлений об идеале «цивилизации» к описанию и сравнению цивилизаций во множественном числе. В этой современной форме теория цивилизаций представляет собой метод сравнительно-исторического изучения обществ, основанный не на их противопоставлении, а на их различении по ряду факторов» [1]. Если рассуждать о появлении новых феноменов, появляющихся в результате синтеза, конвергентности мира, данный метод анализа уже вряд ли применим. Исследователи развития цивилизации, например, Р. Робертсон, предлагает изучать синергию, взаимовлияние глобального и локального. Немецкий аналитик Ю. Остерхаммель применяет в своих работах структурный, тотальный и частичный подход к сравнению цивилизаций [2]. Одним из ресурсных методов в рамках цивилизационного подхода становится психолого-лингвистический метод анализа политического медиатекста как метод исследования информационного контента, позволяющий дать оценку когнитивного ряда (вербальных «прямых» смыслов и подтекстов, ценностных моделей и ассоциативных рядов), аффективного ряда (визуально-аудиально, чувственных конструкторов), а также оценить ресурс влияния на поведение (наличие скрытых и открытых призывов к действию, наличие коммуникативных приемов (внушения или убеждения). Широта применения метода зависит от авторского подхода и сложности исследовательских задач. Так, И.В. Цыкунов предложил ступени психолого-лингвистического анализа: как «эксплицитный текст, представляющую очевидную поверхностную информацию и как имплицитный текст - подтекст, отражающий неявную, скрытую от непосредственного восприятия информацию или модальные характеристики публикации» [3].

Исследования в области медиapsихологии отражают трансформационные процессы в ценностных категориях «прекрасное-безобразное», «правда - ложь (фейк)», «жизнь- смерть», «природное - искусственное». Трансформации касаются именно содержательных структур категорий, так, прекрасное, под влиянием культуры постмодерна наполняется содержательными дефинициями «молодое, бунтарское, необычное, новое, неожиданное, шокирующее, абстрактное, искусственное, яркое, вызывающе». Новые содержательные модели ценностей важно исследовать и в контексте глобального диалога культур. При этом, ценности могут быть причислены к группе личных, социальных или общих (экзистенциальных), могут иметь общее содержание (в контексте

общего, глобального понимания), а также сферу частной интерпретации (личностный или ментальный уровень).

Все чаще в массовой политической коммуникации работает прием ценностной номинализации, когда к массовой аудитории обращение встраивается через известную и признаваемую ею ценность. Этот коммуникативный прием известен со времен Сократа и Цицерона, но вероятно, даже в цифровом мире останется актуальным, благодаря широким смысловым границам общих ценностей. *Само понятие «ценность»* в античном мире часто связано с ценой, но уже во времена стоиков получает более гуманистическое значение: «свойственное всякому благу содействие жизни». в открытых источниках можно найти такое определение: «Ценность - одно из ключевых понятий в системе философских и гуманитарных дискурсов, обозначающее в самом общем виде, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта или явления действительности, в отвлечении от его экзистенциальных и качественных характеристик (предметные ценности), во-вторых, нормативную (оценочную) сторону явлений общественного сознания (субъектные ценности). Ценности трактуются также как смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни (в этом отношении их можно рассматривать как механизмы смыслового удержания и укоренения человека в мире)» [4]. Изучением этого явления занимались практически все представители философии и гуманистической психологии. В отечественной психологии понятие смысла наиболее полно освещено в трудах А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейн, которому приписывают крылатую фразу: «Ценность - это не то, за что мы платим, а то, ради чего мы живем». На ценностях и смыслах построена концепция В. Франкла, А. Маслоу и К. Роджерса. Психологи и педагоги едины во мнении, что система ценностно-смысловых конструктов и их иерархия определяет экзистенциальную ценность жизни, направленности личности, создает фундамент мировоззрения, отношения к себе и миру. В.Б. Ольшанский полагает, что ценности являются знаковыми «маяками», с помощью которых человек становится способным «заметить в потоке информации то, что наиболее важно (в позитивном или негативном смысле) для жизнедеятельности человека; это такие ориентиры, придерживаясь которых человек сохраняет свою определенность» [5].

Важность ценностных моделей подчеркивает их обилие в политической речи. Мы сравнили новогодние речи президентов и политических лидеров разных стран: России, Украины, Китая, Америки. В эксперименте приняли участие жители данных стран,

которых мы попросили оценить эффективность коммуникации и своё индивидуальное понимание смысла приведённых в речи ценностей. Временные рамки выступлений были различны, (РФ-9 мин, КНДР - 10 мин, США - 1 мин, Украина - 13 мин, Германия - 6 мин.) и в разной степени насыщенности словами-ценностями. Чем меньше была речь, тем больше звучали номинально-нормативные определения ценностей. Так, в речи Д. Трампа декларируются: «счастье, вера, любовь, безопасность, мир, единство, свобода», при этом давались характеристики ценностных категорий: «радостно, тепло, душевно, весело, сообща». в эксперименте участвовали двое жителей США. Елена, 52 года, дизайнер и Эндрю, 30 лет, специалист по логистике. Оба участника опроса показали негативное отношение к речи. Е.: «Ценности, произносимые скороговоркой, не трогают, вызывают чувство фальши. У Д. Трампа в речи избыток материальных ценностей, у Обамы были личностные». Эндрю: «Я услышал в речи Трампа призыв к войне. Он поздравлял военных, тех, показывал зал, полный ВВС. Говорил о безопасности, а были кадры напуганных людей». В начале речи В.Зеленского был сделан психологический заход, известный в коммуникативных практиках как «присоединение и ведение», президент Украины «читал мысли» аудитории, сделал выход на уровень «идентичности» (пирамида Дилтса). Описывая различные идентичности украинцев, В.Зеленский дал описание влиятельных социальных групп. Ценностные модели возникают в середине и нарастают к финалу речи. «Жизнь, Любовь, свобода, единство, патриотизм, любовь, детство», контекстные категории: «бережное, душевное, простое, радостное, теплое, искреннее, открытое». Оценить реакцию на речь украинского лидера, мы попросили Илону (студентка, 23 г., Киев) и Сергея (63 г. Аликанте, Испания). Сергей: «Мне показалось, что это актерская игра, речь шла не от души, по сценарию. Неуместно было менять формат общения президента с народом. Президент должен быть независимым, самостоятельным. Независимость — вот основная ценность Украины». При анализе ценностных посланий, важно учитывать индивидуальные особенности и личный опыт представителей аудитории. Илона, комментируя свое отношение к президентскому посланию, не скрывала положительных эмоций. «Президент говорил искренне. О наболевшем. Мы разные и мы хотим быть вместе. С этим посылом мои друзья полностью согласны. Он говорил о любви, я подумала, что за любимых я готова молиться. Люди плакали, слушая эту речь». Высокий уровень эмоционального отклика получило не номинальное произнесение ценностных категорий и установок, а именно заход с позиции идентичности на уровень ментальных установок, аудитория получила не просто перечень

ценностей, а стратегию как можно достичь результата, ценного для нации. Установка «Мы разные, но мы вместе», - была сформулирована как национальная идея.

Для проведения метода экспертных оценок речи китайского лидера - президента КНР Си Цзиньпина - мы обратились выпускникам ВШЖиМК КФУ. На обсуждение собралась группа 5 чел. коренных китайцев, подчеркнув ментальную особенность «коллективного сознания», коллегиальности в оценках. «Речь нас впечатлила. Хотелось слушать стоя. Ведь каждая мысль очень ценная. Мы современная страна - об этом говорят фразы «мы ведем сортировку мусора, появляется возможность вести низкоуглеродный образ жизни». Когда говорит лидер о «новом облике армии», мы понимаем, что наша страна становится ведущей державой мировой. Мы почувствовали гордость за свою страну». В речевых моделях китайского президента звучат ценности как общие, так и оригинальные, ментальные: «труд, движение, развитие, урожай, стабильность, прогресс, китайский стиль, борьба, государственная мощь, политика реформ, патриотизм, счастье, мир, сила, сердце, дружба (дружеские объятия), гармония». категории тоже особенные: «упорство, высококачественность, стремительность, бесконечность, неисчерпаемость, космическое, безупречное, богатое, прекрасное».

Новогоднее поздравление Президента России В.В. Путина не отличалось от предыдущих обращений по своему «формату», который вероятно стал ортодоксальным по вербальным и не вербальным интонациям, стилистике речи, а также статичности визуального ряда. Ценности ближе к традиционным, но на российский лад: «развитие, прогресс, единство, героическое прошлое, бескорытность, волшебство, счастливое детство, добро, забота, здоровье, семья, жизнь, любовь, мир». Категории: «полезность, успешность, героическое, важность, тепло, благополучие». Мы попросили оценить речь российского президента жителей страны: американца Стива (37 лет, в РФ живет 10 лет). Стив: «Нет ни одной лишней фразы, ни одной... живой эмоции. Мир, прогресс, патриотизм... Все правильно. расшифровок. Я думал, что русские люди душевнее. Когда Путин заговорил о семье, эмоции появились. Эта часть речи мне понравилась».

Политическая «ценностная» речь требует «высокого» контекста: оправдана информационным поводом, временными рамками выступления. Политические лидеры опираются на общие ценности: развитие, единство, любовь, свобода, мир и проч. И национальные: (например, «единство нации, идентичность» (Украина), «русское волшебство и бескорытное чудо» (РФ), «прогресс при традиции

(стабильность и развитие), китайский стиль, разумное потребление, гармония (КНДР), «безопасность», «демократия», «чувствовать себя дома (езде)» (США). Можно сделать вывод о эффективном влиянии ценностных моделей на аудиторию, при высоком уровне доверия спикеру, его открытости и эмоциональности.

Литература:

1. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М., 1998.
2. Трансформация мира: история XIX века (главы из книги). // Ab Imperio. 2011. № 3.
3. Цыкунов И.В. Методика изучения и интерпретации медиатекстов в контексте обучения РКИ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015.
4. Ольшанский В.Б. Личность и социальные ценности // Социально-гуманитарные знания. - 2001.- №3. - С. 51.

Историческая память: философско-антропологический аспект

Анкудинова П.М.

*Кандидат философских наук,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Морской колледж, преподаватель.
E-mail: ankudinovapm@gmail.ru*

***Аннотация:** На рубеже XX и XXI столетий в философской и исторической науке особое внимание стало уделяться изучению вопросов формирования исторической памяти. В данном исследовании историческая память рассматривается в философско-антропологическом аспекте: в центре внимания - субъект исторической памяти, его мировоззрение. Введение характеристики «временные рамки» позволяет объяснить, каким образом происходит восприятие истории и формирование исторической памяти, чем обусловлена ее многослойность, на каком этапе и почему происходит искажение исторической действительности. В эпоху информационных войн понимание механизмов формирования исторической памяти представляется очень важным для разработки технологий сохранения и восстановления целостности поля мировой истории.*

Ключевые слова: философская антропология, историческая память, коллективная и индивидуальная память, типы мировоззрений, субъекты исторической памяти.

Historical memory: philosophical and anthropological aspects

Ankudinova P.M.

Candidate of Sciences in Philosophy

Sevastopol state university,

Sea College, the teacher

E-mail: ankudinovapm@gmail.ru

Abstract: *On the joint of XX and XXI centuries in a philosophical and historical science the special attention began to be given to studying the questions of formation of historical memory. In this research historical memory is considered in philosophical and anthropological aspect: in the center of attention there is the subject of historical memory, his worldview. Introduction of the characteristic «time frameworks» allows to explain, how there is a perception of a history and formation of historical memory, with what is caused it multilayeredness, at what stage and why there is a distortion of the historical validity. During an epoch of information wars the understanding of mechanisms of formation of historical memory is considered very important for development of technologies of preservation and restoration of integrity of a field of a world history.*

Keywords: *Philosophical anthropology, historical memory, collective and individual memory, types of worldview, subjects of historical memory.*

В конце XX - начале XXI вв. в исторической и философской науке большое внимание уделяется изучению вопросов формирования исторической памяти. «На стыке тысячелетий человек отчетливо осознает свою онтологическую дробность и потребность в преодолении крайней степени безвременья и самоотчуждения. Осознание Бытия в историческом контексте и Истории — в онтологическом становится общим исследовательским проектом для философов и историков. Вновь возрождается интерес к построению *историософии как учения о целостной Истории целостного Человека*» (выделение — Ю.М. Федоров) [1, с. 9].

В настоящее время существуют разные трактовки понятия «историческая память», и, соответственно, разные подходы к изучению данного явления. Основным отличием исторической памяти от исторической науки, является ее избирательность и, не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого [2, с. 79], таким образом, поле исторической памяти оказывается

детерминированным различными уровнями субъективности. В данном исследовании хотелось бы сделать акцент на существовании разных типов мировоззрения у субъектов-носителей исторической памяти, и, как следствие – ее иерархичность и многообразие наполнения.

При детальном рассмотрении исторической памяти выявляется ее многослойность и разнообразие наполнения. Идея «слоистости» пространства истории разрабатывалась Н. Гартманом, Б.П. Вышеславцевым, Ф. Броделем, К. Ясперсом, Ю.М. Федоровым и другими исследователями. Так, например, известный немецкий историк и культуролог Алейда Ассман выводит характеристики трех измерений исторической памяти: нейронного (биологического), социального и культурного, и сквозь три эти призмы предлагает рассматривать все феномены исторического бытия [3, с.29-34]. В то же время, в трудах перечисленных выше ученых указывается еще и на существование некоего Мета-исторического уровня, где человеческая история сливается в общечеловеческий, по сути, наднациональный поток, воспринимаемая субъектом-носителем подобного мировоззрения как целостность в масштабах Человечества, бытийные смыслы которой простираются далеко за его пределы. Подобное исследование возможно только в философско-антропологическом формате, с рассмотрением развертывания исторического процесса в масштабе человеческой цивилизации, и непременно разговором о его целях. Этот подход противостоит современной постмодернистской тенденции (в которой целостный мир дробится и распадается на мириады субъективистских интерпретаций), и совершает невозможное, примиряя даже противоположности. Такой взгляд на историю наднационален, и является следствием ее переосмысления в контексте закономерных и необратимых глобальных процессов всеобщей эволюции.

Здесь следует заметить, что такое понимание истории не имеет ничего общего с современным проектом «Глобальной памяти» [4]. Этот проект имеет неоднозначную оценку со стороны специалистов, потому что, по сути, представляет собой, культурно-исторический опыт европейской, или даже если брать шире — Западной цивилизации, ее взгляд на мир, из «прокрустова ложа» которого она никак не способна выйти. Несмотря на претенциозность задумки, проект «Глобальной памяти» так и остается субъективным по своей природе.

Представления же о Мета-истории чаще можно встретить именно в философских работах: историки и культурологи гораздо реже обращаются к столь высокому мировоззренческому восприятию, предпочитая заниматься более близкими к формату человеческой жизни аспектами исторической реальности. Однако стоит напомнить, что именно этот формат позволит в дальнейшем переосознать наиболее

спорные и болезненные моменты истории, найти важные аргументы для объяснения многих событий с целью приятия исторической реальности и извлечения из нее необходимых уроков не только для конкретной нации, но и для всего Человечества.

По мнению Ф. Броделя, восприятие Мета-истории, доступно лишь мудрецам, — личностям, способным собрать мир в целое. Таким образом, разговор об исторической памяти опять перетекает в антропологическую плоскость, ведь принцип, по которому будет осуществляться отбор информационного контента, напрямую зависит от особенностей мировоззрения субъектов, которые являются носителями и участвуют в формировании исторической памяти. Философ настаивал на необходимости восприятия истории через длительные хронологические единицы, именно они позволят «вырваться из плена событий и убрать в исторических исследованиях различные временные формы, выявить действительный фундамент истории» [5, с. 117]. Несмотря на различные формулировки понятия «историческая память», специалисты выражают его через взаимоотношение «прошлое-настоящее-будущее» [6, с.133-134], т.е. на самом деле оперируют категориями времени. Если исследователь первой половины XX века М. Хальбвакс ввел в оборот термин «социальные рамки», очевидна необходимость введения термина «временные рамки», как характеристику того пространства, в поле которого формируется мировоззрение субъекта исторической памяти.

Итак, субъект, обладающий восприятием Мета-истории – оперирует историческим знанием в формате «Вечности»; для представителя нации характерна «Перспектива», для человека, мировоззренчески не выходящего за пределы семьи, мерилom времени служит «Человеческая жизнь», есть человеческие субъекты оперирующие лишь исторической памятью «Одного дня» [7, с.17].

На уровне наций мы можем говорить лишь о памяти культурной, которая «покоится на таком носителе, как передаваемые и воспроизводимые культурные объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и их институций, в которых индивидуумы, будучи существами смертными, сменяют друг друга, однако передача и традиции обеспечивают долгосрочную значимость этих объективаций. Средой культурной памяти служит группа, которая определяет свою идентичность с помощью данных символов, варьируя, обновляя и оживляя их состав; опорой культурной памяти являются отдельные индивидуумы, осваивающие данные символы и творчески использующие их» [3, с. 32].

На уровне социальной памяти можно наблюдать проявление третьего типа субъекта, с центрацией на уровне истории семьи или

рода, демонстрирующего неспособность воспринять историю в более крупном формате — формате нации. Пример подобного типа субъективизма: неспособность осознать эпоху Сталина, потому что в семье были люди, пережившие историческую травму. В данном случае, вина конкретных людей экстраполируется и на личность вождей, на всю эпоху. Подобные семейные «обиды» передаются из поколения в поколение, формируя особый контент исторической памяти. Такого рода «изъяду» подвержены не только семьи, но и целые народы, чей процесс самоидентификации остановился на уровне отдельного культурно-закрытого этноса: воюя с соседями, они веками отбирают те события, в которых выступили жертвами, замалчивая о тех фактах, когда другие народы страдали от их агрессии. Такое явление в западной социологии называется «экстернализация» и предполагает отрицание собственной вины и приписывание ее другому [3, с. 57]. К возможным искажениям исторической реальности относятся также коммеморация и рекоммеморация, при которых отдельные исторические события либо особо выделяются, закрепляясь в культуре, либо предаются забвению, вытесняются из пространства исторической памяти. Таким образом, целое приносится в жертву социальной субъективности.

Следующий тип - субъект, в сознании которого цепь времен, их историческая последовательность не отражается вовсе. Эту особенность можно объяснить юным возрастом или же низким уровнем образованности (М. Хальбвакс упоминал также и психические деформации, в результате которых страдают механизмы памяти и восприятия, в результате которых историческая реальность не собирается в целое). Мировоззренческая инфантильность субъектов данного типа позволяет осуществлять любые манипуляции с их сознанием, «вписывать» в него любые представления об истории: фрагментарность имеющейся у субъекта картины мира не позволит выстроить логические ряды, а значит осознать подлинны ли эти представления или нет. Иллюстрацией здесь может служить описание, данное Дж. Оруэллом в его антиутопии «1984»: «...Через двадцать лет, <...> великий и простой вопрос: «Лучше ли жилось до революции?» — окончательно станет неразрешимым. Да и сейчас он, в сущности, неразрешим: случайные свидетели старого мира не способны сравнить одну эпоху с другой. Они помнят множество бесполезных фактов: ссору с сотрудником, потерю и поиски велосипедного насоса, выражение лица давно умершей сестры, вихрь пыли ветренным утром семьдесят лет назад; но то, что важно, — вне их кругозора. Они подобны муравью, который видит мелкое и не видит большого. А когда память и письменные свидетельства подделаны, тогда с утверждениями

партии, что она улучшила людям жизнь, надо согласиться — ведь нет и никогда уже не будет исходных данных для проверки» [8, с. 94].

И действительно, индивидуальная память подобного типа субъектов чрезвычайно «восприимчива» к внешнему вторжению, в виду отсутствия собственного целостного наполнения. Впоследствии, можно «загрузить» в это сознание иные исторические факты и трактовки, - и это тоже будет принято, - исторической памяти, как таковой, в данном случае нет. Индивидуальная память очень мобильна, поэтому именно они, будучи ведомыми по своей сути, часто выступает движущей массой радикальных исторических процессов.

Ежедневно мы можем наблюдать в нашем обществе присутствие различных уровней субъективности. Именно разность мировоззрений обеспечивает то многообразие версий исторических событий. В современном мире на уровне наций уже давно ведутся информационные войны в борьбе за тех субъектов, чья историческая память ограничена представлениями собственной семьи или же имеет вид разрозненных фрагментов. Именно поэтому уже сейчас необходимо ориентироваться на формирование той самой Мета-истории, в которой нашлось бы достойное место для всех представителей Человечества: как на национальном, так и на индивидуальном уровне. Необходимо изучать типологию мировоззрений, особенности формирования как индивидуальной, так и коллективной памяти, разрабатывать технологии защиты человеческого сообщества от негативных последствий, связанных с возможными деформациями ее пространства. От принятых сегодня решений зависит: придется ли потомкам восстанавливать историческую правду по крупницам усилиями специалистов всех наук, апеллируя к фактам, здравому смыслу, развенчивая мифы, указывая на логические ошибки; или изначально будет создаваться здоровое поле для целостного осознания собственной истории, гармоничного формирования субъекта-носителя исторической памяти, и подготовке его к восприятию Мета-истории, той истории, к которой в конечном итоге движется Человечество.

Литература:

1. Федоров, Ю.М. Сумма антропологии. Кн. 3. Антропологическая историософия // Ю.М. Федоров. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. – 712 с.
2. Бадмаев, В.Н. Ментальность и историческая память /В.Н.Бадмаев // Вестник Калмыцкого университета. 2012. – Вып.1 (13). – С.78-84.

3. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика // Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.

4. Пахалюк К. Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы / К. Пахалюк; // URL: <http://gefter.ru/archive/19924>.

5. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность// Философия и методология истории. Под ред. И.С. Кона, РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000 (переиздание 1963), с. 115-142. «Ecrits sur l'histoire».

6. Дмитриева, О.О. Историческая память и механизмы ее формирования / О.О. Дмитриева // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. – №6 (361). – С.132-137.

7. Анкудинова П.М. Человек в антропном мире: философия эволюционизма XX века /П.М. Анкудинова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2013. - № 12 (38): в 3-х ч. - Ч. I. - С. 15 – 18.

8. Оруэлл Д. 1984// Джордж Оруэлл; пер. с англ. В. Голышева. — М.: Издательство АСТ, — 2018. — 318 с.

Стипендиальные программы как ресурс «мягкой силы» образования

Антонова Н.Л.

Доктор социологических наук

Уральский федеральный университет,

Профессор кафедры прикладной социологии

E-mail: n-tata@mail.ru

***Аннотация:** В статье рассматриваются стипендиальные программы как ресурс «мягкой силы» образования, которая является механизмом, транслирующим ценности в глобальное пространство. Программы стипендий, поддерживающие международную академическую мобильность, ориентированы, с одной стороны на удовлетворение растущих запросов современных выпускников школ и студентов, а, с другой стороны, на реализацию национальных интересов принимающего сообщества. Опираясь на материалы социологического исследования (2019), объектом которого выступили студенты гуманитарных направлений и специальностей Уральского федерального университета, утверждается, что молодое поколение*

готово принять участие в конкурсах на получение стипендий, позволяющих осуществить международную академическую мобильность. Оценка эффективности «работы» стипендий может быть осуществлена на индивидуальном уровне (карьерное продвижение, статусные позиции). Для повышения эффективности «мягкой силы» образования требуется поддерживать социальные связи и отношения с выпускниками стипендиальных программ.

Ключевые слова: высшее образование, университеты, «мягкая сила», стипендиальные программы, академическая мобильность, студенты

Scholarship programs as a resource of «soft power» of education

Antonova N.L.

Doctor of Social Sciences

Ural Federal University

Professor of Department of Applied Sociology

E-mail: n-tata@mail.ru

Abstract: *The article considers scholarship programs as a resource of «soft power» of education, which is a mechanism that translates values into global space. Fellowship programs supporting international academic mobility are oriented, on the one hand, to meeting the growing demands of modern school graduates and students, and, on the other hand, to realizing the national interests of the host community. Based on the materials of a sociological study (2019), the object of which were humanitarian students and specialties of the Ural Federal University, it is argued that the younger generation is ready to take part in competitions for scholarships that allow an international academic mobility. Evaluation of the effectiveness of the «work» of scholarships can be carried out at the individual level (career advancement, status positions). To increase the effectiveness of the «soft power» of education, it is required to maintain social ties and relations with graduates of scholarship programs.*

Keywords: *higher education, universities, «soft power», scholarship programs, academic mobility, students*

Формирование и развитие глобального рынка образования актуализирует процессы утверждения позиций университетов и обостряет конкурентную борьбу между ними. Подтверждением статуса вуза является его место в мировых рейтинговых системах (Academic Ranking of World Universities (ARWU), QS World University Rankings (QS), Times Higher Education World University Rankings (THE)).

Успешность университета измеряется совокупностью показателей, среди которых особое место занимает доля иностранных студентов в общей численности студентов. Этот фактор стал катализатором разработки и внедрения различных программ и проектов, стимулирующих международную академическую мобильность, которая выступает условием становления и развития национальных образовательных систем как «мягкой силы».

Одним из создателей концепции «мягкой силы» образования является J.S. Нye. «Мягкая сила», согласно взглядам J.S. Нye, – это способность государства воздействовать на других игроков на международной арене с целью получения желаемых результатов посредством демонстрации привлекательности культуры, ценностей, политики, а не через принуждение или оплату (подкуп) [8]. Зачастую «мягкая сила» генерируется на уровне повседневных практик, в которые включены разные социальные группы и общности. Наши исследования свидетельствуют, что студенты из Китая, получающие образование в Уральском федеральном университете, планируют вернуться в родную страну, полагая, что российское образование даст им лучшие перспективы на рынке труда [1]. Кроме того, взаимодействие с принимающим сообществом является фактором копирования и воспроизводства повседневных практик российского населения (следование привычкам, характерным для россиян, соблюдение студенческих ритуалов, участие в праздниках, заимствование образцов гастрономического поведения и стандартов досуговой деятельности и т.д.) [2].

Одним из ресурсов государства, направленных на мягкое воздействие, выступают стипендиальные программы для привлечения иностранных студентов. Программы стипендий, поддерживающие международную академическую мобильность, ориентированы, с одной стороны на удовлетворение растущих запросов современных выпускников школ и студентов, а, с другой стороны, на реализацию национальных интересов принимающего государства. Принимающая страна завоевывает, таким образом, агентов-друзей в долгосрочной перспективе для публичной дипломатии и повышения репутации университетов [6]. Стипендии являются эффективным инструментом продвижения и укрепления национальных интересов государства, поскольку идет инвестирование в потенциальных лидеров, которые вернутся в страну исхода.

Наше исследование, проведенное в 2019 году, объектом которого выступили студенты-бакалавры гуманитарных направлений и специальностей Уральского федерального университета (N=300), показывают, что более половины опрошенных (56%) планируют

реализовать свои образовательные стратегии за пределами России. Каждый пятый опрошенный отметил, что готов рассмотреть участие в конкурсах на получение стипендий (*Chevening, Erasmus+, Tempus, DAAD и др.*), предлагаемых иностранными государствами для поддержания международной академической мобильности. Среди наиболее привлекательных для продолжения образования стран (помимо стран Европы и США) высокие позиции занимает Китай. Ориентация на Китай обусловлена интересом к культуре этой страны, а также декларируемыми перспективами в различных областях (бизнес, образование, наука и пр.), открывающимися в текущей внешнеполитической повестке.

Оценка эффективности стипендиальных программ как ресурса «мягкой силы» образования неоднозначна. Если индивидуальные выгоды от международной академической мобильности студентов подтверждаются их высокими социальными позициями и карьерным продвижением в родной стране, то осмысление эффекта «мягкой силы» образования проследить и осмыслить затруднительно [7]. Так, например, в своем исследовании L. Dong и D. W. Chapman утверждают, что участники стипендиальной программы Правительства Китая высоко оценили возможности развития дружеских отношений между Китаем и их родиной [4]. Вместе с этим, S. Abimbola с коллегами отмечает, что несмотря на позитивную оценку выпускником университета принимающего сообщества и качества полученного образования, важно, чтобы страна/государство поддерживало социальные связи и контакты с бывшими стипендиатами [3]. В этом случае роль «мягкой силы» становится более действенной и продуктивной. Ряд авторов полагает, что международные стипендиальные программы находятся в неопределенном академическом пространстве: между личностным развитием и образованием и публичной дипломатией [5]. В целом, мы полагаем, что сегодня существует большая потребность в понимании и количественном определении результатов «мягкой силы» образования и эффективность «работы» стипендий как его ресурса.

Литература:

1. Антонова Н.Л., Пургина Е.С., Полякова И.Г. Влияние мировых рейтингов университетов на выбор вуза студентами из стран БРИКС // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 153–161.
2. Меренков А. В., Антонова Н.Л., Дорожинская Е.С. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов в

- Уральском федеральном университете // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 185–192.
3. Abimbola S., Amazan R., Vizintin P., Howie L., Cumming R., Negin J. Australian higher education scholarships as tools for international development and diplomacy in Africa // Australian Journal of International Affairs. 2016. Vol. 70. No 2. P. 105–120.
  4. Dong L., Chapman D.W. The Chinese Government Scholarship Program: An Effective Form of Foreign Assistance? // International Review of Education. 2008. Vol. 54. No 2. P. 155–173.
  5. Kent A. Recent Trends in International Scholarships / Dassin J., Marsh R., Mawer M. (eds) International Scholarships in Higher Education. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 408 p.
  6. Kirkland J. Case Study: Balancing Change and Continuity—The Case of the Commonwealth Scholarship and Fellowship Plan / Dassin J., Marsh R., Mawer M. (eds) International Scholarships in Higher Education. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 408 p.
  7. Mawer M. Magnitudes of Impact: A Three-Level Review of Evidence from Scholarship Evaluation / Dassin J., Marsh R., Mawer M. (eds) International Scholarships in Higher Education. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. 408 p.
  8. Nye J.S. Soft power: the means to success in world politics. New York: PublicAffairs, 2004. 192 p.

**Историческая память на Балканах:
между Западом и Россией (борьба за моральное и
национальное выживание)**

Анчев С. И.

Доктор исторических наук

Великотырновский университет имени Св. Кирилла и Мефодия,

Болгария, доцент

E-mail: stivanch@yandex.ru

***Аннотация:** На Балканах историческая память православных народов играет существенную роль в современном, связанном с глобальными проблемами мире. Она лежит в основе выживания во время турецкого рабства, является частью Балканского Возрождения, создания наций, национальностей и национальных*

доктрин. Уничтожение или уменьшение исторической памяти равносильно уничтожению языка и письменности и, следовательно, родовых корней людей. На Балканах историческая память также связана с Православием, и через него связаны между собой пять балканских народов и их страны. Под благовидным предлогом присоединения к «большой европейской семье», которая является католической и протестантской, целью является постепенное разрушение балканского культурного мира и разрыв его связи с Россией.

Ключевые слова: историческая память, нация, Россия, США, ЕС.

Historical memory in the Balkans: between the West and Russia (the struggle for moral and national survival)

Anchev S. I.

*doctor of historical Sciences (candidate of historical Sciences)
Veliko Tarnovo University SV. St. Cyril and Methodius, associate
Professor
E-mail: stivanch@yandex.ru*

Abstract: *in the Balkans, the historical memory of Orthodox peoples plays a significant role in the modern world, connected with global problems. It is at the heart of survival during Turkish slavery, and is part of the Balkan Renaissance, the creation of Nations, nationalities, and national doctrines. The destruction or reduction of historical memory is equivalent to the destruction of language and writing and, consequently, the ancestral roots of people. In the Balkans, historical memory is also linked to Orthodoxy, and five Balkan peoples and their countries are linked through It. Under the plausible pretext of joining the «great European family», which is Catholic and Protestant, the goal is to gradually destroy the Balkan cultural world and break its connection with Russia.*

Keywords: *historical memory, nation, Russia, USA, EU.*

Историческая память на Балканах лежит в основе возрождения Балкан. Она является именно этим основным и определяющим элементом балканских наций, сформировавшихся в XIX веке, который лежит в основе их консолидации, памяти народа об исторической, духовной и нравственной значимости, сохраненной и перенесенной из средневековья в современность. Историческая память является основным компонентом балканских национальных доктрин. Это делает ее аргументом и стимулом для проведения национальной политики.

Во времена социализма историческая память была основой для ряда исторических исследований, празднования юбилеев далекого и недавнего прошлого. Она рассказана, развита и увековечена в ряде произведений искусства, театральных постановках, фильмах. Вообще говоря, она играет воспитательную роль, она не только повод для гордости и национальной уверенности, но и объединяющий фактор нации.

Во внешнеполитическом и историческом плане историческая память связана с признательностью и любовью болгарского народа к России, как к освободителю, и к русскому народу, как к близкому, братскому, славянскому народу.

После трагических политических и социальных изменений в конце двадцатого века не только в Болгарии, но и в соседних балканских, православных странах, историческая память осталась единственным, наиболее трудным для преодоления препятствием для западной политики. Она является этим невидимым, но глубоко укоренившимся мотивом, или родовой памятью в сознании общества, который противостоит разрушению государственности, суверенитета и национальной идентичности. Чтобы ее преодолеть в политике Запада, предполагается создание раскола в православной церкви и клевета на православие. Под лозунгом «нового прочтения истории», на самом деле, западная пропаганда вместе со всеми ее фальсификациями, категорически объявлена единственной правдой. Посылая на историческую память, связанную с Россией, Запад развязывает русофобию, подогреваемую политическими, идеологическими и даже «культурными» аргументами.

В первые годы так называемого перехода кириллический алфавит был атакован как коммунистический алфавит, а один из болгарских президентов говорил о «новом цивилизационном выборе», естественно ориентированном на западную культуру. Отрекаясь от турецкого рабства, в болгарской школе сократили уроки истории. Из литературы и учебников истории изымаются произведения патриотического характера. Предпринята попытка свести на нет значение Освободительной русско-турецкой войны 1877-1878 гг., а дату 3 марта не считают как болгарский национальный праздник восстановленной государственности.

С исследовательской точки зрения, при социологическом подходе к анализу сущности исторической памяти можно выделить три ключевых аспекта. На первом месте – система, объединяющая ценности и символы. «Она формирует отношение социально-демографических, социально-статусных, этнических и иных групп, территориальных общностей, значительной части или всего населения страны к

событиям отечественной истории, выдающимся деятелям и достижениям своего народа. Исторические представления людей играют роль ценностных ориентиров и тем самым оказывают регулирующее влияние на их общественно значимое поведение в историческом сознании» [1, с. 46]. В то же время она играет роль в формировании норм и правил поведения, так и неформального механизма социального контроля и передачи исторического опыта. В-третьих, «историческая память выражается в историческом опыте, знаниях, идеях, верованиях, переходящих от поколения к поколению. Они оказывают большое влияние на социальное мировоззрение и ментальные качества населения» [1, с. 46-47].

Нельзя забывать, что историческая память также создает негативные эмоции, такие как ксенофобия, имперская самооценка прошлого величия, территориальные претензии, воинствующий национализм. В большинстве случаев такие проявления смешны, потому что они не соответствуют реальным историческим событиям, но они всегда могут создать повод для настроений против «другого», «соседа через границу», «различного» в любом обществе. Именно такие подобные настроения лежат в основе переписывания истории с целью пересмотра сложившегося исторического статуса-кво. Аналогичным образом созданные и поддерживаемые настроения используются США и Западом (как выражение агрессивной, антиправославной, антиславянской и антироссийской политики) для продвижения своих интересов на Балканах. Наилучшим примером реализации всего этого в режиме реального времени являются события, связанные со все еще неразрешенным конфликтом на юге Сербии, где лидер США и их западные союзники создали Протекторат Республики Косово. Однако первым протекторатом является Босния и Герцеговина, государством с официальными тремя религиями и тремя национальностями. На самом деле вопрос о трех религиях является спорным, потому что, согласно опросам, боснийцы религиозно отождествляют себя с атеистами, а на национальном уровне - с мусульманами. Поэтому после Дейтонского соглашения (21 ноября 1995 г.) Вашингтон объявил, что в Европе создано мусульманское государство. В 1974 г. категория «мусульмане в национальном смысле» была официально закреплена в новых Конституциях БиГ и Югославии [2, с. 17-18]. В начале 90-х годов наступили изменения в связи с определением национальной принадлежности. Несмотря на то, что и в этом случае терминология была обусловлена многими условностями, все-таки было некоторое разграничение между национальностью и религиозностью. В 1993 г. на конгрессе в Сараево был принят наименование «бошняк». Спустя год скупщина БиГ утвердила это изменение, заменив слово «мусульманин»

на слово «бошняк». Дейтонское соглашение подписано на английском, боснийском, сербском и хорватском языках. Так был введен новый язык – боснийский. Эта смесь воинственных религий, как ислам, католицизм и православие была создана искусственно на переговорах в американском городе Дейтон. У БиГ есть «общее» правительство в Сараево, за которым присматривают международные наблюдатели. Полиция у каждого субъекта своя. Как показали 13 лет совместной жизни, три народа разной веры в этой федерации не связывает ничего, кроме паспортов, общей денежной единицы - «конвертируемой марки» и взаимной ненависти [3].

Некоторые исследователи национальной исторической памяти заговорили о «войне учебников». Данный термин был предложен Виктором Шнирельманом в его одноименной монографии «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье» (2003). В данной работе автор демонстрирует, как формировались и сталкивались этнополитические мифы на Кавказе. Как пишет Хоббсбаум, «историки играют для национализма ту же роль, что пакистанские производители мака — для курильщиков опиума» [4]. Конечно, все это зависит от точки зрения и стремления достичь определенной цели. Правда в том, что в учебниках истории каждой страны защищаются конкретные интересы в зависимости от политической ситуации. Все же это учебник, который используется как для пропаганды, так и для первичного формирования исторического знания, а не для научного исследования. А поскольку учебники написаны университетскими преподавателями и, по-видимому, учеными, в исторических исследованиях каждой страны по-разному трактуются остальные события. Опять же, в зависимости от преследуемой политической, национальной и пропагандистской цели, отдельные фрагменты свершившегося события удаляются из всего исторического процесса, приобретая, таким образом, совершенно иной смысл. Конечная цель важна для таких авторов. Они выбирают факты в соответствии с тем, что они хотят доказать. Чаще всего их не интересует определяющая политическая обстановка и они не заинтересованы во взаимозависимости свершающихся событий.

Вероятно, чтобы приблизиться к своим покровителям, великим силам, в девятнадцатом веке все балканские государства называли себя «великими». Таковы названия и цели в их национальных доктринах. Это не только прецедент для XIX века, когда начинается формирование наций. В конце XX и начале XXI века у нас есть «Великая Албания» и «Великое Косово» (речь идет о протекторате Республике Косово).

Во время войны против Третьей Югославии (Союзная Республика Югославия) электронные и печатные западные средства массовой

информации начинают создавать новую историческую память. В своей пропаганде сербы, поддерживавшие Милошевича, были не только коммунистическими, но и недемократическими, православными и поддерживаемыми Россией. Во время военных действий им вменялась несуществующая вина, такая как проведение геноцида и создание «гуманитарной катастрофы», которая фактически была результатом действий против сербского населения со стороны паравоенных мусульманских отрядов и бомбардировок НАТО. Обвинения против православия и христианства, с другой стороны, побудили тогдашнее болгарское правительство своими политическими действиями дифференцировать свой народ от его многовековой истории. При условии, что Болгария в своей официальной внешней политике заявляет, что находится в мирных отношениях со своими соседями, она присоединилась к военной кампании НАТО, предоставив для этого свою территорию и воздушное пространство. Впоследствии очередное болгарское правительство, находящееся у власти, также признало вымышленный протекторат Косово как независимое государство, лишь бы угодить своим западным покровителям США и ЕС. Что касается прав болгарских меньшинств в соседних странах, то наиболее часто и в первую очередь подчеркиваются права болгарского населения в западных окраинах (Восточная Сербия). В отношении прав болгар в Македонии, Турции, Греции, Румынии, Молдове, Украине такой деятельности нет или, по крайней мере, она незаметна.

В последние два года произошли серьезные политические изменения как в США, так и в странах-лидерах ЕС. Постепенно либеральная идея, включая либеральное государство, уступила место национальной идее и национальному государству. Общество в ряде европейских стран все больше полагается на политику национализма, направленного внутрь, чтобы сохранить нацию и не допустить ее размывания и уничтожения. Конечно, единственным способом осуществить это является историческая национальная память. В действительности, ЕС в настоящее время является политическим союзом нескольких интернационалов, а не национальных государств, хотя лидером в нем является страна с наибольшим количеством членов Европарламента и самой сильной экономикой. Эти изменения отражены в балканских странах, и в этом смысле в Болгарии тоже. За исключением крайней и вопиющей русофобии, растет зависимость от произведений, связанных с исторической памятью. Вероятно, из-за этого больше внимания уделяется песенному и литературному народному творчеству. Болгарские народные танцы популяризируются. Различные электронные СМИ вернулись к подзабытым историческим фильмам недавнего прошлого.

Таким образом, создание национальной политики на Балканах на основе исторической памяти является единственным способом выжить в современной геополитике, в которой сильные в военном и экономическом отношении страны не обращают внимание на те государства, которые меньше их. Образно говоря, они топчут их Конституции и не уважают их суверенитет.

Литература:

1.Бойков В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. № 5. С. 46.

2.Мартынова М. Боснийцы, бошняки, мусульмане: коллизии идентичностей // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность. - М., 2014. С.17-18.

3.Стешин Д. Кризис разбудит войну на Балканах? // <https://www.kp.ru/daily/24194.5/401092>.

4.Колосков Е. Балканские войны учебников // <https://balkanist.ru/balkanskie-vojniy-uchebnikov>.

Роль патриотического воспитания в формировании национально-государственной идентичности молодежи

Асеев С.Ю.

*Кандидат исторических наук,
Алтайский государственный университет,
доцент кафедры политологии,
E-mail: suass@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00346А «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Аннотация: Цель статьи – определить роль патриотического воспитания в процессе формирования национально-государственной идентичности молодежи. Автор анализирует основные направления патриотического воспитания, их взаимосвязь, проблемы и эффективность реализации в современных условиях. Выделены особенности политических ценностей российской молодежи и значение патриотизма в преодолении конфликта поколений и

сплочении общества. В заключении автором отмечается необходимость системного подхода при формировании и реализации государственной молодежной политики, закрепления нормативно-правовых основ патриотического воспитания, формирующего основы общенациональных ценностей, образов и символов, лежащих в основе национально-государственной идентичности.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, молодежь, национально-государственная идентичность, ценности, политическая социализация.

Role of patriotic education in the formation of national-state identity of youth

Aseev S. Y.

Candidate of historical sciences, associate professor of Department of political science, Altai State University (Russian Federation, Barnaul)

E-mail: suass@mail.ru

Abstract: *The purpose of the article is to determine the role of patriotic education in the process of forming the national-state identity of youth. The author analyzes the main directions of patriotic education, their relationship, as well as the problems and effectiveness of their implementation in the modern world. The features of political values of the Russian youth and the importance of patriotism in the processes of overcoming the generation gap and uniting the society are determined. In conclusion, the author notes the need for a systematic approach to the formation and implementation of the state youth policy, as well as consolidating the legal basis of patriotic education, forming the basis of national values, images and symbols that form the national-state identity.*

Keywords: *patriotic education, youth, national-state identity, values, political socialization.*

Российское общество заинтересовано в привлечении молодежи к решению общенациональных проблем, ее активном и ответственном участии в достижении социально значимых целей, однако именно во взаимодействии власти с молодежной средой чаще всего наблюдаются кризисы проникновения и участия. Многие политики и чиновники не понимают специфику сознания современной молодежи, ее интересов, целей и особенностей коммуникаций. Как следствие, власть не может донести до молодых людей содержание своих программ и проектов, сформировать то сочетание образов, ценностей и символов, которое

обеспечивает национально-государственную идентичность, а значит не получает и поддержку своей политики в молодежной среде.

Выросшая в новых реалиях молодежь становится носителем своей системы политических ценностей, что усиливает кризис доверия между различными социальными группами в российском обществе. В соответствии с новой реальностью и преобладающим информационным фоном молодые люди уже усвоили ценности постматериализма, в структуре которых на первый план выходят индивидуализм и стремление к самореализации. Как показали социологические опросы молодежи, в систему приоритетных для нее ценностей вошли справедливость, права человека, свобода, и порядок. Фокус-групповые исследования позволили уточнить, что справедливость в молодежной среде понимается как равенство при реализации прав независимо от статусов и связей, свобода оценивается как свобода слова и действий, а порядок предусматривает наличие режима соблюдения прав других людей. Формируемый на основе данных ценностей индивидуалист не привязан в своем сознании к месту проживания, а государственная политика рассматривается им как средство обеспечения его прав и качества жизни.

Для преодоления негативных тенденций социальной разобщенности государство стремится закрепить в обществе приоритет национально-государственной идентичности, которая формируется через политическую социализацию путем усвоения образов, ценностей и символов, во многом определяемых патриотическим воспитанием. В «Основах государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года» прямо сформулировано положение о важности выработки в молодежной среде приоритета национально-государственной идентичности и воспитания чувства гордости за Отечество. Идентичность лежит в основе духовно-нравственной и эмоциональной составляющей поведения любого человека. Не является исключением и политическая сфера общества, где национально-государственная идентичность составляет одну из основ государства. По мнению В.В. Титова, национально-государственная идентичность «может быть определена как устойчивая взаимосвязь человека с национальной общностью, репрезентацией которой выступает образ «Мы» как воображаемого сообщества, поддерживаемая посредством института государства и политико-культурной традиции государственности» [1, с. 97].

В основе национально-государственной идентичности не только культурно-исторические символы, образы прошлого, но и коллективный образ будущего, создаваемый на основе общих ценностей. Его фактическое отсутствие в современной России не

позволяет процессу формирования российской нации выйти из рамок концептуального обсуждения и получить свое практическое воплощение. В этой ситуации при необходимости общегражданской консолидации перед возникающими вызовами именно патриотизм может выступить связующей основой социального взаимодействия и сплочения общества в отмеченных условиях его трансформации и ценностного конфликта поколений. Во многих своих вариантах (идеологический, религиозный, национальный, персонифицированный и др.) патриотизм призывает к иррациональному послушанию и подчинению догмам, что не соответствует мировоззрению подавляющего большинства современной молодежи, готовой поддерживать цели и действия элиты только через рациональное обоснование их пользы для себя и общества в целом.

Как и в случае с национально-государственной идентичностью патриотизму присуще многообразие его дефиниций, но все они отмечают, что это, прежде всего, чувство, а не знание или навык. В проекте ФЗ «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» патриотизм понимается как нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к России, своему народу, осознание неразрывности с ними, стремление и готовность своими действиями служить их интересам, подчинить им свои частные интересы, проявлять верность долгу в защите Отечества [2]. Здесь объединяются все три ключевых компонента патриотизма – наличие уважения и приверженности своей стране как месту рождения и проживания, связь с предками и соотечественниками, а также готовность разделить ответственность за общее будущее. В данном проекте выделены и три взаимосвязанных направления патриотического воспитания: духовно-нравственное, гражданско-патриотическое и военно-патриотическое, которые в своей совокупности и формируют основы национально-государственной идентичности. Последовательно реализуемые с 2001 года государственные программы по патриотическому воспитанию граждан РФ в своем содержании не имеют столь системного видения вопроса и явный приоритет отдают военно-патриотическому направлению. Сложившаяся ситуация не способствует эффективному достижению закрепленной в «Основах государственной молодежной политики РФ до 2025 года» задачи по «воспитанию патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей

семьи». На сегодняшний день в РФ все еще не приняты законы о государственной молодежной политике и патриотическом воспитании, их отсутствие приводит к низкой эффективности межведомственного взаимодействия в данной сфере, а сама молодежь при опросах критически оценивает содержание и результаты реализуемых программ и проектов, все больше отмечает свою дистанцированность от социально-политической сферы. В начале 2018 года Секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев отметил, что госпрограмма по патриотическому воспитанию молодежи на 2016–2020 годы ориентирована на количество мероприятий, а не на их качество: «деятельность многих военно-патриотических объединений и клубов не имеет единой стратегии, характеризуется ограниченными возможностями, незначительным масштабом охвата молодежи, а также слабыми перспективами развития» [3].

Без признания ведущей роли духовно-нравственного и гражданско-патриотического направления патриотического воспитания молодежи невозможно создать эффективную модель ее политической социализации, закрепляющей в молодежной среде ценности общества, его идеалы и ориентиры развития, сформировать основы общероссийского национального самосознания. У молодых людей с накоплением собственного опыта и трансформацией уровня воздействия различных агентов социализации, еще возможна существенная трансформация их самоидентификации и жизненных приоритетов. При этом действительность не всегда демонстрирует молодежи правильные примеры и образцы поведения – успешность и известность отдельных представителей бизнеса и власти зачастую основаны на их девиантном поведении по отношению к обществу и его нормам. Призывая молодежь к соблюдению духовно-нравственных ценностей и гражданской ответственности на основе героических символов и образов других этапов исторического развития российского общества, сами они не могут служить примером их воплощения. Государству же для успешной реализации своей установки на выработку в молодежной среде приоритета национально-государственной идентичности необходимо как можно скорее решить задачу по формированию универсальных ценностных ориентиров, тех самых «скреп» национальной общности, и на практике создать условия их реализации и соблюдения, а не формального декларирования.

Литература:

1. Титов В.В. Национально-государственная идентичность: проблема интерпретации понятия в политической науке. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. №2. С. 92–102.

2. Проект Федерального закона N315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=165753#03360746853514025> (дата обращения: 10.01.2020).

3. Патрушев раскритиковал программу по патриотическому воспитанию молодежи – URL: <https://iz.ru/711182/2018-02-20/patrushev-raskritikoval-programmu-po-patrioticheskomu-vospitaniiu-molodezhi> (дата обращения: 11.01.2020).

Роль государственной молодежной политики в формировании политического сознания молодежи (на примере регионов Юго-Западной Сибири)

Асеева Т.А.

*Кандидат политических наук,
Алтайский государственный университет,
доцент кафедры политологии
E-mail: tatulyasolar@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-01184 «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

Аннотация: Цель статьи – обозначить роль государственной молодежной политики в формировании политического сознания современной молодежи. На основе эмпирических данных автор анализирует тенденции политического сознания молодежи в регионах Юго-Западной Сибири; уровень знания молодых россиян о проектах, реализуемых в рамках государственной молодежной политики. Автор отмечает, что отсутствие или запоздалый характер информирования молодых людей о реализуемых программах, имитационный характер ряда проектов приводят к формированию в сознании молодежи представления о нецелесообразности конвенциональных форм политической коммуникации. Анализируется оценка молодежью государственной молодежной политики регионального и федерального уровней. В заключении отмечено отсутствие последовательного информационного сопровождения реализуемых программ; несовпадение форм подачи и содержание информации с информационными приоритетами молодых людей.

Решению данных проблем должно способствовать формирование системной государственной молодежной политики и ее позиционирование через тематические каналы массовой информации и коммуникации на основе электронных СМИ.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежь, политическое сознание, политическая социализация.

The role of state youth policy in shaping the political consciousness of youth (on the example of the regions of South-West Siberia)

Aseeva T.A.

Candidate of political sciences, associate professor of Department of political science, Altai State University (Russian Federation, Barnaul)

E-mail: tatulyasolar@mail.ru

Abstract: *The purpose of the article is to outline the role of state youth policy in shaping the political consciousness of modern youth. Based on empirical data, the author analyzes the trends of political consciousness of youth in the regions of South-West Siberia; the level of knowledge of young Russians about projects implemented as part of the state youth policy. The author notes that the absence or delayed nature of informing young people about ongoing programs, the imitative nature of a number of projects lead to the formation in youth consciousness of the inexpediency of conventional forms of political communication. It analyzes the assessment by young people of state youth policy at the regional and federal levels. In conclusion, the lack of consistent information support for ongoing programs was noted; the mismatch of the forms of presentation and the content of information with the information priorities of young people. The formation of a systematic state youth policy and its positioning through thematic channels of mass media and communication based on electronic mass media should contribute to the solution of these problems.*

Key words: *youth policy, youth, political consciousness, political socialization.*

Ключевым моментом в формировании политического сознания молодого поколения является целенаправленная политическая социализация осуществляемая, прежде всего, государством в его молодежной политике. Наиболее эффективной политическая социализация становится в том случае, когда вместе с усвоением знаний, приобретаются и навыки политического участия и коммуникации. В связи с особенностями современной цифровой эпохи

и трансформацией информационного поля молодежи перед агентами ее политической социализации возникает необходимость в трансформации способов и каналов воздействия. Таким образом, актуальным представляется анализ того, насколько современные формы реализации государственной молодежной политики способны отвечать вызовам времени, соответствовать запросам молодежи и выдерживать конкуренцию с альтернативными акторами политической социализации.

Рассматривая проблемы государственной молодежной политики Н.С. Лупачева особо выделяет отсутствие системности, фундаментальной научной обоснованности согласованности с другими сферами государственной политики [1]. В свою очередь, П.А. Меркулов, Е.Н. Малик, Е.С. Бакалдина и А.Л. Елисеев обозначают потребность в консолидации механизмов реализации государственной молодежной политики, так как именно она способна обеспечить активизацию молодежи [2]. О.А. Коряковцева, осмысливая концептуальные основы развития общественно-политической активности молодежи, отмечает, что реализация данного направления должна опираться на результаты научных исследований и учитывать специфику молодежной среды регионов [3, с. 161].

Особенности молодежной среды заявленных в теме регионов исследовались на основе эмпирических данных, полученных в ходе проведения массовых опросов молодежи, проживающей в Алтайском крае (АК) и Новосибирской области (НО). Следует констатировать, что Интернет-пространство для молодых людей становится доминирующим в процессе получения информации, в том числе политической. Так 68,1% опрошенных в Алтайском крае и 76% в Новосибирской области указывают в качестве источника политической информации социальные сети и мессенджеры. Информационные Интернет-ресурсы, новостные ленты в сети Интернет называют 58,2 % респондентов Алтайского края и 66,9 % Новосибирской области. 42,9 % опрошенных в Алтайском крае и 49,4 % в Новосибирской области получают информацию в процессе общения с друзьями и знакомыми, при этом они отмечают, что это общение также чаще всего происходит именно в сети Интернет. Более того, при формировании предпочтений в потребляемом политическом контенте именно одобрение (репост) друзей/знакомых является критерием топовости информации.

Центральное телевидение находится у молодежи на четвертом месте в рейтинге предпочтений в качестве источника информации о политике. Так, в Алтайском крае данный канал указывают 39,6%, а в Новосибирской области 43% респондентов. На пятом месте значимости у молодых людей находятся родственники: 31,9% в Алтайском крае и

39,1% в Новосибирской области указывают на это. Здесь так же следует обратить внимание на комментарии респондентов, отметивших, что зачастую в процессе общения с родственниками они предпочитают не включаться в дискуссию по политическим вопросам и не высказывать свою точку зрения, хотя нередко она отличается от позиции взрослых.

Более низкий рейтинг в качестве источника политической информации имеет местное телевидение – 24,2% в Алтайском крае и 25,9% – Новосибирской области; и незначительные показатели получили центральные (2,2 – АК; 5,9% – НО) и местные газеты (3,3% – АК; 11,2% – НО), за преимущество последних.

Достаточно длительное время наблюдалось падение интереса молодежи к политике. В настоящий период опросы показывают обратную тенденцию. Так, по результатам опроса 2018 г. очень интересуются политикой 12% опрошенных в Новосибирской области, 13,5% в Алтайском крае. Скорее интересуются 45% (НО) и 38% (АК); скорее не интересуются 28,4% – Новосибирская области, 27% – Алтайский край. Не интересуются/затрудняются ответить – 9,2%/4,8% (НО), 12,9%/8% (АК). Вместе с тем на фоне интереса к политике наблюдается не высокая конвенциональная активность молодежи.

В основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. определяется, что формирование граждански активной, социально ответственной личности, способной к инновационным формам коммуникации является ключевой целью ее реализации. Следовательно, молодежь должна выступать в качестве активного субъекта общественно-политических отношений. Обращаясь к результатам проведенного массового опроса следует отметить, что при отстаивании своих интересов молодые россияне готовы обращаться в органы власти – 59,3% (АК), 59% (НО); участвовать в выборах – 37,3% (АК), 37,8% (НО); обращаться в общественные организации – 26, 5 (АК), 29% (НО); обращаться в общественные организации – 26,4% (АК), 29% (НО); участвовать в забастовках и митингах – 23% (АК), 27,4% (НО); обсуждать проблемы в социальных сетях – 23,1% (АК), 26,7% (НО); участвовать в работе общественных организаций – 15,3% (АК), 24,7% (НО); участвовать в работе политических партий – 11% (АК), 14,7% (НО); участие в несанкционированных акциях протеста – 11% (АК), 12,3% (НО); использование личных связей и вознаграждения – 13,2% (АК), 21,2% (НО).

Данные результаты позволяют говорить о наличии патерналистской тенденции в сознании молодежи, демонстрирующей готовность делегировать свои права по решению общественных вопросов. Однако возникает закономерный вопрос о том,

действительно ли мы наблюдаем патерналистскую тенденцию при условии повышения интереса молодежи к политической сфере и наличия молодежных программ, обеспечивающих возможности ее политического участия. В ходе проведения фокус-групповых исследований выяснилось, что кажущийся патернализм всего лишь результат отсутствия прямых и обратных коммуникаций молодежи с другими политическими субъектами. Часто молодежь не обладает информацией о возможностях реализации своих интересов. Знания об этом должны транслироваться и закрепляться в ходе реализации проектов государственной молодежной политики. Но, с одной стороны, большинство респондентов отмечает имитационный характер реализуемых проектов, с другой – запаздывающий характер информирования о них. («Часто о мероприятиях узнаем, когда уже поздно подавать заявки»). Все это способствует смещению политической активности молодежи в наименее благоприятные для общества формы.

На неэффективность форм работы с молодежью указывают ответы на вопрос «Назовите известные Вам направления государственной молодежной политики». 84,6% опрошенных в Алтайском крае и 83,2% Новосибирской области затруднились ответить. Остальные же ответы в весе от 1,1% до 4,7% распределились между упоминаниями о спортивных клубах, программе по поддержке молодой семьи, волонтерских организациях, студенческих отрядах и др. В ходе поведения фокус-групп так же отмечено отсутствие четкого информирования о реализуемых проектах. Респонденты часто отвечали: «Да, что-то проводят, но точно не могу назвать».

На фоне обозначаемых респондентами проблем показательна и оценка ими государственной молодежной политики. Так в Алтайском крае были получено следующее распределение оценок: эффективно – 2,2%; скорее эффективна – 19,7%; скорее не эффективна – 28,6%; не эффективна – 14,3%; 35,6% – затруднились ответить. Более высокий уровень социально-экономического развития и ресурсного обеспечения молодежных проектов Новосибирской области обуславливает более позитивную оценку респондентами. 9,6% - считают ее эффективной; 33,8% - скорее эффективной; 22,3% - скорее не эффективной; 12,3% заявили о неэффективности и лишь 12,3% затруднились ответить. Следует особо подчеркнуть, что молодежь не различает региональный и федеральный уровни молодежной политики, сводя их к единой оценке.

А.А. Малькевич справедливо отмечает, что в настоящее время в России нет системной государственной молодежной и информационной политики [4, с. 102]. Мы в свою очередь также

наблюдаем отсутствие последовательного информационного сопровождения большинства реализуемых программ. Формы подачи и содержание информации все еще во многом не совпадают с информационными приоритетами молодых людей. Решению данных проблем должно способствовать формирование системной государственной молодежной политики и ее позиционирование через тематические каналы массовой информации и коммуникации на основе электронных СМИ.

Литература:

1. Лупачева Н.С. Основные проблемы государственной молодежной политики в России и пути их разрешения. / Государственное управление. Электронный вестник. 2018. Вып. № 67. С. 282–291.
2. Меркулов П.А., Малик Е.Н., Бакалдина Е.С., Елисеев А.Л. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики. // Власть. 2015. № 10. С. 27–32.
3. Коряковцева О.А. Концептуальные основы развития общественно-политической активности молодежи в постсоветской России. // Научные ведомости. Серия История. Политология. 2016. № 8 (229). Вып. 38. С. 156–162.
4. Малькевич А.А. Информационная политика России и проблемы политической социализации молодежи // Вестник Омского университета. 2015. №3(7). С. 97–102.

Иррациональное начало в эскалации этнополитических конфликтов

Ачкасов В.А.

Доктор политических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет политологии, профессор, заведующий кафедрой
этнополитологии*

E-mail: Val-achkasov@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-34020, «Российская дилемма: империя или нация-государство?».

Аннотация: Автор статьи стремится продемонстрировать, что часто эскалация этнополитического конфликта имеет иррациональную и эмоциональную основу, которая кроется в культурных стереотипах, неудовлетворенных (мнимых и реальных) интересах, исторических обидах, мифологизированных представлениях сторон друг о друге и т.п. В свою очередь, неприятия в условиях острого конфликта любого иногомыслия сторонами конфликта обуславливают дуалистический взгляд на мир, который оказывается разделенным на абсолютное благо и абсолютное зло, что провоцирует еще более жесткое противостояние носителей «высшей правды» и тех, кто препятствует ее осуществлению. Именно вследствие этой чрезмерной эмоциональной составляющей актуализированной этнической идентичности, этнополитические конфликты отличаются высокой степенью иррациональности, выражающейся в огромном потенциале агрессивности, ненависти и враждебности, далеко выходящих за рамки рационального осознания интересов сторон конфликта и выбора стратегии взаимодействия и поиска компромисса.

Ключевые слова: этнополитический конфликт, этническая и национальная идентичность, национализм, иррационализм, эскалация.

Irrational of the escalation of ethno-political conflicts

Achkasov V.A.

Doctor of Political Science

Saint-Petersburg State University, Professor of Political Science

E-mail: Val-achkasov@yandex.ru

Abstract: *The author of the article seeks to demonstrate that often the escalation of ethno-political conflict has an irrational and emotional basis, which lies in cultural stereotypes, unsatisfied (imaginary and real) interests, historical grievances, mythologized representations of the parties about each other, etc. In turn, the rejection of the serious conflict of any dissent by the parties leads to a dualistic view of the world, which is divided into absolute good and absolute evil, which causes even more rigid opposition media «higher truth» and those who oppose its implementation. Precisely because of this excessive emotional component of the actualized ethnic identity, ethno-political conflicts are characterized by a high degree of irrationality, expressed in a huge potential of aggression, hatred and hostility, far beyond the rational awareness of the interests of the participants in the conflict and the choice of interaction strategy.*

Key words: ethno-political conflict, ethnic and national identity, nationalism, irrationalism, escalation.

В структуре социальной идентичности, как правило, выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознания себя как ее члена на основе определенных характеристик, знания о «значимых других») и аффективный (эмоциональная оценка качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства, оценка «значимых других»). Поэтому природа психологических уз, объединяющих этническую общность или нацию и выделяющих их, среди других общностей, сложна, спорна и, как подчеркивал еще *З.Фрейд*, во многом не рациональна, а эмоциональна и даже подсознательна. Не случайно *М.Вебер* называл нацию «сообществом чувств», стремящимся к воплощению в политической форме. В силу этого, этническая и национальная идентичности могут быть названы эмоционально-чувственными категориями. Они нами переживаются, причем это переживание может быть совершенно иррациональным. Не случайно говорят именно о чувстве патриотизма, чувстве национального достоинства или национального унижения. Конечно же, тот же патриотизм зачастую «конструируется» государством, посредством системы социализации/патриотического воспитания, однако это «конструкция чувства», а не чисто рационального отношения к своему отечеству и народу. Поэтому, на индивидуально-личностном уровне – этничность, как и национальная принадлежность, это особые формы чувственной/эмоциональной самоидентификации. Не случайно, *Э.Смит* пишет о двойственной природе национализма, способного выступать как в форме идеологии, так и форме ощущения (эмоции). Согласно Смиту, национализм-ощущение существует на донациональном уровне в качестве эмоций, связанных с групповой идентичностью этнокультурной группы, в то время как феномен национализма как идеологии возникает уже в Новое время (XVII – XVIII вв.) и прямым образом связан с процессом формирования в Европе и Северной Америке первых национальных государств [1, с. 254].

Как справедливо отмечает *Г.У.Солдатова*, «достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида» [2, с. 62]. Поэтому особенно значимой является проблема восприятия тех угроз (реальных и мнимых), которые

существенны для сохранения самобытности и самосохранения этнической группы. Согласно *Д.Горовицу*: «Этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряженности, которая может быть реактивирована, особенно если группами осознается угроза собственным интересам, что приводит к интенсификации этнической нетерпимости, конкуренции и, в конечном счете, к насильственному этническому конфликту» [3, р. 127]. Действительно, очень часто в основе эскалации этнополитического конфликта лежит некое иррациональное эмоциональное начало, кроющееся в культурных стереотипах, неудовлетворенных (мнимых и реальных) интересах, исторических обидах, мифологизированных представлениях сторон друг о друге и т.п. По мере перерастания конфликта в вооруженную форму и его углубления, месть за погибших также становится важным мотивом для участия в конфликте. При этом причинное зло систематически преувеличивается пострадавшими и преуменьшается обидчиками, в силу чего возмездие, выглядящее обоснованным в глазах ранее пострадавших, воспринимается их жертвами как новое зло. В результате, спираль насилия раскручивается.

В свою очередь, неприятия в условиях острого конфликта любого инакомыслия обуславливает дуалистический взгляд на мир, который оказывается разделенным на абсолютное благо и абсолютное зло, что провоцирует еще более жесткое противостояние носителей «высшей правды» и тех, кто препятствует ее осуществлению. Как следствие «другой человек является либо кровным родственником, либо недругом, особенно когда посреднические звенья в виде институтов гражданского общества отсутствуют» [3, р. 62-63]. Именно вследствие этой чрезмерной эмоциональной составляющей актуализированной этнической идентичности, этнополитические конфликты отличаются высокой степенью иррациональности, выражающейся в огромном потенциале агрессивности, ненависти и враждебности, далеко выходящих за рамки рационального осознания интересов сторон конфликта и выбора стратегии взаимодействия и поиска компромисса. Исследования когнитивных психологов показывают, что острое переживание эмоций способствует сужению спектра категорий, используемых для описания социального опыта; в крайних случаях все сводится к двум категориям – «с нами» либо «против нас» [4, с. 100].

Специфической характеристикой динамики этнополитического конфликта, связанной с его иррациональностью, является большой потенциал эскалации конфликта и, как правило, быстрая его эскалация. Поэтому, как утверждает американский исследователь *Моника Даффи Тофт*, возможность «перерастания этнического конфликта в вооруженное противостояние с центральной властью в два раза выше,

чем подобная вероятность для иных типов внутренних конфликтов. А шансы, что внутренний вооруженный конфликт перерастет в обычную, то есть межгосударственную войну, в четыре раза выше для этнических конфликтов» [5].

По мнению ряда исследователей, «этнические конфликты приобретают особую остроту, если их объекты имеют территориальный характер или территориальное происхождение (владение территорией, землей, богатством ее недр; территориальное устройство государства)» [6, с. 44]. В этой ситуации «относительно поверхностная или слабая лояльность к нации, быстро может стать мощной силой, соединившись с убеждением, что своей собственной нации отказывают в ее правах» [7, с. 200]. В результате каждая из сторон конфликта готова на самые решительные действия, чтобы разрешить спорный территориальный вопрос в свою пользу. Особенно велика опасность перерастания межэтнического конфликта в насильственную фазу, когда обе стороны конфликта борются за контроль над спорной территорией, которую расценивают как «исконную территорию», «родину» своей этнической группы. В такой ситуации сама постановка вопроса о территориальных уступках как форме достижения компромисса сторонами конфликта воспринимается как «святоотавство». «Непримиримое нарративное противоречие двух национализмов, одновременно претендующих и на «свою» землю, и на статус «коренного народа» и на «большинство», делает весьма трудным политическое взаимодействие», - отмечают исследователи этнополитического киргизо-узбекского конфликта в Оше (июнь, 2010 г.) [8, с.33]. Это же можно сказать о многих постсоветских и постюгославских этнополитических конфликтах. Коренное население проявляет также наибольшую устойчивость к аккультурации и ассимиляции, поскольку понятие родины тесно связано с эмоционально окрашенным мифом о родовых примордиальных связях людей.

Как результат - полное доминирование деструктивного потенциала этнополитического конфликта над его конструктивной составляющей, поскольку стороны конфликта, как правило, существуют в разных системах «ценностных координат». Действительно, «...ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности..., готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается и осознается участниками конфликтов. Эскалация напряженности происходит в том случае, когда этническая группа

склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «чужих» групп» [9, с. 147].

Огромную роль в эскалации этнических конфликтов, трансформации их в этнополитические играет деятельность «этнических предпринимателей». Применительно к их деятельности можно вести речь об «идеологическом производстве конфликтов» (*В.С.Малахов*), т.е. об осознанной индоктринации рядовых участников конфликтов для укрепления этнической солидарности и/или вооруженной борьбы во имя достижения «национального освобождения». Однако для того, чтобы этнические предприниматели могли манипулировать массами, одного их желания недостаточно, важно «затронуть ту струну в умах и сердцах людей, которая может отзываться» (*Л.М.Дробижева*). Известный американский антрополог *Дэвид Кертцер*, утверждает, что люди не конструируют свои фундаментальные политические представления, критически анализируя соперничающие политические идеи. Скорее они воспринимают эти идеи извне, у общества, в котором живут, и эти идеи в значительной степени контролируются теми, кто осуществляет политическую и идейную гегемонию. Тем не менее, убеждения меняются. Впрочем, роль убеждения часто преувеличивают: поведение людей нередко объясняется эмоциональной реакцией на события и контекстом, а не стремлением следовать убеждениям [4, р. 148]. В то же время, было бы ошибкой воспринимать адресатов элитного нарратива только в качестве пассивных потребителей идей. Процессы кодирования и декодирования смыслов и символов не всегда совпадают, поэтому могут появляться альтернативные версии интерпретации транслируемого элитами нарратива.

Литература:

1. Смит Э. Национализм и истории // Нации и национализм / Б.Андерсон, О.Бауэр, М.Хрох и др. Пер. с англ. и нем. Л.Е.Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. - М.: Праксис, 2002. С. 236-263.
2. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. - 389 с.
3. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press. 1985. - 720 p.
4. Kertzer D.I. Ritual, politics, and power. New Haven, etc.: Yale univ. press, 1988. - Pp.ix, 235.
5. Toft M.D. The Geography of Ethnic Violence. Princeton: Princeton University Press, 2003. - Pp. xii, 226.

6. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 43-50.

7. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. Пер. с англ. К. Бандуровского; под науч.ред. М. Дондуковского. - Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. - 516, [1] с.

8. Абашин С.Н., Савин И.С. Ош, 2010: конфликтующая этничность // Этничность и религия в современных конфликтах / Отв. ред. В.А.Тишков, В.А.Шнирельман. М.: Наука, 2012. С. 23-56.

9. Попов М.Е. Современные теории конфликта этнических идентичностей // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 11. 2015. № 1. С. 143-150.

Медиатизация как фактор политической мобилизации

Ачкасова В.А.

Доктор политических наук

Санкт-Петербургский государственный университет,

профессор

E-mail: v.achkasova@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00371 А «Медиатизация локальных инцидентов как механизм мобилизации политического протеста в информационно-сетевом обществе».

Аннотация: Медиатизация, представляя собой в последнее время один из актуальных предметов коммуникативистики, рассматривается как форма новой социализации общества, благодаря воздействию массмедиа на все сферы жизнедеятельности социума. Особое внимание современными исследователями уделяется феномену медиатизации политики - процессу, в результате которого политическая система испытывает влияние медиа и адаптируется к требованиям, предъявляемым средствами массовой информации к освещению политических событий. В трактовке медиатизации политики сложились две точки зрения: согласно первой, происходит усиление влияния массмедиа на политику, в результате чего политические функции управления обществом закрепляются за массмедиа. Согласно второй точке зрения, СМИ оказывают влияние лишь на отдельные политические институты и процессы, не трансформируя систему власти в целом. Тем самым массмедиа становятся дополнительным информационным ресурсом

государственной власти, лишь корректируя ее структуру под реалии нового сетевого общества. При всем различии этих точек зрения их объединяет следующее положение: медиатизация становится неотъемлемым фактором мобилизации, поскольку использование массмедиа (в первую очередь, сетевых) является обязательным условием мобилизационных процессов.

Ключевые слова: медиатизация, политическая коммуникативистика, мобилизация, массмедиа, коммуникативные технологии, политический конфликт

Mediatization as a factor of political mobilization

Achkasova V.A.

Doctor of Political Science

Saint Petersburg State University, Professor

E-mail: v.achkasova@gmail.com

Abstract: *Mediatization, which has recently become one of the most important subjects of communication studies, is considered as a form of new socialization of society, due to the Mass Media influence on all spheres of society life. Modern researchers put emphasis on the phenomenon of politics mediatization which is understood as a process when a political system is influenced by media and adapts to the requirements of the political events media coverage. There are two points of view on politics mediatization. According to the first one, we observe mass media influence strengthening on politics what results in the political functions of society governance assignment to the mass media. As per the second point of view, mass media influence only particular political institutions and processes without transforming system of power in general. Thus, the mass media become an additional information resource of the state power, only adjusting its structure to the new network society realities. Despite of all the differences in these points of view, they are united by the following statement: mediatization is becoming an integral factor of mobilization since the use of mass media (primarily network media) is a prerequisite for mobilization processes.*

Keywords: *mediatization, political communication studies, mobilization, mass media, communication technologies, political conflict*

Медиатизация становится неотъемлемой частью и стимулом развертывания различных по своей направленности политических процессов. Между тем содержание этого феномена продолжает

оставаться не до конца проясненным, что объясняется несколькими причинами.

Значительную роль в эволюции трактовки этого термина сыграл исторический фактор: термин «медиатизация» появился в начале XIX в. в связи с созданием Германского союза – объединения независимых германских государств и вольных городов, в ходе которого происходило поглощение более крупными государствами и княжествами мелких государственных образований. Этот процесс сопровождался утратой правителем такого образования непосредственной подчинённости верховной власти: медиатизированные государи оказывались подчинёнными власти императора не непосредственно, как прежде, а через посредничество правителя более крупного государства, сохраняя при этом юридическое с ним равноправие. В итоге посреднический статус и соответствующие ему функции («медиация») стали синонимом термина «медиатизация».

Позднее, с приобретением средствами массовой информации роли мощного ресурса влияния, медиатизация реальности стала пониматься как процесс воздействия массмедиа на общество и его институты, трансформирующий их содержание и ориентиры развития. В результате в сфере коммуникативных исследований сложилось автономное направление, в рамках которого стали формироваться теоретико-методологические основания изучения феномена медиатизации, конструирующие особую концептосферу, в которой раскрываются различные аспекты и точки соприкосновения процесса медиатизации с разными предметно-дискурсивными полями. В рамках методологических оснований доминантами стали два основных подхода к трактовке содержания понятия, предложенные А. Хеппом: институциональный и социально-конструктивистский [1]. Согласно институциональному подходу (Дж. Маццолени, С. Хьярвард, В. Шульц), медиатизация – это процесс, в котором социальные институты (несвязанные с массмедиа) должны укладываться в логику развития средств массовой информации. Представители социально-конструктивистского подхода (Н. Коулдри, Ф. Кротц, А. Хепп) рассматривают медиатизацию как новую форму социализации общества путем распространения инфо-коммуникационных технологий, влияющих на всю систему общественных отношений.

Важнейшими итогами уже начального этапа исследования этого феномена стали следующие положения [2, р. 87–101]:

- акцент на принципиальном отличии содержания медиатизации от привычной медиации, поскольку последнее предполагает нейтральное взаимодействие с акторами, коллективами или институтами [3, р. 254];

- подчеркивание процессного характера медиатизации, который обеспечивает устранение преград и ограничений между субъектами коммуникации;

- фиксация конвергенции массмедийных процессов с разнообразными «немедийными» процессами.

Едва ли не главным достижением изучения процесса медиатизации и его последствий стало пристальное внимание исследователей к эффектам медиатизации политики, который оформился в концепт политической коммуникативистики. Одним из создателей этого концепта стал шведский исследователь медиа К. Асп. Именно ему принадлежит определение медиатизации политики как процесса, в результате которого политическая система испытывает влияние медиа и адаптируется к требованиям, предъявляемым средствами массовой информации к освещению политических событий [4, p. 106]. Эта адаптация объясняется, в частности, тем, что политические акторы заинтересованы в представлении своих программ и целей в медиапространстве, т.к. именно массмедиа являются ныне наиболее эффективными инструментами и каналами продвижения и закрепления в массовом сознании политических идей.

Примечательно, что в отечественной коммуникативистике концепт «медиатизация политики» обозначился только на рубеже веков, благодаря, как утверждают российские аналитики, работам И.Засурского. Именно в исследовании «Масс-медиа Второй республики» автор определяет медиатизацию политики как процесс, отражающий переход политических событий в символическое медиапространство [5, с. 29]. С тех пор изучение медиатизации в сфере политических отношений приобрело весьма продуктивный характер, и сегодня можно уже говорить о существовании российской научной школы, исследующей различные аспекты и результаты этого процесса [6]. В частности, подверглось существенной корректировке сама сущность понятия, которое рассматривается как процесс «интеграции, взаимопроникновения медийного и политического пространств». При этом обращается внимание на сложившиеся под воздействием активного внедрения ИКТ две точки зрения: согласно первой, происходит усиление влияния массмедиа на политику, в результате чего политические функции управления обществом закрепляются за массмедиа. Согласно второй точке зрения, СМИ оказывают влияние лишь на отдельные политические институты и процессы, не трансформируя систему власти в целом. Другими словами, отмечают исследователи, массмедиа становятся дополнительным информационным ресурсом государственной власти, лишь

корректируя ее структуру под реалии нового сетевого общества [7, с. 86].

В целом можно констатировать: исследование медиатизации приобрело характер мета-процесса, поскольку изучаются преимущественно глобальные взаимосвязи между медиакоммуникативными и социокультурными изменениями. В результате целый ряд аспектов продолжают оставаться вне поля зрения ученых. Таким аспектом, в частности, является влияние медиатизации (прежде всего, ее прагматической составляющей – технологий и инструментов) на процессы политической мобилизации. Конечно, отдельные попытки в этом направлении предпринимаются [8], однако системного и комплексного характера такие исследования пока не носят.

Между тем проблема применения массмедиа в процессах мобилизации актуализировалась и усложнилась именно в настоящее время, когда происходит рост социального неблагополучия, политической нестабильности, повышение террористической угрозы и «расцвет» протестного движения практически во всех регионах мира. В условиях конфликта или войны одним из самых востребованных современных способов организации и управления политическими процессами как раз и становятся сетевые мобилизационные технологии, возникают медиа различных модификаций, которые часто выполняют конкретную функцию, вовлекая людей в разрушительные и порой опасные политические акции. При этом конкретное наполнение данного термина (сетевые медиа / новые медиа / интернет-медиа и т.д.), вследствие масштабной технологизации и цифровизации, должно пересматриваться каждые несколько лет.

Так, в настоящий момент к новым медиа относят Интернет, веб-сайты, компьютерные мультимедиа и т.д. Однако само понятие «новые медиа» в последние годы подверглось радикальному пересмотру – ныне они утратили свой «новый» характер и в большинстве современных исследований рассматриваются уже как вполне «традиционные». Кроме того, в их содержании произошли серьезные изменения: так, с конца 1990-х гг. значимое место в структуре стали занимать т.н. «тактические медиа» (*tactical media*), позиционирующие себя как оппозиционные. Данный термин введен Д. Гарсиа и Г. Ловинком в 1996 г. для обозначения особой формы медиа-активизма, отражающей интервенционистские медиа-арт-практики, т.е. технологии вмешательства арт-направлений в медийную сферу. Исследователь тактических массмедиа Герт Ловинка называл это понятие заведомо «скользким», средством для создания «временного консенсуса зон» на основе неожиданных союзов в качестве

инструмента для распространения протестных идей – дискурс плюс арт равно зрелище [9].

Проблематика политического дискурса, который организуется тактическими медиа на специфических информационных площадках, зачастую носит провокативный характер и почти всегда связана с протестными акциями (типичные темы: «Что значит быть человеком сегодня? Глобальная колониальность, мировые протестные движения и фигура художника/активиста/теоретика» [10]).

Мобилизационные функции тактическими медиа часто выполняются с помощью простых призывов явиться в определенное место для проведения мероприятия. Иллюстрацией такого побуждения аудитории к действию является следующий посыл: «Обращаемся ко всем свободным людям мира: Давайте работать вместе, чтобы остановить ежедневные массовые убийства, аресты и смещения в Сирии. Давайте работать вместе, чтобы уничтожить убийственный режим Асада в Сирии. Это призыв ко всем сирийским сообществам и всем свободным людям во всем мире, чтобы организовать шествия и сидячие забастовки перед отделениями Организации Объединенных Наций по всему миру» [11]. Очевидно, что в деятельности тактических СМИ, возникших как «ренессанс медиа-активизма», синтезируются установки старых школ политической работы, воздействия на сознание и поведение людей, и креативные формы, основанные на новых технологиях.

Дальнейший анализ структурных компонентов сетевых медиа, направленности их деятельности дают возможность выявить специфические условия рекрутирования ими социальной базы, идентифицировать технологии коммуникации оппозиции с аудиториями в интернете и реальной среде, восполнить пробел в изучении коммуникационного ресурса тактических медиа. При этом становится очевидно: сетевые ресурсы – универсальная платформа, на которой можно очень легко создать медийный инструмент для эффективного и, главное, оперативного решения мобилизационных задач.

Литература:

1. Hepp A. The communicative figurations of mediatized worlds: Mediatization research in times of the mediation of everything. URL: http://www.kommunikativefigurationen.de/fileadmin/redak_kofi/Arbeitspapiere/CoFi_EWP_No-1_Hepp.pdf. (дата обращения 28.12.2019)
2. Schultz W. Reconstructing mediatization as an analytical concept // European Journal of Communication. 2004. Vol. 19. No. 1. P. 87–101.

3. Mazzoleni G., Schulz W. «Mediatization» of Politics: A Challenge for Democracy? // Political Communication, 1999. Vol. 16. No. 3. P. 247-261

4. Цит. по: Hjarvard S. The mediatization of society // Nordicom review. 2008. Vol. 29 No. 2. P. 105—134.

5. Засурский И.И. Масс-медиа Второй республики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. 270 с.

6. Бодрунова С.С. Медиаполитическое взаимодействие или политическая коммуникация? К вопросу о развитии медиаполитологии в России. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1653>_(дата обращения 25.12.2019); Володенков С.В. Медиапространство в системе современного политического управления массовым сознанием // Вестн. Рос. нации. 2015. № 6. С. 156-163; Морозова Е.В. Субъективная пространство политики в сетевом обществе // Практическая философия: от классики до информационного социума (Астрахань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / Под научной редакцией Л.В. Баевой и К.А. Маркелова. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – 550 с.

7. Грибовод Е.Г. Медиазация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс. URL: http://www.urgu1701_d.pdf.

8. См. Володенков С. В. Интернет как технологическое пространство современных политических коммуникаций: перспективы и сценарии развития // Журнал политических исследований. 2017 Т. 1 № 3 С. 79–100; Гринберг Т.Э. Медиазация общественных институтов: новые вызовы для связей с общественностью // Связи с общественностью и реклама в системе коммуникаций: сборник науч. тр. каф. рекламы и связей с общественностью / под ред. В.М. Горохова; МГУ. Каф. журналистики. – М., 2015. – Вып. 10. С. 39–48 и др.

9. Цит. по: Мельник Г. С. Тактические медиа в межкультурной коммуникации. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/25620/1/iurp-2014-129-02.pdf>_(дата обращения 26.12.2019)

10. MediaUdar. URL: <http://www.mediaudar.net/blog/2014/10/23/mediaudar-moskva-3/>_(дата обращения 3.01.2020)

11. Social media activism in the Arab World and China. URL:<http://tacticalvediafiles.net> (дата обращения 29.12.2019)

Интеграционные процессы в ЕС: новые вызовы

Ашмарина А.А.

*ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского
аспирант кафедры истории и теории международных
отношений*

E-mail: al.west@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666, «Интеграционные процессы в Европе: сравнительный анализ».

Аннотация: В данной статье рассматриваются основные вызовы и угрозы интеграционным процессам в ЕС. Автор отмечает, что формирование вызовов европейским процессам интеграции происходило под влиянием целого ряда факторов, как внутренних, связанных со спецификой существования ЕС как интеграционного проекта и дифференциацией стран-членов Евросоюза в зависимости от социально-экономического и политического положения в организации, так и внешних, учитывая взаимоотношения стран ЕС с третьими странами, в частности в миграционной и торгово-экономической сферах. Автором делается вывод о взаимосвязанности угроз процессам интеграции в ЕС по целому ряду аспектов. Новые вызовы являются следствием неэффективной борьбы со старыми проблемами.

Ключевые слова: интеграция, Европейский союз, национальные государства, регионализация, вызовы, угрозы.

New challenges for EU integration processes

Ashmarina A.A.

*Postgraduate student at the Department of History and Theory of
International Relations of the Institute of International Relations and World
History of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*

E-mail: al.west@yandex.ru

Abstract: This article discusses the main challenges and threats to integration processes in the European Union. The author notes that the formation of challenges to European integration processes was influenced by a number of factors, both internal, related to the specifics of the EU's existence as an integration project and the differentiation of EU member states depending on the socio-economic and political situation in the

organization, and external, taking into account the relationship of EU countries with third countries in the migration and trade and economic spheres. The author concludes that threats to EU integration processes are interrelated in a number of aspects. New challenges are the result of ineffective struggle with old problems.

Keywords: *integration, European Union, national states, regionalization, challenges, threats.*

Очередное десятилетие XXI века открыло перед Европейским Союзом новые перспективы в развитии, в том числе в сфере интеграции. Будучи одним из наиболее эффективных примеров интеграционного объединения, ЕС постоянно находится в поле зрения исследователей. Однако страны Евросоюза сталкиваются с многочисленными угрозами собственной стабильности и безопасности, создающими препятствия процессу дальнейшей интеграции. Для более детального понимания ситуации следует рассмотреть основные вызовы интеграционным процессам в Европейском Союзе. Важно также учитывать, что на европейскую интеграцию влияет ряд внутренних и внешних дифференцированных факторов.

Одним из вызовов интеграционным процессам в Европе являются противоречия стран-членов ЕС между собой. Крупные державы, в частности, Германия, занимая лидирующие позиции в интеграционном объединении, имеют возможность непосредственно влиять на региональную политику и внешний курс Евросоюза. Они обладают наиболее высоким экономическим потенциалом. При этом более слабые страны не имеют возможности кардинально повлиять на существующую ситуацию. Здесь определенную роль играет процесс регионализации, в ходе которого происходит неуклонное укрепление наднациональной составляющей ЕС, подразумевающее передачу части властных компетенций от национальных правительств на региональный уровень. Таким образом, процесс принятия решений в ЕС сконцентрирован на положениях, принятых в ходе встреч представителей национальных государств (где центральное положение занимают ведущие страны ЕС) и формировании политического курса на наднациональном уровне, который представлен основными институтами Европейского Союза. В качестве одного из примеров внутреннего конфликта можно привести принятие Глобального Пакта ООН по миграции в 2018 году [1]. Часть европейских стран, включая Нидерланды, Австрию, Чехию, Латвию, Польшу, Словакию, Италию и Эстонию, отказались подписывать данный документ, ссылаясь на очередную попытку ведущих стран Европы посягнуть на их национальный суверенитет и перенести на своих соседей бремя приема

мигрантов, среди которых немалое количество беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Миграционный вопрос, в свою очередь стал одним из вызовов для Европейского союза как интеграционного проекта. На развитие ситуации с мигрантами повлияли различные внутренние и внешние причины: тяжелая военно-политическая и экономическая обстановка в странах третьего мира, вынуждающая мигрантов покинуть свою родину в поисках лучшей жизни, неспособность европейских государств принять и разместить всех приезжающих. Кроме того, в стимулировании людских потоков были заинтересованы контрабандисты и террористические группировки, преследующие собственные интересы.

После кризиса 2015 года, который повлек за собой социально-политическую нестабильность в регионе и выявил серьезные просчеты миграционной политики, государства-члены ЕС были поставлены перед необходимостью решать целый ряд проблем, возникших в ходе наплыва мигрантов. Требовалось принять меры по стабилизации ситуации, особенно после серии террористических актов, связанных с деятельностью группировки ИГ. Члены данной группировки проникали на территорию ЕС вместе с беженцами из третьих стран. Часть национальных правительств закрыли свои границы, тем самым обрекая пограничные страны Евросоюза (Греция, Италия) на «перенасыщение» массами прибывающих иностранных граждан. Еврокомиссия при поддержке Германии предлагала ввести систему квотирования для приема мигрантов по справедливому распределению, но проект был отвергнут большей частью европейских стран [2]. В целом, миграционная политика на национальном уровне реформировалась в сторону ужесточения правил приема и пребывания мигрантов на своей территории. Параллельно, Германия и Франция работали над созданием общеевропейской миграционной политики. Некоторые шаги в этом направлении были сделаны: в 2016 году произошло реформирование агентства Frontex, ставшего Европейской службой пограничной и береговой охраны (ЕСПБО), в сферу ответственности которой входила координация пограничных служб национальных государств ЕС, а также мониторинг миграционной ситуации на территории ЕС [3]. Расширение полномочий европейского агентства привело к усилению тенденций регионализации. Чтобы сохранить пошатнувшуюся вследствие кризиса Шенгенскую зону, странам-членам ЕС пришлось уступить ЕСПБО право контроля на своих границах, причем полная ответственность за то, что происходит с мигрантами, остается на самих государствах.

Ситуация с мигрантами фактически поспособствовала изменению социально-политического климата Европейского Союза. Негативные последствия массового притока мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки привели к росту общественного недовольства, которое быстро выразилось в усилении недоверия к традиционным лидирующим европейским партиям и не столь значительного, но заметного увеличения популярности евроскептиков и правопопулистских движений, акцентировавших проблемы распределения ресурсов, нелегальной миграции, евробюрократии. Выборы в Европарламент в 2019 году продемонстрировали падение рейтингов центристских партий, часть их мест в парламенте была занята представителями Альянса либералов и демократов (ALDE) и Зелеными (Greens/EFA) [4]. Правые евроскептические партии не пробились в лидеры, но ярко и показательно выразили свою позицию, получив немалую часть симпатий и голосов в отдельных государствах Европы.

Серьезным вызовом европейской интеграции стал выход Великобритании из ЕС. Британские политические деятели играли важную роль в объединении Европейского Союза. Несмотря на определенные сложности в отношениях двух сторон, Великобритания являлась одним из лидеров интеграционного проекта. В течение всего 2019 года, пока продолжались переговоры британских политиков, администрация Европейского Союза не предпринимала никаких действий, предоставляя отсрочки для выхода страны из объединения, поскольку для всех стран ЕС «брексит» наносит экономический и политический ущерб: нарушение «единого рынка», что подразумевает осложнение торгово-экономических отношений между Брюсселем и Великобританией, социально-политическое ослабление обеих сторон, удар по имиджу ЕС как стабильного и эффективно функционирующего интеграционного объединения, что дает возможность США укрепить свое влияние на европейской территории и т.д. [5].

Стоит отметить, что в ЕС очень внимательно относятся к потенциальным государствам-членам. Данный интеграционный проект подразумевает получение социально-экономической выгоды для всех участников, поэтому кандидаты на вступление должны проходить строгий отбор, особенно после принятия в ЕС восточноевропейских государств, отличающихся по экономическому развитию от стран Западной и Северной Европы. Франция презентовала свой проект вступления в Европейский Союз, который предполагает поэтапное и, что важно, обратимое членство, а переговоры с кандидатом на вступление должны делиться на несколько фаз [6]. Несмотря на осторожную политику Брюсселя, часть стран продолжает настаивать на

одобрении их членства. Главными кандидатами на вступление в ЕС являются Албания, Северная Македония, Сербия, Черногория, Турция, а также потенциальные кандидаты: Босния и Герцеговина и Косово. Исходя из анализа современной политической и экономической ситуации в данных странах можно сделать вывод, что дальнейшее расширение Евросоюза за счет вышеперечисленных государств может стать дальнейшим вызовом политической и экономической стабильности интеграционного проекта.

Таким образом, на данный момент существует комплекс взаимосвязанных вызовов и угроз процессам интеграции в Европейском Союзе, которые находятся под влиянием ряда внешних и внутренних факторов. Безусловно, часть проблем является следствием неэффективных попыток Брюсселя решить вопросы, затронувшие целый пласт социально-экономических и политических трудностей. В результате происходит изменение социально-политического ландшафта в Европейском Союзе. Поэтому для стабилизации ситуации странам-членам ЕС необходимо проработать пути решения проблем, являющихся источником формирования современных угроз и объединить усилия путем частичной передачи суверенитета на наднациональный уровень для сохранения и укрепления Евросоюза в качестве интеграционного объединения.

Литература:

1. Faras Ghani. UN members adopt global migration pact // Aljazeera. 10.12.2018. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/12/members-adopt-global-migration-pact-181210092353957.html>.
2. Кризис солидарности // Лента.Ру. 22.06.2015. URL: https://lenta.ru/articles/2015/06/19/eu_crisis/.
3. Ашмарина А.А. Агентство Frontex в системе регулирования миграционной политики ЕС // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики / сост. и гл. ред. А. А. Корнилов, отв. ред. А. А. Сорокин. Нижний Новгород, 2019. С. 44-49.
4. 2019 European election results // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en>.
5. Роман Шимаев, Кирилл Горшенин. «Важно, чтобы время продуктивно использовалось»: ЕС предоставил Великобритании очередную «гибкую отсрочку» брексита // Russia Today. 28.10.2019. URL: <https://russian.rt.com/world/article/681532-breksit-otsrochka-velikobritaniya-situaciya-dzhonson>.
6. Геннадий Габриэлян. Как пройти в объединенную Европу? // Новая Газета. 25.12.2019. URL:

<https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83314-kak-proyti-v-ob-edinennuyu-evropu>.

Славянский вектор в геополитике XXI века: вызовы и ответы

Баранецкий А.Н.

Кандидат философских наук

*ГАОУ ПО г. Севастополя «Институт развития образования»,
преподаватель*

E-mail: ross60@mail.ru

***Аннотация:** Доклад посвящён таким достижениям цивилизации восточных славян (в педагогике, психологии эстетике, семиотике), которые детерминируют будущее человечества в гуманитарной сфере. Дан обзор тех достижений интеллектуальной культуры, которые остались не востребованы и нуждаются в изучении, переосмыслении, достойны более широкого применения. Предлагается широко распространять идеи классиков и корифеев отечественных гуманитарных наук. В этом состоит ответ цивилизации на попытки Запада превратить Россию в колонию. В этом состоит новая «мягкая сила» отечества. Трактовка понятия о содержании «мягкой силы» принципиально отличается от привычных шаблонов предлагать – в качестве содержания «мягкой силы» – материалы из истории искусства и художественной литературы. В качестве основной мягкой силы России предлагается рассматривать классические научные открытия, хорошо известные узким специалистам в области гуманитарных наук, но практически неизвестные работникам СМИ и политическим лидерам.*

***Ключевые слова:** детерминанты будущего, нравственный прогресс, социальное зло, качество кадров, достижения цивилизации, «мягкая сила».*

How can the civilization of the Eastern Slavs respond with kindness to the evil that came to the Slavs from the West

Baranetsky A.N.

Candidate of philosophy

Sevastopol «Institute of education development», Lecturer

E-mail: ross60@mail.ru

Abstract: *The report is devoted to such achievements of the Eastern Slavs ' civilization (in pedagogy, psychology, aesthetics, semiotics) that determine the future of humanity in the humanitarian sphere. An overview of the achievements of intellectual culture that are not in demand and need to be studied, rethought, and are worthy of wider application is given. It is proposed to widely disseminate the ideas of the classics and luminaries of the Russian Humanities. This is the response of civilization to the West's attempts to turn Russia into a colony.*

The interpretation of the concept of the content of «soft power «is fundamentally different from the usual attempts to distribute – as the content of» soft power « – materials from the history of art and fiction. As the main soft power of Russia, it is proposed to consider classical scientific discoveries that are well known to narrow specialists in the field of Humanities, but are practically unknown to media workers and political leaders.

Keywords: *determinants of the future, moral progress, social evil, quality of personnel, achievements of civilization, «soft power».*

Мы живём в цивилизации, которая отражала колониальные захваты сотни лет подряд. В 1612 в известной смуте без западного Лжедмитрия не обошлись. В 1709 у шведов учились воевать – не к ним пришли, они пришли. В 1812 был разгром Наполеона. В 1918 интервенты Запада были на всех фронтах Гражданской. В 1941-1945 более шести миллионов европейцев с Запада истребили 27 миллионов наших сограждан. Но «всё цивилизованное человечество» организовано оплакивает только геноцид 7 миллионов евреев, что благоразумно, но вот отсутствие международной скорби по 27 миллионам убитых в СССР – исторический факт. В 1900-е годы агенты влияния Запада помогли местным бюрократам развалить страну и приватизировать национальное достояние. Население расценило это как социальное зло.

Цивилизация не сводится к представлениям нуворишей и власть имущих о своей стране. Есть достижения классиков, кои преступно игнорировать. Любая технология – это итог внедрения научных открытий в процесс работы. Но достижения зачастую игнорируются внутри той цивилизации, которая дала их человечеству: так порох китайцы 1000 лет не догадывались использовать для создания артиллерии. XX век гораздо богаче на открытия, которые спасут мир от варварства, хотя неизвестно – спасут ли они именно нас. Перечню таких отечественных достижений и посвящён данный доклад.

Сильнее всего на развитие цивилизации влияют те научные открытия, которые детерминируют рост способностей людей. Но любые способности зависят от концентрации внимания. Революцию в

понимании сущности внимания сделал Николай Гальперин, который идею и сущность понятия «сила воли» определял как организацию «памяти и внимания», а само внимание определил как контроль. Это не очевидно, но профессиональное формирование свойств внимания теперь опирается на данную дефиницию. Игнорирование этого достижения великого отечественного учёного приведёт к краху кадровой политики любой системы управления в любой цивилизации. Безвольные и невнимательные проиграют любые войны.

В начале XX века в работе Л.С. Выготского «Мышление и речь» дан ответ на вопрос о том, как слова улавливают смысл. Американский мыслитель Стефан Тулмин «переоткрыл» для всего человечества нашего учёного начала XX века. (Статья «Моцарт психологии», 1982 год). В 80-е годы его начали считать не талантливым, а гениальным. Гений – это тот, кто открывает новую страницу в истории всего человечества. Если тысячи лет 90% внемлющих не улавливали смысл того, что обязаны срочно понять, то теперь известно, - как уловить смысл слов. Можно «прагматично» игнорировать идеи гения.

И пропуск в будущее будет потерян для целого поколения.

Советский психолог Д.Н. Узнадзе создал «психологию установки». Само определение «установки» как состояния той или иной готовности к акту восприятия или акту переживания, или акту мысли, или акту действия можно осмыслить глубже. Те цивилизации, которые будут игнорировать теорию установки – сами не заметят, как их неспособность и неготовность оборачивается растерянностью целого народа.

Строительство новой цивилизации нового века потерпит крах в тех странах, где не удастся в несколько раз интенсифицировать учебные процессы и сделать так, чтобы увлекательность учёбы в школе была выше, чем увлекательность виртуальных развлечений, компьютерных игр. В системе Шаталова В.Ф. дети – все и добровольно – решали за год не 200-300 задачек, а 2000 – 3000. Увлечённо и инициативно они усваивают и географию, и историю, и вообще – все школьные предметы. Перед нами именно такая технология увлекательного обучения. Эта технология пережила XX век, и переживёт текущий. Но образованием в любой стране мира руководят люди, которые не поняли это.

В 1984 году вышла книга профессора Ф.Е. Василюка «Психология переживания» [1]. В этом основательном труде автор не только классифицирует основные логики процесса переживания, но и обнаруживает логику стрессов, фрустраций, конфликтов и кризисов психологического свойства. Тысячи трудов психологов международного уровня нашли своё обобщение в «Психологии

переживания». Если игнорирования открытий Василюка Ф.Е. будет продолжаться, то неуравновешенные и акцентированные личности окончательно оккупируют все руководящие должности в любых структурах власти любых государств.

Качество коллективов и качество общения напрямую зависит от умения быть искренними, уже более 100 лет прошло с тех пор, как школу искренности выдают за тренинг убедительного лицедейства. К.А. Станиславский подчёркивал, что это не персональная и не уникальная система, а напротив – обнаружение высшей меры естества и глубочайшей *меры искренности* в любом поведении человека. Но про систему Станиславского распространяются *живые мифы*, что якобы – это искусство лицедейства, то есть обмана. Та цивилизация, которая стержнем социальной коммуникации сделает совершенно проникновенные и совершенно искренние признания – сохранит внутренние связи. Игнорировать непонимание сущности русской школы актёрского мастерства самоубийственно для политики.

Тотальная фабрикация фальшивок, цунами фальсификата в любой сфере жизни – основные технологические «достижения» вестернизации. «...Формируется детрансцендентированный образ реальности...» [3, с. 107]. Чтобы освободить общественное сознание от путаницы – необходимо воспользоваться семиотикой культуры. Немцы не случайно создали институт семиотики культуры имени Юрия Лотмана (г. Бохум). И это говорит о том, что усвоение достижений нашей цивилизации Западом в принципе возможно.

12 томов «Истории античной эстетики» Алексея Лосева содержат анализ каждого значительного понятия античных авторов за тысячу лет. Во всём мире во всех СМИ тотально было и продолжается мифотворчество. Средний обыватель ещё не превзошёл античных мыслителей. Сконцентрировать все их идеи в 12 томах и более-менее доступно изъяснить смог только Алексей Фёдорович. Мы живём в трагикомической ситуации: западные профессионалы для получения профессионализма в эстетике штудируют именно Лосева А.Ф., а в это время СМИ и Интернет преподносят всему миру родину А.Ф. Лосева как эстетически отталкивающую, самую отвратительную страну.

Вестернизаторы, проигнорировав достижения восточных славян, советскую культуру, мировую науку вполне эффективно превращают в прислугу новых соблазнов, прихотей, капризов. Эффективность впечатляет. Но это эффективность освобождения людей от стремления к человечности. Тогда как наша наука учила становиться человечнее.

Приведённый список отечественных достижений далеко не полон. Например – здесь опущен рассказ о признании педагогики В.Сухомлинского в КНР (Пекинский педагогический институт). Но

даже этот краткий обзор позволяет сказать: фундамент человеческого общества будущего будет создан через такое понимание души и психики, которое оставили нам Лев Выготский и Николай Гальперин, Константин Станиславский (Алексеев) и Дмитрий Узнадзе, Фёдор Василюк и Алексей Лосев, Юрий Лотман, Виктор Шаталов, Василий Сухомлинский. Это по-новому ставит вопрос о состыковке идей из «спектра смежных научных дисциплин» [2, с. 52].

На этом фоне логично констатировать системные основы цивилизации будущего прогрессивного человечества. 1. Впервые в истории человечества восточные славяне дали синтез первобытно - общинного, рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического общественного строя. Совершенствующееся общество отныне иначе и не создашь, любые социальные системы могут модернизироваться для прогресса и опыт СССР это доказал раз и навсегда. А суровость репрессий для преодоления сопротивления рано или поздно будет тотально заменена аннулированием документов о высшем образовании в любой стране мира. 2. Элементами социалистической общественной организации в истории СССР стали те плоскости и сферы общественных отношений, в которых профессионализм стабильно доминировал над буржуазными, феодальными или ещё более архаичными наклонностями разных прослоек населения СССР. Хорошо известны достижения СССР в космонавтике, медицине и ряде иных областей: т.е. там, где господствовали профессионалы. Но важно разглядеть более значительное достижение: административный сервис был реально поставлен на службу профессионалам не в отдельной профессии (что бывало и за границей), а системно. Это осталось не превзойденным никем на планете; не отражается в СМИ как система цивилизационных прорывов, почти не изучается. Достижения нашей педагогики и психологии не успели применить даже в самом СССР. Многие не верят в величие педагогики и психологии СССР, но они её не знают. 3. Наша цивилизация (в форме СССР) вынудила во второй половине XX века колониалистов и всех эксплуататоров смягчить эксплуатацию или вообще уйти. Основой цивилизации будущего эксплуатация чужого народа быть не может. 4. Если Запад обычно поддерживал компрадорскую буржуазию слабых стран, то наша страна чаще сотрудничала на равных с национальной буржуазией, что не характерно для стратегий Запада. Урок равенства дал не Запад. 5. Восточные славяне постоянно выдвигали из своей среды личностей, которые вдохновлялись романтикой научного поиска. Романтика научно-исследовательской работы как творчество новых цивилизационных основ – это такая основа цивилизаторской инициативности, которая не

существовала ни на Западе, ни на Востоке. Значение этого достижения для всего человечества будет только возрастать. 6. На планете Земля до СССР не существовало таких стран и народов, где бы к детям любого происхождения умели культивировать в высшей степени сердечное, трепетное, возвышенное и безгранично-восторженное отношение. Превращение детей в привилегированный класс – беспрецедентно. 7. Так называемая «плановая» экономика в эпоху тотальной компьютеризации уже воспринимается как безальтернативное будущее всего человечества и никто уже не называет её «коммунистической», «не эффективной». До формирования Госплана СССР такую экономику никто в мире не пытался создать. Это также беспрецедентно. 8. Склад ума, строй души, и лад сердечных отношений славянских народов это более тонко дифференцированное понимание особенностей духовного бытия, чем так называемый «Менталитет». Гуманность Запада – это ограничение зла. В их языках вообще отсутствует понятие задушевности и понятие мужества, женственности, человечности. Ценное для философии права понятие гуманности с идеей человечности не сравнимо. Человечность, - это способность быть «челом» «века» - лицом столетия, нести их достоинство и величие тысячелетней доброты.

Не случайно Чаадаев считал, что русские преподнесут миру в будущем некий страшный урок, после чего именно Русь даст ответы на вопросы о положительном и благополучном общественном устройстве человечества. Урок страшный – это наше невозмутимое терпение в ответ на возведение напраслины в наш адрес. Что само по себе доказательство неуместной доброты. Урок страшный – привычка ждать от власть имущих согласия на использование общенациональных ресурсов. Изобретение компьютера – что признано даже в США - состоялось в 1968 году, его изобрёл советский конструктор из Омска Арсений Анатольевич Горохов, запатентовал как «программирующий прибор». Номер патента — 383005. В США только через семь лет выйдут на аналогичные изобретения [4]. Автор не дождался государственной поддержки для НИОКР. Власть имущие отнеслись к науке как к «религии» – «не поверили» в научное достижение. Хотя в науке всё можно проверить.

На Западе быстро присвоили себе приоритет таких открытий.

Текущий век создал возможность подарить миллионам людей новые идеи бесплатно, важно, что для идей психологов и педагогов это ещё и привычно. Поэтому нравственный прогресса человечества ускорится, если широко распространять идеи классиков и корифеев отечественной гуманитарной культуры. А организацию, которая будет этим заниматься, можно назвать Фондом именем Стефана Тулмина –

американского учёного, который побудил всю планету признать гением Льва Выготского через 46 лет после смерти Льва Семёновича. Всемирная слава – не доказательство гениальности, как и отсутствие всемирной известности – не обоснование для антинаучного отношения к науке. Достижения великих учёных предназначались для использования всеми народами, всеми жителями Земли. Помогать людям получить то, что для них сделано – возможно и необходимо. И это будет уместная доброта.

Литература:

1. Васильок Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд. МГУ, 1984. – 200с.
2. Кононов Д.А., Муромцев В.В. Сценарии общественного развития: постановка проблемы и методология исследования // Философские науки. 2017. № 12. С. 52–69.
3. Левицкий В.С. Роль философии прагматизма в трансформации социальной реальности модерна // Философские науки. 2017. № 12. С. 107–122.
4. <https://aif.ru/society/people/1182527>;
<http://www.festivalnauki.ru/statya/20415/personalnyy-intellektor-gorohova>

Идентичность как ресурс создания доверия и регулирования конфликтов в полиэтничном Крыму

Баранов А.В.

*Доктор полит. наук, д-р ист. наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
заведующий кафедрой политологии и политического управления
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Аннотация: В условиях информационного общества повышается значение социокультурного измерения политики, в том числе – феномена идентичности. Ориентации и установки самосознания этнических, конфессиональных, территориальных сообществ являются важным ресурсом создания доверия и регулирования конфликтов. В то же время, идентичность может использоваться

акторами политики для эскалации межэтнических и конфессиональных конфликтов. Исследование основано на материалах самостоятельно проведённого анкетного опроса учащихся и студенческой молодёжи (2018–2019 гг.). В статье определены тенденции развития иерархии идентичностей молодёжи Крымского полуострова, межгрупповые дистанции русских, украинцев и крымских татар, степень этнизации проблем миграции. Проведено сравнение идентичности молодежи в Республике Крым и г. Севастополе. Сформулированы рекомендации с целью повысить эффективность российской политики идентичности в молодёжном сообществе Крыма.

Ключевые слова: идентичность, доверие, регулирование конфликтов, Крым, ресурс, конструирование идентичности.

Identity as a Resource of Building Confidence and Conflict Management in multi-ethnic Crimea

Baranov A.V.

FSBEI of HE «Kuban State University»

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract: *In the conditions of the information society, the importance of the sociocultural dimension of politics, including the phenomenon of identity, is increasing. Orientations and attitudes of ethnic, religious, territorial communities are an important resource for building trust and conflict management. At the same time, identity can be used by political actors to escalate interethnic and confessional conflicts. The study is based on materials from a self-conducted questionnaire survey of students and students (2018–2019). The article identifies trends in the development of the hierarchy of identities of youth of the Crimean Peninsula, inter-group distances of Russians, Ukrainians and Crimean Tatars, the degree of ethnicization of migration problems. The comparison of youth identity in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol is carried out. Recommendations are formulated with the aim of increasing the effectiveness of the Russian identity policy in the youth community of Crimea.*

Keywords: *identity, trust, conflict management, Crimea, resource, identity construction.*

В условиях информационного общества повышается значение социокультурного измерения политики, в том числе – идентичности. Ориентации и установки самосознания этнических, конфессиональных, территориальных сообществ являются важным ресурсом создания

доверия и регулирования конфликтов. Но идентичность может использоваться акторами политики для эскалации межэтнических и конфессиональных конфликтов.

Теоретико-методологической основой работы выбран социальный конструктивизм [1], идентичность социальных групп расценивается в качестве целенаправленно создаваемой усилиями высокостатусных субъектов политики, с применением методов и инструментов информационной политики. Этничность оценивается по самоопределению индивида. Но мы признаем значение объективных экономических, социальных и политико-институциональных долгосрочных условий, которые создают «коридор возможностей» для развития идентичностей.

Исследование основано на материалах самостоятельного лонгитюдного анкетного опроса учащейся и студенческой молодёжи (2018–2019 гг.), организованного коллективом кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета (И.В. Юрченко, М.В. Донцова, А.В. Баранов, Н.Н. Юрченко). Авторы выражают благодарность крымским коллегам – В.А. Чигрину, Е.Н. Городецкой, Л.Н. Гарас, обеспечившим проведение опроса. Выборка (630 чел. в возрасте 16–35 лет) пропорциональна по гендеру, типам населённых пунктов, этническому составу. Работает и совмещает работу с учёбой 39,8%, только обучается 57,9%, ведут домашнее хозяйство 2,3% респондентов. Опрос проводился при личном контакте интервьюеров с респондентами. Анкеты обрабатывались с помощью программы SPSS. Статистическая погрешность выборки – не выше 2,9%.

Цель работы – выявить тенденции развития иерархии идентичностей молодёжи Крымского полуострова в качестве ресурса создания доверия и регулирования конфликтов. Цель реализуется путём определения межгрупповых дистанций русских, украинцев и крымских татар, степени этнизации проблем миграции. Установлены сходства и различия идентичности молодежи в Республике Крым и г. Севастополе. В связи с тем, что автор уже характеризовал общие результаты исследования [2, с. 66–73], в данной статье мы сосредоточим внимание на сравнении идентичности основных этнических групп крымской молодёжи. Статистические данные будут приводиться по неопубликованному текущему архиву проекта РФФИ.

Гипотеза исследования такова. Крым – один из регионов, являющихся контактными ареалами цивилизаций (православной, исламской и западной секулярной), социокультурным и политическим фронтиром. Следовательно, самосознание регионального сообщества в целом и составляющих его этнических групп развивается в условиях

повышенной конкуренции, в том числе – в сфере выбора ценностей и ориентаций, символов гордости, событий исторической памяти. Крым отличается значительным разнообразием локальных идентичностей. В то же время, предшествующими исследователями доказано, что крымское сообщество при внутренней этноконфессиональной сегментации субъективно воспринимается как сложносоставное, целостное [3, с. 305–331; 4, с. 14–25]. Межэтнические и межконфессиональные отношения находятся в высокой степени зависимости от ориентаций и установок групп, участвующих в коммуникации. Молодёжь, ещё не обладающая достаточным социальным опытом, – одна из групп риска, податливая на соблазн радикализма. Этими обстоятельствами объясняется выбор ракурса нашей работы.

Уровень доверия между этническими группами во многом определяется взаимными стереотипами восприятия. Так, 80,4% русских респондентов полагали (2019 г., выборка в Республике Крым), что они не конфликтуют с другими народами и конфессиями; неконфликтность украинцев признавали 55,4% русских, а неконфликтность крымских татар – 42,8% русских. Среди опрошенных украинцев одинаковая доля (по 70,4%) считала русских и украинцев неконфликтными; о крымских татарах таким образом думали 50% украинцев. Опрошенные крымские татары наиболее высоко оценивали свою неконфликтность (83,3%), на среднем уровне – украинцев (74,1%), на относительно низком – неконфликтность русских (64,5%). По индикатору «уважают язык, традиции и культуру других народов» слабо выражены различия восприятия других народов среди украинской и крымскотатарской молодёжи. Русские респонденты отчётливо различают по данному индикатору положительные оценки русских (84,5% ответов), украинцев (66,4%) и крымских татар (59,3%). В г. Севастополе распределения ответов аналогичны подвыборке в Республике Крым (РК), но их дисперсия ниже, что можно объяснить более однородной этнической и конфессиональной средой общения.

В целом для 68,9% русских респондентов в РК вызывают доверие украинцы, для 50% – крымские татары, для 90,5% – сами русские. Для 80% опрошенных украинцев вызывают доверие русские, для 56% – крымские татары, для 92% – сами украинцы. Среди респондентов из числа крымскотатарской молодёжи доверяют русским 86,4%, украинцам – 88,0%, представителям своего народа – 81,8%. В г. Севастополе распределения ответов близки зафиксированным в республике.

Межгрупповые восприятия также измерялись по шкале Е. Богардуса. В РК опрошенные русские проявляли к своей группе

среднюю дистанцию 2,02 балла из 9 (среднее восприятие «как близкого друга»), к украинцам – 2,74 балла («как соседа»), к крымским татарам – 3,66 баллов («как делового партнера»). Респонденты-украинцы проявляли к русским среднюю дистанцию 2,20 балла, к своей группе – 2,07 балла, к крымским татарам – 3,59 балла. Средняя дистанция крымских татар в отношении русских составила 3,07 балла, в отношении украинцев – 2,60, в отношении своего народа – 2,57 балла. В г. Севастополе межэтнические дистанции оцениваются молодёжью значительно выше, чем в Республике Крым при том, что респонденты уделяют сниженное значение этничности как таковой и считают, что они реже вступают в межгрупповые контакты, чем в республике.

Таким образом, подтвердилось предположение о том, что русские и украинцы имеют сниженные взаимные дистанции между собой в сравнении с взаимовосприятием русских и крымских татар. Более того, украинская подвыборка во многом «сливается» с русской в своем позиционировании.

Ключевой аспект темы – сравнение иерархии идентичностей молодёжных подвыборок русских, украинцев и крымских татар. Во всех трёх этнических группах на первое место по распространению вышла глобальная идентичность («житель Земли, человечества»), но выражена она в разной степени: у 30,5% русских, 45,2% украинцев и 33,3% крымских татар в РК. Полагаем, что эта идентичность проективна, так как опрошенная молодёжь на деле не вовлечена в глобальные взаимодействия настолько часто. Российская государственная идентичность («Кем Вы себя ощущаете в наибольшей степени?») разделяется 22,8% русских, 6,5% украинцев и 5,9% крымских татар в РК. В г. Севастополе российская идентичность ставится на первое место 23,5% русских и 16,7% украинцев, т.е., в большей мере, чем в республике. Восприятие себя как жителя региона преобладает у 22,8% русских в РК и 15,6% русских в Севастополе; у 22,6% украинцев в РК и 5,6% – в Севастополе; у 21,6% крымских татар в РК (в Севастополе не опрашивались ввиду малочисленности). Считают себя, в первую очередь, жителем города или села 6,9% русских в РК и 12,3% – в Севастополе, 12,9% украинцев в РК и 16,7% – в Севастополе, 7,8% крымских татар в РК. На порядок слабее макрорегиональная идентичность «южане», она выражена только среди 3,5% русских в РК и 4,5% в Севастополе. Таким образом, региональная и локальная идентичности в среде русских выступают в роли «подкрепления» национальной. Но украинцы и крымские татары, скорее, воспринимают региональную и локальную приверженность в качестве конкурентной по отношению к российской идентичности.

Характерно, что этническая идентичность ставится на первый план 5,8% русских в РК, 6,5% украинцев и 21,6% крымских татар. Считают себя в РК, прежде всего, человеком определённой веры, 0,8% русских, 3,2% украинцев и 7,8% крымских татар. В г. Севастополе тенденции те же, но этническая и конфессиональная идентичности украинцев и крымских татар выражены в большей мере, нежели в республике. Вероятно, это – следствие слабой политики идентичности со стороны православной церкви и русских общественных организаций.

Восприятие трудовой миграции основными этническими группами также различается. В Республике Крым только русские респонденты предпочитают ответ «это надуманная проблема, мигранты работают там, где не хотят работать местные» (35,2%) ответу «это реальная проблема, приезжие занимают места местных» – 21,9%. Крымские татары предпочитают критику миграции (30% в сравнении с 26% поддержки), а наиболее критически относятся к миграции украинцы (45,2% ответов).

Учитывая особое положение, в котором находятся г. Севастополь и Республика Крым, необходима целенаправленная политика реинтеграции молодёжи в российское социокультурное сообщество, направленная на формирование прочной и осознанной приверженности российской нации. Необходимо уделить внимание исследованиям идентичности, межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму не только на материалах молодёжи, но и других социальных и демографических групп; основные усилия государственной политики идентичности полезно сосредоточить в социальных сетях и иных интернет-ресурсах.

Литература:

1. Rothschild J. *Ethnopolitics, A Conceptual Framework*. N.Y.: Columbia University Press, 1981. 290 p.
2. Баранов А.В. Межэтнические и конфессиональные отношения молодёжи в Крыму и Севастополе (на материалах массовых опросов) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2019. № 4(61). С. 66–73. DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-066-073.
3. Киселёва Н.В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н.В. Киселёва, А.В. Мальгин, В.П. Петров, А.А. Форманчук. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
4. Сосновский Д.В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991–2014). Дис.... канд. полит. наук. М., 2014. 28 с.

Крымский фактор в контексте общероссийской гражданской идентичности

Баранов Н.А.

*Доктор политических наук,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, профессор
кафедры международных отношений
Санкт-Петербургский государственный университет,
профессор кафедры политических институтов и прикладных
политических исследований
E-mail: nicbar@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-011-31616, «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы».

Аннотация: В статье идентичность рассматривается как политическая категория, определяемая ценностными установками человека, его эмоциональным восприятием социально-политической реальности и рационально мотивированными интересами и потребностями. Акцент в работе сделан на макрополитической идентичности, разновидностью которой является гражданско-государственная идентичность, являющаяся объектом целенаправленного воздействия государства и групп интересов, политики формирования и конструирования идентичности. В контексте новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года раскрывается понятие общероссийской гражданской идентичности и влияние на её формирование крымских событий 2014 года. Предпринята попытка обосновать претензии России на великодержавие соответствующими ожиданиями населения. Крым рассматривается в работе как символ великодержавия России и основание для гордости россиян за историческую справедливость, реализовавшуюся в возвращении полуострова к российскому государству. Воссоединение Крыма с Россией характеризуется как консолидирующий фактор между обществом и властью, минимизировавшим требования граждан в рамках внутренней политики. Автор делает вывод о том, что крымский фактор сыграл существенную роль в сплочении россиян вокруг предложенных властью ценностей.

Ключевые слова: идентичность, политическая идентичность, национально-государственная идентичность, общероссийская

гражданская идентичность, «крымский консенсус», «крымская весна».

Crimean factor in the context of all-russian civil identity

Baranov N. A.

Doctor of Political Sciences, professor

The North-West Institute of Management of RANEPA, Professor,

Department of International Relations

Saint Petersburg State University, Professor, Department of Political

Institutions and Applied Political Studies

E-mail: nicbar@mail.ru

Abstract: *The article considers identity as a political category determined by a person's values, his emotional perception of the socio-political reality and rationally motivated interests and needs. The focus of the work is on macropolitical identity, a variation of which is civil-state identity, which is the object of purposeful influence of the state and interest groups, the policy of forming and constructing identity. In the context of the new version of the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025, the concept of all-Russian civil identity and the impact on its formation of the 2014 Crimean events is revealed. An attempt has been made to substantiate the claims of Russia for great power by the corresponding expectations of the population. Crimea is considered in the work as a symbol of the great power of Russia and the basis for the pride of the Russians for historical justice, realized in the return of the peninsula to the Russian state. The reunification of the Crimea with Russia is characterized as a consolidating factor between society and the government, which minimized the demands of citizens in the framework of domestic policy. The author concludes that the Crimean factor has played a significant role in rallying Russians around the values proposed by the authorities.*

Keywords: *identity, political identity, national state identity, all-Russian civil identity, «Crimean consensus», «Crimean spring».*

Проблема идентичности является актуальной для России в связи с процессами трансформации общества, связанного со становлением новой государственности, предусматривающей сплочение граждан вокруг национальной идеи. Поэтому вопросы самоидентификации личности приобретают государственное значение по причине стратегической значимости выбора каждого в рамках параметров, заданных политическими институтами.

В данном контексте актуальным является выявление событий, которые кардинальным образом повлияли на формирование национально-государственной идентичности россиян, а также деятельность государства по сплочению граждан в условиях противостояния с западными странами после вхождения Крыма в состав Российской Федерации.

Идентичность как научная категория исследуется в разных сферах социально-гуманитарного знания. Американский социолог Р. Брубейкер пишет о том, что термин «идентичность» получил «чрезвычайно полное звучание» [1, с. 65] в 1960-х гг. и явился следствием проблем «массового общества» и молодежной революции того времени. Э. Эриксон охарактеризовал идентичность как «процесс, «локализованный» в сердцевине индивида, однако же и в сердцевине его коммунальной культуры, процесс, который устанавливает... идентичность этих двух идентичностей» [2, р. 22]. То есть в идентичности, по мнению американского психолога, совмещаются два начала – личностное и социальное. А Ч. Тилли определяет идентичность как «восприятие актором категории, обязательства, роли, сети, группы или организации, а также публичную репрезентацию этого опыта, которая часто принимает форму общего рассказа, нарратива» [3, р. 7].

О.Ю. Малинова вводит понятие макрополитической идентичности, которое указывает на идентификацию с более широким сообществом и предполагающее наличие солидарности поверх границ, связанных с политическими и идеологическими предпочтениями. По ее мнению, «данный термин охватывает все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в публичном дискурсе, позволяя анализировать возникающие между ними смысловые конфликты» [4, с. 90-91]. Макрополитическую идентичность можно рассматривать в качестве основания для таких понятий, как «гражданско-государственная (национально-гражданская) идентичность», «российская идентичность», «политическая нация». К макрополитической идентичности относят также национально-государственную или национальную идентичность, так как она является объектом целенаправленного воздействия государства и групп интересов, политики формирования и конструирования идентичности [5, с. 11].

Разновидностью политической идентичности является гражданская идентичность, для которой тема гражданственности является определяющей. Гражданская идентичность проявляется в приверженности граждан принципам и нормам правового государства и демократического политического представительства, осознании

своих гражданских прав и обязанностей, ответственности, свободы личности, признания приоритета общественных интересов перед узкогрупповыми. Л.М. Дробижеева отмечает, что «в идеале гражданская идентичность – это коллективная идентичность, скрепляющая этнонациональные, социальные, экономические, социокультурные общности, взаимодействующие в составе политической нации» [6, с. 104].

Суть политики идентичности заключается в том, чтобы убедить людей в необходимости солидарности в целях провозглашения единства группы и связана с вовлеченностью меньшинств в борьбу за отстаивание прав сообществ, ущемленных в социальном статусе. Субъектами политики идентичности являются государство, политические партии и другие субъекты политического процесса, в том числе негосударственные, которые осуществляют деятельность по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности, практики целенаправленного воздействия и взаимодействия государства и групп интересов для формирования общих ценностей и ориентиров развития политического сообщества [7, с. 454].

Политика идентичности включает символическую политику, политику в сфере образования и культуры, политику языка, политику памяти. Отечественные исследователи отмечают, важную роль в ее продвижении, особенно в глубоко разделенных обществах, социальной политики и политики в сфере межэтнических отношений. А в условиях утверждения новой государственности политика идентичности активно используется как инструмент реализации государственной стратегии развития [8, с. 58].

В современной России формированию национально-государственной идентичности как коллективной идентичности государственного сообщества, объединенного соответствующим самосознанием, уделяется приоритетное внимание. В новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [9] вводится понятие общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания), под которым понимается осознание гражданами России их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества.

В документе отмечается особая значимость русской культурной доминанты для формирования общероссийской гражданской идентичности, признается в качестве объединяющего фактора

современного российского общества единый культурный (цивилизационный) код, основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру.

В новой редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года отмечается, что значимым событием для укрепления общероссийской гражданской идентичности стало принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Действительно, патриотический подъем, вызванный «возвращением в родную гавань» данных субъектов, способствовал реализации мер государственной национальной политики Российской Федерации, активизации участия институтов гражданского общества в гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений, снижению рисков и угроз возникновения в стране межнациональных конфликтов.

Государственная политика, нацеленная на объединение граждан на основе великодержавия, стала востребована в стране после 1990-х гг., когда Россия стремительно теряла статус великой державы. Претензии России на великодержавие коррелируются соответствующими ожиданиями населения, которое в своем большинстве поддерживает такую политику. Включение Крыма в состав России на основании проведенного в марте 2014 года республиканского референдума стало важнейшим событием для страны, существенным образом изменившим восприятие гражданами своей власти, особенно после протестных выступлений 2011-2012 гг. «Крымский консенсус», характеризующийся единением власти и общества стал одним из главных социально-политических феноменов эпохи 2014-2018 гг. Этому периоду посвящена монография «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016—2018 гг. и перспективы политического транзита», написанная экспертами ВЦИОМ.

Спустя пять лет после исторического воссоединения 88 процентов россиян (94% среди людей 60 лет и старше) положительно оценивали решение о присоединении Крыма к России, а по мнению 18% участников опроса, воссоединение Крыма с Россией положительно сказалось на их жизни и жизни их семьи и лишь 9% заявили, что

воссоединение Крыма с Россией отрицательно сказалось на их жизни [10].

Опросы жителей Республики Крым принесли следующие результаты: 93% опрошенных положительно оценивали воссоединение Крыма с Россией; 72% участников опроса утверждали, что воссоединение Крыма с Россией положительно сказалось на их жизни и жизни их семьи и лишь 7% респондентов считали, что воссоединение Крыма с Россией отрицательно сказалось на их жизни [11]. Таким образом, критические мнения, особенно характерные для оппозиционно настроенных граждан, в отношении позитивного результата, принятого в марте 2014 года решения, не разделяются большинством населения. Россияне не подвергают сомнению тот факт, что Крым российский, а жители Крымского полуострова, с той или иной степенью успешно адаптируются в российскую социально-политическую и правовую среду, тем самым подтверждая свой исторический выбор.

Обостренное чувство несправедливости, явившееся мощным отголоском 1990-х гг., сплотило самые разнообразные слои населения в ходе украинских событий: и тех, кто выходил на массовые акции протеста в 2011-2012 гг., и тех, кто всегда поддерживал власть. «Крымская весна», ставшая возможной из-за активного вмешательства ведущих западных держав во внутреннюю политику Украины без учета интересов России, оказалась отправной точкой для многих жителей страны. В выборе между европейскими ценностями, которые стали подвергаться сомнению, и консолидацией власти и общества внутри страны, ставшей важной составляющей усиления авторитарности политического режима, победили государственнические патриотические настроения. Антизападные настроения стали доминирующими в большинстве слоев российского общества. Следует согласиться с мнением О.Ю. Малиновой, считающей, что «практика использования прошлого властвующей элитой в полной мере отражает дилеммы, с которыми сопряжено конструирование идентичности сообщества, стоящего за современным Российским государством» [12, с. 175].

Постимперский синдром, охвативший россиян после присоединения Крыма, направленный на объединение «русского мира» в противовес Западу, в значительной степени выступил консолидирующим фактором между обществом и властью, минимизировал требования граждан в рамках внутренней политики. Н. Зубаревич полагает, что «поддержка политики Путина по «собираанию русских земель» сохранится надолго, это ценностный выбор

подавляющего большинства россиян вне зависимости от места проживания» [13].

Крым явился символом великодержавия России и основанием для гордости россиян за историческую справедливость, реализовавшуюся в возвращении полуострова к российскому государству. Решение, принятое верховной властью в отношении крымчан, это продуманный, выверенный и обоснованный шаг, коррелирующий с ожиданиями жителей страны. Россияне, неизбалованные геополитическими победами, с восторгом отнеслись к нормативно-правовым актам, констатирующим признание крымского референдума и образование двух новых субъектов федерации в составе Российской Федерации, тем самым легитимировав присоединение Крыма.

После успешного строительства и полного запуска в декабре 2019 года в эксплуатацию моста, соединяющего континентальную часть Российской Федерации с изолированным из-за политики украинских властей полуостровом, «крымский фактор» продолжает играть существенную роль в сплочении россиян вокруг предложенных властью ценностей. В новой редакции Стратегии уровень общероссийской гражданской идентичности, который является одним из целевых в рамках ее реализации, составил 84 процента. Такому результату способствовали события вокруг Крыма и его дальнейшая поддержка со стороны общества.

Литература:

1. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
2. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. N.Y.: Norton, 1968. 336 p.
3. Tilly Ch. (ed.). Citizenship, Identity and Social History. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P.1-17.
4. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. №2. С.90-105.
5. Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С.8-12.
6. Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. №5. С.100-115.
7. Семененко И.С. Концепт идентичности в изучении политики // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. С.446-463.

8. Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. №5. С.54-78.

9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. от 6 декабря 2018 г. N 703). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.742134092657259#0307629267393734> (дата обращения: 05.01.2020).

10. Крым: пять лет с Россией // Официальный сайт ВЦИОМ. Пресс-выпуск 3906 от 18 марта 2019 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9599> (дата обращения: 05.01.2020).

11. 5 лет с момента воссоединения Крыма с Россией: мнение крымчан // Официальный сайт ВЦИОМ. Пресс-выпуск 3903 от 14 марта 2019 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9595> (дата обращения: 05.01.2020).

12. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.

13. Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру. 17.01.2016. URL: https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения: 05.01.2020).

Проблема региональной безопасности в контексте интеграционных процессов в Европе

Баранова Т.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И.

Лобачевского

аспирант кафедры теории политики и коммуникации

E-mail: sky-ellize@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666, «Интеграционные процессы в Европе: сравнительный анализ».

Аннотация: *Статья посвящена анализу существующих угроз европейской безопасности в контексте интеграционных процессов в*

Европе. Особое внимание уделяется проблеме распространения радикальных настроений в обществе в связи с миграционным кризисом, а также растущей угрозе распространения терроризма. Выделяются детерминанты, которые определяют влияние Европейского союза как глобального субъекта в области обеспечения безопасности. Рассматриваются сложности, с которыми может столкнуться Европейский союз на пути борьбы с терроризмом: гибридный характер растущих угроз, сетевые радикальные структуры, последствия необдуманной миграционной политики, международное сотрудничество. Автором сделан вывод о том, что многие решения в сфере безопасности все еще принимаются на национальном уровне и не распространяются на весь Европейский союз.

Ключевые слова: региональная безопасность, интеграционные процессы, терроризм, евроскептицизм, миграционный кризис, межправительственные организации

The problem of regional security in the context of integration processes in Europe

Baranova T.V.

*Postgraduate student at the Department of Theory of Politics and Communication National Research Nizhny Novgorod State University
E-mail: named after N.I. Lobachevsky*

Abstract: *The article is devoted to the analysis of existing threats to European security in the context of integration processes in Europe. Special attention is paid to the problem of spreading radical sentiments in society in connection with the migration crisis, as well as the growing threat of the spread of terrorism. The determinants that determine the influence of the European Union as a global actor in the field of security are highlighted. The paper examines the difficulties that the European Union may face in the fight against terrorism: the hybrid nature of growing threats, radical network structures, the consequences of an ill-considered migration policy, and international cooperation. The author concludes that many security decisions are still made at the national level and do not apply to the entire European Union.*

Keywords: *regional security, integration processes, terrorism, euroscepticism, migration crisis, intergovernmental organizations*

Становление и распространение региональной интеграции как явления происходит во второй половине XX в. в тесной связи с развитием процесса глобализации во всем мире [1, с. 29].

Существующие региональные объединения значительно отличаются по своему составу, задачам, возможностям и перспективам, а также по внутренним региональным интеграционным связям. Однако все они играют большую роль в сложившейся системе международных отношений, оказывая влияние на глобальную расстановку сил во всем мире.

Если в начале XX в. существовало всего около трех межгосударственных организаций, то в начале нынешнего столетия их число возросло почти в десять раз. Одним из самых развитых региональных объединений является Европейский союз. Однако в начале XXI в. баланс сил между крупными и более малыми участниками ЕС оказался нарушенным, а европейские культурные традиции наряду с основными направлениями деятельности ЕС подвергаются значительной трансформации.

Со времен создания Европейского союза проблемы безопасности и обороны занимали одну из ключевых позиций. Новые угрозы безопасности, возникшие в конце холодной войны, вызвали новый интерес к вопросам безопасности и обороны.

В 2003 г. была принята Европейская стратегия безопасности, которая стала главной основой Европейской политики безопасности и обороны. В качестве основных угроз безопасности ЕС были выделены: терроризм, региональные конфликты, развал государств, организованная преступность, распространение оружия массового уничтожения. На данный момент проблемы безопасности все больше и все чаще тревожат простых европейцев. Во многом это обусловлено рядом событий, с которыми столкнулся ЕС – миграционный кризис, рост популистских настроений, острая информационная повестка дня и подъем евроскептицизма. В числе главных угроз обозначаются три основные: массовая миграция, кибератаки и терроризм [2].

На данный момент три детерминанты определяют влияние ЕС как глобально-регионального субъекта в области мира и обеспечения безопасности:

1. Потенциал ЕС как игрока на международной арене (институциональный, материальный, человеческий, финансовый) для выполнения миссий;

2. Готовность выделять ресурсы на цели безопасности и обороны, в основном руководствуясь приоритетами государств-членов;

3. Принятие Европейского союза в качестве ведущего игрока в мире и сфере безопасности.

Терроризм сегодня стал очень серьезной угрозой для всего мира, и в частности ЕС. Это связано с отсутствием формальной принадлежности террориста к какой-либо радикальной организации, а

также с тенденцией привлечения террористов-одиночек. Немаловажным является и то, что терроризм как явление уже не привязан к конкретному месту, сформировались целые сети, которые могут обмениваться информацией через границы.

Особое опасение вызывает тот факт, что новые площадки для коммуникации – «новые медиа», такие как Facebook и Twitter, используются террористическими группировками для пропаганды радикальных идей и вербовки сторонников и участников своих группировок [3, с. 36]. Экстремистские материалы в Интернете и социальных сетях широко распространены, что, вероятно, также будет одним из факторов дальнейшей радикализации в Европе. Крайне правый материал также становится все более доступным в Интернете. Терроризм со стороны ультраправых экстремистов в Европе усиливается с 2000 года, поскольку группы и сети радикально реагируют на существующую повестку дня, и особенно на миграционный кризис.

В этой связи большую роль играют три межправительственные организации, занимающиеся вопросами борьбы с терроризмом в Европе, результаты которых являются частью общей универсальной основы для борьбы с терроризмом: Совет Европы, Европейский союз и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Европейский совет в 2016 г., в том числе по следам жестоких терактов в Брюсселе и Ницце, принял решение о необходимости введения новой Контртеррористической директивы. Был создан и Европейский контртеррористический центр, который объединяет государства ЕС и Европола. Однако Европол сталкивается с множеством препятствий, например, даже координация действий оказалась сложной задачей в области обмена информацией. Отчасти это объясняется тем, что политические, административные и судебные рамки различаются в разных государствах-членах ЕС, что создает дополнительные препятствия для эффективного обмена информацией и координации. Еще одним препятствием, с которым Европол сталкивается в борьбе с терроризмом, является тот факт, что в некоторых государствах-членах ЕС контртеррористической деятельностью занимаются полицейские органы, а в других государствах спецслужбы несут ответственность за борьбу с терроризмом. Сотрудничество между разведывательными и полицейскими органами может быть затруднено [4, с. 338]. Внутри ЕС трудности с сотрудничеством как полиции, так и разведки также усугубляются культурным и языковым разнообразием, которое существует в государствах-членах ЕС.

На сегодняшний день перед государствами-членами ЕС стоит серьезная задача: предотвратить возможные террористические угрозы. К сожалению, страны ЕС большее внимание уделяют уже совершенным террористическим актам, чем профилактическим мерам. Террористические акты в Бельгии и Франции еще раз подчеркнули противоречие между, казалось бы, свободным перемещением террористов по всей Европе и отсутствием обмена разведанными в масштабах ЕС. Из-за их более ранней преступной деятельности большинство лиц, совершивших теракты в Париже и Брюсселе, были известны различным органам безопасности в нескольких государствах-членах ЕС.

С нашей точки зрения на пути борьбы с терроризмом и экстремизмом Европейский союз может столкнуться с определенными сложностями.

Во-первых, это межгосударственное и международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. Необходимы скоординированные усилия государств на пути сотрудничества в данной сфере, особенно в разработке превентивных мер. К тому же, если «терроризм» достаточно подробно описан в международном праве, то понятие «экстремизм» разными государствами трактуется различно.

Во-вторых, в ближайшем будущем главная линия борьбы с терроризмом будет проходить в киберпространстве. Большинство членов мирового сообщества соглашаются с этим, однако существуют сложности, когда далеко не все страны-члены ЕС могут уделить должное внимание борьбе с терроризмом и выделять на это необходимые ресурсы.

В-третьих, нельзя разделять проблемы терроризма и миграции. Последствия миграционного кризиса в Европе затронули практически все сферы жизни, одним из самых главных негативных процессов стал процесс повышения уровня экстремистской и террористической угрозы. Поддержка политики мультикультурализма в ЕС привела к созданию мигрантами на территории Европы своих анклавов. Как следствие этому, в Европе можно наблюдать рост популистских настроений в обществе и рост популярности подобных политических партий, которые заявляют о жестких мерах в борьбе с нелегальной миграцией.

В-четвертых, по мнению многих экспертов и даже сенаторов стран-членов ЕС проблема с терроризмом связана с недостаточным финансированием. Увеличение кредитов, предоставляемых Фонду внутренней безопасности или агентству «Фронтекс» будет способствовать уменьшению террористической активности [5, с.165].

В-пятых, как уже упоминалось ранее, существует проблема содействия и сотрудничества в области безопасности внутри стран-членов ЕС. Можно констатировать тот факт, что далеко не все страны в равной степени могут уделять внимание борьбе с терроризмом и выделять на нее необходимые ресурсы. Много важных решений все еще принимаются на национальном уровне и не имеют распространения на весь Европейский союз.

Литература:

1. Европейская интеграция / Под ред. О.В. Буториной. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2011. 720 с.
2. Renew Europe. The New Concept for Europe. - World economic forum. 19.01.2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/renew-europe>.
3. Грачев, С.И., Баранова Т.В. Роль «новых медиа» в современных конфликтах // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. С.33-40.
4. Deflem, M. Europol and the policing of international terrorism: Counter-terrorism in a global perspective // Justice Quarterly. 2006. 23(3). P. 336–359.
5. Тищенко К.О. Франция и миграционный кризис ЕС // Манускрипт. 2017. №5 (79). С.163-166.

Социальные аспекты меценатства: прошлое и современность

Барматова С.П.

*Доктор социологических наук
Брянский филиал РАНХиГС при Президенте Российской
Федерации*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в
рамках научного проекта № 17-11-32002,
«Вклад предпринимателей Центральной России в развитие
Южного берега Крыма: социокультурные и благотворительные
аспекты (XIX- н. XX вв.)».*

Аннотация: В статье представлен анализ развития меценатства на территории Российской Федерации, начиная с конца XIX- начала XX в. и до 20-х годов XXI, с акцентом на деятельность меценатов в Республике Крым.

Ключевые слова: меценатство, социальное предпринимательство, Крым.

Social aspects of patronage: past and present

Barmatova S.P.

Doctor of Social Sciences

*Bryansk branch of the Russian Academy of national economy and
Public service under the President of the Russian Federation*

E-mail: acsrross@yandex.ru

Abstract: *The article presents the analysis of the development of philanthropy in the Russian Federation since the end of XIX - beginning of XX century to the 20-ies of the XXI, with emphasis on the activities of patrons in the Republic of Crimea*

Key words: *patronage, social entrepreneurship, Crimea.*

*Нравственное богатство народа наглядно
исчисляется памятниками деяний
на общее благо...
В. О. Ключевский.*

Противостояние геополитических оппонентов, которое с упорством, достойным лучшего применения, раскручивается США, достигло в 2020-м году такого накала, что мировые новости все больше начинают напоминать отчеты военных штабов. И создается впечатление, что все «мирные вопросы» становятся не столь значимыми. Но именно «на контрасте» становится понятна значимость тех процессов и традиций, которые обеспечивают стабильность социальной системы, отражают миротворческий дух, как отдельных представителей, так и российского народа, российского общества, и российского государства в целом.

Именно к таким традициям относится меценатство. Меценатство – сложное явление одновременно социальной, экономической и культурной жизни общества, формировавшееся и приобретавшее все новые формы, а также и новую мотивацию своего существования на протяжении развития истории человечества [4].

Меценатство – одна из давних наших отечественных традиций, которая отражает огромный духовный потенциал российского общества. Основа меценатской деятельности – личная инициатива, стремление к духовному совершенствованию, творческая ориентированность, гражданское сознание, именно поэтому такая

деятельность является немаловажной частью культурного и нравственного развития общества, ведет к достижению социального взаимодействия «делового мира» и некоммерческого сектора, сферы культуры.

Для России развитие традиции меценатства тесно связано с особенностями ее исторического развития, с особенностями развития ее экономической системы, и становления класса не просто собственников и рыночников, но именно с формированием особого типа экономически активного предпринимателя, для которого личное благо рассматривалось как возможное только при условии развития общего, общероссийского процветания. Становление меценатства в России – это, по сути, формирование такого типа социально ответственного предпринимателя, для которого личное обогащение рассматривается как возможность более активного участия в повышении общего уровня благосостояния своей родины, повышения ее ресурсности, конкурентоспособности, а, значит, и обороноспособности.

Ученые, исследующие историю и традиции меценатства в России, отмечают, что российское меценатство характеризуют «... два наиболее значимых периода, отличавшиеся, прежде всего, субъектами деятельности. Первый период – период дворянского меценатства, в течение которого меценатством занимались, в основном, дворяне, второй – период предпринимательского меценатства, где субъектами выступили купцы-предприниматели, буржуазия). В оба периода деятельность меценатов была для них зачастую не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием их личного нравственного здоровья» [4].

Подъем меценатской деятельности в России связан, главным образом, с купеческим меценатством второй половины XIX - начала XX в. Дворянство стало постепенно терять в этой деятельности свою ведущую роль, крупные состояния мельчали, дробились, происходило оскудение дворянства. В эти годы на сцену истории все более уверенной поступью выходит новое сословие, торгово-купеческое, класс предпринимателей, громко заявляя о себе и в меценатстве. Это были в своей массе выходцы из крестьянства и городских низов, а также провинциального купечества [1]. Именно поэтому мировоззренческая основа купеческого меценатства отражает особенности менталитета российского народа, изменения, происходящие в обществе, в том числе и расширение условий для самореализации личности [2].

Но в процессе реализации своей меценатской деятельности российские меценаты реализовали разные практики, что

актуализировало проблему классифицирования данных практик по различным основаниям.

Современные ученые, занимающиеся исследованием истории благотворительности и меценатства в России, предлагают такой, например, вариант классифицирования меценатских практик по видам деятельности: «...В России существовало два вида меценатской деятельности. Первый – меценат-организатор, который мог выделять деньги на содержание и помощь отдельным деятелям культуры и искусства, творческим коллективам и целым учреждениям. Зачастую он своим личным трудом участвовал в управлении учреждениями культуры, составлял их хозяйственно-правовые документы и т.д. Российские меценаты-организаторы: К. Станиславский, С. Морозов, Н. Тарасов, М. Беляев и др. Второй тип – меценат-коллекционер. Его роль состояла в покупке произведений культуры и искусства, не пользующихся спросом на современном рынке, составлении из них коллекции и передачи её обществу, государству. Активными меценатами-коллекционерами стали братья Третьяковы, Щукины, Михаил и Иван Морозовы, Н.П. Рябушинский и многие другие» [7].

История российского меценатства связана со всей обширной географией российского государства, но в свете реалий современного периода, на который приходится очень важный для Российской Федерации процесса интеграции Крыма в состав субъектов Российской Федерации после его пребывания в составе Украины, который продолжается уже более пяти лет, тема реализации меценатских практик в Крыму очень актуализируется, становясь именно тем подтверждением логического моста между прошлым и будущим, который и обуславливает преемственности и неизменность развития идеи российского меценатства.

Реализация меценатских практик в Крыму в XIX в. – начале XX в. была связана, в первую очередь, с необходимостью компенсировать отсутствие программ помощи малоимущим слоям населения и большим вниманием к вопросам благотворительности царской семьи, которая, собственно, и выступила инициатором развития традиции благотворительности на территории Крыма [3]. Показательно, что во многих научных разработках упоминание о деятельности российских меценатов в Крыму в этот период объясняется возможностью на почве меценатства и благотворительности сблизиться с царской семьей, и престижностью иметь летние дачи или дома вблизи места, где отдыхают царствующие особы.

И действительно, у многих российских меценатов в Крыму были свои дачи или имения, в которых они проводили летние месяцы. Однако это несколько не снижает социальной значимости их

деятельности, наоборот, способствует развитию еще одной разновидности «купеческого меценатства» – меценатства, ориентированного на совмещение традиций классической благотворительной (меценатской) деятельности и традиций предпринимательства, или – традиций социального предпринимательства в современной терминологии.

Социальное предпринимательство – это особый вид деятельности, находящийся на пересечении благотворительности и бизнеса, ориентированный на решение социальных проблем, помощь людям. **Социально ориентированное предпринимательство имеет в первую очередь благотворительный оттенок, и уже во вторую – приносит доход** [8]. Российская практика социального предпринимательства начала формироваться и реализоваться в России на рубеже XIX и XX веков, что по временному промежутку как раз совпадает с активной деятельностью в Крыму таких меценатов, как П.И. Губонин, С.И. Мальцов, Н. Д. Стахеев и другие.

Так, П.И. Губонин стал первооснователем крымского курортостроения. В 1874 году Губонин построил железную дорогу в Крыму – от станции Лозовая до Севастополя. На заработанные от этого строительства деньги Петр Ионович в 1881 г. купил участок земли, построил на нем церковь Успения Пресвятой Богородицы, курзал и семь удобных гостиниц, отличающихся великолепной архитектурой и внутренним благоустройством, что и стало толчком для развития Гурзуфа как современного и комфортабельного курорта.

Деятельность С.И. Мальцова и его сыновей связана с Симеизом, в котором их усилиями был дан старт развития доступного курорта для туристов, которые не могли позволить себе более комфортабельного отдыха. Основу этого курорта составил курортный комплекс, состоящий из ... новых железнодорожных вагонов, которые были оформлены как импровизированные дачи. Такой нестандартный подход к проблеме доступности отдыха предложил именно Сергей Иванович Мальцов [3].

При этом и П.И. Губонин, и С.И. Мальцов остаются предпринимателями. П.И. Губонин открывает несколько винных магазинов в Москве и С-Петербурге, а С.И. Мальцов в Симеизе развивает производство русского шампанского.

Именно поэтому, на наш взгляд, вполне целесообразно рассматривать деятельность известных меценатов в Крыму как предоснову формирования российской традиции социального предпринимательства, что означает, что традиция российского меценатства не прерывается в процессе социального развития

общества, а лишь приобретает новые (специфические) формы проявления.

История современного Крыма ставит перед меценатами новые задачи, и, соответственно, формирует новые формы его реализации. **Попечительство на данный момент – одно из важнейших направлений социального предпринимательства и меценатства на полуострове. Оно имеет многолетнюю историю, но именно возвращение Крыма в состав России придало новый импульс его развитию.** 29 января 2020 г. в Государственном Совете Республики Крым были подведены итоги попечительской и меценатской деятельности в Республике Крым [5]. Ими стали как индивидуальные предприниматели – Джавдетов Д.Э., член попечительского совета Амурской школы Красногвардейского района, депутат Красногвардейского совета, индивидуальный предприниматель, так и работники системы образования – Сосунович Т.Ю. – директор Калиновской общеобразовательной школы Ленинского района, Комин А.А – член Попечительского совета Средней общеобразовательной школы № 16 г. Евпатория и другие. **В республике на начало 2020 г. организовано порядка 400 попечительских советов, в задачи которых входит, в первую очередь, помощь школам, в частности, поддержка материально-технической базы, решаются организационные вопросы, и контроль общественности за системой образования [6].**

Развитию социального предпринимательства в Крыму способствует активная поддержка со стороны администраций городских округов, Центра поддержки и развития предпринимательства, Фонда поддержки предпринимательства Крыма и в целом руководства Республики Крым. Реализация механизмов государственной поддержки социальных проектов хозяйствующих субъектов и социально ориентированных некоммерческих организаций позволяет развивать не только само социальное предпринимательство, но и способствует активному формированию культуры меценатства у молодых предпринимателей Крыма. Именно молодые предприниматели Крыма должны стать достойными продолжателями традиций российского меценатства.

Литература:

1. Благотворительность, меценатство и земство 19-20 веков. – Режим доступа: <http://mirznanii.com/a/214295-3/blagotvoritelnostmetsenatstvo-i-zemstvo-19-20-vekov-3>.

2. Жуков Г. В. Благотворительность как инструмент фандрейзинга в социокультурном пространстве современного общества. автореферат диссертации по культурологии, специальность ВАК РФ 24.00.01. - Краснодар, 2002. – 29 с.

3. Кеня И.А., Лупоядова Л.Ю. Условия и особенности развития благотворительности в Крыму во второй половине XIX-начале XX в.в. // Вестник Брянского государственного университета. История. Исторические науки. – 2017 г. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-i-osobennosti-razvitiya-blagotvoritelnosti-v-krymu-vo-vtoroy-pолоvine-xix-n-xx-vv>.

4. Новолоцкая Н.Г. Меценатство как социокультурный феномен: сущность и современное состояние. Автореферат диссертации по культурологии, специальность ВАК РФ 24.00.01. – М., 2006. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/metsenatstvo-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-suschnost-i-sovremennoe-sostoyanie#ixzz5XsLlxXUj>

5. Объявлены имена лучших попечителей и меценатов Крыма в сфере образования и спорта. – Режим доступа: <https://simferopol.bezformata.com/listnews/luchshih-popechitelej-i-metsenatov-krima/81112570/>

6. «Попечительское движение в Крыму наберет еще большие обороты» – В. Константинов. – Режим доступа: <https://simferopol.bezformata.com/listnews/popechitelskoe-dvizhenie-v-krimu-naberet/81123132/>

7. Попова О.С. Развитие меценатства в условиях модернизации России во второй половине XIX-начале XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Код специальности ВАК: 07.00.02. – Астрахань, 2011. – 188 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-metsenatstva-v-usloviyakh-modernizatsii-rossii-vo-vtoroi-pолоvine-xix-nachale-xx-ve#ixzz5ajQb7bhw>.

8. Социальное предпринимательство: как зарабатывать добрыми делами? – Режим доступа:

<https://constructor.ru/finansy/socialnoe-predprinimatelstvo-kak-zarabatyvat-dobrymi-delami.html>

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте региональных кризисных явлений

Белащенко Д.А.

Кандидат исторических наук,

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
доцент кафедры истории и теории международных отношений
E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru*

***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в
рамках научного проекта № 20-011-00666, «Интеграционные
процессы в Европе: сравнительный анализ».***

Аннотация: *Анализируются особенности интеграционных процессов на постсоветском пространстве в контексте региональных кризисных явлений. К последним автор относит украинский кризис, локальные конфликты, «цветные» революции, эрозию институтов Содружества Независимых Государств, фрагментацию региона постсоветского пространства. Для пространства бывшего СССР характерны несколько направлений интеграционных процессов, с разной долей успешности реализовывавшихся ранее или реализующихся на современном этапе. На сегодняшний день наиболее масштабными и перспективными интеграционными процессами в регионе принято считать евразийскую интеграцию, главным результатом которой можно назвать существование и функционирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе пяти государств. В то же время интеграционные процессы перманентно подвергаются негативному влиянию со стороны целого комплекса негативных событий и факторов, выявляющих проблемные места и «болевы точки» в сближении постсоветских государств. От успешности решения существующих региональных проблем и кризисов и нивелирования их последствий во многом зависит не только перспектива евразийской или любой другой интеграции, но и сохранение постсоветского пространства в качестве единого геополитического и геоэкономического целого.*

Ключевые слова: *постсоветское пространство, интеграционные процессы, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, украинский кризис, локальные конфликты.*

Integration Processes in The Post-Soviet Space in the Context of Regional Crisis Events

Belashchenko D.A.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, associate professor, assistant

E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru

Abstract: *The features of integration processes in the post-Soviet space in crisis conditions are analyzed. The latest data include the relative Ukrainian crisis, local conflicts, «color» revolutions, erosion of the institutions of the Commonwealth of Independent States, fragmentation of the region of the post-Soviet space. Successes were realized earlier or realized at the implementation stage. Today is the largest and most promising integration process in the region, in which the existence and functioning of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the composition of five states should be named. At the same time, integration processes are negatively affected by a whole range of negative events and factors that identify problem areas and «pain points» in the convergence of post-Soviet states. This may be connected not only with the prospect of Eurasian or any other integration, but also with the preservation of the post-Soviet space as a single geopolitical and geoeconomic whole.*

Keywords: *post-Soviet space, integration processes, Eurasian integration, Eurasian Economic Union, Ukrainian crisis, local conflicts.*

Произошедший практически 30 лет назад распад СССР привел к появлению 15 новых независимых государств, а также выступил в роли катализатора различных изменений как на глобальном уровне (например, смена системы международных отношений), так и на региональном. Фактически возник новый, несуществовавший до этого регион – постсоветское пространство. Столь масштабные изменения геополитические и геоэкономические изменения повлекли за собой целый комплекс негативных последствий, к числу которых можно отнести локальные конфликты, вопросы о признании территориальной целостности того или иного государства. В XXI в. к ним добавились новые кризисные явления: «цветные» революции, последствия Евромайдана (украинский кризис), фрагментация региона постсоветского пространства [1, с. 12]. Тем не менее, на сегодняшний день постсоветское пространство сохраняется в качестве относительно консолидированного региона, чему во многом способствует задел интеграционных процессов 1990-х гг. и современная евразийская интеграция.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве принято отсчитывать фактически с момента распада СССР, когда появилось Содружество Независимых государств (СНГ). Несмотря на неоднозначное отношение к этой организации среди политического истеблишмента и экспертного сообщества постсоветских государств, именно деятельность Содружества обеспечила определенный задел и глубину сотрудничества в разных сферах (экономической, военной, политической, культурной и т.д.), а также определила некоторые ключевые особенности современной интеграционной ситуации в регионе [2].

Стоит отметить, что в 1990-х гг. кризисные явления оказывали не только негативный эффект на процессы интеграции, но могли выступать и в качестве консолидирующего фактора. В частности, социально-экономические проблемы, с которыми столкнулись новые независимые государства, отсутствие опыта длительного независимого существования у большинства стран постсоветского пространства вынуждали политические и экономические элиты сохранять, возобновлять или выстраивать новые связи с партнерами по СНГ в рамках интеграционных процессов или приграничного сотрудничества. Как отмечает П.Е. Доронина, «многие регионы, столкнувшись с необходимостью самостоятельного администрирования хозяйственной и политической жизни, вполне логично приняли решение использовать свой географический потенциал и самостоятельно искать партнеров в ближнем зарубежье, определять направления и модели сотрудничества с ними. Облегчала данную задачу и сохранявшаяся единая самоидентификация если не элит, то большинства населения соответствующих территорий» [3, с. 180-181].

Тем не менее, ограниченные экономические возможности государств СНГ и слабая институционализированность данной организации привели к тому, что на рубеже веков и в начале 2000-х гг. на фоне кризиса Содружества начинают активно развиваться альтернативные интеграционные процессы. Акценты были смещены в сторону менее масштабных по численности объединений, но имеющих в составе участников с относительно схожими целями. Речь, прежде всего, идет о ГУАМ и ЕАЭС [4, с. 28-30]. Кроме того, необходимо учитывать, что в XXI в. кризисные явления на постсоветском пространстве усиливались: периодические «цветные» революции и смены правящих режимов, внутривнутриполитические кризисы, неурегулированные локальные конфликты. Отдельно стоит отметить и фактор постепенной смены политических элит. Если в 1990-х и начале 2000-х гг. многие вопросы, в том числе связанные с интеграцией государств постсоветского пространства решались за счет личных

контактов и знакомств, то за последние годы произошли значительные изменения.

Что касается «альтернативных» интеграционных процессов, то их развитие во многом определялось не только экономической целесообразностью, успешным сотрудничеством участников на предыдущих этапах, но и политической конъюнктурой, которая далеко не всегда соответствовала долгосрочным интересам участников. Ярким примером является деятельность организации ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), наиболее продуктивный период существования которой пришелся на середину 2000-х гг., т.е. на период «цветных» революций в Грузии и Украине, когда у власти оказывались политики, выступавшие за диверсификацию интеграционных процессов в регионе [5]. Со сменой политических режимов активность в рамках ГУАМ фактически прекратилась и в настоящий момент деятельность в рамках организации фактически не осуществляется.

На сегодняшний день наиболее успешные и перспективные интеграционные процессы осуществляются в рамках евразийской интеграции, наиболее активными участниками которой выступают Российская Федерация, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан, входящие в состав ЕАЭС. Евразийская интеграция стала не только реализацией концепции разноскоростной и разноуровневой интеграции, разработанной на фоне неэффективности СНГ, но и реакцией на стремления некоторых государств постсоветского пространства присоединиться к «европейскому проекту» [6], [7]. Фактически последние 20 лет постсоветское пространство существует в условиях «дилеммы интеграций», т.е. противостояния европейского и евразийского путей развития [8].

Украинский кризис, ставший не только серьезным испытанием для постсоветского пространства как единого региона, но и оказавший существенное влияние на современные международные отношения [9], не мог не отразиться на евразийской интеграции. И если пессимистические прогнозы о прекращении или «заморозке» данных процессов [10] не оправдались, то восприятие России ее ближайшими партнерами по ЕАЭС Беларусью и Казахстаном претерпело изменения в худшую сторону, примерами чего стала как риторика лидеров этих стран, так и корректировка общественного населения мнения в сторону антироссийских настроений [11].

Кроме того, на фоне последствий украинского кризиса евразийская интеграция в информационном поле подается в неокOLONIALном дискурсе [12, с. 29]. Партнерство в рамках ЕАЭС представляется как неравноправное, дискриминационное и поверхностное, призванное обеспечить продвижение интересов России

на постсоветском пространстве в ущерб суверенитету и независимости участников интеграционных процессов [11, с. 13-14]. При этом подобные трактовки и характеристики влияют не только на настроения участников ЕАЭС, но и на потенциальных членов (Таджикистан, Узбекистан).

Можно утверждать, что украинский кризис является переходным этапом, как для постсоветского пространства, так и для евразийской интеграции. В условиях фрагментации региона именно успешное сближение в рамках ЕАЭС способно сохранить регион как единое политико-экономическое образование и консолидировать позиции большинства постсоветских государств.

Также украинский кризис и его последствия при всем негативном влиянии на регион постсоветского пространства, евразийскую интеграцию и внешнюю политику России предоставляет определенную возможность для развития ЕАЭС и усиления позиций Москвы в регионе. В условиях экономических санкций и ухудшения отношений с западными государствами вполне возможным представляется переориентация ресурсов и инвестиций именно в проекты в рамках евразийской интеграции с целью ее трансформации в одно из ключевых направлений внешней политики России.

Таким образом, можно констатировать, что кризисные процессы и явления характерны для постсоветского пространства на протяжении всей его истории. Однако если в первые годы существования региона они, скорее, выступали в качестве катализаторов к сближению и сотрудничеству, то затем, напротив, способствовали разобщению и фрагментации региона.

Литература:

1. Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф. Последствия украинского кризиса для постсоветского пространства: проблема восприятия России // Национальные интересы и внешняя политика России: история и современность. Сборник материалов VI-й Всероссийской научной конференции / Ответственный редактор А.Н. Сквозников. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 11-17.

2. Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2012. 296 с.

3. Доронина П.Е. Приграничное сотрудничество в рамках постсоветского пространства: основы международно-правовой регламентации // Юриспруденция: вопросы российского и международного права. 2016. № 11. С. 179–188.

4. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред-сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылев. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 496 с.

5. Рассохин И.С. История Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ) как альтернативного объединения на постсоветском пространстве // Вестник ВГУ: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 138–140.

6. Дурдыева А.А. Дилемма интеграций на евразийском пространстве в контексте украинских событий (на примере эволюции политики Казахстана и Белоруссии в процессе реализации проекта ЕАЭС) // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 3(42). С. 134–140.

7. Скриба А.С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т.9. №3. С. 96–111.

8. Троицкий М., Чарап С. Дилемма интеграции на постсоветском пространстве СМИ [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Dilemma-integracii-na-postsovetском-prostranstve-16177> (дата обращения: 14.01.2020).

9. Тренин Д.В. Украинский кризис и возобновление великодержавного соперничества [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://carnegie.ru/2014/10/15/ru-pub-56935> (дата обращения: 14.01.2020).

10. Образ Евразийского экономического союза в западных СМИ [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/29806/> (дата обращения: 14.01.2020).

11. Мурзагалеев Р.И., Михайличенко Д.Г. Постмайданные контуры евразийской интеграции: трансформация ограничителей и перспектив. Уфа, 2014. 33 с.

12. Белашенко Д.А., Войнов А.А. Влияние украинского кризиса на евразийскую интеграцию: проблемы, последствия, перспективы // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 2(19). С. 27-31.

Решение сирийско-ливанского вопроса в Арабской Лиге в 1945 году

Бершов В.Н.

*ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И.
Вернадского, Таврическая академия, аспирант
E-mail: Tripolic@mail.ru*

Аннотация: В статье исследуется сирийско-ливанский вопрос, вынесенный на рассмотрение заседания Арабской Лиги в июле 1945 года. Трагичность этих событий для арабских стран заключается в том, что в результате бомбардировки столицы Сирии французской армией в мае 1945 г. пострадало местное население и был нанесен ущерб историческому наследию страны. Против агрессии французов на сирийской территории выступили СССР, Англия и США. Арабская Лига поддержала позицию Советского правительства. Автор анализирует позицию Арабской Лиги, повлиявшей на отношение арабских стран к данной проблеме.

Ключевые слова: Сирийско-ливанский вопрос. бомбардировка столицы Сирии, французская агрессия в отношении стран Леванта, конфликт интересов в Сирии между Францией и Англией, страны Леванта во Второй мировой войне.

Solution of the Syrian-Lebanese issue in the Arab League in 1945

Bershov V.

graduate student

*Federal STATE Autonomous educational institution of the Crimean
Federal University. V. I. Vernadsky, Tauride Academy
E-mail: Tripolic@mail.ru*

Abstract: The article explores the Syrian-Lebanese issue that was submitted to the meeting of the Arab League in July 1945. The tragedy of these events for the Arab countries is that as a result of the bombing of the Syrian capital by the French army in May 1945, the local population suffered and the country's historical heritage was damaged. The Soviet Union, Britain, and the United States opposed the French aggression on Syrian territory. The Arab League supported the position of the Soviet government. In addition, the position of the Arab League that influenced the attitude of Arab countries to this problem is analyzed.

Keywords: The Syrian -Lebanese issue. the bombing of the Syrian capital, the French aggression against the Levant countries, the conflict of

interests in Syria between France and England, the Levant countries in world war II.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска решения проблем, связанных с урегулированием сирийского кризиса на мировых площадках различными акторами международных отношений, от которых зависит целостность и независимость современной Сирии.

Страны Леванта – Сирия и Ливан – до Второй мировой войны находились под мандатом Франции и были оккупированы французскими войсками. Управление осуществлялось французским Верховным комиссаром.

На протяжении многих лет народы Сирии и Ливана вели упорную борьбу за свою национальную независимость. В ходе этой борьбы они добились некоторых частичных уступок, но не достигли главной цели – независимости.

В 1940 году правительство Виши передает Сирию и Ливан под контроль немецко-итальянской комиссии. Державы «Оси» превращают территорию стран Леванта в фашистский плацдарм, и перед союзниками встает задача его скорейшей ликвидации. В июне 1941 года войска союзников – англичан и «Свободной Франции» – вступили в Сирию и Ливан. При этом союзники торжественно обещали отменить мандатный режим и признать независимость стран Леванта, что и было сделано 26 сентября 1941 года в Сирии, а потом и в Ливане 26 ноября 1941 года [4, с. 89].

Однако положение дел в Сирии и Ливане не изменилось. Франция сохраняла свою военную, политическую и экономическую власть над странами Леванта. Наряду с французами в стране были размещены и английские войска.

Надо отметить, что ещё во время войны, в ноябре 1943 года, вмешательство Франции во внутренние дела стран Ливана и Сирии вызывало серьезные столкновения между французскими войсками и местным населением.

В мае 1945 года, накануне переговоров между Францией, Сирией и Ливаном, по приказу де Голля были перебросены в страны Леванта военные подкрепления. Сирия и Ливан расценили эту меру как попытку оказать воздействие на ход переговоров. Возник новый конфликт [5, с. 71].

В момент конфликта СССР обратился к правительствам Франции, Англии, США, и Китая с предложением ликвидировать конфликт мирным путем. Отметив, при этом, что «на территории стран Леванта происходят военные действия и что находящиеся там французские войска вошли в столкновение с сирийцами и ливанцами, производя

артиллерийский и минометный обстрел, а также применяя авиацию для бомбардировки столицы Сирии и указав, что вооруженные столкновения имеют место и в других городах Сирии и Ливана и что число убитых и раненых растёт с каждым днем» [1, д. 3229, л. 47].

В отношении майских событий 1945 г. в странах Сирии и Ливана Советским правительством было заявлено: «События в государствах Леванта не соответствуют духу решений, принятых в Думбартон-Оксе и целям проходящей в Сан-Франциско конференции ООН. По этой причине СССР считает необходимым принять меры к прекращению военных действий в странах Леванте и уладить возникший конфликт мирным способом» [2, д. 85. л. 69].

Однако Англия предпочла действовать единолично. Она решила использовать этот конфликт, чтобы занять в Сирии и Ливане преобладающее положение.

Такова была обстановка в Сирии и Ливане к июлю 1945 года, когда Совет Арабской Лиги собрался в Каире на свою первую и чрезвычайную сессию для обсуждения конфликта.

На сессии Совета все члены Арабской Лиги выразили свою солидарность с Сирией и Ливаном и осудили позицию Франции.

«Мы благодарны России, – заявил председатель Совета Лиги Нукраши-паша, который тогда был премьер-министром Египта, – за её позицию, о которой меня вчера известил ее посланник. Эта позиция подтверждает, что великие державы не считают насилие приемлемым методом для урегулирования отношений между государствами или народами» [3, с. 101].

Совет Лиги заслушал доклады представителей Сирии и Ливана и вынес следующую резолюцию:

1. Французское правительство совершило агрессию против Сирии и Ливана. Оно несет ответственность за погибших, раненных и причинённый материальный ущерб.

2. Присутствие французских войск в Сирии и Ливане нарушает суверенитет и независимость этих стран.

3. Контроль над специальными войсками должен быть передан в полное распоряжения Сирии и Ливана.

Также Совет Лиги постановил: в соответствии со ст. 6 «О совместных мерах для отражения агрессии» принять все необходимые меры против французской агрессии. Принимая эти меры, Совет полон решимости пойти на любые жертвы, чтобы выполнить свой долг и добиться осуществления целей двух арабских республик, а именно: сохранения их независимости и осуществления вывода иностранных войск с их территории» [1, д. 3229, л. 84].

Однако Лига не выступила при этом с критикой английской политики в Сирии и Ливане. Напротив, она вынесла благодарность Англии за ее позицию в Сирийском вопросе и даже не потребовала вывода английских войск с территории Леванта. Представители Лиги поддержали предложение У. Черчилля о передаче сирийско-ливанского вопроса на совместное обсуждение трех держав (Англии, Франции, США), предложение, которое отнюдь не соответствовало интересам Сирии и Ливана [3, с. 145].

Кроме того, Совет Лиги не вынес решения о конкретных мерах борьбы против французской агрессии. В течение недели было проведено шесть заседаний, на которых делегаты различных арабских государств не сумели договориться между собой по этому поводу. Содержание дебатов сохранялось в тайне.

В ГАРФ № ф. 4459 оп. 35 д. 85 указано, что сирийская делегация требовала немедленного разрыва дипломатических отношений между арабскими государствами и Францией, прекращения радиопередач на французском языке во всех арабских государствах, отмены преподавания французского языка во всех учебных заведениях арабских стран. В случае отказа Франции признать решение Лиги сирийская делегация настаивала на конфискации имущества Франции в Египте для возмещения убытков, понесенных Сирией в результате французской агрессии [2, д. 85, л. 92].

Делегация Египта выступила против этих предложений, в частности, против разрыва отношений с Францией, и после горячих дебатов Совет Лиги, не придя к решению прервал свою работу.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать следующий вывод:

1. Арабские страны признали Францию агрессором.
2. Конкретных действий против Франции арабскими странами принято не было;
3. Делегацией Египта не были поддержаны действия стран Леванта против Франции.

Литература:

1. Государственный архив Российской Федерации № ф. Р4459, оп. 27, д. 3229.
2. ГАРФ № ф. Р4459, оп. 35, д. 85.
3. Луцкий В. В. Новая история арабских стран. М.: Наука, 1965.
4. Оганесян Н.О. Образование независимой Сирийской республики (1939-1946 г). М.: Наука, 1968.
5. Пир-Будакова Э.П. История Сирии XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.

Национальная память в условиях новых глобальных вызовов

Беспалова Т.В.

*Доктор философских наук,
Российский научно-исследовательский Институт культурного и
природного наследия им.Д.С.Лихачева,
ведущий научный сотрудник-руководитель отдела
государственной культурной политики
E-mail: tvb09@bk.ru*

Аннотация: *Новые типы войн, которые идут без объявления войны, нет общей линии фронта, они проходят во всех пространствах (экономическом, культурном и др.), потому действия врага зачастую сложно идентифицировать. Противостояние идеологически обусловленных смыслов сохраняется в сфере международной, культурной, образовательной политиках, можно утверждать, что холодная война не закончилась, а перешла в иные формы, проникая во все формы общественных отношений. Государственные институты в периоды острой политической борьбы транслируют различные версии культурно-исторической памяти, что приводит к конкуренции групп памяти в самом обществе. Именно так возникают конфликтные версии памяти, каждая из которых в период трансформации общества может претендовать на статус национальной памяти.*

Ключевые слова: *национальная память, «войны памяти», забвение.*

National Memory in the Face of New Global Challenges

Bespalova T.V.

*Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
named after D.S.Lihachev
E-mail: tvb09@bk.ru*

Abstract: *New types of wars that go without declaring war, there is no common front line, they take place in all spaces (economic, cultural, etc.), because the actions of the enemy are often difficult to identify. Opposition to ideologically determined meanings persists in the sphere of international, cultural, educational politicians, it can be argued that the Cold War has not ended, but has passed into other forms, penetrating into all forms of social relations. State institutions broadcast different versions of cultural and historical memory during periods of acute political struggle, leading to the*

competition of memory groups in society itself. This is how conflict versions of memory arise, each of which during the period of transformation of society can claim the status of national memory.

Keywords: *national memory, «memory wars», oblivion.*

Эпоха, в которой нам волей судьбы довелось оказаться, характеризуется масштабными изменениями в процессах традиционного восприятия знаковых событий мировой и отечественной истории, «символических фигур памяти». Россию всячески пытаются втянуть в политическую дискуссию на исторические темы по вопросам, которые *совершенно не являются для нас дискуссионными.*

Одной из особенностей исторической памяти можно считать преувеличение отдельно взятых моментов исторического прошлого, когда возникает определенная «*историческая ассиметрия*» в отношении прошлого [1]. Однако и сама историческая память в отдельные моменты истории становится предметом пристального внимания.

Почему в определенные исторические эпохи можно наблюдать всплеск интереса к теме памяти в культуре, политике и даже на уровне повседневности? Ученые давали разные ответы на этот вопрос, но одним из условий повышенного интереса к проблеме памяти всегда была эпоха перемен, например похожие события во Франции объясняли так: «...*вся шумиха вокруг памяти происходила в то время, когда приближалась важнейшая дата – двухсотлетие Революции, властно выносившее на повестку дня и на общее обсуждение юбилейное воспоминание как таковое*» [2, с.147-168].

2020 год объявлен *Годом Памяти и Славы в честь 75-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне*, это можно считать лишь одной из причин повышенного интереса к теме исторической памяти. Помимо юбилейной даты, давно уже требуется серьезный системный ответ на распространившиеся в последние годы ревизионистские и ложные трактовки международно-признанных исторических фактов, которые используются для масштабной фальсификации истории отдельными странами с целью продвижения собственных политических интересов, оспаривания права на Великую Победу и международную легитимацию претензий к России. Например, 19 сентября 2019 года Европарламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой была допущена грубая фальсификация истории – попытка поставить знак равенства между страной-агрессором Германией и Советским Союзом, народ которого освободил Европу от фашизма. В

тексте указанной резолюции содержится *призыв к формированию общей культуры памяти*, в рамках которой отвергаются преступления фашистского, сталинского и других тоталитарных и авторитарных режимов (п.10), что потребует эффективной поддержки проектов исторической памяти, деятельности Платформы *европейской памяти и совести*, финансирования деятельности по поддержке памяти и жертв тоталитаризма. Депутаты Европарламента утверждают, что Россия остается главной жертвой коммунистического тоталитаризма и считают этот факт основной трудностью на пути превращения ее в демократическое государство (п.15). В ряде европейских стран реализуется политика реабилитации и глорификации участников различных антисоветских формирований и бойцов коллаборационистских соединений, в том числе участников военных преступлений против человечности, происходит реабилитация нацизма и неонацизма, проходят массовые шествия ветеранов «Ваффен-СС».

Ряд стран (страны Балтии, Украина, Польша), обосновывая логику «десоветизации» и отказа от общего прошлого с Россией, приняли законы о запрете советской символики, что, по сути, допустило уничтожение на их территории памятников и захоронений советских воинов. Системная война с памятниками и памятью превратилась в один из мощнейших механизмов размывания цивилизационных основ России.

Главной причиной происходящего, на наш взгляд, можно считать падение *этического уровня политики и дипломатии*, в результате чего происходит активное воздействие политических элит на социальную память, приводящее не только к абсурду в восприятии исторических событий, но и к предательству исторических побед, героев, памяти наших великих предков.

Мы являемся свидетелями возвращения стратегического диалога политических элит в большую политику, инициатором которого выступила Россия. Выступление Владимира Путина в декабре 2019 года на неформальном саммите СНГ в Санкт-Петербурге, выступления Патриарха и министров на XXVIII Рождественских Чтениях отличались жесткой риторикой и были посвящены отстаиванию исторической памяти и правды о Победе в Великой Отечественной войне. В целом, изменения внутренней и внешней политики России в 2020-м году (отставка Правительства, властная инициатива Президента по внесению предложений поправок в Конституцию РФ, изменение курса социальной политики, внешней политики Российского государства на постсоветском пространстве, в частности на украинском направлении) *связаны со сменой ценностно-идеологического содержания государственной политики России*. 2020-й год должен

стать очередным этапом укрепления цивилизационной роли России в области мировой политики, поэтому особенно отчетливо на Рождественских Чтениях прозвучал вопрос Патриарха: *«что значит быть наследником Великой Победы?»*.

Очевидно, что попытка создать *«общую культуру памяти»* не может иметь под собой реальной культурно-исторической основы, так как даже у двух индивидов об одном и том же событии разные воспоминания, тем более у народов, которые были врагами в одной из самых страшных войн человечества, по определению не может быть одинаковых воспоминаний. *«Общей культуры памяти» не существует*, так как коллективная память исторически и культурно обусловлена, а каждый народ создает собственную национальную историю, которая становится «рамками» коллективной памяти. Предположение Мориса Хальбвакса представляется нам методологически точным: *«Если под исторической памятью мы понимаем ряд событий, воспоминания о которых хранит национальная история, то не она ли, не ее ли рамки являются основной частью того, что мы называем коллективной памятью?»*

Более того, если депутаты Европарламента апеллируют к важности сохранения исторической памяти *для Европы*, то у России совершенно иные цели – сохранение исторической памяти *для ее собственного великого будущего*.

В современных «войнах памяти» уничтожение памяти противника о его великих победах и героях становится одним из основных условий достижения поставленной цели, так как приводит к исчезновению ее носителя, даже без военного вмешательства.

Умалить роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии, предать забвению подвиг советского народа, оправдать попытки ряда стран по уравниванию «тоталитаризмов» - эти и подобные деструктивные тенденции рассчитаны на практически несформированное историческое самосознание российской молодежи. Если раньше индивидуальная память множества индивидов создавала общее полотно истории, то сейчас эти множественные версии исторической памяти стали доминировать *над* историей, разрушая привычное единство российского (в прошлом советского) народа.

Национальную память предлагается рассматривать как память, которая организуется в русле формирования национальной идентичности и соотносится с возникающим в обществе социокультурным запросом. Память ведь *«не просто продолжается, но должна каждый раз по-новому учреждаться, сообщаться и усваиваться»* (Я.Ассман), что требует её институционализации в новых государственных и политических формах. Государственные

институты в периоды острой политической борьбы транслируют различные версии культурно-исторической памяти, что приводит к конкуренции групп памяти в самом обществе.

Именно так возникают конфликтные версии памяти, каждая из которых в период трансформации общества может претендовать на статус национальной памяти. *Таким образом, во всех сферах культурной деятельности в периоды серьёзных социальных перемен (театр, кинематограф, выставки и пр.) можно заметить острое противоборство этих идейно-политических предпочтений – «войны памяти».*

Наряду с припоминанием, важно и забывание – когда определённые элементы памяти вытесняются из активного употребления в область забвения, появляется новый «набор воспоминаний, который сопровождается появлением определённого набора молчаливо разделяемых умолчаний» (Connerton P.).

В работах, посвященных изучению метафизики памяти, можно встретить описание двух условий памяти: *«помнить все»* и *«не помнить ничего»*. «Если человек, не помнит все, то он не вспомнит ничего конкретного, он вообще не может помнить. Такого рода память подобна парадоксу Сократа-Платона: чтобы нечто узнать, надо его уже в каком-то смысле знать, иначе неизвестно куда идти, что искать. Чтобы что-нибудь вспомнить, я должен уже помнить это, помнить не по содержанию, а по форме, быть внимательным, т.е. вглядываться в свое прошлое и постоянно ощущать его присутствие» [3, с. 52]. Возникает некая готовность «помнить», которая напоминает веру, так как в своем изначальном проявлении не связана с точным знанием. Это своего рода «вечная память».

Условие *«помнить все»*, конечно, нельзя воспринимать буквально. Губин В.Д. описывает в работе «Метафизика памяти» рассказ Хорхе Луиса Борхеса «Память длиною в жизнь: история Фунеса, человека, который помнил все» и показывает, что эта способность одновременно и радовала, и тяготила главного героя, а память превратилась в «сточную канаву». «Воспоминания эти были непростыми – каждый зрительный образ сопровождался ощущениями: мускульными, тепловыми и т.п. Он мог восстановить все свои сны, все дремотные видения... В действительности Фунес помнил не только каждый лист на каждом дереве в каждом лесу, но помнил также каждый раз, когда он этот лист видел или вообразил». *Неспособность к забвению превращает память в груз, делает ее избыточной, а знание, полученное в избытке, перестает действовать в качестве преобразующего мотива (курсив – Т.Б.)* [3, с. 54]. Особенно актуально звучит эта идея в современной ситуации, когда желание некоторых

политических сил наполнить национальную память нашего народа «неизвестными» (не всегда благозвучными – проект «Бессмертный барак») страницами истории превращает ее в груз вины и комплекс ответственности.

Почему надо уметь забывать? *Забвение часто путают с отрицанием прошлого, его неприятием, тогда как без забвения не может возникнуть в подлинной памяти.* Сократовское признание «Я знаю, что ничего не знаю» дополняется «Я помню, что ничего не помню», сколько бы я ни помнил, я имею мужество отказаться от этого, чем больше я забуду, тем более мне удастся вспомнить. Я не знаю никаких рецептов счастливой жизни, не знаю, что такое ум, что такое совесть. Не знаю, значит и не помню... Задача творческого человека – *научиться забывать, не отвергать прошлое и себя, каковым он был в прошлом, но забывать его* [3, с.65-67].

«Память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей» [4, с. 81] - этот тезис представляется важным, совершенно не отрицает научность исследования, а скорее усложняет восприятие прошлого и придает ему дополнительную прикладную значимость. Противоречие между исторической памятью и научной историей объяснимо еще и различными видами знания и, соответственно смещением методов постижения реальности. *Историческая память как «символическая репрезентация прошлого, как идеальная реальность объединяет в себе различные виды знания: не только научное (прежде всего историческое), но и религиозное, идеологическое, искусство, обыденное знание»* [5]. Может быть, поэтому возникает ощущение, что обращение к исторической памяти (одной из ее версий) заменяет идеологию.

Возрождение национального самосознания носителя памяти и культуры, русского народа и других коренных народов России через восстановление лучших отечественных традиций в культурной, образовательной и научной сферах – первостепенная задача государственной политики России, только тогда заработают механизмы национальной памяти, станут узнаваемыми образы русской классики, вновь вернётся подвиг, надежда и прекрасный образ Родины.

Литература:

1. Лыкова В.В. Историческая память в современной России: проблемы трансформации [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-v-sovremennoy-rossii-problemy-transformatsii/viewer> Дата обращения 03.02.2020 (дата обращения 3.01.2019).

2. Артог Ф. Время и история: «Как писать историю Франции?» [1995] //Анналы на рубеже веков: Антология / Сост. А. Я. Гуревич, С. И. Лучицкая/Пер. с фр. М.: «XXI век: Согласие», 2002.
3. Губин В. Д. Метафизика памяти. М. 2017. 192 с.
4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности/Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Лыкова В. В. Историческая память в современной России: проблемы и трансформации [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-v-sovremennoy-rossii-problemy-transformatsii> (дата обращения 3.01.2020)

Крым: перекресток цивилизаций или зона цивилизационного разлома?

Буркова Е. И.

Кандидат политических наук

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова, Российская
Академия Наук, старший научный сотрудник
E-mail: lenchen007@rambler.ru*

Аннотация: Данная статья посвящена теме цивилизационных особенностей и идентичности России. Работа призвана выявить ключевые характеристики русской цивилизации в свете вхождения в состав нашей страны Автономной республики Крым (2014). Непосредственным предметом рассмотрения в данном контексте становится цивилизационное пространство полуострова - как место распространения различных культур; как возможное место развития отдельного, самостоятельного культурно-исторического типа, имеющего сходства, различия, родство с цивилизацией сегодняшней России. Естественно, в этой связи поднимается тема цивилизационных черт, идентичности, (само)идентификации иных стран на постсоветском пространстве, прежде всего, Украины. Решение этих и других поставленных задач осуществляется с применением ряда отечественных разработок, рубежа XX-XXI вв., в области цивилизационного анализа, в частности: теории русской цивилизации А. С. Панарина (1940-2003), экологических (environmental) концепций цивилизации и цивилизационных разломов акад. Н. Н. Моисеева (1917-2000), социоприродной версии российской цивилизации

Э. С. Кульпина (1939-2015) и других. В качестве подведения итогов делаются выводы, имеющие непреходящее значение для динамики политического развития России, ее грядущего становления в эпоху глобализации.

Ключевые слова: Цивилизация, русская цивилизация, цивилизационный разлом, цивилизационная матрица, пространство цивилизации, окружающая среда цивилизации.

Crimea: civilization at the crossroads or the clash of civilizations

Burkova E.I.

*E.M. Primakov Institute of World Economy and International Relations (Russian Academy of Sciences), Senior Researcher
E-mail: lenchen007@rambler.ru*

Abstract: *The article is dedicated to the problem of civilizational specifics and identity of Russia. It is aimed to find out the crucial characteristics of Russian civilization of today, paying special attention to the Crimea that became the part of Russian Federation in 2014. The Subject of our analysis is the space of peninsula, as a place where different cultural types meet; the space of peninsula, where the unique Crimean civilization is probably formed. The question of civilizational identity, identification /self identification of post-Soviet countries – such as Ukraine - is highlighted here too. We fulfill these tasks with the help of the discoveries of several prominent Russian thinkers of XX-XXI cent.: A. S. Panarin (1940-2003), with his theory of Russian civilization, N. N. Moiseev (1917-2000), with his environmental concept of civilization & civilization clash, A. S. Kulpin (1939-2015), with his theory of socio-natural history of civilization. In the conclusion we focus on how all observed ideas are reflected in modern political process of Russia, in future survival of it in a globalizing world.*

Keywords: *Civilization, Russian civilization, civilization clash, civilization matrix, Environment of civilization, the Space of civilization.*

Наши современники мало интересуются политикой. Но то, что случилось 17 марта 2014 года, люди помнят. Не потому, что затем были санкции, беспрецедентный рост международной напряженности, антироссийская истерия и политический раскол в стране. И, конечно, не потому, что все любят отдыхать на курортах, желательно, недалеко и недорого. Народ поддержал власть в деле присоединения Автономной Республики Крым (АРК) к Российской Федерации, увидев в этом торжество своих чаяний. Неизменный предмет вождения

крупнейших мировых держав, уже более 2000 лет - на пересечении основных торговых, и не только, путей, этот клочок суши среди теплого моря, кажется для простых людей сегодня чем-то вроде малой исторической родины, для большей части интеллектуальной элиты – колыбелью государственности, настоящим хартлендом страны, которая есть человеческая цивилизация в миниатюре.

Значение Крыма невозможно переоценить. Здесь обрел свои контуры нынешний мировой порядок. Считается, что здесь было Крещение Руси от православной Византии, а без этого мы не мыслим начало нашей цивилизации. Но действительно ли Крым есть ее колыбель? Проблема цивилизационной идентичности Крыма, и - России, в связи с Крымом, и помимо него, самой теме цивилизационной идентичности посвящена эта статья.

Поскольку речь - об уникальном географическом и природном регионе, рассмотрим работы тех современных авторов, которые делали ставку на экологический, природно-климатический, географический фактор. Начнем с ученого, который предсказал катастрофические события на Украине, раскол на два государства и трагическую для этого славянского народа потерю Крыма. Многим известен историк и философ Э. С. Кульпин (1939-2015), описавший цивилизации через адаптацию человека к его среде. Цивилизация - единая социоприродная система, сообщество людей, погруженных в природные ландшафты и климатические условия. Выживание цивилизации – достижение и поддержание экологического равновесия, в условиях экологического кризиса гибель неизбежна, если не будет найдена принципиально иная модель адаптации. "Стабильность и кризисы во взаимоотношениях с природой определяют генетические коды цивилизаций и их мутации", определяет портрет цивилизационной матрицы [1, с. 48] Но свои взгляды Кульпин заимствовал из наследия выдающегося математика и философа-теоретика ноосферы Н. Н. Моисеева (1917-2000), для которого цивилизация собственно и была родом взаимодействия людей с социальной и природной окружающей средой. Современный нам экологический кризис он расценивал как кризис западной модели адаптации к социо-природной среде путем ее захвата, изъятия ресурсов и уничтожения.

Интересно, что религия у Моисеева не находится в центре идентификации цивилизационного типа. Не религия «выбирает» себе цивилизацию, формирует ее, а цивилизация выбирает религию «по себе», «подбирает» под свое ядро, которым уже обладает. Цивилизаций много не потому, что есть разные веры, а веры стали разные, потому что еще раньше были разные цивилизации. Он рассуждал: у разных братских по крови славянских народов не просто разная культура, а

разный внутренний, духовный мир, ведь они живут в разных природно-климатических, географических условиях. Себе на помощь он призвал теорию цивилизационных разломов С. Хантингтона. Он формулировал разломы как этап в истории развития цивилизации, во временном отношении, фаза, а в пространственном – граница, взаимодействия между цивилизациями, а также фазовый переход от одной стадии к другой, отдельной цивилизации. Разлом – рядовое проявление эволюции социума как нелинейной системы, аналог бифуркации в естествознании. Неизбежен, но не катастрофичен, и есть импульс в развитии человеческого общества [2] Моисеев поставил перед политиками задачу смягчения и нейтрализации последствий нынешних и грядущих цивилизационных разломов.

Моисеев считал всю территорию Украины зоной такого разлома. Он придерживался теории двух Украин - Украины Восточной и Западной, левобережной и правобережной. Восточная – наша цивилизация, Западная – нет. Между ними – довольно большая буферная зона, участок собственно разлома. В начале 90-ых гг. XX века Моисеев предположил грядущий раскол Украины, через всю территорию которой, с севера на юг, проходит полоса разлома. Именно за счет этого наша южная соседка станет на десятилетия зоной распространения глобальной нестабильности, считал он. Он писал: «ряд славянских племен еще в начале нынешнего тысячелетия принял католицизм, но и до сих пор эти народы не полностью «вошли в Европу». Страны, которые возникли на их основе, так и остались частью маргинального пространства, лежащего между двумя цивилизациями...», «что же касается ... западных украинцев, ..., то они остались частью промежуточного пространства между двумя цивилизациями, которых «настоящий» Запад рассматривал скорее как районы своих ленных владений или предмет торга..., чем как свою естественную составляющую», и напрасно эти страны все «тянулись к Западу и стремились сделаться частью Европейского полуострова» [3, с. 19]. Вся Украина – по большому счету, зона такого разлома, «своей» Украину Запад не считает.

Получается, что крымчане точно выиграли от выхода из-под власти Украины и лишь территориальная близость к ней еще усложняет их бытие. Но что такое Крым цивилизационно, если не самый настоящий западный мир, который только что вновь угодил под власть «немой» России? История дает основания для подобных рассуждений: легендарная окраина античного мира и перекресток торговых путей, где процветали греческие полисы и демократические рабовладельческие республики, не последняя по значимости провинция Римской, затем, Византийской, империи, наконец, колония Генуэзской

республики – все это Крым! Даже то, что он был частью Османской империи, не говорит, что Крым вдруг попал в... «Азию». Эта империя границами своими распространялась до предместья Вены.

Здесь надо коснуться вопроса цивилизационной идентичности самой России. А. С. Панарин (1940-2003), указывая рождение духовной цивилизационной матрицы русского народа, писал: она связана со средой, с пространством, русский не просто любит природу, он живет в единстве с ней, он вынужден подчиняться ей и активно ее видоизменять, и все равно окружающая природная среда, определяет характер его бытия. Заставляя русских быть вместе. Здесь истоки и политической культуры, и традиций, и адаптационной модели русских. Важнейшей чертой, которой, добавляет его друг Н.Н. Моисеев, является мирное сосуществование в системе «человек – окружающая социальная/природная среда». Русское пространство. Бескрайние просторы. Эта особенность матрицы, в которой рождается, формируется и живет русский человек, и живет не «на отшибе», а на перепутье всех дорог. Ведь Россия - целый мир, в которой нашли свое место мировые религии, культура и технико-экономические уклады. Русским характерна исключительная терпимость. А безбрежная русская душа стремится к новым далям. Именно благодаря постоянному стремлению русских заглянуть за горизонт Россия и превратилась в огромную страну, которая сама есть мост, связывающий цивилизации [2].

Мыслители находят здесь прелесть нашей особой духовности - русская идея, ее мессианский характер, трансцендентные ценности в глубинах цивилизационной матрицы... Но Э.С. Кульпин дает прозаическое объяснение. Цивилизационный облик средневековой России задавал Север, Новгород. Большие расстояния, хозяйственная самостоятельность, независимость от центра, купеческие города-государства с вече и территориальная община на селе, горизонтальная иерархия, самоорганизация и самоуправление, высокая мобильность и грамотность населения. Иго все изменило. В XV в., на фоне сильного перенаселения Московского княжества, разразился сопровождаемый резким похолоданием локальный экологический кризис; при переходе к трехполью массы людей заставили жить оседло, прикрепили к земле, но прибавочный продукт был самый скудный. В новой России торжествует имперская Византия: централизация, иерархия, бюрократия, контроль. Население бежит осваивать новые земли [1]. В этой исторической коллизии, а так же в уравнительном распределении земли, усматривают истоки такой мобильности русских. Все аннигилировал 1917 год, но не полностью, не до конца.

Но каков культурно-исторический путь Крыма? Он тоже цивилизация в миниатюре, точка пересечения путей индоариев тавров, германцев готов, тюрков гуннов, скифов, сарматов, алан, римлян, византийцев, генуэзцев и, на заре нашей истории, русов, князь которых успешно бился за Киевский престол. На о(у)краинах Дикого поля Сечь образовалась, чтобы противостоять окопавшимся в Крыму татарам. В 1768 г. многовековое русско-турецкое противоборство заканчивается нашей победой и выходом на просторы Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока. Глобальная геополитическая катастрофа 1991 г. означала потерю Крыма, и вот он снова под рукой Москвы. Но каким он к нам пришел?

Цивилизация – не то, что приносят «на штыках», это объективная характеристика данного народа, рассмотренного в единстве с местом его развития, его природной средой. Правильнее спросить не куда вернулась АРК, а почему Крым выпал из пространства страны, сделавшей «европейский» выбор, и попал в какой-то иной («свразийский?») регион. Ответ: Украина - не западная цивилизация, а страна-фронт. АРК, с прививкой разных цивилизаций и полиэтничным населением, ближе такая же поли-этно-конфессиональная страна, многокультурная, с дружелюбным отношением с ее средой, а не унитарное государство с чисто западными нетерпимостью и имперскими амбициями. Воссоединение Крыма – не политический анахронизм, а часть общего интеграционного процесса глобализирующегося мира. Один ныне уже покойный наш современник некогда писал, что Россия – остров. Во всяком случае, Россия однозначно является державой моря в гораздо большей степени, чем державой суши, сухопутной державой. В отличие от Украины. Именно поэтому они вновь обрели друг друга, огромный остров Россия и - остров Крым, на гербе которого начертано: «процветание - в единстве».

Литература:

1. Кульпин Э. С. Путь России. Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 2008. 232 с.
2. Глушенкова Е.И. Экополитология Н. Н. Моисеева и устойчивое развитие России. М.: МНЭПУ, 2015. 185 с.
3. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии, 1995, №1. С. 3-19.

Очерчивая границы вселенной

Буга Д.В.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
студент

E-mail: hristosvoskrese2012@gmail.com

Аннотация: В статье автор, обращаясь к выступлению знаменитого польского социолога Зигмунта Баумана в университете Жироны, рассматривает процессы глобальных трансформаций общества. При описании основных исторических предпосылок становления национальных государств и современных вызовов установившимся формам правления делается попытка провести параллели европейского опыта и исторического опыта России. В этом критическом анализе приходится обращаться не только к опыту современной России и Российской империи, но и средневековому периоду, который по мнению автора, хранит в себе мировоззренческие модели, способные обогатить современный научный подход к изучению общества.

Ключевые слова: глобализм, Европа, социология, политика, власть, ойкумена, Византия.

Outlining the boundaries of the universe

Buga D. V.

FSAEI of HE «KFU named after V.I. Vernadsky» in Yalta, student
E-mail: hristosvoskrese2012@gmail.com

Abstract: In the article the author, referring to the speech of the famous Polish sociologist Sigmund Bauman at the University of Girona, tries to consider the processes of global transformation of society. Describing the basic historical prerequisites for the formation of national states and modern challenges to established forms of government, the author makes an attempt to draw parallels between the European experience and the historical experience of Russia. In this critical analysis the author has to turn not only to the experience of modern Russia and the Russian Empire, but also to the medieval period, which, according to the author, contains worldview models that can enrich the modern scientific approach to the study of society.

Keywords: globalism, Europe, sociology, politics, power, ecumenical, Byzantium.

«Europe: Birthday or Death Agony?» («Европа – муки рождения или предсмертная агония?») – так назвал Зигмунт Бауман свой доклад в университете Жироны 11 июня 2013 г. [здесь и далее о докладе Баумана – 1]. В данной статье мы коснёмся не всех тезисов учёного, но лишь тех, которые, на наш взгляд, могут оказаться полезными для понимания процессов глобализации русского общества.

Выступление знаменитого социолога примечательно тем, что здесь он не излагал свой концепт «жидкого общества» и не упоминал об исследовании переходного состояния современного общества, которое он как нельзя точно обозначил как «interregnum» – положение в Римской империи, когда один император уже сложил полномочия, а другой ещё не вступил в права. В одном из старейших университетов Европы З. Бауман решил изложить историю Европы и позволить тем самым слушателям самим подойти к осознанию современного политического состояния общества, в котором они живут. Он предупреждает нас, что не собирается пророчествовать, что у него был уже печальный опыт, который ему не хотелось бы повторять. Бауман лишь обрисовывает нам картину современности и, кратко излагая историю Европы, помогает разобраться в существующем кризисе. А в том, что кризис существует, сомневаться уже не приходится никому.

Само понятие «кризис» заимствовано из медицинской практики. «Κρίσις» в греческой медицине – обострение болезни, угрожающее жизни человека, при котором решается его судьба, будет пациент дальше жить или нет. «Разделение», если переводить дословно. Состояние кризиса можно также сравнить с нахождением на перекрёстке, где одна дорога ведёт к обретению желаемого, а другая – к гибели. Впоследствии термин стал применяться и в экономике, политике, используется он и при описании военных действий. Итак, Европа переживает кризис, и всем хотелось бы понять, это муки рождения или некая предсмертная агония. Но Зигмунт Бауман отмечает также, что масштабно этот вопрос ещё не звучит.

Чтобы вовлечь и нас в свою рефлексию над судьбой Европы, польский социолог предлагает перенестись на пять веков назад, к событию, которое, на его взгляд, является началом всего того, что мы видим в Европе сегодня. В 1555 г., когда после долгих религиозных войн, унёсших половину тогдашнего населения Германии, и страшных эпидемий, вернейших спутников всякой войны, правящие династии собрались в немецком городе Аугсбург, чтобы найти решение, а точнее создать некую формулу совместного проживания. Все присутствующие были согласны с тем, что страшные эпидемии – это наказание Божие, вопрос был лишь в том, какой именно Бог наказывает людей. То была эпоха Реформации, и католики мыслили Бога иначе, нежели

протестанты. На встрече в Аугсбурге был сформулирован принцип «Кого земля, того и вера» («Cujus regio, ejus religio»). Это позволило на время приостановить кровопролитие в Священной Римской империи. По словам Зигмунта Баумана, данный принцип, вероятно, и не замеченный многими, лежит глубоко в сознании каждого европейца и по сей день.

Но формулировки Аугсбургского мира были неточными, и территориальные притязания между обеими религиозными группировками возобновились, что привело к эскалации конфликта, и кровопролитие продлилось ещё сто лет и в начале XVII века вылилось в Тридцатилетнюю войну, которая закончилась ещё двумя договорённостями между правящими династиями. Мюнстерское и Оснабрюкское соглашения положили основу понятия суверенитета как способности регулировать все аспекты человеческой жизни, а также принципов территориального суверенитета, то есть, переходя с одной территории на другую, человек попадает в другое правовое поле, а, следовательно, и в место другого вероисповедания. Надо сказать, что Европа до сих пор живёт под тенью этих договорённостей, которые вошли в историю как Вестфальский мир. «Вестфальские соглашения и по сей день с нами», – говорит З. Бауман. Изначально они носили религиозный характер, ребром стоял вопрос, какой Бог истинен и в какого Бога верить, но со временем трансформировались и приобрели иную форму.

Следующее событие, на котором останавливается докладчик, произошло спустя двести лет после встречи в Аугсбурге. Это землетрясение в Лиссабоне. Португалия находилась на пике славы, половина Южной Америки являлась частью империи, и Лиссабон был центром не только экономическим, но и культурным. Наука и искусство, ремёсла и философия процветали здесь вместе с торговлей. В этот период вся Европа мыслила себя как источник просвещения для остального мира. Возделывавшийся образ мысли, права, науки и искусства считался универсальным, единственно верным, призванным привести всё человечество во всеобщее, великое и славное будущее. Но в 1755 г. один из самых прекрасных центров Европы был стёрт с лица земли. Обычное землетрясение длится секунды, Лиссабон же стихия не покидала 15 минут. Беспрецедентный случай в истории человечества, превративший столицу Португалии в руины. И сразу же за землетрясением последовало иное стихийное бедствие – цунами, а то, что осталось после 20-метровой волны, сгорело в пожаре.

Эти события значительно повлияли на всех мыслящих людей Европы. Среди философов Просвещения разгорались споры. Что делать? Как предохранить себя от подобных происшествий? Руссо и

Вольтер вступили в прения. Первый говорил, что человечеству необходимо вернуться в старые тихие времена, что гораздо меньше людей погибло бы, если бы лиссабонцы не строили такие большие каменные дома, и что развитие технологий влечёт за собой опасность. Второй смеялся над ним и утверждал, что, если может что-то обезопасить жизнь человека, так это наука. Но все они соглашались в одном. Безумием было бы верить в то, что бедствие это – наказание за человеческие грехи. Хотя бы потому, что волна не отличает грешных от святых и уносит всех в равной мере. Природа морально слепа. Мир не полноценен и не совершенен. Мы не можем слепо доверить ему свое будущее. Мир необходимо взять в управление («under the human management», по словам З. Баумана). Момент возникновения данного утверждения без преувеличения можно назвать водоразделом истории.

Пути воплощения этого замысла уже были определены Вестфальским соглашением и существовавшей формулой «*Cuius regio, ejus religio*», но «веру» в ней заменили на «нацию»: «Кого земля, того и нация» («*Cuius regio, ejus natio*»). Так родилось национальное государство. Высшего лишают полномочий, и правами, общим консенсусом наделяется правительство. Началась эра строительства наций. И оно шло параллельно со строительством государства. Одно не могло развиваться без другого, ведь нации необходима сила государства. Сила, как утверждал Бауман, определяющая развитие, представляющая интересы нации в соревновании с другими этническими группами и имеющая монополию на репрессии, чего нет уже в современном государстве, ведь в нынешнее время существуют уже частные спецслужбы, частные тюрьмы, частные военные организации и т. д. Также государство должно иметь свой национальный язык. Например, Испании до современной волны эмиграции надо было определить, какой из языков (испанский, галисийский, баскский, валенсийский, каталонский, леонский) будет государственным, а какие следует причислить к местным диалектам. Необходимо было разработать учебные программы по истории, определиться с подходом к периодизации. Не было единства даже в календарях, существовало множество разных локальных летоисчислений.

Не перечислить всего того, чего хотела нация от государства, поэтому мы не отделяем одно от другого, но говорим – национальное государство. Однако и государству нужна была нация для легитимации различных решений, в том числе и насчёт собственного существования. Общее прошлое и общее будущее объединяли нацию и государство. Национальное государство, заслужившее независимости, стало основным трендом того времени. Главная тема Вестфальского мира –

это понятие суверенитета: права провозглашать, что делать, и возможности делать то, что провозглашено («right to have things done and possibility to have things done, at the same time»).

Из этого следует вывод: чтобы заслужить независимость такого рода, необходимо располагать значительными ресурсами.

Политический суверенитет стоял на трёх опорах. Первая – это экономическая автаркия, самодостаточность, вторая – военная автаркия и третья – культурная самодостаточность, алгоритм каждодневной жизни, способный держать население в надлежащей форме.

Одна из задач национального государства – сохранение всего вышеперечисленного во имя утверждения своего суверенитета. Для этого необходимо наличие двух факторов: силы, то есть способности свершить задуманное («power is ability to make things done»), и политики, решающей, что именно нужно сделать («politics is ability to decide what to do»).

Сегодня, продолжает Зигмунт Бауман, как бы печально это ни казалось, территориальный суверенитет – фикция. Но, в тоже время, это фикция, с которой мы живём. Каждый день мы делаем вид, что территориальный суверенитет всё ещё существует. После Второй мировой войны наши отцы и деды, находясь под впечатлением от страшных разрушений и человеческих потерь, создали Организацию Объединённых Наций, которая должна была любым способом охранять территориальный суверенитет всех государств. Но военная сила некоторых стран растёт без ограничений, и территориальный суверенитет других государств теряется. Однако самым серьёзным фактором, превратившим принцип территориального суверенитета в иллюзию, стал процесс глобализации. Глобализация знаменуется разобшением силы и политики. Сила во многих национальных государствах вынесена за его пределы, в пространство, которое испанский социолог Мануэль Кастельс назвал «потокowym пространством» («flow space»). Политика же представлена обслуживающими нас институтами, решающими, что делать, и остающимися локальными, как и раньше. Сила стала глобальной, а политика – местной. Политика решает, что сделать у себя в стране, а сила, которая должна претворить решение в жизнь, утекла в «жидкую территорию» и просто игнорирует политику, не считается с ней. Сила может уйти с одного места, если ей там покажется слишком «жарко», и отправиться в более гостеприимное государство.

Наш разговор о Европе, которая оказалась подвержена двойному эффекту («double affected» в связи с таким положением. Ведь, с одной стороны, Европейский союз призван представлять интересы национальных государств перед лицом глобального сообщества; с

другой стороны, глобальные объединения и корпорации используют его в своих целях. Каждые четыре года избираемый представитель национальных интересов оказывается в сложной ситуации, которую З. Бауман называет, заимствуя это понятие из классической психологии, а именно у Г. Бэйтсона, «двойным посланием» («казнить нельзя помиловать»). То есть, первое лицо государства обязано продвигать политику интересов собственного народа, у него есть повестка и задачи. В то же время он не имеет «силы» воплотить в жизнь сколько-нибудь серьёзное решение, поскольку «сила», отвечающая за реализацию этих решений, глобальна и недостижима на локальном государственном уровне. Именно в этом положении особое значение обретают обещания как некая буферная зона, смягчающая давление с низу, со стороны населения, и с верху, со стороны глобальной силы.

Мы, наконец, подошли к главному тезису З. Баумана, на который нам хотелось бы обратить внимание. Подводя некий итог, он говорит, что выход из этой ситуации для европейцев возможен лишь при реализации глобального подхода. Во всех отношениях государствам Европы безопаснее жить под покровом Евросоюза. Также докладчик добавляет: «Невозможно локально решить проблему, возникшую на глобальном уровне» («There is no local solution on the global produced problem»).

По мнению Баумана, глобальные структуры навязывают свои условия локальным сообществам, и выходом из этого положения для последних является воздействие на глобальную силу, видимо, путём формирования «альтернативной глобальной силы», и логично будет добавить, обслуживающей интересы локальных сообществ. Зигмунт Бауман сделал оговорку о том, что речь идёт о Европе, о европейских государствах. Таким образом он сам указывает, что подобный путь подходит не всем. Существует нечто «общее» у европейских держав, что позволяет им мыслить себя как некий потенциал, способный мобилизоваться в альтернативную глобальную силу. Именно на это нам хотелось бы обратить внимание, поскольку наше историческое и национальное мировоззрение даёт нам иное понимание «глобального».

Безусловно, русское общество сталкивается с теми же проблемами, что и европейские государства, но воспринимает их иначе. Для нас глобальное не приходит из вне, а вызывается локальным. Решение вопросов, поставленных глобальным сообществом, для большинства сограждан возможно лишь путём радикальной локализации. Если попытаться провести аналогию с европейским водоразделом истории, описанным выше, то для русского народа такими ключевыми историческими событиями были моменты, когда

русская элита меняла своё мировоззрение и исключала себя из контекста русской мысли. Это всегда влекло за собой череду репрессий собственного народа, кровавых столкновений и гражданских войн.

На всех этапах исторического развития русский народ мыслил своё локальное пространство как «вселение» и называл место своего проживания «вселенной», не наделяя это слово тем лексическим значением, которое дал ему русский космизм. Вселенная – это не всё на свете. Это земли, на которых живут народы, имеющие определённый общежительный устав. Во вселенную, в империю русский народ вселился с князем Владимиром. Характерно, что в крещении князь Владимир получил имя Василий, в честь великого византийского императора, творца законов. Конечно, привилегии изначально были у православных, но уже в Российской империи пришлось создавать законы, позволяющие жить вместе народам разного вероисповедания. И, нужно сказать, эти законы не утверждали превосходство русских над другими народами, но по мере интеграции русской элиты в западный мир человеколюбивые принципы уступают натиску репрессий.

Итак, «вселенная», ойкумена, всегда локальна. Она – сосредоточение гармонии, а за её пределами лежит тёмное царство хаоса – «глобальное». Глобальное нам не дано. Мы не можем его хоть как-нибудь объективно оценить. Во вселенной мы говорим о великом, о многом, о многочисленном, но не о всём. Поэтому вселенная может сжиматься и расширяться, но она всегда остаётся локальной, в то время как глобальное – это всегда «всё» или «всё на свете». К нему применимы негативные способы оценки, апофатический метод.

Ещё одна особенность понимания вселенной связана с таинственной привязкой населения к собственной земле. Земля мыслится как нечто принципиально неотъемлемое, как рука или нога, а, может, и голова, в то время как в Западной Европе легко воспринимается идея об общем глобальном будущем человечества. Отсутствие племенного единства между элитой и народом в Европе проявляется по-разному, но главным проявлением, как нам кажется, является недостаточно глубокое понимание «общего блага».

Понятие общего блага родилось в греческом полисе («κοινὸν συμφέρον»). В Европе оно обретает силу лишь в процессе становления национального государства и проявляется в форме налогообложения. Общее благо с позиции индивидуального сразу переходит на позицию общечеловеческого. Образуется некий монастырь или город без стен. Именно эти социальные предпосылки легли в основу новой онтологии, где сущее описывается как «тело» без границ и без органов. В то время как «тело» ойкумены имеет и границы, и иерархию, присущую всякому телу и всякой системе. Тело обретает свой онтологический статус

благодаря системным качествам, как, например, шестерёнки обретают системное качество часов. Здесь эта аналогия уместна, поскольку мы не пытаемся описать разницу физических и биологических систем и законов их проявления, но лишь указать на обязательное наличие границы, очерчивающей пределы и наделяющей определённую систему способностью быть описанной. Именно поэтому жители Восточной Европы и Советского Союза, стран с наиболее этнически однородным населением, с радостью восприняли возведение освободительной армией Советского Союза Берлинской стены, ограждающей их от мира сакральный характер ограды ойкумены, не было ни священных врат и башен, ни той культурной и священной нагрузки, которую должна нести стена, ограждающая вселенную от диких варварских племен.

Литература:

1. Bauman Z. Europe – Birthday or Death Agony? – URL: <http://diobma.udg.edu/handle/10256.1/3119> (дата обращения: 05.01.2020).

2. Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 536 с.

3. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Alexandria, 2008. 398 с.

4. Пыжиков А. В. Славянский разлом. Украинско-польское иго в России. М.: Концептуал, 2018. 272 с.

5. Yannaras Ch. Orthodoxy and the West: Hellenic Self-Identity in the Modern Age. Brookline: Holy Cross Orthodox Press, 2007. 391 p.

О настоящем и будущем непризнанных государств постсоветского пространства

Бахтуридзе З.З.

доктор политических наук,

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра
Великого, профессор Высшей школы международных отношений*

E-mail: zeinabb1000@list.ru

Васильева Н.А.

доктор философских наук,

*Санкт-Петербургский государственный университет,
профессор кафедры мировой политики*

E-mail: n52basil@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформационных процессов на постсоветском пространстве. Мировой порядок XXI века характеризуется трансформационными процессами, меняющими пространственно-временные координаты международной жизни. Признаками современного этапа являются амбивалентные процессы (интеграция и дезинтеграция; глобализация и деглобализация) и высокий уровень конфликтности.

Конфликтный потенциал постсоветского пространства подчеркивается наличием в нем новых государственных образований: Приднестровской Молдавской республики, Нагорно-Карабахской Республики, частично признанных Абхазии и Южной Осетии, Луганской народной республики и Донецкой народной республики.

Обозначены сложности политической интеграции и трудности урегулирования замороженных конфликтов, в частности, ввиду отсутствия полноценного диалога между всеми участниками конфликта. Актуализация замороженных конфликтов является лишь делом времени и в связи с ухудшением отношений между глобальными игроками, преследующими свои интересы в регионе, может быть использована как аргумент для обострения международной ситуации.

Ключевые слова: де-факто государства, частично признанные государства, международное право, конфликты на постсоветском пространстве, идентичность.

On the present and future of the unrecognized states of the post-Soviet space

Bakhturidze Z.Z.

Doctor of Political Sciences, Professor of Higher School of International Relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: zeinabb1000@list.ru

Vasilyeva N.A.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of World Politics. Saint Petersburg State University.

E-mail: n52basil@gmail.com

Abstract: *The article analyzes the transformation processes in post-Soviet space. The world order of the 21st century is characterized by transformational processes changing the spatial-temporal coordinates of international life. The features of the present stage are ambivalent processes*

(integration and disintegration; globalization and deglobalization) and high level of conflict.

The conflict potential of the post-Soviet space is increased because of the presence of new state formations: the unrecognized de facto states the Pridnestrovian Moldavian Republic and the Nagorno-Karabakh Republic, and partially recognized Abkhazia and South Ossetia, Luhansk people's Republic and Donetsk people's Republic.

The difficulties of political integration and the difficulties of resolving frozen conflicts, in particular, due to the lack of a full-fledged dialogue between all parties to the conflict, are highlighted.

The actualization of frozen conflicts is only a matter of time, and in the context of the deterioration of relations between global players pursuing their own interests in the region, it can be used as an argument for aggravating the international situation.

Keywords: *de facto states, partially recognized states, international law, conflicts in the post-Soviet space, identity.*

На европейском континенте XX век ознаменовался крушениями империй, мировыми войнами и, как результат, постоянными подвижками межгосударственных границ. На исходе века прекратил существование СССР, что привело к формированию, с одной стороны, новых независимых государств, а с другой, – к появлению непризнанных государств: Абхазии, Нагорного Карабаха (НКР), Южной Осетии и Приднестровья (ПМР). В последнее время в результате военно-политического кризиса на востоке Украины появились еще два государственных образования – Луганская и Донецкая народные республики.

Данные территориальные образования называют «квази-государствами», «непризнанными территориями», «самопровозглашенными государствами», в последнее время все чаще стал употребляться термин «де-факто» государства – «состояние, при котором существует внутреннее самоуправление и элементы государственности, но при этом претензии на формальную легитимность отвергаются международным сообществом» [1]. Отсутствие внешней легитимации суверенитета не делает непризнанные государства эфемерными, более того, они формируют новую политическую карту постсоветского региона. Для теоретического осмысления данного феномена важно применить методологию неинституционального подхода, в рамках которого акцент делается на таких неформальных образованиях, способных оказывать воздействие на политические процессы. «Именно эти неформальные образования оказали существенное воздействие на

возникновение и развитие непризнанных и частично признанных республик постсоветского пространства» [2, с. 23]. В этой связи важно отметить, что «само создание непризнанных государств и борьба за их международную легитимацию не в последнюю очередь – факты эмоционально-символического и социально-культурного плана, без которых невозможно любое эффективное урегулирование межэтнических споров как неизбежного спутника этих особых государственных образований» [3, с. 24].

Следует подчеркнуть, что причиной возникновения «переходных» территорий (в данном случае, Абхазия; Ю. Осетия, Приднестровье и НКР) послужило несовпадение не только административно-политических и экономических, но и этнолингвистических, культурных и прочих границ. Центробежные процессы 90-х гг. на постсоветском пространстве во многом были усилены фактором утраты советской гражданской идентичности. Поэтому этническая идентичность стала единственной спланивающей силой, что, по образному выражению, означало «бегство к своей земле» [4, с. 179]. При этом важно отметить принципиальное отличие сепаратизма непризнанных государств постсоветского пространства от подобных же тенденций в Европе, где к отделению стремятся экономически наиболее развитые территории (Каталония в Испании, Шотландия в Великобритании), в то время как на постсоветском пространстве обособляются территории с бедной ресурсной базой и разрушенной военными конфликтами экономикой. Таким образом, на первый план выходят проблемы этно-лингвистической и культурной самоидентификации, тем более что конфликты 1990-х гг. способствовали формированию моно-этнического населения непризнанных государств. При этом, «критикуемый мировым сообществом экстремизм властей непризнанных государств, опирается на массовую поддержку граждан этих формально несуществующих образований» [4, с. 177]. На определенном историческом этапе «внутренняя легитимность» непризнанного государства может оказаться куда важнее международного признания [5].

Важно отметить, что все непризнанные государства сформировали работающие демократические институты. В *Нагорном Карабахе* существует президентско-парламентская система, используется двойная несвязанная избирательная система, функционирует правительство и судебная система с несменяемыми судьями. В *Абхазии* также сформирована президентско-парламентская республика, проводятся мажоритарные выборы, действует кабинет министров, работает судебная система. Правда, что касается *Южной Осетии*, то можно говорить лишь о зачатках конституционной

консолидации, но и здесь действуют правительство и судебные органы. Хотя эксперты, изучающие процессы становления государственности республике, пишут о «властной диктатуре и должностном волонтаризме», о слепом копировании российских политических практик [6, с. 120]. В *Приднестровской Молдавской Республике* была установлена парламентско-президентская республика, а в 2000 году была проведена реформа: полномочия президента были расширены, а парламент стал однопалатным, он по-прежнему подконтролен президенту. Судебная система включает Верховный и Конституционный суд. В ДНР в 2014 году был проведен референдум, принята конституция и избран Народный Совет и глава ДНР, сформировано правительство. Помимо обычной судебной системы действуют военно-полевые суды. В ЛНР после референдума о суверенитете в 2014 г. была принята конституция, проведены выборы главы республики и депутатов в Народный совет.

Военно-политические конфликты в кавказском регионе и в Приднестровье сейчас находятся в «замороженном состоянии». Консервация status-quo объективно выгодна государствам, в состав которых формально входят эти территории: с одной стороны, благодаря их наличию создается образ врага, консолидирующий нацию, а с другой стороны, гипотетическая реинтеграция несет в себе опасность обострения внутренних проблем, связанных с усложнением межнациональных отношений, конкуренцией на политическом уровне и т.п. [7]. Впрочем, что касается Луганской и Донецкой народных республик, то представляется, что перевод современного острого конфликта в «замороженное» состояние может дать необходимую временную паузу для поиска компромиссного решения.

По мнению К.С. Гаджиева, парадигма, то есть комплекс общих ценностей, норм, установок, определяющих содержание и направленность общественного сознания, формируется у людей, живущих в едином социокультурном пространстве. Распад советской системы привел к необходимости смены парадигмы. Препятствиями на этом пути в постсоветских непризнанных государствах, кроме прочего, послужили также размытость экономических, культурных границ и неоднозначный режим гражданства. Вооруженные конфликты первой половины 1990-х гг., снизившие неоднородность этнического состава непризнанных государств, не решили проблему консолидации границ.

А.С. Панарин писал, что путь к будущей качественно новой интеграции лежит «через промежуточный этап более или менее продолжительной диверсификации этносов, пытающихся достичь идентичности через обособление» [9]. Одним из базовых элементов обособления и культурной идентификации является язык,

формирующий уникальную картину мира. Например, в Абхазии актуализирована языковая проблема, связанная с осознанием пагубных последствий потери родного языка, который может исчезнуть под воздействием глобальных информационных потоков. В абхазском обществе утрата родного языка приравнивается к утрате своей самобытности и культуры, а ведь тогда не совсем понятно о какой независимости и абхазской государственности можно говорить.

Очевидно, что в условиях, когда каждый новый субъект мировой политики (непризнанные или частично признанные государства) пытается найти и зафиксировать свою значимость и уникальность, этническая общность, факторы массовой исторической памяти оказываются намного важнее, чем экономическая целесообразность [10, с. 340], что с одной стороны, усложняет процесс поиска объективно взаимовыгодных вариантов разрешения конфликтной ситуации, а с другой – демонстрирует удивительную верность и прочность населения де-факто государств в отстаивании заявленных национальных идеалов и ценностей. Если обратиться к цифрам, население Нагорно-Карабахской Республики по оценкам на 2017 год насчитывало 147 тысяч человек; население Южной Осетии (по данным за 2015г.) составляло 53 559 человек; в Абхазии насчитывалось 243 564 человек (2016 г.) Население ПМР составляло 475 000 (2016 г.). Несмотря на то, что многие годы им приходится жить в нестабильных условиях, при периодических вспышках вооруженных конфликтов, в сложной экономической ситуации, при наличии социальных и юридических проблем, находясь в полной или практически полной правовой изоляции со стороны мирового сообщества, перед лицом неизвестности и осознанием длительности и сложности намеченного пути, массовых миграций в поисках лучшей жизни не наблюдается.

Международного признания де-факто государств постсоветского пространства ожидать не приходится. Частичным исключением стали Абхазия и Южная Осетия, но что касается остальных непризнанных государств, то перспективы международного признания не реалистичны, например, ПМР и НКР не признаны даже государствами-патронами (Россией и Арменией). Россия не признает ЛНР и ДНР, несмотря на оказываемую им значимую гуманитарную, военную и финансовую помощь.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в вопросе о сегодняшнем и будущем существовании непризнанных государств постсоветского пространства важнейшее значение имеет временной фактор, потому что на этих территориях рождаются новые поколения людей, которые воспринимают себя полноценными гражданами суверенного государства. Кроме того, очевидные противоречия в

современном международном праве создают законодательный конфликт между неизбежностью суверенитета и правом наций на самоопределение, а значит, нет основы для урегулирования отношений бывших метрополий с де-факто государствами. Как результат, отсутствие между ними нормальных политико-экономических отношений способствует развитию на территориях де-факто государств различных нелегитимных форм торговли, незаконного транзита мигрантов и прочих негативных экономических операций, что является серьезной угрозой стабильному развитию всех участников «замороженных» и «незамороженных» конфликтов на постсоветском пространстве.

Литература:

1. Thomas de Waal. Uncertain territory. The strange life and curious sustainability of de facto states. *New Eastern Europe* 3-4/2018 // <https://neweasterneurope.eu/2018/04/26/uncertain-territory-strange-life-curious-sustainability-de-facto-states/> (дата обращения 15.12.2019)

2. Ерицян Е.Е. Неинституциональный подход в исследовании непризнанных и частично признанных республик постсоветского пространства // Сборник материалов Всероссийской научной конференции «Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты». Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. С. 19-25.

3. Маркедонов С. М. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства, Аналитические доклады Института Кавказа, №5, январь 2012 / С. Маркедонов; Науч. ред.: Александр Искандарян. Ер.: Институт Кавказа, 2012. 180 с.

4. Маркедонов С.М. Земля и воля. // Россия в глобальном мире. Т. 5.– М.: Аспект Пресс, 2012. С. 175-182.

5. Крылов А. Непризнанные государства: важна «внутренняя легитимность» - <http://theanalyticon.com/?p=1550&lang=ru> (дата обращения 18.12.2019)

6. Ибятков Ф.М. 2010. Политическая система Южной Осетии: современная история и перспективы. // «Экономика». № 5. <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/335/image/335-118.pdf>. С. 118-120. (дата обращения 18.12.2019)

7. Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций на постсоветском пространстве: непризнанные государства. - <http://www.mgimo.ru/uploads/files/Meleshkina%20Post-Soviet.doc> (дата обращения 19.12.2019)

8. Шакарянц С. Признанность непризнанных государств/ URL: <http://www.regnum.ru/news/663614.html> (дата обращения 19.12.2019)

9. Панарин А. С. В каком мире нам предстоит жить? Геополитический прогноз, сделанный в 1997 году. http://derzava.com/art_desc.php?aid=277#ixzz26ZBgr3kJ (дата обращения 19.12.2019)

10. Маркедонов С. Постсоветский Южный Кавказ: традиционализм плюс модернизация // Прогнозис. 2007. № 1. С. 340.

Актуализация игрового моделирования социально-политических процессов в контексте глобализации

Ветренко И.А.

Доктор политических наук

СЗИУ РАНХиГС, заведующая кафедрой социальных технологий

E-mail: inna-vetrenko@yandex.ru

***Аннотация:** статья посвящена анализу возможностей игрового моделирования при изучении социально-политических процессов в условиях глобализации. Выявлены преимущества игры, как социальной технологии и игрового моделирования, как методологического базиса политической науки. Рассмотрена политическая составляющая глобализации и теоретико-методологические подходы к ней.*

***Ключевые слова:** игровое моделирование, социально-политические процессы, глобализация, политическая глобализация.*

Actualization of game simulation of social and political processes in the context of globalization

Vetrenko I. A.

Doctor of political science

Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, head of the Department of social technologies

E-mail: inna-vetrenko@yandex.ru

***Annotation:** the article is devoted to the analysis of the possibilities of game modeling in the study of socio-political processes in the context of globalization. The advantages of the game as a social technology and game modeling, as a methodological basis of political science are revealed. The*

political component of globalization and theoretical and methodological approaches to it are considered.

Keywords: *game modeling, socio-political processes, globalization, political globalization.*

Игровое моделирование социально-политических процессов набирает обороты уже достаточно давно. Сегодня все чаще звучат мнения, что метод сценарных прогнозов и метод игрового моделирования можно отнести к специализированным методам политической науки, что, на наш взгляд, справедливо. Эта методологическая актуализация порождена, прежде всего, такими динамичными процессами, стремительно протекающими в современном обществе, как глобализация, развитие рыночных отношений, оптимизация системы политического управления, формирование новой парадигмы общественного сознания и др.

Для политической науки это стало необходимым и значимым в связи с процессом глобализации, который вызвал трансформации в таких общественных сферах, как политика, экономика и культура. Изучить эти трансформации, понять их суть стало возможным только посредством методов, исследующих модификацию и изменчивость, таким методом для постижения сущности особенно политических процессов способна стать игра (игровое моделирование).

Рассматривая игровые модели политической сферы и ряда других областей социальной действительности, мы сталкиваемся с важным вопросом: что способствует популяризации игровых моделей в современной действительности вообще и в политическом пространстве в частности? В данной статье мы хотим найти ключевую, своего рода глобальную причину этого явления.

Мы предполагаем, что игра приобретает сегодня свою популярность как наиболее оптимальная социальная модель в связи с процессом глобализации современного общества. Нам представляется возможным продемонстрировать состоятельность этого положения.

На данный момент времени нет другой проблемы общественного развития, которая привлекала бы столь пристальное внимание ученых – политологов, экономистов, экологов, философов, социологов. Она стала предметом серьезных научных исследований, жарких дискуссий. В литературе бытует ошибочное мнение, что в политическое пространство эта проблема только начинает эксплицироваться. Следует отметить, что именно политики-практики и политологи-теоретики предвосхищали данный процесс в своих заявлениях и теориях. Достаточно вспомнить концепцию Г. Маркузе, который, рассматривая состояние современной постиндустриальной техногенной

цивилизации, где возрастает научно-техническое отчуждение, порождающее кризис культуры и политического сознания, видит выход из сложившейся ситуации в создании универсальных моделей культуры, основанных на новых общих ценностных ориентирах. Несмотря на пессимистические перспективы, нарисованные Г. Маркузе, а именно приход развития цивилизации к «одномерной культуре», порожденной на основе «одномерного мышления», исследователь рассматривает процесс формирования «одномерного общества» как объективный и естественно протекаемый [1, с. 39]. Появление такого «одномерного общества», в первую очередь, скажется на сфере управления этим обществом, т. е. на политике, но более сложным представляется процесс изучения и анализа происходящей сегодня эволюции в это общество.

Несмотря на то, что понятие «глобализация» является в последнее время наиболее часто встречающимся, прежде всего в политологической и экономической литературе, до полной ясности этого термина как в концептуальном, так и в практическом плане ещё очень далеко. Глобализационные процессы в политике оцениваются неоднозначно.

Одни исследователи (М. Кастельс) определяют глобализацию как «новую капиталистическую экономику», перечислив в качестве основных её характеристик следующие: информация, знания и информационные технологии являются главными источниками роста производительности и конкурентоспособности; эта новая экономика организуется преимущественно через сетевую структуру менеджмента (политики управления), производства и распределения, а не отдельных фирм, как раньше, и она является глобальной [2, с. 14].

Ряд других специалистов представляют глобализацию как достаточно узкое понятие: процесс сближения потребительских предпочтений и универсализация ассортимента предлагаемой продукции по всему миру, в ходе которого всемирные продукты вытесняют местные.

Возник большой разброс мнений в оценке глобализации – от апологетики до полного отрицания прогрессивной роли этого процесса в судьбах человечества, трактовки его просто как стремления укрепить и увековечить политическое и экономическое господство нескольких государств, прежде всего США, в современном мире. Положительные оценки преобладают в научных и политических кругах развитых стран, хотя и здесь многие ученые занимают взвешенные и критические позиции. Отрицательное отношение к глобализации проявляется в развивающихся странах [3, с. 27].

Совершенно очевидно, что глобализация – это, по крайней мере, объективно обусловленный процесс общественного развития, а не порождение чьей-то злонамеренной политической воли. Борьба против глобализации как таковой, стремления её сдержать или тем более остановить бесперспективны и бессмысленны. Однако это вовсе не значит, что всё происходящее на мировой арене неотвратимо, оправданно и заслуживает лишь положительной оценки. Реальные процессы глобализации крайне противоречивы, порождают ряд болезненных проблем, ставят мировое сообщество перед серьезнейшими вызовами. Одни противоречия заложены в самой глобализации, другие возникают или обостряются вследствие наложения её на сложную картину современного мира [4, с. 164].

Однако изучать, постигать и понимать эти процессы необходимо, поскольку это позволит снизить негативные издержки протекающих глобализационных процессов, а, следовательно, нужны новые методы, которые способны проследить их динамику. Именно по этой причине мы рассматриваем игру как исследовательский потенциал, способный просчитать все возможные варианты этих последствий в политической сфере.

Конечно, как любое социальное явление, глобализация проявляется во всех сферах общественного бытия и имеет свои следствия, которые обнаруживаются в таких явлениях, как формы правления, политические режимы, государственное устройство, виды хозяйственной деятельности, производства, торговли, знаний, права человека, религиозные движения, этические нормы, искусство, мода, туризм и др.

По мнению политолога А.С. Панарина, глобализационные последствия в политической сфере приведут к тому, что политику в XXI в. можно будет определить как производство непредсказуемого будущего, которое начинается по инициативе тех, кто верит в его научную предсказуемость – в исторические гарантии прогресса. Политика, таким образом, на деле станет являться не плановым, а стихийным производством истории, конечные результаты которого неизменно расходятся с первоначальными замыслами. Именно такая политика бросает вызов другим, более размеренным формам социальной практики, внося в них непредсказуемые пертурбации. Политика выступает как античный рок, расстраивающий замыслы неполитических акторов, верящих в безыскусную разумность жизни и укорененных в повседневности. Трагическая дисгармония социального бытия выражается в том, что политика выступает наиболее действенным и в то же время наименее предсказуемым инструментом общественных изменений. Ни в чем другом с такой силой не

проявляется способность человека менять лик общества и в то же время ни в чем другом с такой силой не проявляется драматическое неведение того, какими будут реальные последствия этих изменений [5, с. 114].

Стремительный процесс глобализации выбирает свои оптимальные деятельностные формы или создает их изначально. К наиболее оптимальным формам деятельности в данных условиях, по нашему мнению, можно отнести игру. Следовательно, мы ставим перед собой задачу проанализировать возможности и причины распространения игровых форм в период глобализации и выделить для этого её приоритетные начала, а также рассмотреть перспективы будущего для игры как социальной технологии и метода исследования политической действительности в набирающем темпы процессе глобализации.

Существует еще минимум одна причина рассматривать глобализацию через призму политических процессов и их моделирования – это ее парадоксальность, т.е. не соответствие цели и самой политической реальности. Из самого определения глобализации можно предположить, что данный процесс подразумевает и политическую консолидацию различных субъектов международного права. Однако события недавнего прошлого показывают, что на фоне интеграционных процессов в экономической сфере происходит политическое разделение территорий отдельных государств с образованием новых субъектов мировой политики.

Это может быть связано с тем, что определенным силам удобнее проводить мировую экономическую интеграцию и унификацию путем политического дробления рынков. Ведь взять под контроль целое и большое гораздо сложнее, чем сделать это с его частями, а для этого сначала необходимо осуществить разделение целого. Подобное дробление активов с дальнейшим их поглощением довольно широко используется в международной финансово-экономической практике.

Таким образом, на данный момент в мире действуют две, казалось бы, взаимоисключающие друг друга тенденции: во-первых, рост международной экономической интеграции; во-вторых, нарастание политической напряженности в различных регионах, ведущей к разобщенности внутри мирового сообщества.

При этом отметим, что политическая напряженность почему-то практически всегда возникает в регионах, обладающих природными ресурсами либо выгодным геополитическим месторасположением с точки зрения их транспортировки. Исторический опыт прошлых лет подсказывает, что разрешение подобных политических ситуаций, как правило, заканчивается военными конфликтами различного масштаба.

Скорее всего, описанные выше тенденции представляют два взаимодополняющих, а не взаимоисключающих направления дальнейшего развития глобализации в ее настоящем виде. Соответственно, рассмотреть их, изучить и проанализировать представляется удобным и возможным посредством игрового моделирования этих, на первый взгляд, разнонаправленных процессов. Существуют успешные практики такого моделирования. Например, экономическая «игра с сигналом», она существенно расширяет возможности экономического анализа и выработки оптимальной стратегии участников финансового рынка. Конкретно эта модель была использована российскими экономистами для аукционов по первичному размещению ГКО с целью оценки возможностей Министерства финансов России более эффективно управлять данным сегментом рынка и для анализа вероятности предотвращения кризиса 17 августа 1998 г. Модель игры с сигналом классифицируется как динамическая игра с асимметричной информацией [6, с. 48].

В политической науке на основе подобного вида игр создана известная концепция «картельных партий», в которой поведение участников политической конкуренции описывается по аналогии с экономической теорией олигополии. Однако олигополитическая конкуренция не всегда сопровождается формированием «политических картелей». Последние выступают лишь одной из возможных стратегий участников политического противодействия. При этом политическая олигополия имеет те же признаки, что и экономическая:

- немногочисленность партий в политической системе;
- высокие барьеры для появления новых партий;
- зависимость партий при выработке стратегий политической борьбы.

Как мы отмечали, интерес к игре как в научном, так и практически деятельностном плане сегодня возрастает. На наш взгляд, это происходит не случайно, так как игра является наиболее оптимальной социальной формой для общества вообще и политики в частности, вступивших в стадию глобализации. Идеи рассмотрения игры как формы будущего присутствуют в творчестве Ф. Шиллера, и при этом он говорит прежде всего о политическом будущем. Для осмысления социальной значимости игры исследователь прибегает к футурологическому прогнозу. Он предполагает, что в процессе развития человеческой цивилизации будет построена особая политическая конструкция – «эстетическое государство», которое должно базироваться на свободной эстетической игре человека и прийти на смену «динамическому правовому государству» и «этическому государству». Прогноз исследователя радует, но

возникает вопрос о сроках формирования «эстетического государства», поскольку на сегодняшний день и ближайшее время наступление эры правового государства не предвидится. Хотя Ф. Шиллер считает, что сооружение этого государства уже подспудно идет с помощью эстетического побуждения посреди «страшного царства сил» и царства законов. Если это действительно так, то процесс пока завуалирован. Поскольку основное достоинство «радостного царства» игры состоит в том, что человек в нем свободен от какого-либо принуждения, как физического, так и морального, то к этому следует стремиться [7, с. 137]. Но политико-государственная сфера, основанная именно на этих принципах, не может просто исчезнуть, следовательно, путем игрового моделирования необходимо рассмотреть возможные варианты исхода данной трансформации.

Юнг, анализируя современное состояние общества, и прежде всего политики и культуры, отмечал, что первая должна существовать согласно законам красоты, и если этот порядок возвысится до принципа цивилизации, то именно импульс игры преобразил бы цивилизацию.

Все вышеизложенное объясняет нам не только своего рода пристрастия современной политики к игровым технологиям, но и возможность использования игры как метода исследования политических процессов. Как технология игра способна обеспечить естественное прохождение всех политических процессов в эпоху глобализации. Игра не позволяет человеку потерять свою индивидуальность даже в процессе социального единения. Интерес к игре как к методу исследования в политической науке сегодня вполне объясним, его породила сама жизнь, и, чтобы эффективно использовать игру в этом направлении, следует глубоко изучить её потенции в политическом пространстве.

Литература:

1. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995. 210 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.
3. Медведева В.Т. Глобализация экономики: тенденции и противоречия // Мировая экономика и международные отношения, 2004. №2. С.14. С.54-67.
4. Колычева С.В. Г. Маркузе. Проблема кризиса культуры в условиях техногенной цивилизации в философии // Образование и социально-экономические проблемы современного общества. Омск, 2002. С.164–170.
5. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1998. 370 с.

6. Янкевич А.Б. Модифицированная модель игры с сигналом как инструмент анализа финансового рынка // Жизнь, бизнес, экономика. Новосибирск, 2001. № 4. С. 39-47.

7. Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М., 1935. 280 с.

**Ценности студенческой молодежи как отражение
идеологических
предпочтений: на материале социологического опроса**

Внукова Л.Б.

Кандидат политических наук

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр

Южный научный центр Российской академии наук»

старший научный сотрудник

E-mail: vnukoval@yandex.ru

***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в
рамках научного проекта № 18-011-00906а, «Когнитивно-
идеологические матрицы восприятия студентами Юга России
современных социально-политических кризисов».***

Аннотация. Анализ ценностных предпочтений и идеологических взглядов проведен на основе данных опроса студентов вузов ЮФО и СКФО в 2019 г. Треть молодых людей затруднилась как-либо определить свои идейно-политические убеждения, около одной пятой назвали себя либералами, что ожидаемо свидетельствует о несформированности политических воззрений. Более информативно отношение к ценностям: для современной молодежи наиболее значимы личные ценности (свобода передвижения, личная безопасность, самостоятельность мысли, действий, поступков и др.), вместе с тем, высоко значимы такие социальные ценности как возможность выбирать власть и социальная справедливость и равенство. Кроме того, широкая поддержка «миролюбивого взаимодействия с окружающими, отказа от нанесения вреда», а также «соблюдения норм, правил, законов» позволяет говорить о наличии правовой культуры в студенческой среде и оценивать потенциал насильственного поведения как невысокий.

Ключевые слова: студенчество, молодежь, соцопрос, социально-политические ценности, протестные настроения, Юг России.

Values of students as a reflection of ideological preferences: based on the sociological survey

Vnukova L.B.

Senior Scientific Associate, Federal Research Centre the Southern
Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences

E-mail: vnukoval@yandex.ru

Abstract: *Analysis of value preferences and ideological views based on student's survey from Southern Federal District and North Caucasus Federal District universities in 2019. One third of young people found it difficult to determine their ideological and political beliefs. About one fifth called themselves as liberals. The lack of formation of political views was expected. Value's evaluation is more informative: for modern youth personal values (freedom of movement, personal security, independence of thought, actions, etc.) are most significant. Social values such as the ability to choose power and social justice and equality are highly significant too. In addition, the broad support for «peaceful interaction with others, refusal to do harm», as well as «compliance with norms, rules, laws» allows us to talk about the existence of a law culture in the student community. The potential of violent behavior was assessed as low.*

Keywords: *students, youth, opinion poll, socio-political values, protest moods, South of Russia.*

Вопрос о том, что для современного поколения молодежи является значимым, как они относятся к социальным ценностям и какие взгляды разделяют, важен в контексте не только оценки протестного потенциала, но и отражает различные аспекты социальной динамики, характеризующие политическую культуру. Анкетирование студентов «Россия и мир – сегодня и завтра» проводилось в рамках гранта РФФИ и является продолжением исследований, опубликованных в монографии [1]. Опрос проводился в вузах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов в осенью 2019 г. в городах: Ростове-на-Дону, Краснодаре, Астрахани, Ставрополе, Нальчике и Пятигорске. Было заполнено 2551 анкеты: 1472 девушками (57,7%), 1079 юношами (42,3%); 61,4% представителями первого курса, то есть более 50% в возрасте 17-18 лет. В данной публикации мы сфокусируемся на частотном анализе результатов нескольких вопросов, касающихся идейно-политических воззрений и ценностных предпочтений, а также коснемся отношения к насильственному поведению. Кроме того, соотнесем с другими исследованиями и дадим общую оценку полученных результатов.

На вопрос об идейно-политических убеждениях затруднились ответить около трети молодых людей. Большинство определившихся характеризуют свои взгляды как либеральные (более 20%), порядка 11% разделяют социал-демократические, 7,7% консервативные, чуть более 6% экологические и примерно столько же (5,7%) коммунистические идеи. Национально-патриотические указали 3,5% и это меньше, чем придерживающихся феминистских убеждений (3,8%). Странников других воззрений набирается меньше статистической погрешности: анархических (2%), монархических (1,9%), национал-социалистических (1,1%), фашистских (0,9%) и др. Возможностью написать свой вариант воспользовались желающие самовыразиться или указать несколько из предложенных вариантов и иногда получались интересные сочетания, например: «Национал-либеральные» или еще более экстравагантный вариант: «Радикально-либерально-экологически-капиталистические» убеждения и др. Конечно, нельзя утверждать, что молодые люди, указывая какой-либо ответ, доподлинно представляют себе основные идеи тех или иных идейно-политических течений. Скорее можно говорить о том, что многие указывали то, что знакомо благодаря образовательным учреждениям и СМИ и/или конвенционально признано в обществе, поскольку, по данным опроса, политикой интересуются «время от времени» только около половины опрошенных, а четверть категорично заявила, что не интересуется вовсе.

Полученные данные о значимости социальных ценностей для молодых людей отражены в Таблице. Самыми важными оказались те, которые касаются непосредственно каждого: свобода передвижения, личная безопасность, самостоятельность мысли, действий, поступков и др. Этот результат согласуется с тем, что большинство назвало себя либералами, а также с предшествующими исследованиями. Интерес представляет высокая значимость *социальной справедливости и равенства* почти для 70%, и это значительно выше, чем такой же показатель «государственной безопасности» или личной ценности «полнота жизненных ощущений, удовлетворение своих потребностей, получение чувственных удовольствий». В этом отношении Россия находится в общемировом тренде популяризации «левых» взглядов, ярчайшим проявлением которого в США, например, выступает широкая поддержка Берни Сандерса на праймериз, взгляды которого являются довольно радикальными для Демократической партии США. Другой момент, на котором стоит акцентировать внимание, это высокая значимость (70,9%) возможности выбирать власть для молодых людей. Следует отметить, что в сочетании с широкой поддержкой таких социальных ценностей как «гармоничное взаимодействие (миролюбивое взаимодействие с окружающими, отказ от нанесения вреда)» и

«соблюдение норм, правил, законов» позволяет говорить о наличии правовой культуры у молодых людей. В подтверждении этого, на вопрос о том, как вы будете бороться за свои интересы, в сумме 74,2% указали, что будут использовать только мирные средства, или средства, дозволенные законом. С утверждением, что «за свои интересы надо бороться любыми средствами, в том числе с оружием в руках» согласились 9,7% и этот показатель меньше, чем в опросе 2015 г. [1, с. 178].

Таблица. Значимость социальных ценностей (отметьте по каждой строке: 5 – высокозначимо, 1 - малозначимо, 0 - затрудняюсь ответить), %

Самостоятельность мысли, действий, поступков	72,8	16,7	4,8	0,5	0,8	4,4
Полнота жизненных ощущений, удовлетворение своих потребностей, получение чувственных удовольствий	59,5	25,4	8,9	1,9	1,0	3,3
Достижение успеха в сфере профессиональной деятельности	69,0	20,6	5,1	1,4	1,2	2,8
Репутация (позитивный имидж в глазах окружающих)	37,8	29,0	19,5	5,5	3,6	4,5
Лидерство, способность вести за собой других людей	38,0	29,2	19,7	5,8	3,1	4,2
Личная безопасность	75,6	14,2	4,6	1,5	1,1	3,0
Государственная безопасность	57,4	24,0	9,4	2,7	2,1	4,4
Традиции (сохранение семейных и культурных традиций)	47,1	23,2	14,1	5,7	5,2	4,7
Соблюдение норм, правил, законов	60,6	24,6	8,2	2,4	1,3	3,0
Гармоничное взаимодействие (миролюбивое взаимодействие с окружающими, отказ от нанесения вреда)	64,7	21,5	7,5	1,8	1,1	3,4
Социальная справедливость и равенство	69,9	17,6	6,0	1,6	1,5	3,4
Чувство долга (желание быть надежным и заслуживающим доверия)	49,2	29,2	12,7	2,7	2,4	3,8
Доброта, забота о других	64	22,1	7,7	2,0	1,3	2,9
Терпимость, принятие нестандартных людей	48,5	26,0	14,1	3,8	3,4	4,2
Право говорить на своем языке	65,0	18,2	8,7	2,5	2,1	3,6
Возможность выбирать власть	70,9	16,3	6,0	1,6	1,3	3,9
Свобода передвижения	79,8	11,1	3,7	1,5	1,0	3,0
Свобода вероисповедания	71,5	11,6	6,1	2,6	3,0	5,2

За последнее десятилетие произошло смещение приоритетов в ценностных ориентирах политической культуры: на основе анализа результатов исследований 2002-2007 г. Н.А. Баранов пишет, что российские исследователи приоритетными чертами политической культуры называют ценности коммунитаризма (преобладание групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы); отсутствие интереса к политическому участию; правовой нигилизм; подданническое отношение к власти; предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтов и неприятие консенсусных технологий [2, с. 210-211]. Результаты опроса, проведенного в конце 2019 г., во многом противоречат приведенным тезисам, что свидетельствует о высокой динамике социально-политических процессов и о трансформировании политической культуры в российском обществе. Высокий показатель уважения к закону и приоритета ненасильственных форм реализации собственных интересов и мирных способов взаимодействия среди молодых людей можно трактовать позитивно для общественной стабильности, несмотря на относительно высокий протестный потенциал (подробнее в статье [3]).

Литература:

1. Поцелуев С.П., Константинов М.С., Лукичев П.Н., Внукова Л.Б. и др. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодёжи Ростовской области. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.

2. Баранов Н.А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 208. 2015. С. 203-213.

3. Внукова Л.Б. Общественно-политические настроения студенческой молодежи ЮФО и СКФО: на материалах социологического опроса // Конфликтология / nota bene. 2019. № 4. DOI: 10.7256/2454-0617.2019.4.31790 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31790

Суверенизация или глобализация на постсоветском пространстве

Гарбузов Д.В.

Доктор философских наук

*Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
профессор*

E-mail: buendia@bk.ru

Рамазанов С.П.

Доктор исторических наук

*Волгоградский государственный университет, Волжский
филиал, ведущий научный сотрудник*

E-mail: sp-ram@yandex.ru

Аннотация: *Статья анализирует процессы, происходящие на постсоветском пространстве. При написании статьи использовались методологические принципы историзма, холизма, ценностного отношения и основанные на них историко-генетический, ретроспективный и историко-сравнительный методы. Используются правила гипотетико-дедуктивного и конструктивно-генетического методов построения теории. Целью статьи является исследование разных путей суверенизации государств, на которые распался Советский Союз и их участие и отношение к процессу глобализации. Обнаруживаются концептуальные, культурно-исторические и геополитические истоки процесса глобализации. Определяется различия между разными моделями глобализации. Определяется различие выбора пути развития между Россией, Украиной и Беларусью. Определяются концептуальные, культурные, геополитические причины антагонизма между Западом и Россией. Обнаруживаются конкретные формы альтернативности культуры России и Запада.*

Ключевые слова: *глобализация, суверенизация, постсоветское пространство, модели глобализма, Россия, Белоруссия, Украина, Запад.*

The choice between sovereignization and globalization in the post-Soviet territory

Garbuzov D.V.

Doctor of Philosophy

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor*

E-mail: buendia@bk.ru

Ramazanov S.P.

Doctor of Historical Sciences

*Volgograd State University, Volzhsky Branch, Leading Researcher
E-mail: sp-ram@yandex.ru*

Abstract: *The article analyzes the processes occurring in the post-Soviet space. The methodological principles of historicism, holism, value relations were used, as well as historical-genetic, retrospective and historical-comparative methods based on them. The rules of the hypothetical-deductive and constructive-genetic methods of constructing the theory are used. The purpose of the article is to study the different ways of sovereignty of the states into which the Soviet Union fell apart and their attitude to the globalization process. The conceptual, cultural, historical and geopolitical origins of the globalization process are being discovered. The differences between different models of globalization are determined. The difference in the choice of the development path between Russia, Ukraine and Belarus is determined. The conceptual, cultural, geopolitical reasons for the antagonism between the West and Russia are determined. It reveals specific forms of alternative culture of Russia and the West.*

Keywords: *globalization, sovereignty, territory of the post-Soviet space, models of globalism, Russia, Belarus, Ukraine, the West.*

Идея глобализма рождается во второй половине XIX века в марксистской коммунистической идеологии в форме доктрины мировой революции. Практическое воплощение глобалистская идея получила в СССР в большевистско-коммунистической политике её руководства. Мечты о революциях в других странах перерастали в поддержку деятельности Коммунистического Интернационала, помощи народам восточной Европы, Азии, Африки, Латинской Америки, ставшим на путь социалистического развития. Усилия Советского Союза особенно выросли после окончания Второй мировой войны. Вместе с тем, после окончания войны в 1945 году существенно усиливается влияние американского глобализма. Экономическая помощь странам Западной Европы, создание военных союзов и военных баз по всему миру, мощное идеологическое и культурное воздействие, особенно в сфере кинематографии и массовой культуры, достаточно жестко втягивали в экономическую, политическую и культурную орбиту другие страны мирового пространства. Оба глобализма декларировали нацеленность на достижение счастья человека. Но средства такого достижения обосновывались по-разному. Большевистская идеология способами достижения счастья человека провозгласила социальное равенство, коллективность труда на базе общенародной собственности, экономическое, политическое и культурное планирование. А американский глобализм доказывал, что этими способами являются демократия и свобода в экономической, политической сферах и индивидуальном творчестве.

Крушение Советского Союза обусловило крушение жизнедеятельности идей коммунистически-большевистского глобализма. А поскольку идея американского глобализма осталась единственной, бывшая коммунистическая элита республик СССР и стран Восточной Европы восприняли американскую идею глобализма как единственно верную. При этом присоединение к американскому глобализму, как правило, проходило через суверенизацию государств, в основе которой стояло противостояние России. По такому пути пошли страны Прибалтики, Грузия, Молдавия. Ярким примером такой переориентации является Украина. Такая переориентация фиксировалась в лозунгах: «Украина – не Россия» и «Украина – это Европа». Борьба за антироссийский суверенитет развернулась и усилилась после государственного переворота (второго Майдана) в феврале 2014 г.

Россия в девяностые годы шла по такому же пути американской глобализации. Руководствуясь экономическими рецептами МВФ, она разрушила своё производство, покорно следовала политическим ориентирам США, западным культурным ценностям. Особенно наглядно это проявляется в бездумном принятии «Болонской системы» и провозглашении образования «услугой». С рубежа XX – XXI веков, однако, Россия начала преодоление американской глобализации. Это проявилось в реакции на агрессию Запада против Югославии в 1999 году, в мюнхенской речи В.В. Путина 2007 года, в воссоединении Крыма с Россией. Вместе с тем, нужно признать, что процесс преодоления идей американского глобализма идёт медленно, особенно в экономической сфере, поскольку у значительной части элиты сохраняется вера в приоритет западных стандартов.

Особое положение в вопросах американского глобализма заняла Белоруссия. В отличие от других постсоветских республик и стран Восточной Европы движение Белоруссии было своеобразным. Наряду с Россией и Украиной в Беловежской пуще в декабре 1991 года Белоруссия приняла непосредственное участие в ликвидации СССР. Однако, путь Белоруссии в сторону американского глобализма оказался недолгим. После избрания в 1994 году президентом республики А.Г. Лукашенко движение Белоруссии к суверенизации перестало быть связанным с открытым противостоянием России и приверженностью американскому глобализму. В отличие от стран Прибалтики и Украины Белоруссия не предприняла попыток притеснения русского языка, не делала шагов по выходу из лона русской православной церкви, не порвала резко с советским наследием. Белоруссия провозгласила намерение создать союзное государство с Россией с единым экономическим пространством, единой валютой, единой оборонной

политикой. Однако на пути реализации этого проекта возникли проблемы, обусловленные пониманием баланса между суверенностью и общегосударственными интересами Белоруссии и России. Конечно, суверенитет Белоруссии может быть в ряде случаев выгоден и России, поскольку Белоруссия способствует разрешению межгосударственных конфликтов. Однако, суверенность и отказ от вхождения в систему западного глобализма не означает отказа самоидентификации себя с позиции цивилизационной принадлежности. Белоруссия в отличие от Российской Федерации не состоит в Парламентской ассамблее Совета Европы, не подчиняется часто политизированным решениям Европейского суда по правам человека. Вместе с тем, представляется, что выбор между европейским мультикультурализмом и русской православной цивилизацией ещё окончательно не сделан.

Очевидно, что противостояние проектов суверенизации и глобализма на постсоветском пространстве во многом объясняется антагонизмом между Западом и Россией, в той или иной форме проявляющем себя во все исторические эпохи. Он может быть объяснен их двойничеством. Будучи формами проявления одной христианской цивилизации, возникшей на развалинах языческого Рима, Западная Европа и Византия, а затем ее историческая наследница Россия занимают одно и то же культурное пространство, фактически дублируют друг друга и неизбежно оказываются в состоянии взаимоотрицания. Гипотетически возможны три варианта разрешения этого конфликта: уничтожение, поглощение, либо отчуждение одной из избыточных альтернатив. Наиболее любопытной является третья модель взаимоотношения – отчуждение. Ее реализация претерпела весьма своеобразную эволюцию. Традиционно Запад подчеркивал инородность России, постулировал ее отношение к иному типу культуры, но затем, в наше время, неожиданно сам отказался от своих христианских корней, постулировав рождение абсолютно нового, постхристианского типа цивилизации. И, одновременно, Россия объявлена пленником традиционной теократической христианской цивилизации как уходящего в прошлое архаичного цивилизационного проекта.

Как бы то ни было, но альтернативность Запада и России действительно проявляет себя в самых различных формах.

Пространственное распространение Запада и России. Западный тип пространственного распространения, проникновения – это соблазнение, несоответствие внешнего и внутреннего, этикетки и содержания. Русский тип – это поединок, дуэль, когда побеждает сильнейший. Запад соблазняет, переформатирует душу, нутро. Россия

– надевает мундир, форму на тело, позволяя внутри оставаться самим собой.

Запад, Россия и ислам. Западный социум предлагает современному человеку в качестве целей достижения: 1) телесные наслаждения, 2) гламур (квазиинтеллектуальные наслаждения), 3) высокую самооценку (чувство собственной важности, имидж), 4) славу (популярность, просперити). Любопытно, что эти цели практически буквально совпадают с тем, что средневековый арабский мыслитель Абу-Бакр Ибн-Баджа (12 в.) называл четырьмя «низкими градами»: 1) телесный град, 2) град украшательства, 3) град воображения, 4) град памяти. Это объясняет глубинные причины антагонизма Запада с арабо-мусульманской культурой. Можно сказать, что как Россия представляет собой внутреннюю альтернативу Запада, так же исламская цивилизация представляет собой его внешнюю альтернативу. При этом российская цивилизация подобного антагонизма в отношении ислама не обнаруживает.

Демократия – власть большинства или меньшинств? На современном Западе сформировалось общество с культурой доминирования меньшинств. Сам народ рассматривается не иначе как совокупность меньшинств. Это реальность имеет вполне рациональное объяснение 1) Расширение рынка. Чем больше меньшинств, тем большее разнообразие интересов, потребностей, желаний. Монолитная группа большинства менее привлекательна для рынка, маркетинга, рекламы и т.д. 2) Группы меньшинств менее опасны для центров власти. Фрагментированное на меньшинства общество менее способно к консолидации, объединению, мобилизации, формированию влиятельных альтернативных центров власти. 3) Олигархический характер власти, закамуфлированный под демократию. Правящая элита надежно отделена, экранирована от управляемого общества и поэтому спокойно сохраняет свои исторические, традиционные ценности и преэминентность. Кроме того, не стоит забывать и то, что для правящей элиты состояние меньшинства – это естественное состояние. Можно сказать, что правящая элита транслирует вовне свое коренное свойство, «заражает» им основное «тело» общества. Но то, что является естественным для элиты, может быть деструктивным для базового общества, поскольку требует от него радикальных изменений и трансформаций. 4) Модель управления фрагментированным обществом (диверсифицированным рынком) является наиболее удобной и привычной именно для западной олигархии. Соответственно, внедрение этой модели в другие культурные системы нарушает их функционирование и существующие традиционные конвенции. Это расшатывает, ослабляет позиции местных правящих

элит и создает возможность для передачи властных полномочий западной олигархии. С этим связан феномен «цветных революций».

Трансформация региональной идентичности в контексте постмодернистских тенденций

Гаффаров И.З.

Кандидат исторических наук

E-mail: ildarg67@gmail.com

Аннотация: *важной составляющей общественной жизни является проблема выбора и соответствия той или иной идентичности в социокультурном поле, состоящем из пространственно-временных наслоений образов прошлого.*

Ключевые слова: *идентичность, регионализм, национализм, четвертый мир, элита.*

Transformation of regional identity in the context of post-modern trends

Gaffarov I.Z.

Candidate of history

E-mail: ildarg67@gmail.com

Abstract: *an important component of social life is the problem of choosing or according one or another identity in the socio-cultural field, consisting of spatial-temporal layers of images of the past.*

Keywords: *identity, regionalism, nationalism, fourth world, elite.*

Региональное самосознание является одним из важных составляющих социального дискурса, и служит синонимом термина «региональная идентичность».

Сама идентичность определяет два фундаментально различных значения: с одной стороны, абсолютная одинаковость, единообразие и тождество, а с другой — условие, факт того, что человек или вещь есть сама по себе, и ничто другое.

В широком смысле понятие «идентификация» означает «отождествление» индивидов и групп в социуме. Так, например, в 1311 году Митрополит Петр, бессеребренник и аскет, чьей единственной земной привязанностью была иконопись, был обвинён во взяточничестве [1, с. 503]. Был созван собор. Пришедшие из Москвы,

Ярославля, Костромы, Рязани, Владимира, той же Твери миряне восстали против клеветы на любимого предстоятеля. В итоге, собор снял обвинения с митрополита [10]. Никто не ожидал или даже не предполагал такого развития событий. Это было стихийное проявление и выражение идентичности, связанной со становлением и укреплением русского государства.

Детальная разработка феномена идентичности была предпринята Э. Эриксоном. Американский психолог рассматривал идентичность как итоговое, интегрирующее свойство личности, формирующееся на протяжении всей жизни и проходящее ряд стадий. Это относительное постоянство, уникальность, а также солидарность или несогласие с личностными, групповыми запросами представлено отрывком из каменной стеллы, найденной в долине реки Орхон и адресованной потомкам [7]. Слова Правителя Кюль-тегина имеют конкретную персонафикацию, строго адресованную адресатом адресату, в основе которого лежит так называемое «обоюдное знакомство» и соблюдение «ритуала опознавания» [5, с. 120].

Примеров апелляции к идентичности с целью осознания «Своего», опознания «Чужого» много. В качестве примера можно привести историю Советского государства, где когда-то спаянная веками идентичность, впоследствии все же легла в основу нового мировоззрения.

Если идентичность в классическом понимании была традиционным объектом исследования, ее региональный аспект довольно долгое время оставался без внимания. Это было связано с относительной политической стабильностью в послевоенном мире, игнорированием национально-региональных особенностей в национальных государствах. Поступательно утверждавшаяся с начала 80-х годов XX века по всему миру региональная идентичность явилась одним из инструментов утверждающегося глобального миропорядка.

Региональная общность складывается в относительно замкнутое, обособленное пространство, со своими культурными ценностями, взаимоотношениями между людьми. Обычно индивид ощущает себя одновременно жителем и своей страны, и одного из ее регионов, и конкретного населенного пункта. Если региональная идентичность выходит на первый план и превалирует над национальной, возникает опасность нарастания сепаратистских тенденций и дальнейший процесс распада государства. Аналогичная ситуация складывалась в начале 90-х годов XX века на территории бывшего СССР.

Разрушительные, деструктивные процессы удалось преодолеть лишь в начале 2000-х годов. Соответственно, за все это время в регионах возникла собственная идентичность, основанная на

минимизации различия между членами одной общности, при максимальном увеличении различий между разными общностями. Такого рода идентификация формирует тип характера, с «плавающим» позиционированием в обществе, где человек буквально вынужден «разрываться» между несколькими идентичностями [6, с.113]. Теория множественности идентичностей позволяет изучать и объяснять природу завлечения человека в другой мир [3, с.103].

В современном мире человек «теряет» базовую идентичность, которая, в свою очередь, может скрываться и в традициях и ценностях родной этнической культуры. Это суждение никак не противоречит методологии научных изысканий [4, с. 5]. Тем не менее, сегодняшняя конкуренция в обществе, занятом самореализацией и самоутверждением, вынуждает каждого к выбору связи идентичностей, в ущерб той же базовой идентичности.

Главным фактором региональной идентичности выступает национализм, ставший значимым элементом международной политики XX в. Наиболее реакционную форму он принял в немецком национал-социализме. Близкие к нацизму формы национализма нашли свое продолжение в лице правых группировок в послевоенной Польше, Германии, Великобритании и Франции.

С середины 1970-х гг. наблюдался подъем национализма в СССР. Национализм в национальных республиках включал в себя языково-культурное, экономическое и политическое давление титульной нации на другие этнические группы. С усилением центробежных сил в Советском Союзе добавилось желание усиливающейся национальной элиты утвердиться в рамках суверенных национальных государств, вытеснив не титульные нации с исторической авансцены. Окончательным же результатом национализма и национал-сепаратизма в СССР стал распад союза республик на самостоятельные политические образования. Те же процессы шли в самой Российской Федерации. В основе правового, далее экономического, культурного обособления лежал национальный фактор, обозначаемый исходным – национализмом, который имеет несколько трактовок.

С 1930-х до середины 80-х годов «национализм» в СССР имел негативный оттенок с такими «неприглядными сторонами», как великодержавность, агрессия, иррационализм, нетерпимость, ненависть, насилие и деспотизм. В политической традиции XX века национализму противопоставлялся интернационализм, но последнему не удалось стать объединяющей идеей. А национализм приспособился к изменившимся условиям и достаточно быстро сформировал текущую повестку. Как отмечал Ф. Фукуяма, идеология национализма исходит из убеждения, что однородные культурно-лингвистические группы

должны быть организованы в суверенные государства [9]. И все же ахиллесовой пятой любого национализма является недостаток или отсутствие критического оценивания прошлого, сообразно уже сложившимся реалиям. Э.Д. Смит, полагает, что национальная идентичность подпитывается мифами, символами, поведенческими моделями прошлого, «рисую» тем самым привлекательный образ из прошлого [8]. Разочарование начинается в момент, когда сформировавшийся уже образ «сталкивается» с отнюдь не комплементарной реальностью. Такая дихотомия является очередным вызовом XXI столетия.

В основе любого государства лежит выстраиваемое столетиями многообразие культур. Когда граждане полностью идентифицируют себя с государством, появляется всеобщая сплоченность. Однако если население региона, республики слабо идентифицирует себя с государством, вероятность формирования универсальной идентичности существенно снижается. Угроза хаоса, сложность в поддержании порядка, подталкивает национальные и региональные элиты к формированию национально-территориальной идентичности посредством мифов, идей, проектов, многочисленных повествований, культивируемых и насаждаемых местными СМИ, политическими институтами, образовательными учреждениями. Таким образом, с ослаблением значения и роли нации-государства, на передний план выходит локальная, региональная идентичность. На сегодняшний день региональная идентичность является определяющим и стабилизирующим фактором формирования социально-территориальной общности, формирующейся в результате идентификации «себя» и «других». Она позволяет индивиду ощущать себя частью общности, что уже служит неким объединяющим фактором. В то же время, региональная идентичность способна представлять угрозу целостности страны.

Региональная идентичность имеет 3 уровня. Первый уровень — территориальная идентификация личности, которая наиболее устойчива и практически не меняется. Второй уровень — региональные интересы и ценности, связанные с географическими (природно-климатическими), экономическими, политическими, культурно-историческими факторами. На третьем уровне особую роль играет политическая элита, СМИ, региональная администрация, т.е. «агенты» формирования региональной идентичности.

Образы региональной идентичности складываются в сочетании авторитетных региональных лидеров, местных СМИ, преобладающей группы людей с сильной самоидентификацией с региональным политическим сообществом, разработки имиджа территории, создания

гимна, проведения местных праздников, фольклорных фестивалей, восстановления музеев, храмов, создания краеведческих программ, популяризации региональной мифологии, символики, героизации местных героев.

Сама идентичность имеет несколько уровней, начиная от исходной – малой родины – места, связанного с рождением, становлением индивида, большой родины – государства, а далее транснациональной общности. Последняя прочно утвердилась в 1980-е гг. вследствие развития глобализации и основывается на теории «четвертого мира», которая существует в пределах бывшего «первого...второго...третьего...миров», и отличается условным характером границ [8].

Региональная идентичность различается по степени интенсивности и месту, занимаемому среди других идентичностей. Здесь учитывается и степень миграционной мобильности населения и исходя из этого, наличие или отсутствие в обществе патриотических настроений. Там, где чувство «малой родины» превалирует над идеями и ценностями «большой родины», характерна тенденция узколокального патриотизма, и отсюда более или менее явно выраженные сепаратистские настроения, устремления.

Региональная идентичность обусловлена территориальными особенностями жизнедеятельности людей. И если эти особенности явно выделяются на фоне общегосударственных, тем заметнее различие региональных интересов от государственных. В кризисной ситуации происходит перераспределение властных полномочий в пользу регионов. Так случилось после 1991 г., когда не только бывшие союзные республики, а также регионы РФ с подачи центра вынуждены были самостоятельно формировать свои текущие повестки, а также решать их. Нередко это приводило к чрезмерному усилению региональной политики, связанной с упрочением позиций региональных элит.

Наряду с этим необходимо отметить тревожную тенденцию постепенного содержательного отказа элит от регионально-национальной идентичности, когда сохраняются лишь внешние элементы и проявления [2, с. 6].

Литература:

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Айрис-пресс, 2014. – 736 с.
2. Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой. – М.: Эксмо, 2002. – 17 с.

3. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс [Текст]/С.Н. Плотникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – 244 с.
4. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания/К.Р. Поппер. – М.: АСТ, 2004. – 638 с.
5. Шлейермахер Ф. Герменевтика. – Перевод с немецкого А.Л. Вольского. Научный редактор Н.О. Гучинская. – СПб.: «Европейский дом», 2004. – 242 с.
6. Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 529 с.
7. Орхонские памятники. Памятник Кюль-Тегину [электронный ресурс] Исторический форум – URL: <https://forum.ykt.ru/viewmsg.jsp?id=14122047> (дата обращения: 22.03.2019).
8. Региональная идентичность [электронный ресурс] Center – YF (Центр Управления Финансами) – URL: <https://center-yf.ru/data/economy/regionalnaya-identichnost.php> (дата обращения: 24.04.2019).
9. Фукуяма Ф.: конец истории и последний человек [электронный ресурс] – Гуманитарные технологии – URL: <https://gtmarket.ru/> (дата обращения: 27.04.2019).
10. Чудотворец Московский, митрополит Киевский, святой Волинский [электронный ресурс] Фонд стратегической культуры – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2017/01/03/chudotvorec-moskovskij-mitropolit-kievskij-svjatoj-volynskij-43320.html> (дата обращения: 24.04.2019).

Мониторинг эффективности как способ оценки деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Крым

Геращенко К. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
магистрант кафедры политических наук и международных
отношений*

E-mail: karinaofficial@mail.ru

Аннотация: В условиях неравномерного социально-экономического развития не только субъектов Российской Федерации, но и муниципальных образований, происходит поиск новых методов контроля над деятельностью органов местного самоуправления. Одним из наиболее эффективных является мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления

городских округов и муниципальных районов, который отслеживает положение муниципальных образований в Республике с 2016 года.

Ключевые слова: мониторинг, эффективность, муниципальные образования, местное самоуправление, развитие МО, Республика Крым.

Performance monitoring as a way of assessing the activities of local authorities of municipal districts and urban districts of the Republic of Crimea

Gerashchenko K.V.

Student of Political Science and International Relations

Crimean Federal University V. I. Vernadsky

E-mail: karinaofficial@mail.ru

Abstract: *Today, during the period of uneven socio-economic development of not only the constituent entities of the Russian Federation, but also of municipalities, a search for new methods of control over the activities of local governments is ongoing. One of the most effective is the Evaluation of the effectiveness of local government of urban districts and municipalities, which tracks the situation of municipalities since 2016.*

Keywords: *monitoring, efficiency, municipalities, local self-government, development of municipalities, Republic of Crimea.*

Эффективность деятельности органов власти представляет собой сложную категорию, включающую совокупность отдельных аспектов (результативность, экономичность, качество и т.д.) и выражающую выбор «правильного» вектора развития региона в соответствии с его потенциалом, приводящего к отложенному социально-экономическому эффекту [1].

Мониторинг оценки эффективности деятельности необходим для комплексного анализа результативности управления в органах местного самоуправления, а также выявления потенциала территории для развития тех аспектов, которые требуют повышенного внимания и имеют негативное воздействие на развитие региона в целом.

В Республике Крым началу внедрения оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов положило Постановление Совета Министров Республики Крым от 07 октября 2014 года № 367 «О внедрении проведения оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Крым».

Постановление изначально предусматривало 40 показателей и 9 групп, таких как: экономическое развитие, дошкольное образование, общее и дополнительное образование, культура, физическая культура и спорт, жилищное строительство и обеспечение граждан жильем, ЖКХ, организация муниципального управления и энергосбережение и повышение энергетической эффективности [2].

На протяжении всего периода в Постановление Совета министров Республики Крым № 367 вносились изменения, касающиеся корректировки показателей. Так, в 2016 году включен показатель «Доля обучающихся, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности обучающихся» [3], в 2017 году исключена строка «Доля выпускников муниципальных общеобразовательных учреждений, сдавших единый государственный экзамен по русскому языку и математике, в общей численности выпускников муниципальных общеобразовательных учреждений, сдавших единый государственный экзамен по данным предметам» [4] и, в 2019 году Постановление было дополнено показателем «Результаты независимой оценки качества условий оказания услуг муниципальными организациями в сферах культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и иными организациями, расположенными на территориях соответствующих муниципальных образований и оказывающими услуги в указанных сферах за счет бюджетных ассигнований бюджетов муниципальных образований» [5].

Ежегодно подготавливается «Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Крым по итогам года». При подготовке Сводного доклада используется информация, содержащаяся в докладах глав администраций городских округов и муниципальных районов Республики Крым о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.

В докладе по итогам 2016 года было выделено ряд проблем, оказывающих негативное влияние на экономику:

- недостаточная обеспеченность сырьевыми, водными, энергетическими ресурсами;
- низкая транспортная доступность региона;
- высокая зависимость крымских производителей от поставок сырья;
- недостаточная конкурентоспособность.

Отмечался высокий износ объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также, режим ч/с, в связи с ограничением подачи электроэнергии [6].

В 2017 году ни одна из проблем (исключение: недостаточная конкурентоспособность), оказывающих негативное влияние на экономику, выделенных в докладе 2016 года, не была решена, ко всему прочему, к негативным факторам добавился санкционный режим [7].

Но, несомненно, были и положительные тенденции:

1. В сфере строительства (Объем выполненных в 2017 году строительных работ в 2,5 раза превышает показатели 2016 года);
2. В сфере транспорта увеличены объёмы грузооборота на 13%;
3. Увеличены инвестиции в основной капитал;
4. Увеличены налоговые и неналоговые доходы на 47%;
5. Увеличена среднемесячная заработная плата на 8,4% (26 165 рублей).

В 2018 году были решены практически все проблемы, выделенные в 2016 году и не решенные в 2017 году. Среди не решенных остались:

- недостаточная обеспеченность водными ресурсами;
- санкционные ограничения;
- высокий износ и неудовлетворительное общее состояние объектов инфраструктуры [8].

К положительным тенденциям можно отнести:

1. В сфере строительства (Объем выполненных в 2018 году строительных работ в 2,9 раза превышает показатели 2017 года);
2. В сфере транспорта увеличены объёмы грузооборота на 14,7%;
3. Увеличены инвестиции в основной капитал на 34,1%;
4. Увеличены налоговые и неналоговые доходы на 8,1%;
5. Увеличена среднемесячная заработная плата на 10,8% (29 188 рублей).

Впервые в докладе о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Крым по итогам 2018 года была проведена Комплексная оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Крым.

Были отобраны 10 показателей, наиболее объективно отражающих ситуацию в городских округах и муниципальных районах по ключевым сферам. В тройку лидеров по городским округам и муниципальным районам:

- 1 место – Судак и Симферопольский район;
- 2 место – Ялта и Черноморский район;
- 3 место – Саки и Раздольненский район.

Вышеназванные муниципальные образования занимали лидирующие позиции по ряду показателей, что позволяет делать вывод

об эффективности работы органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов.

Мониторинг оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления Республики Крым находится на стадии развития, однако уже успел показать свою эффективность в выявлении лидеров, что позволяет корректировать распределение бюджетных средств, программ социально-экономического развития, а также обнаружить наиболее острые проблемы, при устранении которых Республика Крым сможет развиваться равномерно.

Литература:

1. 1. Бутова Т.В., Добринина Л.Р. Понятие эффективности деятельности органов власти // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-effektivnosti-deyatelnosti-organov-vlasti> (дата обращения: 09.01. 2020 г.)

2. Постановление Совета Министров Республики Крым от 07 октября 2014 года № 367 «О внедрении проведения оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Крым».

3. Постановление Совета Министров Республики Крым от 10 мая 2016 года № 199 «О внесении изменений в постановление Совета министров Республики Крым от 07 октября 2014 года № 367».

4. Постановление Совета Министров Республики Крым от 05 мая 2017 года № 241 «О внесении изменений в постановление Совета министров Республики Крым от 07 октября 2014 года № 367».

5. Постановление Совета Министров Республики Крым от 27 марта 2019 года №169 «О внесении изменений в постановление Совета министров Республики Крым от 07 октября 2014 года № 367».

6. Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Крым по итогам 2016 года.

7. Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Крым по итогам 2017 года.

8. Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов в Республике Крым по итогам 2018 года.

Внутриполитическая повестка дня как фактор единства России

Глухова А.В.

Доктор политических наук

Воронежский госуниверситет, заведующая кафедрой

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-31293, «Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России».

Аннотация: Стабильность любого современного государства, переживающего глубочайшую трансформацию политики как сочетания локального, регионального и глобального, технократизации, политизации и сетевизации, все больше зависит от его внутреннего единства, поддерживаемого солидарно понимаемыми целями и задачами его членов. Наряду с преимущественно территориальной трактовкой единства государства (как нерушимости границы), все большее значение приобретает единство социального и ментального смыслового поля, обеспечиваемого осознанием общих целей и задач; наличием ценностных ориентиров, разделяемых значимым большинством граждан; схожим видением мира; согласием (хотя бы относительным) по поводу приоритетов. Наличие подобных общих ценностей и целей может служить гарантией базового консенсуса и общественной консолидации вокруг внутриполитической повестки, т.е. содержания политического курса, реализуемого руководством страны.

Ключевые слова: повестка дня, единство, негативный консенсус, конвертация повесток.

Inner agenda as a Russian unity factor

Glukhova A.V.

Doctor of Political Sciences,

Voronezh State University, Head of the Department

E-mail: soc@hist.vsu.ru

Abstract: Any modern state is under the deepest transformation of politics as a combination of local, regional and global, technocratization, politicization and networking. All that transformations influence internal unity, common goals of all members of society. Along with the predominantly

territorial interpretation of the state unity (borders), the unity of the social and mental semantic field, provided by the awareness of common goals and objectives, is becoming increasingly important; the presence of value guidelines shared by a significant majority of citizens; a similar vision of the world; agreement (at least relative) regarding priorities. Such common values and goals can guarantee basic consensus and public consolidation around the domestic political agenda, i.e. the content of the political course implemented by the country's leadership.

Keywords: *agenda, unity, negative consensus, converting agendas.*

Проблемы возникновения согласия в ценностях (т.е. базового консенсуса) в стабильных и переходных обществах неоднократно привлекали внимание исследователей, становились объектом их научных разработок. Однако гораздо меньшее внимание до сих пор уделялось роли повестки дня в формировании базовых оснований общественного согласия и солидарности. Между тем именно формулируемые в ней кратко- и долгосрочные цели и ценности в значительной степени определяют глубину и масштабы общественной консолидации. Достаточно сказать, что конъюнктурные формулировки общих задач и целей, диктуемые сиюминутными интересами или геополитическими устремлениями правящей элиты способны выполнить задачу общественного сплочения лишь в ограниченном временном интервале. В случае ослабления или исчезновения прежних идейных и ценностных оснований для общественной консолидации наступает разочарование и отчуждение масс от политики, делегитимация властных институтов. Отсюда правящие элиты остро заинтересованы в контроле над повесткой, препятствуя ее перехвату набирающей массовую поддержку оппозиционной политической силой.

Россия сегодня имеет сложную повестку с большим набором проблем, часть которых обозначена в Посланиях президента РФ В.Путина, включая Послание 2019 г. Вместе с тем в нем не прозвучало мобилизационного призыва, т.е. вовлечения институтов гражданского общества, политических партий или движений в решение этих проблем. В свою очередь, общественные структуры ограничиваются лишь критикой президентского Послания, но не перехватывают лидерство в дискурсе повестки. Это мешает выработке стратегии развития страны.

Летом 2019 г. исследовательской группой Воронежского госуниверситета в рамках гранта РФФИ № 19-011-31293 «Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России» был проведен экспертный опрос. В опросе приняли участие 54 эксперта из 19 регионов (7 федеральных округов) России. 20

участников опроса представляли столичный и 34 - региональный уровень. Экспертами выступили преимущественно работники академической сферы (46), а также консалтинговых структур (5) и органов государственной власти (3). 31 эксперт имеет звание доктора, 19 – кандидата наук (преимущественно политических). Средняя и старшая возрастная группа (старше 45 лет) составила 28 человек; молодежная (до 45 лет) – 26 человек. Целью проекта было изучение состояния внутривнутриполитической повестки дня современной России, оценка ее результативности и согласия в приоритетах; диагностика конфликтогенности и масштабов дисфункций коммуникации. Проблематика опроса затрагивала актуальные вопросы политической жизни страны, что позволило составить «политический портрет» российского общества в интересах экспертного мнения.

Применительно к современной России был предложен авторский концепт *тройной оптики* в исследовании внутривнутриполитической повестки дня:

- *институциональной (правительственной) повестки*, презентованной в официальных документах, выступлениях и заявлениях президента РФ и других официальных лиц (Посланий Федеральному Собранию, Стратегий развития страны, законов, указов и т.д.);

- *гражданской повестки*, продвигаемой политическими партиями и гражданскими активистами, несистемной оппозицией, сохраняющей независимые позиции в политическом поле. Несмотря на ограниченность ресурсов, оппозиция сумела по ряду важных вопросов – перехватить актуальную повестку у власти (проблема транзита власти; борьбы с коррупцией, политического представительства и т.д.);

- *общественной («народной») повестки*, отражающей запросы на решение наиболее острых проблем, волнующих большинство населения России (длительное падение доходов населения, состояние системы здравоохранения, экология, ЖКХ и т.д.).

Наличие трех форм внутривнутриполитической повестки выдвигает задачу выявления потребности в формировании стратегии политического развития России. Такая потребность оценена экспертами в среднем на 8,25 балла (по десятибалльной шкале). Потребность гражданского общества также получила достаточно высокую оценку: простая средняя – 7,62 балла. Политическая элита, по мнению экспертов, нуждается в стратегии развития заметно меньше – 6,29 балла. Явными аутсайдерами оказались политические партии: средняя величина оценки их потребности в формировании стратегии развития страны составила 5,77 балла.

Сам факт «разорванности» повестки свидетельствует об отсутствии ментального единства российского общества. Разные социальные категории шлют власти разные запросы, которые она либо не в состоянии удовлетворить, либо не считает нужным конвертировать в привлекательные политические решения. Отсюда в обществе нарастает ощущение общего неблагополучия как психологическая основа *негативного консенсуса*. Главным фактором ухудшающихся общественных настроений остается экономическая динамика, однако благоприятных прогнозов экономического роста и развития на ближайшую перспективу не выдвигается.

Проблематично и социальное единство России в силу сохраняющегося высокого децильного коэффициента в распределении доходов и сильной социальной дифференциации страны по географическому признаку. Данные экспертного опроса подтвердили, что размежевание по линии «федеральный Центр – субъекты РФ» занимает третью позицию (вслед за социальными ценностными расколами) в иерархии конфликтных размежеваний. Региональные эксперты оценивают вероятность такого раскола еще выше (вторая позиция).

Сомнения в прочности единства высказывают и российские граждане. По данным опроса ВЦИОМ (октябрь 2019 г.) больше половины россиян (54%) считают, что народного единства в стране, скорее всего, нет. Их количество с 2017 г. увеличилось на 14 процентных пунктов. На вопрос, почему они так считают, большинство респондентов ответило: «каждый сам за себя» (30%), «народ живет в нищете» (21%), «нет единой цели, идеи, патриотизма, сплоченности» (10%), «государство постаралось расколоть людей» [2].

Экспертный опрос подтвердил выводы, полученные из вторичных социологических данных: консенсус сегодня является преимущественно негативным, строится на недоверии к политическим институтам, на антиэлитных настроениях. По данным Левада-центра (октябрь 2019 г.), большинство россиян (72%) считают, что интересы власти и общества в России не совпадают [3]. При этом приоритетную позицию в массовом сознании занимает ценность справедливости (83%), реализация которой достижима лишь в условиях технологического развития и хозяйственного роста. Кроме того, позитивный консенсус может сформироваться только в процедурном поле, где главным условием становится признание общества и его активной части равноправными партнерами власти по диалогу. Необходимо возрождение статуса государства как формы организации общественной власти, объединяющей людей с едиными гражданскими правами, включая контроль над правящим меньшинством. Еще важнее

легитимация способов разрешения политических конфликтов, где первостепенную роль играют свободные демократичные выборы. Эти изменения потребуют глубокой ментальной трансформации сознания правящей элиты, традиционно рассматривающей уступки политическим оппонентам как проявление недопустимой слабости. Но от того, в какие сроки и каким образом Россия справится с этой задачей, зависит ее будущее.

Литература:

2. Авраменко Е. Большинство россиян усомнилось в наличии в РФ народного единства // Первомайская правда. URL: http://pervomajskoe.net/news/bolshinstvo_rossijan_usomnilos_v_nalichii_v_rf_narodnogo_edinstva/2019-11-01-15712 (дата обращения: 09.01.2020 г.)
3. Общество и государство, пресс-выпуск от 28.11.2019 // Левада Центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/28/obshhestvo-i-gosudarstvo/> (дата обращения: 15. 12. 2019 г.).

Политическая реклама: визуальный и вербальный аспекты

Шевченко Н.Н.

доктор философских наук

Балтийский государственный технический университет

«ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, профессор

E-mail: n.n.shevchenko@mail.ru

Гогуадзе М.Г.

Балтийский государственный технический университет

«ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, аспирант

E-mail: Maratlex@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется коммуникативная сущность политической рекламы, заключающаяся в её способности устанавливать контакт между носителями власти или претендентами на места во властных структурах и обществом, осуществлять адресную связь между ними, реализуемую в предельно доступной для восприятия знаковой системе, ориентированной на эффективное взаимодействие с аудиторией посредством воплощения рекламных сообщений в визуальных образах, что отражает современную тенденцию развития всех сфер социального посредством их превращения в невербальное виртуально-визуальное пространство.

Политическая реклама, производящая и транслирующая визуализированные политические объекты, может рассматриваться не только в роли посредника между ключевыми коммуникаторами (субъектами политического управления) и целевой аудиторией, но и в роли «со-конструктора» политической реальности, дополняющего процесс конструирования и продвигающего информацию в целях контроля властного дискурса в поле символической политической борьбы.

***Ключевые слова:** политическая реклама, вербальный и визуальный аспект политико-рекламного сообщения*

Political advertising: visual and verbal aspects

Shevchenko N.N.

Baltic State Technical University» VOENMEH» them. D.F. Ustinova

E-mail: n.n.shevchenko@mail.ru

Gogvadze M.G.

Baltic State Technical University» VOENMEH» them. D.F. Ustinova

E-mail: Maratlex@mail.ru

***Abstract:** The article analyzes the communicative essence of political advertising included in the communicative complex of political marketing, which consists in its ability to establish contact between power holders or applicants for places in power structures and society, to carry out targeted communication between them, implemented in a sign system that is extremely accessible to perception focused on effective interaction with the audience through the embodiment of advertising messages in visual images, which reflects modern trend of development in all spheres of the social means of converting them to virtually non-verbal-visual space. Political advertising that produces and broadcasts visualized political objects can be considered not only as an intermediary between key communicators (political management entities) and the target audience, but also as a «co-designer» of political reality, complementing the design process and promoting information for control purposes power discourse in the field of symbolic political struggle.*

***Keywords:** political advertising, verbal and visual aspect of political advertising message.*

В пространстве политической рекламы, являющейся средством продвижения альтернативных проектов модернизации политической власти в современной России, множественные и конкурирующие друг

с другом внутриэлитные проекты апеллируют к массовому сознанию, пытаясь представить в привлекательном виде собственную интеллектуальную позицию. Исследовательские стратегии и их методологические и теоретические основания в данной предметной области также плюралистичны. Осмысление сущности и специфики политической рекламы – проблема, имеющая метатеоретический характер. В последние годы набирают популярность рыночные концепции политической коммуникации, в рамках которых политическая реклама рассматривается в качестве элемента коммуникативного комплекса политического маркетинга, наряду с другими его составляющими – пропагандой, формированием общественного мнения и т.д. В этом модусе своего существования политическая реклама представляет собой репутационную услугу для гражданина-потребителя, понимание которого претерпело существенные изменения в современном бизнесе, рассматривающем его как актора, влияющего на рынок и обладающего правом выбора. Приблизительно такой же смысл придается понятию гражданина-потребителя в политическом маркетинге, не рассматривающем его в качестве «жертвы» для пропагандистской «волшебной пули», а понимаемом как смысл и цель политической коммуникации. Такое понимание политики и политической рекламы стимулирует процесс совершенствования качества «политических услуг», расширяет понимание гражданина как игрока политического рынка. Подчеркивает факт близости политической и коммерческой рекламы термин «уникальное политическое предложение», являющийся аналогом термина «уникальное торговое предложение» (Р. Ривс) [1], означающего предложение потребителю такого товара, который не предлагается конкурентами, и привлекает новых потребителей в силу своей уникальности [2].

Рынок политической рекламы также исследуется с использованием эвристического потенциала концепции свободного рынка идей, предложенной М. Прайсом, являющейся центральной в либертарианском дискурсе. Этот вид рынка характеризуется им с точки зрения предлагаемых гражданам различными политическими акторами дифференцированных пакетов политических рекламных сообщений, включающих наборы мифов, нарративов, образов и символов. Главные участники рекламного рынка – производители политической рекламы (государство, правительство, партии и политические группы интересов), продвигая продукт-проект, стремятся к конвертированию своего успеха в определенные привилегии, власть, богатство. Потребители/покупатели на рынке политической рекламы – граждане государства, сторонники какой-либо политической партии или

политического лидера, по мнению М. Прайса, использующего рыночные аналогии, «платят» несколькими способами, совокупность которых мы называем «лояльностью» или «гражданством». Но цена выражается не в обычной монете государства. Чаще всего плата за лояльность включает принятие на себя экономического бремени государства, выполнение законов и готовность сражаться в вооруженных силах. Действительно, само пребывание под владичеством государства при наличии возможности миграции можно считать формой платежа за лояльность» [3, с. 78].

Однако в политологическом дискурсе политическая реклама преимущественно рассматривается не в качестве маркетингового инструмента рыночной структуры политической сферы, но как фундаментальная составляющая современного информационного пространства и активный участник политических процессов, ориентированных на эффективное взаимодействие с аудиторией посредством воплощения рекламных сообщений в понятных и доступных для восприятия визуальных образах, что отражает современную тенденцию развития всех сфер социального и медиапространства посредством их превращения в невербальное виртуально-визуальное пространство.

В теоретических исследованиях визуального аспекта политической рекламы разрабатываются подходы к её изучению на политико-психологическом уровне, включающем рассмотрение рекламных образов на когнитивном, аффективном и регулятивном уровнях с точки зрения психологии восприятия и механизмов влияния; особое внимание в политической психологии уделяется анализу эмоциональной нагруженности политико-рекламного сообщения, способной мотивировать на принятие решения, отстоящего по времени на значительный срок после его восприятия; системно изучаются проблемы, связанные с проблематикой имиджа политического лидера, закономерностей его формирования и социального функционирования. В исследованиях анализируется зависимость образа от субъекта восприятия (массовая аудитория и элитные группы); теоретическая модель изучения политических рекламных образов включает также анализ темпорального (рассмотрение политического видеоряда в ретроспективном, современном и перспективном контексте) и политико-культурного параметров (мифологическая составляющая визуального образа, его ценностные, идеальные и реальные составляющие). Наиболее распространенным определением рекламного визуального образа является его понимание как целостного и структурно организованного феномена, состоящего из намеренно и произвольно созданных визуальных и вербальных элементов,

выполняющих функции привлечения внимания целевой аудитории к смыслу содержания послания.

Визуальная политическая коммуникация активно используется для конструирования образа политической реальности посредством разнообразных медиа, выполняющих функции посредников для передачи политических сообщений. Однако, политическая реклама, производящая и транслирующая визуализированные политические объекты, может рассматриваться не только в роли посредника между ключевыми коммуникаторами (субъектами политического управления) и целевой аудиторией, но и в роли «со-конструктора» политической реальности, выполняющего функцию конструирования реальности и продвигающего информацию в целях контроля властного дискурса в поле символической политической борьбы и воздействия на целевую аудиторию для принятия ею необходимого решения.

Рекламной визуализации подвергаются различные политические объекты, но одним из центральных понятий политической рекламы является образ (или имидж) кандидата. Основным требованием процедуры формирования этого вида образности является соответствие ожиданиям аудитории-электората (делится на стабильный электорат, целевую аудиторию и круг избирателей), проецирующей на образ политика собственные желаемые качества. В семиологии Р. Барта этот принцип был проанализирован в качестве механизма функционирования мифологии, которая способна создавать образ реальности, совпадающий с желаниями и ожиданиями воспринимающей аудитории. Анализ визуальной составляющей политической рекламы демонстрирует актуальность ещё одного положения семиотического подхода к анализу иконических сообщений Р. Барта, в котором подчеркивается связь между двумя основными семиотическими формами – вербальным и иконическим. Любой визуальный образ полисемичен – его означающие могут относиться к большому числу означаемых, поэтому вербальное сообщение способствует преодолению смысловой неопределенности иконического, закрепляя в восприятии смысл (изображения на фотографии) и интерпретируя образ (рисунка, картины). Вербальный текст является проводником для иконических знаков, проясняя их смысл. Основное условие их сочетаемости – вербальные и невербальные смыслы политико-рекламного сообщения должны быть взаимодополняющими, не вступающими в противоречие друг с другом. Эти два аспекта политической рекламы не являются единственными – в настоящее время набирают популярность идеи так называемой «аудиальной демократии», теоретики которого придадут особое

значение слуховым практикам коммуникации, а говорение и слушание рассматривают как основной капитал политики.

Таким образом, можно констатировать, что трансформация и создание новых форматов быстро развивающихся коммуникационных процессов и технологий в условиях современного информационного общества осуществляется в направлении увеличения объема визуальной информации, не только дополняющей вербальные формы репрезентации мира, но и доминирующей в процессах политических практик. Вследствие этого коммуникационные процессы, реализуемые средствами политической рекламы, визуально атрибутированы и ориентированы не только на вербальные, речевые и аудиальные, но и визуальные техники.

Литература:

1. Ривс Р. Реальность в рекламе. М.: В/О «Внешторггреклама», 1983. 116 с.
2. Шмтко А.Д., Гогуадзе М.Г., Козлов Л.А. Конкурентоспособность товара и его качество в открытой рыночной экономике // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №7. С.227-230.
3. Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М.: изд-во МГУ, 2000. 336с.

Информационно-коммуникативные технологии и развитие гражданской активности в регионе

Головин Ю.А.

доктор политических наук

Ярославский государственный университет имени

П.Г. Демидова, профессор

E-mail: yagolovin@rambler.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00268, «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

Аннотация: Интернет стал неотъемлемой составляющей современного общества, сегодня - это относительно свободное

пространство публичной коммуникации стало одним из средств проявления гражданской активности, механизмом межсекторной коммуникации. Добровольчество, участие в проектах «Решаем вместе», «Делаем вместе» - яркие примеры проявления гражданской активности в Ярославской области. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие сети Интернет оказывает противоречивое влияние на гражданскую активность. С одной стороны, оно создает дополнительный потенциал для ее активизации, решения социально значимых проблем за счет участия населения. А с другой – усиливается угроза цифрового неравенства, разобщенности граждан в онлайн и офлайн среде, снижения их доверия друг другу вследствие потери устойчивых традиционных межличностных связей.

Ключевые слова: интернет-технологии, гражданская активность, добровольчество, губернаторские проекты «Решаем вместе» и «Делаем вместе»

Information and communication technologies and the development of civic activity in the region

Golovin Y.A.

Doctor of Political Science

YarGU, Professor

E-mail: yagolovin@rambler.ru

Abstract: *the Internet has become an integral part of modern society, today - this relatively free space of public communication has become one of the means of civic activity, the mechanism of cross-sector communication. Volunteering, participation in the projects «Let's solve together» and «Let's do together» are vivid examples of civic activity in the Yaroslavl region. The study suggests that the development of the Internet has a contradictory effect on civic activity. On the one hand, it creates additional potential for its activation, solving socially significant problems through the participation of the population. On the other hand, the threat of digital inequality, the disunity of citizens in the online and offline environment, the decline of their trust in each other due to the loss of stable traditional interpersonal ties is increasing.*

Keywords: *Internet technology, civic activity, volunteering, gubernatorial projects «Let's solve together» and «Let's do together.»*

Информационно-коммуникативные технологии – это, прежде всего, интернет-технологии. Интернет стал неотъемлемой

составляющей современного общества и нет ничего неожиданного в том, что сегодня - это относительно свободное пространство публичной коммуникации стало одним из средств проявления гражданской активности, механизмом межсекторной коммуникации.

Одной из особенностей гражданской активности является всё большее использование сетевого принципа для ее организации. Основные механизмы сетевой мобилизации граждан в современной России можно разделить на традиционные и новые. Первые включают в себя все приемы взаимодействия с населением, мотивирующие к участию: распространение информации посредством печатной продукции, радио и телевидения; формирование имиджа лидера движения; постановка целей; организация мероприятий и т.д. Новые механизмы расширяют границы действия инициативных граждан, их объединение и взаимодействие происходит через Интернет. Специфика заключается в использовании более оперативной взаимосвязи, онлайн-площадок для обсуждения. [1, с.195-196]

На начало 2019 года, в России доля пользователей сети в группе «взрослые» (18 лет и старше) составила 79%. Об этом, а также о неравномерности распространения Интернета в России говорят данные исследовательской компании ВЦИОМ [2].

В январе-феврале 2019 года специалистами Ресурсного центра поддержки НКО и гражданских инициатив и преподавателями кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. был проведен опрос интернет-пользователей Ярославской области на тему «Роль Интернета в развитии общества и межсекторном взаимодействии». Всего в опросе приняли участие 648 человек – жителей Ярославской области, использующих в повседневной жизни Интернет. Выборка была построена с учетом социально-демографических и территориальных характеристик интернет-пользователей Ярославской области.

В Ярославской области на протяжении двух последних лет доля интернет-пользователей остается неизменной – в диапазоне 60%-65% или примерно 650 тыс. человек. По состоянию на 1 кв. 2019 года 71,1% из них (или 450.тыс. человек) выходят в Интернет ежедневно, 22,8% - несколько раз в неделю/месяц, 6,0% - редко.

Большинство пользователей заходят в Интернет для поиска нужной им информации, но только 15,9% из них интересуются политическими новостями и 38,7% работой органов власти. По субъективному мнению пользователей, сейчас в рунете вопросы внутренней политики доминируют над внешней, то есть интернет-пользователям ближе социальная политика, экономическая и т.д. В связи с этим А.В. Соколов указывает, что «Интернет, таким образом,

является важным инструментом формирования гражданских структур, каналом социальной самоорганизации и объединения граждан, что особенно актуально в отсутствие эффективных формальных способов участия (партий, профсоюзов и пр.) в политической жизни для большинства населения, что позволяет оценивать его как перспективный инструмент реализации политических интересов различных социальных групп» [3, с. 67-71].

Отношение населения к добровольчеству и благотворительности – чувствительный индикатор для определения степени зрелости гражданского общества. Очевидно, что государственные органы власти уделяют двум этим институтам особое внимание. Государство ориентировано на воспитание у граждан осознанного стремления помогать ближнему. О серьезности намерений властных структур в этом можно судить и по тому, что в России 2018 год был объявлен годом добровольца и волонтера.

Впервые за все время наблюдений рост средних экспертных оценок развития института добровольчества и благотворительности по итогам 2018 года оказался столь существенным, что позволил им подняться сразу на балл выше - 6,39 балла (по шкале от 1 до 10, где 1 – практически отсутствует, 10 – максимальное развитие) и 5,56 балла соответственно.

Особый интерес вызывает реализованный на территории Ярославской области Губернаторский проект «Решаем вместе» [4]. Данный проект представляет собой площадку инициативного бюджетирования, которое предполагает решение местных проблем при участии и инициативах граждан Ярославской области. Данный проект позволяет собрать на одной площадке проекты для улучшения жизненной среды и проводить онлайн – голосования, проводить контроль над качеством выполнения возложенных поручений на местах; проводить благоустройство общественных территорий, учитывая мнение и пожелания населения. Всё это в целом позволяет сформировать и поддерживать имидж региональной власти.

По аналогу «Добродела», который доказал свою эффективность в Московской области, в Ярославле был создан и реализован проект «Делаем вместе» [5]. Данный проект функционирует на основе применения технологии краудсорсинга. Краудсорсинг имеет применение как технология решений любого вида задач и проблем, которые относятся как к государству, так и обществу в целом [6, с. 83].

Данный проект представляет собой площадку прямого диалога населения с органами власти для решения проблем местного уровня. Он создан для оперативного получения от населения информации о существующих проблемах, исполнения обязательств по жалобам и

просьбам, устранения существующих недостатков в работе коммунальных организаций и муниципальных предприятий. Представители исполнительных органов власти оперативно изучают предоставленную им информацию, своевременно решают обозначенную проблему, организуют связь с авторами писем и по итогу отчитываются за выполненные работы.

По состоянию на 03.04.2019 на портале зарегистрировано 4150 пользователей. За всё работы проекта было получено 7523 сообщений, из которых 6097 являются проблемами, 1329 предложений и 97 благодарностей. Существующие проблемы классифицируются на 7 категорий: Двор, придомовые территории; транспорт; дом, ЖКХ; автомобильные дороги; безопасность; медицинские учреждения; работа МФЦ. Наиболее популярными среди граждан являются обращения на темы благоустройства дворов, транспорта и жилищно-коммунального хозяйства.

Развитие Интернет-технологий и расширение количества интернет-пользователей создает возможности для более активного участия граждан в общественно-политической деятельности. Политические партии и НКО вовлекают своих сторонников в различные проекты социальной направленности. Российские ученые А.В. Соколов и Е.А. Исаева отмечают, что в интересах, как НКО, так и государственной власти выстраивать механизмы диалога и консультаций, так как они преследуют общую цель – решение проблем общества и удовлетворение потребностей его членов [7, с.334-341].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие сети Интернет оказывает противоречивое влияние на гражданскую активность. С одной стороны, оно создает дополнительный потенциал для ее активизации, решения социально значимых проблем за счет участия населения. А с другой – усиливается угроза цифрового неравенства, разобщенности граждан в онлайн и офлайн среде, снижения их доверия друг другу вследствие потери устойчивых традиционных межличностных связей.

Литература:

1. Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России / Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2 С. 195-196.
2. «Просторы интернета: для работы или развлечений?», ВЦИОМ, URL<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9322>
3. Соколов А.В. Электронные коммуникации в социальной активности граждан // Власть. 2015. №3. с. 67-71.

4. Официальный сайт «Решаем вместе». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://vmeste76.ru/> (дата обращения 03.04.2019).

5. Официальный сайт «Делаем вместе». [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://delaem.vmeste76.ru/> (дата обращения 03.04.2019).

6. Комаров О. Е., Соколов А. В. Краудсорсинг в процессах гражданской кооперации // Материалы девярых Байкальских международных социально-гуманитарных чтений, Иркутский государственный университет. 2016. Том 1. с. 82-87.

7. Соколов А.В., Исаева Е.А. Формирование некоммерческого сектора в субъектах Российской Федерации (на примере Ярославской области) // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 334-341.

Классификация краудсорсинговых проектов

Головин Ю.А.

доктор политических наук

Ярославский государственный университет имени

П.Г. Демидова, профессор

E-mail: yagolovin@rambler.ru

Комаров О.Е.

Ярославский университет имени П.Г. Демидова, аспирант

E-mail: oleg93komarov@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00268, «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

Аннотация: В современных реалиях возрастает необходимость выстраивания диалога между властью и гражданским обществом, увеличения степени участия граждан в управленческо-государственной деятельности. Оптимальным каналом выстраивания подобного взаимодействия является Интернет. Особую роль в рамках этого взаимодействия могут играть краудсорсинговые платформы, которые позволяют демонстрировать интересы общества, выявлять и оперативно решать существующие проблемы, а также способствовать вовлечению граждан в процесс подготовки и принятия решений. В условиях возрастающих протестных настроений

в РФ продуктивная реализация краудсорсинговых кампаний позволяет снижать социальное напряжение в обществе и содействовать снижению вовлеченности граждан в протесты, демобилизации. Автором проведён анализ существующих типологий краудсорсинга, на основе которого для систематизации краудсорсинга была подготовлена авторская типология, позволяющая выявить особенности функционирования краудсорсинговых проектов.

Ключевые слова: краудсорсинг, классификация, краудсорсинговый проект, Интернет, толпа, инициативы, гражданское общество.

Classification of crowdsourcing projects

Golovin Y.A.

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Political Science, Professor

E-mail: yagolovin@rambler.ru

Komarov O.E.

P. G. Demidov Yaroslavl State University, graduate student

E-mail: oleg93komarov@mail.ru

Abstract: *In modern realities, there is a growing need to establishing dialogue between the government and civil society, increasing the degree of participation of citizens in state management activity. The optimal channel for establishing such interaction is the Internet. Crowdsourcing platforms can play a special role in this interaction which can demonstrating the interests of society, identifying and immediately solving existing problems, as well as contributing to the attraction of citizens in the process of preparing and decision-making. In the context of increasing protest moods in the Russian Federation, the productive realization of crowdsourcing campaigns can reduce social intensity in society and help reduce the involvement of citizens in protests and demobilization. The author analyzes the available typologies of crowdsourcing, on the basis of which the author's typology was developed for the systematization of crowdsourcing, which provide to identify the features of the functioning of crowdsourcing projects.*

Keywords: *crowdsourcing, classification, crowdsourcing project, Internet, crowd, initiatives, civil society.*

Вызовы и возможности, которые стоят перед современным обществом, во многом обусловлены тем, что объём и масштаб задач, стоящих перед различными акторами политической и общественной

жизни, не позволяют им опираться только на собственные силы и решать существующие проблемы самостоятельно. Современная конкуренция требует от всех освоения и адаптации новых технологий, формирования иных подходов к взаимоотношению со всеми субъектами для реализации совместных проектов в векторе инноваций. Инновационные проекты современности нацелены на максимальную открытость и увеличение числа лиц, причастных к процессам производства, изучения и финансирования. Подобный подход становится актуальным и важным, регулярно доказывая собственную продуктивность на практике. Особое значения в рамках данных процессов играет применение современных информационных технологий, активная реализация проектов в рамках сети Интернет, поэтому возрастает роль таких технологий, как краудсорсинг и краудфандинг. Данные инструменты уже успели получить широкое распространение в мировой практике, являясь новым форматом взаимодействия субъектов в рамках инновационной деятельности [1, с. 68].

В общем значении, краудсорсинг представляет собой безвозмездное или за небольшую плату привлечение большого круга лиц для решения конкретных задач [4, с. 83]. Сегодня краудсорсинг имеет применение как технология решений любого вида задач и проблем, которые относятся как к государству, так и обществу в целом. Посредством краудсорсинга происходит снижение стоимости и сокращение времени достижения конкретного результата, что достигается за счёт передачи решения проблемы неограниченному кругу лиц [8, с. 34]. В условиях возрастающих протестных настроений в России продуктивная реализация краудсорсинговых кампаний позволяет снижать социальное напряжение в обществе и содействовать снижению вовлеченности граждан в протесты, демобилизации.

В связи с возросшим интересом к специфике краудсорсинга, представляется целесообразной разработка классификации краудсорсинговых проектов на базисе существующих на сегодняшний день типологий, которая позволила бы сложные проекты выделить в отдельные категории.

В частности, автором термина «краудсорсинг» Джеффом Хау были выделены 4 основных типа краудсорсинга, такие как [9, с.44]:

1-й тип - «мудрость толпы», который является механизмом и инструментом коллективной генерации решений задач любой сложности или составления прогнозов. Ярким примером реализации данного типа могут служить сервисы перевода текстов на иностранных языках.

2-й тип – «творчество толпы», которые ориентированы на разработку дизайна, логотипов, создание новых товаров. В повседневной жизни часто встречается то, когда организация в условиях необходимости разработки собственных слогана или логотипа обращается к гражданам, обещая за выполнение задачи какой-либо подарок или вознаграждение.

3-й тип – «голосование толпы», ориентирован на сбор и систематизацию общественного мнения о каком-либо вопросе или событии. В частности, на территории Ярославской области функционирует проект «Народное правительство», которое позволяет выносить на обсуждение и голосование общественно значимые инициативы [6].

4-й тип – «краудфандинг», которые представляет собой инструмент привлечения финансовых вливаний для реализации какого-либо проекта. Наиболее популярной практикой реализации данного типа в России является портал «Планета.ру».

Помимо этого, достаточно часто встречается типология, представленная Фернандо Гонзалесом и Энрике Эстеллесом, которая базируется на различиях векторов решаемых задач и роли участников реализуемых проектов [2, с. 68]. Данная классификация обобщает предложенные ранее исследователями классификации и включает в себя пять различных категорий.

1. Краудсотрудничество. Для данного типа характерно свободное общение и взаимодействие индивидов внутри толпы между собой. Отсутствуют соревновательный и сопернический факторы взаимоотношений. Наличие краудсорсера в рамках данного типа необязательно.

2. Краудкастинг. Возникновение краудсорсинговых инициатив подобного типа обусловлено необходимостью решения силами толпы определённой задачи в формате конкурса. Участник, который решит поставленную задачу первым или подготовит наиболее продуктивное решение, получает незначительное вознаграждение. В данном случае роль краудсорсера возрастает, так как он также выступает в качестве судьи при подведении итогов.

3. Краудконтент. В данном типе инициатив знания и возможности толпы используются для создания различного контента. Каждый участник в определённые периоды реализации проекта имеет возможность выступать в роли краудсорсера, но, в целом, принципиальной необходимости в этом нет, так как соперничества между участниками отсутствует. Участники являются одновременно и создателями, и потребителями своей «продукции».

4. Краудмнение. Данный тип имеет своей целью изучение мнения участников толпы в отношении определённых проблем, продуктов или вопросов. Реализуется данный тип посредством комментирования, голосования тегов и др.

5. Краудфандинг. О данном типе уже было сказано ранее, однако также можно дополнительно уточнить, что неформально краудфандинг можно определить как финансирование толпой реализуемого проекта или инициативы в обмен на различные вознаграждения со стороны краудсорсера.

Анализ различных источников литературы показал, что в настоящее время существует большое количество разнообразных теорий и взглядов, касательно существующих типов краудсорсинга. В соответствие с этим, можно предложить собственную классификацию понятия краудсорсинга. Последующая классификация была выведена автором на основе собственного опыта, практики функционирования краудсорсинговых проектов и анализа зарубежных и отечественных источников.

Исходя из ключевой цели краудсорсинга, можно сделать вывод, что генерация новых идей и решений является определяющей в рамках данной технологии. Однако, дальнейшее применение полученных идей разнообразно. В связи с этим, целесообразно дифференциация краудсорсинга по цели применения.

Первый тип основан на том, что краудсорсинг предполагает генерацию большого количества идей и предложений, часть которых в дальнейшем реализуется на практике. Чаще всего, реализацию получают идеи, в рамках тех краудсорсинговых проектов, где проводится конкурсные процедуры. Ключевым фактором в рамках данного типа служит прозрачная система голосования, когда любой человек имеет возможность отследить степень поддержки своей идеи. По итогам применения данного типа краудсорсинга всегда имеется человек или группа граждан, которые официально или условно обозначаются в качестве «победителей». В рамках данного типа ключевым значением присылаемых инициатив является их качество, именно на это ориентированы авторы проектов. Данный тип можно назвать «Краудсорсинг – качество».

Примером применения данного типа краудсорсинга можно назвать процедуру выбора талисмана чемпионата мира по футболу 2018 года [7]. Из множества предложенных инициатив были отобраны в финал 3 варианта. Далее на официальном сайте ФИФА было проведено голосование, по результатам которого победителем был выбран талисман Волка, концепция которого была придумана томской студенткой. В рамках данного краудсорсингового проекта наглядно

наблюдается то, что организаторы были нацелены на предложение максимально качественных инициатив.

Второй тип заключается в том, что на основе огромного массива полученных идей и решений создатели и организаторы проектов формируют собственную идею, своё решение проблемы. Отправляемые идеи и решения в конечном итоге не имеют практической реализации, а авторы данных идей нигде не обозначены. Зачастую ключевыми мотивами использования данного типа служат возможность поднятия имиджа компании или увеличение степени узнаваемости проекта. Ключевым значением присылаемых инициатив является их количество, категория «качества» носит относительно условный характер в рамках данного типа. Данный тип можно обозначить «Краудсорсинг – количество».

Также реализуемые на сегодняшний день краудсорсинговые проекты, целью которых является решение проблем и генерация инициатив, можно разделить на 2 большие группы: долгосрочные и краткосрочные. Критерием сравнения данных типов выступает продолжительность реализации краудсорсингового проекта по времени (долгосрочные функционируют значительно дольше, чем краткосрочные), но всё же ключевым различием является разная постановка задач и целей создателями проекта. Долгосрочные ориентированы на постоянное функционирование проекта вне зависимости качества, оперативности предлагаемых инициатив и решений. На реализацию данного типа проектов используется относительно большое количество ресурсов, зачастую подобные проекты искусственно созданы лишь для самого факта существования проекта. Краткосрочные проекты нацелены на достижение поставленной цели в максимально сжатые сроки (чаще всего установлен максимальный срок представления решения), количество затрат ресурсов различается относительно масштабов поставленных задач. Данный тип отличается большей активностью среди участников, относительно краткосрочных проектов. Примером краткосрочного краудсорсингового проекта может служить объявленный мэрией конкурс на разработку логотипа 1010-летия города Ярославль в установленные сроки [5]. Успешная практика реализации долгосрочного проекта у ярославской площадки «Делаем вместе!», которая нацелена на регулярное получение инициатив и предложений горожан по вопросам благоустройства общественных территорий, проблемным участкам дорожного покрытия, улучшения работы управляющих компаний и др [3].

Также критерием классификации краудсорсинговых площадок может выступить то, кто является автором, создателем и инициатором

проекта. Поэтому целесообразно разделить краудсорсинговых проектов на: государственные, региональные, местные, гражданские, партнёрские, частные.

Представленные классификации позволяют учесть современные тенденции развития в области краудсорсинга, структурировать краудсорсинговые проекты таким образом, чтобы они попадали однозначно только в одну из категорий, что в будущем позволит значительно облегчить изучение структурных и функциональных особенностей данной технологии.

Литература:

1. Estellés-Arolas E., González-Ladrón-de-Guevara F. Towards an Integrated Crowdsourcing Definition // *Journal of Information Science*, 2012. P. 67-80.

2. Jiménez-Crespo M. Crowdsourcing and Online Collaborative Translations. Expanding the limits of Translation Studies. John Benjamins Publishing Company, 2017. P.170.

3. Делаем вместе // Делаем вместе! URL: <https://delaem.vmeste76.ru/> (дата обращения: 13.01.2020).

4. Комаров О. Е., Соколов А. В. Краудсорсинг в процессах гражданской кооперации // *Материалы девярых Байкальских международных социально-гуманитарных чтений, Иркутский государственный университет*. 2016. Том 1. С. 82-87.

5. Логотип для празднования 1010-летия Ярославля будут выбирать онлайн-голосованием // *Яркуб*. URL: <https://yarcube.ru/newsletter/94868.php> (дата обращения: 13.01.2020).

6. О портале [Электронный ресурс] // *Народное правительство Ярославской области*. URL: <https://narod.yarregion.ru/o-portale/missiya-portala/> (дата обращения: 13.01.2020).

7. Официальный талисман чемпионата мира по футболу FIFA 2018 [Электронный ресурс] // *Первый канал*. URL: <https://www.1tv.ru/talisman> (дата обращения: 13.01.2020).

8. Соколов А. В., Комаров О. Е. Условия инициирования краудсорсинга в городских сообществах // *Vědeckovydavatelské centrum «Sociosféra-CZ.: Materials of the VII international scientific conference on June 1–2. Prague. 2017. С. 33-41.*

9. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса (Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd is Driving the Future of Business) — М.: Альпина Паблишер, 2012. – 230 с.

10. Что такое краудфандинг? // Planeta.ru.
URL:<https://planeta.ru/faq/article/2!paragraph9> (дата обращения:
13.01.2020).

**Феномен государственной идеологии: происхождение,
функции, имплементация**

Гончаренко Л.Н.

доктор исторических наук

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, профессор кафедры международных отношений,
медиаологии, политологии и истории*

E-mail: lngks@rambler.ru

Авакова Э.Б.,

кандидат социологических наук

*Санкт-Петербургский государственный технологический
институт (технический университет), доцент кафедры управления
персоналом и рекламы*

E-mail: elina_avakova@mail.ru

Аннотация: *в статье рассматривается проблема формирования и развития государственной идеологии, ее роли в современном обществе. В каждом отдельно взятом государстве государственная идеология имеет свое конкретно-историческое содержание и опирается на определенные идейно-теоретические обоснования. Она может декларироваться официально, а может существовать де-факто, однако, в любом случае, представляется иллюзией мысль о том, что демократическое государство может обойтись без идеологии. В развитом виде государственная идеология представляет собой совокупность общенациональных ценностных представлений и концептуально оформленных идей и взглядов. На основе государственной идеологии происходит воспитание подрастающих поколений в духе патриотизма, формируется гражданская идентичность населения страны, происходит становление и укрепление политической нации, общество консолидируется на основе определенных общенациональных ценностей и идеалов, формируются такие понятия как «соотечественники», «сограждане», у людей возникает чувство неразрывности общей исторической судьбы и общей Родины.*

Ключевые слова: государственная идеология, национальная идея, историческая память, общественные интересы, ценности, Конституция

The phenomenon of state ideology: origin, functions, implementation

Goncharenko L.N.

Saint Petersburg State University of Economics

E-mail: lngks@rambler.ru

Avakova E.B.

Saint Petersburg State Institute of Technology

E-mail: elina_avakova@mail.ru

Abstract: *the article deals with the problem of formation and development of state ideology, its role in modern society. In each state, the state ideology has its specific historical content and it is based on certain ideological and theoretical justifications. It can be declared officially or it can exist de facto, but in any case, it is an illusion that a democratic state can exist without ideology. In the developed form, the state ideology is a set of national value representations and conceptually formed ideas and views. Across the state ideology it is possible to educate the young generations in the spirit of patriotism, to form the civil identity of population of the country, to establish and strengthen of a political nation, to consolidate the society on the basis of certain national values and ideals, to form such concepts as «fellow citizens», «citizens», to instill in people a sense of unity and a common historical destiny and a common homeland.*

Keywords: *state ideology, national idea, historical memory, public interests, values, Constitution.*

Вместе с возникновением государства родилась и государственная идеология. При всем разнообразии мнений о том, что такое идеология, сегодня под ней обычно понимается «система идей и взглядов: политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, выражаются интересы социальных групп» [1, с. 233]. С этим определением, в целом, можно согласиться, но с тем дополнением, что идеологические системы могут выражать интересы и отдельных личностей, субъектов политики и власти, включая целые государства.

Все государственные идеологии далекого прошлого носили архаичный, мифологический и часто достаточно элементарный характер. Постепенно они систематизировались, наполнялись новым фактическим и идейным содержанием, начинали обращаться к рациональному знанию, приобретая концептуальный и более аргументированный характер.

Проблема формирования и развития государственных идеологий требует научного осмысления как в историческом контексте, так и применительно к современному периоду существования различных государств. Что касается России, то эта проблема актуализируется в связи с развернувшейся в обществе дискуссией о необходимости выработки в России национальной идеи, введением в общественный дискурс такого понятия как «Русский мир», а также идущей полемике по поводу 13-ой статьи Конституции Российской Федерации, которая запрещает иметь государственную идеологию [2].

Существует иллюзия, что демократическое государство может обойтись без идеологии, обеспечивая лишь возможность существования и взаимодействие различных идеологических систем, взглядов и представлений, существующих в рамках гражданского общества. Имеют место утверждения, что, в конечном счете, идеологии полностью отомрут как некие общественные заблуждения. Эта мысль нашла свое воплощение в разного рода теориях деидеологизации, выдвинутых и ставших популярными в 60-70-е годы XX века [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Ответной реакцией на проповедь и попытки деидеологизации стало появление концепции реидеологизации [15; 16; 17, 18], исходящей из того, что либеральная идеологическая унификация невозможна, а различные идеологические системы, сформировавшиеся в результате длительного исторического развития стран, народов и иных социальных общностей достаточно жизнеспособны, они продолжают существовать и выполнять в жизни людей важные мобилизационные, нормативно-регулятивные, контролирующие и социализирующие функции. В этом контексте закономерно признать и существование государственных, державных идеологий, призванных защищать интересы государства как феномена социально-политической истории.

Стержнем любой государственной идеологии всегда являлись интересы, взгляды, общественные и политические притязания, а также ценности элитарных групп населения, обладающих властью и влиянием и контролирующих то или иное государство. Однако, как показывает история, государственные идеологии имеют тенденцию эволюционировать от защиты интересов избранных к интересам

большинства, а затем к выражению и защите интересов всего общества. Игнорирование этой закономерности и, тем более, обратная тенденция чреваты большими потрясениями для правящей элиты и государства в целом.

В каждом отдельно взятом государстве государственная идеология имеет свое конкретно-историческое содержание и опирается на определенные идейно-теоретические обоснования. Она может декларироваться официально, а может существовать де-факто, находя свое программно-политическое воплощение в выступлениях руководителей стран, сочинениях отдельных мыслителей, манифестах и декларациях власти, конституциях, принимаемых законах, разного рода общегосударственных стратегиях, доктринах и программах, а также в произведениях литературы и искусства.

Государство стремится утвердить в обществе отношение к себе как к ценности, сохранение и укрепление которой имеет судьбоносное значение для всех граждан (при монархических формах правления – подданных). Важную роль в выработке государственной идеологии имеет исторический опыт народа, формирование которого происходит в ходе его борьбы за суверенитет и территориальную целостность своей страны, против завоевателей, сепаратистов, политических авантюристов и утопистов, представителей иных сил и течений, подрывающих стабильность и угрожающих самому существованию государства и его социума. Таким образом, процесс возникновения государственной идеологии носит многофакторный и, в значительной степени, общенациональный характер, охватывая весь исторический путь существования той или иной страны.

Особое место в государственной идеологии занимает так называемая «историческая политика». Она призвана обосновывать и защищать сам факт возникновения государства, формировать у населения позитивное историческое сознание и отношение к государству как к ценности, показывать на конкретных исторических примерах гибельность для страны процессов, ведущих к социальной, национальной и религиозной вражде, воспитывать подрастающее поколение граждан государства на позитивных примерах из истории в духе ответственности за судьбу страны, черпая эти примеры из жизни и деятельности его наиболее выдающихся деятелей истории разных эпох и поколений. Тем не менее, в понятие «историческая политика» часто вкладывается сугубо отрицательный смысл. Отмечается, «что для профессиональной истории историческая политика представляет серьезный вызов и угрозу. Она находится в непримиримом противоречии с цеховыми принципами профессиональных историков, среди которых – стремление к объективности, открытости для

верификации источников и логики анализа, а также диалога с оппонентами» [19, с. 22]. На наш взгляд, следует различать историческое знание как науку и историю как идеологию. Как научное знание история стремится приблизиться к объективной истине, как идеология она служит определенным интересам. Связь эта неразрывна. Нет чистого, стерильного, избавленного от какой-либо идеологии исторического знания. Вряд ли можно до конца понять творчество выдающихся российских ученых-историков, как, например, «Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и, тем более, советских исследователей – Б.Д. Грекова, Е.В. Тарле, Л.В. Черепнина, их многочисленных коллег, вне контекста тех идеологических задач, которые они перед собой ставили» [20, с. 10]. В этом есть важнейшая особенность исторической науки и ее неизбывное противоречие. Выявленный в себе и введенный в научный оборот исторический факт сам по себе не несет идеологической нагрузки. Однако определенный подбор фактов, их группировка и тем более оценка носят идеологический характер. В отличие от ученого-историка, идеолог из всего многообразия факторов, определяющих исторический процесс вычлняет только те, которые соответствуют взглядам и интересам его заказчика и на этой основе создает свою версию прошлого. При этом полный разрыв исторического знания с принципами научности и правдивости превращает его в миф, далекий от объективной реальности прошлого, что в условиях борьбы идеологий и доступа населения к объективной информации компрометирует власть, подрывает устои защищающей ее идеологической концепции. Однако не менее вредной для государства является ситуация, когда исторические исследования полностью отдаются на откуп исследователям, в том числе иностранным, для которых отечественная государственность, традиции народа и национальные ценности не представляются значимыми, вызывают неприязненные или даже враждебные чувства. В этом случае создается негативный для данного государства идеологический нарратив, не отвечающий его интересам.

В развитом виде государственная идеология представляет собой совокупность общенациональных ценностных представлений и концептуально оформленных идей и взглядов, обосновывающих и защищающих:

- суверенитет и территориальную целостность государства;
- позитивный нарратив отечественной истории, включающий повествование о происхождении государства и его исторических трансформациях. Официально-принятая концепция государственной истории может наделяться чертами сакрального действия либо закономерного и рационально обоснованного процесса (божественная

воля, действия благородных отцов-основателей, выдающихся государственных деятелей, порыв народа к счастью и свободе и т.п.);

- легитимный и наиболее оптимальный характер существующей власти (правлящей династии, политического режима);

- правильность выбранной государством стратегии внутренней и внешней политики;

- историческую миссию государства и его цивилизационную уникальность в мировом сообществе стран и народов;

- единство народа перед лицом грозящих стране опасностей и необходимость его мобилизации на решение масштабных общенациональных задач и проектов.

Государство является не только носителем определенной идеологии оно еще и обладает огромными возможностями для утверждения в обществе определенной идеологии. Поскольку государство является «политической организацией общества, объединяющей все население страны, представляющей и выражающей его интересы и волю, основным органом власти, управляющим обществом и обеспечивающим его целостность, организованность и определенный порядок в нем» [21], государство располагает разнообразным набором средств идеологического воздействия на население через системы образования, культуры, государственные СМИ, контакты с деятелями искусства, воспитательную работу в армии, через финансируемые им НПО, а также координируя деятельность с религиозными организациями. Особенность проводимой идеологической работы заключается в том, что акцент делается, прежде всего, на преимуществах, достижениях и победах, а недостатки и просчеты, как правило, фиксируются у идеологических противников.

На основе государственной идеологии происходит воспитание подрастающих поколений в духе патриотизма, формируется гражданская идентичность населения страны, происходит становление и укрепление политической нации, общество консолидируется на основе определенных общенациональных ценностей и идеалов, формируются такие понятия как «соотечественники», «сограждане», у людей возникает чувство неразрывности общей исторической судьбы и общей Родины.

Таковы некоторые теоретические соображения по поводу возникновения, роли и имплементации такого феномена как государственная идеология.

Литература:

1. Современный словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1992. 740 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения 18.12.2019).
3. Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe: The Free Press, 1960. 416 p.
4. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social fore-casting. N. Y.: Basic Books, 1976. 616 p.
5. Aron R. The Opium of the Intellectuals. N. Y.: Secker & Warburg, 1957. 325 p.
6. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество / Пер. с англ. Л.Я. Розовского и др.; Общ. ред. Н.Н. Иноземцева, С.М. Миньшикова, А.Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1969. 480 с.
7. Lipset S.M. Ideology and no end: The controversy till now // Encounter. 1972. No39. P. 17-22.
8. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 588 с.
9. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.
10. Toffler A. Future Shock. N. Y.: Random House, 1970. 505 p.
11. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. 784 с.
12. The End of ideology debate / Ed., with an introd. by Chaim I. Wax-man. N. Y.: Funk & Wagnalls, Cop. 1968. 397 p.
13. Rothbard M. The new end of ideology? Libertarian Forum, 1977, Vol. 10, No 3.
14. Barker R. Political ideas in modern Britain. London, Methuen, 1978 246 p.
15. Wiener A.J. The prospect for mankind and a year 2000 ideology, N. Y.: Hudson Institute, 1972, 57 p.
16. Lemberg E. Ideologie und Gesellschaft: eine Theorie der ideologischen Systeme, ihrer Struktur und Funktion. Stuttgart: W.Kohlhammer, 1974. 350 p.
17. Lodge G.C. The new American ideology, New York, Alfred A. Knopf, Inc., 1975. 384 p.
18. Feuer L.S. Ideology and the ideologists. Oxford, Blackwell, Cop., 1975. 220 p.

19. Историческая политика в XXI веке: сборник статей / Под редакцией: А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с.

20. Гончаренко Л.Н. Власть, общество, личность в России: исторические трансформации XX века. СПб. Изд-во СПбГЭУ, 2016. 220 с.

21. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003. 1312 с.

**Внутриконфессиональный конфликт как следствие
реконструирования этнической идентичности в условиях
современной РФ**

Горин А. А.

*Кандидат исторических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра религиоведения, ИСФНиМК
E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru*

Сафиуллина Е. А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра религиоведения, ИСФНиМК
E-mail: star.ket@mail.ru*

Аннотация: В статье авторы публикуют результаты исследования в области трансформации этнокультурной идентичности под воздействием религиозного фактора. Авторы выдвигают гипотезу, что в настоящий момент на территории Российской Федерации трансформация этнокультурной идентичности, внедряемая с целью восстановления этнокультурных мусульманских традиций народов РФ, приводит не только к утрате этнической самоидентификации граждан, но и закладывает основы для внутриконфессионального конфликта. В статье поднимается вопрос о сочетании религиозной и культурной составляющей в системе этнокультурной самоидентификации и роли государственных СМИ, а также официальной идеологии регионального руководства национальных республик в активизации процесса утраты гражданами данных республик этнокультурной идентичности с её заменой на принадлежность к религиозной общности нетрадиционных для этих этносов направлений.

Ключевые слова: идентичность, ислам, конфессия, этнос, этнокультурная идентичность, религия, социология религии, религиоведение, модернизм

Intra-confessional conflict as consequences of reconstruction of ethnic identity in the modern Russian Federation

Gorin A. A.

Department of religious studies, Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Safiullina E. A.

Department of religious studies, Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: star.ket@mail.ru

Abstract: *in this article, the authors publish a continuation of last year's research in the field of transformation of ethno-cultural identity under the influence of the religious factor. The authors hypothesize that at the moment on the territory of the Russian Federation, the transformation of ethnic and cultural identity, introduced in order to restore the ethnic and cultural Muslim traditions of the peoples of the Russian Federation leads not only to the loss of ethnic identity of citizens, but also lays the foundations for intra-confessional conflict. The article raises the question of the combination of religious and cultural components in the system of ethno-cultural self-identification and the role of state media, as well as the official ideology of the regional leadership of national republics in activating the process of loss of ethno-cultural identity by the citizens of these republics with its replacement by belonging to the religious community of non-traditional directions for these ethnic groups.*

Keywords: *identity, Islam, confession, ethnos, ethno-cultural identity, religion, sociology of religion, religious studies, modernism*

Всё чаще поднимается вопрос о реконструкции этнокультурной идентичности народов, проживающих на территории Российской Федерации. Речь идёт об ограниченной в развитии во времена СССР религиозно-сакральной составляющей этнокультурной идентичности. Однако в реальности результаты отличаются от задуманного.

Так, ряд народов Российской Федерации в качестве сакральной составляющей своей этнокультурной идентичности определяет исповедание Ислама. Например, А. Н. Нурутдинова называет религию

одной из составляющих «ядра национальной культуры» [1, с.119], приобретаемой в результате семейного воспитания, как часть «этничности» [1, с. 119]. И. В. Севастьянов прямо связывает религиозную принадлежность человека с его этнической идентичностью, приводя в пример феномен народа кряшен, выделяющегося из среды поволжских татар, исповедующих Ислам, исповеданием Православия, что повлекло за собой формирование уникальной культуры и, как следствие, отдельной этнокультурной идентичности [2, с. 346].

Ту же тенденцию отмечает и И. В. Кучумов, констатируя, что в среде башкирского населения Российской империи и СССР первой половины XX века принадлежность к мусульманской культуре являлась основой башкирского этнического самосознания, отказ же человека от Ислама с точки зрения И. В. Кучумова становился первым шагом к «обрусению» [3, с. 30-31]. Аналогичные исследования можно найти в отношении и других, традиционно исповедующих Ислам, народов Российской Федерации.

Однако ещё в 1999 году Д. П. Горенбург, в прошлом - руководитель российской и восточноевропейской программы Центра военно-морских исследований США (г. Александрия, шт. Вирджиния) честно признал, что этничность поддается внешнему управлению. В числе примеров манипуляции этнической идентичностью на территории СССР он упоминает случаи, когда во время переписей населения Советской России (1920 г.) и СССР (1926 г.) представители этнонациональных групп мишар и тептярей «в соответствии» с мусульманским вероисповеданием причислялись либо к этносу татар (около 2/3 всего списочного состава), либо - башкир (около 1/3) [4, с.74]. Правда, американский автор лукавит: в работе А. Д. Коростелева данные Первой Всесоюзной переписи населения 1926 года не приводятся [5, с. 67-92].

Тем не менее, вопрос, поднятый А. Д. Коростелевым и другими авторами о том, что возможны манипуляции этнической и культурной идентичностью *внутри* конфессии, фактически или формально являющейся традиционной для культурного базиса того или иного этноса, заслуживают внимания.

В период с мая по октябрь 2019 года на территории Республики Татарстан было проведено исследование, основной задачей которого было определить механизмы изменения этнокультурной идентичности граждан республики вследствие изменения значимости одного из компонентов, составляющих основу этнокультурной идентичности.

Методика исследования включала в себя такие технологии, как целевая выборка и ретроспективное интервью.

География исследования - Республика Татарстан: города Алексеевское, Альметьевск, Бугульма, Казань, Менделеевск, Набережные Челны, Нижнекамск, Нурлат.

Количественная выборка: на 6 января 2020 года обработаны данные 296 респондентов (с 32 (10,81 % от общей численности респондентов) из них проведено подробное свободное неформализованное интервью).

Возрастные группы: 18-35 лет. Внутреннее сегментирование: 18-22 года; 23-25 лет, 26-35 лет. Целесообразность исследования данной возрастной группы, диктуется тем, что она составляет наиболее социально-мобильный сегмент современного общества.

Гендерная выборка: 204 мужчины (68,92% от общей численности респондентов), 92 женщины (31,08 %).

Принцип выборки: в группу респондентов включены лица, активно исповедующие одно из направлений Ислама (выполнение религиозных предписаний, систематическое участие в групповых религиозных обрядах и т. д.). Респонденты соответствуют следующим характеристикам: имеют гражданство РФ, постоянно проживающие на территории Республики Татарстан, проявляют заинтересованность в повышении своей религиозной грамотности и реализуют её. По результатам опроса были получены следующие данные.

Имея возможность идентифицировать себя по свободному признаку:

102 респондента (34,46% от общей численности респондентов) определили свою этноконфессиональную принадлежность к татарскому народу,

31 (10,47 %) - принадлежность к азербайджанскому народу,

24 (8,11 %) - принадлежность к таджикскому народу,

7 (2,36 %) - идентифицировали себя, как представители иных национальностей.

Всего себя идентифицировали по этнокультурному признаку 164 (55,41%) респондентов.

122 (41,22%) респондента идентифицировали себя по религиозному признаку, как «мусульманин/мусульманка».

10 (3,39%) респондентов избрали иные виды идентичности (поэтические цитаты, понятия «Человек», «личность», «индивид», «носитель разума», «гражданин России/Татарстана» и др.). К сожалению, избранные виды идентичности проявлены в указанной стране практически единичными случаями, поэтому не поддаются анализу.

Особый интерес для нас представляет сегмент из 122 респондентов, у которых приоритетным сегментом

самоидентификации является религиозная принадлежность. В данный сегмент входят 38 респондентов женского пола (12,84% от общей численности респондентов, 31,15% от численности сегмента «мусульмане/мусульманки», 41,30% от численности лиц женского пола, среди респондентов).

При дальнейшем опросе приоритет религиозной идентичности над этнокультурной подтвердили 107 (36,15% от общей численности) из 122 респондентов, из них - 36 респондентов женского пола.

В ходе интервьюирования были выделены следующие ответы.

- придерживаются ислама отличного направления от того, какого придерживались их верующие родственники старшего поколения, сохранившие свою религиозную идентичность в период до 1991 года (до распада СССР). - 63 респондента (**21,28% от общей численности респондентов, 51,64% - от численности сегмента**);

- выражают осознанное недовольство недостаточной религиозностью членов своей семьи - 71 респондент (**23,99% от общей численности респондентов, 58,20% - от численности сегмента**);

- убеждены в неотъемлемости религиозной (в данном случае - мусульманской) составляющей от этнокультурной самоидентификации - 69 респондентов (**23,31% от общей численности респондентов, 56,56% - от численности сегмента**);

- получили убеждения о неотъемлемости религиозной составляющей этнокультурной самоидентификации из официальных региональных СМИ и в светских учебных заведениях - 66 респондентов (**22,30% от общей численности респондентов, 54,10% - от численности сегмента**)

- убеждены, что большинство из их окружения исповедуют Ислам в искажённом виде и что ислам нуждается в изменениях в соответствии с условиями современного мира - 48 респондентов (**16,22% от общей численности респондентов, 39,34% - от численности сегмента**). Интересно следующее: представители данного сегмента считают, что Ислам должен являться инструментом для глобального переустройства Мира.

В целом, следует, что описанный ранее процесс замены этнокультурной идентичности - религиозной, представляет собой лишь начальный этап трансформации. Полученные результаты позволяют выдвинуть гипотезу, что сегодня имеет место многоуровневый процесс изменения идентичности. На первом этапе этнокультурная идентичность заменяется религиозной. Но втором этапе внутри конфессии выделяется сегмент, пользующийся статусом составной части этнической идентичности, однако по факту таковой не являющийся. Если ранее в качестве такого сегмента выступало

преимущественно учение в рамках направления «аль-ваххабийя», то в настоящий момент в такой роли выступают вероучительные догматы и других направлений Ислама: ряда суфийских тарикатов, пантюркистские идеологии и др.

Каждый пятый опрошенный респондент был вовлечён в религиозную общину в результате политики государства, направленной на реконструкцию этнокультурной идентичности его народа. Однако результат оказался прямо противоположным прогнозируемому. Ислам – мировая религия и «традиционной» для какого-либо этноса она становится только в сочетании с этнокультурными составляющими, адаптированными под ценности и догматы Ислама, но являющиеся неотъемлемой частью этнической самоидентификации конкретного народа. Однако в процессе современных процессов глобализации именно эти этнокультурные составляющие подвержены стремительному разрушению, что и ведёт не просто к «размыванию» этнокультурной идентичности, но и к «размыванию» религиозной идентичности внутри традиционных конфессий (подобные тенденции можно заметить и в Православии, и в Римско-Католической Церкви, и в иных религиозных конфессиях).

Литература:

1. Нурутдинова А. Н. Интеграция и сохранение этнических групп Республики Татарстан// Учёные записки Казанского университета. 2012. Т. 154. С. 117-121.
2. Севастьянов И. В. Кряшены Татарстана: религия и проблема этнического самоопределения //Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. №4. С. 345-361.
3. Кучумов И. В. Механизмы изменения этнической идентичности населения Башкортостана после присоединения региона к России.// Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 41(179). Вып. 38. С. 29-33.
4. Горенбург Д. П. Татары - башкиры - снова татары: изменения этнической идентичности в Башкортостане // Вестник Евразии. 2004. №1. С.65-94
5. Коростелев А.Д. Динамика этнического состава сельских поселений Башкортостана (К проблеме татаро-башкирской межэтнической напряженности). // Конфликтная этничность и этнические конфликты/ под ред. Л. М. Дробижевой. М.: Издательство: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1994. С. 67-92.

Этничность в манифестных конфликтах на территории Северо-Кавказского федерального округа

Гриценко Г.Д.

Доктор философских наук

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,

главный научный сотрудник

dissovet@rambler.ru

**Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ: 20-011-00132А
«Тенденции этнизации / деэтизации общественно-политической
жизни на Северном Кавказе».**

Аннотация: В статье рассматриваются конфликтогенные ситуации, которые в последнее время актуализируются на территории Северного Кавказа. Показано, что большинство манифестных конфликтов, имеющих этническую окрашенность, обусловлены исторически. Это делает их трудноразрешимыми. Высокий уровень политизированности этничности, дополненный поспешностью властных решений, непродуманностью политических высказываний, неучетом социального настроения населения, игнорированием психологических травм исторической памяти приводят к общественно-политическому кризису, к росту социальной напряженности и массовому протестному движению. В этих условиях активизируются несистемная оппозиция, политическая эмиграция, целью которой становится дальнейшая эскалация конфликтов и усиление этнополитического и этно-конфессионального противостояния. Сделан вывод о необходимости региональным властям и органам местного самоуправления наладить конструктивный диалог с общественными организациями, институтами гражданского общества с целью предотвращения эскалации этнополитической напряженности и нахождения путей оптимального разрешения «отложенных» конфликтов.

Ключевые слова: этнополитическая этничность, «застарелые» конфликтогенные ситуации, «отложенные» конфликты.

Ethnicity in manifest conflicts on the territory of the North Caucasus Federal District

Gritsenko G.D.

Doctor of philosophical science

*Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences,*

Chief Researcher

dissovet@rambler.ru

Abstract: *The article discusses the conflict situations that have recently become relevant in the North Caucasus. It is shown that the majority of manifest conflicts with ethnic coloring are historically determined. This makes them intractable. The high level of politicization of ethnicity, supplemented by the haste of power decisions, ill-conceived political statements, ignoring the social mood of the population, ignoring the psychological trauma of historical memory, leads to a socio-political crisis, an increase in social tension and a mass protest movement. Under these conditions, non-systemic opposition, political emigration, which aims to further escalate conflicts and strengthen ethnopolitical and ethno-confessional confrontation, are activated. It is concluded that the regional authorities and local authorities need to establish a constructive dialogue with public organizations and civil society institutions in order to prevent the escalation of ethno-political tensions and find ways to optimally resolve “postponed” conflicts*

Keywords: *ethnopolitical ethnicity, “inveterate” conflict situations, “delayed” conflicts.*

Интерес к Северо-Кавказскому региону сохраняется последние тридцать лет в общественно-политическом дискурсе, то актуализируясь максимально, то уходя на второй-третий план в повестке дня. Постоянство такого интереса вне зависимости от его остроты обусловлено значимостью этнополитических процессов в жизни северокавказского сообщества. При этом этнически окрашенные события нередко становятся главным водоразделом межэтнических этно-конфессиональных отношений. Феномену этничности нередко придается политическое содержание. И, несмотря на большое количество исследований и научных изысканий в области политизации этничности, вопросы политизированной этничности по-прежнему причисляется к наиболее трудноразрешимым. Этничность, как свидетельствует социально-политическая практика последних лет,

приобретает конфликтогенную, рискогенную направленность в историческом дискурсе, затрагивающем либо административно-территориальные границы, либо земельный вопрос, либо события прошлого.

За последние два-три года наиболее серьезные манифестные конфликты с этнополитической составляющей происходили в Республике Дагестан, Республике Ингушетия и Чеченской Республике и могут быть отнесены к «застарелым» конфликтам, истоки большинства из которых относятся к 40-м годам прошлого века. Следует отметить, что такие конфликты имели место как внутри республик, так и между ними.

Согласно оценкам экспертов, межэтнические отношения, например, в Дагестане осложняются наличием ряда «застарелых» «замороженных» конфликтогенных ситуаций, среди которых самой сложной, по экспертной оценке, является ситуация неопределенности административно-территориальных перспектив Новолакского района и административной подчиненности двух сел Казбековского района со смешанным аварско-чеченским населением в связи с вялотекущим процессом восстановления Ауховского района [1, с. 51]. В то же время, как полагают эксперты, процессу восстановления Ауховского района, который был ликвидирован после депортации чеченцев-аккинцев в 1944 г., придается крайняя политизированность, что способно обострить межэтнические отношения между аварцами и чеченцами в селах Казбековского и Новолакского районов и привести к открытым, массовым противостояниям. Нынешнее руководство республики, понимая, что любой «застарелый» конфликт продолжает «тлеть» и, следовательно, содержит риски актуализации, считает целесообразным отложить решение «тлеющих» конфликтов на неопределенное будущее. глава Республики В. Васильев [2].

Если с таким решением определенная часть экспертов так или иначе соглашается, то есть ряд «отложенных» «замороженных» конфликтогенных ситуаций, которые, по их мнению, можно решить даже в настоящее время. И реальным решением может быть повышение контроля за экономической деятельностью ряда хозяйственных субъектов со стороны региональных властей, а также органов местного самоуправления [3, с. 58]. Среди данных видов конфликтов следует назвать земельную проблему в Ногайском районе Республики Дагестан. В течение длительного времени наблюдается опустынивание ногайской степи из-за ненормированного и круглогодичного выпаса скота на этих пастбищах [4]. Нередко данная проблема политизируется, обрастает различными мифами и в результате – становится причиной протестной

этнополитической мобилизации местного населения. Однако, как показывает практика этнополитических процессов, надзорная деятельность контролирующих органов за хозяйственно-экономической активностью фермеров-арендаторов, занимающихся отгонным животноводством на землях, расположенных в пределах Ногайского района, вызывает у них социальную напряженность.

Еще более сложными и по функционированию, и по разрешению являются «застарелые» конфликты между республиками, касающиеся, прежде всего, территориально-административных границ между Республикой Дагестан и Чеченской Республикой, между Республикой Ингушетия и Республикой Северная Осетия-Алания, между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой. Особенно дестабилизировалась ситуация в последнее время в Ингушетии, что было вызвано подписанием 26 сентября 2018 г. главой Ингушетии и руководителем Чечни Договора об установлении новой административной границы между республиками. В частности, в конце марта 2019 года произошел массовый протестный митинг в Магасе, который перерос в столкновения с полицией и спецназом [5]. Несогласие широких слоев ингушского населения с содержанием Договора в сочетании со стремлением определенной части оппозиционных сил придать территориальному конфликту этнополитическое и религиозное измерение обусловило эскалацию конфликта, а также расширение его повестки. Обострение общественно-политической ситуации в Ингушетии привело к досрочной отставке главы республики Ю.-Б. Евкурова и назначению на эту должность М.-А. Калиматова. Он получил уже с первых дней прихода к власти большой кредит доверия от населения в вопросах урегулирования острого общественно-политического кризиса и установления диалога между местной властью и народом [6, с. 61-63].

Политизированность этничности на Северном Кавказе достигла такого высокого уровня, что даже незначительное, не совсем продуманное действие со стороны любого субъекта превращается в рискованный, а нередко и конфликтогенный фактор возникновения межэтнических столкновений. Ярким примером может послужить факт установления дорожного знака чеченской стороной с надписью «ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА. Шелковской район», который обозначал, что дорога, ведущая из г. Кизляр в сторону Чеченской республики, проходит через Шелковской район Чеченской республики. Не полыхнуло пламя межнационального конфликта только благодаря оперативному подключению к его разрешению руководства республик. В то же время моментально включилась в нагнетание конфликтности вокруг «установки дорожного знака» политическая

эмиграция. Она стремилась сформировать у ингушского населения чувства несправедливости, допущенной по отношению к нему со стороны органов региональной власти, а также со стороны руководства Чеченской Республики, обвиняя федеральные власти в заинтересованности обострения этнополитической ситуации на Северном Кавказе, что, по их мнению, приведет к недоверию политики федеральных и республиканских властей [7].

Эти и другие аналогичные события подтверждают справедливость теоретических положений, сделанных современной этнополитической наукой на основе своеобразного «пула кейсов» [8; 9; 10; 11]: в результате использования этническими антрепренерами политизированной этничности значительно возрастает число этнических конфликтов, которые нередко приобретают неразрешимые формы с кратко- и долгосрочными негативными последствиями для стабильного существования местного сообщества, а также могут демонстрировать крайние формы насилия [12].

Именно поэтому особенно актуальным становится утверждение экспертов о том, что очаги этнополитической напряженности, расположенные на территории Северного Кавказа, не могут оставаться без пристального внимания со стороны как федеральных, так и региональных властей [13, с. 6]. В данном контексте им целесообразно наладить сотрудничество с лидерами общественных организаций этноконфессиональной направленности, особенно теми, целью практической деятельности которых является актуализация «застарелых» конфликтных проблем. Создаваемый канал обратной связи с активистами этнических общественных организаций и представителями институтов гражданского общества позволяет органами исполнительной власти осуществлять качественный мониторинг конфликтных и предконфликтных ситуаций с целью их раннего обнаружения и предотвращения эскалации межэтнического или общественно-политического напряжения. Кроме того, учитывая исторически обусловленную многолетнюю напряженность в отношениях между отдельными этносами северокавказского региона, важно организовать целевую просветительскую, воспитательную работу не только с молодежью, но и населением СКФО в целом, а также проведение региональных акций, направленных на формирование общероссийской идентичности и гармонизацию межэтнических отношений.

Литература:

1. Абакаров Р.И., Адиев А.З. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Дагестан // Межэтнические

отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. 2019 г.: Экспертный доклад / Под общей ред. В. А. Тишкова; отв. ред. С. Ю. Иванова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. С. 49-60.

1. Меламедов А. Когда Васильев поедет в Ботлих? // Новое дело. iu/kogda-vasilev-poedet-v-botli (дата обращения 01.12.2019).

2. Абакаров Р.И., Адиев А.З. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Дагестан // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. 2019 г.: Экспертный доклад / Под общей ред. В. А. Тишкова; отв. ред. С. Ю. Иванова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. С. 49-60.

3. Бутаев М. В ногайской степи Дагестана требуют остановить опустынивание // РИА «Дербент» [Электронный ресурс]. URL: <https://riaderbent.ru/v-nogajskoj-stepi-dagestana-trebuyut-ostanovit-opustynivanie.html> (дата обращения 01.12.2019).

4. Ингушетия спустя год после протестов: конфликт исчерпан? // DW: информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/-50691055> (дата обращения 01.12.2019).

5. Чабиева Т.С. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Республике Ингушетия в 2019 году // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. 2019 г.: Экспертный доклад / Под общей ред. В. А. Тишкова; отв. ред. С. Ю. Иванова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. С. 61-73.

6. Аналитики сочли инцидент с указателем в Кизляре провокацией // Кавказский Узел. 2019. 12 июня. [Электронный ресурс].

7. Bozic-Roberson A. The Politicization of Ethnicity as a Prelude to Ethnopolitical Conflict: Croatia and Serbia in Former Yugoslavia. Dissertations. 1354. 2001. [Электронный ресурс]. URL:

8. Posner D. Institutions and Ethnic Politics in Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 360 p.

9. Becker M. Politicized Identities and Social Movements // Latin American Research Review. 2018. No. 53(1). P. 202–210.

10. Adediji A. The Politicization of Ethnicity as a Source of Conflict: the Nigerian Situation. Springer VS. 2015. 541 p.

11. Pedersen D, Kienzler H. Ethnic Conflict and Public Health // International Encyclopedia of Public Health (Second Edition). 2017. P. 36-

12. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Второе полугодие и итоги 2018 г. Экспертный доклад / Отв. ред. М.А. Аствацатурова. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2018. 154 с.

Негосударственные акторы и глобальное управление в сфере избирательного процесса

Гришин Н.В.

Доктор политических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет,
профессор.*

E-mail: nvgrishin@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00484.

Аннотация: *В статье рассматривается процесс становления и развития неправительственных международных организаций, действующих в сфере выборов. Предлагается классификация данных организаций по уровням и по направлениям деятельности. Основным направлением деятельности данных типов субъектов является наблюдение на выборах. Выявлена роль России в развитии международных неправительственных организаций в сфере выборов. Определена роль отдельных ведущих акторов, в первую очередь, Глобальной сети национальных наблюдателей за выборами. Выявлено, что ослабевают связи данных организаций с определенными странами, возрастает их поддержка со стороны иных международных акторов. Определено, что на современном этапе неправительственные организации могут оказывать влияние на организацию избирательного процесса, минуя национальный уровень управления и оказывая непосредственное воздействие на международные структуры.*

Ключевые слова: *электоральная политика, электоральный менеджмент, глобальное управление, электоральные исследования.*

Non-governmental actors and global electoral governance

Grishin N.

Saint Petersburg State University

E-mail: nvgrishin@mail.ru

Abstract: *The paper discusses the process of formation and development of non-governmental international organizations operating in the field of elections. The classification of these organizations by levels and areas of activity is proposed. The main focus of these types of subjects is election observation. The role of Russia in the development of international non-governmental organizations in the field of elections is revealed. The role of individual leading actors, primarily the Global Network of National Election Observers, was determined. It was revealed that the connection of these organizations with certain countries is weakening, their support from other international actors is increasing. It is determined that at the present stage, non-governmental organizations can influence the organization of the electoral process, bypassing the national level of government and having a direct impact on international structures.*

Keywords: *electoral politics, electoral management, global governance, electoral studies.*

Международный уровень управления в сфере избирательного процесса включает несколько типов субъектов. В течение XX века основным типом субъектов являлись международные межправительственные организации [1, с. 136]. На современном этапе возрастает активность и значение принципиально нового типа субъектов в системе глобального управления выборами – международных негосударственных организаций.

Одной из первых значительных общественных организаций, ставших активно действовать на международном уровне, стал основанный в 1987 г. Международный фонд для избирательных систем (IFES). В течение своей истории организация работала по направлению содействия выборам в 145 странах мира, в настоящее время имеет программы более чем в 20 странах. Организация имеет следующие основные направления работы: 1) оказание технической помощи избирательным органам; 2) содействие субъектам, чье представительство в избирательном процессе ограничено, 3) проведение полевых исследований для оптимизации организации выборов [2, с. 52].

Существующее многообразие международных негосударственных организаций, действующих в сфере выборов,

можно классифицировать по разным основаниям. Во-первых, в зависимости от того, имеют ли они глобальный характер или привязаны к отдельным регионам (например, к Европе). Во-вторых, в зависимости от более конкретного направления их деятельности.

Большинство таких организаций имеют региональный характер, и по их количеству лидирует Европа [3, с. 12]. Наиболее значительными общеевропейскими общественными организациями, действующими в сфере выборов, являются следующие:

- Европейский центр содействия выборам (ECES);
- Европейская сеть организаций мониторинга на выборах (ENEMO);
- Европейская платформа за демократические выборы (EPDE) (В 2018 г. включена Минюстом России в список нежелательных в России иностранных и международных организациях);
- Группа Спинелли;
- Европейское партнерство за демократию (EPD).
- VoteWatch Europe.

Свой вклад в развитие сети негосударственных общественных организаций, действующих в сфере выборов, внесла и Россия. Во-первых, в 2003 г. по инициативе руководства России была создана международная неправительственная организация CIS-EMO (Commonwealth of Independent States — Election Monitoring Organization), нацеленная на проведение наблюдения за выборами в странах ОДКБ. Организация проявляла активность до 2012 г., о приостановке ее деятельности официально не сообщалось. На международной арене она выступала оппонентом Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, как правило, не соглашаясь с его оценками проведения выборов в странах бывшего СССР [4]. Во-вторых, в 2012 г. российская ассоциация «Голос» стала одним из учредителей упоминавшийся выше европейской организации EPDE [5, с. 172].

Наблюдение на выборах является основным направлением деятельности для значительного числа международных общественных организаций. В этом направлении деятельности создана огромная и структурированная сеть международных организаций, являющихся значимой силой в современном глобальном управлении в сфере выборов. Первая такая международная организация - Азиатская сеть за свободные выборы (ANFREL) – была создана в 1997 г. как региональное объединение общественных организаций национального уровня, занимающихся наблюдением на выборах. В настоящее время в нее входят 26 организаций из 16 государств.

В 2001 г. в Европе было создано аналогичное объединение – Европейская сеть организаций по мониторингу выборов (ENEMO), в которую вошли 23 некоммерческие организации из 18 стран. Данная организация не только обеспечивает взаимодействие организаций-учредителей, но и сама осуществляет мониторинг отдельных выборов (состоялись 23 миссии) и за прошедшее время провела подготовку более 200 тыс. наблюдателей.

В 2009 г. около 200 общественных организаций содействия выборам из 80 стран мира создали международную общественную организацию - Глобальную сеть национальных наблюдателей за выборами - The Global Network of Domestic Election Monitors (GNDEM). К настоящему времени в этом объединении участвует уже 250 национальных и региональных общественных организаций из 89 стран и 5 континентов. От России в деятельности этой структуры участвует ассоциация «Голос». Помимо этого, данное объединение пользуется поддержкой самых влиятельных международных межправительственных организаций [6]. Оно является наиболее заметной общественной организацией глобального масштаба, действующей в сфере избирательного процесса.

Глобальная сеть национальных наблюдателей за выборами инициировала подготовку первых специальных международных документов по вопросам непартийного общественного мониторинга выборов. В 2012 г. в штаб-квартире ООН была провозглашена Декларация глобальных принципов непартийного наблюдения и мониторинга выборов общественными организациями. Декларация представляет собой набор важных критериев самоконтроля и отчетности организаций, осуществляющих непартийный контроль над выборами. Она предоставляет основу для взаимопонимания, на которой непартийные организации могут выстраивать свои отношения с членами избирательных комиссий и различными правительственными ведомствами. Она также дает возможность общественности, новостным СМИ и заинтересованным членам международного сообщества лучше понять роль и задачи организаций, разделяющих Декларацию глобальных принципов. Декларация излагает основные принципы и объясняет необходимость общественных действий по наблюдению за выборами с целью обеспечения их прозрачности. Она определяет виды деятельности и формулирует моральные обязательства в отношении беспристрастности, независимости, точности, прозрачности, отсутствию дискриминации, уважения к закону и сотрудничества с различными сторонами избирательного процесса и международными наблюдателями. В ней описаны процессы, подлежащие мониторингу, и условия успешного непартийного

общественного наблюдения за избирательным процессом. Одновременно в 2012 в штаб-квартире ООН г. был провозглашен Кодекс поведения непартийных общественных наблюдателей за выборами. Декларацию глобальных принципов беспартийного гражданского наблюдения за выборами подписали 160 неполитических общественных организаций из 75 стран мира. Ее поддержали 13 международных организаций и субъектов, в том числе такие межправительственные организации, как Венецианская комиссия Совета Европы, БДИБЧ ОБСЕ, Секретариат Организации Объединенных Наций.

Можно предположить, что если первые международные общественные организации в сфере выборов имели прочную связь с определенной страной (прежде всего, с США), то в XXI веке они становятся в большей степени интернациональными и соответствующими принципам глобального управления [7, с. 162]. Ослабевает их связь с определенными странами. Возрастающую поддержку для этих акторов оказывают иные субъекты глобального управления – межправительственные организации (в частности, ООН, европейские структуры) и неправительственные организации [8]. Поскольку данные организации могут оказывать влияние на международную практику в отношении выборов, минуя уровень национального управления, их развитие способствует дальнейшему ослаблению роли национальных государств в системе управления выборами.

Литература:

1. Сотрудничество в публичной политике и управлении. Под ред Л.В. Сморгунова. СПб.: СПбГУ, 2018. 274 с.
2. Морозова О.С. Проектирование избирательных систем: возможности избирательной инженерии. Рязань: РГУ имени С.А. Есенина.2015. 152 с.
3. Гришин Н.В. Сетевой подход и изучение наднациональной системы управления выборами: пример Европейского Союза // Южно-российский журнал социальных наук. - 2019. №2. С. 6-15.
4. Гришин Н.В. Биполярная модель структурирования геоэлекторального пространства России // Власть. 2009. № 4. С. 86-90.
5. Российская государственность в периоды кризисов, войн и революций. Под ред. Р.В. Евстифеева. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2014. 399 с.
6. Гришин Н.В. История возникновения избирательных комиссий // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2018. № 2 (89). С. 156-169.

7. Линдерс А.М. Структура международных отношений и феномен сетей // Политика в сетевом обществе: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Редкол. Е.В. Морозова и др]. Краснодар: «Вика-Принт», 2019. С. 160-164.

8. Морозова О.С. Формирование избирательных округов как метод электорального таргетирования // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1. С.106-112.

Религиозная идентичность как фактор этнополитического конфликта на территории Северной Ирландии

Гурская Ю. А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
студент*

E-mail: odense.denmarkk@gmail.com

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению роли религии в многолетнем конфликте между коренным населением и государственными органами Великобритании на территории Северной Ирландии. Основное внимание автор уделяет религиозным истокам конфликта в их исторической ретроспективе и современном состоянии. В своей работе автор рассматривает религию не столько как систему мировоззрения и мировосприятия, сколько как статусную и идентификационную систему этнополитических групп на рассматриваемой территории. Автор делает попытку переосмысления конфликта в Северной Ирландии с позиций религиоведческого анализа. Отдельное внимание автор статьи уделяет трансформации религиозного фактора в ходе решения проблем, возникающих в настоящее время в современном политическом и социально-экономическом пространстве Северной Ирландии. В данном контексте автор поднимает вопрос о религии, как инструменте нивелирования силовых действий радикальных этнополитических групп.*

Ключевые слова: *этноконфессиональный конфликт, религиозная война, Северная Ирландия, религиоведение, теология, христианство, англиканство, римско-католическая церковь.*

Religious identity as a factor in the conflict in Northern Ireland

Gurskaya Y. A.

Student,
Kazan Federal University

Abstract: *The Article is devoted to the role of religion in the long-term conflict between the indigenous population and the public authorities of great Britain on the territory of Northern Ireland. The author focuses on the religious origins of the conflict in their historical retrospect and current state. In his work, the author considers religion not so much as a system of worldview and world perception, but as a status and identification system of ethnopolitical groups in the territory under consideration. The author makes an attempt to rethink the conflict in Northern Ireland from the standpoint of religious analysis. The author pays special attention to the transformation of the religious factor in the course of solving the problems that currently arise in the modern political and socio-economic space of Northern Ireland. In this context, the author raises the question of religion as a tool for leveling the power actions of radical ethno-political groups .*

Keywords: *ethno-confessional conflict, religious war, Northern Ireland, religious studies, theology, Christianity, Anglicanism, Roman Catholic Church*

Конфликт между Северной Ирландией и Великобританией насчитывает почти 900-летнюю историю. Разногласия, начавшиеся в период английской колонизации Ирландии, быстро приняли конфессиональное содержание. Притеснения католиков Северной Ирландии в период Реформации превратили политический конфликт в религиозный. Вообще североирландский конфликт сложился в результате сочетания политических, социальных, территориальных разногласий, впоследствии вобрав в себя религиозную составляющую [1]. Сложились два противоборствующих полюса – колонизаторы англичане, исповедующие протестантизм и ирландцы-католики. Конфликт быстро перешел из латентной стадии в открытую. Это объясняется важностью религиозной общины как социального института для населения Северной Ирландии: до сих пор для большинства североирландцев религиозная принадлежность - инструмент самоидентификации [2]. Социально-экономическая суть конфликта в Северной Ирландии оттенена националистическими и религиозными лозунгами и в наше время. Каждая сторона убеждена, что именно она является носителем истинных и универсальных

ценностей, тем самым формируя образ врага как угрозы для постулатов исповедуемой религии [3]. В североирландском вопросе, под давлением социальных противоречий, также возникают вопросы сепаратизма, проблемы исторической памяти, дискриминации и терроризма. Понимание неотделимости социальных и религиозных проблем, возникших в ходе конфликта, играет важную роль в осмыслении политики мультикультурализма [4].

Следует разделять смежные понятия: «Северная Ирландия» и «Ольстер». Ольстер – одна из четырех провинций Ирландии, объединяющая девять графств. По Англо-Ирландскому договору 1921 года в состав Англии вошли только шесть графств (Антрим, Арма, Даун, Лондондерри, Тирон, Фермана), объединение которых стало называться «Северной Ирландией». Остальные три графства (Донегал, Монахан, Каван) стали частью Республики Ирландия.

Корни современной этнической ситуации в Северной Ирландии восходят к периоду насильственного переселения ирландцев в XVII веке. Британцы выселяли ирландцев со своих земель на неплодородные земли на западе Острова. Посягательства на имущественные права ирландцев сопровождалась социально-экономической дискриминацией, которая неминуемо вела к религиозной сегрегации. Е.Ю Полякова в книге «Ольстер: истоки трагедии» приводит цитату Уильяма Стюарта лорда Маунтджоя, главнокомандующего английскими войсками в Ирландии: «Поскольку ирландцы упорствовали в своем папском суеверии, представлялось целесообразным особо позаботиться как о заселении этих новых колоний такими людьми, которые менее всего поддавались бы варварским обычаям и папскому суеверию ирландцев, так и о том, чтобы уберечь их от смешения с другим населением» [5, с.7-8]. На протяжении всего североирландского конфликта конфессиональная принадлежность являлась определяющим признаком для столкновения интересов англичан и коренных жителей Северной Ирландии.

В начале XX века партикуляризм североирландцев углублялся по мере возрастания дискриминации со стороны протестантов. Английской Короной в отношении католического населения Северной Ирландии был принят ряд ограничений: на оказание медицинской помощи, получение высшего образования, занятие государственных должностей. При этом раздел на религиозные группировки совпадает с политическими убеждениями. Протестанты являются юнионистами, а католики придерживаются республиканских взглядов. Ольстерская юнионистская партия, состоявшая из протестантов, представляла собой монолит, вокруг которого был сосредоточен весь социальный и политический аспект Северной Ирландии. Во властные структуры

нередко назначались протестантские священнослужители [6]. Юнионистская партия активно поддерживает Оранжевый орден, в открытую выражающий неприязнь к католикам. Неравное представительство религиозных конфессий в органах власти усилило религиозный характер конфликта. Протестанты Ольстера составили оппозицию католикам, тем самым создав условия для использования религии как инструмента этнополитической борьбы с последующей демонизацией образа противника. Тесное сотрудничество власти с агрессивно настроенными протестантскими кругами зачастую являлось причиной беспорядков и погромов в регионе.

К середине XX в. ситуация в Северной Ирландии обострилась. Массовые беспорядки в Ольстере и последующее введение британских войск в 1969 году знаменовали собой начало социальной катастрофы. В 60-80 гг. активизировалась террористическая деятельность Ирландской республиканской армии (ИРА). Насилие стало ответом на «Кровавое воскресенье» в 1972 году, когда британская армия расстреляла безоружных демонстрантов в Дерри (убито 14 человек). Немедленно последовал ответ, вошедший в историю под названием «Кровавая пятница» - в Белфасте за день было взорвано 22 бомбы. Религиозная составляющая прослеживалась и в моменты открытого террора. В уличных столкновениях нередко с обеих сторон звучали лозунги религиозного характера. В популярной для Северной Ирландии настенной росписи фигурировали библейские сюжеты в современном контексте, где обе стороны изображали погибших активистов в образах мучеников [7].

К концу XX столетия вопрос о разрешении конфликта в Ольстере стал ключевым для всей Великобритании. Религиозный фактор придавал конфликту в Северной Ирландии затяжной и сложно регулируемый характер. Лишь с приходом к власти партии лейбористов в 1997 году был взят курс на мирный диалог. Придерживаясь принципов экуменизма и ослабления влияния религии на политику, лейбористская партия создала благоприятный фон для разрешения ситуации. С подписанием Стормонтского соглашения 1998 года, удалось добиться некоторых успехов в процессе примирения католиков и протестантов. Снятию напряжения способствовали политические уступки: возобновлена деятельность Североирландской Ассамблеи, в составе которой работали как протестантские, так и католические партии. Были предприняты попытки роспуска силовых структур ИРА [8]. Однако и в XXI веке урегулирование ольстерского конфликта остается на повестке дня. В Северной Ирландии сохраняются конфликтогенные условия. Для региона характерны конфессиональное разделение районов проживания в населённых пунктах, раздельное обучение детей

католиков и протестантов и т. д. Изменился количественный состав верующих Ольстера. По результатам исследования службы «Northern Ireland Life and Times», католики и протестанты составляют практически равную долю от общего числа верующих. Появилась новая проблема - проблема статуса ирландской границы в контексте «брекзита». Граница между Ольстером и Республикой Ирландия - условна. В период ольстерского кризиса граница обозначалась военными контрольно-пропускными пунктами, но по мере их расформирования, граница стала спорной. Из-за неопределенности границы между двумя государствами огласить решение, удовлетворяющее Северную Ирландию и Республику, в действительности оказывается трудно. На референдуме 2016 года о членстве Великобритании в ЕС, большинство голосов (55,8%) было отдано за сохранение членства Британии в Евросоюзе. Примечательно, что округа с католическим населением высказались против «брекзита», в то время как протестанты поддержали инициативу. Протестанты перестали быть доминирующей конфессией, что отразилось на результатах референдума. Для коренного населения Северной Ирландии, представленного католиками, членство в ЕС – это возможность сохранять экономическую стабильность путем экспорта товаров и получения трансфера. Для протестантов, представленных, в основном, британцами, выход знаменует собой несогласие с условиями членства в ЕС и поддержка общегосударственной тенденции. Выход Великобритании из Европейского Союза может обострить спорные вопросы, которые были формально решены в конце прошлого столетия. К примеру, активизировать силы ИРА: экономические потери региона в случае «брекзита» и последующие за этим социальные проблемы могут спровоцировать группировку. В регионе продолжают акции устрашения, ответственность за которые берет на себя «Новая ИРА». В период с 2016 по 2017 год произошло 54 инцидента со стрельбой и 32 – с бомбами, было ранено 100 человек, четверо погибло [9]. За прошедший год «Новая ИРА» причастна к взрыву в Лондондерри [10], рассылке взрывных устройств в аэропорты Лондона и Университет Глазго [11], убийству журналистки Лайры Макки в ходе стрельбы в Лондондерри [12]. Издание Derry Journal цитирует заявление группировки: «Все эти разговоры о Brexit, жесткие границы, мягкие границы не имеют влияния на наши действия, и "ИРА" никуда не уйдет» [13].

Религиозный фактор как ценностный компонент общества сыграл огромную роль в появлении и развитии североирландского конфликта. Территориальные, социальные и экономические притеснения этнических ирландцев способствовали их объединению под знаменем

католической церкви. Религия как форма самоидентификации в полярном обществе оказывает влияние на настроения своих адептов, на их ценностные и политические ориентации. Конфессиональная принадлежность может выступать как фактором объединения, так и фактором конфликта в зависимости от мотивов действий обеих сторон. Северная Ирландия как регион с напряженными этноконфессиональными отношениями, отягощенными националистическим фактором в лице ИРА, сохраняет условия для возобновления затянувшегося конфликта. На международной арене ольстерский вопрос становится решающим в дальнейшей судьбе всего Соединенного Королевства. Его урегулирование позволит Северной Ирландии не понести социально-экономические потери от вхождения Великобритании в «брекзит» и уделить внимание реальному прекращению террористических актов ИРА. Обезвреживание ИРА должно стать ключевой повесткой для Великобритании, поскольку цепная реакция устрашения распространяется по всей стране, представляя угрозу национальной безопасности. «Брекзит» явился прецедентом для осмысления Ирландии как важного этноконфессионального региона с собственным экономическим пространством, интересы и потребности необходимо учитывать, рассматривая регион как полноправного участника британского вопроса.

Литература:

1. Мальцева Н.Н. Ирландский национализм: истоки и основные черты [Электронный ресурс] / Н.Н. Мальцева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – 2013. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/irlandskiy-natsionalizm-istoki-i-osnovnye-cherty> (дата обращения 2.01.2019).

2. Напалкова И.Е. Религиозный фактор в развитии ольстерского конфликта [Электронный ресурс] / И.Е. Напалкова // Вестник Челябинского государственного университета –2009. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-faktor-v-razviti-olsterskogo-konflikta-vo-vtoroy-pолоvine-xx-nachale-xxi-veka> (дата обращения 2.01.2019).

3. Горбатюк Е.С. Североирландский конфликт: некоторые особенности [Электронный ресурс] / Е.С. Горбатюк // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/severoirlandskiy-konflikt-nekotorye-osobennosti> (дата обращения: 3.01.2019).

4. Оврах Н.К., Оврах Г.П. Религиозный фактор политических конфликтов в АТР [Электронный ресурс] / Н.К. Оврах, Г.П. Оврах//

Россия и АТР –2009. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-faktor-politicheskikh-konfliktov-v-atr> (дата обращения: 3.01.2019).

5. Полякова Е.Ю. Ольстер: истоки трагедии / Е.Ю Полякова –М.: Наука, 1982. – 168 с.

6. Полякова Е.Ю. Ирландия в XX веке: учебное пособие/ Е. Ю. Полякова –М.: Книжный Дом Университет, 2009. –169 с.

7. Гиффан Ж. Северная Ирландия. Стены говорят / Ж. Гиффан // Armen (Камень)–1996. –№ 76.

8. Янковой Н.Л Британская модель контртеррористической деятельности [Электронный ресурс]/ Н.Л Янковой // Власть –2009. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/britanskaya-model-kontrterroristicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения 5.01.2019).

9. Конфликт в Северной Ирландии: Brexit угрожает разбередить старые раны [Электронный ресурс]–Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/09/05/konflikt-v-severnoy-irlandii-brexit-ugrozhaet-razberedit-starye-rany> (дата обращения 7.01.2019).

10.«ИРА» взяла на себя ответственность за взрыв в Северной Ирландии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20190129/1550086284.html> (дата обращения 7.01.2019).

11.За рассылку взрывных устройств в Великобритании взяла ответственность ИРА [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2019/03/12/za-rassytku-vzryvnyh-ustroystv-v-velikobritanii-vzyala-otvetstvennost-ira>
<https://eadaily.com/ru/news/2019/03/12/za-rassytku-vzryvnyh-ustroystv-v-velikobritanii-vzyala-otvetstvennost-ira> (дата обращения 7.01.2019).

12.«Новая ИРА» признала ответственность за убийство журналистки в Северной Ирландии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6364289> (дата обращения 7.01.2019).

13.Webombed Derry Courthouse – «IRA» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.derryjournal.com/news/we-bombed-derry-courthouse-ira-1-8788564> (дата обращения 7.01.2019).

Концептуализация генеративности семьи в аспекте реализации гражданского капитала: реляционный подход

Давлетшина Л.А.

*Кандидат социологических наук
Ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии
Академии наук Республики Татарстан
E-mail: davletshina@bk.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00644, «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)».

Аннотация: Семья как социальный институт является посредником между личностью и обществом как на этапе первичной социализации, так и на дальнейших этапах человеческой жизни благодаря тому, что семейные отношения создают незаменимую атмосферу для генерации социального капитала. В данной статье в рамках реляционного подхода предпринята попытка концептуализации генеративности семьи в аспекте реализации гражданского капитала, характеризующего поведение индивида в публичной сфере, включая политическую. Генеративность рассматривается как результат реализации нормы взаимности (реципрокности), предполагающей постоянный обмен ресурсами. В ходе исследования сделан вывод о том, что семейные отношения, будучи первичным производителем общего блага, остаются уникальным социальным ресурсом, первоисточником человеческого и гражданского капитала.

Ключевые слова: семья, генеративность, социальный капитал, семейные связи, реципрокность, гражданский капитал, общее благо, реляционный подход.

Conceptualization of family generativity in terms of implementation civil capital: a relational approach

Davletshina L.A.

*Candidate of social Sciences
Leading researcher at the Center for family and demography
Sciences Academy of the Republic of Tatarstan
E-mail: davletshina@bk.ru*

Abstract: *The family as a social institution is an intermediary between the individual and society both at the stage of primary socialization and at further stages of human life due to the fact that family relations create an irreplaceable atmosphere for generating social capital. In this article, within the framework of the relational approach, an attempt is made to conceptualize the generativity of the family in the aspect of the implementation of civil capital, which characterizes the behavior of an individual in the public sphere, including the political one. Generativity is considered as a result of the implementation of the norm of reciprocity (reciprocity), which assumes a constant exchange of resources. The study concluded that family relations, being the primary producer of the common good, remain a unique social resource, the primary source of human and civil capital.*

Keywords: *family, generativity, social capital, family ties, reciprocity, civil capital, common good, relational approach.*

Реляционная теория общества, выдвинутая в начале 1980-х гг. итальянским социологом и философом Пьерпаоло Донати, в течение последующих десятилетий активно развивалась как новая парадигма, как специфическая картина жизненного мира, наибольшее внимание в рамках которой уделяется проблеме семьи и семейных отношений, выступающих в качестве источника любых других социальных отношений. Эта проблема актуализируется в условиях современного европейского общества, для которого характерна так называемая «плюрализация форм семьи» [1, р. 26], то есть образование новых квазисемейных социальных форм, когда семьей может называться любое «объединение индивидов, более или менее случайное» [2, р. 47].

В рамках реляционной парадигмы семья определяется как «особая и уникальная организация, которая связывает и удерживает вместе первичные и фундаментальные различия между людьми, такие как различия между полами (мужским и женским), между поколениями (родители и дети) и между родами (или родословными, материнской и отцовской) и имеет как цель и присущий ей замысел генеративность» [3, р. 50]. Именно в силу генеративности семейные отношения являются уникальными, семья приобретает генеративный характер по отношению к самому обществу, как его начало и источник [4].

На основе реляционной дифференциации автор выделяет «генеративную пару», основанную на «рефлексивных отношениях», кардинально отличающихся от отношений в «объединенной паре» – механическом союзе двух самоутверждающихся индивидов [5, р. 158]. Во втором случае индивид, теряя отношения «Я-Ты», в терминологии

М. Бубера [6], начинает относиться к другим, как к «Оно», продуцируя аналогичное отношение к себе. Это, как следствие, приводит к утрате человеком своей надфункциональной ценности в социуме. В «генеративной паре» «Я-Ты» отношения создают необходимые условия для развития человека как личности [7, с. 45]. Следовательно, задача реляционной теории заключается в формировании нового типа общества – общества для человека, основанного на новой интерпретации соотношения понятий «человеческого» и «социального».

П. Донати противопоставляет понятия реляции (отношения) и взаимодействия – первое определяет повседневные семейные практики, в то время как второе характеризует отношения членов семьи на более глубоком уровне, связывая их между собой, даже если эта связь остается неосознанной [3]. В узком смысле семейные отношения подразумевают два уровня – супружеские и детско-родительские; более широкий анализ позволяет выделить такие взаимосвязанные между собой уровни, как отношения между супругами, родителями и детьми, между ближайшими родственниками, между поколениями, между семьей и социумом.

В этом контексте генеративность семьи как особого социального объекта имеет более глубокий смысл, чем элементарное продолжение рода. Генеративность рассматривается как результат реализации нормы взаимности (реципрокности), предполагающей постоянный обмен дарами (ресурсами). Следуя логике автора, дар выступает актом доверия, обратная сторона которого – долг. Таким образом, генерация социального капитала позиционирует семью в перспективе рода, связывающей настоящее, прошлое и будущее (самым ярким примером в этом смысле выступает дар жизни, в результате которого каждое новое поколение становится и должником, и дарителем) [8].

Сетевая структура включает в себя не только социальные субъекты, связи между ними, но и потоки ресурсов, которыми члены сети обмениваются между собой. В этом отношении популярен подход Дж. Коулмана [9], согласно которому социальная сеть выступает источником социального капитала при условии, что членам сети предоставляется возможность получения личных или групповых благ. Социальный капитал значительно упрощает отношения индивидов и социальных групп в рамках сети, поскольку позволяет субъекту (индивидуальному либо коллективному) использовать характерные для сети ресурсы посредством своих связей [10].

Ряд зарубежных исследователей исходят из положения о том, что социальный капитал семьи составляют только те ресурсы, которые обеспечивают ее стабильность [11]. В качестве таких ресурсов

рассматривается не только финансовое содействие, но и обмен товарами, услугами, информацией [12], определяя различные виды помощи – материальную, эмоциональную, информационную [13]. Большое значение межсемейных трансфертов в формировании социального капитала семьи показано в исследованиях российских ученых – в части обмена материальными ценностями и помощи в уходе за детьми со стороны лиц, не являющихся членами домохозяйства; соотношения доли трансфертов (продуктовых, денежных, трудовых) по родственным социальным сетям; социальный обмен в аспекте реципрокности (за счёт практик взаимообмена и взаимовыручки) [14, 15, 16, 17, 18, 19].

В рамках реляционной теории понятие социального капитала получило особое переосмысление – П. Донати определяет его как «сеть отношений доверия и сотрудничества, в которых субъект (индивидуальный или коллективный) может находиться в своей естественной сфере жизни, посредством обмена материальными и нематериальными благами, полезными для его деятельности» [5, р. 154]. Причем концепт социального капитала основывается на понятии общего блага, не сводимого к коллективному благу, то есть простой сумме индивидуальных благ, или материальному благу, равный доступ к которому обеспечивается всем членам общества. В контексте реляционной парадигмы основное отличие общего блага от индивидуального и коллективного заключается в том, что его производство и потребление членами общества может осуществляться только совместно. Следовательно, социальный капитал – это отношения, представляющие собой общее (реляционное) благо [5, р. 76].

Выделяя три типа социального капитала семьи – первичный, вторичный и обобщенный – акцентируется внимание на том, что семья является источником первичного социального капитала, который становится вторичным или обобщенным, выходя за пределы семьи и реализуясь в обществе. Воспроизводство первичного социального капитала в рамках реляционной теории концептуализируется путем введения понятия «социальных добродетелей» [5, р. 184]. В отличие от личных добродетелей, характеризующих личность как таковую, социальные добродетели определяются социальными отношениями, конечной целью которых выступает совершенствование последних посредством максимального придания им характера общего (реляционного) блага. В то же время отмечается, что первичное формирование социальных добродетелей происходит исключительно в семье, выступающей в роли социализатора, что отличает ее от любых других социальных отношений, поскольку только в семейных

отношениях проявляется надфункциональность личности во всей ее целостности [7, с. 50].

Первичный социальный капитал, охватывая семейные, родительские, а также общинные неформальные сети (соседи, друзья, коллеги), основан на интерперсональной взаимности в цепи не имеющего денежного эквивалента обмена. Вторичный социальный капитал предполагает расширенную социальную взаимность, то есть расширение символического обмена, включающего тех, кто принадлежит к одной и той же гражданской или политической ассоциации. Социальный капитал производит ассоциативные формы для достижения целей, которые не могут быть достигнуты в одиночку, а требуют доверия и сотрудничества между людьми или группами, признающими друг друга в качестве членов одной и той же формализованной социальной сети. Обобщенный социальный капитал в сфере публичного пространства, рассматриваемого как политическое, подразумевает готовность индивидов к сотрудничеству с целью производства коллективного блага (участие в выборах, поддержка организаций просоциального характера, деятельность по защите коллективных прав и т.д.). Социальный капитал производит гражданскую культуру на местном, локальном или глобальном уровне, основанную на принятии индивидами, признающими друг друга в качестве членов одного и того же политического сообщества, ответственности за общественное благо [7, с. 49].

Таким образом, социальный капитал семьи выступает в качестве основы для развития других форм капитала – человеческого (определяющего способности личности), ассоциативного (развитие сетей, стремящихся к созданию общего блага), гражданского (характеризующего поведение индивида в публичной сфере, включая политическую) [5, р. 197].

В рамках реляционной парадигмы представлена попытка доказать, что будущее общества определяется будущим семьи в собственном смысле этого слова, целью которой выступает осознанное, рефлексивное формирование семейных отношений в аспекте генерации человеческого и гражданского капитала.

Литература:

1. Donati P. La famiglia e ancora una risorsa per le persone e per la società? Le tesi contro e le tesi a favore // *Famiglia risorsa della società*. Bologna, 2012. P. 25–57.
2. Iafrate R., Scabini E. Identità e cambiamento familiare: il paradigma relazionale-simbolico // *Psicologia dei legami familiari*. Bologna, 2003. P. 45–71

3. Donati P. Relazione familiare: la prospettiva sociologica // *Le parole della famiglia* / Scabini E., Rossi G. Milano. 2006. P. 47–76.
4. Donati P. La sociologia relazionale: una prospettiva sulla distinzione umano/non-umano nelle scienze sociali // *Nuova Umanita*. 2005. Vol. XXVII (1). No. 157. P. 97–122.
5. Donati P. *La famiglia il genoma che fa vivere la società*. Roma, 2013.
6. Бубер М. Я и Ты / Пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольца, послесл. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
7. Маркина И.В. Реляционная социология Пьерпаоло Донати // *Сетевой научно-практический журнал «Научный результат»*. 2015. № 3. С. 43–54. – URL: <https://rfsociology.ru/journal/article/208/>
8. Маркина И.В. Семейные отношения в реляционной социологии Пьерпаоло Донати // *Сетевой журнал «Научный результат»*. Серия «Социология и управление». 2016. Т. 2. № 1(7). С. 70–82. – URL: <https://rfsociology.ru/media/sociology/2016/1/soc9.pdf>
9. Бурдые П. Формы капитала. Экономическая социология. 2002. № 3 (5). С. 60–74. – URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf
10. Коулман Д.С. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122–139.
11. Buhler C., Philipov D. Social Capital Related to Fertility: Theoretical Foundations and Empirical Evidence from Bulgaria. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2005. No. 3. P. 53–81.
12. Sussman M.B., Burchinal L. Kin Family Network: Unheralded Structure in Current Conceptualizations of Family Functioning. *Marriage and Family Living*. 1962. No. 24 (3). P. 231–240. – URL: <http://www.jstor.org/stable/349136>
13. Unger D.G., Powell D.R. Supporting Families under Stress: The Role of Social Networks. *Family Relations*. 1980. No. 29 (4). P. 566–574. – URL: <http://www.jstor.org/stable/584473>
14. Синявская О.В. Социальный капитал и гендерное равенство в объяснении рождаемости в России. *Демоскоп Weekly*. 2010. № 421–422. www.demoscope.ru/weekly/2020/0841/index.php
15. Штейнберг И.Е. Процесс институционализации сетей социальной поддержки в межсемейных и дружеских обменах. *Экономическая социология*. 2009. № 10 (2). С. 62–75.
16. Сухова А.С. Неформальная экономика в российских домохозяйствах в первой половине 2000-х: домашний труд, агропроизводство и межсемейные трансферты. Вып. 12. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.

17.Барсукова С.Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования. Социологические исследования. 2005. № 8. С. 34–45.

18.Ильдарханова Ч.И. Капитал сельского жизненного пространства: социально-культурные аспекты // Человеческий капитал. 2014. № 4. С. 34–37.

19.Врублевская П.В. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // Религиоведческие исследования. 2016. № 1 (13). С. 103–127.

Синтез духовных и материальных ценностей в повседневной культуре украинцев Кыргызстана

Данильченко Г. Д.

*Доктор исторических наук,
Кыргызско-Российский Славянский университет,
профессор*

E-mail: danilchenko_g@mail.ru

Аннотация: на материале устной истории семьи Антоненко рассматривается синтез духовного и материального наследия украинцев и кыргызов в межкультурном общении на территории Иссык-Кульской области Кыргызстана. Многие элементы украинской культуры бережно сохраняют потомки переселенцев-славян Кыргызстана, однако повседневное общение с местным населением – кыргызами, накладывает отпечаток на образ жизни взаимодействующих народов. В ходе экспедиции по исследованию сохранения феномена кочевых традиций в повседневной культуре кыргызов были обнаружены черты кочевого образа жизни в быту украинцев Кыргызстана, что привело к появлению современного феномена под условным названием «украинские кочевники». На примере семьи Антоненко показано, что в повседневной культуре украинцев Кыргызстана, занимающихся традиционным для кыргызов скотоводством, тесно переплелись традиции украинского этноса с кочевыми традициями кыргызского народа. Этот процесс помогает не только установлению тесных дружеских контактов между разными этносами, но и способствует как сохранению национальных традиций, так и синтезу духовных и материальных ценностей разных культур.

Ключевые слова: духовные ценности, украинцы Кыргызстана, кыргызы, джайлоо, родственные отношения, синтез, кочевые традиции, повседневная культура.

Synthesis of spiritual and material values in the everyday culture of Ukrainians in Kyrgyzstan

Danilchenko G. D.

Doctor of history

Kyrgyz-Russian Slavic University, Professor

E-mail: danilchenko_g@mail.ru

Abstract: *on the oral history material of the Antonenko family, the spiritual and material heritage synthesis of Ukrainians and Kyrgyz in everyday communication on the territory of the Issyk-Kul region of Kyrgyzstan is considered. Many elements of Ukrainian culture are carefully preserved by the descendants of immigrants-Slavs of Kyrgyzstan, but everyday communication with the local population – Kyrgyz, leaves an imprint on the way of life of the interacting peoples. During the expedition to study the preservation of nomadic traditions in the everyday culture of the Kyrgyz people, the features of the nomadic way of life in the life of the Ukrainians of Kyrgyzstan were discovered. It is noted that in the everyday culture of Ukrainians in Kyrgyzstan, where the traditions of the Ukrainian ethnic group are closely intertwined with the nomadic traditions of the Kyrgyz people, this process helps not only to establish close contacts between peoples, but also contributes to the preservation of national traditions and the synthesis of spiritual and material values of different culture.*

Key words: *spiritual values, Ukrainians of Kyrgyzstan, Kyrgyz, jailoo, synthesis, kinship relations, nomadic traditions, everyday culture.*

Современный Кыргызстан – государство полиэтническое, и среди многих народов, добровольно или принудительно вошедших в его состав, определённую нишу занимают украинцы, переселение которых на территорию Кыргызстана началось в конце XIX века. Потомки первых переселенцев бережно хранят культурные традиции и обряды, следуя им в своей повседневной жизни. Многие элементы духовной и материальной культуры украинцев тесно переплелись с традициями и обычаями кыргызов, создав новые феномены в поликультурном Кыргызстане. Эти процессы корнями своими уходят во времена первых межкультурных контактов переселенцев-славян и коренного населения Кыргызстана. Какова же современная ситуация? Экспедиция 2017 года, участником которой был автор данной статьи, поставила в качестве

одной из своих целей исследовать элементы феномена кочевой культуры в повседневной жизни славянского населения Прииссыккуля. Изученное явление получило условное название «русские или украинские кочевники».

Исследование деталей быта и образа жизни современных «украинских кочевников» легло в основу данной публикации.

Отметим, что изучение феномена межэтнического взаимодействия на территории Кыргызстана проводилось на всех его этапах. В постсоветский период издательством Кыргызско-Российского Славянского университета были выпущены материалы многочисленных исследований: три сборника серии «Русские в Кыргызстане» (2002, 2007, 2009), иллюстрированный сборник «Славянский мир в Кыргызстане» (2008), материалы научной конференции «Этносы и культуры Кыргызстана в историческом взаимодействии» (2013) и др. Кроме того, издательство КРСУ выпустило два сборника материалов проекта «Украинцы в Кыргызстане» (ред.-сост. Г. Хлыпенко), посвящённого изучению различных аспектов истории и современного состояния украинского этноса [1]. Судьбу украинцев в Кыргызстане исследовали также такие учёные, как Т. Буйских, Г. Данильченко, Б. Мамбетова, Е. Шульга и др. [2–5].

Спецификой нашего исследования является его направленность на изучение человека как обычного субъекта истории, поэтому базируется оно на фактах семейной памяти, зафиксированных нами в технологии «устной истории». Барбэ д'Оревилли, автор данного термина, отмечал, что «устная история» фиксирует субъективное знание отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек [6, с. 11].

В ходе экспедиции была записана история семьи Антоненко из села Липенка Иссык-Кульской области Кыргызстана. Живет эта семья на окраине села, занимаясь традиционным для местного населения делом – скотоводством. Владелец этого большого хозяйства Антоненко Алексей Анатольевич. Это уже четвертое поколение украинцев Антоненко на иссык-кульской земле. Семья сохранила украинский язык, предпочитает украинскую кухню, следует украинским обычаям и обрядам, однако в силу рода занятий семьи они чтут кочевые традиции кыргызского народа.

Валентина Егоровна Антоненко, мама Алексея и бабушка Алёнки маленьким ребёнком была привезена в эти края своими родителями с Украины после Великой Отечественной войны. Здесь она выросла, окончила школу, вышла замуж, родила двоих сыновей, один из которых трагически погиб. Но здесь продолжают жить его дети, внуки

Валентины Егоровны. Живут, соблюдая кыргызские традиции: дети, оставшиеся без отца, почитают за отца его младшего брата. Поэтому Алексей несёт полную моральную и материальную ответственность за семью погибшего брата.

Семья Алексея имеет хорошее, вольное подворье, которое воплощает соединение двух культур: большой дом с кухней-временкой под одной крышей образуют крытый двор. Во дворе и за двором – огромные клумбы цветов, как это традиционно было принято в семьях украинских переселенцев. А с другой стороны дома – открытый загон для скота – как принято в кыргызской культуре. Зимой, когда корма находятся под глубоким снегом, Алексей выпускает лошадей и овец, как это было принято у кочевников, и они добывают себе корм под снегом, Весной же, летом и осенью Алексей пробовал сам кочевать, выезжая на джайлоо, но дом требовал присутствия хозяина, и он стал передавать свое стадо профессиональным пастухам-кыргызам. Пастухи собирают в стадо животных от 2-3 хозяев, принимают в него скот своих городских родственников и уходят на традиционные места кочёвок. Алексей усвоил все тонкости профессионального опыта кочевников, выпасающих отары овец на джайлоо: он перед кочёвкой маркирует овцематку и её ягнят одним номером, и это позволяет пастуху найти мать обессилевшего в ходе перекочёвки ягнёнка с тем, чтобы помочь малышу прокормиться. Друзья Алексея – ребята-кыргызы, помогают ему в разных ситуациях, связанных с проблемами в животноводческом хозяйстве, и сами прибегают к его помощи, когда проблемы случаются у них. Так, Максат, друг и сосед Алексея, помогал ему приручить купленного недавно айгыра (коня-производителя). Так, в крепкое хозяйство современного украинца, сохранившего многие черты своей родной украинской культуры, гармонично впадают элементы кыргызской кочевой культуры.

Валентина Егоровна Антоненко рассказывает, как их семья укоренилась в Кыргызстане.

Приехав после войны в Кыргызстан, отец-фронтовик сразу нашёл здесь то, что стало смыслом его жизни – замечательные места, напоминающие Украину, хороших отзывчивых соседей, плодородную землю и прекрасную возможность содержать скот. Кум подарил отцу пару чёрных ягнят, и с этого началось всё хозяйство семьи Антоненко, потом заменили черных баранов на белых, и на сегодняшний день в отаре сына – только белые бараны. Говорят, что они более выносливые. История с овцами, наверное, не была бы такой счастливой, если бы не помощь соседа-кыргыза. Он объяснил мужу, что для местных условий лучше разводить белых баранов. Они и более выносливые, и шерсть белых баранов более универсальная. Муж решил

послушать опытного чабана и стал потихоньку добавлять в отару новых овец, теперь уже белых. Через несколько лет у нас была огромная отара овец из нескольких сотен голов, преимущественно белых. А сейчас у нас вообще только белые овцы. Так, благодаря советам и помощи кочевников мы приобрели опыт в выращивании баранов. Да и сегодня мы никуда без их помощи и советов. А то как же: всё это наука, которая кочевниками тысячи лет изучалась. Они нам много интересных вещей рассказывают, помогают со скотом проблемы многие решать.

Записанная нами устная история семьи Антоненко наглядно демонстрирует, что взаимодействие местного кыргызского населения со славянскими народами не только не мешает сохранению этнических традиций, но и способствует своеобразному синтезу духовных и материальных ценностей, что позволяет укреплять дружеские связи, делает общение полезным и взаимовыгодным.

Жизнь населения Прииссыккуля – яркий пример интеграционных процессов. Бытовая культура формируется благодаря непосредственному каждодневному межэтническому взаимодействию, приводящему к синтезу духовных и материальных ценностей, что выражается и в проникновении элементов кочевых традиций кыргызов в повседневную жизнь украинцев.

Литература:

1. Украинцы в Кыргызстане: Статьи. Исследования. Материалы / ред.-сост. Г. Н. Хлыпенко. Вып. 1. Бишкек: Издательский дом «Просвещение», 2003; Вып. 2. 2006.
2. Данильченко Г. Д., Буйских Т. М. Свадебный обряд украинцев Кыргызстана середины XX века в современной реконструкции // Украинцы в Кыргызстане: Статьи. Исследования. Материалы: Вып. 2. С. 65–88.
3. Данильченко Г. Д. Семейная память в устных историях украинцев Кыргызстана // Славянский мир в Кыргызстане / отв. ред. акад. В. Плоских, проф. М. Рудов. Бишкек: КРСУ, 2008. С. 127–133.
4. Мамбетова Б. А. Історія переселення і розміщення українського населення на території Киргизстану // Українська діаспора. Київ–Чикаго, 1993.
5. Шульга Е. П. Этносоциальная жизнь украинской диаспоры Кыргызстана : Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Бишкек, 2006.
6. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003.

Efficient and responsible administration by applying new management model

Denkova J.

*Associate professor
University "Goce Delcev",
Faculty of law, Stip
E-mail: jadranka.denkova@ugd.edu.mk*

Ananiev J.

*Full professor
University "Goce Delcev",
Faculty of law, Stip
E-mail: jovan.ananiev@ugd.edu.mk*

Abstract: *In this paper we are presenting the most relevant studies related to public management reform and controversies raised with introduction of the new approach called «new public management». Both of them were depicting different aspects of something genuinely the same (public administration vs. public management), pointing to the evolution process in the academic discipline(s) as well as wide spectrum of pros and cons related to the respective scientific concepts. Following this line of thinking (and rethinking) on public administration and public management, this paper referred to the phenomenon of weak and failed states. The research that we conducted (analyzing legal setting vs. administrative practices in the Republic of North Macedonia) presented discrepancy between legally stipulated provisions and the reality in administrative performance.*

Keywords: *new public management, public administration, efficiency, responsibility, results.*

Introduction

New public management NPM (however vary «from country to country, between policy sectors and over time») is a theoretical model related to basic ethical principles of public access and accountability. In the developed democracies, gradual development of a quality administration prevailed. Having this as a starting point, this paper is analyzing new public management implementation and performance in the Republic of North Macedonia as well as if the public administration reform meets its goals and principles.

In addition, to understand applicability of «new public management» (or NPM) in the real world and its overall impact

on social and political environment, another two works we consider as a highly relevant. One, offered by Pollitt, van Thiel and Homburg (2007) related to European experiences with NPM, and the other, offered by University of Manchester - Institute for Development Policy and Management, related to NPM in developing countries (1999). From our perspective, there are another key issue looming over the arguments and counterarguments in taking sides about NPM. That issue is much more associated with theory and practice of political system, governance and governability in modern world, including the criteria that must be fulfilled by a political entity to be considered as a sovereign state and democracy.

Theoretical overview on new public management

Historically, the concept of «new public management” or NPM, has emerged as a solution to the slow and exhausting bureaucratic rules that have resulted in typical public administration inefficiency. Mongkol, (referring to Aucoin, 1990; Pollitt and Bouckaert, 2000; Laffin and Painter, 1995), points that ”NPM is intended to improve the quality of public services, save public expenditure, improve the efficiency of governmental operations and make policy implementation more effective”. More precisely, (referring to Holmes and Shand, 1995), he described NPM as a good result-oriented managerial approach (efficiency, effectiveness and service quality). Through traditional model of policy implementation, the state was faced with high costs, inefficiency of administration and discontent among service users, the citizens. Consequently, substantial changing in managing public affairs has emerged as a needed new paradigm.

The new approach in managing public affairs, emphasizing control function of the state authorities over the privately owned agents in performing duties of public interest, has relaxed financial burden to the state. In addition, the «new public management”, abandoning the strict hierarchy in administering public affairs implies transfer of implementation competencies to decentralized administrative bodies and organizations. (According to Gruening, 2001, 12. p. 11), it is easy to see that «public management and public administration have close ties. Their researchers address similar problems, ask similar questions, and employ similar techniques.”) Thus, (Robert Behingo, 2009, 6. p.892–909) defined public management as "a set of tactics and strategies aimed at improving the efficiency of the public sector."

Dwight Waldo is a brilliant thinker on the «new public administration” in the postwar period - in the late 1960s Dwight Waldo organized a conference about the future of public administration and initiated a

movement called New Public Administration (NPA), incorporating ideas from the human-relations movement and the political faction of public administration (basically, NPA was a critique of classical and neoclassical public administration). The basic principles of «New Public Administration» are participation, decentralization and «representative bureaucracy».

The «new public management» appeared in response to the inadequacy of previous administration models (Hughes, *ibid*, 11. p. 58). «New public management» might be considered as a sub-area of public administration. The «new public management» emphasizes the economy, effectiveness and efficiency in governance and the delivery of quality public services.

The purposes of the «new public management» are: to transfer the responsibilities to the operating managers in order to create greater managing flexibility and autonomy, to put more emphasis on risk management, to focus on measuring the effects.

In sum, the concept of new public management is aimed to overcome the problems caused by strict hierarchical control typical for traditional public administration, turning instead to delegation of competences, greater flexibility and room for discretionary decision-making by the immediate service providers.

Analysis of research results

The institutional capacity and administrative performance of the state administration in the Republic of North Macedonia (RNM), even being in stay of permanent reforms for almost three decades, could not be much different then overall political, economical and social circumstances and trends.

The public administration faces similar challenges in all parts of the world due to the need to introduce innovations in operations and to improve its effectiveness and efficiency. Modernization of the administration not only requires changes in its strategy and structure, but also requires changes in the administrative behavior. Managing the public sector aimed at creating a responsible, effective, efficient and respondent public administration was implemented in the first Law on Civil Servants of the Republic of Macedonia as an independent country from 2000, (Law for civil servant "Official Gazette of the Republic of Macedonia" No.59/2000).

That stipulated establishment of Civil Servants Agency as a coordinative body that played a significant role in giving directions in the manner of managing the public administration. Also, the commitment to establish public institutions of a private nature to which the competences of public interest will be transferred is reflected in the adoption of the Law on Institutions, (Law on Institutions "Official Gazette of the Republic of Macedonia" no. May 7, 2005). This Law contains the models of privatization of the public sector and the manner of establishment of private public

partnerships, which served as the starting point for the establishment of the new public management in the Republic of Macedonia. So far, the transfer of public authority to entities in private ownership in the Republic of Macedonia is most visible in education, in the health sector and in the social services.

Another important legal act in the field of public sector management in the Republic of Macedonia was the Regulation on establishment of organizational units for managing human resources in the public sector as well as for strategic management in the public sector, (In Article 8 of the Decree on the Principles for Internal Organization of the Bodies of the State Administration Official Gazette of the Republic of Macedonia No. 93/2000, 14/2002, 105/07).

The CAF system in the public sector in the Republic of Macedonia was used only as an experimental model based on certain projects by the OSCE, etc.

In the laws of the Republic of Macedonia of administrative nature there are provisions that refer to the commitment of the state bodies for the application of NPM in the public sector. The Law on Administrative Officers contains provisions relating to the assessment of administrative officials, training, mentoring and measurement of achievements. The main emphasis has been placed on efficient and responsible administration. The provisions that refer to the NPM could be also found in the Law on General Administrative Procedure of the Republic of Macedonia, Law on Administrative Procedure ("Official Gazette of RM" 124/2015 that contains the basic administrative principles. The Law on Administrative Procedure contains a number of provisions on discretionary decision-making by administrative officials, which refers both to the autonomy of the administrator in charge, and, at the same time, reinforce his/her responsibility.

In order to see how the legal provisions related to the NPA works in place, the paper refers to the analysis of an interview conducted with 21 respondents - employees in the state authorities in the Republic of Macedonia. Regarding the measuring of the quality and quantity of the work of the civil servants, all the interviewees answered that they do not have sets of indicators for measuring the quantity and quality of the work of the civil servants. As an exception, at the State Statistical Office, software for analyzing the utilization of working time has been introduced, in terms of utilization of the working time vs. working costs. Using this software, each employee records how much work he/she has done during the day and how much working hours he/she has spent. The establishment of quality criteria and indicators will also affect the overall perception of the capacities of the state administration, indicating how much they are trained and able to

respond to the given obligations. Regarding the position of the Civil Servants Evaluation System and the Assessment Form, all respondents consider that the Civil Service Evaluation System is unrealistic, run by incompetent and subjective assessors. According to the respondents, these circumstances are due to the fact that no self-assessment has been introduced, no one is honest about him/herself and others, all of them don't share the same quality of knowledge and skills often not aware about that fact, so self-criticism does not exist at all. According to all respondents, the position of one-sided assessment leads to subjective assessment. Respondents believe that a full change of approach and assessment model should be considered. And, finally, it is not a realistic assessment if civil servants with different titles are to be valued and evaluated with the same assessment indicators.

Document Management System is software that provides scan of the work performance from the highest to the lowest hierarchical level. Such systems provides scan of the capacity of administrative officials in bringing public services to citizens. The respondents answered that they did not have a document management system. Three respondents answered that they have established a similar system, which refers only to electronic archiving, which means scanning all incoming and outgoing documents and their electronic forwarding, but in addition to the electronic ones, the paper form of document flow is still used. All respondents expect the establishment of such systems in the coming period through the E-Government Strategy initiated by the Ministry of Information Society and Administration. In the framework of this activity, the Law on E-Management, Law on E-Management ("Official Gazette of RM" No. 13/05, 14/07 55/07, 98/08), is legally backed up by some provisions that will facilitate the work of the civil servants enabling exchange of data between the institutions.

Conclusion

Concluding remarks we will start with warning that NPM can have very negative effects when injected into situations where the civil service is highly politicized, the 'public service ethic' is unknown, budgets are unstable and accountability is weak. However, from the above presented, it could be concluded that NPM is a trend that could not be avoided and subsequently, the NPM in the Republic of North Macedonia is on the political agenda, too. Its advancement goes slowly, with more «downs» than «ups», which reflects the efficiency of the public administration. Therefore, there is a necessity to establish a system of measurement of administrative operations through software that will provide real indicators based on measurable indicators. This way of working is expected to motivate employees by rewarding those who achieve greater results than their colleagues. Trainings should be an indispensable part of the establishment of the NPM as a serious way of improving the knowledge of the administration. Given that the reform of the

public administration goes in the direction of transferring competencies from the national to the local level, the doors of the public sector services are remaining open, that gradually keep open possibility of switching public services into private hands, in particular strengthening the control over the work of public institutions that have been given the authority to perform functions on behalf of the state. Thus, the amendment of the laws should be in the direction of the establishment of a quality management system (ISO standards or CAF system), a clear control mechanism through inspection bodies that will continuously monitor these institutions performance. There is a necessity to establish a one-stop-shop system between the public service providers and the state administration bodies as well as the public administration should be independent, serving to the citizens in effective and efficient manner.

References:

1. Anderson, J.E. (2015) «Public Policymaking: An Introduction», 8th (instructor's) Ed., Cengage learning
- Dunn, W.N. (2011) «Public Policy Analysis» 5th Ed., Pearson.
2. Aucoin, P., (1990). «Administrative reform in public management: Paradigms, principles, paradoxes and pendulums», *Governance*, 3: 115-137.
3. Armstrong, A., (1998). «A comparative analysis: New public management-the way ahead». *Aust. J. Public Admin.*, 57: 12-24.
4. Batley, R. and G. Larbi, (2004). *The Changing Role of Government: The Reform of Public Services in Developing Countries*. Palgrave Macmillan, New York.
5. Bale, M. and T. Dale, (1998). «Public sector reform in New Zealand and its relevance to developing countries». *World Bank Res. Observer*, 13: 103-121.
6. Behing, R. (2009) *Public Administration* Vol. 87, No. 4, (pp.892–909).
7. B. Guy Peters (2018) «The Politics of Bureaucracy: An Introduction to Comparative Public Administration» 7th Ed., Routledge
8. Bownwathana, B., (1995). «Comparative Civil Service Reform: The United Kingdom, the United States of America, Japan and Thailand». Chulalongkorn University Press, Bangkok.
9. Bozeman, B. (1991a). Introduction: two concepts of public management. In: B. Bozeman, *Public management: the state of the art* (pp. 1–5). San Francisco: Jossey-Bass.
10. Caiden, Gerald E. (1991). «Administrative Reform Comes of Age». Berlin: Walter de Gruyter.

11. Christensen, T. and P. Laegreid, (2001). «New public management: The effect of contractualism and devolution on political control». *Public Manage. Rev.*, 3: 73-94.

12. Gruening, G. (2001) «Origin and theoretical basis of New Public Management», *International Public Management Journal* 4 (2001) 1–25, *Arbeitsbereich Public Management, Hochschule fuer Wirtschaft und Politik, Hamburg, Germany*.

13. Hughes, O.E., (2003). «Public Management and Administration». Palgrave Macmillan, New York.

14. Holmes, M. and D. Shand, (1995). «Management reform: Some practitioner perspectives on the past ten years». *Governance*, 8: 551-578.

15. Kiggundu, Moses N. (1998). «Civil Service Reforms: Limping Into the Twenty-First Century», pp. 155–71 in M. Minogue, C. Polidano and D. Hulme, eds, *Beyond the New Public Management: Changing Ideas and Practices in Governance*. Cheltenham: Edward Elgar.

16. Kuhn, T.S. (1996) «The Structure of Scientific Revolutions» 3rd ed., University of Chicago Press.

17. Laffin, M. and M. Painter, (1995). «Reform and Reversal». Macmillan, Melbourne.

18. Marini, (1971), «Toward a new public administration: the Minnowbrook perspective». Scranton, Pa.: Chandler Publishing (pp. 346–367).

Тенденции развития человеческого потенциала на Юге России в условиях новых геополитических вызовов

Донцова М.В.

Кандидат социологических наук

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН» (ИОНЦ РАН), научный сотрудник.

E-mail: dontsova_79@list.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Аннотация: В работе обоснована значимость идеологической и этнической составляющей при исследовании развития человеческого потенциала в южном макрорегионе. По данным экспертного опроса

определены тенденции развития человеческого потенциала в Краснодарском крае и Республике Крым в сравнении с общероссийским уровнем, проанализированы особенности региональных различий. По результатам массового опроса в данных регионах определена распространенность группы риска в среде молодежи, выявлены основные конфликтогенные факторы развития человеческого потенциала молодежи в Краснодарском Крае и Республике Крым.

***Ключевые слова:** человеческий потенциал, конфликтогенные факторы, геополитические вызовы, полиэтничный социум, Юг России, Краснодарский Край, Республика Крым.*

Human Development Trends in the South of Russia in the Context of New Geopolitical Challenges

Dontsova M.V.

*Federal Research Center Southern Research Center RAS, PhD in Sociological Sciences, research scientist
E-mail: dontsova_79@list.ru*

***Abstract:** The publication substantiates the importance of the ideological and ethnic component in the study of the development of human potential in the southern macroregion. According to an expert survey, trends in the development of human potential in the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea are determined in comparison with the national level, and regional differences are analyzed. According to the results of a mass survey in these regions, the prevalence of risk groups among young people, the main conflict-generating factors in the development of the human potential of young people in the Krasnodar Territory and the Republic of Crimea were determined.*

***Keywords:** human potential, conflictogenic factors, geopolitical challenges, multi-ethnic society, South of Russia, Krasnodar Territory, Republic of Crimea.*

Актуальность исследуемой темы обусловлена кардинальными изменениями, происходящими в системе международных отношений и геополитической картографии, которые ставят на первый план проблемы безопасности российского общества, его устойчивое, инновационное развитие и конкурентоспособность посредством повышения качества человеческих ресурсов и социально-политической

интеграции. Конкурентоспособность стран в современном мире основывается главным образом не на ресурсном потенциале, а на человеческих достижениях, реализации инновационных идей, которые возможны только с ростом благосостояния граждан. Проблема сохранения и развития человеческого потенциала входит в разряд первоочередных задач государственной социально-экономической политики и заключается в разработке программ управления процессом становления человека как профессионала и гражданина, развивающего и реализующего свой потенциал в социально приемлемых формах. Так, в одном из целевых документов российского государства – Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года [1], в качестве одной из базовых основ утверждается признание решающей роли человека в осуществлении инноваций, создание условий для привлечения молодых поколений к инновационному прорыву, омоложение кадрового состава ученых, конструкторов, инженеров, проектировщиков, активизация общественных объединений и т.д.

Развитие человеческого потенциала приобретает особый смысл в региональном измерении Юга России, в частности в ситуации Краснодарского края и Республики Крым, которые, ввиду своего геополитического положения, играют ключевую роль в построении системы безопасности нашей страны, и реализуют стратегические задачи в плане укрепления новых государственных границ. Результаты экспертного опроса, проведенного в 2019 году в Краснодарском крае и Республике Крым (общее число экспертов составило 62 чел.), позволили представить прогноз уровня развития человеческого потенциала в данных регионах. Согласно усредненному мнению экспертов, в ближайшие 10 лет будет происходить рост уровня развития человеческого потенциала, причем в Краснодарском крае данный уровень оценивается выше, чем в среднем по России. В Республике Крым, по мнению экспертов, уровень развития человеческого потенциала к 2025 году достигнет общероссийского уровня. Однако, несмотря на позитивную тенденцию, достижение уровня наиболее развитых стран с точки зрения человеческого развития (Норвегия, Швейцария, Австралия, Ирландия, Германия) [2] является весьма отдаленной перспективой (рис. 1).

Рисунок 1 – Прогноз уровня развития человеческого потенциала в России и регионах относительно уровня наиболее развитых стран Запада (данные экспертного опроса, за 100% принят уровень развития человеческого потенциала в наиболее развитых странах)

Региональные различия проявляются в трудовой компоненте и в компоненте качества этноконфессиональных отношений. Последнее объясняется крайне неоднородной этнической средой Краснодарского края и длительной реализации национальной политики в регионе, которая стимулирует этноконфессиональную терпимость. Краснодарский край опережает Крым по параметрам развития гражданского самосознания и предпринимательскому потенциалу, в том числе в сфере развития инноваций в бизнесе. В Республике Крым по сравнению с Краснодарским краем, несмотря на отставание по фактическим критериям, оказалась более развита мотивационная составляющая: ориентация на многодетные семьи, желание иметь полную трудовую занятость, наличие мотивации повышать образовательный уровень, мотивация к новаторской деятельности. Согласно результатам исследования, на уровень человеческого развития в данных регионах значимое влияние оказывают уровень жизни, уровень физической безопасности и уровень терпимости полиэтничной среды. Последний фактор, особенно применительно к ситуации в Краснодарском крае, имеет интеграционную направленность.

В условиях новых геополитических вызовов и угроз актуализируется проблема конфликтогенных факторов развития человеческого потенциала в полиэтничной среде. Как отмечают В.Г. Айрапетян и В.Н. Шагалова, «территория Юга России, особенно СКФО, представляет довольно «взрывоопасное» место, где развиваемые проекты могут просто «прогореть» из-за эскалации

какого-либо конфликта, связанного с распространением негативного или экстремистского мировоззрения среди местного населения» [3]. Данный вывод переводит проблему человеческого потенциала в идеологическую плоскость, тесно связанную с национальной политикой. Таким образом, идеологическая и этническая составляющая являются важнейшими структурными элементами развития человеческого потенциала в южном макрорегионе. Распространение радикальных и экстремистских настроений является наиболее опасным конфликтогенным фактором в современном этнокультурном и политическом пространстве. Согласно теории М. Липсета, «подобные движения поддерживаются теми, кто по той или иной причине потерпел провал при попытке добиться успеха в своем бизнесе или профессии, кто потерял свой социальный статус или опасается потерять его. Именно такие люди придают рассматриваемым движениям фанатичный и экстремистский характер, а также образуют ядро их приверженцев» [4, с. 211, 212]. Массовый опрос, проведенный в рамках реализации проекта РФФИ «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов», позволил оценить потенциальную группу риска в среде молодежи, которая в Краснодарском Крае составила $20,7\pm 4\%$, а в Республике Крым – $18,2\pm 3,8\%$. То есть, примерно такое количество молодых людей могут потенциально стать объектом воздействия со стороны деструктивных течений. Важно отметить, что гражданская идентичность (ощущение себя гражданином России), формирование которой является одной из задач этнокультурной политики, в наибольшей степени выражена у молодых людей, которые не относятся к группе риска. В то время как национальная идентичность (самоощущение как человека определенной национальности) чаще встречается у молодых людей, которых можно отнести к группе риска. Таким образом, наличие гражданской идентичности снижает вероятность отнесения субъекта к группе риска, что характеризует данный тип идентичности как фактор стабильности и интеграции в процессе развития человеческого потенциала.

В процессе многомерного анализа факторов конфликтности человеческого потенциала были определены составляющие внутренней среды региона, которые составили систему анализируемых факторов: уровень экономической безопасности, распространенность коррупции, правовая защищенность, равноправие (частота случаев дискриминации по социально- демографическим признакам), уровень физической безопасности, информационная безопасность, миграционные риски. Согласно результатам анализа, на уровень развития человеческого

потенциала значимое влияние оказывают следующие факторы: экономическая безопасность, в большей степени проявляющаяся в ощущении финансовой защищенности, распространенность коррупции, физическая безопасность. Анализ показал, что такие факторы среды как правовой климат, уровень равноправия, информационная безопасность и миграционные риски не оказывают значимого влияния. Последний фактор (миграционные риски) практически не влияет на колебания уровня развития человеческого потенциала.

Измерение потенциала конфликтности в Краснодарском крае и Республики Крым показало наличие статистически значимых различий по регионам: конфликтный потенциал молодежи Краснодарского края выше, чем в Республике Крым. Установлено, что данные различия обусловлены, главным образом, частотой участия в конфликтах с этнической составляющей, которая в выборке Краснодарского края ожидаемо выше за счет этноконфессиональной специфики региона. Протестный потенциал молодежи рассматриваемых регионов статистически не различается и составляет около 20%.

В целом результаты проведенного исследования показывают, что наблюдается недостаток мотивации молодежи к инновационной и предпринимательской деятельности, от чего, по сути, зависят перспективы и конкурентоспособность регионального развития и национального развития. Также присутствует тенденция «утечки» человеческих ресурсов, имеющих инновационный и предпринимательский потенциал, что открывает проблему препятствий в достижении конкурентоспособности нашей страны на мировой арене. Позитивные тенденции обнаруживаются в сфере демографического развития и развития качества этноконфессиональных отношений.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс. URL: <http://ac.gov.ru/files/attachment/4843.pdf> (дата обращения: 12.11.2019).
2. Доклад «Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018» (опубликовано для ПРООН) [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2018_human_development_statistical_update_ru.pdf (дата обращения: 29.04.2019)
3. Айрапетян В.Г., Шагаров Л.М. Человеческий капитал как ресурс модернизации экономики Юга России [Электронный ресурс]//

Вестник ГУУ. 2012. № 2. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-kak-resurs-modernizatsii-ekonomiki-yuga-rossii> (дата обращения: 11.10.2019).

4. Политический человек: социальные основания политики / М. Липсет; пер. с англ. Е. Г Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. М.: Мысль, 2016. 612 с.

Укорененность региональных политических элит

Дука А.В.

*Кандидат политических наук
СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН
E-mail: alexander-duka@yandex.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-31310, «Институционализация региональной политической элиты: рекрутирование и профессиональные карьеры».

Аннотация: В статье анализируется укорененность региональной политической элиты (депутатов законодательного органа региона и представителей субъекта федерации в Федеральном Собрании). Под укорененностью понимается устойчивая связь политика с местным сообществом, его интересами и потребностями. «Устойчивая связь» основывается на встроенности в местное сообщество и возникающие при этом социальные отношения различного уровня и характера. Показано, что на укорененность региональных политических элит влияет эндогенность членов регионального элитного сообщества. Зафиксирована тенденция усиления эндогенности элит. При этом дифференциация регионов достаточно большая. Низкая пространственная мобильность и высокая воспроизводимость региональной элиты может свидетельствовать как о высокой степени ее институционализации, так и об ее олигархизации, сужения как бассейна рекрутирования, так и круга лиц, попадающих в региональную элиту. Происходит плутократизация legislatures, что способствует укорененности региональных политических элит, но одновременно и к деполитизации политического процесса.

Ключевые слова: региональные политические элиты, укорененность, эндогенность, депутаты, политики, интересы.

Embeddedness of regional political elites

Duka A.V.

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

E-mail: alexander-duka@yandex.ru

Abstract: *The article analyzes the embeddedness of the regional political elite (deputies of the legislative body of the region and representatives in the Federal Assembly). Embeddedness refers to a politician's stable relationship with the local community, its interests and needs. «Stable relationship» is based on integration into the local community and the resulting social relations of various levels and types. It is shown that the embeddedness of regional political elites is influenced by the endogeneity of its members. There is a tendency to increase the endogeneity of elites. Low spatial mobility and high reproducibility of the regional elite can indicate both a high degree of its institutionalization and its oligarchization, narrowing both the pool of recruitment and the circle of people who fall into the regional elite. There is a plutocratization of legislatures, which contributes to the embeddedness of regional political elites, but also to the depoliticization of the political process.*

Keywords: *regional political elites, embeddedness, endogeneity, deputies, politicians, interests.*

В статье анализируется укорененность региональной политической элиты. Последняя включает в себя депутатов законодательного органа региона и представителей субъекта федерации в Государственной Думе и Совете Федерации. Под укорененностью понимается устойчивая связь политика с местным сообществом, его интересами и потребностями. «Устойчивая связь» основывается на встроенности в местное сообщество и возникающие при этом социальные отношения различного уровня и характера. В этом отношении «укорененность» по смыслу совпадает с соответствующим понятием М. Грановеттера [1]. Одним из факторов, существенно влияющим на такого рода связь является длительность проживания политика в данном регионе, что может быть связано с большим социальным капиталом (естественное большое число знакомств, связей, большая плотность сетей). Вторым фактором (и индикатором) будет получение высшего образования в месте занятия элитной позиции. Третьим – совпадение места предшествующей работы и места элитной позиции. Эти три фактора (и одновременно индикатора)

связаны с внутренним, внутрирегиональным происхождением политиков (рождением, образованием, карьерой). Это характеристики их эндогенности. Для экономических агентов существенным для укорененности является наличие активов в регионе, что предполагает включение в разнообразные социальные, экономические и политические отношения. В этом контексте экономические интересы в данном регионе переплетаются с экономическими интересами региона как определенной совокупности разнообразных акторов и населения в целом. Отсюда может возникать и устойчивая идентификация с регионом и его интересами.

Эмпирической основой анализа являются агрегированные данные биографий региональных политиков, собранные в базе данных сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН ФНИСЦ РАН. Данные 2010 года по 6 регионам (С.-Петербург, Калининградская, Костромская, Ростовская области и Хабаровский край) включают 651 персону. Данные 2015 года по 10 регионам (Москва, С.-Петербург, Калининградская, Костромская, Ростовская области, Ставропольский и Хабаровский края, Республика Дагестан) включают 606 человек. Данные 2019 года по тем же 10 регионам числом 653 индивида. Сбор и анализ последних данных осуществлялся в рамках проекта РФФИ и АНО ЭИСИ, в котором помимо автора участвовали А.С. Быстрова, А.Б. Даугавет, Н.В. Колесник, А.В. Невский, Д.Б. Тев. Также использовались данные Росстата [2; 3; 4].

Миграция и эндогенность политической элиты.

Повышение пространственной и, шире, горизонтальной мобильности является важной характеристикой современного общества, что было замечено достаточно давно [см., напр.: 5, гл. 16]. Причем, степень мобильности населения напрямую зависит от уровня и степени социально-экономического и политического развития данного общества. Помимо этого, действуют внутренние структурные и институциональные факторы, а также особенности различных групп населения. Эмпирические исследования в разных странах демонстрируют, что одни люди более мобильны, чем другие. Данные Института трудовых исследований (IZA, Бонн, Германия) показывают, что «возраст, гендер, структура домохозяйства, образование, ситуация с занятостью и прошлый опыт мобильности являются ключевыми микроэкономическими детерминантами: молодые люди более мобильны, чем старшие по возрасту, мужчины более мобильны, чем женщины, неженатые и незамужние более мобильны, чем семейные, высококвалифицированные мобильнее низкоквалифицированных, безработные – имеющих работу и, наконец, те, кто уже в прошлом имел опыт передвижений, мобильнее других» [6, с. 8].

Россия относится к странам с достаточно низкой миграцией населения, если сравнивать с европейскими странами. По данным переписи 2002 г. доля проживающих в месте своего рождения составляла 90,66 %. Следующая перепись 2010 г. зафиксировала 88,98 %. Существует разница по этому показателю между федеральными округами. Меньше всего уроженцев своей местности проживает в Дальневосточном округе (79,15 % по данным 2010 г.), а максимально – в Центральном (92,08 %). В последние годы миграционные потоки усилились [4; 7; 8], но все равно, цифры невелики. Надо учитывать и временную трудовую и образовательную миграцию.

Можно предположить, что депутаты, как представители населения, не будут сильно отличаться от основной части жителей региона. Вместе с тем, необходимо иметь в виду активность политиков, их большую социальную мобильность. Однако, Илариос Тоскано в своем исследовании миграции в Италии делает вывод, что в целом, индивиды, переезжающие из одного региона в другой в пределах страны, «более социально мобильны, чем те, кто не мигрирует. Однако, это не относится к выходцам из буржуазии и городских рабочих. В первом случае малое количество наивысших позиций выталкивает их искать «пристойные» места занятости». Она пишет: «Представляется, что переезжающие более молодые наследники высших классов также подвергаются риску попадания в низший класс» [9, с. 13]. В этом отношении русская поговорка «Дома и стены помогают», представляется вполне релевантной. И, конечно, отечественные претенденты на элитные позиции данное обстоятельство также учитывают.

Наше исследование показывает, что географическая мобильность региональной политической элиты со временем сокращается. Так, в целом по шести регионам в 2010 г. 30 % членов регионального политического элитного сообщества занимали свои позиции в регионе их рождения. В 2015 г. по десяти регионам половина политиков родились в месте их активности. А в 2019 г. этот показатель вырос до 54%. Причем, рост «домоседов» обнаружился в семи регионах. Время относительно высокой миграции политически активных граждан в большинстве регионов закончилось. Можно говорить об определенной стабилизации.

Вместе с тем, обращает на себя внимание большой разброс по регионам. Наиболее эндогенной является элита Дагестана (95%). Это при том, что в целом у населения этот показатель 89%. А у наименее подвижных уроженцев столицы (общий показатель 92%) доля «коренных москвичей» среди политической элиты 2019 г. всего 38%. Но за четыре года до этого таких было на четыре процента меньше.

Быстрыми темпами наращивается эндогенность элиты в Костромской области: с 2010 г. по 2019 г. показатель увеличился в 2,3 раза, в Ленинградской области – в два раза, в Санкт-Петербурге и Ростовской области – более чем на 20 %. Несмотря на бурный рост эндогенной элиты в Ленинградской области, только 21% являются уроженцами этого региона. Вместе с тем, 17% родились в Санкт-Петербурге. Эти два региона очень тесно связаны друг с другом. Это хорошо видно по результатам переписи 2010 года. Если в Санкт-Петербурге проживало 88 % родившихся в нем, то вместе с уроженцами Ленобласти уже 92%. В Ленинградской области за счет уроженцев Санкт-Петербурга доля эндогенного населения увеличивается с 68% до 84%. Административно-территориальное деление в данном случае оказывается частично условным. Тем более, что политико-административный центр области расположен в Санкт-Петербурге, и почти все областные учреждения базируются там же.

Помимо отмеченных выше регионов с большой долей мигрантов среди политической элиты выделяются также Хабаровский край и Калининградская область. В первом случае менее четверти депутатов родились в крае, во втором – менее трети. В обоих случаях по трем замерам (2010, 2015 и 2019 гг.) не прослеживается определенная тенденция. По всей видимости, это связано с периферийностью относительно основной части страны этих субъектов федерации и спецификой внутрирегионального политического процесса.

Образование и укорененность.

Вторым, не всегда совпадающим, фактором, влияющим на укорененность является учеба в месте элитной карьеры. Получаемое высшее образование (если оно не заочное) создает связь индивида с местом расположения вуза. Это достаточно известно по мемуарам. Эмоциональная пространственная привязанность в период профессионального обучения, безусловно, влияет на отношение к территории. Здесь завязываются знакомства, связи, которые могут существенно влиять на дальнейший жизненный путь. Если индивид и дальше связывает свою карьеру с регионом, то наработанный социальный капитал повышает его ресурсы.

За исключением Ленинградской области везде достаточно высокая доля регионального первого образования. Лидирует Санкт-Петербург (88%), затем идет Дагестан (87%), высокие показатели у Ростовской области (84%). В половине регионов этот показатель увеличивается со временем. Надо иметь в виду, что ориентация на местное образование может иметь разные основания. Здесь важен контекст. Тем не менее, можно утверждать, что высшие учебные заведения существенно включены в подготовку политической элиты

своих регионов, что усиливает местную самоидентификацию депутатского корпуса.

Кроме того, надо отметить, что для этой категории элиты характерна территориальная устойчивость проживания: последние десять лет, за исключением Хабаровских депутатов, почти все политики проживали и работали в своем регионе. По Хабаровскому краю этот показатель равен 89%, что тоже, конечно, существенно.

Региональная карьера.

Почти во всех российских региональных легислатурах для большинства депутатов действует режим частичной политической занятости. Профессиональные политики – только часть региональных законодателей. Большинство совмещают свою деятельность в региональных ассамблеях с основной работой. Тем не менее, можно зафиксировать активность, предшествующую избранию. Подавляющая часть депутатов не являются чужаками в своих регионах, их деятельность была связана с местом их избрания. Наименьший показатель у депутатов Ленинградской области – 78%. (О специфике этого региона уже говорилось выше.) В четырех субъектах федерации (Калининградская область, Москва, Ставропольский край и Дагестан) все депутаты местных парламентов, Госдумы и члены Совета Федерации ранее работали в своих регионах. В остальных доля колеблется от 84% до 99%.

Эндогенное ядро региональных элит.

Каждая из трех рассмотренных выше характеристик региональных политиков, позволяет судить об определенном аспекте включения депутатов в контекст жизни региона. У части политической элиты эти три параметра совпадают. Эту группу можно определить как эндогенное ядро региональных политических элит. В целом по выборке 2019 года она составляет почти треть. Много это или мало? Всё зависит от социально-политической активности этой группы.

Как можно было предположить, минимальное число персон с тройным набором эндогенности оказалось в Ленинградской области (3%). Это говорит не только об ограниченности нашего формального анализа, но и о специфике этого региона, как географической, так и социально-политической, а также о фактическом отсутствии в области институтов высшего образования. Если бы не реальный региональный центр – Санкт-Петербург, то собственное воспроизводство региональной элиты было бы невозможно. Для укорененности здесь мало оснований и ресурсов.

В одном регионе (Ростовская область) эндогенное ядро превысило половину (57%). Данное обстоятельство позволяет характеризовать этот регион как весьма устойчивый в воспроизводстве региональной

элиты. У него достаточно собственных образовательных ресурсов, он имеет развитую диверсифицированную экономику., что позволяет активным гражданам в значительной степени себя проявить. Отсюда и низкая миграция населения и элиты в другие регионы.

Почти половина депутатов Новосибирской области (48%) относятся к «ядру». Здесь ситуация похожа на «лидера», что подтверждает значимость структурных и инфраструктурных факторов. Вместе с тем, эти же позитивные характеристики регионов могут действовать и ограничителями эндогенности, как это, например, в Москве и Санкт-Петербурге, действующим как пылесос, всасывая из провинции активных индивидов.

Разница между членами Федерального Собрания от регионов и региональными депутатами не столь существенна: 30% в первом случае и 32% во втором. Однако, межрегиональные различия существенны. В четырех регионах (Санкт-Петербург, Ленобласть, Костромская область, Хабаровский край) федеральные депутаты не относятся к «ядру». А в Ростовской области «федералы» оказались более эндогенными.

Статистически незначимой оказалась связь между полной эндогенностью и возрастом. Распределение оказалось примерно равным в возрастных категориях 22-40 лет, 41-55 лет и 56-80 лет. При более дробном делении (на возрастные когорты) результат оказался статистически схожим. Это может говорить о влиянии прежде всего структурных и институциональных факторов на эндогенность.

Структура элиты и проблема укорененности.

Состав политической элиты как фактор повышающий укорененность связан с характером активности политиков до или во время каденции, насколько она связана с региональными интересами. Большое количество лиц, связанных с бизнесом и хозяйством позитивно влияют на включение в систему региональных интересов и связей. Экономические интересы привязывают. В век большой мобильности капитала это может быть подвергнуто сомнению. Однако, надо учитывать характер экономической активности региональной элиты. В отличие от крупного бизнеса, имеющего федеральный и международный масштаб, в российских регионах в большинстве своем действуют региональные и местные игроки.

Конечно, заинтересованность в местных и региональных делах не всегда бывает большой. Это видно по активности в электоральном процессе и представленности в выборных органах власти крупных институционализированных экономических акторов [см.: 10]. Однако, часть хозяйственников и бизнесменов стремится получить депутатский мандат. Если сравнивать элиты десяти регионов 2015 и 2019 гг., то

можно увидеть тенденцию увеличения доли бизнесменов и хозяйственников среди депутатов. Так по выборке 2015 года доля работавших в качестве руководителей экономических структур членов политической элиты перед своим избранием была 24%, а в выборке 2019 года уже 30%. Но если посмотреть на род деятельности этих депутатов в 1995-2000 гг., то обнаружится, что экономически активными из них было примерно 44%.

Как уже отмечалось выше, почти во всех субъектах федерации (исключение – Санкт-Петербург и Чечня) большая часть депутатов не столько законодатели, сколько статисты: они лишь часть своего времени работают в качестве депутатов, основная их работа вне легислатур. Регионы сильно различаются по характеру деятельности политиков. Но общей тенденцией стало увеличение доли именно экономической активности. Среди параллельных депутатству позиций бизнес и хозяйственная деятельность на командных должностях занимает в среднем три четверти. Несколько выбивается Дагестан, где две трети вторично занятых занимаются бизнесом и Москва, где всего лишь треть находится в этой сфере. Если посмотреть на динамику вовлечения бизнеса в законодательную региональную политику, то за последние несколько лет произошел взрывной рост доли хозяйственников и бизнесменов в качестве неосвобожденных депутатов в региональных легислатурах. В 2015 году из рассматриваемых регионов только в Новосибирской области доля капитанов экономики превышала половину депутатского корпуса (59%). В 2019 году парламенты Калининградской и Костромской областей также перешагнули этот рубеж. В обоих случаях произошел почти двукратный рост. В три раза выросла доля рассматриваемой категории депутатов в Ленинградской области, в пять раз в Хабаровском крае, почти в два раза в Ростовской области и Ставропольском крае, почти в три раза в Дагестане и Москве. Помимо социально-политических и социально-экономических факторов такому развитию способствовали также изменения в федеральном законодательстве. Конечно, как отмечают исследователи, данный процесс связан с необходимостью для экономических акторов представлять свои интересы в органах власти и защищать свой бизнес [см., напр.: 11, с. 355]. Но это свидетельствует о слабости институтов гражданского общества, могущих представлять и лоббировать интересы различных групп. А в тенденции это ведет к размыванию политики и стагнации того же гражданского общества.

Связка политического института и экономической активности усиливается. Экономика политизируется (что является

общероссийской тенденцией на всех уровнях), а политика экономизируется.

Выводы.

Эндогенность членов регионального элитного сообщества существенно влияет на укорененность региональных политических элит. Зафиксирована тенденция усиления эндогенности элит, что связано частично с достаточно низким уровнем миграции в стране, а частично с усилением институционализации политических элит.

Дифференциация регионов по степени эндогенности элит достаточно большая. Это становится очевидным при рассмотрении эндогенного ядра региональных элит.

Роль инфраструктуры региона оказывается существенной для эндогенности и укорененности региональных элит.

Низкая пространственная мобильность и высокая воспроизводимость региональной элиты может свидетельствовать как о высокой степени ее институционализации, так и об ее олигархизации, сужения как бассейна рекрутирования, так и круга лиц, попадающих в элиту.

Первичная неполитическая занятость политиков, с одной стороны, действует как деполитизирующий фактор, разрушая политическую сферу и привнося в нее большую долю частного интереса. С другой стороны, такая активность способствует включению их в систему социально-экономических интересов региона. В этом отношении повышенная плутократизация способствует укорененности региональных политических элит. Хотя, сам характер их деятельности не вполне политический.

Есть еще одно следствие. Естественная «увлеченность» части депутатов неполитической активностью усиливает роль и значение освобожденных депутатов, действующих на профессиональной основе. Происходит сужение круга лиц, непосредственно занимающихся законодательной и иной политической деятельностью. Контроль уменьшается, снижается собственно политическая конкуренция. Она трансформируется в борьбу экономических групп интересов и клик. Так возникает еще один фактор, усиливающий олигархические тенденции в российской политике.

Литература:

1. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев. М.: РОССПЭН, 2004. С.131-158.

2. Всероссийская перепись населения 2002 года / Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>
3. Всероссийская перепись населения 2010 года / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
4. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году (статистический бюллетень) / Федеральная служба государственной статистики. М., 2019. Электронная версия. URL: <https://www.gks.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 10.12.2019).
5. Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой. М.: Academia; LVS, 2005. хх, 588 с.
6. IZA Research Report No. 19: Geographic Mobility in the European Union: Optimising its Economic and Social Benefits / Holger Bonin, Werner Eichhorst, Christer Florman, Mette Okkels Hansen, Lena Skiöld, Jan Stuhler, Konstantinos Tatsiramos, Henrik Thomasen, Klaus F. Zimmermann. Joint expertise with NIRAS Consultants and AMS for the European Commission. Bonn, 2008. vi, 152 p. URL: <https://www.iza.org/publications/r/111/geographic-mobility-in-the-european-union-optimising-its-economic-and-social-benefits> (дата обращения: 12.03.2011)
7. Статистика миграции по данным Росстат // Сайт «Росстат. Федеральная статистика». URL: <https://rosinfostat.ru/migratsia/> (дата обращения: 10.01.2020).
8. Юкиш В.Ф. Тенденции региональной миграции в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 9. С.245-252. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11201. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-regionalnoy-migratsii-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 10.01.2020)
9. Toscano I. Geographical and social mobility in Italy: Working paper of the University of Trento. August 2008. 23 p. URL: http://www.equalsoc.org/uploaded_files/publications/Toscano.pdf (дата обращения: 20.03.2011)
10. Витковская Т.Б. Политическое пространство промышленных городов Урала: крупные предприятия в политике и управлении // Власть и элиты. 2019. Т.6. №1. С.197-215. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.9>
11. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.

«Мягкая сила» во внешней политике Российской Федерации

Жидкова В.Ю.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
магистрант кафедры политических наук и международных
отношений*

E-mail: parahina.leriya@yandex.ru

Аннотация: *На сегодняшний день в Российской Федерации формируются собственные способы использования «мягкой силы». В данной статье автор рассматривает способы реализации «мягкой силы» в формате российской действительности.*

Ключевые слова: *«мягкая сила», публичная дипломатия, внешняя политика, социально-гуманитарный фактор.*

«Soft power» in foreign policy of the Russian Federation

Zhidkova V.Yu.

*1st year master of the Department of political science and
international relations of the Tauride Academy of the Crimean Federal
University named after V. I. Vernadsky,*

Email: parahina.leriya@yandex.ru

Abstract: *Today, the Russian Federation is developing its own ways of using soft power». In this article, the author considers ways to implement «soft power» in the format of Russian reality.*

Keywords: *«soft power», public diplomacy, foreign policy, social and humanitarian factors.*

На сегодняшний день мировая практика показывает, что современные государства имеют сильную взаимозависимость: события в одном государстве могут в разной степени повлиять на политику и экономику другого. В данном контексте продвижение национальных интересов непосредственно имеет связь с «мягкой силой».

Само понятие «мягкая сила» было введено в конце 1980-х – начале 1990-х гг. профессором Гарвардского университета Дж. Наем. Согласно Дж. Наю, «мягкая сила» — это способность оказывать влияние с целью достижения желаемых результатов скорее с помощью привлекательности, нежели с помощью принуждения или оплаты». Согласно ученому, категория «привлекательность» является самым важным качеством в реализации «мягкой силы» государства. Основные

компоненты «мягкой силы» были закреплены в таких категориях как: культура, политическая идеология и внешняя политика [1, с. 37-38].

Основной целью «мягкой силы» является воздействие на поведение других государств, соответственно, привлекательность неизбежно превращается во влияние [2, с. 10]. Как следствие, использование «мягкой силы» одного государства встречает конкуренцию со стороны других. В результате различные государства конкурируют друг с другом за внимание третьих сторон. В этих случаях разные субъекты стараются найти собственную уникальную сферу [3, с. 219]. Пути использования «мягкой силы» могут быть различными. Одним из наиболее мощных путей здесь выступает публичная дипломатия [4], которая может быть представлена в виде культурной дипломатии, экономической, спортивной и др.

Рассматривая феномен «мягкой силы» в России, отметим, что в силу ряда исторических причин в Российской Федерации активно приступили к использованию «мягкой силы» примерно с 2007 года в сфере спорта, когда Россия выиграла право проведения Олимпийских игр в 2014 г. В политической лексике российской публичной дипломатии термин «мягкая сила» был введен в официальный оборот с февраля 2012 г. Впервые этот термин использовал В.В. Путин в своей предвыборной статье «Россия и меняющийся мир», в которой «мягкая сила» была представлена как «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [5]. В 2013 году понятие «мягкая сила» было задействовано в Концепции внешней политики 2013 г., утвержденной президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 года - «мягкая сила» характеризовалась как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [6]. А затем и в Концепции внешней политики 2016 г., где сказано, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [7].

Согласно М.М. Лебедевой, в России самое распространённое понимание «мягкой силы» и явно доминирующее – это невоенные методы воздействия на противоположную сторону [3, с. 213].

Важную роль в Российской внешней политике играет публичная дипломатия, которая направлена на создание благоприятного имиджа страны за рубежом, при задействовании гражданского общества, российских общественных и неправительственных организаций (НПО). В последние годы в нашей стране сформировалось несколько десятков подобных структур, занимающихся международными проблемами. Среди них наиболее активная и заметная роль в реализации публичной дипломатии и «мягкой силы» принадлежит Общественной палате России, Совету по внешней и оборонной политике, Центру политических исследований России, Фонду поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, Российскому совету по международным делам, фонду «Русский мир», «Открытому правительству» и целому ряду других [8, с. 196].

Россия использует «мягкую силу» в контексте экономического влияния, в частности, оказывая воздействие на страны – члены ЕЭС в рамках регулирования деятельности Таможенного союза [9].

Также в «мягкой силе» могут быть задействованы высокие информационные технологии и Интернет-ресурсы, с помощью которых происходит охват широких слоев населения. Наиболее успешным примером является сайт МИД России, который является привлекательным для многих пользователей, в том числе, для молодежи [8, с. 198].

Отдельным каналом российской «мягкой силы» является Русская православная церковь и ее многочисленные приходы за рубежом. Православие является мощным гуманитарным стержнем, неся нравственные идеи и духовные ценности, обладающие высокой степенью привлекательности и сплочения.

Подводя итоги, заметим, что на сегодняшний день в Российской Федерации формируются собственные способы использования «мягкой силы» во внешней политике. Однако мощная негативная пропаганда, направленная против России, к сожалению, продвигает негативный образ России. Согласно рейтинговым агентствам, Российская Федерация редко появляется среди государств – претендентов на привлекательность в контексте «мягкой силы», зачастую в таких «номинациях» лидируют страны Запада [2, с. 12]. Однако есть исконно российские сферы, имеющие международную привлекательность, такие как: отечественные достижения в областях культуры и искусства: русский балет, театр, музыка, литература; достижения в областях науки: космические достижения, высокие технологии; достижения в образовании и спорте, особенности духовных и нравственных ценностей [8, с. 196]. Это является особенно актуальным в современной

мировой политике, где, по мнению М. Лебедровой, возрастает роль социально-гуманитарного фактора.

Литература:

1. Най Д. С. Гибкая власть. – М.: Фонд Социо-прогностических Исследований «Тренды», 2006. 224 с.

2. Алексеева Т.А. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: тезисы XXX Хараксого форума 26-30 мая 2016 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 5-21.

3. Лебедрова М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). С. 212-223.

4. Мухаметов Р.С. Специфика общественной дипломатии как инструмента внешней политики государства // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 2 (128). С. 84-90.

5. Путин В.В. «Россия и меняющийся мир» // Комсомольская правда. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/25842/2813756/>

6. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // Информационно-правовой портал Гарант.ру URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>

7. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Информационно-правовой портал Гарант.ру URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/>

8. Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. Электронный вестник, 2015. № 48. С. 189-205.

9. Агеева А.В. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике России // Власть. 2018. №4. С. 59-63.

**Память о Великой Отечественной войне через призму
студенческой науки**

Жидкова В.Ю.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
магистрант
e-mail: parahina.leriya@yandex.ru*

Щегинина Е.А.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
студент
e-mail: dmnp1994@mail.ru*

Аннотация: в данной статье авторы рассматривают феномен исторической памяти, делая акцент на важности восприятия исторической памяти молодыми поколениями. В исследовании проводится анализ деятельности студенческого научного общества через призму исторической памяти о Великой Отечественной войне. Выявлены наиболее эффективные способы передачи исторической памяти о Великой Отечественной войне в студенческих научных исследованиях.

Ключевые слова: историческая память, преемственность, Великая Отечественная Война, память о Великой Победе, студенческая наука, каналы передачи исторической памяти, молодые поколения, личная историческая память.

**Memory of the Great Patriotic war through the prism of student
science**

Zhidkova V.Yu.

*Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky,
master's degree student
e-mail: parahina.leriya@yandex.ru*

Shchetinina E.A.

*Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky,
student
e-mail: dmnp1994@mail.ru*

Annotation: in this article, the authors consider the phenomenon of historical memory and carry out its theoretical generalization. Consider the role of historical memory in the development of the state. The authors emphasize the importance of «perception» of historical memory by young generations. The study analyzes the work of the student scientific society in relation to events dedicated to the great Victory. The most effective ways of transmitting the historical memory of the great Patriotic war in student research are revealed.

Keywords: historical memory, continuity, the Great Patriotic War, memory of the great Victory, student science, channels of transmission of historical memory, young generations, personal historical memory.

Историческая память является памятью социальной, из чего следует, что историческая память выступает одним из важнейших ресурсов консолидации социальных групп. Самым важным событием, с которым ассоциируют себя граждане России, является архетип победы в Великой Отечественной войне [3, с. 19]. Исходя из того, что историческая память направлена, в первую очередь, на воспитание морально-нравственных качеств и формирование преемственности ценностей поколений, проработка каналов передачи и способов сохранения исторической памяти особенно важна для молодёжи. Одним из таких каналов являются студенческие научные исследования.

Объектом данного исследования является феномен исторической памяти. *Предметом* выступает сохранение памяти о Великой Отечественной войне посредством студенческой науки.

Цель статьи - определить существующие способы трансляции, а соответственно и сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне через призму студенческой науки.

Задачи:

- 1) охарактеризовать сущность феномена исторической памяти;
- 2) изучить специфику общей, групповой и личной исторической памяти;
- 3) выявить наиболее эффективные способы передачи исторической памяти о Великой Отечественной войне в студенческих научных исследованиях.

Основная часть исследования.

Историческая память является частью социального сознания группы и находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой, перманентно трансформируясь согласно потребностям общества.

Впервые идея социальной обусловленности памяти была озвучена французским социологом и философом Морисом Хальбваксом. Он считал, что данный феномен имеет социальную сущность, так как само общество ограничивает воспоминания, воздвигая некие рамки, в границах которых

те могут существовать. Коллективная память, формируемая внутри социальных групп, необходима для выживания коллектива посредством сохранения групповой идентичности за счет общих воспоминаний о тех или иных событиях [11]. То есть сохранение исторической памяти о минувших событиях зависит от сохранения социальных коллективов, запечатлевших и удерживающих данные воспоминания.

В рамках труда Мориса Хальбвакса французский ученый Пьер Нора в 80-е годы XX столетия создает концепцию «мест памяти». В его понимании *lieux de memoire* (места памяти) могут быть различны в своей форме и зачастую не подразумевают четких географических координат, так как главная роль – символическая. К таковым можно отнести людей, книги, песни, здания, различные предметы и события, которые стали объектами коллективного памятования. Основной функцией мест памяти является сохранение памяти среди определенной группы, что критически важно для самосознания этнических меньшинств, религиозных групп и др. [4, с. 26]. Также идея общности прошлого занимает весомое место в формировании национальной идеологии, «национальное государство конструирует свою единую общественную сферу исторически. Но чтобы история могла формировать историческое сознание общества, она должна соответствовать ряду условий: быть линейной (одна история – одно национальное государство), непрерывной (в ней не должно быть лагун), прогрессивной (должна порождать ощущение верного пути) и цивилизаторской (вносить прогрессивный вклад в развитие человечества)» [6, с. 43].

По мнению Л.П. Репиной, «историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [10, с. 42].

Как подчёркивает Пьер Нора, «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным и настоящим» [4, с. 20]. Это не исторические знания, это интерпретация событий прошлого различными субъектами, которые транслируют свои чувства и ощущения в настоящем [9]. На основе этих субъектов можно выделить несколько видов исторической памяти – общую, групповую и личную.

Так общая историческая память – это суммарное представление об истории, совокупная оценка исторической судьбы государства, нации, этноса. Данное обстоятельство является одним из основообразующих факторов существования народа, так как происходит консолидация общества за счет чувства единства исторической судьбы.

Групповая историческая память подразумевает, что каждая социальная группа имеет собственную версию истории и собственную историческую память. И несмотря на исторические факты, интерпретация их значимости и удельного веса будет разной в зависимости от социальных и культурных особенностей определенной социальной общности.

Личная же историческая память прежде всего формируется благодаря институту семьи. Данный вид исторической памяти всегда субъективен в восприятии, так как события прошлого напрямую затрагивают человека, они включены в его жизненный опыт за счет непосредственного общения с участниками событий.

Различные в своем содержании виды исторической памяти всё же выполняют одну значимую роль – воспитание морально-нравственных ценностей граждан, формирование ответственности за развитие государства.

На качество сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне непосредственно влияют каналы её передачи. На каждом этапе человеческого развития преобладают те или иные способы передачи различной информации, отражая при этом особенности коммуникационной среды.

В настоящий момент большую роль в формировании исторической памяти в молодёжной среде играет Интернет и различные ресурсы, платформы, функционирующие благодаря сетевым сообществам. Теперь можно с легкостью найти данные о том или ином событии. Но несмотря на рост количества источников информации о ВОВ, новых каналов её передачи, историческая память всё же приобретает разрозненный характер. Из-за разнообразия и разноплановости источников, становится труднее воссоздать общую, цельную картину исторических событий.

В условиях международной конкуренции, которая обостряется с каждым годом, особое значение приобретают различные технологии, направленные на фальсификацию истории. Каналы фальсификации имеют различный характер от «лже-блогинга», фальсифицирующего исторические события, до мягкой силы, к примеру, зарубежного кинематографа, умаляющего роль Советского Союза в победе во Второй мировой войне. В связи с этим президент России В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию от 15 января 2020 года особо отметил значение сохранения правды о Великой Отечественной войне, которая обязана противостоять попыткам фальсификации её истории: «Наша память - не только дань уважения историческому прошлому, она служит нашему будущему, она закрепляет наше единство. Мы должны защитить правду о Победе, иначе что скажем нашим детям, если ложь как зараза будет распознаться по всему миру? Наглому вранью и попыткам переиначить историю мы должны будем противопоставить факты» [2].

Главная опасность заключается в том, что «частичное или полное забвение исторического опыта и культуры затрудняет существование и формирование гражданского самосознания нации» [8, с. 201-204]. Именно поэтому значимым является внесение в статью № 67 пункта 3 Конституции Российской Федерации поправки, которая звучит следующим образом: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [5].

В данном контексте особенно важным является сохранение исторической памяти в студенческой среде, ведь это поколение, которое уже в ближайшее время будет у руля государственного управления.

В связи с этим важную роль приобретает актуализация личной исторической памяти. Информирование молодежи через семейную биографию в конечном итоге приведет к появлению интереса и к прошлому государства, в истории которого переплетены судьбы близких людей.

Благодаря развитию информационных технологий стало возможным формирование баз данных с оцифрованными документами, рассказывающими о подвигах участников ВОВ. В своем послании Президент России Федеральному Собранию от 15 января 2020 года В.В. Путин заметил: «В России будет создан крупнейший и самый полный комплекс архивных документов, кино- и фотоматериалов по Второй мировой войне, доступных и для наших граждан, и для всего мира. Такая работа – наш долг как страны-победительницы и ответственность перед будущими поколениями» [7]. Работа в данном направлении поможет в преодолении попыток фальсификации истории Великой Победы, умаления подвига граждан Советского Союза в победе во Второй мировой войне.

В России уже существуют платформы, где можно установить судьбу родственников, принимавших участие в Великой Отечественной войне, ознакомиться с подлинными архивными документами и даже изучить боевой путь родственника. Данными российскими порталами являются «Память народа», а также «Подвиг народа», где информация постоянно обновляется по мере рассекречивания документов.

Также существуют проекты, в которых каждый желающий гражданин может принять участие. К примеру, создан проект «Дорога памяти», это формирование в Главном храме Вооруженных Сил России современной галереи с помощью медиа технологий с фотографиями участников Великой Отечественной войны. Участие в данном проекте предполагает размещение фотографий из семейных архивов и кратких историй о своем родственнике, сражавшемся за Отечество. На сегодняшний день данный проект собрал более 33 миллионов фотографий и записей об участниках Великой Отечественной войны.

Личный интерес даёт возможность и другим каналам более эффективно доносить информацию, в том числе и при помощи студенческих научных исследований, так как «наука воздействует на рациональный уровень сознания» [6].

Актуальными являются историко-патриотические мероприятия, лекции, акции, которые формируют в студенческой среде морально-нравственные ценности. Данные мероприятия могут иметь различный масштаб от факультетского до всероссийского. По-нашему мнению, именно факультетский уровень имеет особую важность, когда студенты проявляют личную инициативу в проведении подобных мероприятий.

С нашей точки зрения, наиболее эффективным способом передачи исторической памяти о Великой Отечественной войне в современных условиях является институт семьи. А обмен личными переживаниями на групповом уровне консолидирует общество.

В качестве примера рассмотрим деятельность Студенческого научного общества «Школа молодого политолога» философского факультета Таврической Академии Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского (СНО ШМП). Члены СНО ШМП – студенты и аспиранты-политологи активно принимали участие в конференциях, круглых столах, посвящённых теме Великой Отечественной войны. Участвовали во всероссийской благотворительной акции «Свеча памяти», где на сайте деньпамяти.рф зажигали свечи в память о ветеранах Великой Отечественной войны. Также желающие студенты могли принять участие в благотворительной акции «Мечта ветерана» на официальном сайте мечтаветерана.рф.

Также представители СНО ШМП выступили организаторами акции «Стена памяти». Проект предполагал, что члены СНО ШМП расскажут истории о своих родственниках, принимавших участие в Великой Отечественной войне. В связи с дистанционным форматом обучения, данная акция прошла в Социальной сети «ВКонтакте» в сообществе СНО ШМП. Истории студентов были представлены в виде постеров, содержащих фотографию родственника и краткую историю его боевого пути. Важным, на наш взгляд, является личная инициатива студентов, предложивших проведение интересного для всех членов СНО ШМП историко-патриотического мероприятия. Как мы видим, участие студентов в мероприятиях, посвящённых теме Великой Отечественной войны, актуализирует историческую память и поднимает патриотический дух молодёжи.

Выводы.

Подводя итог сказанному, отметим, что правда и память – понятия глубоко личные, которые проходят через душу и сердце человека, а духовное наследие Великой Победы является для молодых поколений основой преемственности духовных и культурных традиций нашего народа, формирования социальной ответственности, передающихся из поколения в поколение. В качестве подтверждения сказанного выше приведем слова Президента РФ В.В. Путина из его статьи «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим»: «Война оставила глубокий след в истории каждой семьи. За этими словами – судьбы миллионов людей, их страдания и боль потерь. Гордость, правда и память (...). Для меня и моих сверстников важно, чтобы наши дети, внуки, правнуки понимали через какие испытания и муки прошли их предки. Как, почему смогли выстоять и победить? Откуда взялась их поистине железная сила духа, которая удивляла и восхищала весь мир?» [9].

Литература:

1. Беляев Е.В., Линченко А.А. Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. 2016. №2. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-tsennosti-massovogo-istoricheskogo-soznaniya-v-sovremennoy-rossii-problemy-i-protivorechiya>
2. Вильф А. Путин заявил о необходимости сохранения правды о Великой Отечественной, 15.01.2020 // РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20200115/1563439656.html>
3. Исаева Ю.В. Историческая память о Великой Отечественной войне как духовно-нравственная основа патриотического воспитания молодежи // *Вестник государственного и муниципального управления*. №4 (15), 2014. – С. 18-24. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-kak-duhovno-nravstvennaya-osnova-patrioticheskogo-vospitaniya-molodyozhi/viewer>
4. Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. Проблематика мест памяти // *Франция-память*. – СПб.: Изд-во СПбГУ. – 1999 – С. 17-50.
5. Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? // Официальный сайт ГД СФ РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/>
6. Положенцева И.В., Кашенко Т.Л. Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // *Власть*. 2014. №12.

[Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-istoricheskoy-pamyati-i-aktualizatsiya-lichnoy-istoricheskoy-pamyati-studentov>

7. Послание Президента Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

8. Проказина Н.В. Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне // Казанская наука. – 2014. – № 7. – С. 201–204.

9. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527>

10. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5 – С. 33–45.

11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3. – С. 8–27.

Косово и Метохия между Россией и Австро-Венгрией на рубеже XIX-XX веков

Заркович С. Весна

доктор исторических наук

*Институт сербской культуры, Приштина - Лепосавич, Сербия,
старший научный сотрудник*

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

Аннотация: *В данной статье рассматривается влияние России и Австрии на развитие событий в Косовском вилайете на рубеже 19 - 20 веков. В качестве заинтересованных сторон они пытались сохранить принцип status quo, который оказывал значительное влияние на внутривластные отношения между христианским и мусульманским населением. Такая позиция России и Австрии нашла свое отражение и во внешней политике малых балканских стран.*

Важное место в развитии австро-венгерско-российских отношений, от которых, в частности, зависело и существование Османской империи, заняла Сербия. Многочисленное сербское население, проживающее в этой части Турции, подвергалось ежедневному давлению и убийствам со стороны Арбанасов, чья деятельность часто координировалась извне и, прежде всего, с территории Австро-Венгерской империи. Сербия, посредством своих и при помощи российских консульств, оказывает помощь сербскому

народу, который все еще не является свободным. Существуют многочисленные примеры помощи сербскому народу, пришедшей с стороны России. В отличие от представителей со стороны России, австро-венгры подстрекали Арбанасов к новым преступлениям, в которых они усматривали способ достижения своих целей и дальнейшего вторжения на юг.

Ключевые слова: Косово и Метохия, Россия, Австро-Венгрия, Османская империя, Сербия, сербы, Арбанасы.

Kosovo and Metohija between Russia and Austria-hungary at the turn of the 19th and 20th centuries

Zarkovic S. Vesna

Institute for Serbian Culture, Priština / Leposavić, Serbia

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

Abstract: *This paper discusses the impacts of Russia and Austria-Hungary on the events in Kosovo villayet at the turn from the 19th into the 20th century. These two interested parties had advocated the principle of status quo which strongly reflected on the internal political relations among Christian and Muslim population. Such attitude of Russia and Austria-Hungary reflected on the foreign policy of small Balkan's countries.*

An important place in the Austro-Hungarian-Russian relations, out of which somewhat depended the survival of the Osman's Empire, took up Serbia. Numerous Serbian population which was living in this part of Turkey was being exposed to everyday pressures and oppressions of the Albanians, which were frequently coordinated from outside, first of all by Austria-Hungary. Serbia was providing with help their still non-liberated people via its and Russian consulates. There are numerous examples of help provision to Serbian people coming from Russian part. Differently from Russians, Austria-Hungarians had encouraged the Albanians to commit new crimes in which they saw the way for the achievements of their objectives and further penetrating the south.

Keywords: *Kosovo ad Metohija, Russia, Austria-Hungary, Osman's Empire, Serbia, Serbs, Albanians.*

Косово и Метохия, как часть Османской империи, были во второй половине XIX и начале XX века предметом заинтересованности великих держав и малых балканских государств, каждый из которых рассматривал эту территорию как полигон для реализации своих личных интересов. Россия и Австрия являлись самыми серьезными претендентами, а из балканских государств выделялась Сербия,

которая, как независимое государство после Берлинского конгресса, активизировала свою внешнюю политику в сторону юга.

Однако внешняя политика Сербии должна была учитывать многочисленные проблемы и трудности, с которыми она столкнулась после Берлинского конгресса. Прежде всего, перед ней стояла задача устранить негативные последствия, вызванные деятельностью болгарского экзархата в Македонии и Старой Сербии. Кроме этого, Сербия должна была учитывать тот факт, что Болгария, которая окружила Сербию от Тимока до Косово-Поля, имела хорошо обученную и укомплектованную оружием армию, и являлась самым опасным соперником в Македонии. Кроме Болгарии, необходимо было предотвратить намерения Австро-Венгрии, которая уже оккупировала Боснию и Герцеговину и которая, согласно договору с Османской империей, имела право территориально продлить оккупацию до города Митровица. Этот договор привел Австро-Венгрию на Балканы и открыл возможность ее дальнейшего вторжения на юг [1, с. 81].

Важным фактором и главным связующим звеном для реализации своих идей Австро-Венгрия считала арбанасов - самых жестоких противников сербского населения на просторах Старой Сербии. Кроме указанных существовали и другие многочисленные трудности, с которыми Сербия столкнулась в момент оказания помощи своим братьям в Старой Сербии. Вот почему путь опоры на Россию, выбранный правительством Джордже Симича, был в тот момент самым правильным по нескольким причинам. Прежде всего, Россия была тогда самым мощным фактором в Константинополе, и ее дружба была необходима также для Болгарии и Черногории, соперников Сербии в Македонии и Старой Сербии. Без согласия России на этом поприще не могло быть серьезных изменений [1, с. 82].

В зависимости от обстоятельств и других внешних факторов, Россия в большей или меньшей мере, но всегда присутствовала на Балканах. Она сыграла важную роль в сохранении православия и служила серьезным препятствием на пути вторжения римского католицизма на восток. Предоставление помощи и обеспечение защиты со стороны России зависело в определенных моментах от участия сербской дипломатии. На такие мысли нас наводят слова Игнатьева, который на упрек одного сербского посланника и его хорошего друга в предвзятом отношении в Сан-Стефано, уверял своего коллегу: «Российская дипломатия руководствуется желанием быть справедливым судьей для балканских народов, которым оказывает помощь безвозмездно и только по причине чувства долга, которое она питает по отношению к своим слабым братьям и православным

христианам; и если были допущены некоторые ошибки, она всегда готова исправить эти пропуски» [1, с. 85-86].

В проведении "восточной политики", которая некогда занимала главное место, Россия опиралась на Францию. Таким образом, она хотела предотвратить возможные осложнения на Балканах и в Османской империи в целом. По мнению российской дипломатии, осложнения могли привести к решению Восточного вопроса, обусловив при этом невыгодные для России уступки и ухудшив положение балканских народов и больше всего сербского.

В то время, когда Россия была занята решением "восточного вопроса", английское правительство пыталось заставить ее вступить в войну с Турцией. Чтобы сдержать деструктивные намерения англичан и одновременно предотвратить раздел Османской империи, Россия вынуждена была подписать *status quo* с турками. Влияние России среди балканских стран было достаточно сильным, что создавало значительные препятствия для осуществления замыслов Англии. Вот почему англичане пытались разорвать дружественные отношения между Россией и Турцией, чтобы расположить к себе и завоевать доверие у христиан на Балканах. Таким образом, Россия оказалась бы в незавидном положении и ее превосходство на международной арене было бы поставлено под сомнение. Единственно верное решение, которое могло принести пользу российской стороне, было сближение христианских государств на Балканах, и поэтому Россия посоветовала им установить хорошие отношения с Турцией и таким образом способствовать сохранению положения *status quo* [1, с. 87-88].

Помимо Англии, крупнейшим противником России на территории Старой Сербии была Австро-Венгрия. С одной стороны, Россия помогала сербам в Старой Сербии, а с другой Австро-Венгрия поддерживала арбанасов. В своих намерениях Австро-Венгрия зашла так далеко, что в кабинетах немецких и австрийских ученых была выдумана теория илирийского происхождения албанцев, как древнейшей нации в Европе. Арбанасы охотно приняли и распространили эту теорию, и пропаганда при помощи политических кругов постепенно стала доступной для широких масс населения. Возникшая ситуация имела стратегическую цель и должна была служить орудием для формирования единой нации, объединяющей все вероисповедания [2, с. 73]. В отличие от австро-венгров в 1861 году в Сербии появилась книга "*Сербам. Послание из Москвы*", напечатанная в Лейпциге в 1860 году. Русское послание было написано на русском и сербском языках и было подписано одиннадцатью выдающимися русскими писателями и славянофилами. Это была своего рода рекомендация для сербов остерегаться народов, не являющихся

православными, чтобы их не постигла та же участь, что и чехов, и поляков, попавших под их власть. Фактически, это письмо было предупреждением для сербов не доверять западным народам и оставаться верными православию и славянству [3, с. 185-186]. Практически, на местах выяснилось, что австро-венгерские консулы в Старой Сербии действовали полностью противоположно своим русским коллегам. В Старой Сербии они культивировали политику сербофобии, и их нечистоплотная кампания была направлена не только против сербов, но и против русских. Это подтверждает один из эпизодов деятельности австрийского дипломата из Скопье Бечу Бошняка, который, следуя за католическим попом из косовской деревни Янева, обратился к сербам в Приштине: «Если бы вы были католиками, я бы и вас так же сопровождал и защищал, и никто не посмел бы вас тронуть, но поскольку вы православные, вы будете непрерывно страдать, потому что Россия безучастна к вам, а Сербия слаба, чтобы защитить вас... Разве вы не видите, что для вас будет лучше, если вы перейдете из православия в католичество и окажетесь под защитой могущественного императора Австрии?» [4, с. 17].

На положение Сербии между Россией и Австрией указывала историография Дуалистической монархии. Она считала, что роль Сербии в отношениях двух соперниц была подчинена славянофильской пропагандистской кампании и военно-политическим кругам России в целях оккупации турецких территорий на Балканах и не оказывала существенного влияния на развитие событий в Османской империи [5, с. 285].

В балканской политике Россия многократно указывала на то, что она руководствовалась не только своими интересами. Это подтверждает факт, что со стороны России была предоставлена помощь кабинету Стояна Новаковича, который незадолго до этого отказался от старой прогрессистской политики, в которой Австро-Венгрия играла ведущую роль, и ясно и открыто искал опору в русско-славянских кругах [1, с. 110]. В 1896 году Стоян Новакович возглавил прогрессистскую партию и придал ей русофильское направление [6, с. 597-601; 7, с. 11]. Новакович хорошо знал, что многие вопросы, касающиеся отношений с Османской империей, остаются открытыми. Несмотря на то, что после Берлинского конгресса Сербия обрела независимость и возможность территориальной экспансии, значительная часть сербского населения все еще находилась под властью Турции. Вот почему Сербия поставила перед собой главную задачу обеспечить защиту интересов своих соотечественников в Турции. В этом вопросе удалось достичь определенных успехов благодаря работе сербских дипломатов, которые прилагали

значительные усилия в этом отношении. После семнадцатилетней работы с заранее неизвестным результатом между Сербией и Турцией была заключена Консульская конвенция, хотя переговоры о ее заключении велись с 1879 года. В реализацию этой важной для Сербии задачи большой вклад внес Стоян Новакович, который был исключительным знатоком проблематики европейской Турции этого времени. И поэтому в октябре 1886 года он был назначен посланником в Константинополь. В его национальной работе, которая предполагала организацию многочисленных легальных сербских культурно-образовательных учреждений, ведущее место занимала деятельность, связанная с открытием сербских консульств в Турции, что стало возможным благодаря временной Консульской конвенции [8, с. 120].

Сербия воспользовалась этим правом и открыла свои консульства сначала в Салониках и Скопье в 1887 году, а затем в Битоле и Приштине в 1889 году [9, с. 277; 10, с. 176]. Открытие консульств на территории старой и южной Сербии имело колоссальное значение, как для правительства в Белграде, так и для сербского народа, проживающего в этих районах. До этого сербы могли рассчитывать только на помощь и защиту российских консулов, которые в качестве посредников представляли сербов во время общения с турецкими властями в Косовском вилайете и перед Портой через русского посла в Константинополе [9, с. 275]. Для сербов в центральной части Косово деятельность русского консула в Призрене имела огромное значение [11, с. 29-34]. Но, поскольку нападения на сербское население усиливались и умножались, а российское консульство в Призрене находилось на значительном расстоянии от мест конфликта и было не в состоянии оказать быструю помощь сербам, возникла острая необходимость открыть сербское консульство в Приштине. Место для открытия консульства было тщательно выбрано - в центре Косовского вилайета, где были совершены наиболее жестокие злодеяния против сербов. Позже подтвердилась большая правильность и польза открытия консульства. Активная деятельность сербских и российских консулов не позволила многим арбанасам совершать в отношении сербов преступления, которые были настолько многочисленны, что не поддавались исчислению. Насколько тяжелой была ситуация для сербского народа в Косовском вилайете, подтверждает тот факт, что в период с 1880 года по июнь 1899 года около 60 000 человек переселились из Старой Сербии в Сербию, и помимо этого было зарегистрировано большое количество убитых [12, с. 254].

Активность России, деятельность ее посланников в Константинополе и других европейских столицах, а также работа ее консульств на территории Старой Сербии являлись предметом

заинтересованности австро-венгерской дипломатии. Каждый, даже самый незначительный поступок и любое передвижение русских консулов с особой тщательностью отслеживалось их австро-венгерскими коллегами. Несмотря на то, что еще после греко-турецкой войны 1897 года между Россией и Австрией был подписан договор о поддержании мира и *status quo* на Балканах, Дуалистическая монархия ждала подходящего момента для достижения своих целей, заложенных в принципе *Drang nach Osten* [13, с. 111-112]. В то же время, после подписания соглашения между этими двумя «многовековыми врагами», два министра иностранных дел - Голуховский и Муравьев направили послания сербскому, болгарскому и черногорскому правительству. Эти послания, имевшие почти идентичное содержание, в которых указывалось на тактичное поведение правительств балканских стран в греко-турецкой войне, преследовали еще одну цель. Это был способ указать балканским государствам на тот факт, что и Россия, и Австро-Венгрия пристально наблюдают за развитием событий на Балканах, особенно в европейской части Османской империи.

Взаимное соперничество между двумя противницами – Россией и Австро-Венгрией, как обратил внимание и профессор Душан Т. Батакович в своей книге «Косово и Метохия: история и идеология», обострилось в 1901 году во время Колашинской аферы [2, с. 73]. Территорию Ибарского Колашина составляли около сорока сербских деревень, и она находилась недалеко от границы с Сербией. Из-за своего стратегического положения и проживания сербов, она представляла собой главное препятствие для Австро-Венгрии, которая рассчитывала, что через эту территорию будет проложена железная дорога, соединяющая Боснию и Герцеговину, и через долину Вардара она сможет пробиться на юг и выйти к морю. Австро-Венгрия сыграла важную роль в этих событиях, потому что считается, что она взятками, подкупам и дарами подстрекала местных арбанасских лидеров, убеждая их совершать различные преступления против беззащитного сербского населения. В этих жесточайших арбанасских нападениях, которые ознаменовали 1901 год, не щадилась ни женщины, ни дети. Тем не менее, сербское население Ибарского Колашина и его окрестностей сумело избавиться от гибели, благодаря непосредственному участию русского консула в Скопье Виктора Машкова, которого назначил русский посланник из Константинополя Иван Зиновьев. Машков рискнул своей жизнью и приехал в этот район, чтобы лично увидеть реальную ситуацию на местах. До приезда он знал об арбанасских злодеяниях, но с сомнением относился к информации, которую постоянно получал от сербского консула из Приштины Симы

Аврамовича. Однако его присутствие на местах совершения преступлений убедило его в обратном. Арбанасы совершали такое огромное количество злодеяний против сербов, что их счет не поддавался проверке [Конкретнее о событиях в Ибарском Колашине см. 14]. Прямым последствием событий на территории Ибарского Колашина стало открытие российского консульства в Косовской Митровице [15, с. 139-153]. Султан дал согласие на его открытие в 1902 году, но из-за противодействия местных арбанасов русский консул вошел в город только в 1903 году. Арбанасы не забыли и не простили русским участие в колашинских событиях. Враждебные действия по отношению к первому русскому консулу в Митровице Григорию Степановичу Щербине закончились его убийством. Мужество, которое проявил русский консул, оставило неизгладимое впечатление на сербский народ. На просьбы и предупреждения быть осторожным ради его же безопасности он ответил: «Моя смерть не принесет вам, сербам, счастья. Моя смерть освободит вас» [16, с. 371]. Спустя всего несколько месяцев, такая же судьба постигла и российского консула в Битоле Александра Аркадьевича Ростковского [17, с. 129-144]. Австро-венгерский консул после назначения в Митровицу не имел никаких проблем, связанных с личной безопасностью, и безучастно относился к судьбе своих российских коллег. Ибо вскоре, после открытия российского консульства, было открыто австро-венгерское консульство в Митровице.

События, имевшие место в Ибарском Колашине и Митровице, оказали непосредственное влияние на политику королевства Сербия, и она обернулась в сторону России, которая в то время была ее единственной защитницей. Для этого были созданы реальные условия, потому что Стоян Новакович уже занимал место посланника в Петрограде. После значительных перемен в русско-сербских отношениях, которые сложились на рубеже XIX и XX веков, Новакович не скрывал огромную радость и удовлетворение и сказал, что «с тех пор, как у меня появилось собственное мнение, и я занял определенную позицию в политике, я понял, что сущность интереса Сербии и нашей династии состоит в создании и поддержании самых крепких и сердечных отношений с Россией, несмотря на некоторые рассуждения о том, что русские нам когда-то делали, или делают или не делают" [18, с. 182]. Вначале он несколько раз отказывался от предложения поехать в Петербург, ссылаясь на состояние здоровья, но в итоге принял предложение, и по приказу короля Александра 5 сентября 1900 года он был назначен посланником Сербии в России [18, с. 183].

Начало XX века принесло сербам и другим христианам в Косовском вилайете новые испытания, которые стали реальной

основой того, что вместе с Россией и Австро-Венгрией, ситуацией заинтересуются Великобритания, Франция и Италия, а также балканские страны Сербия и Черногория. Заинтересованные стороны начали оказывать давление на Порту и требовать улучшения положения христианского народа. Чтобы избежать вмешательства великих держав, прежде всего России и Австро-Венгрии, которые в соответствии с главой 23 Берлинского договора имели право защищать христиан, Порту в кратчайший срок подготовила и обнародовала программу реформ для румелийских вилайетов [19, с. 50]. Реформы должны были охватить все сегменты политической, социальной и экономической жизни. Однако арбанасы сопротивлялись и не желали перемен, которые бы для них означали утрату безграничных привилегий. По всему Косовскому вилайету они проводили различные собрания, на которых заняли позицию, что они категорически против реформ и произошли столкновения с турецкой армией. Эти события вместе с восстанием в Македонии помешали осуществлению реформы. Неспособность Османской империи предотвратить возникшую ситуацию привела к еще большему вовлечению России и Австро-Венгрии. В октябре 1903 года представители двух стран договорились в Мюрцштеге о проекте реформы, который, в сущности, являлся дипломатическим вмешательством в Османскую империю [20, с. 240].

В "сотрудничестве" такого типа между Россией и Австро-Венгрией, особенно когда речь шла о Османской империи, важное место занимали Сербия и ее народ, находившийся под властью Турции. Укрепление Сербии и ее активное присутствие в Косовском вилайете не устраивало Австро-Венгрию, которая рассматривала эту территорию, как зону продвижения своих интересов. Действия, предпринятые Сербией для защиты своих соотечественников, внимательно отслеживались в австро-венгерском консульстве в Скопье, средоточии Косовского вилайета. Ее консул Богумил Пара в своих докладах называл такой вид защиты "великосербской пропагандой", а все усилия и результаты социально-политической и культурно-просветительской жизни сербов в Турции - "прорывом великосербской пропаганды" [21, с. 249]. Такой способ понимания австро-венгерскими официальными лицами деятельности Королевства Сербии в Османской империи будет способствовать дальнейшему осложнению отношений между двумя соседями и приведет к открытой нетерпимости и окончательному разрыву связей, особенно после 1904 года.

Политику, которую Австро-Венгрия проводила после 1900 года, русская газета «Новое время» оценила как двойную. По мнению авторов газетной статьи, существовало две Австрии, где первая

официально выступала за политику «невмешательства», а другая также официально, но политически тайно работала над укреплением своего влияния и, одновременно, подрывала влияние других государств [22, с. 11, док. 6]. В подтверждение этой оценки австро-венгерской политики со стороны России говорит тот факт, что Австро-Венгрия при помощи безупречно развитой шпионской сети и своих официальных представителей в районе Косовского вилайета подкупала арбанасских предводителей - жесточайших истязателей сербского народа. С их помощью она намеревалась изгнать сербский народ и создать условия для дальнейшего вторжения, или, как заметил консул Королевства Сербия в Приштине Сима Аврамович, для дальнейшего захвата. Австро-венгерскую официальную политику, за которой по пятам следовала католическая пропаганда, консул Аврамович расценивал как большую опасность для сербского народа. Он озабоченно отмечал, что за сорок лет существования австро-венгерского консульства, Призрен не посетил ни один серб, кроме двух или трех, которых он называл «неопасными спекулянтами» [23; 4, с. 174-176].

Истинные намерения Австро-Венгрии раскрылись во время проведения реформы в Османской империи. Этому вопросу было уделено первоочередное внимание, так как он выражал интересы определенных государств, в частности Дуалистической монархии, которая выделяла себя и Россию как «наиболее заинтересованные стороны», настаивая на том, чтобы ее жандармерия получила скопьянский район и выступая против вхождения Италии в район Битоля. В ходе переговоров Австро-Венгрия ссылалась на права, которые получила в Санджаке после Берлинского конгресса, и тем самым вызвала еще большее недоверие со стороны других крупных держав Европы и Балкан [24, с. 57]. Из-за шагов, которые исходили со сторон Австро-Венгрии, в Сербии росло беспокойство. Впоследствии оно увеличилось в связи с осложнением ситуации на востоке и вступлением России в войну с Японией. Поражение в Японии и революционное движение, которое в то время охватило Россию, ослабило ее влияние на Балканах. События на Дальнем Востоке благоприятствовали австро-венграм, которые считали арбанасов главным оружием для достижения своих целей, и поэтому арбанасы активировали деятельность, направленную против сербов [25, с. 129-142]. Арбанасские злодеяния ежедневно увеличивались, и в период с сентября 1904 года по сентябрь 1906 года в Старой Сербии было зафиксировано 621 убийство, 53 насилия в отношении сербских женщин и девушек, 135 случаев насильственного обращения в ислам, шантаж на сумму 7 000 лир или 161 000 динаров. Мирное население,

около 1 628 человек, чувствуя себя беззащитным, было вынуждено спастись в Сербии или Черногории [2, с. 90].

Свидетель событий в России того времени, посланник Сербии в Петрограде Стоян Новакович оценил сложившуюся ситуацию и выразил обеспокоенность в письме к своему другу Вальтазару Богишичу следующими словами: «Больно нам, славянам, смотреть на разрушение этой нашей славянской опоры. Лучше бы я не приезжал, чтобы не видеть этого своими глазами" [10, с. 200; 25, с. 140]. Суждения Новаковича вызвали недоумение и смятение в рядах сербских политиков, которые стали задумываться о поисках других возможностей для получения помощи. Министр иностранных дел Королевства Сербия считал, что прежде всего необходимо правильно сформулировать вопрос: хотела ли Россия или могла помочь сербскому народу? [26, с. 391, док. 15]. В любом случае, несмотря на то что Россия искренне хотела помочь сербскому народу в Старой Сербии, она была слишком занята своими внутренними проблемами.

Из года в год ситуация на Балканах усложнялась и ухудшалась сначала под неблагоприятным влиянием Балканских войн с последующей кульминацией вначале первой мировой войны. В этот период времени две наиболее заинтересованные страны, Россия и Австро-Венгрия, заняли полностью противоположные позиции. На первый план выходят планы и политика Дуалистической монархии, разрабатываемых ею на протяжении десятилетий, только на этот раз дипломатию заменило оружие.

И спустя более сотни лет ситуация в Косово и Метохии не изменилась к лучшему. Сербский народ и сегодня находится в беззащитном положении, подвергаясь жестокому обращению со стороны албанских экстремистов – безжалостных марионеток в руках своих западных вождей. Одним словом, положение сейчас такое же, как и на рубеже XIX и XX веков, только действующие лица другие.

Литература:

1. Одјек, год. 1898.
2. Батакович Д. Т. Косово и Метохија, историја и идеологија. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. 399 с.
3. Војводић М. Стојан Новаковић и Русија // Изазови српске спољне политике (1791-1918), огледи и расправе. Београд: Историјски институт, 2007. С. 185-202.
4. Перуничкић Б. Зулуми ага и бегова у Косовском вилајету 1878-1913. Београд: Нова књига, 1989. 670 с.

5. Стојанчевић В. Сукоб Аустро-Угарске и Србије у Косовском вилајету 1900-1914. // Срби и Арбанаси 1804-1912. Нови Сад: Прометеј, 1994. С. 283-293.

6. Пантић М. Историја једног пријатељства: Валтазар Божишић и Стојан Новаковић // Стојан Новаковић, личност и дело, поводом 150-годишњице рођења (1842-1992). Београд: Српска академија наука и уметности, 1995. С. 597-602.

7. Вујновић А. Стојан Новаковић – чувар музеја // Наша прошлост. 2010. бр. 12. С. 9-32.

8. Војводић М. Конзуларна конвенција између Србије и Турске (1879-1896) // Изазови српске спољне политике (1791-1918) огледи и расправе. Београд: Историјски институт, 2007. С. 111-142.

9. Историја српског народа VI/1. Београд: Српска књижевна задруга, 1983. 679 с.

10. Војводић М. Стојан Новаковић у спољној политици // Путеви српске дипломатије – огледи о спољној политици Србије у XIX и XX веку. Београд: Слио, 1999. С. 172-216.

11. Ђилас Ј. К. Српске школе на Косоову од 1856. до 1912. године. Приштина: Заједница научних установа Косова, 1969. 332 с.

12. Косово и Метохија у српској историји. Београд: Српска књижевна задруга, 1989. 436 с.

13. Војводић М. Аустро-руски споразум 1897. године // Путеви српске дипломатије – огледи о спољној политици Србије у XIX и XX веку / Слио. Београд, 1999. С. 107-118.

14. Зарковић В. Афера у Ибарском Колашину 1901–1902. године. Приштина / Лепосавић: Институт за српску културу, 2008. 216 с.

15. Секулић В. Отварање руског конзулата у Косовској Митровици // Баштина. 2005. св. 19. С. 139-153.

16. Никшић М. Стање у Турској на Косову и Метохији за време последње деценије њихове владавине // Савременици о Косову и Метохији 1852-1912 / ур. Д. Т. Батаковић. Београд: Српска књижевна задруга, 1988. С. 366-389.

17. Зарковић В. Руске дипломате на удару агентатора у Косовском и Битољском вилајету почетком XX века // Баштина. 2012. св. 32. С. 129-144.

18. Војводић М. Стојан Новаковић као српски посланик у Паризу // Изазови српске спољне политике (1791-1918), огледи и расправе. Београд: Историјски институт. 2007б. С. 167-184.

19. Микић Ђ. Друштвене и економске прилике косовских Срба у XIX и почетком XX (од чифчијства до банкарства). Београд: Српска академија наука и уметности, 1988. 343 с.

20. Стојанчевић В. Друштвено-политичке прилике међу Арбанасима у Косовском вилајету на почетку XX века и арбанашки отпор против турских рефорама 1902/1903. године // Срби и Арбанаси 1804-1912 / Нови Сад: Прометеј, 1994а. С. 207-244.

21. Стојанчевић В. Аустроугарско-српски сукоб у Косовском вилајету на почетку XX века // Срби и Арбанаси 1804-1912 / Нови Сад: Прометеј, 1994. С. 245-271.

22. Ђоровић В. Дипломатска преписка Краљевине Србије. књига прва (1. јануар 1902 – 1. јуна 1903). Београд: Државна штампарија Краљевине Југославије, 1933. 799 с.

23. Архив Србије (=АС), Министерство иностраних дела (=МИД), Политически и образоватељни оддел (=ППО), 1901, ред 283, ПП № 319, консул С. Ђ. Аврамовић – Михаилу Вуйичу, министру иностраних дела, Приштина 25. април 1901

24. Ђоровић В. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд: Библиотека града Београда, 1992. 870 с.

25. Зарковић В. Ситуација у Старој Србији за време руско-јапанског рата // Баштина 2015. св. 39. С. 129-142.

26. Обществено-политическе и културне везе 1878–1917 гг. Сборник докумената и материјала. том 3. Москва – Белград: Главне архивне управлење града Москве – Архив Србије, 2012. 702 с.

Инклузија у вузу као фактор развоја духовних ценности у студентској среди

Зиновјева В.И.

Кандидат историјских наука

*ФГБОУ ВО Томски државни универзитет система
управлења и радиоелектронике (ТУСУР),*

*старији научни радник Научно-образоватељног
центра кафедре историје и социјалне радње*

E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

***Истраживање извршено у оквиру државног задатка
подведомствених Минобрнауке образоватељних организација по
пројекту «Теоретико-методолошке основи и
междисциплинарни приступи у формирању етносоцијалног
инклузивног образоватељног простора вуза»***

(№28.8279.2017/8.9.)

Аннотация: Рассматривается распространение идеологии инклюзии в вузе как фактор развития в студенческой среде ценностей равноправия и взаимопомощи, а также, с точки зрения перехода от медицинской к социальной модели инвалидности, в основе которой признание права не только на получение помощи, но и на развитие личностного потенциала лиц с инвалидностью, включения их в общественную жизнедеятельность. Социологический опрос, проведенный среди студентов-первокурсников в ТУСУРе в 2019/20 уч. году показал, что приблизительно половина студентов уже на первом курсе, еще не до конца разобравшись в терминологии, фактически поддерживает идеологию инклюзии, более 90% традиционно готовы оказать помощь. Вместе с тем, для другой части студентов (около 50%) характерны позиции эксклюзии и дистанцирования от социальной группы инвалидов. Очевидно, задачей вуза является формирование новых моделей поведения, повышение общественной ответственности в академических группах по реализации идей инклюзии.

Ключевые слова: инклюзия, медицинская и социальная модели инвалидности, студенты с ограниченными возможностями, эксклюзия.

Inclusion in the university as a factor in the development of spiritual values in the student community

Zinovieva V.I.

Candidate of Historical Sciences

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR), Senior Researcher at the Scientific and Educational Center of the Department of History and Social Work

E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Abstract: *The spread of the inclusion ideology in the university is considered as a factor in the development of the equality and mutual assistance values in the student environment. The issue is considered from the point of view of the transition from a medical to a social model of disability, the recognition of the disabled persons' right not only to receive help, but also to develop the personal potential, their inclusion in public life. A opinion poll conducted among first-year students at TUSUR in the 2019/20 academic year showed that approximately half of the students in their first year, not yet fully understanding the inclusive terminology, in fact supports the ideology of inclusion, more than 90% of*

them are traditionally ready to provide assistance. At the same time, for another part of the students (about 50%), exclusion and distance from the social group of disabled people are specific. Obviously, the mission of the university is to form the new models of behavior and to increase public responsibility in academic groups in order to implement the ideas of inclusion.

Key words: *inclusion, medical and social models of disability, students with disabilities, exclusion.*

С 70-х гг. XX в. принцип инклюзии стал рассматриваться в зарубежной публицистике, а затем, в области права с точки зрения включения детей с ограниченными возможностями в единую образовательную среду на равных основаниях со всеми остальными обучающимися. Идеология независимой жизни лиц с инвалидностью в связи с революцией массового потребления, удешевлением технически сложной продукции и новыми стандартами потребления создавала возможность для их самостоятельного проживания и преодоления барьеров в обществе.

Исторически инвалидов или боялись на уровне бессознательного или ненавидели, приписывая им связь с нечистой силой. В зарубежной традиции их чаще всего преследовали, в отечественной - они были посмешищем. Отношение к ним стало изменяться в XX в. в связи с развитием науки, распространением новых знаний, а также после I и II мировых войн, когда резко выросла численность этой группы. Именно тогда окончательно оформилась медицинская модель инвалидности, в соответствие с которой общество должно было оказывать им помощь из-за неспособности справиться самостоятельно с бытовыми и т.п. проблемами.

В настоящее время под влиянием опыта Запада и развития социальной работы в нашей стране начался переход к новому пониманию инвалидности, в духе социальной модели, признания необходимости развития их личного потенциала и способностей с тем, чтобы они стали полноценными гражданами, включенными в общественную жизнедеятельность, способными содержать себя самостоятельно.

Данная проблема сегодня широко освещается в российской научной литературе и публицистике. Она рассматривается как идея выравнивания прав, т.е. достижения фактического равноправия людей и относится к области духовных ценностей. При изучении проблем современного образовательного пространства исследователи все чаще обращают внимание на методы работы со

студентами с особыми образовательными потребностями, включая в нее, во-первых, студентов с инвалидностью I, II, III групп (при условии инвалидности с детства) и студентов с ограниченными возможностями здоровья, которым эта категория присваивается решением территориальных психолого-медико-педагогических комиссий [1-3]. Первые имеют льготы при поступлении в вуз и дополнительный срок обучения не более одного года, а все вместе они имеют право на сопровождение в вузе и специальные условия обучения.

Цель данной статьи – рассмотреть проблему перехода общества к социальной модели инвалидности на примере анализа отношения к студентам с ограниченными возможностями в вузовской среде.

В осеннем семестре 2019/20 учебного года был проведен социологический опрос студентов разных факультетов ТУСУРа по теме: «Отношение студентов академических групп к студентам с ограниченными возможностями в ТУСУРе». Гипотезой исследования явилось предположение о том, что в вузе сложилось положительное отношение к студентам с инвалидностью. В опросе приняло участие 100 человек первого курса, очной формы обучения, выборка носила стихийный характер. Средний возраст респондентов составил 18 лет. Анкета включала в себя 12 пунктов и акцентировала внимание студентов на отношении к различным аспектам инклюзии в академических группах.

Большая часть опрошенных (79%) ответили, что не слышали о термине «инклюзивное образование» и только 21% заявили, что знакомы с ним. В ответе на один из последующих вопросов о том, готовы ли они обучаться совместно с лицами с ограниченными возможностями, студенты разделились на примерно равные группы. Так, 43% были согласны совместно обучаться в инклюзивных группах, но 45% однозначно высказалось за то, чтобы такие студенты обучались в специализированных образовательных учреждениях. Это означает, что приблизительно половина респондентов фактически принимает принципы инклюзии, но другая половина их понимает в духе медицинской модели.

Точно также практически на две равные группы респонденты разделились при ответе на вопрос предлагали ли вы помощь лицам с ограниченными возможностями (49% - да, 51% - нет). Можно предположить, что не все студенты представляют, как правильно предложить свою помощь таким людям или боятся получить отказ, поставить инвалида в неудобное положение. Характерно, что когда студентам предлагалось стать на место инвалида, которому

предлагалась помощь, то половина из них не была уверена в необходимости такой помощи. Показательны в этом смысле ответы респондентов на уточняющий вопрос «готовы ли вы оказывать помощь инвалидам», 49% однозначно были согласны оказывать помощь и 45% - в зависимости от видов помощи, и в сумме это - абсолютное большинство, что свидетельствует в целом о понимании долга, моральных ценностей, традиций взаимопомощи.

И наконец, 53% положительных ответов на вопрос: «согласны ли вы, чтобы ваши будущие дети обучались вместе с инвалидами» позволяет сделать определенный вывод о том, что, примерно, у половины студентов сформированы представления на уровне социальной модели инвалидности.

В области академических интересов большинство студентов (61%) выразили мнение, что наличие инвалида в группе не снижает работоспособность всего коллектива.

На вопрос анкеты: «согласны ли вы, что преподаватели часто делают снисхождение инвалидам?» только 23% ответили утвердительно. Уместно напомнить в этом контексте, что 45% респондентов выступали за обучение инвалидов в специализированных учреждениях, что может свидетельствовать о наличии скрытой эксклюзии, отчуждении от лиц с инвалидностью.

Таким образом, исследование показало, что примерно у половины студентов уже на первом курсе сформированы положительные личностные смыслы в отношении инклюзии и социальной модели инвалидности. Практически все признают ценности коллективизма и взаимопомощи на ментальном уровне, что является хорошей морально-нравственной характеристикой студенческого сообщества, но необходима дальнейшая работа в вузе по формированию позитивной атмосферы и выравниванию прав лиц с ограниченными возможностями.

Литература:

1. Наберушкина Э.К. Ориентиры развития инклюзии в пространстве высшей школы // Человек. Общество. Инклюзия 2017. № 4 (32). С. 18-27.

2. Индербаум Е.Л., Позднякова И.О. Практическая реализация процедуры оценки личностных результатов образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. //Человек. Общество. Инклюзия. – 2018. - № 3. С. 90-94.

3. Герасимов А.В. Опыт организации и механизмы развития инклюзивного высшего образования в России. //Человек. Общество. Инклюзия. – 2018. - № 4. С.13-21.

Транскультурная идентичность как точка роста новых мировоззренческих ориентаций в глобализирующемся мире

Иванкина Л.И.

Доктор философских наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,

профессор

E-mail: ivankina@tpu.ru

Исследование выполнено на базе Томского государственного педагогического университета при финансовой поддержке РФФИ, грант 19-29-07445 мк «Разработка модели когнитивной сферы личности и программного обеспечения для мониторинга когнитивных процессов у обучающихся в полиэтнокультурной образовательной среде».

Аннотация: В статье анализируется транскультурный процесс как новый способ собирания ценностей, норм и стилей разных культур в значимые для индивида параметры самоидентичности в условиях текучей современности (З. Бауман) глобализирующегося мира. В условиях постоянных перемен и трансформаций в центр практик многообразных идентичностей сдвигается транскультурная идентичность, реализующая гражданственность человека как его принадлежность к сообществу других в разных сферах проявления. Транскультурная идентичность рассматривается как конструирование идентичности в процессе взаимодействия разных социокультурных практик. Анализируются факторы, обуславливающие качественные изменения культурной идентификации и размывания границ идентичностей.

Ключевые слова: идентичность, культурная идентичность, транскультурная идентичность, множественная идентичность, самоидентичность, транскультурный процесс.

Transcultural identity as a growing-point of new philosophical orientations in globalizing world

Ivankina L.I.

Doctor of philosophy

National Research Tomsk Polytechnic University

E-mail: ivankina@tpu.ru

Abstract: *The paper presents the analysis of the transcultural process as a new method of collecting values, practices and styles of different cultures into self-identity parameters relevant for the individual in the conditions of 'liquid modernity' (Z. Bauman) of the globalizing world. In continually changing situations and transformations, transcultural identity shifts to the center of practices of multiple identities, which implements a person's civic consciousness as his/her belonging to other social units in different areas of manifestation. Transcultural identity is considered as the identity construction during the interaction between different sociocultural practices. The paper analyses factors that determine the qualitative changes in the cultural identification and blurring of boundaries between the identities.*

Keywords: *identity, cultural identity, transcultural identity, multiple identity, self-identity, transcultural process.*

Актуальность научного интереса к проблеме транскультурной идентичности обусловлена сменой парадигм и принципов развития в условиях текущей современности. К императивам устойчивости относятся ценностные ориентации и предпочтения, позволяющие гарантировать выбор решений в пользу оптимальных пропорций равных возможностей для жизни нынешних и будущих поколений, исходя из приоритета безопасного характера принимаемых решений и предпринимаемых действий для перспективного существования человечества. В этом смысле, феномен транскультурной идентичности можно определить как точку роста новых мировоззренческих ориентаций.

Интерес к феномену транскультурной идентичности определяется многими обстоятельствами и, прежде всего, процессами культурной диффузии и интерференции, происходящими в современном обществе. Разные направления исследований идентичности человека в современном мире объединяет поиск интегрирующих показателей и ориентиров во всех сферах развития индивида и общества. Современное бытие человека характеризуется культурой высокого риска существования «Я», оказавшегося «на границах» множества социальных и культурных миров, контуры которых все больше размываются, замещая реальность ее симуляцией (цифровизация, виртуальная социальность и пр.).

Стержнем формирующегося феномена транскультурной идентичности становится диалектика глобального и локального. Современная культурная ситуация характеризуется глобализацией модерна, приводящей к утрате аутентичных характеристик локальных культур. Эксплицируя (истолковывая) это явление, В. Вельш

рассматривает современные культуры как транскультурные образования [1]. Для характеристики ситуации транскультурности В. Вельш вводит метафору «сети». По Вельшу, современный мир представляет собой «сеть» культур, переплетение различных нитей, в уплотнении образующих культурный «кокон». «Кокон» не является однообразным. Каждый из них уникален в своих переплетениях, хотя и соткан иногда практически из тех же нитей, что и соседний. Подобные «коканы» имеют нечеткие, размытые границы.

В современном мире формируются новые культурные системы, построенные по принципу «ризомы» (от фр. «rhizome» – «корнивище») – ненасильственного синтеза многообразных традиций и подходов. Согласно авторам данной концепции Ж. Делезу и Ф. Гваттари [2], у ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центрирующего принципа («генетической оси»). Культурная система порождает несистемные и неожиданные различия, которые невозможно противопоставить по наличию или отсутствию некоего признака, включая в себя линии членения, связи которых образуют временную зону устойчивости (плато).

Технологии повседневности иницируют более гибкие, ситуативные формы идентификации, усиливая проявление тенденции делегализации социальных действий, их извлечения из конкретного контекста и свободное перемещение в самых широких пространственно-временных рамках. Это приводит к тому, что для локальных сообществ проблема селекции инноваций становится перманентной.

Современные культуры, согласно В. Вельшу [3], имеют исключительно гибридный, гетерогенный характер, а современного человека следует рассматривать как человека мобильного, туриста, кочевника. Такой человек не получает своей идентичности в готовом виде. Перед ним стоит задача ее самостоятельного формирования, набора, приобретающего характер осознанной автокреации, или самосотворения.

Как утверждает П. Рикер [4], современная идентичность нарративна, является одновременно реальной и выдуманной, это – открытая идентичность, которая делает любой акт индивида осмысленным, социально конструируемым, искусственным объектом. И поскольку социальный агент конституируется набором субъективных позиций, которые никогда не могут быть зафиксированы в закрытой системе различий, то, как утверждает Ш. Муфф, он «конструируется разнообразием дискурсов, в рамках которых имеет место постоянное движение переопределения и замещения» [5]. Транскультурная идентичность создается из потенциальных признаков,

представляющих собой, по образному сравнению М. Эпштейна, универсальную символическую палитру, из которой любой индивид может свободно выбирать и смешивать краски, превращая их в автопортрет [6, с. 101].

Идентичность, согласно определению М. Кастельса, – это «процесс конструирования смысла на основе определенного культурного свойства или соответствующей совокупности культурных свойств, которые обладают приоритетом по отношению к другим источникам смысла» [7]. Наша индивидуальность является продуктом общества, но форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живем, зависят от того, как ставится и решается задача индивидуализации [8, с. 181]. Поскольку идентичность формируется через ряд тождеств и различий, осознаваемых обществом и индивидом, многочисленные и конкурирующие дискурсы современного мира оказываются вызовом любым усилиям человека достичь устойчивого самосознания и внутренне согласованной субъективности. Сегодня идентичность собирается, представляя изменчивую и условную конструкцию, непостоянную в самоощущении и сопоставлении с меняющимися другими, формируя множественные идентичности.

Транскультурность проявляется в том, что меняются границы социума, трансформируясь от культуры замкнутого общества к культуре открытого, высокомобильного, сообщества индивидуумов, включенных в разветвленную сеть коммуникаций, формирующими мультикультурный и взаимозависимый мир, в условиях которого на первый план выходят проблемы общности судьбы. Характеризуя современное общество, Э. Эриксон обозначил основную проблему человека и человечества в целом в контексте идентичности: «...поскольку человек сегодня способен уничтожить весь людской род, формирование общечеловеческой идентичности становится абсолютной необходимостью» [9, с. 48].

Понимание процесса транскультурной идентичности проясняют ответы на вопросы о том, как совместить принадлежность к разным сообществам, объединенным разными признаками (например, языка, культурных практик, ценностей, стиля жизни и пр.), с общей принадлежностью к государству, традициям, историческому прошлому и т.п. Ответ связан с поиском формы общности, ориентированной на разные проявления и разнообразие индивидуальности.

Транскультурный мир вписывается в тенденцию продвижением от «мульти» через «интер» к «транс». Мультикультурность соответствует пассивной толерантности, интеркультурность означает диалог между культурами, транскультурность – культурный взаимообмен. В отличие от мультикультурализма, устанавливающего

ценностное равенство и самодостаточность разных культур, концепция транскультуры предполагает их открытость и взаимную вовлеченность. На основе сложившихся национальных культур транскультура продолжает движение, которое было начато выходом человека из природы в культуру. Если культура освобождает «природного» человека от материальных зависимостей, опосредуя их символически, то транскультура освобождает культурного человека от символических зависимостей и предрасположений его исходной культуре. В межличностных и межкультурных коммуникациях благодаря взаимной ориентации партнеров формируются локальные и глобальные социокультурные пространства.

Согласно концепции продуктивной культурной гибридности, транскультурная идентичность формируется на границах, «по ту сторону», в пространстве «за пределами» гомогенной культуры или «в промежутке (зазоре)» между различными культурами. Здесь действует принцип интерференции («рассеивания») символических значений одной культуры в полях других культур, а не принцип дифференциации. Это возможно в условиях постоянного нахождения человека на грани культур, его умения говорить на разных культурных языках, проживать различные культурные модели жизни, сопрягать в своем сознании различные типы мышления. И в этом качестве транскультурная идентичность является видом интеллектуального движения. Разнообразные субъекты (личности, группы), стремясь реализовать в процессе коммуникаций свои интенции, взаимодействуют в формирующемся социокультурном «пространстве-времени» как множестве когнитивных структур общего и индивидуального (локального) знания. Применение термина транскультура особенно уместно для такого дискурса и нарратива каковым является образование, выступающего цивилизационным механизмом передачи и обозначения через посредство одного чего-либо иного.

Трансдискурсивность культур проявляется как активное порождение смыслов за счет корреляции со смыслами других дискурсов и сохранения ситуации диалога между этими дискурсами, тем самым, обеспечивая смысловую определенность транскультуры и облегчая ее адекватную интерпретацию. Множественность интерпретаций, ценностей, позиций, смыслов, знаний формируют многообразие контекстной среды как возможность для существования многих истин и основы для диалога культур, их обогащения (центростремительные тенденции) и одновременного сохранения собственной уникальности как способа отражения

контекста базовых ценностей, специфики именно этого способа организации жизненного пространства (центробежные тенденции).

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что формирующаяся сегодня модель транскультурной идентичности является ответом на вызовы общечеловеческой цивилизации, заинтересованной в возможности взаимопонимания и конструктивного взаимодействия инаковостей; рассматривает человека на рубеже культур в качестве социального актора, решающего важнейшие лично-значимые проблемы сохранения культурой идентичности и адаптации в поликультурной среде.

Литература:

1. Вельш В. Наш постмодерный модерн. Киев: Альтерпрес, 2004, 328 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения 03.01.2020).
3. Вельш В. Наш постмодерный модерн. Киев: Альтерпрес, 2004, 328 с.
4. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Московский философский фонд, 1995, 416 с.
5. Миненков Г. Идентичность в политическом измерении // Сайт экспертного сообщества Беларуси «Наше Мнение». URL: <https://nmbu.by/news/analytics/414.html> (дата обращения 04.01.2020).
6. Эпштейн М. Говорить на языке всех культур // Наука и жизнь. 1990. №1. С. 100–103.
7. Миненков Г. Идентичность в политическом измерении // Сайт экспертного сообщества Беларуси «Наше Мнение». URL: <https://nmbu.by/news/analytics/414.html> (дата обращения 04.01.2020).
8. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005, 390 с.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006, 342 с.

Цифровизация институтов благотворительности и добровольчества в России: новые федеральные тренды

Исаева Е.А.

Кандидат юридических наук

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
доцент.*

E-mail: Elenia2000@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-го проекта №19-011-00268, «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

Аннотация: В 2019 году на федеральном уровне были обозначены новые векторы развития институтов благотворительной деятельности и добровольчества, которые нашли свое отражение, в частности, в положениях Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ на период до 2025 года, Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 года, Плана мероприятий по популяризации добровольчества, деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) и благотворительности, утвержденных Правительством РФ. При прочтении данных документов становится очевидным, что продвижение и развитие данных институтов уже не мыслится без вовлечения в этот процесс цифровых технологий.

Среди положений указанных выше нормативных актов, отметим для примера вектор на цифровизацию самих благотворительных организаций, развитие единой информационной системы в сфере развития добровольчества в субъектах Российской Федерации, создание на официальных интернет-порталах федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации разделов о государственных мерах поддержки добровольчества и СОНКО и др.

Ключевые слова: благотворительность, благотворительные организации, добровольчество (волонтерство), цифровизация, социально ориентированные некоммерческие организации.

Digitalization of charity and volunteer institutions in Russia: new federal trends

Isaeva E.A.

Yaroslavl State University P.G. Demidova

E-mail: Elenia2000@mail.ru

Abstract: In 2019, at the federal level, new vectors for the development of institutions of charity and volunteering were identified, which were reflected, in particular, in the provisions of the Concept for the Promotion of the Development of Charitable Activities in the Russian

Federation for the Period until 2025, and the Concept for the Development of Volunteering (Volunteering) in the Russian Federation until 2025 , The Plan of measures for the promotion of volunteerism, the activities of socially oriented non-profit organizations (SONCO) and charity, approved by the Government of the Russian Federation. When reading these documents, it becomes obvious that the promotion and development of these institutions is no longer imaginable without the involvement of digital technologies in this process. Among the provisions of the above normative acts, we note for example the vector on digitalization of charitable organizations, the development of a unified information system in the development of volunteerism in the constituent entities of the Russian Federation, the creation of sections on state measures on official Internet portals of federal executive bodies and executive bodies of constituent entities of the Russian Federation support for volunteering and SONCO, etc.

Keywords: charity, charitable organizations, volunteering, digitalization, socially oriented non-profit organizations.

Последние годы демонстрируют четкий вектор государственной политики в России, направленный на развитие институтов благотворительности, добровольчества, социально ориентированных некоммерческих организаций. Понимая ценность эффективно работающих институтов гражданского общества, органы власти в рамках выбранного направления нормативного регулирования в сфере добровольческой (волонтерской) и благотворительной деятельности стремятся разработать комплексные механизмы, которые бы максимально учли как интересы самого государства, так и представителей некоммерческого сектора, вовлеченного в данную деятельность. При этом и для государственного и общественного сектора одинаково важен вопрос прозрачности и удобства механизмов работы указанных институтов. Именно этот эффект дает вовлечение цифровых технологий, позволяющих, с одной стороны, сделать понятный, удобный механизм для желающих включиться в благотворительную/добровольческую деятельность, с другой стороны, минимизировать механизмы мошенничества в данной сфере, позволив проводить верификацию данных благотворительных организаций, самих добровольцев и др.

Сделаем акценты на некоторых правовых аспектах регулирования добровольческой и благотворительной деятельности в ракурсе вовлечения в работу данных институтов цифровых технологий.

Для государства задача комплексного нормативного регулирования института добровольчества стояла уже давно, при этом все версии законопроектов, разрабатываемых на федеральном уровне,

включали в качестве обязательного элемента электронный портал, который бы содержал информацию о добровольцах, их деятельности, позволял бы анализировать развитие данного института в России. Но разработчики по-разному видели задачи создания данного портала. Первый законопроект, предложенный разработчиками в январе 2013 г., вызвал шквал общественного негодования, в том числе потому, что предусматривал создание единого закрытого реестра добровольцев (волонтеров). Статья 14 проекта включала положение, предусматривающее, что все сведения, содержащиеся в общероссийском реестре добровольцев (волонтеров), являются персональными данными и не могут быть переданы третьим лицам, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ. Исходя из данной формулировки, реестр добровольцев при принятии этой версии законопроекта был бы доступен лишь уполномоченному органу. То есть, пользоваться электронной базой смогло бы только государство. Институты гражданского общества из этой схемы автоматически исключались. Это способствовало бы огосударствлению института добровольчества в России [1, с. 148]. Второй проект федерального закона № 300326-6 «О добровольчестве (волонтерстве)», вынесенный 21 июня 2013 г. на рассмотрение Государственной думы РФ уже не был ориентирован на создание единого закрытого реестра добровольцев (волонтеров). При этом решение о создании и ведении информационных ресурсов, предусматривающих регистрацию добровольцев, выдачу идентификационного номера, было отдано на откуп регионам России. Фактически каждый субъект РФ самостоятельно должен был определить наличие необходимости (возможности) ведения соответствующего информационного ресурса. Законопроект не указывал, должен ли данный информационный ресурс быть открытым или закрытым, использоваться только органами власти или любыми лицами в субъекте, что позволяло органу власти самостоятельно определить порядок раскрытия информации о добровольцах (волонтерах).

Работа над нормативным регулированием института добровольчества шла вплоть до 2018 года, который ознаменовался принятием Федерального закона от 05.02.2018 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)», и вступившего в силу с 1 мая 2018 года.

Указанный выше федеральный закон внес действительно значимые изменения в регулирование института добровольчества: уравнивал понятия «волонтерство» и «добровольчество», ввел два

совершенно новых определения — организатор добровольческой деятельности и добровольческая организация. Статья 17.5 Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» предусмотрела создание Единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства) (далее - ЕИС). В соответствии с п. 1 ст. 17.5 Закона N 135-ФЗ формирование и ведение ЕИС в целях реализации государственной политики в сфере добровольчества (волонтерства) осуществляются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг в сфере государственной молодежной политики. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 17.08.2019 N 1067 «О единой информационной системе в сфере развития добровольчества (волонтерства)» ЕИС содержит сведения о добровольцах (волонтерах), включающие информацию о количестве часов, затраченных на добровольческую (волонтерскую) деятельность, об их компетенциях и полученном опыте; сведения об организаторах добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческих (волонтерских) организациях, включающие информацию о видах осуществляемой (организуемой) добровольческой (волонтерской) деятельности. Все данные заносятся на портал добровольно.

Портал фактически выступает единой площадкой по взаимодействию институтов добровольческой (волонтерской) деятельности. Он позволяет вести унифицированный учет добровольческой (волонтерской) деятельности, позволяет вести личную электронную книжку волонтера. Каждый пользователь, даже не прошедший регистрацию на портале, имеет возможность скачать и распечатать подробную информацию о добровольческой деятельности волонтера. В случае, когда волонтер претендует на предусмотренные за его деятельность льготы, к примеру, дополнительные баллы для поступления в университет, он имеет возможность подтвердить количество отработанных бесплатно часов и показать спектр мероприятий и проектов, в которых принял участие.

ЕИС аккумулирует информацию о мероприятиях в сфере добровольчества (волонтерства) по России, а также сведения о деятельности организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности.

Портал агрегирует и предоставляет любому желающему сведения о добровольческой (волонтерской) деятельности, включающие информацию о личной электронной книжке волонтера, количестве часов, затраченных на добровольческую (волонтерскую) деятельность, компетенциях добровольцев (волонтеров) и полученном ими опыте. На

начало января 2020 года в системе зарегистрировано 1192401 доброволец и 22338 организаций, которые привлекают добровольцев к своей деятельности.

Для институтов гражданского общества и государства ЕИС становится ресурсом поиска добровольцев (волонтеров) и их привлечения к своей деятельности. Для добровольцев – это система определения точки приложения своей энергии, платформа для получения знаний (на платформе выложены специальные образовательные курсы), поиска единомышленников. Органы власти получили возможность сбора и систематизации данных о развитии добровольческой (волонтерской) деятельности в регионах России.

Создание единого государственного портала добровольцев не исключает существование иных тематических порталов, предусматривающих регистрацию добровольцев, как например, Служба крови (<http://www.yadonor.ru>) или электронных ресурсов, созданных самими институтами гражданского общества, например, Volonter.ru (<http://www.volonter.ru>) [3, с. 115] и др.

Планом мероприятий по реализации Концепции содействия развитию добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года предусмотрена интеграция до декабря 2020 года единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства) «Добровольцы России» с информационно-аналитической системой Общероссийская база вакансий «Работа в России» в целях учета опыта добровольческой деятельности при трудоустройстве.

Вектор на открытость через цифровизацию отражен и в Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ на период до 2025 года в отношении непосредственно благотворительных организаций. В частности, планируется на законодательном уровне закрепить перечень требований к уровню прозрачности деятельности благотворительных организаций, определить порядок регулярного раскрытия информации о результатах деятельности благотворительных организаций, позволяющей оценивать их эффективность, закрепить требования к предоставлению возможности лицам, осуществляющим благотворительные пожертвования, получать информацию о достижении поставленных целей. Также Концепция включает закрепление отдельного требования к наличию сайта благотворительной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В реальности, данное положение потребует серьезных финансовых вложений от самих благотворительных организаций, что ставит под угрозу реализуемость данного мероприятия.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что применение новых цифровых информационно-коммуникационных технологий в сфере добровольчества и благотворительности позволит повысить доверие к ним населения страны, сформирует новые удобные каналы вовлечения и удержания волонтеров, даст возможность верификации благотворительных организаций, будет способствовать популяризации данных институтов в Российском обществе.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №19-011-00268 «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

Литература:

1. Исаева, Е.А. Огосударствление института добровольчества в России: анализ законопроекта «О добровольчестве (волонтерстве)» //Власть. 2013. №10. -С.148-150.

2. Исаева Е.А., Соколов А.В. Развитие законодательства регионов России о добровольчестве (волонтерстве) в отражении федеральных трендов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 4 (46). С. 65-71.

3. Давлеткиреева Л. З., Ролина К. М. Электронная книжка волонтера для эффективного учета добровольцев и результатов их деятельности //Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. С. 114-125.

Значение религиозного фактора и его использования как механизма эскалации конфликта во время Первой чеченской войны

Исламов Т. Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
студент*

E-mail: Islamov-timur-00@mail.ru

Аннотация: В статье автор предпринимает попытку анализа технологии использования религиозного фактора как механизма эскалации военного конфликта на примере событий на территории Чеченской Республики в период с 80-х годов XX века по 1996 год. В качестве основного объекта исследования автор избрал события и исторические факты, предшествовавшие и реализованные во время

так называемой Первой чеченской войны 1994-1996 годов. Автор предлагает оригинальную периодизацию этапов эскалации социального, этнического и религиозного конфликта на территории Чеченской республики, а также - оценку факторов, способствовавших разворачиванию и трансформации конфликта. Значительное внимание уделяется рассмотрению структуры использования религиозного фактора в построении системы трансформации власти на территории конкретной республики из светской и социально-ориентированной модели в теократическую модель радикального толка.

Ключевые слова: ислам, чеченский конфликт, салафия, аль-Ваххабия, суфизм, религиозный радикализм.

The significance of the religious factor and its use as a mechanism for the escalation of the conflict during the First chechen war

Islamov T. R.

Kazan Federal University,
student

E-mail: Islamov-timur-00@mail.ru

Abstract: *In the article, the author attempts to analyze the technology of using the religious factor as a mechanism for the escalation of the military conflict on the example of the events on the territory of the Chechen Republic in the period from the 80s of the twentieth century to 1996. As the main object of research, the author chose the events and historical facts that preceded and implemented during the so-called First Chechen war of 1994-1996. The author offers an original periodization of the stages of escalation of the social, ethnic and religious conflict on the territory of the Chechen Republic, as well as an assessment of the factors that contributed to the unfolding and transformation of the conflict. The author pays considerable attention to the structure of the use of the religious factor in the construction of the system of transformation of power on the territory of a particular Republic from a secular and socially-oriented model to a radical theocratic model.*

Keywords: *Islam, Chechen conflict, Salafia, al-Wahhabiya, Sufism, religious radicalism.*

Конфликт в Чечне изначально не имел религиозной окраски, так как сами чеченцы позиционировали себя в первую очередь чеченцами,

и лишь потом мусульманами. Джохара Дудаева тоже нельзя было назвать религиозным радикалом, сам он был достаточно светским человеком, позиционируя себя, как эталонный образ советского офицера [1, с. 137].

Конечно, большинство чеченцев были мусульманами, но они исповедовали так называемый «традиционный» ислам суфийского толка. Политические лидеры стремились создать современное государство, основанное на рыночной экономике [2, с. 110]. В пользу тезиса о небольшой роли религиозного фактора, в конституции Чечни республика провозглашалась светским государством [3, с. 72].

Пока конфликт между центральной властью и сепаратистами не перешел в горячую фазу, не происходила и его радикализация. Третья сторона использовала возникшую ситуацию и попыталась организовать эскалацию конфликта посредством религиозного фактора.

Ваххабиты преследовали на территории Северного Кавказа большую цель – создать исламское государство. Для этого они собирались снизить влияние традиционного ислама, после чего вытеснить официальное духовенство, уничтожить светскую власть и установить новый порядок, основанный на шариатских ценностях [4, с. 5].

Для того чтобы понять технологию использования религиозного фактора как механизма эскалации конфликта во время первой Чеченской войны, необходимо рассмотреть его поэтапно.

На так называемом нулевом этапе происходит подготовка кадров, сбор и систематизация информации о ситуации. В СССР ваххабитские вербовщики появились уже во времена перестройки. Они не вели пропагандистские мероприятия, их задачей была оценка ситуации в регионах, в которых мусульманское население преобладает [5, с. 241].

На первом этапе создания конфликта происходит изменение религиозной идентичности. Во время перестройки начался процесс возрождения ислама, в том числе на территории Чечни. Мусульманское духовенство испытывало недостаток в образованных последователях, поэтому с 1989 г. мусульманская молодежь, в том числе с Северного Кавказа, отправлялась на обучение в иностранные медресе в рамках специальных арабских и турецких программ по содействию исламу в России, в частности его возрождению. Новоприбывшие ни в чем не нуждались, поскольку им оплачивали транспортные расходы, обучение, питание и жилье [6, с. 260].

Данные мероприятия были организованы зарубежными фондами, и целью их стало формирование нового поколения имамов, лояльных к исламу нового образца. В этих образовательных центрах они получали знания в духе салафитского ислама, нераспространенного на тот

момент на территории Чечни и других мусульманских регионов Российской Федерации. В результате в Россию возвращались сотни образованных молодых людей, будущих духовных лидеров российского ваххабитского движения [7, с. 167].

Будущие эмиры должны были занять ключевые позиции в традиционных религиозных структурах северокавказских регионов. 9 июня 1990 г. на территории Астрахани прошел первый съезд Всесоюзной Исламской Партии Возрождения «Нахдат». На этом этапе открытая пропаганда ваххабизма не велась, но при этом создавался положительный образ сторонников ваххабизма, например, оплатой лечения или образования членов той общины, в которой они находились.

Второй этап создания конфликта включает в себя формирование ваххабитских общин.

В это время начинается прямая вербовка мусульманской молодежи на Северном Кавказе. Начинается бесплатное распространение салафитской литературы, выпущенной многомиллионными тиражами издательствами «Ибрагим бин Абдулазиз Аль Ибрагим», «Бадр» и др. [7, с. 166].

В Чечне уже в 1992 году появляется так называемый Исламский центр, который являлся местом регулярных собраний ваххабитов. Там лидеры радикальных течений продвигали идеи «чистого ислама» и джихада [7, с. 167].

Постепенно начинают возникать ваххабитские общины – Джамааты, основой которых была молодежь из бедных семей. Их привлекали идеи создания справедливого общества, которые им обещали ваххабитские лидеры. Подобное общество, как они утверждали, возможно лишь в исламском государстве. Чеченская молодежь в итоге стала идеальной средой для религиозной и политической пропаганды. [8, с. 37].

На третьем этапе создания конфликта происходит укрепление позиций ваххабитских общин.

У Дудаева была достаточно сильная оппозиция, в том числе и среди традиционного духовенства, поэтому он решает сделать ставку на фундаменталистов и начинает налаживать контакты с салафитскими государствами: Саудовской Аравией, Катаром, ОАЭ и другими. В мае 1993 г. Дудаев официально объявил о стремлении провозгласить Чечню исламским государством [5, с. 241]. С этого момента позиции ваххабитов начинают укрепляться.

Факторами привлечения ваххабитами на свою сторону становятся: социальная несправедливость, низкий уровень доходов, неразвитость институтов самоорганизации общества, слабая

образованность и отсутствие харизматичных лидеров среди духовных деятелей традиционного ислама [5, с. 243].

Четвертый этап – управление конфликтом. Данный этап связан с вводом российских войск в Чечню. Позиции ваххабизма резко укрепляются, поскольку перед Д. Дудаевым возникла необходимость в консолидации населения республики, а «традиционное» духовенство негативно относилось к войне, в отличие от ваххабитского.

Поэтому ввод Российских войск – ключевой момент, так как с этого времени начинается рост идеологического влияния ваххабитов. Из-за границы начинает оказываться финансовая и военно-техническая помощь радикалам, а у Дудаева появляется советник – Фатхи аш-Шишани, убежденный ваххабит с американским гражданством. Дудаев наводит связи с такими радикальными организациями как «Братья мусульмане», «Джамаат-и ислами» [организации, запрещённые на территории РФ - прим. авт.] и др. На территории Чечни активно развертывают свою деятельность наемники из арабских стран, Афганистана, Пакистана и др. [7, с. 167].

Ваххабиты делали всё, что необходимо для эскалации военного конфликта, и поскольку ситуация острого военно-политического кризиса привела к ослаблению традиционных структур, они решили этим воспользоваться.

3 февраля 1996 г. уже новый президент непризнанной республики Аслан Алиевич Масхадов делает окончательный выбор в пользу ваххабизма, он издает указ о введении в республике исламского права (шариата), начинается разработка соответствующей Конституции. Ваххабиты проникают в самые верхние эшелоны власти, а также практически полностью получают контроль над ее судебной ветвью [3, с. 72-73]. В том же году Чечня перестает быть светским государством, ислам объявляется официальной религией [9, с. 179].

На территории Чечни появляются учебно-тренировочные лагеря ваххабитов, и реальная власть постепенно переходит к ним. Фактически, республикой начинает руководить совет эмиров всех основных ваххабитских общин [7, с. 167-168].

В результате активных действий ваххабитов, ислам салафитского толка практически вытесняет представителей традиционного ислама из военно-политической элиты непризнанной республики Ичкерии.

После подписания Хасавюртовских соглашений А. Масхадов попытался вывести ваххабитов из политической элиты и ограничить их влияние в духовной сфере, однако в результате это привело лишь к усиленному сопротивлению ваххабитских организаций, дошло до боевых столкновений [6, с. 262].

В результате Масхадов пошел на попятную. Однако сторонники «традиционного» ислама, в том числе Ахмат Кадыров, по-прежнему находились в оппозиции к последователям учения аль-Ваххабидья [10, с. 95], поэтому неудивительно, что во время второй войны в Чечне они приняли сторону федерального центра, и произошёл переход управляемого конфликта в неуправляемый, так как ваххабитское подполье само стало субъектом конфликта.

Таким образом, ваххабизм на землю Северного Кавказа был привнесён извне. Распространение радикального «чистого» ислама было результатом миссионерской деятельности ряда иностранных религиозно-политических организаций. За проникновением и укреплением ваххабизма стояли заинтересованные арабские государства, которые занимались финансированием радикальных исламистов на территории Чечни посредством финансовой поддержки различных благотворительных фондов, издательств, СМИ и т. д., они использовали религиозный фактор как механизм эскалации изначально политического конфликта для легитимизации своей активной миссионерской деятельности.

Так как ваххабитские общины финансировались и управлялись из-за границы, как федеральному центру, так и чеченской политической элите не удалось найти эффективные средства борьбы против данной экспансии. Изначально ваххабитские организации казались Дудаеву и Масхадову необходимой опорой своего режима, но в итоге оказалось, что они ориентируются не на светскую власть Ичкерии, а внемлют своим покровителям из арабского салафитского мира.

Идеологам ваххабитского проникновения на Кавказ удалось на определённом этапе последовательно трансформировать внутривнутриполитический конфликт в религиозный. Произошло изменение структуры населения среди подрастающего поколения, так как «традиционный» ислам потерял популярность, а салафитский, напротив, получил большое количество неопитов из чеченской молодежи. Ваххабитам долгое время удавалось воздействовать на власть в Чеченской республике, до того момента, пока чеченская политическая элита не объединилась с Москвой для борьбы с ваххабитским влиянием и РФ не удалось организовать десаκραлизацию войны.

Литература:

1. Осмаев А. Д. Роль религиозного фактора в чеченском кризисе конца XX–начала XXI вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2008. № 5(45). С. 136–140.
2. Малащенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М.: Гендальф, 2001. 180 с.

3. Мусайханов С. С. «Шариатское государство» в реалиях Ичкерии (Чечни) // Социология власти. 2009. № 6. С. 72–80.
4. Акаев В. Х. Религиозно-политические особенности «северокавказского ваххабизма» и конфликт с суфизмом // Исламоведение. 2010. № 4. С. 4–17.
5. Нунуев С. М. Политические факторы распространения религиозного радикализма в постсоветской Чечне // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 240–244.
6. Мусайханов С. Исламский фактор в военно-политических процессах Чечни // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 3–4. С. 257–263.
7. Силантьев Р. А. Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №16. С. 165–171.
8. Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону: Издательство северокавказского научного центра высшей школы, 2003. 416 с.
9. Арляпова Е. С. Ислам как источник легитимации и консолидации власти в Чеченской Республике // Политическая наука. 2012. №2. С. 177–193.
10. Акаев В. Х. Религиозно-политические элиты на Северном Кавказе: факторы формирования, идеологические противоречия и практическое противоборство // Центральная Азия и Кавказ. 2014. № 1. С. 89–102.

Развитие эмпатических способностей у будущих психологов как гуманистической направленности в культуре личности

Кажарская О. Н.

Кандидат психологических наук

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,

доцент кафедры «Психология»

E-mail: sevkon@mail.ru

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы формирования эмпатии как необходимого личностно-профессионального свойства будущего специалиста-психолога. Дается краткий анализ основных исследований по проблеме формирования эмпатии как способности личности к сочувствию и сопереживанию другому человеку. Проводится анализ результатов эмпирического исследования, направленного на определения уровня развития эмпатии у студентов-психологов. Обосновываются*

результаты и социально-психологические условия развития эмпатии как гуманистической направленности в общей культуре личности в рамках вузовского образования.

Ключевые слова: эмпатия; эмпатические способности; эмоциональные «помехи»; компоненты эмпатии: когнитивный, эмоциональный, поведенческий; уровни эмпатийных способностей; социально-психологические условия развития эмпатии как гуманистической направленности в культуре личности.

Development of empathic abilities in future psychologists as a humanistic orientation in the culture of personality

O.N. Kazharskaya,

*PhD in Psychology, Associated Professor,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russian Federation
E-mail: sevkon@mail.ru*

Abstract: *the article deals with the problems of forming empathy as a necessary personal and professional property of the future specialist-psychologist. A brief analysis of the main research on the formation of empathy as a person's ability to empathize and empathize with another person is given. The analysis of the results of an empirical study aimed at determining the level of development of empathy in psychology students. The results and socio-psychological conditions for the development of empathy as a humanistic orientation in the General culture of the individual in the framework of higher education are substantiated.*

Keywords: *empathy; empathic abilities; emotional «hindrances»; components of empathy: cognitive, emotional, behavioral; levels of empathic abilities; socio-psychological conditions for the development of empathy as a humanistic orientation in the culture of the individual.*

В условиях дефицита «теплоты» человеческих отношений, резких негативных изменений социально-экономической структуры перед людьми встает проблема одиночества и безразличия. В связи с этим проблема эмпатии как способности к сочувствию и сопереживанию становится актуальной не только в контексте профессиональной подготовки психолога, но и актуальной социально-психологической проблемой нашего времени [1].

В современных условиях вузовской подготовки, развитие эмпатических способностей рассматривается как одна из проблем качественной подготовки будущего психолога.

Термин «эмпатия» произошел от греческого слова (*empathia*) и дословно означает сопереживание. Профессия психолога напрямую связана с помощью людям. Говоря о действенных механизмах, влияющих на эффективное взаимодействие клиента и психолога, следует выделить рефлексивность, эмпатию, аттракцию и т.п. Особое значение в контексте среди перечисленных психологических терминов занимает эмпатия – способность эмоционального чувствования и сопереживания другому человеку [2].

Проблемой развития эмпатических способностей занимались такие учёные, как А.Г. Басова, В.В. Бойко, Н.В. Буравцова, Э. Берн, Т.П. Гаврилова, Т.Г. Григорьева, В.В. Козлов, Л.А. Дмитриева, В.И. Долгова, Х.А. Зайтметов, И.А. Кучерявенко, Т. Липпс, Ю.В. Полякова и др.

По мнению В.В. Бойко, эмпатия является рационально-эмоционально-интуитивной формой отражения, которая представляет собой особенно уточненное средство «вхождения» в психоэнергетическое пространство другого человека [3].

По определению Н.Н. Обозова, эмпатия представляет собой отклик одного человека на переживания другого. Исследователь полагает, что без сопереживания, без оказания взаимной поддержки не может быть не только коллективного, но и индивидуального бытия [8].

В связи с этим, важное значение представляет определение уровня эмпатии у будущих психологов на этапе их обучения в вузе и выявление социально-психологических условий, способствующих развитию данного свойства личности.

Исследование по определению проводилось на базе ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» в период с февраля по март 2019 года, в нём приняло участие 20 студентов 3 курса очного отделения. Для решения поставленных диагностических задач были выбраны следующие методики: способность педагога к эмпатии (И.М. Юсупов); диагностика «помех» в установлении эмоциональных контактов (В.В. Бойко); диагностика эмпатических способностей» (В.В. Бойко).

По результатам первой методики были получены следующие данные, представленные в таблице 1.

Большая группа студентов находится на среднем уровне по развитию эмпатии. Этот уровень свойственен большинству людей. Таким людям не чужды проявления эмоций, однако в большинстве случаев они все держат под контролем. Для практического психолога, данный уровень является самым желательным, сталкиваясь ежедневно с решением

различных межличностных проблем, специалист, должен принимать рациональные действия, давать необходимые для клиента советы. Проявляя эмпатические способности на среднем уровне, ему удаётся не принимать близко к сердцу сложные жизненные ситуации, таким образом, защищая себя от эмоционального напряжения и выгорания.

Таблица 1. Обобщенные данные по изучению уровня проявления способности к эмпатии (И.М. Юсупов)

Показатель	Обобщенные данные в %									
	Низкий уровень		уровень ниже среднего		средний уровень		высокий уровень		слишком высокий	
проявление способности к эмпатии	Кол-во человек	%			Кол-во человек	%	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
		0	0,0	1	5,0	18	90,0	0	0,0	1

Для более детального изучения особенностей проявления эмпатических способностей у студентов-психологов были проанализированы данные по диагностике эмпатических способностей» (В.В. Бойко). Результаты были распределены по отдельным показателям: рациональный канал эмпатии; эмоциональный канал эмпатии; интуитивный канал эмпатии; установки, способствующие эмпатии; проникающая способность в эмпатии; идентификация в эмпатии. Было выяснено, что 10 человек, что составляет 50,0% от общего количества испытуемых, наделены высоким уровнем рациональной эмпатии, 20,0% студентов прибегают к интуитивному каналу эмпатии, на высоком уровне проявления находится проникающая способность к эмпатии у 7 испытуемых, что соответствует 35,0% от общей группы будущих специалистов-психологов. Идентифицируют себя как высоко эмпатийные личности 80,0% обучающихся, тем не менее, было выявлено, что 35,0% студентов затрудняются в определении внутреннего мира, поведения человека, им сложно строить эффективную коммуникации в силу стеснительности и личной осторожности, закрытости и т.п.

Методика В.В. Бойко, направленная на установление эмоциональных «помех», позволила более детально выявить причины, влияющие на формирование нежелательных личностных качеств у

будущих психологов. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2. Обобщенные данные по изучению уровня проявления эмоциональных «помех» в установлении контактов с людьми (В.В. Бойко)

эмоциональные «помехи» в установлении контактов	Обобщенные данные в %		
	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень
неумение управлять эмоциями, дозировать их	10,0	50,0	20,0
неадекватное проявление эмоций	50,0	20,0	30,0
негибкость, невыразительность эмоций	30,0	40,0	30,0
доминирование негативных эмоций	60,0	20,0	20,0
нежелание сближаться с людьми на эмоциональной основе	50,0	40,0	10,0

Данные свидетельствуют, что эмоциональные помехи на том или ином уровне свойственны многим студентам: 20,0% испытуемых не умеют управлять своими эмоциями, дозировать их, негибкое, невыразительное проявление эмоций наблюдается у 30,0% обучающихся, доминирование негативных эмоций наличествует у 20,0 % студентов.

Для формирования эмпатических способностей у будущих специалистов-психологов следует помнить, что данное личностное новообразование формируется через усложняющиеся компоненты общей психологической культуры: формирование когнитивного компонента (углубление и развитие системы психологических понятий и представлений), операционального компонента (формирование навыков и умений адекватной оценки и прогнозирования поведения партнёра по общению и взаимодействию). Рефлексивно-перцептивный компонент формируется через развитие психологической наблюдательности, социальной перцепции, развития профессионального самосознания психолога.

Основными социально-психологическими условиями формирования эмпатии могут выступать духовное образование и самовоспитание, актуализация общечеловеческих ценностей и смыслов и развитие нравственной саморегуляции.

Для развития эмпатических способностей, у будущих психологов, как гуманистической направленности в культуре личности, следует учитывать при обучении данных специалистов в вузе следующие социально-психологические условия:

Введение в программу подготовки будущих специалистов-психологов теоретических и практико-направленных курсов, в рамках которых, должны усваиваться знания по психологии эмпатии: история вопроса, методология исследования, научные подходы и теории отечественных и зарубежных учёных.

2. Внедрение в практику работы вуза тренинговых программ, направленных на развитие основных компонентов эмпатии: когнитивного в виде понимания состояний другого без изменения своего состояния; эмоционального (аффективного) в виде сопереживания и сочувствия; поведенческого (действенного) в виде активной поддержки человеку и оказания психологической помощи.

3. Планирование специальных форм работы на практике в различных социальных учреждениях по получению навыков определения общего эмоционального состояния клиента, решения конкретных задач, моделирования психологических ситуаций.

Литература:

1. Долгова В.И. Эмпатия /В.И. Долгова, Е.В. Мельник // Монография. – М. Издательство «Перо», 2014. – 185 с.

2. Желнова Г.В. особенности развития эмпатических способностей у студентов педагогического колледжа / Г.В. Желнова // Наука и современность. – 2011. – С118-122.

3. Смольянинова Е.Ф. Развитие эмпатии как фактора профессиональной мобильности / Е.Ф. Смольянинова // Актуальные проблемы психологического знания. – 2010. № 4. – С. 114-121.

Молодежные парламенты и молодежные политические организации через призму сетевого подхода на примере Новосибирской области и Алтайского края

Казанцев Д.А.

*Алтайский государственный университет,
старший преподаватель кафедры политологии
E-mail: dimkazanchev@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01184, «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

Аннотация: В статье выявляются особенности и закономерности социальных связей, которые устанавливаются между представителями онлайн-сообществ молодежных парламентов и молодежных политических организаций Новосибирской области и Алтайского края. Для заявленных целей используется социально-сетевая парадигма и ее инструментарий, в частности анализ онлайн социальных сетей. Автор приходит к выводу, что члены молодежных политических организаций и парламентов формируют в начале региональную идентичность, а затем устанавливают связи за пределами субъектов федерации, но с организациями того же идеологического вектора. Более того, часть организаций имеют идеологические цензы и, тем самым, создают эхо-камеры для своих членов. Они, в свою очередь, определяют некоторые характеристики социальных связей между сторонниками той или иной организации.

Ключевые слова: социальные сети, сетевой анализ, молодежь, социальные связи, молодежные организации, молодежный парламент.

The Youth Parliaments and the youth political organizations as through a prism of network approach by example of Novosibirsk oblast and Altai krai

Kazantsev D.A.

*Altai State University, senior lecturer of Political Science department
E-mail: dimkazanchev@mail.ru*

Abstract: The article deals with finding the special aspects and patterns in social relations, which occur between the members of online communities of the youth parliaments and the youth political organizations of Novosibirsk oblast and Altai krai. For the specified purposes of this research, the social-networking paradigm and its instruments are used, the social media analysis in particular. The author concludes that the members of the youth political organizations and parliaments form the regional identity at first. Then they begin the relations beyond the federal subjects, although they do it with the organizations of the same ideological direction. Moreover, some of such organizations set up certain ideological requirements and therefore create echo-chambers for their own members. These members define the character of social relations between the supporters of certain organizations.

Key words: social media, network analysis, the youth, social relations, the youth organizations, the youth parliament.

Теория социальных сетей знакома исследователям еще с начала XX века, ее зачатки мы находим у таких ученых как Г. Зиммель и Э.

Дюркгейм. До появления виртуальной среды, сетевой подход рассматривал складывающиеся между людьми офлайн горизонтальные и вертикальные связи. Позднее, когда Интернет стал обыденностью, изучение социальных связей сосредоточилось в онлайн сфере, в свою очередь, метод, занимающийся этой проблемой, получил название социально- сетевого метода (далее ССА). В настоящее время в западной науке данным вопросом занимаются М. Нюмен, Дж. Барнетт, Д. Фишер, Д. Бойд, Б. Веллман и прочие. В последние годы устойчивый интерес к социальным сетям проявляется также и в отечественной политической науке, известны работы С.И. Сулова, А.С. Шерстобитовой, Г.В. Градосельской и многих других.

В представленной статье описаны результаты социально-сетевого анализа связей членов молодежных политических организаций (далее МПО) и молодежных парламентов (далее МП) Новосибирской области и Алтайского края (далее НО и АК), представленных соответствующими сообществами в социальной сети «ВКонтакте». Использование социальной сети «ВКонтакте» в качестве базы данных обусловлено открытостью ее API, кроме того по данным аналитического агентства Brand Analytics за 2018 г., «соцсетью номер один по-прежнему остается ВКонтакте: и по числу публичных сообщений, и по числу активных авторов... наиболее активна здесь группа авторов в возрасте 25-34 лет, но при этом 23,3% авторов – пользователи в возрасте от 18 до 24, и еще 20% — младше 18 лет» [1].

В рамках исследования был проведен разведывательный анализ онлайн-сообществ следующих молодежных политических организаций и молодежных парламентов в Новосибирской области и Алтайском крае: Молодая Гвардия Новосибирской области и Алтайского края, Молодежное Яблоко Новосибирской области и Алтайского края, Команда Навального Новосибирской области и Алтайского края, Ленинский комсомол РФ Новосибирской области и Алтайского края, АРО МО ЛДПР в Алтайском крае (в НО отсутствует), Молодежный парламент Новосибирской области и Алтайского края. Сбор и анализ статистических данных велись методами кластерного и дисперсионного анализа, парсинга с помощью онлайн-платформы «TargetHunter», языком программирования «Python», при этом изображение графов осуществлялось в программе «Gephi», также проводились интервью с отдельными членами МПО и МП.

Логика социально-сетевого анализа предполагала проведение ряда этапов. На первом шаге были построены графы социальных связей членов соответствующих МПО и МП. Затем проведен анализ луркеров, демографии и плотности социальных связей, основных активностей. На следующем шаге анализировался закон нормального распределения и

выявлялись эхо-камеры. Далее – оценивалось качество связей между сторонниками разных идеологических МПО и между МП, находящимися в НО и АК. Общий объем выборки по состоянию на 1 января 2020 г. составил более 12 тысяч человек.

По итогам проведения социально-сетевого анализа для исследуемых молодежных организаций можно сделать следующие выводы. Во-первых, большая часть выборки представлена молодыми мужчинами, преимущественно в возрасте от 17 до 29 лет. Во-вторых, любопытно выглядят данные по луркерам, то есть точкам на графах, которые не имеют связей. Наибольший объем луркеров (от 13%) находится в таких организациях как Ленинский комсомол РФ в АК и НО, Команда Навального в НО и АК. Считается, что большой объем луркеров говорит о ботах или колеблющихся сторонниках организации, предпочитающих наблюдать за сообществом в правах «молчуна» (так или иначе этот факт требует дополнительной проверки). В-третьих, очевидно, что во всех сообществах выделяется некоторое число кластеров. Это число, как правило, зависит от количества членов и состава группы, региона, типа лидерства и тесноты социальных связей между ними. Например, сообщество Молодой Гвардии в Новосибирской области характеризуется тремя подгруппами-кластерами: внешние связи; луркеры (14%); старое поколение «мгеровцев», новое поколение. В-четвертых, онлайн-сообщества МПО и МП обладают разной активностью, например, потребление контента в большинстве из них происходит как пользователями, так и его создателями равномерно, о чем свидетельствует индекс вовлеченности (ER-индекс). Иная картина, где контент потребляют его же создатели, свойственна для относительно небольших сообществ, таких как Молодежное Яблоко Алтайского края. В-пятых, по такому показателю как «Количество связей на 1 человека» можно отследить степень плотности связей между членами групп. Выяснилось, что самыми плотными связями обладают члены Молодежного Яблока в НО (11 связей на человека), Молодой Гвардии в АК (9) и Ленинского комсомола в НО (9) и наоборот наименее плотными – Команда Навального в АК (2) и НО (2), а также молодежная организация ЛДПР в АК (4). В соответствии с критерием «теснота связей» молодежные организации были классифицированы на три типа: узелковые, линейные и распределенные. В-шестых, важным представляется соображение, по которому сообщества, принадлежащие к одной политической идеологии (партии), но находящиеся в разных или соседних регионах, в первую очередь, формируют связи друг с другом и лишь позднее (причем гораздо позднее) строят отношения с кем-либо еще вне субъекта федерации или, в отдельных случаях, даже

внутри региона. Так Ленинский комсомол РФ в НО и АК являются лидерами по количеству межрегиональных связей (5,3 связи на одного человека). Данное положение дел объясняется высокой активностью комсомольцев в офлайн сфере (проведение слетов, школ и прочего в федеральном округе). В-седьмых, эхо-камеры были обнаружены в сообществах, которые обладают сравнительно длинной историей, имеют идеологический ценз и среднюю лояльность к организации со стороны ее членов.

За объяснением обнаруженных различий МПО и МП друг от друга следует обратиться к теории «ухода» Альберта Отто Хиршмана. В 1970 году А. Хиршман публикует работу под названием «Exit, Voice, and Loyalty», то есть «Выход, голос и верность» [2]. В ней он описывает модели взаимодействия рядового члена организации с ее правилами, порядками и ее положением на рынке. Хиршман считает, что если человек недоволен ситуацией в фирме, то он либо покинет ее (уйдет), либо возьмется протестовать в ней, проявляя свой «голос». Важной составляющей в этом процессе выступает верность или преданность, в терминологии А. Хиршмана. По словам ученого «...полезность «верности» зависит от близости доступного «субинститута». Когда между продуктами двух конкурирующих организаций огромное расстояние в смысле качества или цены, «голос» может встать на пути последовательного упадка одно из них прежде, чем «выход» сделает ситуацию необратимой». Таким образом, здесь «верность» вряд ли нужна, но ее роль в качестве препятствия для «выхода» может оказаться очень конструктивной, когда организации легко могут стать заменой друг для друга, так что небольшое ухудшение в одной из них вызовет мгновенное бегство клиентов в другую» [3, с. 80]. По аналогии с Хиршманом представим пространство социальных связей МПО и МП как политический рынок, в нем действуют агенты с разными идеологическими профилями: часть организаций, выступая в качестве продавцов символических (политических) товаров и услуг, будет иметь длительную историю, какие-либо идеологические цензы, некую исходную репутацию, другая же часть столкнется с обратной ситуацией. Следуя этой логике, эхо-камеры и ряд описанных выше отличий МПО и МП скорее всего будут преобладать в тех организациях, члены которых ограничены в уходе, лояльны сообществу и готовы пользоваться своим голосом как протестом.

Таким образом, в структуре любого онлайн-сообщества МПО и МП различаются кластеры, образующиеся по разным причинам. Внутрорегиональные связи теснее, чем межрегиональные. При этом анализ графов и интервью с членами организаций показали, что связи устанавливаются в три этапа: сначала внутри организации (знакомство

друг с другом), затем они сталкиваются с идеологическими оппонентами или союзниками в регионе, и наконец устремляются в другие (соседние) регионы. Признаки эхо-камер наблюдаются в группах, обладающих давней историей, а также имеют ценз в лице идеологии.

Литература:

1. Brand Analytics. Социальные сети в России: Цифры и тренды, осень 2018. URL: <https://br-analytics.ru/blog/socseti-v-rossii-osen-2018/> (дата обращения: 05.02.2020).
2. Хиршман А. О. (2009) Выход, голос и верность: реакция на упадок фирмы, организации и государств. М.: Новое издательство. 156 с.
3. Хиршман А. О. (2009) Выход, голос и верность: реакция на упадок фирмы, организации и государств. М.: Новое издательство. 156 с.

Kazakhstan's role in the global nuclear security system

Kalenova T. S.

Candidate of historical sciences

*L.N.Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Associate Professor of the Department of Political science and
Conflict studies
kalenovats@mail.ru*

Abdrakhmanova G.S.

Candidate of historical sciences

*L.N.Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Associate Professor of the Department of Political science and
Conflict studies
gauhar-abdrahmanova@mail.ru*

Abstract. *This article considers the main stages of formation and development of Kazakhstan as a nuclear-free state. Based on archival documents, the role of Kazakhstan in creating nuclear-free parity in the international arena is demonstrated, the place and role of Kazakhstan in the global nuclear security system are determined as well.*

Key words: Kazakhstan, Semipalatinsk nuclear test site, International anti-nuclear movement “Nevada-Semey”, Nursultan Nazarbayev, nuclear-free state nuclear security.

Роль Казахстана в системе глобальной ядерной безопасности

Каленова Т.С.

*Кандидат исторических наук
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, доцент кафедры политологии
kalenovats@mail.ru*

Абдрахманова Г.С.

*Кандидат исторических наук,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, доцент кафедры политологии
gaihar-abdrahmanova@mail.ru*

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены основные этапы становления и развития Казахстана как безъядерного государства. На основе архивных документов показана роль Казахстана в создании безъядерного паритета на международной арене, также определены место и роль Казахстана в системе глобальной ядерной безопасности.*

***Ключевые слова:** Казахстан, Семипалатинский ядерный полигон, Международное антиядерное движение «Невада-Семей», Нурсултан Назарбаев, безъядерное государство, ядерная безопасность.*

Currently, Kazakhstan, where nuclear weapons have been testing for decades, actively promotes anti-nuclear initiatives aimed at banning nuclear tests and reducing nuclear arsenals.

The process of global nuclear disarmament began 21 years ago, when the Semipalatinsk nuclear test site was closed permanently by decree of the First President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, № 409 from August 29, 1991. This step was of exceptional importance not only for our young state, but also for the entire world community without exaggeration [1].

Nuclear weapons tests were carried out on the territory of the Semipalatinsk test site for 40 years. On August 29, 1949, the first test of a nuclear device was conducted at the Semipalatinsk test site.

On February 12, 1989, another underground explosion of a nuclear charge with a capacity of more than 70 kilotons was made at the test site. As a result of the explosion, cracks appeared on the earth's surface, from which radioactive gases were released for two days. The formed radioactive cloud several tens of kilometers wide covered the territory where more than 30

thousand people lived. The radiation background in this zone reached 3000-4000 microrentgen, exceeding the standard indicator by almost 200 times.

This time the patience of the people ended. On February 28, 1989, after the news of the release of radioactive gases into the environment, a protest rally was held at the house of writers in Alma-Ata, which initiated the movement “Nevada-Semipalatinsk”, it was led by the famous poet and public figure Olzhas Omarovich Suleimenov. The movement, which united scholars and writers, employees and workers, put forward, in fact, revolutionary demands for those times, going against the policy of the leadership of the USSR. It is worth recalling that at that time Kazakhstan was not yet an independent state and, like all republics, experienced a strict dictate of the center, especially in such areas as the military-industrial complex.

In 1989, the movement's activities led to a reduction in the number of explosions at the Semipalatinsk test site to 7 out of the planned 18. The last one was held on October 19.

Unfortunately, during all the years of testing, from 1949 to 1991, the leadership of the USSR did not have any special desire or sufficient funds to compensate for the damage caused to the Semipalatinsk region. This is how this episode was described in President's book “Epicenter of the world”. “In General, touching upon the consequences of nuclear tests in Kazakhstan, it is impossible not to say that in the former Soviet Union, consideration of this issue was, perhaps, one of the dirtiest episodes of relations between the leadership of the military-industrial complex and the Kazakh public. Exactly this issue opened the true face of the Soviet system and union relations, it revealed – the condescending and sometimes disdainful attitude of the metropolis to the needs and problems of the semi – colonial republics-raw materials appendages of the Soviet Union” [2].

The fortieth anniversary of nuclear tests on the land of Kazakhstan was marked by rallies in Semipalatinsk and other cities of the Republic. In May 1990, the international Congress “Voters of the world against nuclear weapons” was held in Almaty and Semipalatinsk, where the First President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, held a two-hour press conference with more than 150 Soviet and foreign journalists. The ideas and views of the anti-nuclear movement were shared by millions of people in all countries. In his speech at the Congress, President emphasized that the Semipalatinsk nuclear test site is a tragedy of the Kazakh people: “It happened historically, that Kazakhstan was in one of the epicenters of the nuclear confrontation. A deadly nuclear test site is now located in the region where the trade routes of the peaceful silk road used to run, symbolizing the unity of East and West, where for centuries herds of horses grazed in the untouched steppe, explosions have been thundering for forty years...

The pain and tragedy of the Semipalatinsk region is one of the major obstacles to our progress. And, of course, the closure of the landfill will be the most important factor in the success of the Republic in its ongoing work, and will have a huge environmental, political, economic, and humanistic significance. The Kazakh people have an ancient custom to open the palm as a sign of goodwill. Today we can open our hands to demonstrate our readiness for a peaceful dialogue” [3, p. 5]

Kazakhstan made the only correct decision, declaring itself as a nuclear-free state realizing its global responsibility to the world community in ensuring nuclear safety.

To this day, the population of the region is experiencing the devastating consequences of nuclear tests. The level of severe diseases and mortality remains high. The territory adjacent to the landfill is contaminated with radioactive decay products, and the ecological system is seriously depleted. A huge territory of the Kazakh land with an area of thousands of hectares, comparable to the territory of some European states, has been withdrawn from use. Therefore, the decision of the First President of Kazakhstan to close the landfill had a fateful significance for the Kazakh people. In recognition of the significance of this event, the date of closure of the test site was declared by the UN as World Day against nuclear testing.

The closure of the Semipalatinsk test site was the first step that laid a solid foundation for Kazakhstan's consistent policy on non-proliferation of nuclear weapons.

On 23 May 1992 in Lisbon, Kazakhstan committed itself to join the Treaty on the non-proliferation of nuclear weapons as a non-nuclear-weapon country. Further, in 1993, following the chosen course, Kazakhstan signed the Treaty on the non-proliferation of nuclear weapons, and thus drew a peculiar line under the part of history that was associated with the testing and deployment of nuclear weapons. Since independence, the Republic of Kazakhstan has taken a number of concrete steps that have proved our country's firm intention to strengthen the non-proliferation regime and contribute in every possible way to strengthening global and regional security [3, p. 6].

“People have learned to control the energy of the core, but they have not learned to control themselves. However, the “military” atom has long been living its own life. It is hard to find and even harder to destroy. It can't be targeted, because the target is yourself” [2, 5], these words were written in the book written by the Leader of the nation “Epicenter of the world”. Therefore, Kazakhstan became the first country in the world to show the world that the non-proliferation of weapons of mass destruction is the norm of life.

On August 29, 2012, Astana hosted the international conference “From banning nuclear tests to a world free of nuclear weapons”. It was timed to coincide with the International day of action against nuclear tests. The conference called for the creation of new regional nuclear-weapon-free zones, especially in the Middle East, North-East Asia and the Arctic.

Speaking at the opening of the International conference “From banning nuclear tests to a world free of nuclear weapons” in Astana, the First President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, compared nuclear weapons to the suicide of all mankind: “Nuclear weapons are suicidal for humanity. And suicide, as a direct challenge to the Creator, is condemned by all world religions of the world. And from this point of view, the desire of mankind to possess military nuclear power is an absolute blasphemy” N. Nazarbayev said.

“A nuclear-free world is our common goal that humanity should strive for. We can make our world a safer and better place, only by working together” the Leader of the nation N. Nazarbayev added [4].

Indeed, a new page has been opened today in the promotion of a nuclear-free world for all countries. And Kazakhstan has proved to everyone once again that the preservation of peace and tranquility on the planet depends on each of us.

References:

1. Masatova B. Nuclear-free Initiatives of Kazakhstan: integration potential // ”Liter”. 2011. 25 August.
2. Nazarbayev N. A. Epicenter of the world. - Almaty: Elorda, 2001. - 294 p.
3. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. - F. 7. - S. 1. - F. 55. – 1 -6 pp.
4. Zhumzhumina A. N. Nazarbayev: Nuclear weapons are suicidal for humanity - URL: <http://www.bnews.kz>. (date accessed: 18.04.18).

Роль этнокультурных объединений в укреплении межэтнических отношений в Казахстане

Каленова Т.С.

*Кандидат исторических наук
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, доцент кафедры политологии*
kalenovats@mail.ru

Жалелова Г.М.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Казахстан, докторант*
gulzhan--z@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена изучению и анализу деятельности этнокультурных объединений, созданных при Ассамблее народа Казахстана. Рассматривается роль этнокультурных объединений в формировании и укреплении межэтнических отношений в Казахстане. Основное внимание в статье автор акцентирует на казахстанской модели межэтнического согласия. На сегодняшний день межэтнические отношения в полиэтничном государстве, каким является Казахстан, стали важным фактором стабильного и демократического развития, объективной предпосылкой национальной безопасности, а также базовой основой внешнеполитической деятельности государства.*

Ключевые слова: *Казахстан, межэтнические отношения, Ассамблея народа Казахстана, этнокультурные объединения, толерантность, государственная политика.*

The role of ethno-cultural associations in strengthening interethnic relations in Kazakhstan

Kalenova T.S.

*к.н.с., Associate Professor of Department of Political science and
Conflict studies of L.N.Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan*
kalenovats@mail.ru

Zhalelova G.M.

*PhD graduate in "Cultural studies", L.N. Gumilyov Eurasian
National University, Kazakhstan*
gulzhan--z@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the study and analysis of the activities of ethnocultural associations created at the Assembly of the People of Kazakhstan. The article examines the role of ethnocultural associations in the formation and strengthening of interethnic relations in Kazakhstan. The author focuses on the Kazakh model of interethnic harmony. Today, interethnic relations in a multiethnic state such as Kazakhstan have become an important factor in stable and democratic development, an objective prerequisite for national security, as well as the basic basis of the state's foreign policy.*

Keywords: *Kazakhstan, interethnic relations, the Assembly of the People of Kazakhstan, ethno-cultural associations, tolerance, state policy.*

Казахстан – одно из государств, которое после распада СССР смогло бесконфликтно урегулировать межэтнические отношения. На территории нынешнего Казахстана волею судьбы оказались многие этносы. Как государству удалось сплотить народ Казахстана и воспитать в каждом гражданине чувство толерантности и единства?

Важным элементом политической системы Казахстана, скрепившим интересы всех этносов, обеспечивающим неукоснительное соблюдение прав и свобод граждан, независимо от их национальной принадлежности, стала Ассамблея народа Казахстана, созданная 1 марта 1995 года по инициативе Первого Президента страны Н.А. Назарбаева.

Сегодня Ассамблея способствует созданию благоприятных условий для дальнейшего укрепления межэтнического согласия, толерантности в обществе и единства народа. Ассамблея обеспечивает интеграцию усилий этнокультурных объединений, помогает возрождению, сохранению и развитию национальных культур, языков и традиций народа Казахстана.

Всем этносам Казахстана была предоставлена возможность развивать свою культуру, язык и традиции, сохраняя национальный колорит и самобытность. Уникальность казахстанской модели общественного согласия и межнационального единства заключается в постоянном развитии, взаимопроникновении, взаимообогащении культур и лучших традиций этносов [1, с.195].

По роду своей деятельности Ассамблея народа Казахстана и ее региональные структуры осуществляют мониторинг общественных настроений, взглядов, тенденций. Эта работа проводится посредством региональных структур АНК. В республике создано более тысячи этнокультурных объединений, двадцать семь Домов дружбы, работают и развиваются этнические СМИ.

Азербайджанский культурный центр «Туран» зарегистрирован 29 мая 1992 года. В 2000 году решением общего собрания Алматинского общества азербайджанцев «Озан», «Ташкентского азербайджанского культурного центра» и «Бишкекского азербайджанского культурного центра» АКЦ «Туран» был преобразован в Конгресс азербайджанцев «Туран».

Выпускается газета «Ватан» на азербайджанском языке. В Алматы, Алматинской и Павлодарской областях созданы воскресные школы, в которых изучаются родной и государственный языки, литература, история, обычаи, традиции и искусство азербайджанского этноса.

В феврале 1991 года в Алматы была создана Республиканская общественная организация «Общество турок «Туркия». В 1996 году общественная организация была переименована и зарегистрирована как Турецкий национальный центр «Ахыска». С октября 2004 года на турецком, казахском и русском выпускается еженеделная газета «Ахыска». Открыты и работают три воскресные школы. Более чем в 30 общеобразовательных школах в местах компактного проживания турок ведется преподавание турецкого языка.

Первое общественное объединение армян в Казахстане появилось в Алматы в 1991 году. Ассоциация Армянских культурных центров РК «НАИРИ» была создана 30 октября 2004 года в г. Алматы. В настоящее время в 14 городах Казахстана действуют Армянские культурные центры. Этнокультурным объединением организуются областные и региональные фестивали культуры, проводятся мероприятия и заседания «круглых столов» по вопросам сохранения и укрепления армянских традиций.

Республиканское объединение юридических лиц «Рада украинцев Казахстана» создана в октябре 2005 года. В ее состав входят 11 этнокультурных объединений. ОЮЛ «Рада украинцев Казахстана» с 2006 года - член «Всемирного Конгресса Украинцев».

Издается республиканская газета «Вести Украины» на казахском, украинском и русском языках. При Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева также создан Украинский центр науки и культуры. При областных ЭКО созданы молодежные объединения и этнолингвистические воскресные школы.

На первом съезде немцев Казахстана в 1992 году создана республиканская общественная организация «Возрождение», получившая позже название Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» («Wiedergeburt»). В 1994 году был открыт Немецкий дом в г. Алматы. В марте 2018 года учредителями ОЮЛ АООНК «Возрождение» было принято решение о его

реорганизации путем присоединения к ОФ «Казахстанское объединение немцев «Возрождение». Более 50 лет издается национальная немецкая газета «Deutsche Allgemeine Zeitung» (ранее «Фрейндшафт»).

«Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций Казахстана» действует с 4 марта 1999 года и насчитывает более 45 первичных самостоятельных славянских общественных объединений, ведущих активную общественную работу в 16 регионах Казахстана. Издаются газеты и журналы на русском языке, функционирует республиканская рассылка информационного бюллетеня. По республике действуют более 10 литературно-творческих объединений. Работают русские драматические театры. При этнокультурных центрах действуют воскресные школы, созданы вокальные и хореографические ансамбли.

Ассоциация этнокультурных объединений узбеков Республики Казахстан «Дустлик» была создана в 1995 году. Количество действующих школ на узбекском языке 136, из них 17 полных и 119 смешанных школ. В профессиональных лицеях и колледжах Южно-Казахстанской области имеются группы с обучением на узбекском языке. В Туркестанском педагогическом колледже готовят учителей начальных классов для школ с узбекским языком обучения.

Издаются более 10 газет и журналов на узбекском языке, успешно функционируют более 10 литературно-творческих объединений. Действуют два узбекских театра. При каждом узбекском центре действуют воскресные школы, созданы вокальные и хореографические ансамбли.

ОЮЛ «Конгресс татар и башкир Казахстана» была зарегистрирована 26 июля 1995 года. В 2017 году в ходе конференции были объединены «Ассоциация татар и башкир Республики Казахстан» и республиканское общественное объединение «Ассоциация татарских и татаро-башкирских общественных и культурных центров Казахстана «Идель». Действуют воскресные школы, Татарская школа искусств. В 2014 году на базе Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева созданы Научно-образовательный центр «Институт Каюма Насыри» Казанского Федерального университета, а также образовательные центры в Алматы и Караганде. При каждом этнокультурном объединении работают музыкальные и хореографические коллективы.

По инициативе Академика Национальной академии наук Республики Казахстан, заслуженного деятеля науки РК, доктора филологических наук, профессора Садвакасова Гожамета Садвакасовича в 1989 году в марте создан уйгурский культурный центр

«Общество культуры уйгуров Республики Казахстан». Основными ресурсными базами ОО «Республиканский этнокультурный центр уйгуров Казахстана» являются 63 школы, из них 15 на родном языке, 48 смешанных школ, издаётся республиканская газета «Уйгур авазы», функционируют Республиканский государственный уйгурский театр музыкальной комедии им. К. Кужамьярова, Центр уйгуроведения Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова комитета науки Министерства образования и науки РК.

Первый курдский культурный центр был создан в г. Алматы в 1989 году. С марта 1993 года была зарегистрирована и начала функционировать в статусе регионального общественного объединения Ассоциация курдов «Якбун» (Единство). В 1999 году она была переименована в «Барбанг» (Рассвет). В г. Алматы и некоторых областях республики, где компактно проживают курды, в филиалах ассоциации организованы воскресные школы по изучению курдского языка. Под эгидой Ассамблеи народа Казахстана издается литературно-художественный, научный и общественно-просветительский журнал «NÛBAR» (Первенец) и ежемесячная газета «Жийана курд» (Жизнь курдов).

Вайнахские этнокультурные центры в Казахстане начали создаваться в конце 80-х годов. Ассоциация «Вайнах» была зарегистрирована 31 марта 1995 года. В качестве объединения юридических лиц организация прошла регистрацию 29 июля 1997 года. 19 июня 2013 года перерегистрирована в «Ассоциацию чеченцев и ингушей Казахстана «Вайнах». В областях открыты школы по изучению родных языков.

В 1989 году инициативные группы корейской общественности в г. Алма-Ате и других областных центрах приступили к созданию корейских культурных центров. С 22 сентября 2017 г. функционирует объединение юридических лиц «Ассоциация корейцев Казахстана».

В 2004 г. в Алматы был построен Корейский дом. Культурным очагом является Государственный республиканский академический корейский театр музыкальной комедии. Ассоциация корейцев Казахстана представлена в 17 городах Казахстана.

Ассоциация еврейских национальных организаций Казахстана «Мицва» начала работу 30 мая 1992 года. В Ассоциацию «Мицва» входят 20 этнокультурных объединений, 13 благотворительных Хэсэдов, 13 общинных центров.

С мая 1999 г. Ассоциация «Мицва» выпускает ежемесячный республиканский вестник «Давар», содержащий актуальные новости из жизни еврейской общины Казахстана, а также другие информационные материалы, имеющие отношение к евреям [2].

В Казахстане первый греческий культурный центр «Эос» был учрежден в 1989 году в Алматы. Развитие общества и необходимость постоянного взаимодействия привели к тому, что в 1993 году в Казахстане был создан координирующий орган – Ассоциация греческих обществ «Филия». В ассоциацию входит 16 обществ греков. При содействии организаций Греции по предложению ассоциации была создана программа по подготовке учителей - преподавателей греческого языка в городе Алматы. За период с 1996 по 1999 год было подготовлено 16 преподавателей.

Таким образом, сегодня в Казахстане гармонично сосуществуют и развиваются разнообразные культуры. Прочный фундамент независимого Казахстана подкреплен общими культурными и духовными ценностями всех этносов, проживающих на территории страны, где цементирующей основой, консолидирующим ядром являются казахи. Достижения этнокультурных объединений, их открытость для диалога, инноваций, взаимного влияния и обогащения стали общенациональным достоянием всех казахстанцев [2, с. 123].

Литература:

1. Назарбаев и казахстанская стратегия политических реформ: сборник документов и материалов / Отв. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2010. – 280 с.
2. <https://assembly.kz/ru/struktury-ank/etnokulturnye-obedineniya/respublikanskie-eko/>
3. Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий. – Алматы: «КАЗақпарат», 2015. - 326 с.

Роль военной проблематики в патриотическом воспитании школьников на местном уровне (на примере Алтайского края)

Качусов Д.А.

*Алтайский Государственный университет,
аспирант.*

E-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru

***Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ
научного проекта № 20-011-00346 А, «Фактор патриотического
воспитания в конструировании гражданской идентичности***

старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Аннотация: В статье рассматривается понятие «патриотическое воспитание», его сущность и содержание, основные направления и значение в жизни общества, государства и человека. Указывается особое значение военно-исторического компонента в российской патриотической традиции. Анализируются нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, прямо или косвенно затрагивающие вопросы воспитания патриотизма. Раскрывается практика и основные формы военно-патриотического воспитания в крае на местном уровне: военно-патриотические школьные музеи, военно-спортивное воспитание, знакомство учащихся с деятельностью выдающихся людей края, ветеранами и участниками войн, вовлечение их в подготовку и проведение мероприятий патриотической и исторической направленности. Делается попытка обозначить региональную специфику в данной сфере.

Ключевые слова: патриотизм, гражданская активность, военно-патриотическое воспитание, историческая память, молодежь, школьники.

The role of military issues in Patriotic education of schoolchildren at the local level (on the example of the Altai territory)

Kachusov D. A.

Altai State University, post-graduate student.

E-mail: dimkazanchev@mail.ru

Abstract: The article discusses the concept of «patriotic education», its essence and content, its main directions and significance in the life of society, the state and people.. The special significance of the military-historical component in the Russian patriotic tradition is indicated. The legal acts of the federal and regional level are indicated that directly or indirectly affect the issues of education of patriotism. The practice and the main forms of military-patriotic education in the region at the local level are revealed: military-patriotic school museums, military-sports education, introducing students to the activities of prominent people of the region, war veterans, involving them in the preparation and conduct of events of a patriotic, historical orientation. An attempt is made to identify regional specifics in this area.

Keywords: patriotism, civic activity, military-Patriotic education, historical memory, youth, school children.

Патриотизм – сложный и многогранный феномен общественной жизни, включающий в себя социальные, политические, нравственные, культурные, исторические и иные компоненты. Патриотизм служит одной из духовных основ целостности общества, выступает в качестве важного внутреннего фактора его сохранения и развития, особенно в периоды нестабильности, способствует формированию активной личной гражданской позиции человека, понимания ответственности за будущее страны и права каждого участвовать в его определении. Патриотическое воспитание является одним из важнейших компонентов процесса возвращения ответственного и активного гражданина.

Российская патриотическая традиция имеет глубокие исторические корни, и военно-исторический компонент играет в ней значительную роль, так как страна пережила ряд масштабных военных конфликтов и лишь титаническими усилиями всего народа в целом смогла преодолеть их. Историческое наследие Великой Отечественной войны, войны в Афганистане и ряда других локальных и крупных конфликтов и в настоящее время остаются значимыми образами в исторической памяти поколений, даже если они сами не были их очевидцами. На местном уровне, на уровне отдельных муниципалитетов, сел и поселков большое значение придается вопросам сохранения и реставрации воинских монументов, памятников участникам войн, мемориальным доскам, музеям и комнатам боевой славы и т.д. Отделить патриотическое воспитание школьников от той культурной среды, в которой они проживают, не представляется возможным.

Проект Федерального закона № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации», обобщая практику патриотического воспитания на государственном уровне, указывает три основных направления патриотического воспитания: гражданско-патриотическое, духовно-нравственное и военно-патриотическое [1]. Именно последнее направление в России получает наибольшую поддержку от государства и наиболее активно развивается.

Непосредственно в сфере патриотического воспитания действует государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы», в которой дается определение патриотическому воспитанию, раскрываются его цели и задачи на государственном уровне, характеризуются показатели, которые необходимо достичь [2]. На уровне субъектов РФ действуют

региональные программы, конкретизирующие и дополняющие общефедеральную. В частности, в настоящее время осуществляется программа «Патриотическое воспитание граждан в Алтайском крае на 2016 - 2020 годы». Необходимо также отметить, что до 2010 г. в крае существовала и программа «Патриотическое воспитание детей и молодежи в Алтайском крае», непосредственно ориентированная на подростков, однако в настоящее время молодежное патриотическое воспитание не выделяется отдельно. Краевая программа определяет конкретные показатели, которые должны быть достигнуты в ходе ее реализации: увеличение количества научных исследований и разработок в сфере патриотического воспитания, внедрение новых эффективных комплексов, учебных программ, методик и технологий, увеличение доли граждан края, выполнивших нормативы ГТО, подготовка организаторов и специалистов в сфере патриотического воспитания и т.д. Примечательно, что программа предполагает сохранение стопроцентного участия в ней как образовательных учреждений, так и самих учащихся [3].

Нельзя не переоценить значимость усвоенных в подростковом возрасте ценностей в жизни человека, так как они служат основанием для складывания полноценной личности. В то же время, взращивание патриотизма и высокого уровня гражданской ответственности невозможно одновременно – это долгий и сложный процесс, требующий кропотливой каждодневной работы в семье и школе, на всех этапах жизни человека. В этой задаче ведущая роль отводится образовательным учреждениям, способствующим нравственно-патриотическому становлению детей и молодежи, подготовке их к самостоятельной жизни, что находит отражение и в осуществлении государственной политики. В ряде нормативно-правовых актов самого разного уровня и направленности, таких как Закон «Об образовании в Российской Федерации», «Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г.», Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования и т.д., можно выявить своеобразный социальный заказ на воспитание патриота, гражданина, человека с активной общественной позицией, трудолюбивого, высоконравственного, осознающего традиционные российские ценности, любящего свою страну, народ и семью и уважающего общечеловеческие права и свободы.

Патриотическое воспитание включает в себя привитие молодежи определенного набора патриотических ценностей и сохранение исторической памяти через широкое использование в воспитательной работе военно-патриотических мероприятий, поисково-краеведческой работы, сохранение семейных ценностей и знакомство с

национальными традициями. Также воспитание будущего патриота подразумевает и решение социальных проблем, улучшение качества жизни россиян, обеспечение народосбережения, поддержание культурного и образовательного уровня граждан и работу реальных механизмов народовластия, что делает более привлекательным ассоциирование себя с данным обществом.

Вопрос формирования патриотического мировоззрения, трансляции патриотических ценностей и сохранения военно-исторического наследия активно решается в образовательных учреждениях региона в различных формах. Прежде всего, следует упомянуть функционирование большого количества школьных музеев в крае. Многие образовательные учреждения (школы, лицеи и гимназии) городов и сельских поселений Алтайского края имеют собственные музейные экспозиции военно-патриотического характера. В частности, на территории г. Барнаула функционирует 21 военно-исторический музей, посвященный истории вооруженных сил и тематике Великой отечественной войны, ее ветеранам и воинским частям, участвовавшим в ней [4]. Еще 25 музеев (военно-исторические, историко-патриотические, боевой славы и т.п.) действуют в школах на территории других городов и районов края [5]. Кроме того, в большей части образовательных учреждений существуют отдельные экспозиции, стенды или мемориальные доски, посвященные участникам Великой отечественной войны и локальных конфликтов XX века. Силами учеников, учителей и родителей во многих школах созданы документальные базы (в виде школьных «Книг памяти», фотоархивов, записей личных воспоминаний) о родственниках и земляках, воевавших и работающих в тылу в годы войны.

Однако военно-патриотический компонент не исчерпывается «пассивной» музейной составляющей. Существует большое количество методических комплексов и разработок по организации процесса патриотического воспитания в школе: проведение уроков патриотического воспитания, классных часов и иных мероприятий патриотической направленности, что представляет возможность задействовать очень широкий набор методов в данной сфере. В частности, в качестве одного из главных средств патриотического воспитания рассматривается вовлечение учащихся в подготовку и проведение мероприятий, приуроченных к годовщине Победы, таких как Всероссийская гражданская инициатива «Бессмертный полк», акции по посещению ветеранов «Волонтеры победы» и «Герои рядом с нами», а также в традиционные конкурсы детского творчества, посвященные памяти Победы. Кроме того, стимулируется и самостоятельная деятельность учащихся по поиску и сохранению

информации о своих родственниках, участвовавших в Великой Отечественной войне.

Еще одним из важных компонентов военной направленности в патриотическом воспитании в школе является военно-спортивное, в частности, подготовка и сдача норм ГТО для школьников, что является одним из важнейших показателей выполнения краевой программы «Патриотическое воспитание граждан в Алтайском крае на 2016 - 2020 годы», где школы активно сотрудничают с общественными организациями данного профиля, в частности, с отделениями ДОСААФ. Совместными силами проводятся военно-спортивные игры, стрельбы, знакомство с основами армейской жизни, организация выставок и демонстраций вооружения.

Особенностью краевой практики военно-патриотического воспитания в крае является большое внимание к жизни и деятельности уроженца края, известного оружейника М.Т. Калашникова. 2019 год, как год столетия конструктора, ознаменовался проведением в школах края целого комплекса мероприятий, посвященных его юбилею, где учащихся знакомили с биографией, профессиональной деятельностью и техническими разработками М.Т. Калашникова.

Подводя итог, можно указать, что военно-исторический компонент в патриотическом воспитании школьников составляет основную часть. В настоящий момент, военная проблематика остается доминирующей в риторике патриотического воспитания – она пользуется поддержкой со стороны государства и транслируется посредством целого ряда методов: через создание музеев и отдельных экспозиций военно-патриотической направленности, проведение открытых уроков, встреч с ветеранами, представителями вооруженных сил, мероприятий военно-спортивного характера и т.д. В то же время, близость данной проблематики значительной части взрослого населения позволяет вовлекать их в процесс воспитания на общественных началах и обеспечивать непрерывность воспитательного процесса как в образовательных учреждениях, так и в семье.

Литература:

1. Проект Федерального закона № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=165753#04015247137478879> (дата обращения 13.01.2020)

2. Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 - 2020 годы» // Сайт Правительства России [электронный ресурс] – URL:

<http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения 13.01.2020)

3. Программа «Патриотическое воспитание граждан в Алтайском крае на 2016 - 2020 годы» // Консорциум КОДЕКС [электронный ресурс] – URL: <http://docs.cntd.ru/document/441768617> (дата обращения 13.01.2020)

4. Школьные музеи города Барнаула [электронный ресурс] – URL: <http://www.school-museums.narod.ru/1-0.htm> (дата обращения 13.01.2020)

5. Список школьных музеев Алтайского края, имеющих статус «Музей образовательного учреждения» // КГБУДО Алтайский краевой центр детско-юношеского туризма и краеведения [электронный ресурс] – URL: <http://akcdutik.edu22.info/mer/muz3.pdf> (дата обращения 13.01.2020)

6. Патриотическое воспитание // Сайт МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 59 г. Барнаула» [электронный ресурс] – URL: <http://sch59.ru/patrioticheskoe-vospitanie.html> (дата обращения 13.01.2020)

7. План мероприятий, посвященных 100-летию М.Т. Калашникова // МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 12 города Новоалтайска» [электронный ресурс] – URL: <http://www.novoalt-12.ru/meropriyatiya/3453-plan-meropriyatij-posvyashchennykh-100-letiyu-m-t-kalashnikova.html> (дата обращения 13.01.2020)

Концепция благополучия людей старшего поколения в современном мире

Кащук И.В.

Кандидат технических наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, ШБИП,

доцент отделения социально-гуманитарных наук

E-mail: Irusiya_Kashuk@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена вопросам повышения благополучия пожилых людей в России и за рубежом. Рассмотрена современная тенденция стремительного роста численности лиц пожилого возраста во всем мире. Анализируются социально-экономические последствия современного демографического сдвига, изменения структуры рыночного спроса, структуры сбережений, предложений на рынке труда, потребности в бюджетных ресурсах,*

потоков финансовых ресурсов и обязательств. Предлагается пересмотреть существующую экономическую модель современного общества с учетом создания новой концепции благополучия пожилых людей. Предлагается новая платформа благополучия пожилых людей на основе их привлечения к активной экономической жизни общества. Рассматривается возможный вариант создания новой концепции благополучия на основе возрождения института наставничества.

Ключевые слова: пожилые люди, концепция благополучия, геронтомаркетинг, экономическая модель общества, наставничество.

The concept of wellbeing of older adults in the modern world

Kashchuk I. V.,

associate professor

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

E-mail: Irusiya_Kashuk@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to improving the well-being of older people in Russia and abroad. The current trend of the rapid increase in the number of elderly people around the world is considered. It analyzes the socio-economic consequences of the current demographic shift, changes: the structure of market demand, the structure of savings, labor market supply, the need for budgetary resources, the flows of financial resources and obligations. It is proposed to revise the existing economic model of modern society, taking into account the creation of a new concept of well-being of older people. A new platform for the well-being of older people is proposed based on their involvement in the active economic life of society. A possible option is being considered for creating a new concept of well-being based on the revival of the institution of mentoring.*

Keywords: *aged people, the concept of well-being, gerontomarketing, the economic model of society, mentoring.*

На сегодняшний день самым старым в мире является население Европы. Тенденция старения населения скоро охватит все континенты. В развивающихся странах процесс старения будет более стремительным, чем в развитых странах Европы. К 2050 году 80% лиц пожилого возраста будет проживать в развивающихся государствах. Сегодня люди на всех континентах земли стали жить дольше. Продолжительность жизни увеличивается с каждым годом. Ежегодно Life Expectancy Index публикует индекс продолжительности жизни, который является основным показателем средней ожидаемой продолжительности жизни в странах мира [1].

Демографические изменения неизбежно повлекут следующие социальные и экономические последствия.

1. Смещение структуры спроса на рыночные товары и услуги, в том числе услуги, предоставляемые государством. С повышением возраста у людей увеличивается потребность в услугах здравоохранения, требуется дополнительная социальная помощь. Пожилые люди больше подвержены риску заболеваний и требуют большего медицинского ухода. Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения приведет к росту медицинских расходов государства, а снижение рождаемости приведет к уменьшению числа посещения детских дошкольных учреждений и школ.

Потребности пожилых людей имеют свою специфику, поэтому их требования к товарам и услугам отличаются от требований других возрастных групп. Как правило, эти требования не учитываются при производстве во многих отраслях и сферах деятельности экономики. Современная концепция геронтомаркетинга может решить все проблемы, связанные с производством, приобретением и использованием товаров и услуг пожилыми людьми. Геронтомаркетинг направлен на поиск и развитие рынка пожилых людей, как целевого для производителей и дистрибьюторов, и обеспечение спроса на товары и услуги покупателей в возрасте старше 55 лет. Геронтомаркетинг создает возможность регулировать основные параметры качества и уровня жизни пожилого человека.

2. Изменение объема и структуры сбережений. Периоды формирования и использования сбережений чередуются. Изменение структуры населения оказывает влияние на динамику сбережений. Сокращение удельного веса людей в молодом и зрелом возрасте снижает нагрузку на работающее население, а рост численности пожилых людей требует дополнительных бюджетных средств. Как следствие, изменяются спрос на финансовые активы и процентные ставки.

В развитых странах Германии, Франции, Финляндии, Швейцарии пенсионеры материально обеспечены. Их пенсии больше, чем у россиян, как в абсолютном, так и в относительном выражении. В западных странах пенсии сопоставимы с зарплатой среднего работника и достигают 60-70 процентов от ее среднего размера. Поэтому тенденция увеличения сбережений за счет накоплений пенсионеров за рубежом намного выше, чем в России. В нашей стране из-за низких пенсий и зарплат сбережений фактически нет.

3. Снижение предложения на рынке труда. В России демографические изменения приведут к сокращению численности экономически активного населения на 20 миллионов человек, что

значительно замедлит рост душевого ВВП при постоянном уровне производительности труда. Соответственно, при прочих равных условиях, старение замедляет рост уровня жизни населения страны.

4. Значительное увеличение потребности в бюджетных ресурсах. Государство тратит огромное количество средств на разработку программ по улучшению жизни лиц пожилого возраста. Однако ни одна из них не решает комплексно все проблемы пожилых людей. Региональные власти разрабатывают программы без учета потребностей различных возрастных групп, их стиля жизни и предпочтений.

5. Существенное изменение потоков финансовых ресурсов и обязательств между поколениями. Традиционный метод решения проблем приводит к увеличению государственного долга. Наблюдается нарушения баланса отношений между поколениями в результате изменения численности работающего населения и пенсионеров, часть которых продолжает работать. По данным Росстата, в России на текущий момент более 40 миллионов пенсионеров, из которых каждый третий работающий.

Сегодня каждому девятому человеку в мире 60 лет или больше. К 2050 году каждому пятому человеку в мире будет более 60 лет, по данным департамента по экономическим и социальным вопросам, согласно прогнозам [2].

Каковы экономические последствия этих тенденций, что ждет нас в будущем? По прогнозам ООН, уже к 2050 году во всех регионах мира, исключение – Африка, численность лиц пенсионного возраста превысит 2 млрд. чел. (22% населения земли). Их численность превысит число детей младше 15 лет, а население в трудоспособном возрасте вырастет всего лишь на 1,1 млрд человек. К 2050 году в развивающихся странах численность трудовых ресурсов стремительно увеличится и превысит число всех ныне работающих в развитых странах.

По прогнозам статистической службы Европейского союза, в 2050 году в развитых странах на 100 работающих будет приходиться 78 неработающих, в основном это будут пенсионеры. Например, в Японии в 2050 году на 100 работающих будет приходиться 99 пенсионеров.

Очевидно, что скоро нынешняя модель экономики, где работоспособные обеспечивают всех пенсионеров, станет нереальной. Дискуссии в основном касаются потенциальных моделей пенсионных систем и систем медицинского страхования. Необходимо разработать новую экономическую модель и новую концепцию благополучия пожилых людей.

Разработка и внедрение новой экономической модели возможны при условии изменения процесса старения населения в мире. В один миг изменить процесс старения населения невозможно. Это сложная кропотливая работа в направлении повышения качества жизни и благополучия пожилых людей.

Через 20 лет половину населения мира будут составлять пожилые люди, кто будет их содержать и кормить. Данная ситуация приведет к краху пенсионной системы во всех странах мира. Правительства России и ряда Европейских стран предлагают повысить пенсионный возраст.

Сегодня миллионы пожилых людей не могут работать не по собственному желанию. Среди них довольно много тех, кто еще хочет и может работать, но рынок труда не дает им такой возможности.

Проблема привлечения пожилых людей к производительному труду заключается в общественном мнении, что труд пожилых мало эффективен.

В реальной жизни существует множество ситуаций, когда конкурентами на рынке труда являются пожилые высококвалифицированные специалисты и молодые без опыта и профессиональных знаний работники (например, мигранты). Кого предпочтет спрос рынка? С экономической точки зрения наиболее предпочтительными будут пожилые специалисты, которых не надо обучать, адаптировать, и которые вряд ли будут использовать любую возможность для поиска нового работодателя и большей зарплаты.

Исследования компании Marksman, которая ведет подбор персонала для компаний различного уровня показали, что наиболее преданные и увлеченные сотрудники в компаниях – это те, кому за 50. Так как, эти люди более клиентоориентированы [4].

Ведущие мировые консалтинговые компании считают потенциальное использование труда пожилых людей реальным и экономически оправданным.

Правительства западных стран прилагают не мало усилий в направлении благополучия пожилых людей. Но проблема трудовой дискриминации пожилых в этих странах полностью не решена.

В сложившейся ситуации решением проблемы может быть возрождение института наставничества во всех странах мира. Так компания Bosch предлагает всем уходящим на пенсию возможность интервью, в котором они могут высказать все свои идеи, пожелания и поделиться опытом. В шведской строительной компании Elmhults Konstruktions и датской компании Hazenberg Bouw работают системы наставничества, которые мотивируют уходящих на пенсию передавать

знания молодым. В российской корпорации «Мечел» создан специальный совет ветеранов и учрежден институт наставничества [5].

Россия сильно отстает от Запада в плане привлечения пожилых людей к производственной деятельности.

Для создания и реализации концепции благополучия пожилых людей путем привлечения их к активной экономической жизни необходимо обратить внимание на систему здравоохранения, образования и сферу потребления.

Сегодняшнее стареющее общество меняет свою структуру потребления. Все больше компаний сегодня ориентируются на потребление пожилых людей.

С развитием демографического тренда старения общества, возрастает актуальность геронтомаркетинга.

Стареющее население может выполнять роль эффективного экономического ресурса в современном обществе и приносить пользу своей стране и миру в целом.

Создав и реализовав новую концепцию благополучия пожилых людей, можно построить социально-экономическую платформу современного развивающегося общества, в котором государство создает все условия непрерывного благополучия пожилым людям, а они, в свою очередь, способствуют экономическому процветанию страны.

В современном мире наблюдается демографический сдвиг в результате стремительного увеличения доли пожилых людей в общей численности населения мира.

Демографические изменения повлекут соответствующие социально-экономические последствия. Произойдут изменения: на рынке потребительских товаров и услуг; на рынке труда; в системе накопления и сбережения; трансформируются финансовые ресурсы; возрастет потребность в бюджетных ресурсах.

Данные последствия вызовут острую необходимость пересмотра существующей экономической модели общества. Особое значение будет играть модернизация системы пенсионного обеспечения и медицинского страхования, образования и трудоустройства.

Предлагается создать новую концепцию благополучия пожилых людей на основе повсеместного экономически обоснованного привлечения их к производительному мотивированному труду. Для

этого необходимо создать для пожилых людей специальные условия труда и возродить институт наставничества.

Литература:

1. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий URL: <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (дата обращения 09.01.2020)
2. World Population Ageing 2015 [Электронный ресурс] // Department of Economic and Social Affairs URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/theme/ageing/WPA2015.shtml> (дата обращения 05.12.2019)
3. MARKSMAN в СМИ [Электронный ресурс] // Marksmans URL: <http://www.marksmans.ru/press-center/our-articles/almost-half-of-the-companies-in-the-russian-federation-is-experiencing-a-shortage-of-skilled-personn/> (дата обращения 5.02.2019)
4. Стареем [Электронный ресурс] // ЭХСПЕРТОНLINE URL: http://expert.ru/russian_reporter/2013/03/stareem/media/178037/(дата обращения 6.02.2019)
5. В поисках нового «серебряного века» в России [Электронный ресурс] Доклад Всемирного банка URL: <http://www.worldbank.org/eca/russian/> (Дата обращения: 04.02.2019)

Пространство и время в коммунистической утопии: современная проекция (на примере творчества Ивана Ефремова)

Ковалёв В.А.

Доктор политических наук

*Сыктывкарский государственный университет им. Питирима
Сорокина, профессор кафедры философии и социально-политических
наук*

E-mail: vant_2000@mail.ru

Аннотация: *В силу массового распространения в нашей стране элементов утопического сознания, сохранения веры в социалистический проект, тема утопии и дистопии продолжает оставаться актуальной. Понятия утопии и дистопии не анализируются специально. Они применяются в их традиционном значении. Хороший материал для анализа прошлого и настоящего дают фантастические произведения знаменитого советского фантаста Ивана Ефремова. Интересна проблема фантастического*

времени и восприятия пространства в мирах Ефремова. Утопия построения коммунизма в советской фантастике и советской идеологии была тесно связана с надеждами на освоение Космоса. Время действия романов Ефремова отнесено на тысячи лет в будущее, что противоречило традициям советской фантастике тех лет. В целом, Ефремов в своем творчестве предупреждает о наиболее важных угрозах развития цивилизации и это придает его книгам непреходящую актуальность.

Ключевые слова: Фантастика, утопия и дистопия, пространство и время, тоталитаризм, Иван Ефремов, инферно, *utopian studies*.

Space and time in a Communist utopia: a modern projection (on the example of Ivan Efremov's creativity)

Kovalev V.

E-mail: vant_2000@mail.ru

Abstract: *Due to the mass distribution of elements of utopian consciousness in our country, the preservation of faith in the socialist project, the theme of utopia and dystopia continues to be relevant. The concepts of utopia and dystopia are not analyzed specifically. They are applied in their traditional meaning. Good material for the analysis of the past and present give fantastic works of the famous Soviet science fiction writer Ivan Efremov. The problem of fantastic time and perception of space in the worlds of Efremov is interesting. The utopia of building communism in Soviet fiction and Soviet ideology was closely linked to the hopes of Space exploration. The time of Efremov's novels is attributed to thousands of years in the future, which contradicted the traditions of Soviet fiction of those years. In General, Efremov in his work warns of the most important threats to the development of civilization and this gives his books an enduring relevance.*

Keyword: *Fiction, utopia and dystopia, space and time, totalitarianism, Ivan Efremov, Inferno, utopian studies.*

Книги советского фантаста Ивана Ефремова продолжают оставаться актуальными. Мы уже обращались к анализу его творчества, показав, что в эпоху хрущевской «оттепели» и планов «построения коммунизма в СССР», автор «Туманности Андромеды» совершил обратное превращение идеологии в утопию, предложив свой проект «прекрасного далека», который существенно отличался от того проекта, что содержался в программе КПСС, предполагавший построение коммунизма к 1980 году [6]. Отношения Ивана Ефремова

с советской власти и его отношение к политическому режиму в СССР – это вопрос сложный и неоднозначный. Крайне интересна также проблема утопического наполнения советских культурных практик, особенно последних десятилетий «строительства коммунизма»; эти сюжеты подробно разбираются в одном из разделов монографии И.Каспэ [5, с. 121-206]. Представленная работа посвящена таким аспектам ефремовской утопии, как проблема пространства его романов (в связи с освоением космоса) и времени в романах писателя, который перенес действие своих утопий на тысячи лет в будущее, бросив вызов господствующей в тот период «фантастике ближнего прицела».

Традиционный взгляд на творчество советского писателя Ивана Антоновича Ефремова (1907-1972) привычно относит два его главных фантастических романа «Туманность Андромеды» (1957) и «Час быка» (1968) к полюсам, соответственно, утопии и антиутопии. Если в «Туманности» рисуются впечатляющие картины светлого коммунистического будущего, то «Час быка» посвящен экспедиции землян эпохи ЭВР (Эры встретившихся рук) на планету Торманс, где потомки людей, улетевших в свое время с Земли, прозябают в условиях жестких ресурсных ограничений и под пятой олигархической диктатуры. Это – состояние «инферно».

Но сегодня коммунистическую утопию с антикоммунистических позиций вполне можно трактовать как тоталитарную дистопию. Изменились и ожидания в отношении покорения Космоса, эйфорию сменил здоровый скептицизм. Контраст с 1950-60 годами заметен невооруженным взглядом, хотя, разумеется, нынешний кризис отечественной отрасли закладывался прежними практиками государственного управления освоением космоса [1]. В романах И.Ефремова не только великолепно были отражены настроения космической эйфории, свойственной 1950-1960-м годам, но и (вольно или невольно) показаны трудности, опасности и противоречия для цивилизации совершаемого ею космического рывка. И если в наше время космические полеты испытывает стагнацию, то в ефремовском будущем (при внимательном и непредвзятом чтении «Туманности Андромеды») наблюдается нечто подобное. Необходимость «освоения космоса» в СССР, да и в мире, превратилась в аксиому. Причем эта аксиома действовала не только во времена реальной космической гонки между СССР и США (несмотря на очевидное неравенство экономических потенциалов!), но и для фантастических миров Ефремова полеты в Космос – это что-то само собой разумеющееся. В «Туманности Андромеды» объединенное коммунистическое человечество тратит огромные ресурсы планеты и обрекает звездные экспедиции на запредельный риск, но так и не

добивается непосредственного контакта с инопланетянами. По сюжету романа, Земля снарядила уже почти четыре десятка звездных экспедиций, но они приносят только отрицательные результаты. Чтобы хоть как-то обосновать огромные траты ресурсов и риск, И.Ефремов в соответствующей главе «Туманности Андромеды» о приключениях экипажа «Тантры» на планете Железной звезды, описывает встречу сразу трех звездолетов. Они оказались поблизости друг от друга не просто в одном из участков Галактики, но на одном и том же плато, одной и той же планеты! Это уже совершенно фантастично даже для самой фантастической литературы. В художественной литературе этот сюжетный ход оправдан только в расчете на детскую аудиторию. (Автор хорошо помнит, что этот момент из «Туманности Андромеды» был воспроизведен в советском учебнике «Природоведения» для 4 класса советской школы). В романе эта невероятная встреча с дисколетом из неведомых далей ничего не дает для развития сюжета ни героям, которые смогли лишь отрезать у чужака кусочек обшивки, ни читателям, следящим за этим приключением. Зато вполне убедительна символическая трактовка «Железной звезды» со зловещими обитателями планеты мрака, убивших экипаж «Паруса», как образа сталинизма, погубившего людей, «штурмующих небо», и устремившихся к новым прекрасным мирам [9, с. 24]. Тут надо вспомнить, что ефремовский роман вышел вскоре после XX съезда КПСС, с пресловутым хрущевским «разоблачением культа личности»; и для людей, живших в то время в СССР, подобные намеки были вполне понятны и актуальны.

А в будущем современникам Дар Ветра и Веды Конг (персонажи «Туманности») приходится довольствоваться лишь обменом сообщениями по «Великому кольцу» опять-таки с необходимостью экономией энергии для этого в масштабах всей планеты. Но из-за огромных расстояний в передачах «Кольца» люди видят уже давно умерших людей; поставленный для преодоления этого разрыва «Тибетский опыт» в романе заканчивается катастрофой. Тупик?

По И.А.Ефремову полеты к звездам нужны для контактов с другими высокоразвитыми цивилизациями – это путь к достижению «Эры встретившихся рук». Однако для героев и ситуаций в произведениях Ефремова эти полеты крайне опасны и мучительны. Нужны не только героические жертвы, но и новые подходы. Идея «звездолета прямого луча» (в «Часе быка») – это явный призыв пересмотреть привычные теории и представления, так как в привычных координатах, без принципиальных изменений до Цели НИКОГДА не добраться. Будь то, другие разумные цивилизации или будущее совершенное общество для самих землян. Надо принципиально менять

подходы не только к космическим, но и к земным делам! – такой сигнал, практически открытым текстом идет со страниц ефремовских произведений.

Наконец, в «Эру встретившихся рук», которая описывается в «Часе быка», полеты в другие миры стали возможны, благодаря технологии «прямого луча», которая позволяла быстро передвигаться, «пронзая спираль Вселенной»; огромная опасность этих экспедиций отражала любимый образ писателя – путь по «лезвию бритвы». Но контакты с другими цивилизациями описываются Ефремовым лишь кратко, в фоновом режиме. Опять у Ефремова происходит встреча людей Будущего со своим прошлым и обращение к самым актуальным проблемам Настоящего.

По сути, Ефремов при сохранении веры в коммунистический идеал, предлагает принципиально иную парадигму его достижения. Но его фантастические предложения в реальных условиях советского общества не были и не могли быть приняты, что и определило последующий застой и кризис – сначала в головах, а потом и на практике. Краху социализма предшествовал кризис социалистической фантастике. С самим «коммунизмом» после энтузиазма 1960-х годов ситуация не очень прояснилось – даже в коммунистической фантастике. Наоборот, внимательные исследователи советской фантастики отмечали, что она попала в тупик, и в ней наблюдался творческий и идейный застой. «В начале 1970-х гг. закончился период расцвета советской научной фантастики», – констатировал Леонид Геллер [3, с. 400]. В конце 1980-х наступил известный «конец истории» с попытками воплотить коммунистическую идеологию в нашей стране.

Дискуссионным и даже загадочным выступает в ефремовском творчестве проблема Времени. Поклонники творчества писателя много спорят о реконструкции его картины будущего. Например, Максим Михайлов [7], делает вывод о том, что в совокупности со всеми другими данными, события «Часа быка» отстоят от нашего времени не на 2000, а примерно на 3000 лет, и эти тысячелетия будут наполнены не последовательной сменой эр, продвигающих человечество к полному коммунизма (как это конспективно описывалось еще в «Туманности Андромеды»), но земной цивилизации предстоит пережить серию страшных и разрушительных катастроф, которые неоднократно будут отбрасывать ее назад и ставить на грань гибели. Разумеется, спорить о деталях и точной датировки событий, которые еще не произошли, кажется занятием довольно смешным, но для реконструкции взглядов Ефремова это важно. Собственно (если ты не специалист-ефремовед, детально изучающий наследие писателя) читателю не нужно даже подбирать какой-то сложный шифр. У Ефремова тут и там практически

открытым текстом сообщается о грядущих мировых войнах, о гибели множества людей и культурных ценностях, о сохранении их в отдаленном монастыре, о «стреле Аримана» (проявлениях мирового зла) и бесконечных людских страданиях. Герои уже коммунистического будущего продолжают находить тайные склады смертельного оружия, оставленного предками, которое продолжает убивать (так, командир звездолета «Темное пламя» тоскует по погибшей возлюбленной, ставшей жертвой древнего хранилища, представляющего планетарную угрозу). И многое в этих описаниях относится к периодам, не ДО, а ПОСЛЕ времени жизни самого автора, то есть уже после начала движения к коммунизму в нашей стране. Что там говорить: миф о Тормансе из ефремовской антиутопии, повествует о древних космических кораблях, на которых группы землян спасаются от невыносимого земного ада; случайно «провалившись» между мирами они оказываются на планете, которую тоже превращают в ад. Спустя тысячелетия туда летит «Темное пламя», чтобы помочь бывшим землякам. Но ведь во времена Ефремова даже таких «примитивных» космических кораблей не существовало, и люди не могли отправиться дальше земной орбиты. Читателям было ясно, что эвакуация с Земли – это дело будущего, пускай и не такого далекого, как полный «изм».

Особенностью творчества Ефремова является то, что его герои действуют в масштабах большого исторического времени – тысячелетий. Писателю удалось уйти от аберрации близости, от догматического толкования коммунизма, как чего-то непременно связанного с «великим октябрём» и т.п., хотя, конечно, некоторые упоминания о событиях революции в России в ефремовских утопиях присутствуют. Но выбранный масштаб веков и тысячелетий, «эр», позволяет взглянуть на «коммунизм» без той идеологической нагрузки, которое закрепилось за этим словом в Советском Союзе». И обобществление собственности, и государственное рабство, и власть высших чиновников, и уравнилельное бесправие, и всеобщий «учет и контроль» встречались в прошлом десятки раз, и, как показывает С.Нефедов [8], были ответом власти на экологический – и не только – вызов, и её попытками разрешить кризис, связанный с перенаселением и исчерпанием природных возможностей прокормить «лишние рты». В работах востоковедов неоднократно можно встретить описания обществ без «частной собственности», зато с аналогами колхозов и ГУЛАГа Знаменитый русско-американский социолог Питирим Сорокин в работе с характерным названием «Голод как фактор» вполне открыто проводит параллели между нарождающимися практиками большевизма, властью «комиссаров» и социально-экономической организацией общества, этатизмом и милитаризмом, как реакцией на

нехватку продовольствия и других жизненных ресурсов [10, с.335-390]. У И.Ефремова тоталитарной диктатуре на Тормансе предшествовали «века голода и убийств». Диктатуре при помощи свирепых мер удалось стабилизировать положение: население планеты разделено на долгоживущих «джи», занятых сложным умственным трудом и короткоживущих «кжи», которым молодыми отправляют в «храм нежной смерти».

Попытка построить совершенное общество лишь на «идеалах» и «духовности» к успеху не приводит, хотя в деле выведения и селекции «нового человека» страшная «советская цивилизация» продвинулась весьма далеко. Искренние сторонники коммунистического проекта, конечно, видели эту проблему и напирала на «моральный кодекс строителей коммунизма», на «воспитание нового человека» и т.д. Другое принципиальное предложение заключается в кардинальной перестройке самой человеческой природы. Как получить «нового человека»? Да очень просто: вживить чипы, киборгизировать и/или генно модифицировать? Израильтянин Юваль Ной Хараре сгенерировал на эти темы интересные пред(по)ложения [11] – люди должны перейти на новый уровень, их природа должна стать более «божественной». В том же духе ранее сделано предположение о наступлении технологической сингулярности В.Винджа [2].

Судя по всему, в мыслях Ефремова ничего подобного не было. Он разделял идею о том, что «нового человека» можно только воспитать, создавая для этого благоприятную социальную среду. Фантастика И.Ефремова подчеркнута гуманистична и антропоцентрична. Но возможно ли воплощение ефремовских идеалов без принципиальной перестройки человеческой природы и переходу в иное пространство и время?

Литература:

1. Владимиров Л. Советский космический блеф. Мюнхен: Possev-Verlag, V. Gorachek KG, 1973. 224 с.
2. Виндж В. Сингулярность. М.: АСТ, 2019. 202 с.
3. Геллер Л. Вселенная за пределами догмы. Размышления о советской фантастике. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 444 с. (на русском языке).
4. Еремов И. Час быка. М.: «Молодая гвардия». 1970. 448 с.
5. Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: НЛЮ, 2018. 432 с.
6. Ковалёв В.А. От идеологии к утопии. Коммунистический проект Ивана Ефремова // Наследие. 2019. №1 (14). С. 104-118.

7. Михайлов М., (Запись: июль-август 2013 года). Хронология Ивана Ефремова – URL: <http://wap.noogen.borda.ru/?1-11-0-00000013-000-0-0-1492130811> (дата обращения 30.08.2019).

8. Нефёдов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М: Территория будущего, 2008. 751 с.

9. Сергеев С.А. Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX века. Казань. КНИТУ, 2019. 128 с.

10. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар. ООО «Анбур», 2014. 496 с.

11. Хараре Ю.Н. Homo dues: Краткая история будущего. М.: «Синдбад», 2018. 409 с.

Культурные обусловленности польской русофобии

Kowalska-Stus Hanna

Доктор гуманитарных наук, Член-корреспондент Польской академии Наук

*Ягеллонский университет, г. Краков, Польша,
заведующая кафедрой русско-византийской культуры*

E-mail: kowalska.hanna@gmail.com

Аннотация: *Польские и российские исследования, посвященные русофобии, сосредотачивают внимание на польских оценках России и русских. Источником является польская письменность, литература и печать, начиная со Средневековья. Такого рода исследования ограничиваются выводами о существовании стереотипного образа России в польском сознании и описанием его. Эти исследования не исчерпывают проблемы, однако могут послужить неким информационным полем для методологически правильного изучения данного вопроса. Фобия, в свою очередь, создается под влиянием данной культурной модели и строится на непонимании и неприятии проявлений другой, мало известной культуры.*

В данной статье автор пытается доказать, что фобия построена на существенных культурных различиях, которые касаются того, как данная культура определяет, кем является человек, какую роль играет он в мире, как строит общественные связи, чем для него является государство, как воспринимает действительность, в пространственном или временном порядке.

Такого рода анализ позволяет утверждать, что польская русофобия в минимальной степени обусловлена политическими критериями, чисто историческими или свойственной для соседней

идиосинкразией. Причины лежат в несоответствиях культурных традиций, в чем не отдают себе отчета ни русские, ни поляки. Этот факт еще более углубляет антагонизмы.

Ключевые слова: русофобия, онтология культуры, Россия в польских воображениях.

Cultural determinants of Polish Russophobia

Hanna Kowalska-Stus

*Professor of humanities, head of Orthodox-Byzantine Culture
Department Yagiellonian University of Krakow, a corresponding member
of Polish Academy of Arts and Sciences in Krakow.
E-mail: kowalska.hanna@gmail.com*

Abstract: *Issues raised in titles of Polish and Russian studies focus on Polish assessment of Russia and Russians based on literature and literary sources characterizing Russia. Such research is limited to deducing existence of a stereotypical image of Russia in Polish consciousness and describing it.*

Findings of these studies can be used and placed on a grid of metaphysical concepts in order to refine the analysis of cultural differences in this respect. Having noticed that the above-mentioned studies note that Polish Russophobia is ideological, not pragmatic, we will try to prove that this «ideology» is built on fundamental differences in the way of understanding: man, state and the essence of freedom.

The aforementioned studies concern distant historical examples, but from today's perspective they are merely anecdotes. An attempt to understand phobias should be based not only on recalling past events, but on presenting them as examples proving the existence of substantial differences in cultural tradition. These differences concern understanding the notion of man and the role he plays in the world, how he builds social relationships, what the state means to him and whether his perception of reality is predominantly spatial or temporal.

Having conducted this kind of analysis, we expect to prove that Polish Russophobia is to a small extent conditioned by political, purely historical criteria or aversion, which is so common among neighbors. Its reasons stem from fundamental differences in cultural tradition, which, unfortunately, neither Poles nor Russians are conscious of. And this is a factor that additionally aggravates antagonisms.

Key words: *Russophobia, cultural ontology, Polish image of Russia.*

События, вызвавшие историческую «войну» между Польшей и Россией на рубеже 2019-го и 2020-го г.г., которая возникла на фоне разной интерпретации участия обеих сторон во вспышке II-й Мировой войны, быстро канут в реку забвения. Но укоризна останется и быстро найдет себе новый повод для конфликта. Такого рода инциденты возникают на почве фобии. Однако сама фобия в этом случае имеет существенные причины, которых литература предмета не учитывает.

С фобией (греч. φόβος «страх») связана неприязнь, а ей сопутствуют, но не являются причиной, стереотипные убеждения. Исследователи фобии часто ошибочно включают стереотип в познавательную структуру интерпретации этого явления. Фобия, в свою очередь, создается под влиянием данной культурной модели и строится на непонимании и неприятии другой, мало известной, культуры. Культурные модели предполагают, что общество сохраняет знание о себе и на его основании оценивает другие национальные и общественные группы, обладающие другими культурными моделями. Стереотип, наоборот, становится системой поверхностных наблюдений, шаблонных распространенных мнений, общих убеждений, набором непроверенной информации. Иногда его называют культурным стереотипом, который имитирует общественное знание. Культурным стереотипом пользуются политика, СМИ, пропаганда. Не обременены им только те, кто хорошо знает данную, а также, свою, культуру.

Вопрос польской русофобии дождался богатой литературы на польском и русском языках. Общей чертой этих исследований является исторический подход. Внимание сосредоточивается на оценочных характеристиках: русского государства, общественного строя, системы власти, обычаях, чертах национального характера. Источником является польская письменность, литература и печать, начиная со средневековья. Такого рода исследования ограничиваются выводами о существовании стереотипного образа России в польском сознании и описании его. Эти исследования не исчерпывают проблемы, однако могут послужить неким информационным полем для методологически правильного изучения проблемы.

Большинство работ, касающихся темы польской русофобии, основывает свои выводы на отдаленных исторических примерах, которые с сегодняшней перспективы являются лишь анекдотами. Исследуются симптомы, а не источники русофобии. На наш взгляд, попытку понять явление польской русофобии нужно основывать не столько на самих исторических событиях (их актуальность и контекст быстро меняются), но постараться показать их как пример доказательства глубоких различий в культурных традициях. Различия

эти касаются понимания: кем является человек, какая роль предназначена ему в мире, как он строит общественные связи, чем для него является государство, в каких категориях воспринимает мир – пространственных, или временных.

На основании проведенного анализа надеемся доказать, что польская русофобия в меньшей степени обусловлена политическими и чисто историческими причинами, или привычной для соседей идиосинкразией. Ее причины связаны с различиями в лоне культурной традиции, что в современном глобальном мире, с его узкими познавательными критериями, находится вне сознания поляков и русских. И этот факт влияет на углубление конфликтов.

Автор нескольких публикаций на тему польской русофобии, Олег Неменский, научный сотрудник Института славяноведения РАН, замечает, что фобия часто выступает как **цельная идеология**, «то есть как особый комплекс идей и концепций, имеющий свою структуру, систему понятий, историю генезиса и развития, а также свои типичные проявления. Восточную политику Польши ни в коем смысле нельзя назвать прагматичной» [1, с. 26-27]. Неменский употребляет также термины, не чуждые как современному российскому, так и западному политическому дискурсу. Это, в первую очередь, «политика памяти» и «историческая политика» [2]. Расшифровывает эти термины данный автор именно как идеологию. Однако он не замечает, что за ними скрывается, хотя и неосознанное самими поляками, отторжение чуждой и непонятной культуры. С идеологией в прямом смысле польская русофобия никогда не сочеталась. То, что описывает автор, следует скорее назвать доктриной государства.

Для российского исследователя проблема польской русофобии из ряда политических. Он замечает, что перенесение Польши с востока на запад после II Мировой войны должно было «поставить крест на ягеллонской парадигме» [2]. Однако общеизвестно, что проблемы политического характера решаются, а проблема польской русофобии никак. И хотя Неменский знаком с доктриной эмигрантов Гедройца-Мерошевского и с ее помощью объясняет стремление к политическому воздействию Польши на Украину и Беларусь, но это все только сиюминутные политические акции и никак не приближают нас к пониманию сущности многовековой польской русофобии. Неменский строит следующую теорию: «Главная цель Польши — независимость региона ULB от России и становление полноценного польского влияния на этих территориях» [2]. Однако с времен, когда автор выдвинул этот тезис (2006 г.), от этих планов ничего не осталось. Фобия имеет долговечный статус, а политическая ситуация, особенно в наше время, быстро меняется. Надо сформулировать противоположный

тезис: это не история и политика создали польскую русофобию, а она сама первоначально влияла на исторические поступки и политические решения и идеи.

Время/пространство

«Поляков крайне раздражает нежелание Москвы учитывать Польшу как равноправного партнера-соперника в этом регионе» - пишет Неменский [2]. И тут можно начать дискуссию на тему пространственного и временного восприятия мировой действительности [3, с. 65-77]. Неменский, как русский, думает, что поляки ратуют за пространство Украины и Беларуси. А для поляков существенно время, которое Польша потратила для ополячения (приспособления к латинской цивилизации) этого этноса. Для русских история имеет пространственное значение, для поляков временное. Также российский империализм, по своей русской сути – пространственный, в восприятии поляков не имеет пространственной коннотации. Ведь Польское королевство после 1815 г. было свободным государством. Александр I был польским королем так же, как и Август Мощный Сас, или Сигизмунт III Ваза. Однако только власть Александра в восприятии польской истории является неволей. Имеет значение факт, что правитель является представителем другой культуры и, это время в истории Польши имеет уже другую десигнацию [4, ss. 314]. Доказательством является также то, как быстро современная Польша при сочувствии большинства поляков перешла из восточного блока, который поляки воспринимали как неволю, к западному (ЕС), где тоже нет свободы. Недоразумения на этом фоне касаются также советской инвазии 17 сентября 1939 г. Для российской стороны важен был пространственный аспект, для поляков исторически-моральный.

О непонимании временного восприятия истории поляками, в отличие от российского – пространственного, свидетельствует приведенная Неменским цитата польского президента Бронислава Коморовского: «А в таком случае как поляк, историк и политик я утверждаю, что то, что мы добиваемся правды и справедливости, является необходимостью и моральным, а также политическим обязательством не только по отношению к нам самим, но и по отношению к простым россиянам. ...Тогда уже ощутим ветер, который наполнит паруса нашей наиболее амбициозной восточной политики» [2]. Из нее ясно вытекает, что поляки хотят иметь власть над историческим временем, но не пространством. Здесь речь идет о переменах в историческом времени, о необходимости модернизации Украины, Беларуси и России. Не овладеть же полякам Российской Федерацией в смысле пространства, но в смысле времени, это другое дело. Самым лучшим русским выразителем этой проблемы был Петр

Чаадаев, западник, упрекавший Россию в своем «1 Философическом письме» в том, что она потеряла свое историческое время.

Пространственная перспектива унаследована Россией у Византии, временная Польшей у Рима. Древнегреческая культура осмысливала человека вне истории. Такое мировоззрение повлияло на понимание свободы человека, ограниченной правилами Космоса. Сократ, в *Государстве* Платона, утверждал, что если человек не согласует своей жизни с космическими правилами и живет по собственной воле, то его жизнь не имеет смысла [5, с. 241]. По сравнению с римской культурой, в которой история Рима играла доминирующую роль, греки воспринимали свою жизнь как событие в космическом пространстве.

Владимир Шмалин следующим образом характеризует сложную мировоззренческую ситуацию, которая в связи со столкновением пространственного мировоззрения греков и темпорального мировоззрения возникла в древнехристианской греческой культуре: «Исходными требованиями для христианской космологии являются антиномичные условия одновременной несамобытности и онтологической устойчивости мира. С одной стороны, мир как творение несамобытен, но с другой стороны, он должен обладать устойчивым онтологическим статусом, подлинной реальностью и самостоятельностью. Важнейшим понятием, отражающим тварность мира у Каппадокийцев, является *диастема* – разрыв, протяженность, пространственность. Концепция диастемы транспонирует алогичный и непостижимый метафизический разрыв между Творцом и творением во внутреннюю структуру самого тварного бытия. Творческие энергии Бога, непостижимые сами по себе, но постигаемые по своим результатам, оказываются своего рода гранью и одновременно внутренней формой мира. Диастема, понимаемая как разрыв, выражается в той или иной градации топологии мира – от формы в умопостигаемом мире до пространственности и ее топологии в надфизическом уровне мира. Космос – средство для общения, и прежде всего, общения жизни. В этом контексте должно быть понимаемо и место, и значение всех иных живых существ – как со-участников общения жизни космоса» [6].

Философ Андрей Носков, употребляя термин пространственная онтология, указывает на специфику соотношения пространства и времени: «Пространственная онтология имеет своим результатом количественное пространство предметного опытного знания. Это количественное пространство овременяется динамическим временем мысли. В результате этого овременения создается пространственная онтология, так как дискурсивная мысль, овременяя пространство, топологизирует его. Пространственный хронотоп причастен бытию

через качественное пространство (*etendue*), которое по отношению к бытию раскрывается как мифологемное, теологемное, антропологемное. Этот хронотоп имеет отношение к сознанию через статическое время (*temps*) и обуславливает возможности временной онтологии» [7].

Представитель науки, именуемой историческая география, – Дмитрий Зямятин характеризует устойчивость восприятия пространства, поскольку оно приобрело сакральный облик: «Традиционное восприятие земного пространства отличается непосредственностью географического воображения, проявляющегося в несомненной древности и практической вечности ментальных основ сакральной географии. Можно сказать, что в случае сакральной географии акт восприятия и акт воображения пространства являются безусловным единым «гешталтом», обеспечивающим относительную общественную эффективность сочленения и соотношения нарративов «видимых» (условная материальная деятельность) и «невидимых» (условная духовная, культурная, автономная ментальная деятельность)» [8, с. 13-14].

«На Востоке христианство приобрело типичные черты восточной мировой религии с ее абсолютизацией пространственного единства мира, – отсюда его явная статичность, идейная и институциональная неизменность, слабая приспособляемость к исторической динамике, традиционность (тяготеющая подчас к архаике, консерватизму, духовному «фундаментализму»), акцентом на коллективное и всеобщее, конечное спасение» – подчеркивает Елена Яковлева, изучившая категорию времени и пространства в русском языке [9]. Игорь Кондаков пишет, что: «Русская культурная история нередко переживается субъектом как относительно неизменная, «застывшая» структура, как топология, которая организуется не столько во времени, сколько в ценностно-смысловом пространстве» [10].

Эсхатологическое пространственное восприятие истории в русской московской культуре нашло воплощение в паренетическом произведении под заглавием *Домострой* (XVI в.). Текст учит, что существуют два порядка: исторический – земной и небесный. «Вечное предшествует началу истории, оно отображается в ее настоящем и определяет конечный пункт движения, где временное вольется в вечное. В результате человеческая история осмысливается древнерусским книжником не столько в модусе времени, сколько пространства. Движение истории представляется как постепенное упорядочивание все новых и новых территорий – вместе с принятием христианства» – утверждает исследователь древнерусской культуры Елена Яковлева [9].

Европейская цивилизация не относится исключительно ни к исторически «чистому» ряду (локальных) цивилизаций, ни к Христианскому Универсуму. Она есть процесс и результат снятия противоречий между христианским универсализмом и цивилизационным локализмом, исторический компромисс между ними. Это противоречие было интериоризировано в том, что именуется «Европейская цивилизация», придав ей фантастическую, невиданную в истории динамичность.

Европейская цивилизация стала уникальной исторической машиной, цивилизационные детали которой оказались самыми приспособленными к универсалистскому потенциалу, а внелокальный индивидуальный субъект – мотор – обрел единственно возможную для себя цивилизационную форму. Не случайно Европейская цивилизация – цивилизация с «христианским мотором» оказалась единственной постоянно расширяющейся, ломающей свои естественные пределы [11].

С 17 в. в западной культуре рационализм погонял историю, ожидая от нее реализации идеи прогресса и перемен в области человеческих нужд и идеалов.

Человек

В пространной статье «Русофобия как идеология» Олег Неменский замечает, что русофобия — это западная идеология, в которой: «русский народ наделяется некими уникальными свойствами. Русские представляются не способными ко всему тому, что составляет человеческое достоинство у других народов» [1, с. 36]. Здесь мы видим правильную интуицию и неправильный вывод. Интуиция касается западного источника русофобии и замечания об «уникальных свойствах» народа, а погрешность заключается в том, что это относится к идеологии, которую в этой части своей статьи Неменский именует мифом.

Определение человеческой сущности в данной культуре тесно связано с мировоззрением. Онтологизм в понимании человека остался общей чертой как для древних, так и для христианских греков. В православном христианстве по сей день суть человечества понимается как наследие онтологической позиции человека, а не его эволюции во времени. Древние греки понимали человека как часть вселенной, потому необходимо было ее изучить (*наидея*). В отличие от греков римляне видели себя в роли преобразователей окружающего мира, активных создателей истории Рима – центра мира, миссионеров цивилизации среди примитивных этносов [12, с. 5-20].

В древнерусской культуре понимание человека опиралось на практику монастырского и святоотеческого опыта. Исихазм и обожение

– основа православной антропологии. Затем важную роль сыграл также критический подход к западной философской и богословской мысли. Это способствовало восприятию антропологической проблематики не только в эсхатологической перспективе, но также культурной, общественной и политической. С момента великого церковного раскола русская культура полемически настроилась по отношению к латинской, затем к западной.

Латинская антропология сформировалась под влиянием бл. Августина и его *Исповеди*. Опыт Августина не имеет отношения к учению восточных отцов Церкви об обожении человека. Человек, по Августину, «персть земная» остается человеком. «Человек – это лишь его **Я**, персона, имеющая бытие, знание и волю» [13]. Позднее Фома Аквинский напишет «Persona est relatio» (личность есть отношение). Личность при таком представлении превращалась в индивидуальное «физическое лицо». Августин был первым латинским богословом, который указал на историческое значение личности. Потому, как замечает современный русский философ Сергей Хоружий, европейская мысль отождествляла человека с **историческими**: народом, государством, экономикой [14, с. 157]. Второй основой западной антропологии является рационализм, который нивелирует равновесие между двумя уровнями человеческой природы: метафизическим и эмпирическим.

Эсхатологическое учение о человеке приобрело на Руси государственный облик с момента падения Константинополя. С XVIII столетия до сегодняшнего дня в России стабилизировалось полюсное отношение двух традиций в отношении понимания человека и истории: православно-эсхатологическое и просвещенческое. Просвещенческая идеология проявила особые способности к приспособлению к актуально царствующим философским и эстетическим тенденциям.

Православное учение об обожении примитивным образом было использовано коммунистической идеологией, говорившей о преображении человека и мира. В коммунизме логос человека укоренился в идеологии, которая воспользовалась православной идеей ипостаси, стремящейся к покорению индивидуалистического эгоизма, и направила ее на осуществление указанных планов. Коммунизму относительно легко было создать особую «эсхатологию», прельщающую перспективой преобразования мира. Создалось своеобразное кенотическое доверие идеологии, родившее даже мученичество, которому подвергались жертвы во имя будущих благ.

Другая составляющая антропологически-культурной православной традиции, которая была использована идеологией – **истина** – правда бытия. Она не связана с окружающей

действительностью, а с тем, что должно быть, согласно цели бытия. Потому нп. св. Иоанн Кронштадтский советовал, чтобы не признавать за действительность порока [15]. Коммунизм породил своеобразную атеистическую эсхатологию.

В современной русской православной культуре заметно возрождение исихазма, источник которого вытекает из монастырской практики и который стал началом православной антропологии [16, с. 115-123]. На Руси и в России граница между монастырем и обществом была невидима. Стоит вспомнить хотя бы романы Достоевского. Исихазм отсылает к конкретному образу человека, к определенным формам поведения, модели самосознания, методам самоконтроля, преображения. Такая антропология является последствием эсхатологического видения мира, в котором милосердие преобладает над правом и справедливостью. В области общественной этики над творчеством и свободой первенствуют чувство долга и смирение. Не случайно в современной (рубеж 2019 и 2020 г.г) российской политике в высших кругах власти прозвучал постулат служения, который подхватили СМИ.

Российский социолог Ксения Касьянова подчеркивает, что для национального характера русских свойственна позиция самопожертвования. Она имеет часто трагические последствия, но также пробуждает культурный архетип, имеющий защитительный вес. Этот акт имеет свехриндивидуальное культурное значение. Чем более человек отождествляет себя со своей культурой, тем более готов на жертву. В связи с этим Касьянова задает важный вопрос: «Почему наша культура не включает своих долговременных средств преодоления несправедливости? Куда подевались эти «защитные механизмы» культуры? Но выше мы сказали, что эти механизмы - в нас же самих. И ситуация наша означает только одно, что «сигналить» мы умеем, и «пострадать» мы всегда готовы. Это - готовые средства, испокон века существующие в арсеналах нашей культуры; но вот чтобы конструктивно придумать что-то новое - с этим у нас похуже. И не потому, что мы в принципе неспособны придумывать. Придумываем мы без конца. От теорий разумного эгоизма, всяческих разновидностей социализма и коммунизма, через безграничное развитие самодостаточной и самодовлеющей личности и религиозной веры в научный прогресс, до современных попыток «приспособить к делу» буддизм, телепатию, астрологию - мы все время изобретаем и ищем. И все эти наши изобретения постоянно отвергаются нашим же внутренним чувством как ложные, как не обеспечивающие смысла нашего существования Наш социум, наша группа - это средостение, связующее звено между нами и этим миром [...]. Чтобы стать

личностью, самостоятельной относительно космоса, мы должны стать соборной личностью» [17].

Государство

Олег Неменский пишет: «Русофобия как идеология сложилась в XVI в» [1, с. 28]. Как известно XVI в. — это не время зарождения идеологий, но дальнейшая аргументация автора побуждает к дискуссии. Он утверждает, что «идеология польской русофобии» связана с военным наступлением на восток. Военные наступления в Европе XVI века были явлением повседневым. Им, конечно, могла сопутствовать пропаганда, вызывающая ненависть к противнику, но русофобия — это более сложное явление. В интерпретации Неменского преобладает историко-политологический подход: «Ливонская война - противоборство России и Запада (1558-1583). Польская шляхта сыграла главную роль в её информационном обеспечении и идеологическом обосновании на Западе» [1, с. 32]. Важным элементом этой интерпретации исследователь делает также действия, связанные с попытками присоединения русских православных епархий Речи Посполитой и Москвы к римской юрисдикции. Однако эта сложная и многосюжетная проблема обозначается нами здесь лишь пунктирно. Хотя Неменский обращает внимание на факт, что корни фобии по отношению к греческому миру уходят в римские времена, призванный пример Октавиана Августа служит доказательством «противопоставления Запада и Востока» [1, с. 30]. Источником для анализа в статье Неменского являются польские хроники, печатные донесения и дневники поляков с военных походов на Московию. Кажется, что такого рода источники могут служить только выводам на тему образа Москвы или, позже, России в польской литературе/печати определенного времени. И такую исследовательскую цель ставили перед собой многие другие авторы, например, Д. Карнаухов [18], Agnieszka Królczyk [19], Bogusław Dopart [20], Agnieszka Tomaszewska [21]. В указанных работах материал охарактеризован достаточно объективно. Кроме отрицательного образа Москвы, есть и положительный. Имеется у автора и характеристика условий, в которых создавалось произведение.

Стоит привести пример позиции, высказанной несомненным польским патриотом Мицкевичем во время лекции о славянских литературах в Collège de France. Интерпретация польско-русских отношений настолько честна, что открывает перед аналитиками настоящий облик отношения поляков к России. Характерно, что Неменский, приводя цитату из драмы, не может не заметить: «Мицкевич видел стержень развития славянской цивилизации в противоборстве русского и польского начал: «Польша и Россия

представляют собой не только две территории, но две идеи, обращающиеся среди славянских народов, идеи, которые в своей реализации тяготеют к абсолютному господству и взаимоисключению. В перипетиях увлекательной их борьбы разные страны и их обитатели склоняются то к одной, то к другой из этих идей, и первоначальный языческий дуализм расы и языка черпает здесь новый элемент развития. Нет племени, нет славянской земли, где нельзя было бы распознать представителей этих двух враждебных партий. Охарактеризовать эти две тенденции, связать их с двумя различными центрами, соотнести с движением двух противостоящих друг другу сущностей можно только исходя из духовных начал. Поскольку это общее движение происходит в совершенно разных направлениях, то и результатом его являются две религии, два диалекта, два алфавита, две диаметрально противоположные формы правления» [1, с. 47].

Противоборство русского и польского начал это именно и есть та самая почва, на которой выросла русофобия, которая приобретает разные формы в польской культуре. Пример высокой литературы, при том представляющей возвышенный тон польского патриотизма – «Дзяды» Мицкевича (III ч.) содержат иерархический образ интересующей нас проблемы. Крупный польский исследователь творчества поэта следующим образом характеризует вопрос: «Образ России многоперспективный, укзывает суть великого космического спора, исторической драмы конца времен. Описывает действительность в перспективе историко-политической, богословско-историософской и экзистенциальной. Россия показана здесь не в ракурсе конфронтации народов, отображает также внутripольский конфликт. ...Все, что принадлежит категории мести, бесчестного тиртеизма является предметом психологической правды и одновременно подлежит моральному осуждению и категорическому неприятию. ...Государство Петра Великого отображено в оппозиции к действительному бытописательному призванию России. Оно сбудется во время тайного акта единения Москаля с властелином истории» [20].

Чаще всего эклектизм в подходе к теме польской русофобии проявляется в перетасовке аргументов, основанных на чисто литературных источниках со стереотипными воображениями (в русской литературе также можно найти негативный образ Польши и поляков, но на этом основании нельзя построить теории русской полонофобии). Далеко не всегда можно между ними поставить знак равенства. Среди польских авторов темой стереотипа России и русских в польском сознании занимались: Andrzej Kępiński, [22] i Włodzimierz Osadczy [23]. У Неменского стереотип с литературным образом идут вперемешку: «Образ Востока не столько был результатом реального изучения иных

культур, сколько оказывался европейским самообразом в негативе: Изобретение «Востока» и было изобретением собственно «Запада» как особой цивилизационной идентичности. ...За XVI в. сложился специфически европейский метанарратив о России. Утвердилась единая система понятий, знаков, символов, метафор и определений, через которые стало принято описывать Россию» [1, с. 34].

Здесь мы найдем и «черный миф» Ивана Грозного, и «понятие о России как преступном государстве на бесчеловечной земле [1, с. 46]», символе «рабства и тирании», и «главном враге свобод в Европе» [1, с. 44]. Однако все эти негативные характеристики можно приписать и русской русофобии и тогда возникает ряд существенных вопросов, для решения которых нет места в настоящей статье (проблема русской русофобии связана с многогранными расколами внутри русской культуры).

Под перечисленными выше формулировками скрывается существенный предмет рассуждения. Он касается различий в понимании значения государства и свободы в православной и латинской культурах [24, с. 155-163].

Бл. Августин поставил ряд вопросов, которые легли в основу римского понимания государства. Продолжая античную мысль о естественно-правовом принципе, он приспособлял ее к христианскому учению. Бог выступает у него источником правового принципа. В трудах бл. Августина изложены основные положения теократической доктрины, оказавшей глубокое и долговременное воздействие на политико-правовое учение Церкви. Специфика мышления Августина о государстве связана с убеждением, что без грехопадения государство не возникло бы, поскольку в нем не было бы необходимости [25]. Люди греховные и это влияет на устройство государства. На этом создается динамика взглядов католической Церкви на государство и право, взаимосвязь их с исторической и политической обстановкой в мире, обусловленность этих взглядов взаимоотношениями Церкви и государства. На первый план выдвигается закон, который все регулирует.

Характерной чертой августианского направления была историческая перспектива мышления и отсутствие проблем эсхатологии. Теократия в «Civitas Dei» понимается, как закон вселенной, как содержание религиозной жизни личности и обществ. Вочеловечение Бога не есть абсолютная цель, но лишь средство восстановления закона, нарушенного грехом человека. Богом установлен лишь принцип государства, создание же и функционирование конкретных государств зависит от людей, которых Бог наделил свободной волей.

Взгляды бл. Августина - наследие древнего Рима, его цивилизации и римского права. Католическая доктрина, несмотря на монархические симпатии в прошлом, не объявляет какую-либо из форм правления единственно приемлемой для христианского государства. Основным критерием «правильного» осуществления власти служит стремление правителей к общему благу. Иерархическое строение общества и общественное неравенство признаются установленными Богом.

В энциклике от 20 июня 1888 г. «*Libertas praestantissimum*» («О человеческой свободе») Лев XIII признал положительные стороны неантирелигиозного либерализма, права человека на свободы и парламентскую демократию. В итоге стоит подчеркнуть, что с середины XX века Ватикан, рассуждая о государстве, все чаще затрагивает проблему демократии. Наиболее детально попытка осмысления сущности демократии в социальной католической доктрине была предпринята Пием XII в «Рождественском послании» 1944 года. Однако несмотря на ощущение прогресса в отношении государства к Церкви и возникновении социального учения Церкви, богословское осмысление государства не изменилось по отношению к мысли бл. Августина. Его образ имеет прежде всего моральный облик [26, с. 57-71].

Русская доктрина государства является византийским наследием, которая формировалась веками под влиянием христианской догматики, начиная с времен Константина. В шестой Новелле Юстиниана отразилась ее наиболее зрелая форма, воплотившая христологическую догму. Две природы Христа отражались в сотрудничестве двух властей. Идея Москвы III Рима была продолжением этой идеи. Государство, как и весь сотворенный мир, насыщены Божьими энергиями и рассматриваются в эсхатологической перспективе, как пространство спасения. В русло таких взглядов сегодня вписываются: Александр Солженицын (*Россия в обвале*), митрополит Иоанн (Снычев) (*Русская симфония. Очерки русской историософии*, Санкт-Петербург 1998), Владимир Большаков (*Грани русской цивилизации*, Москва 1999), Михаил Назаров (*Тайна России*, Москва 1999), Александр Панарин (*Православная цивилизация в глобальном мире*, Москва 2002), авторы книг: *Споры эпохи Путина (2003)*, *Россия и Европа. Опыт соборного анализа*, Москва 1992, *Русская доктрина и Проект Россия*. Авторы выстраивают однородную перспективу прошлого и исходя из этой позиции оценивают исторические события.

Основной диагноз заключается в том, что современная либеральная демократия и мондиализм чужды традиции русской культуры. Упомянутые авторы считают необходимым возврат к

идеократическому государству. Западничество воспринимают как беспочвенный эпизод русской истории. Русская доктрина является продолжением мышления в категориях русской империи, условие возрождения России усматривается в восстановлении симфонии Церкви и государства и сотрудничестве Церкви с обществом. В современной России можно заметить возврат к традиционным отношениям Церкви и Государства. Столь близкое сотрудничество, даже в католической Польше оценивается как нарушение принципа разделения Церкви и государства [27, с. 103-117].

На протяжении последних 20 лет Россия подвела итоги преобразований. Точкой отправления является мюнхенская речь Путина, которая открыла путь к реализации российских геополитических намерений и критически отнеслась к тенденциям современной западной культуры.

Свобода

Характерной чертой польской картины русского общества является убеждение о наследственном неуважении к свободе. Актуализация этой проблемы связана с фактом, что вопрос свободы личности – главная проблема западной антропологии. Человек стал воспринимать себя как автономную личность, которая живет, опираясь на независимый разум, уважает права других, руководясь такими же предпосылками. Свободная личность находит удовлетворение в феноменологическом познании, способствует развитию философии и науки, позволяет приобрести знания, способствующие подчинению внешнего мира.

Для западной культуры характерен прометеизм, который вызван метафизическим страхом. Прометей, опасаясь смерти, посвящает жизнь борьбе с историей, угадывает будущее и лично старается предотвратить зло, узнать тайну будущего. Героизм человека Запада состоит в преодолении страха перед смертью, героизм православного заключается в том, что он сдается перед судьбой - писал Вальтер Шубарт (*Россия и душа Востока*) [28, с. 13].

Сергей Аверинцев понимание свободы в западной культуре рассматривает как наследие силогистики Аристотеля и называет регламентированной этикой, опираясь на слова Ивана Киреевского, который утверждал, что философия Аристотеля, подковав всякие убеждения, которые вырастали сверх логики рассудка, уничтожила также всякие стремления, которые могли бы вознести человека выше собственной **выгоды** [29, с. 327].

Свобода в православной культуре не является заурядной возможностью выбора между добром и злом, это внутренняя свобода от внешних детерминант. Критике подвергается принцип свободы

совести, к которому призывает Международная декларация прав человека. Церковные власти назвали ее чистой казуистикой. Если в прошлом государства заботились о защите Божьего закона, то сегодня свобода совести снижает государство до уровня обыкновенной организации [30, с. 75-81].

В современных высказываниях российских православных теологов на тему свободы преобладает мнение, что проявляется она в преодолении собственного эгоизма, страстей, стремлений. Внешняя свобода не возвышает человека, потому забота о правах человека не может быть единственной целью. Протоиерей Василий (Попов) обращает внимание на факт, что современный мир свободу понимает в ограниченном смысле как общественно-политическую. О свободе аксиологического самоопределения личности по отношению к метафизике современный мир не говорит [31].

Ксения Касьянова доказывает, что в России наступает хаос, когда люди начинают подчиняться рациональным принципам и на их основе определять цели, не принимая во внимание существование мира как целостности. Культура требует от человека подчинения соборному действию [17 а, с. 190]. Основной принцип гласит: «Делай, как должно, и пусть будет, что будет» [17 а, с. 200]. Свобода человека может найти свою эсхатологическую реализацию лишь в соборном сотрудничестве с другими [16, 198].

Касьянова подчеркивает, что специфика национального характера русских заключается в готовности к самопожертвованию. На этом основывается культурный архетип – способность к общенациональной самозащите. Чем более человек идентифицируется со своей культурой, тем более способен к жертвенности: «И ситуация наша означает только одно, что «сигналить» мы умеем, и «пострадать» мы всегда готовы. ... Это - готовые средства, испокон века существующие в арсеналах нашей культуры... Наш социум, наша группа - это средостение, связующее звено между нами и этим миром. [...] Чтобы стать личностью, самостоятельной относительно космоса, мы должны стать соборной личностью» [17].

Польская традиция понимания свободы обусловлена, с одной стороны, латинской культурой, а с другой, укорененным законом шляхетской свободы и польской историей, память о которой связана с разделами и т.н. коммунистическим периодом. Потому свобода, прежде всего, имеет исторически-культурное значение, которое срослось с пониманием личной свободы. Роман Дмовски – представитель польского национального консерватизма межвоенного периода главным национальным пороком поляков назвал стремление дворянства к, ничем неограниченной, личной свободе. Во время неволи

прибавились другие пороки: отсутствие чувства ответственности, политическая пассивность, доктринерский гуманизм, который лишил поляков национального инстинкта, вырождающийся мессианизм [32, 28-29.]

Польская русофобия в современной перспективе

Дмовски был исключением среди польских политиков, который отдавал себе отчет в том, что культурные различия не означают взаимной агрессии. Он доказывает, что Россия отнюдь не является исконным врагом Польши. Она не в состоянии поработить поляков, потому что не имеет для этой цели соответствующих орудий, а также не относится к этому делу с решимостью, которую предъявляют немцы. Он убеждал также, что выступление поляков против России не повлияет на факт, будет ли Россия или не будет империей [33, с. 97].

В приближающейся войне, писал Дмовски, место поляков на стороне России. Дмовски упрекал своих противников в отсутствии реализма, в том, что они не в состоянии избавиться от resentiments. Еще в 1925 году Дмовски писал, что польский националистический лагерь не желал России крушения [33, с. 45]. Он предсказал, что коммунизм в России будет царствовать не дольше трех поколений, а русский народ его преодолет. И этот народ должен быть для Польши точкой отправления. Главной задачей в будущем является развитие совместных отношений. В дальнейших своих публикациях Дмовски пытался доказать, что Польша никогда не должна согласиться на возникновение независимой Украины, которая может стать инструментом немецкой антипольской политики. Взгляды и политическая деятельность Дмовского свидетельствуют о внеполитических основах польской русофобии.

После 1989 года в Польше не состоялась серьезная дискуссия на тему определения своей идентичности, а также о том, какое место должна Польша занять в современном мире. Тогдашней политической элите казалось, что она создаёт основы будущего польского государства, когда на самом деле лишь велись туманные рассуждения о свободе, просвещенном обществе, антитоталитаризме. Полякам казалось, что они организуют общественную жизнь согласно собственному плану и убеждениям. В действительности же они подражали готовым западным клише.

Политическая тактика периода «Солидарности» не перевоплотилась в процесс организации государственных структур. Для этого, согласно историческому корню традиции культуры, необходимо чувство исторического единства, а его не доставало. Язык защитников человеческих прав оказался в конфликте с языком идеи национальной независимости. Политические элиты разделились на два лагеря. Одни

считают Евросоюз наивысшим авторитетом, другие стали защищать отечественную традицию. И те, и другие критически относятся к России, хотя Право и справедливость встало на защиту тех же ценностей, что и власти Российской Федерации (консерватизм в области обычаев, патриотизм, защита семьи и нерожденных детей, сотрудничество с Церковью и защита христианских ценностей). Оказывается, что даже единство признаваемых ценностей не гарантирует единомыслия, когда эти ценности укоренены в разных культурах.

Литература:

1. Неменский О. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 13. С. 26-65.
2. Неменский О. IV Речь Посполитая: взгляд на Восток, <https://www.apn.ru/opinions/article9544.htm>(дата обращения: 30.01.2020).
3. Kowalska-Stus H. Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры // *Czas w kulturze rosyjskiej*. Время в русской культуре, red. Dudek A. Kraków: Wyd. Księgarnia Akademicka, 2019. S. 65-77.
4. Mażewski L., *Oblany egzamin z polityki. O narodzinach, istnieniu i upadku państwa polskiego w latach 1806-1874*, Radzymin: Wyd. von Borowiecky, 2016. 314 s.
5. *Platona państwo*, przekł. W. Witwicki, Warszawa: Wyd. Akme, 1990. S. 241.
6. Свящ. Владимир (Шмалий), *Космология святых Отцов Каппадокийцев: вклад в современный диалог науки и богословия* // Альфа и Омега. 2003. № 36. С. 152-170.
7. Носков А.В. *Онтология времени и онтология пространства как основания различения фундаментальных ориентаций в философии* // <http://www.dissercat.com/content/ontologiya-vremeni-i-ontologiya-prostranstva-kak-osnovaniya-razlicheniya-fundamentalnykh-ori#ixzz5VWhA9nhc>] (дата обращения: 30.01.2020).
8. Замятин Д.Н. *На пути к геоспациализму: Пространство и цивилизация в зеркале гуманитарной географии* // *Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU*. Kraków. Wyd. PAU, 2017, t. 23: *Słowianie – problemy geokultury*, red. Kowalska-Stus H. S. 13-14.
9. Яковлева Е. *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*. М.: Гнозис, 1994 // <https://www.litres.ru/static/or3/view/or.html> (дата обращения: 30.01.2020).
10. Кондаков И.В. *Русская культура: Краткий очерк Истории и теории* // <http://nashaucheba.ru/> (дата обращения: 30.01.2020).

11. Фурсов А.И. Колокола истории. М.: Политическая наука. ИНИОН РАН, 1996 // <https://readli.net/chitat-online/?b=316000&pg=1> (дата обращения: 30.01.2020).

12. Kowalska-Stus H. Człowiek w kulturze prawosławnej. Ze szczególnym uwzględnieniem kultury rosyjskiej // Prace Komisji Kultury Słowian PAU. Obraz człowieka w kulturach słowiańskich, red. Kowalska-Stus H. Kraków. Wyd. PAU, 2012. S. 5-20.

13. Блаженный Аврелий Августин. Исповедь. <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/83> (дата обращения: 30.01.2020).

14. Хоружий С. Антропология и кризис современного человека // Православное учение о человеке. М. – Клин: Изд. Синодальной Богословской Комиссии. 2004. С. 157.

15. Протопресвитер Евгений (Аквилонов), Мысли о. Иоанна Кронштадтского о воспитательном значении слова Божия, https://azbyka.ru/otechnik/Evgenij_Akvilonov/mysli-o-ioanna-kronshtadtskogo-o-vospitatelnom-znachenii-slova-bozhija/ (дата обращения: 30.01.2020).

16. Kowalska-Stus H. Современные перспективы исихазма, «Собирать рассеянное по земле сердце» // Prace Komisji Kultury Słowian» Rocznik 1, red. Kowalska-Stus H., Kraków. Wyd. Polskiej Akademii Umiejętności, 2013. S. 115-123.

17. Касьянова К. О русском национальном характере. http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kglava1.php

17 а Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.

18. Карнаухов Д., *Obraz Moskala w piśmiennictwie polskim XVI–XVII wieku, opracował dr Jerzy Waszkiewicz* // <http://polesie.org/3294/obraz-moskala-w-pismienictwie-polskim-xvi-xvii-wieku-2/> (дата обращения: 30.01.2020).

19. Królczyk A. Rosjanie i Rosja w relacjach Polaków podróżujących na Wschód (1795-1863), Praca doktorska napisana w Zakładzie Historii Europy Wschodniej UAM pod kierunkiem prof. dra hab. Artura Kijasa.

20. Dopart B. Rosjanie i Rosja w Dziadach drezdeńskich Adama Mickiewicza, w druku.

21. Tomaszewska A., *Obraz Rosji w polskiej prasie-objektywna relacja, czy stereotypowe myślenie?* Praca magisterska, Promotor: Prof. Dr hab. Hanna Kowalska – Stus, Kraków 2017.

22. Кępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu, Warszawa. Państwowe Wydaw. Naukowe, 1990. 221 s.

23. Osadczy W. Hybryda banderowsko-giedrojcziowska na wojnie hybrydowej. Alians przeciwko Polsce, [www.Redakcja Konserwatyzm.pl](http://www.Redakcja_Konserwatyzm.pl). (дата обращения: 30.01.2020).

24. Kowalska-Stus H. Богословие государства и вопросы геокультуры // Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU, t. XIII Słowianie – problemy geokultury, red. Kowalska-Stus H., Kraków. Wyd. Polskiej Akademii Umiejętności. 2016, s. 155-163.

25. Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем // https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem, (дата обращения: 30.01.2020).

26. Ковальска-Стус Х. Бл. Августин. Римское богословие и доктрина государства // Блаженный Августин и августинизм в западной и восточных традициях. Под ред. прот. Хондзинский П., Сухова Н. – М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2016. С. 57-71.

27. Kowalska-Stus H. Rosja w idei politycznej prezydenta Putina i nauce społecznej Rosyjskiej Cerkwi Prawosławnej // Perspektywy Kultury Nr 8 (1/2013), Pismo Instytutu Kulturoznawstwa Akademii Ignatianum w Krakowie, Europa: z czego wyrasta i ku czemu zmierza? S. 103-117.

28. Шубарт В. Россия и душа Востока. Пер. Назаров. М.: Изд. Русская идея, 2000. С. 13.

29. Аверинцев С. Риторика и истоки европейской литературной традиции, М.: Изд. Языки русской культуры, 1996. С. 327.

30. Kowalska-Stus H. Wolność w perspektywie prawosławnej // Oblicza wolności, red. R. Łętocha R., Oświęcim. Wyd. PWSZ, 2010. S. 75-81.

31. Протоиерей Василий (Попов). Православие и свобода. М., 1998 // <http://www.wco.ru/biblio/books/popov1/main.htm?mos>, (дата обращения: 30.01.2020).

32. Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. Wrocław. Wyd. Nortom, 2002. S. 28-29.

33. Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa, Warszawa. Wyd. PAX, 1989. S. 97.

Крым в парадигме новой геополитики

Когут В.Г.

*Кандидат политических наук
Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи
Содружества Независимых Государств, Заместитель Генерального
секретаря Совета МПА СНГ — полномочный представитель
Национального собрания Республики Беларусь
E-mail: vggogut@gmail.com*

Нурышев Г.Н.

*Доктор политических наук
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, профессор
E-mail: g.nuryshev@yandex.ru*

Аннотация: В статье отмечается, что на место биполярной геополитики приходит геополитика нового уровня с такими геополитическими доктринами, как концепция многополярного распределенного Хартленда. В рамках этой концепции Крым как важнейший геополитический узел России представляет ярко выраженный распределенный *land power*. В парадигме новой геополитики геополитическое противоборство разворачивается внутри стран и народов. Особую роль как распределенный *land power* играет Севастополь. Утверждается, что Крым является Евразией, прообразом евразийской интеграции. Делается вывод о том, что необходим многовекторный, глубоко проработанный план действий для повышения распределенного *land power* Крыма в структуре внутренней геополитики России. Без Крыма сохранение геополитической субъектности России ныне нереально. «Крымский вопрос» на длительную перспективу останется основанием для геополитического давления на Россию со стороны *sea power*.

Ключевые слова: *теллурократия, талассократия, распределенный Хартленд, геополитический статус, цивилизационная идентичность, геополитический код, геополитический вызов.*

Crimea in the paradigm of new geopolitics

Kogut V.G.

*Secretariat of the Council of the Interparliamentary Assembly of the
Commonwealth of Independent States
E-mail: vggogut@gmail.com*

Nuryshev G.N.

St. Petersburg State University of Economics

E-mail: g.nuryshev@yandex.ru

Abstract: *The article notes that in place of bipolar geopolitics comes a new level of geopolitics with such geopolitical doctrines as the concept of a multipolar distributed Heartland. Under this concept Crimea as the most important geopolitical hub of Russia represents a pronounced distributed land power. In the paradigm of new geopolitics, geopolitical confrontation unfolds within countries and peoples. Sevastopol plays a special role as distributed land power. It is claimed that Crimea is Eurasia, a prototype of Eurasian integration. It is concluded that a multi-vector, deeply developed action plan is needed to increase the distributed land power of Crimea in the structure of Russia's internal geopolitics. Without Crimea, the preservation of Russia's geopolitical subjectivity is now unthinkable. The «Crimean Question» for the long term will remain the basis for geopolitical pressure on Russia from sea power.*

Keywords: *tellurocracy, thalassocracy, distributed heartland, geopolitical status, civilizational identity, geopolitical code, geopolitical challenge.*

Сегодня очень быстро меняется геополитическая карта мира. Поэтому не случайно Б. Джонс, один из американских исследователей подчеркивает: «В международных делах мы вступаем в новую фазу, оставив позади короткий период всеобъемлющего американского господства. Над многими из текущих перемен Америка сегодня уже не властна» [1]. Мир становится многополярным. Для его осмысления вместо парадигмы геополитики 1.0 (биполярной геополитики) приходит парадигма нового уровня геополитики 2.0. Эта парадигма, не отрицая постулаты классической геополитики в целом, в связи с появлением многополярного мира вносит важные изменения в парадигму геополитики 1.0. Но новая парадигма не отрицает существования базового дуализма между теллуократией и талассократией, концепций Маккиндера, Хаусхофера и других известных геополитиков. Борьба за Хартленд остается главной формулой геополитической истории. Хартленд в биполярном мире, как известно представлял восточный лагерь во главе с СССР, а sea power – западный лагерь с западной Европой и ей лояльными странами на Ближнем Востоке. Хартленд в конце 80-х проиграл в геополитическом противоборстве, что привело к становлению однополярного мира sea power. Но в связи с окончанием холодной войны С. Хантингтон,

возражая взглядам Фукуямы о конце истории и глобальной победе либерализма, стал говорить о столкновении цивилизаций, появлении новых геополитических акторов. При этом началась и смена геополитической идентификации ряда государств. Так, Китай, который в свое время имел талассократическую ориентацию, направленную против СССР, в настоящее время стал констатировать, что Запад – это лишь один из полюсов многополярного мира [2].

Со становлением многополярного мира однополярное доминирование sea power начинает отступать. В связи с этим в таком мире только одна Россия уже не может представлять land power. Она становится одним из четырех-пяти важнейших центров или полюсов нового мира. Так в парадигме новой геополитики возникает понятие распределенного Хартленда, которое предполагает наличие не только евразийского, но европейского land power, как, например, в виде франко-германского альянса. Можно также назвать китайский, исламский варианты land power. При сложении этих вариантов формируется многополярный Хартленд. Концепция распределенного Хартленда может быть распространена и на Латинскую Америку, Африку и Индию. Land power как распределенный тип культуры связан с укреплением консервативной цивилизационной идентичности. Поэтому тезис make America great again — это тезис американского Хартленда [3].

Наряду с распределенным land power существует в разных регионах и распределенный sea power. Так в парадигме новой геополитики не Запад выступает против Востока, не страна против страны, а два уровня - land power с sea power – становятся противодействующими силами во всех цивилизациях. Так геополитическое противоборство разворачивается внутри народов, внутри обществ. Исходя из этого можно отметить, что Д. Трамп в США – носитель land power, а Г. Греф в России - гораздо больший либерал и атлантист, носитель sea power [4].

В парадигме новой геополитики Крым представляет разделенный land power. В этой связи следует отметить, что более 90 процентов крымчан определили свой геополитический выбор и высказались за вхождение в состав Российской Федерации. И сегодня, как отмечают социологи, «почти 90 процентов крымчан положительно оценивают сложившуюся ситуацию. Эффект защищенности и более высокой стабильности и через пять лет после воссоединения Крыма с Россией продолжают работать в сознании крымчан» [5, с. 29]. Анализируя этот феномен, известный исследователь Т.А. Сенюшкина подчеркивает: «Роль цивилизационной идентичности в определении вектора крымского геополитического выбора обусловлена связью процесса

идентификации с коллективной мотивацией и коллективным политическим действием. В этой связи события, произошедшие весной 2014 года в Крыму, следует рассматривать как цивилизационный ответ на геополитические вызовы» [6, с. 509].

Ярко выраженным распределенным land power выступает Севастополь, важнейший геополитический узел России на Черном море, что подтверждается известной максимой: «Кто владеет Севастополем, тот владеет Крымом; кто владеет Крымом, тот владеет Черным морем». Эти слова относят и графу Потемкину, и адмиралу Нахимову. Геополитически удобное расположение Севастополя на протяжении всей своей истории давал возможность Черноморскому флоту решать практически любые стратегические задачи. Поэтому геополитические коды города как land power поставили его во главе Русской весны 2014 года, когда пассионарный взрыв вызвал мощнейший геополитический эффект. Именно land power города на фоне особого геополитического значения Черноморского флота породил общенародную «альтернативную революцию», направив общество на подъем геополитического статуса государства [7].

В настоящее время Севастополь остается на перекрестке геополитического противоборства. Причерноморье превращается в одну из самых конфликтных регионов в мире. Через Черное море, Босфор и Дарданеллы простирается кратчайший путь из Хартленда в другие распределенные land power, в Средиземное море, Индийский океан и другие геостратегические регионы. Не случайно, в планы НАТО входило превращение Севастополя в свою военно-морскую базу, Крыма в целом - стратегический плацдарм блока против России [8]. Именно поэтому альянс принимает меры по созданию в Болгарии, Румынии, Грузии и на Украине постоянных военных баз, учебно-тренировочных центров, инфраструктуры управления вооружёнными силами блока [9, с. 12]. Согласно Конвенции Монтре 1936 года односторонний контроль над проливами Босфор и Дарданеллы имеет Турция, которая в регионе проводит непоследовательную политику ввиду того, что внутри страны идет противоборство носителей land power и sea power [10].

Чтобы парировать экспансию НАТО в Причерноморье, Россия вынуждена активно усиливать свою составляющую land power, модернизируя Черноморский военно-морской флот и создавая полноценную межвидовую группировку сил в Крыму [11, с. 12]. Севастополь выступает в роли распределенного land power не только как основная база Черноморского флота и географический центр Черного моря, но и как сакральный центр российского геополитического кода [12]. Президент РФ В. В. Путин уверен, что

Севастополь с его героическим прошлым представляет для всей страны один из ярких образов и символов Великой Победы [13].

Как носитель распределенного Хартленда Севастополь представил в 2014 году на Форуме творческой молодёжи СНГ амбициозную идею: Крым имеет все шансы стать собирателем евразийских земель, так как является Евразией в миниатюре и, соответственно, прообразом евразийской интеграции. В этом плане Крым представляет «слоёный пирог» различных этносов, где веками мирно сосуществовали русские, украинцы, крымские татары, белорусы, армяне, азербайджанцы, узбеки, молдаване, евреи, корейцы, греки, поляки, цыгане и другие народы, показавшие на историческом примере, как у носителей *land power* подлинное соединение культур идет снизу вверх, а не наоборот. А в Киеве в настоящее время самозванные элиты, носители *sea power*, пытаются навязать украинскому народу новую идентичность сверху вниз [14].

Сегодня роль Крыма в парадигме новой геополитики остается весьма многогранной и незаменимой в деле повышения геополитического статуса России. Но российская реакция на агрессивную линию Запада по отношению к Крыму «в практической и политической плоскости может оцениваться лишь как «ситуативное реагирование», - вполне справедливо заключает Г.Л. Мурадов, заместитель Председателя Совета министров Республики Крым - Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте Российской Федерации. «Очевидно, на его взгляд, необходим многовекторный, глубоко проработанный план действий, выработка стратегии по формированию отвечающего нашим интересам мирового порядка. Пока ее у нас, как мне кажется, нет» [15, с. 266]. Как правильно оценивают некоторые исследователи, свою легитимность вследствие Крымской весны нынешний режим не только не сумел конвертировать в созидательный порыв, уже сильно ее потерял и быстро продолжает растрачивать ее остатки [16]. Это – такой геополитический вызов, который, не замечая и своевременно не парируя, может иметь далеко идущие негативные последствия, прежде всего, в виде заметного усиления в регионе носителей *sea power*.

У немалой части населения, по мнению аналитиков, из-за коррупции, непрофессионализма местной власти появилось разочарование. Крымчане сегодня отмечают, что «наша власть обросла жирком» [17]. По их мнению, многие приезжие руководители, «посланцы материка» не хотят понимать условия Крыма, дух и мировоззрение города-героя Севастополя. Различные скандалы в Севастополе с Парком Победы, Матросским бульваром, заводом «Южный Севастополь» и другими объектами в Крыму

воспринимаются местными жителями как позор, связанный с общим переделом собственности [18]. Из-за передачи самых знаменитых и дорогих исторических санаторно-курортных объектов Крыма в собственность приезжих владельцев «материковой» России крымчане опасаются, что большая часть побережья уйдет под роскошные виллы, что уничтожит культурно-историческую уникальность и экономические возможности полуострова. У жителей региона намечилось снижение доходов при существенном росте тарифов, цен на лекарства, продовольственные товары. Все это вызывает вполне обоснованное недовольство властью и эрозию распределенного land power в обществе. Поэтому исследователь И. В. Ситнова вполне уместно замечает, что такие факты «сполна могут быть использованы геополитическими противниками для ослабления России» [19, с. 223-224].

Это, безусловно, снижает геополитический статус государства в восприятии крымчан, которые начинают задаваться таким вопросом, как: Россия — государство независимое или нет? А Крым — регион российский или нет [20]? Для повышения уровня распределенного land power в Крыму региональной власти необходимо более активно развивать межэтническое и межконфессиональное сотрудничество, взаимодействие этнических организаций и государственных структур [21, с. 142]. Актуальность таких шагов обусловлена также наличием в регионе распределенного sea power. Пропаганде историко-культурного наследия России в Крыму следует придать более актуальный и живой характер, так как глобальное геополитическое противостояние за признание Крыма частью России еще не завершено. Без Крыма сохранение геополитической субъектности России ныне нереально. В связи с этим, «крымский вопрос» на длительную перспективу останется основанием для геополитического давления на Россию со стороны sea power. Поэтому ситуация в Крыму, на наш взгляд, убедительно демонстрирует значимость вопроса об институционализации внутренней геополитики России.

Литература:

1. Джонс Б. Новая геополитика. Америка полностью утратила свою состоятельность [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1513336020>(дата обращения: 03.08.2019).
2. Дугин А.Г. Что такое геополитика 2.0? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/chto_takoe_geopolitika_2_0 (дата обращения: 09.08.19).

3. Дугин А.Г. Распределенный Хартленд – императив новой геополитической модели, многополярной геополитики [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=155194962007.03.2019>(дата обращения: 04.01.2020).

4. Дугин А.Г. Что такое геополитика 2.0? [Электронный ресурс]. - Режим доступа:[http://zavtra.ru/blogs/chto_takoe_geopolitika_2.0\(09.08.19\)](http://zavtra.ru/blogs/chto_takoe_geopolitika_2.0(09.08.19))

5. Чигрин В.А., Городецкая Е.Г. Воссоединение Крыма с Россией: пять лет вместе (по материалам мониторинга) // Причерноморье в контексте российской цивилизация: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Севастополь, 24-26 октября 2019 г.)/ Отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар: КГУ, 2019. С.27-33.

6. Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор воссоединения Крыма с Россией // Причерноморье в контексте российской цивилизация: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Севастополь, 24-26 октября 2019 г.)/ Отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. Краснодар: КГУ, 2019. С.504-510.

7. Краснов В., Межуев Б. Крымские уроки Русской весны [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2019-03-18--krymskie-uroki-russkoj-vesny-41637>(дата обращения: 04.08.2019).

8. В России ответили на заявление Столтенберга о возвращении Крыма [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2019-08-07--v-rossii-otvetili-na-zajavlenie-stoltenberga-o-vozvraschenii-kryma-44203>(дата обращения: 04.08.2019).

9. Баранов А. В. Позиционирование участников международных отношений в Причерноморье в 2016–2017 гг. // Причерноморье история, политика, культура. Серия В. Международные отношения. - М., Севастополь, 2018. - № XXV(VIII). - С.7-15.

10. Петров В. П. Геополитическое значение Крыма// Вестник РУДН. Серия: Политология. - 2018. - Vol. 20. - №1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskoe-znachenie-kryma> (дата обращения: 05.08.2019).

11. Баранов А. В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией// Геополитика и экогеодинамика регионов. - Симферополь, 2018. - Том 4 (14). - Вып. 2. - С. 5-18.

12. Аксёнов А., Проханов А. Крым как судьба [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/16778> (дата обращения: 03.08.2019).

13. Путин В. Севастополь является одним из символов Победы [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.ritmurasia.org/news--2014-04-11--sevastopol-javljaetsja-odnim-iz-simvolov-pobedy-otmechaet-v.putin-12225>(дата обращения: 06.08.2019).

14. Емельяненко В. Крым как собиратель Евразии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://russkiymir.ru/publications/116308/> (дата обращения: 04.01.2020).

15. Мурадов Г.Л. Миропорядок после «Крымской весны» // Научные труды Вольного Экономического общества России. - М., 2018. - Т. 210. - №2. - С.263-267.

16. Коровин В. Почему Путин не пошел дальше Крымской весны? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/17766>(дата обращения: 05.01.2020).

17. Крымчане: «Наша власть обросла «жирком» [Электронный ресурс]. - Режим доступа:// <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2F1xqn.ru%2F7610>(дата обращения: 04.09.2019).

18. Севастополь превращается из гордости в позор России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2555437.html> (дата обращения: 03.11.19).

19. Ситнова И. В. Возвращение домой: рефлексия жителей Севастополя после трех лет начала Русской весны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. - Симферополь, 2018. - Т.4(70). - №2S. - С.215-225.

20. Джаралла В. Крым: явные успехи и обидные провалы России [Электронный ресурс]. - Режим доступа:// <https://www.pravda.ru/districts/1411125-dzharalla/> (дата обращения: 05.10.2019).

21. Сомов М.В. Республика Крым: межнациональный портрет // Крымский гуманитарный вестник. - Симферополь, 2018. - С.141-149.

«Нестабильность» как фактор развития творческого пространства

Кокорина Е.Г.

Кандидат культурологии

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Таврическая академия (СП), философский факультет,
доцент кафедры культурологии*

E-mail: kkokorina@gmail.com

Аннотация: В данной статье творческое пространство анализируется как сложная система и подсистема культурного пространства. Комплекс процессов, происходящих в системе последнего, характеризует и его подсистемы. В исследованиях структуры и процессов динамики систем культуры мы опираемся на теорию и методы синергетики, которая изучает нелинейные открытые неравновесные системы. С позиций синергетики система творческого пространства существует и развивается в поочередном «переключении режимов» ее состояния с доминантами порядка и хаоса. В стабильные периоды существования системы каждый его структурный элемент находится в условно «ставшем» его состоянии, что дает возможность прогнозировать развитие творческого пространства в интервале его стабильного состояния. В нестабильный период система получает непредсказуемые импульсы, которые характеризуют его как мощный конструктивный фактор, влияющий на дальнейшее развитие творческого пространства.

Ключевые слова: нестабильность, система, синергетика, порядок, хаос, культурное пространство, творческое пространство.

«Instability» as a Factor of the Development of Creative Space

Kokorina E.G.

*Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Taurida Academy,
Faculty of Philosophy, Associate Professor at the Department of
Culturology*

E-mail: kkokorina@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the analysis of creative space as a complex system and subsystem of cultural space. The totality of the processes occurring in the latter system, characterizes its subsystems. In studies of the structure and processes of the dynamics of cultural systems, we rely on the theory and methods of synergetics, which studies nonlinear open

nonequilibrium systems. From the standpoint of synergetics, the system of creative space exists and develops in alternate «switching modes» of its state with the dominants of order and chaos. In stable periods of the existence of the system, each of its structural elements is in a conditionally «become» state, which makes it possible to predict the development of creative space in the interval of its stable state. In an unstable period the system receives unpredictable impulses that characterize it as a powerful constructive factor that affects the further development of creative space.

Keywords: *instability, system, synergetics, order, chaos, cultural space, creative space.*

Разрабатывая проблематику творческого пространства, следует обращаться к более широкому понятию культурного пространства. В нашем исследовании мы традиционно рассматриваем культурное пространство как сложную систему. Совокупность процессов, происходящих в разных подсистемах последнего, очевидно, будет характеризовать и систему творческого пространства.

В существующих исследованиях культурного пространства структура его системы соотносится со структурами пространств разной природы: естественного, социального, личного и т. п. В каждом конкретном случае мы имеем дело с представлением о пространстве как о специфической форме «реальной действительности, в которую включены взаимоотношения между различными феноменами, ее составляющими» [1, с. 11]. Следовательно, разные аспекты бытования в пространстве невозможно представить, как оторванные друг от друга, так как они сочетаются разнообразными способами, предстают как элементы единой комплексной системы культурного пространства. Отсюда возникает возможность оперировать такими концептами, как «культурное пространство социума», «культурное пространство личности» [2, с. 126] и т. д., когда каждый из них включается в область культурного пространства, и одновременно они мыслятся и как самостоятельные явления системного характера. Таким образом, очевидно, что элементами культурного пространства будут различные его подпространства, подсистемы.

Исследуя структуру и процессы динамики систем культуры закономерно опираться на теорию и методы синергетики. Синергетика занимается изучением нелинейных открытых неравновесных систем. Нелинейность системы заключается в таком ее свойстве, как наличие в структуре разных постоянных состояний, которые отвечают законам функционирования данной системы. Под открытостью системы понимается ее способность обмениваться энергией с окружающим миром. Неравновесностью является такое состояние открытой

системы, когда меняются ее макроскопические характеристики – состав, структура, поведение [3, с. 54]. Выделяются два основных состояния системы: порядка и хаоса. Система, проходя поочередно через эти состояния, развивается. Согласно идеям И. Пригожина [4, с. 251], структурные изменения в системе происходят, если структура неустойчива. В обратном случае новые элементы при столкновении со старым порядком гибнут. Сильная неустойчивость – это свойство не всей системы, а только ее части, в которой происходят процессы саморазвития и самообогащения. Таким образом, стабильные подсистемы не будут развиваться, устойчивость системы приводит к замедлению развития.

Творческое пространство, как и культурное, системно. Ключевым фактором в самоорганизации системы творческого пространства будет активная творческая личность. Другими взаимовлияющими элементами будут эпоха и территория; социокультурная обстановка, среда обитания; дом, строение, помещение; круг общения; глубинным уровнем системы творческого пространства будет внутренний мир творца; конкретный ландшафт, как географическое явление, так и культурное. Все вышеперечисленные уровни и элементы системы творческого пространства тесно переплетены, границы их условны, и все они активно взаимодействуют, рождая особые системные связи.

Многоуровневость творческого пространства, а также то, что различные его элементы в одно время могут находиться в разных состояниях (и это не вредит целостности системы), обуславливает его нелинейность. Творческое пространство, несомненно, является открытой системой, которая обменивается энергией с окружающим миром, с культурным пространством в целом. Это также система неравновесная, которая приходит в движение от малейшего импульса, как извне, так и внутреннего, при этом могут изменяться состояние разных уровней системы [1, с. 11].

Так же, как и система культурного пространства, система творческого пространства существует и развивается в поочередном «переключении режимов» ее состояния с доминантами порядка и хаоса.

В стабильные периоды развития системы творческого пространства – как подсистемы культурного пространства – каждый его структурный элемент (который, в свою очередь, может быть представлен и в виде его подсистемы) существует в условно «ставшем» его состоянии на конкретный момент или период времени. В таком случае мы можем допускать возможность прогнозирования дальнейшего развития системы творческого пространства именно в интервале его стабильного состояния.

В нестабильные периоды своего развития система творческого

пространства, а также любой из ее структурных элементов – подсистем получают множество внезапных, чаще всего не предсказуемых, не прогнозируемых импульсов, оказывающих влияние на дальнейшее развитие как системы творческого пространства в целом, так и его подпространств. Как раз с позиций синергетики ключевыми факторами динамических процессов предстают нестабильность, неустойчивость, неравновесие. Для системы в нестабильный период решающим значением обладают самоорганизация, нелинейность, поэтапные переходы системы из одного состояния в другое, флуктуации и бифуркации («...флуктуации играют особо важную роль вблизи точек бифуркации, где система должна «выбирать» одну из возможных устойчивых ветвей» [5, с. 17]). Закономерность динамических процессов – вероятная или предполагаемая случайность (выбор из множества появляющихся возможностей). Условия развития – это небольшие влияния, аттракторы (области притяжения, «множество точек», к которым приближается линия движения развития после спада переходных процессов), случайность («на всех уровнях – от элементарных частиц до космологии – случайность и необратимость играют важную роль, значение которой возрастает» [4, с. 35]). Результатом динамических процессов является возникновение нового многоуровневого целого, которое не равно сумме частей, новое неравновесие, необратимость. Созвучна этим утверждениям идея И. Валлерстайна, когда он писал в отношении нестабильного состояния системы, что оно влечет за собой «...системную бифуркацию и переход к новой структуре, чья природа не только еще не обусловлена, но, в принципе, является не предопределяемой, но открыта к вмешательству человека и творчеству» [6, с. 251].

Именно благодаря непредопределенности, непредсказуемости возникновения новых импульсов к трансформации, преобразованию в условиях нестабильности творческое пространство как система получает широкий спектр, «веер» вариантов развития на всех его уровнях, которые могут проявиться в самых разных его элементах, подсистемах, подпространствах. Более того, принципы их воздействия могут различаться в зависимости от преобладания тех или иных факторов нестабильности и случайности, разворачивающихся в конкретных реальных условиях – от «принципа домино» до принципа фрактального развития.

В свою очередь нельзя не отметить тот факт, что развитие творческого пространства в условиях нестабильности во многом окажет влияние и на развитие пространства культурного. С одной стороны, творческое пространство, обладающее характеристиками пространства физического, может мыслиться как предельное явление,

ограниченное пространственно-временными рамками или спецификой проявлений конкретной творческой личности. С другой стороны, в русле эпистемологии творческое пространство как подсистема культурного может мыслиться идеальным пространством, то есть оно не всегда и не обязательно должно восприниматься посредством органов чувств (как материальные объекты, наполняющего его), и, следовательно, оно становится образом, связанным с метафорическими характеристиками, которые его детерминируют. П. Флоренский высказывал похожие идеи, рассматривая пространство как абстрактную модель, которой присуща способность менять свою пространственность, но и сама она подвержена изменениям, происходящим из действительности [7, с. 3–5]. Также к концепту пространства можно подходить с позиций проксемики, и тогда пространства становятся «говорящими», содержащими в себе разные коды. Представление о пространстве как пространстве символическом – это еще один из концептуальных типов представлений о нем.

Опираясь на вышесказанное, необходимо отметить такую особенную черту творческого пространства как его способность оставлять «след» в культурном пространстве под воздействием факторов нестабильности, что, в свою очередь, может оказаться импульсом для появления совершенно новой системы творческого пространства.

Творческое пространство, будучи эпицентром креативности, входя в область более широкого понятия культурного пространства, способно максимально активироваться именно в условиях нестабильности под влиянием тех или иных факторов. Следовательно, «слой» творческого пространства отличается как система открытостью, неравновесностью и т. д. (как и любая другая подсистема культуры). Он выделяется такими характеристиками, как наличие благоприятных условий – особенно в нестабильном состоянии – для развития креативности, активных импульсов для ярких проявлений творческих потенциалов, формирование так называемой «творческой атмосферы». Именно в творческом пространстве осуществляется поиск нестандартных ответов на социокультурные вызовы, открытие новых возможностей для реализации самых нестандартных идей [1, с. 12]. Это находит воплощение в результатах творческой деятельности в самых разных сферах жизнедеятельности отдельно взятого индивида, в частности, и системы общества и культуры, в целом.

В нестабильном состоянии системы заложено конструктивное начало, так как оно предоставляет равные возможности для «поворота» и свободу выбора направления с использованием сохранившихся, стойких элементов предыдущего состояния. Именно «нестабильности»

разной природы – естественной, социокультурной, личностной, экономической и т. д. – способны выступать мощными факторами развития творческого пространства как системы.

Литература:

1. Кокорина Е.Г. Культурное и творческое пространство: соотношение понятий // V научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского» / Сборник тезисов участников / Симферополь, 2019. С. 10–12.

2. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 126.

3. Кокорина Е.Г. Синергетический подход в исследовании культурного пространства // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Международной научно-практической конференции (Владивосток, 17–18 октября 2019 г.) / Отв. ред.: А.В. Винокурова, Е.Ю. Костина. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. С. 54–59.

4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 431 с.

5. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.; 1979. С. 9–26.

6. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition?: A Long Term View of the Trajectory of the World System // International Sociology. 2000. Vol. 15 (2). P. 249–265.

7. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 323 с.

Проблема гибридных угроз в современной политике

Коньшев В.Н.

Доктор политических наук

*Санкт Петербургский государственный университет,
профессор*

E-mail: Konyshhev06@mail.ru

Аннотация: *Статья посвящена новому типу угроз безопасности – гибридным угрозам, которые многие западные страны объявили долгосрочными и требующими существенных совместных усилий по их*

нейтрализации. При этом основным источником гибридных угроз считается Россия. В статье обосновано, что проблема гибридных угроз должна изучаться как военная доктрина и как средство политической манипуляции. Поскольку в военном аспекте гибридная война остается недостаточно разработанным понятием, возникает возможность политического манипулирования. Это показано на двух примерах: опыт крымской кампании 2014 г., которая на Западе считается удачным примером гибридной войны России против Украины, и анализ гибридных угроз, которые возникают со стороны России и направлены на повышение уязвимости Финляндии в долгосрочном плане.

Ключевые слова: гибридная угроза, гибридная война, региональная безопасность, Россия.

Hybrid threats in modern politics

Konyshov V.N.

*Doctor of Political Science
Saint-Petersburg State University
E-mail: Konyshov06@mail.ru*

Abstract: The article focuses on a new type of security threat - hybrid threats, which many Western states have declared a long-term phenomenon that and require joint efforts of western community to neutralize them. Russia is considered the main source of hybrid threats. The article suggests that the problem of hybrid threats should be studied as a military doctrine and as a means of political manipulation. Since in the military aspect, hybrid warfare remains an blurred concept, the possibility for political manipulation arises. This is illustrated by two examples: the experience of the Crimean campaign of 2014, which in the West is considered a successful example of the hybrid war of Russia against Ukraine, and the analysis of hybrid threats that arise from Russia and is aimed at increasing Finland's vulnerability in the long term perspective.

Keywords: hybrid war, hybrid threat, regional security, Russia.

В современной политике государств по обеспечению безопасности утвердилась тенденция к расширительной трактовке безопасности, которая означает, что спектр угроз охватывает как военные, так и невоенные составляющие. Одним из появлений этой тенденции стала тема гибридных угроз. Термин был введен в оборот в 2007 г. американскими исследователями, но всеобщее внимание к нему выросло после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г.

Именно этим термином все чаще пользуются на Западе в условиях общего ухудшения отношений с Россией. Более того, термин «гибридная война» применяется не только к конкретным эпизодам, таким как «цветные революции», но и для характеристики внешней политики государств. Например, политику России в отношении Украины или стран Балтии все чаще приравнивают к гибридной войне.

В свою очередь страны Балтии, Украина заявляют, что Россия ведет гибридную войну против них. Во многих других странах Европы и в США заговорили о гибридной угрозе как долгосрочной и весьма серьезной проблеме безопасности.

Странами Запада за последние несколько лет сформировано целое направление исследований, которое опирается на тезис о том, что наступила новая эра в политике безопасности, именуемая «эрой гибридных угроз». Ее отличие состоит в новом сочетании элементов стратегии и тактики [1, с. 2]. Разработкой стратегии по противодействию гибридным угрозам с 2016 г. занимается НАТО и Европейский центр экспертизы по противодействию гибридным угрозам, созданный в Финляндии [2]. В работе центра участвуют 26 стран.

В этой связи необходимо уточнить, что такое гибридная война с точки зрения военных. Сторонники этой концепции среди американских экспертов считают, что наступил качественно новый этап в эволюции войны. Новизна состоит в том, что гибридные войны имеют смешанный характер с точки зрения участников и использования традиционных и иррегулярных методов ведения войны. Другими словами, спектр участников, методов и средств ведения гибридной войны потенциально ничем не ограничен.

Однако если обратиться к документам министерства обороны, которые регламентируют использование вооруженных сил, то выясняется, что на доктринальном уровне гибридная пока не определена, хотя этот термин и встречается в самом общем значении, подчеркивая идею комбинирования сил и средств. Поэтому значительное число военных и экспертов скептически относятся к концепции гибридной войны, справедливо указывая, что гибридная война фактически мало отличается от иррегулярной войны, поэтому говорить о новом типе войн не приходится. Большинство военных, как российских, так и зарубежных, считают, что пока рано говорить о гибридной войне как самостоятельном виде противоборства. Речь фактически идет об оперативном искусстве, т.е. умении планировать и руководить операцией, используя уязвимые места противника и комбинируя различные силы и приемы борьбы.

Сегодня у концепции гибридной войны есть как бы два аспекта. Гибридная война в специально военном значении находится в стадии становления. Гибридная война и в широком, и еще менее определенном значении, активно используется представителями политической науки и действующими политиками. Почему же складывается такая странная ситуация: слабо разработанное понятие заимствовано у военных, но интенсивно используется в политическом дискурсе?

Важность концепции гибридной войны определяется тем, что она позволяет перевести действия государства-оппонента или негосударственного актора в так называемую «серую зону» международно-правового поля [3, с. 6-7]. Другими словами, трактовать некие действия как агрессию со всеми вытекающими последствиями. Подобным примером еще несколько лет назад была гуманитарная интервенция. Основная проблема гуманитарной интервенции была в противоречии с принципом суверенитета. В случае гибридной войны – это возможность подвести под понятие агрессии практические любое действие политического оппонента. Отсюда соблазн использовать гибридные угрозы для политических манипуляций и легитимации силовых действий в обход международного права.

На Западе примером гибридной войны считают события в Крыму 2014 г. Согласно оценкам американских военных, «гибридность» действий России проявилась в следующих особенностях: быстрое развертывание российских войск; масштабные информационные операции, направленные на русских и украинцев; кибератаки на украинские инфраструктуры; скрытные действия сил специального назначения; комбинированные действия регулярных сил и местных повстанцев [4].

Однако подобные оценки применительно к крымским событиям по крайней мере уязвимы для критики.

«Быстрое развертывание». На самом деле в Крыму уже были дислоцированы российские военнослужащие, согласно Соглашению о разделе Черноморского флота от 28 мая 1997 г. Их количество не нарушало количественные лимиты [5].

«Масштабные информационные операции». Активной пропаганды, направленной на массовое сознание, накануне кампании по воссоединению как на территории Крыма, так и в России, не велось. Кремль скорее замалчивал суть происходящих событий и конечные цели «вежливых людей». Что касается украинских военных как цели для российских информационных операций, то 70% военнослужащих были родом из Крыма, поэтому они и не оказывали сопротивления.

«Кибероперации». Военная инфраструктура Украины в Крыму не имела значительной информационной составляющей, поэтому о

киберпространстве в Крыму как поле противостояния между Украиной и РФ едва ли можно говорить серьезно. Есть лишь сведения о блокировании связи при захвате военных объектов, однако украинское руководство сохраняло спецсвязь с базами и воинскими частями в Крыму. Просто приказа на применение оружия украинским военным не поступало [6].

Что же касается действий сил специальных операций и комбинированных действий, то они практикуются давно многими странами мира, и здесь нет ничего принципиально нового.

Если обратиться к разработкам европейских ученых о гибридных угрозах со стороны России, то можно отметить, что часть экспертов разделяют скептическое отношение к гибридной угрозе. Они отмечают, что не нужно преувеличивать реальных возможностей вооруженных сил России лишь на основе успешной крымской компании. Сам же крымский опыт в виде гибридных действий едва ли будет напрямую перенесен в Балтийский регион или Арктику [7, с. 3, 10].

Финские эксперты вынуждены говорить даже не о гибридной угрозе со стороны России как части военного противоборства, а о гибридном влиянии, которое может гипотетически перерасти в угрозу. После этого в гибридное влияние включается буквально любое политическое действие России: информационное, финансовое, физическое, политическое, кибернетическое и политическое насилие [8, с. 4, 6]. Например, это касается Хельсинки, где муниципалитеты, имеющие широкие полномочия по самоуправлению, должны играть ключевую роль в случае перерастания гибридного влияния в гибридную угрозу [8, с.7-8]. Предлагается рассматривать следующие виды гибридного влияния:

Создание или поддержание уязвимости в технической, экономической или духовной сфере. Примерами являются деятельность фейковых новостных веб-сайтов.

Наблюдение как сбор информации об объекте с целью изучения уязвимости.

Тестирование как проверка реагирования целевого объекта на определенные действия, например, кибератаки с целью проверки устойчивости IT-систем.

Деятельность по оказанию влияния на целевые объекты различными способами и методами.

Диверсии, когда данная деятельность маскирует какую-либо другую активность [8, с.9].

Но вот при каких условиях гибридное влияние перестает в угрозу, финские эксперты умалчивают, в самом общем виде ссылаясь на «новый тип угроз».

Очевидно, что такая трактовка гибридной угрозы стирает грань между состоянием войны и мира, что чревато скатыванием к милитаризации политики, затрудняет анализ внешней политики государств и причин конфликтов [7, с. 22]. Кроме того, гибридная война начинает трактоваться как непрерывная, что совершенно запутывает вопрос о правовом статусе войны и мира [9, с. 3].

Однако более распространена радикальная позиция. Для нее характерна прежде всего предельно широкая трактовка термина «гибридная угроза». В этом виде термин чаще всего фигурирует в западных публикациях, и далее делается вывод, что гибридная угроза носит глобальный характер и требует создания общей стратегии всех заинтересованных стран [10, с. 16].

Гибридная угроза прямо отождествляется с конкретными сферами уязвимости современного государства, такие как энергетический комплекс. Здесь возникает логическая неувязка. Ведь уязвимость государства связана с его собственными свойствами безотносительно к внешнему окружению (если газа нет в своих недрах – это никак не зависит от отношений с другими государствами). А вот угроза возникает внутри или извне государства со стороны субъекта политики, который может использовать уязвимость, так что угроза и уязвимость далеко не одно и то же. Уязвимость – свойство объекта, а угроза – ожидаемое негативное последствие от действий субъекта политики.

Итак, формируется ситуация искусственной политизации, когда любая уязвимость подается как гибридная угроза извне. В частности, предлагается зависимость от поставок энергии рассматривать как часть системы гибридных угроз для Финляндии со стороны России данному государству. Поскольку руководство Росатома назначается непосредственно из Кремля по политическим мотивам, это якобы делает саму организацию удобным инструментом для гибридного воздействия. Оно не обязательно прямое, но все равно дает рычаг влияния в самых разных сферах: разведывательной деятельности, военной, правовой, социальной, инфраструктурной. В частности, проект строительства атомной станции в финском г. Ханхикиви рассматривается не только как экономический, но и как часть гибридного воздействия, направленного на раскол ЕС и НАТО [11, с. 32].

Таким образом, в политическом дискурсе гибридная война используется для консолидации антироссийских настроений. На доктринальном уровне гибридная война и гибридная угроза не разработаны ни в одной армии мира, поэтому ее активное использование в основном связано с искусственной политизацией проблем внешней политики для оказания давления на Россию.

Нечеткое определение понятия позволяет включать в гибридные действия любое проявление внешней политики государства.

На практике тема гибридных войн используется, во-первых, для склонения нейтральных Швеции и Финляндии к сотрудничеству и последующему вступлению в НАТО. Во-вторых, гибридная война дает новый импульс к укреплению НАТО, терпящей кризис на фоне серьезных разногласий как между США и Европой, так и внутри Европы, по вопросам обеспечения безопасности. В-третьих, искусственное раздувание проблемы гибридных угроз служит аргументом для увеличения военных расходов европейских государств и активизации НАТО в Арктике.

Литература:

1. Smith A. In the era of hybrid threats: power of the powerful or power of the weak? Strategic analysis October 2017. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2017. – 7 p.
2. The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats // <https://www.hybridcoe.fi/>
3. Sloan E. Hegemony, power, and hybrid war. Berlin: Dialog of Civilizations Research Institute, 2018. – 12 p.
4. Counter-Unconventional Warfare. White paper. // <https://info.publicintelligence.net/USASOC-CounterUnconventionalWarfare.pdf>
5. Ширяев В. Вежливые люди в Крыму: как это было. Новая газета. 17.04.2014.
6. Как России удалось взять Крым без боя? // https://www.bbc.com/russian/russia/2015/03/150320_crimea_film_battle
7. Renz B., Smith H. Russia and hybrid warfare – going beyond the label. Papers Aleksanteri 1/2016. Helsinki: Kikimora Publications, 2016. – 61 p.
8. Helsinki in the era of hybrid threats – Hybrid influencing and the city. Helsinki: The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats, 2019. – 30 p.
9. Reichborn-Kjennerud E., Cullen P. What is hybrid warfare? // Policy Brief, 1/2016. Oslo: Norwegian Institute of International Affairs, 2016. P.1-4.
10. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Countering Hybrid Warfare / Ed. by Monaghan S. March 2019. – 90 p.
11. Nuclear energy and the current security environment in the era of hybrid threats. Research Report. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2019. – 45 p.

Хронотоп Крыма в путевых записках Йована Джорджевича «Путешествие в Крым в 1887 году»

Кнежевич Я.

Доктор литературных наук

Институт сербской культуры Приштина / Лепосавич, Сербия

Научный сотрудник отдела литературы

E-mail: jasmına_yucetic@yahoo.com

Аннотация: *Феномены пространства и времени, поскольку они неразрывно связаны с физическим существованием человека, с древних времен занимали человеческую художественную и научную мысли, но не в равной мере. Интерес к категории времени в двадцатом веке будет сопровождаться размышлениями о пространстве, на важность которых будут указывать несколько авторов. Только в понятии Бахтина о хронотопе явления времени и пространства будут слиты в неразрывное целое. Опираясь на понятие Бахтина «время-пространство», автор этой статьи пытается определить семантический и символический потенциал хронотопа Крыма в путевых заметках Йована Джорджевича «Путешествие в Крым», который в роли частного учителя наследника престола, принца Александра Обреновича, и по приглашению его матери, королевы Натальи Обренович, навестил Крым в период с 30 апреля по 22 июня 1887 года.*

Ключевые слова: *Йован Джорджевич, Крым, путевые заметки, «Путешествие в Крым», хронотоп, время, пространство.*

Материальное существование мира обязательно определяется пространственно-временными координатами, и поэтому неудивительно, что размышления об этих двух категориях занимали человеческое мышление с древних времен. Тем не менее, исследованию времени и пространства в науке и искусстве не уделялось равного внимания. Несколько современных ученых и мыслителей обратили внимание на тот факт, что до двадцатого века феномен времени имел первенство над феноменом пространства. Что было причиной этого? Хорхе Луис Борхес, который, вместе с Полом де Маном и Полом Рикером, является одним из мыслителей, осмысливших тему времени, считал, «что мы можем игнорировать наше представление о пространстве, но не о времени» [1, с. 61]. По его словам, время является существенной проблемой, его нельзя абстрагировать, потому что «наше сознание постоянно движется из одного состояния в другое, и это время сукцессий» [1, с. 62]. С другой стороны, драматичные события, которые

принес XX-й век, «когда неразрывные отношения между временем и пространством засвидетельствованы самым трагическим возможным образом» [2, с. 64], подчеркнут важность пространства для жизни и существования человека; из-за этого упомянутый автор задумается об оправданности придания большего значения времени в двоичной паре хронотопа, или «время-пространства», как это назвал Михаил Бахтин. Изучению пространства будут посвящены исследования Гастона Башляра и Мишеля Фуко, первое из которых будет посвящено прежде всего внутреннему пространству, а второе будет посвящено теме «других пространств», которые относятся к окружающему нас миру. Несмотря на несомненное (в первую очередь технологическое) развитие человечества, которое, к сожалению, не сопровождает его моральное и духовное развитие, интенсифицированные войны и миграции населения подтвердят тезис Мишеля Фуко о том, что «нынешняя эпоха [...] возможно, является скорее пространственной эпохой» [3, с. 29]. Подчеркивая «роковое пересечение времени с пространством» [3, с. 29], которое нельзя игнорировать или отрицать, Фуко определяет современное состояние в науке, в связи с предоставлением приоритета одной из двух упомянутых категорий, как состояние идеологических конфликтов «между благочестивыми потомками времени и своенравными обитателями пространства» [3, с. 29] и делает вывод: «В любом случае, я верю, что беспокойство современности существенно касается пространства, без сомнения, намного больше, чем времени; время, вероятно, представлено еще только как одна из игр возможного расположения среди элементов, рассеянных в пространстве» [3, с. 30].

Однако есть разные пространства. Есть тихие и пренебрегаемые места, без нанесенных повреждений, история которых текла линейно и без помех. Однако есть и другие, вокруг которых ломались копыя, где скрестились дороги, а также интересы разных народов, места, где история, кажется, циклически повторяется и постоянно возвращается к своему началу, с большими или меньшими потрясениями. В списке мест, жители которых не жили «скучной» жизнью, также находится Крым. В этом исследовании мы рассмотрим географическое пространство Крыма в одном сегменте исторического времени, охватывающего XIX-й век. Хронотоп Крыма и его семантико-символический потенциал будут проанализированы на основе путевых заметок Йована Джоржевича, который в роли частного учителя наследника престола, принца Александра Обреновича, и по приглашению его матери, королевы Натальи Обренович, навестил Крым в период с 30 апреля по 22 июня 1887 года. С точки зрения хронотопа, путевой очерк как литературный жанр интересен: Ясмина

Ахметагич заметит, что синтез пространственности и временности необходим для жанра путевого очерка, потому что, по ее словам, «наблюдение и описание пространства всегда [...] сопровождаются размышлениями или воспоминаниями путешественника, которые вводят временное и историческое измерение» [4, с. 45]. Выдвигая этим на первый план посредническую роль писателя-путешественника, потому что «остатки прошлого не могут говорить без посредника» [5, с. 182], Тодор Кульич подчеркнет важность своего видения и интерпретации духовной и материальной важности, а также значение ландшафтов, о которых он оставил письменный след. Здесь понятие хронотопа будет тесно связано с понятием изображения и представления, которое мы найдем в области имагологии, поскольку пространственно-временные координаты самого автора, а также ими обусловленные обстоятельства, при которых он живет и создает, существенно влияют на выбор хронотопа, который будет представлен в путевых заметках, а также в его точке зрения и, в связи с этим, характере изображений и представлений.

Первые впечатления Йована Джорджевича и ассоциации, которые у него возникли после приглашения путешествовать, раскрывают Крым как место, эмоционально содержательное и легендарное, место встречи разных культур и перекресток дорог. Его первые ассоциации, связанные со словом Крым, будут представлять эту область через краткую историческую ретроспективу наиболее значимых личностей и событий. В ответ на известие, что королева с наследником престола отправится «в Россию, в Крым!», Джорджевич скажет: «Я чувствовал себя удивительно, когда услышал это слово 'Крым!' Тут же ожил целый рой мыслей в моей голове, сразу перед моими духовными глазами появился целый ряд образов! Это сказочная Таврида, где Ифигения хотела пожертвовать своим братом Орестом, ради варварских богов! Это земля, однажды попранная злым римским врагом Митридатом! В этом месте по дороге в Европу бродили дикие полчища азиатских варваров! Вот где лучи учения божественного знания Христа озарили святого Владимира, который принял там святое крещение! Здесь был трон татарских ханов, здесь Бахчисарай и 'фонтан слёз', который так красиво описал Пушкин! Именно в этом месте Пушкин предпочитал бывать, это его 'волшебный край, очей отрада!' Тут также Севастополь, где в 1854–1856 годах велись гигантские сражения, где пало более двухсот тысяч человек, из-за любви к пустым призракам: чтобы укрепить империю Наполеона III, которая позже превратилась в пыль у Седана; чтобы спасти Турцию, которую сейчас обдирают те же самые враги ее власти; и, наконец, чтобы унижить и освободить Россию, которая сейчас еще сильнее, чем была тогда! Так что теперь мне

предлагается возможность посетить эти замечательные места под свою старость; посетить их в таком обществе, где у меня будет возможность, увидеть и узнать больше, чем дано обычному путешественнику, - так должен ли я противостоять такому страстному желанию на шестьдесят первом году своей жизни?" [6, с. 3-4].

Заметно прославленное отношение Йована Джорджевича к России, общеизвестное в сербской литературе XIX века. Будучи крупнейшей и единственной независимой славянской православной страной в XIX веке, Россия, в духовной среде сербов, имела прежде всего значение матери и духовной покровительницы. Крымская война, которая велась против стран Западного альянса, в основном касалась судьбы Балкан, и она найдет отклик в творчестве сербских писателей XIX века (Например, Йоксим Нович Оточанин посвятил стихотворение Крымской войне [7]). Сложный хронотоп Крыма приобретает форму посредством других хронотопов, таких как путешествие и путешественник (Джорджевич объявляет себя обычным путешественником, учитывая общество и контекст, в котором посещает Крым), хронотоп встречи (представителей русского и сербского народов), который всегда подчеркивает доброжелательные и братские отношения двух народов. Это отражено в хронотопе гимнов и тостов, которые пьют в честь друг друга. Хронотоп путешествия реализуется через хронотоп железной дороги и хронотоп корабля (Йозеф-Карл, Эльборус, Геленджик, Эриклик, Русь): оба, согласно Фуко, будут представлять интригующие «другие места», то есть гетеротопии [3].

С момента прибытия в Крым воспоминания Джорджевича об истории Крыма, которые мы имели возможность увидеть в цитате из описания его путешествий, уступят место точной и последовательной хронологии событий: встреч, визитов и посещений уникальных мест памяти, свидетелей богатой и славной истории Крыма. Среди них выделяются хронотопы городов: Балаклава, Ялта, Севастополь, особенно на его развалинах, над которыми сербский писатель горюет, затем бывшая татарская столица Бахчисарай, Симферополь и др. Они будут отмечены и узнаваемы по своим многочисленным хронотопам: внутреннее, частное пространство (дворцы: в Ливадии, Алушке, Кореизе, Ханский дворец; летние дома, русские «дачи», и открытое публичное пространство (улицы, парки, скверы, гавани). Кроме того, он страстно пишет о местах, которые Фуко назвал гетеротопиями отступлений [3], таких как кладбища: ханское кладбище, «братское кладбище», «в котором лежат кости ста тысяч защитников Севастополя» [6, с. 40], французское и итальянское кладбище недалеко от Севастополя и Музей Тотлебена в Севастополе. Кроме того, в путевых заметках находим хронотоп церквей (православных и одной

армянской), мечетей и синагог, а также пещер в скалах к юго-востоку от Бахчисарая, в которых жили первые крымские поселенцы в доисторические времена. В своих изображениях и представлениях о Крыме Йован Джоржевич останется в соответствии со своим положением и будет работать в качестве частного учителя и члена свиты, собравшейся вокруг королевы Натальи и ее сына наследника престола, принца Александра Обреновича. Художественно сформированные хронотопы, которые мы находим в его путевых заметках, будут свидетельствовать о древности, культурном разнообразии и богатстве Крыма, а также о глубоких и длительных связях, которые связывают русский и сербский народы.

Литература:

1. Борхес Х.Л. Усмени Борхес / Превод: Анђелија Станојевић, Предраг Марковић // Београд: Рад, 1990. 81 с.

2. Бечејски М. Хронотоп Косова и Метохије у поезији Милице Јефтимијевић Лиљић // Хронотоп Косова и Метохије у науци и уметности: (међународни тематски зборник) / Уредили и приредили Драган Танчић, Јасмина Ахметагић, Далибор Елезовић. Приштина – Лепосавић: Институт за српску културу, 2018. С. 63-77.

3. Фуко М. Друга места / Превод: Милана Бошковић // 1926-1984-2004 Хрестоматија. Нови Сад: Војвођанска социолошка асоцијација, 2005. С. 29-36.

4. Ахметагић Ј. Хронотоп Косова у путопису Станислава Кракова // Хронотоп Косова и Метохије у науци и уметности: (међународни тематски зборник) / Уредили и приредили Драган Танчић, Јасмина Ахметагић, Далибор Елезовић. Приштина – Лепосавић: Институт за српску културу, 2018. С. 43-54.

5. Куљић Т. Култура сећања. Београд: Чигоја штампа, 2006. 355 с.

6. Ђорђевић Ј. Пут у Крим 1887 // Летопис Матице српске. 1897. Год. 66, књ. 192=4 С. 1-48.
<http://digital.bms.rs/ebiblioteka/pageFlip/reader/index.php?type=numerated&id=4254&m=2#page/48/mode/2up>

7. Новић Оточанин Ј. Московија: рат у Криму год. 1854. и 5. Пешта: Матица српска, 1863. 140 с.
http://www.digitalna.nb.rs/wb/NBS/Zavicajne_zbirke/Narodna_biblioteka_Pozarevac/Zbirka_knjiga/NBPO_knjige_037#page/0/mode/1up

**Гражданская журналистика в России: рождение,
популяризация, применение в условиях современных
информационных конфликтов и войн**

Коловский Д.И.

*Казанский (приволжский) федеральный университет,
магистрант*

E-mail: Denis.kolovsky.96@mail.ru

Аннотация: *В статье рассматриваются явления «гражданская журналистика» и блоггерство. Речь идет о периодах их формирования, влиянии на политические процессы, происходившие и происходящие в нашей стране, их взаимодействие с традиционными СМИ.*

Ключевые слова: *гражданская журналистика, блоггерство, политика, протестные движения в России, интернет-журналистика.*

**Civil journalism in Russia: birth, popularization, and application
in the context of modern information conflicts and wars**

Kolovsky D.I.

Student,

Kazan Federal University

E-mail: Denis.kolovsky.96@mail.ru

Abstract: *The article deals with the phenomena of «citizen journalism» and blogging. We are talking about the periods of their formation, how they affect the political processes that took place and are taking place in our country, and interaction with traditional media.*

Keywords: *citizen journalism, blogging, politics, protest movements in Russia, Internet journalism.*

Информационные войны уже стали неотъемлемой частью современного мира, и ведутся одновременно с обычными войнами. Но если последствия классических войн видны даже неподготовленному человеку, то информационные войны ведутся так, что простые люди не идентифицируют их как таковые, хотя понимают, что информационное пространство изменяется, а влияние на них усиливается. Влияние информационных войн ведет к развитию интернет-версии журналистики, которая тесным образом связана с политическими процессами.

Если взять стартовой точкой афганскую кампанию (1979-1989гг.; 1999-2000 г.), то там роль гаджетов исполняли персональные компьютеры (ПК), которые сейчас есть в каждом доме. Сначала велась съемка, потом она монтировалась на компьютере и выкладывалась в сеть.

Следующей контрольной точкой можно считать две чеченские кампании (1994-1996гг., 1999-2000гг.), где роль гаджетов играли уже ноутбуки, но интернет у них был все еще проводной. Хотя стоит заметить, что во время второй чеченской кампании (1999-2000 г.) уже использовалось беспроводное соединение и спутниковая связь. То есть снятый материал редактировался прямо на месте. Это было очень удобно с точки зрения оперативности подачи материала.

В 2008 году во время «трехдневной» грузинской кампании роль передатчика играл уже мобильный телефон, на который снимались события и тут же выкладывались в сеть. Монтаж был задачей уже второстепенной. Главное — скорость подачи информации. Профессионалы монтировали прямо на телефонах, при наличии специальных программ, обычные «стримеры» выкладывали в сеть материал с минимальным количеством поправок.

Следовательно, со времен афганской кампании и до абхазского конфликта, то есть с 1979 по 2008 г. при помощи современных технологий съемочная группа с 2-4 человек сократилась до 1-2.

Однако изменилось и качество предлагаемого контента. В погоне за временем и зрителем СМИ, да и гражданские журналисты не уделяют должного внимания монтажу и отсеиванию лишнего. В результате получаемая информация наполняется ненужными комментариями у гражданских журналистов и превалированием сцен насилия у традиционных СМИ. Но в тоже время возрастает уровень доверия к такой информации, так как она перестает ассоциироваться с цензурованием со стороны властей.

В настоящее время идет тенденция «конвергенции» - объединения, слияния в единое целое и коммуникационных технологий, рынков, и самих средств информации, бытовой и профессиональной техники [1, с. 15].

Как отмечает декан факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор Е.Л. Вартанова, «все чаще понятие «конвергенция» становится синонимом магистральных преобразований в медиасфере... Конвергенция представляется процессом, который в ближайшие десятилетия может полностью изменить не только системы СМИ и коммуникации, но и различные, связанные с ними индустрии» [2, с. 360].

Одним из результатов этой конвергенции можно считать появление так называемой «гражданской журналистики». Гражданская журналистика – это прямой перевод американского выражения «civic journalism». Эту журналистику называют также общественной, общинной или коммунитарной (от англ. «community» - сообщество), рефлексивной, гуманитарной, проектной и журналистикой соучастия.

Гражданская журналистика как нельзя лучше отвечает принципам «свободы слова». Принципы гуманитарной журналистики были сформулированы И. М. Дзялошинским еще в 1984 году. Но до сих пор не утихают споры относительно того, насколько правомерно само существование этого вида журналистики. Тем не менее, гражданская журналистика уже более десятилетия имеет популярность в России. Все больше людей отдают предпочтение независимым СМИ и гражданским журналистам, блогам простых сограждан, нежели традиционным и государственным СМИ.

Аналитики называют блогерство «гражданской журналистикой» – те или иные потенциально интересные события в мире моментально находят отклики в миллионах пользовательских интернет-журналах («блогах», «дневниках») по всему миру, давая стороннему наблюдателю возможность с той или иной степенью объективности понять, что же на самом деле происходит. За эту информацию не надо платить, то есть гражданские журналисты бесплатно производят информацию - приоритет, ранее принадлежавший оплачиваемым профессионалам.

Например, во время взрыва в аэропорту «Домодедово», всю свежую информацию люди узнавали из социальных сетей и блогов, в то время как традиционные СМИ просто не успевали за информацией, тратя время на ее подтверждение.

На текущий момент уже есть примеры того, что на работу в авторитетные издания берут гражданских журналистов, доверяя им рубрики, а то и целые отделы.

К примеру, в мае 2003 года британская газета «The Guardian» наняла на работу в качестве ведущего постоянной рубрики иракца, писавшего под именем «SalamPax», который как раз был одним из тех, кто сообщал в блоге с места событий о происходящем в ходе штурма Багдада.

Но, если для публикации своих материалов традиционные журналисты используют свои издания, то блогерам, в особенности гражданским журналистам, была необходима своя площадка для публикации и обсуждения контента, создания комьюнити. Первой площадкой такого направления стал русскоязычный LiveJournal, именуемый «ЖЖ».

Журналист «Независимой газеты» Никита Секретарев пишет о том, что российский сегмент ЖЖ более политизирован. Причиной может быть различная степень самоцензуры в СМИ России и США. В народе появилась шутка: если хочешь узнать правду – подслушай, о чем говорят журналисты между собой.

Поэтому блоги стали воспринимать как авторские колонки, как дополнительное средство массовой информации и использовать, прежде всего, для обсуждения культурных, общественно-политических и профессиональных вопросов. Дискуссии кочевали из журнала в журнал, обрастали новыми участниками и нюансами, провоцировали заочную полемику. В результате возникла единая среда, большой взаимосвязанный клубок. Можно сказать, что весь русский ЖЖ — это огромный гипертекст [1, с. 15].

В этой единой гипертекстовой среде стал формироваться феномен «гражданской журналистики». В октябре 2002 года, когда террористы захватили театральный центр на Дубровке, многие пользователи интернета регулярно наблюдали не только за сообщениями СМИ о «Норд-Осте», но и за блогами москвичей, среди которых быстро нашлись те, кто проживал поблизости от места событий или получал оперативную информацию оттуда.

Классикой жанра стали сообщения жительницы Бишкека Елены Скочило. Она публиковала сводки и фоторепортажи о революционных событиях в Киргизии (впоследствии Елена получила профессиональную премию российских интернет-деятелей "РОТОР" в номинации "Блог года") [3].

Исследователь Д. Мамутова считает, что сегодня глобальное информационное пространство претерпевает большие изменения: веками налаженная система массового производства информации традиционными СМИ в современных условиях Интернета вынуждена видоизменяться и приспосабливаться к новым условиям. Журналистика новой эры индивидуализируется, происходит дифференциация информации. Журналистика переходит на новый уровень. Аудитория из категории потребителя переходит в категорию производителя [4].

Блоги становятся все более мультимедийными - если раньше в них доминировали текстовые записи, то сейчас, по мере широкого распространения цифровой фототехники, в них публикуется все больше самых разнообразных иллюстраций; кроме того, некоторые сервисы позволяют делать звуковые записи, а ряд разработчиков создает платформы для ведения видеоблогов.

Многие блогеры в настоящее время могут сказать, что блоггерство, изначально воспринимавшееся как хобби, уже успело сыграть в их

жизни ту или иную важную роль. Сегодня блоги называют новой формой журналистики. Действительно своим появлением блогинг существенным образом изменил традиционные представления о журналистике. Современная журналистика переходит на новый этап – в блогговую эру. Блогеры «из народа» часто становятся популярными, если им удастся наполнить свой дневник содержимым, потенциально интересным для большого количества людей.

Например, на фоне протестов на Болотной площади в начале прошлого десятилетия, возникла целая армия блогеров, которые составили конкуренцию профессиональным репортерам в освещении событий оттуда. Российская блогосфера родилась и сформировалась при «участии» политических изменений в жизни страны. Блогеры, чьи ресурсы, согласно закону, можно отнести к Средствам массовой информации, в большинстве своем предлагают политизированный или околополитизированный контент.

Журналистика уже давно является инструментом информационной войны. Но если раньше она просто предлагала аудитории факты, поданные «под правильным углом», то сегодня она часто предлагает читателю всю совокупность имеющейся информации, в которой, помимо фактов, есть еще мнения, прогнозы.

Но в случае с традиционной журналистикой, почти всегда можно проследить источник информации, кто именно предоставляет факты и формирует тот самый контент и для чего это делается. Традиционные СМИ нашей страны подразделяются условно на правительственные и неправительственные. В свою очередь, факты подаются в зависимости от необходимого ракурса.

Ярким примером можно считать «восхождение на медиаолимп» блогера Алексея Навального. Первой площадкой для своей деятельности он избрал популярный на тот период ЖЖ. Там были выложены его первые расследования. Там же появились первые дискуссии. Со временем он собрал вокруг себя плеяду единомышленников, а его материалы стали просачиваться в другие социальные сети, а также в традиционные СМИ, в том числе федерального уровня. В период протестных акции и маршей Алексей и его сторонники использовали платформу в качестве организационной площадки, где через комментарии мониторили происходящие события.

Еще одним примером можно считать использование непроверенных источников. В данном случае речь идет о публикации в СМИ информации, полученной из неофициальных телеграмм-каналов без проверки и подтверждения. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда издания «гонятся» за оперативностью.

Что же касается блогов, то тут все несколько сложнее. Начать

стоит с того, что не каждый блог является СМИ, а значит, на него не распространяются как Закон о СМИ, так и наказание за его нарушение. Во-вторых, в отличие от традиционных журналистов, которые имеют опыт и, чаще всего, образование в описываемой ими сфере, блогер не имеет ни того, ни другого. Однако он становится ближе к народу, а значит, имеет больший авторитет, чем «далекий» журналист. В результате через блогера можно транслировать информацию, под каким удобно ракурсом, выгодным для нанимателя. Примером можно считать раскручивание активистки протестного движения «Оли-Конституции». Если традиционные СМИ писали о ней немного, предпочитая ей события, то интернет-журналисты писали о ней в своих блогах, говоря о том, что ей ограничивают «свободу слова», не дают информацию. Примером следует считать случай, когда Ольгу насильно выставили из оцепленной зоны после стрельбы на «Лубянке», когда она пыталась туда прорваться. То, что это вынужденная мера, чтобы сохранить жизнь и здоровье, сказано не было, а вот нарушение прав человека, запрет на получение информации и т. д. было отмечено во многих блогах.

Однако русские блогеры раскрутились на том, что «оказывались в нужное время в нужном месте». Они просто являлись передатчиками, ведя прямые эфиры со знаковых мест и событий.

Примером можно считать блогера *Тимура Какабадзе*. Он был первым среди российских блогеров, кто стал вести прямую трансляцию митинга – это было 5 декабря 2011 года. За одну ночь, когда он снимал людей, пришедших к ОВД встречать Навального, ему удалось набрать десять тысяч подписчиков в Twitter. Во время митинга 24 декабря 2011 года несколько СМИ на своих сайтах поставили его трансляцию.

Подводя итог, можно отметить трансформацию средств массовой информации. Традиционные СМИ, с целью соответствия «современным требованиям», привлекают к своей деятельности блогеров.

Гражданские журналисты стали частью медиополя нашей страны. С их мнением приходится считаться. Они являются более авторитетным источником информации для аудитории. Однако надо понимать, что при этом они с большей вероятностью, чем традиционные СМИ, могут являться передатчиком недостоверной, субъективной информации.

Потребитель контента СМИ из пассивного пользователя становится производителем информации.

Несмотря на все споры и дискуссии, возникающие относительно существования такого рода журналистики, как гражданская журналистика, она и традиционная журналистика взаимосвязаны и взаимозависимы.

Литература:

1. Подпорина Н. История блогов и становление гражданской журналистики // Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования: сборник лаборатории медиакультуры, коммуникации, конвергенции и цифровых технологий / ред. И. Засурский. М.: Издательство МГУ, 2007. С. 6-59.
2. Основы медиабизнеса: учеб. пособие для студентов вузов/ под общ. ред. Е.Л. Вартаковой. М.: Аспект Пресс, 2009. 360 с.
3. Рублёв С. Гражданская журналистика на службе интересов общества / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lenta.ru/articles>.
4. Мамутова Д. К вопросу о разнице между традиционной и гражданской журналистикой / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fikr.uz/posts/CivilJournalism/13433.html>

Факторы конструктивного/деструктивного взаимодействия городских сообществ с органами власти и бизнес-структурами в условиях конфликта хозяйствования

Кольба А. И.

Доктор политических наук

Кубанский государственный университет, профессор кафедры государственной политики и государственного управления

E-mail: alivka2000@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00571, «Конфликты в процессе функционирования городских сообществ крупных региональных центров России: концептуальные основания исследования и политические методы снижения деструктивного потенциала».

Аннотация: В статье рассматриваются возможности обеспечения конструктивного взаимодействия основных акторов городских конфликтов (городских сообществ, властных структур и бизнеса). Проведённый анализ основан на материалах глубинных полуструктурированных интервью с представителями городских сообществ, взятых в октябре-ноябре 2019 г. в трёх крупных региональных центрах России (Воронеж, Краснодар, Ярославль). Выделены основные характеристики поведения городских сообществ, которые демонстрируют их нацеленность на конструктивное взаимодействие с органами власти при восприятии конфликта как

нормы отношений. Расширение деструктивных последствий взаимодействия возможно в случае игнорирования требований сообществ или попыток исключить их из процессов принятия решений. В отношениях бизнесом преобладают опосредованные властью взаимодействия. Риски деструктивного развития здесь в большей степени связаны с отсутствием площадок для прямых контактов.

Ключевые слова: городские сообщества, городские конфликты, власть, бизнес, взаимодействие.

Factors of constructive/destructive interaction of urban communities with authorities and business structures in conflict conditions

Kolba A.I.

Doctor of Political Science

Kuban State University, Professor of the Department of Public Policy and Public Administration

E-mail: alivka2000@mail.ru

Abstract: *The article considers the possibilities of ensuring constructive interaction between the main actors of urban conflicts (urban communities, government structures, and businesses). The analysis is based on the materials of in-depth semi-structured interviews with representatives of urban communities taken in October-November 2019 in three major regional centers of Russia (Voronezh, Krasnodar, Yaroslavl). The main characteristics of the behavior of urban communities are highlighted, which demonstrate their focus on constructive interaction with authorities in the perception of conflict as a norm of relations. The destructive consequences of interaction can be expanded if community requirements are ignored or if they are excluded from decision-making processes. In a relationship business is dominated by the mediated power of interaction. The risks of destructive development here are mostly related to the lack of platforms for direct contacts.*

Keywords: *urban communities, urban conflicts, government, business, interaction.*

Проблемы взаимодействия городских сообществ с другими акторами развития современных городов имеют ключевое значение с точки зрения наиболее полного отражения интересов горожан в процессе принятия решений на муниципальном, а в некоторых случаях - на региональном и федеральном уровнях управления. Как показывает

практика конфликтов в крупных городах России, нарастание деструктивной составляющей в них происходит при игнорировании мнения существенной части горожан (в некоторых случаях – большинства) в процессе разработки и утверждения решений, что, в свою очередь, связано с выходом конфликта на более высокий уровень и обычно приводит к корректировке принятых решений (примером являются «мусорные протесты» 2018 г. в Ярославле, сопротивление горожан строительству православного храма в центре Екатеринбурга в 2019 г. и др. ситуации). Поэтому представляется важным исследовать факторы, оказывающие влияние на уровень конструктивности взаимодействия городских сообществ с органами власти (в первую очередь – местными администрациями), а также таким важным субъектом развития городского пространства, как бизнес (в центре внимания чаще всего оказываются девелоперские компании).

Представленный анализ основан на данных, полученных исследовательской группой в составе А. В. Глуховой, А. И. Кольбы, А. В. Соколова в рамках глубинных полуструктурированных интервью с представителями городских сообществ в трёх крупных региональных центрах РФ (Воронеж, Краснодар, Ярославль). Исследование проведено в октябре-ноябре 2019 г. Оно имеет пилотный характер, но, на наш взгляд, полученная информация позволяет сделать некоторые общие выводы о характере и качестве взаимодействия городских сообществ с указанными субъектами.

В публикациях российских учёных выделяется ряд основных проблем в отношениях местных властей и сообществ, которые так или иначе связаны с недостаточно развитым взаимодействием между ними: исключение различных групп местного населения из участия в управлении, отсутствие каналов коммуникации между управленцами и управляемыми [1, с. 120-121], неэффективность законодательно закреплённых механизмов согласования интересов [2], развитие модели скрытого сговора во внутриэлитных отношениях [3] и др. Регулирование отношений в той или иной степени происходит в рамках четырёх моделей отношений: конфронтационной, модели автономной активности, индифферентной и партнёрской [4, с. 55], элементы которых фиксируются эмпирическими исследованиями [5]. Относительно состояния самих сообществ отмечаются такие проблемы, как несформированность их развитой структуры, низкий уровень социальной и политической субъектности [6].

Указанные сюжеты в той или иной степени находят своё отражение в ответах респондентов. Большинство из них отмечается существенная роль конфликтов в создании и функционировании сообществ. По мнению респондентов, часто конфликт служит толчком

для начала этих процессов, следовательно, сам по себе он не рассматривается как признак неконструктивного взаимодействия. В некоторых случаях представители сообществ инкорпорируются в структуры местной власти. При этом одним из основных препятствий для развития городских сообществ интервьюируемые называют позицию властей, которые не приветствуют активизацию их деятельности. Такое положение вещей является фактором, повышающим вероятность деструктивных последствий конфликта. Городские власти рассматриваются как главный оппонент. В то же время основной формой конфликтования сообществ является апелляция к ним (обращение в/через официальные или неофициальные каналы коммуникации). Эскалация конфликта, как правило, в тех случаях, когда данные структуры не реагируют на сигналы такого рода. Тогда возможен переход к более жёстким методам противоборства: протестные акции, митинги, сбор подписей и др. Однако такие способы воздействия рассматриваются как крайние меры, в современных политических условиях создающие опасность для участников. Характерно, что среди относительно радикальных способов воздействия на позиции власти называется и прекращение диалога, что указывает на снижение уровня конструктивности конфликта.

В целом стратегии конфликтования городских сообществ можно оценить как весьма конструктивные. Они изначально нацелены на сотрудничество или компромисс, хотя опрошенные активисты, опираясь на имеющийся опыт взаимодействия с властями, в основном скептически настроены относительно возможности реализации подобных стратегий. Для этого необходимо преодолеть возникающее сопротивление, и тогда возможно решение проблемы по существу. Один из опрошенных выразил эту мысль таким образом: «Наша задача - не снести эту власть, а направить её в нужное русло».

В то же время ряд активистов отмечает необходимость дальнейшей политизации деятельности сообществ, в частности, продвижения кандидатов на выборные должности. Такая возможность воспринимается скорее как инструментальная в плане улучшения взаимодействия с властями. Не исключаются и попытки сотрудничества с представителями политической оппозиции, как системной, так и несистемной. Некоторые активисты подчёркивают, что политические партии, не имеющие собственных ярких кандидатов на местных выборах, вынуждены обращаться к гражданским лидерам. Косвенно о нацеленности на диалоговые формы урегулирования конфликтов говорят и высказывания относительно размеров сообществ: большинство опрошенных не видят необходимости в массовом участии горожан в их деятельности. Предпочтение отдаётся

компактным структурам, участники которых ориентированы на использование конвенциональных форм взаимодействия с властями (участие в публичных слушаниях, юридическое оформление претензий граждан и т.д.). В то же время эскалация конфликтов и рост их деструктивности наиболее вероятны в случае активизации массовых, слабо структурированных движений. При этом ограниченность состава участников может негативно влиять на выполнение профильных функций сообществ.

Примечательно, что бизнес практически отсутствует в «картине мира» городских активистов как субъект взаимодействия (только один из интервьюируемых отметил его в качестве оппонента в конфликтах). Однако это не означает установления конструктивных отношений, скорее наоборот: бизнес-структуры рассматриваются как сила, преследующая в основном корыстные цели, которую нужно обуздать, используя давление на властные органы. Анализ case-study конфликтов показывает, что тех случаях, когда граждане напрямую противодействуют проектам коммерциализации городских территорий, риски реализации деструктивного сценария возрастают. Возможно, такое положение дел связано с использованием городскими властями модели «экспертного совета», предполагающей разделённое взаимодействие с городскими сообществами и бизнес-структурами [7, с. 9], либо с относительно низким представительством бизнеса в структурах городской власти, стремлением урегулировать возникающие проблемы на региональном уровне [8].

Таким образом, росту деструктивного взаимодействия между городскими сообществами и властью могут способствовать внешние по отношению к сообществам факторы (институциональная среда, позиция городских властей по тому или иному вопросу, стремление исключить сообщество из процесса принятия решений по актуальной проблеме). Исходя из своих интересов и потребностей, сообщества нацелены на конструктивное протекание конфликтов (признавая при этом конфликт как норму отношений). В системе отношений городских сообществ и бизнеса угрожающим фактором является отсутствие площадок прямого взаимодействия, а также существующее недоверие горожан относительно целей и мотивов его участия в развитии городских территорий.

Литература:

1. Антипов К.А., Лазукова Е.А., Разинский Г.В. Муниципальная власть и местные сообщества: особенности взаимодействия (к постановке проблемы социологического исследования) // Вестник

Пермского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 118–129.

2. Байнова М.С. Проблемы взаимодействия власти и общества в градостроительной деятельности на примере г. Москвы // Вестник Государственного университета управления. 2015. № 6. С. 104–108.

3. Пустовойт Ю.А. Модернизация, городской режим и протесты: опыт транзактного анализа дискурса власти и протестных сообществ в сибирских городах // Развитие территорий. 2019. № 1(15). С. 6–14.

4. Антипов К.А. Модели взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества // Социум и власть. 2012. С. 55–58.

5. Самарцева О.К., Сергеева С.Ю., Фомина Т.А. Городские сообщества и власть: отношения и ожидания // Теория и практика развития институтов гражданского общества в Самарской области: Материалы первой региональной научно-практической конференции. Самара: Артель, 2015. С. 77–87.

6. Разинский Г.В. Горожане и чиновники: противостояние или сотрудничество // Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы XXI Уральских социологических чтений. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 241–243.

7. Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Городской конфликт как объект исследования и политического управления: проблемы концептуализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 5–12.

8. Довбыш Е.Г. Бизнес, городская власть и городское сообщество: к проблеме институционализации взаимоотношений // Социальные явления. 2012. № 4. С. 74–82.

Когнитивные факторы антиципационных способностей студентов-психологов как ресурсы адаптации в условиях нестабильности современности

Кондрашихина О. А.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,

Гуманитарно-педагогический институт,

Доцент кафедры психологии

E-mail: okskon66@mail.ru

***Аннотация:** В работе приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) личности и особенностей ее*

когнитивного стиля: узости – широты диапазона эквивалентности категориальной узости – широты, полнезависимости – полнезависимость, импульсивности – рефлексивности, ригидности – гибкости познавательного контроля. На основании диагностического исследования на выборке студентов-психологов с использованием методов математической статистики (многофункциональный критерий Манна-Уитни и критерий ранговой корреляции Спирмена) выявлено, что чем выше полнезависимость и ниже импульсивность личности, тем большей антиципационной состоятельностью (прогностической компетентностью) она будет обладать и, следовательно, тем выше у нее будет способность прогнозировать развитие ситуации в условиях неопределенности, нестабильности и рисков современного мира.

Ключевые слова: когнитивный стиль, полнезависимость, импульсивность, антиципационная состоятельность, студент

Cognitive factors of anticipatory abilities of psychology students as adaptation resources in the conditions of modern instability

Kondrashikhina O. A.

«Sevastopol State University»

Humanitarian Pedagogical Institute

Associate Professor, Department of Psychology

E-mail: okskon66@mail.ru

Abstract: The paper presents the results of an empirical study of the relationship between anticipatory solvency (prognostic competence) of an individual and the characteristics of its cognitive style: narrowness - the breadth of the range of equivalence of categorical narrowness - breadth, field dependence - field independence, impulsivity - reflexivity, rigidity - the flexibility of cognitive control. Based on a diagnostic study on a sample of psychology students using methods of mathematical statistics (multifunctional Mann-Whitney test and Spearman's rank correlation criterion), it was found that the higher the field independence and lower personality impulsivity, the greater anticipation solvency (prognostic competence) it will have and, therefore, the higher her ability to predict the development of the situation in the face of uncertainty, instability and risks of the modern world.

Key words: cognitive style, field independence, impulsivity, anticipation solvency, student

Совладание с вызовами современной жизни - это постоянно изменяющиеся когнитивные, эмоциональные и поведенческие усилия индивида с целью управления специфическими внешними и (или) внутренними требованиями, которые оцениваются им как подвергающие его испытанию или превышающие его ресурсы. На сегодняшний день в отечественной психологии представлены множественные работы, касающиеся исследования детерминант совладания (копинга) личности в трудной ситуации. Однако исследования собственно когнитивных детерминант совладания незначительны, приводящиеся в них данные нуждаются в дополнении. По-прежнему остаются дефицитарными исследования по вопросу антиципации. Исследуется роль антиципации в процессе профессионального становления, спортивной деятельности, обучения языкам, речевой деятельности и др. (на основе анализа материалов, представленных в РИНЦ за последние 5 лет). Тщательный анализ генезиса антиципационных способностей студентов на различных этапах обучения в вузе проводится в работах А.А. Белицкой [1]. Однако личностные и когнитивные корреляты антиципационных способностей в современных исследованиях выделены лишь фрагментарно. В то же время уточнение роли когнитивных детерминант в детерминации антиципационных способностей личности способствовало бы оптимизации процесса профессионального обучения, становления и успешной реализации в современных условиях будущих психологов.

Цель исследования: выделить особенности когнитивного стиля студентов-психологов с различным уровнем антиципационной состоятельности.

Исследование осуществлялось на базе ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», в исследовании приняли участие 55 студентов заочной формы обучения, обучающихся по специальности «Психология». Применялись групповые формы диагностического обследования. Средний возраст испытуемых – 34,7 ± 5,1 лет. Женщин – 50, мужчин – 5.

Диагностическое обследование осуществлялось при помощи следующих методик:

1. Методика «Включенные фигуры» (К. Готтшальдт) ставила перед испытуемым задачу – найти простую фигуру внутри сложной геометрической фигуры. Быстрое и правильное обнаружение простой фигуры (детали) характеризует полнезависимость, медленное и ошибочное – полезависимость.

2. Методика «Свободная сортировка объектов» (Р.Гардер и др.), использовалась в модификации, предложенной В.Колгой. Направлена

на диагностику узости/широты диапазона эквивалентности. Испытуемым предлагается рассортировать на группы 35 слов, соотносимых с категорией «время». Показатели узости/широты диапазона эквивалентности: 1) количество выделенных групп; 2) количество объектов в наибольшей по объему группе; 3) количество групп, состоящих из одного объекта.

3. Методика «Подбор синонимов» (Р.Боттенберг). Направлена на диагностику категориальной узости/широты. Предъявляется 10 основных слов (существительные, глаголы или прилагательные) с различными синонимами. Испытуемый должен выбрать из них те, которые, по его мнению, похожи на основное слово, являются его синонимами. Показатель широты категории: общее число выбранных синонимов (чем меньше это число, тем уже предпочитаемая субъектом широта категории).

4. Методика «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана. Направлена на диагностику импульсивности – рефлексивности. Задача испытуемому – найти фигуру, идентичную эталонной, среди очень похожих фигур. При этом под импульсивными понимались испытуемые, которые быстро отвечали на задания, не всегда достаточно продумав условия и попытавшись найти альтернативные решения. Для рефлексивных испытуемых свойственно отвечать на задания медленно, они неоднократно все продумывают и взвешивают. Для импульсивных испытуемых характерно малое число ошибочных ответов, для рефлексивных – большое.

5. Методика свободных ассоциаций (Р.Гарднер). Направлена на диагностику ригидности – гибкости познавательного контроля. В течение 3 минут испытуемый называет любые слова, связанные, по его мнению, со словом-стимулом («дом»). Ответы распределяются по семи смысловым группам, соотнесенных со словом-стимулом. Показатели ригидности/гибкости познавательного контроля: 1) длина дистанции свободных словесных ассоциаций; 2) общее количество ответов в протоколе.

6. Тест антиципационной состоятельности. Автор - В.Д. Менделевич.

Под антиципационной состоятельностью (прогностической компетентностью) понимается способность с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них и реагировать (действовать) с временно-пространственным упреждением [2]. Методика выявляет прогностические способности по трем составляющим: личностно-ситуативной (способность прогнозировать жизненные события и ситуации), пространственной (способность предвосхищать

пространственные перемещения объектов) и временной (способность распределять время).

Анализ антиципационных способностей по опроснику В.Д. Менделевича показал, что у 27% испытуемых уровень прогностической компетентности ниже нормы, что говорит об их антиципационной несостоятельности. Данные испытуемые были выделены в группу А. Остальные испытуемые (с достаточным уровнем антиципационной состоятельности) составили группу Б. Далее исследовались у представителей обеих групп различия в параметрах когнитивного стиля.

В целом, показатели по методике свободных ассоциаций (Р.Гарднер) говорят о преобладании в ответах испытуемых достаточно близких ассоциаций – присутствует непосредственное описание дома, его внутреннего строения дома и объектов, окружающего дом ландшафта. Изредка продуцировались отдаленные по смыслу, но связанные с понятием «дом» ассоциации. Максимальное количество категорий, которое проявилось в ответах испытуемых, равнялось 6 (при максимально возможном – 7).

Исследование диапазона когнитивной эквивалентности испытуемых по методике «Свободная сортировка объектов» показало, что часть испытуемых (45%) разделяет объекты на большое количество групп, имеющих малый объём, а другая часть – на малое количество групп, имеющих больший объём (36%), третья часть – на большое количество групп с большим объемом. О первой части испытуемых можно сказать, что они обладают узким диапазоном эквивалентности, а о второй – как об обладателях широкого диапазона эквивалентности. Эффекта компарментализации у испытуемых выявлено не было.

Диагностика категориальной узости/широты (методика «Подбор синонимов» (Р.Боттенберг) показала большие различия по данному параметру когнитивного стиля среди обследованных студентов. Так, максимальный результат по методике составил 70 ответов (выбранных синонимов), а минимальный – 13.

Исследование полезависимости – полнезависимости по методике «Включенные фигуры» показало, что быстрое и правильное обнаружение простой фигуры (детали), характеризующее полнезависимость, свойственно 46% испытуемых, а медленное и/или ошибочное (полезависимость) - 54%.

Исследование импульсивности – рефлексивности испытуемых осуществлялась по методике «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана. Импульсивные испытуемые склонны быстро реагировать в ситуации множественного выбора, при этом гипотезы выдвигаются без анализа всех возможных альтернатив, что в принципе может

детерминировать неконструктивные варианты активности в неопределенных ситуациях. Для рефлексивных испытуемых характерен замедленный темп реагирования в подобной ситуации, гипотезы проверяются и многократно уточняются, решение принимается на основе тщательного предварительного анализа признаков альтернативных объектов. Без учета эффекта расщепления когнитивных стилей (М.А. Холодная [3]) было выявлено в выборке 47% импульсивных испытуемых и 37% – рефлексивных.

Сопоставление параметров когнитивного стиля студентов с достаточным и низким уровнями антиципационной состоятельности показало следующее (рис.1).

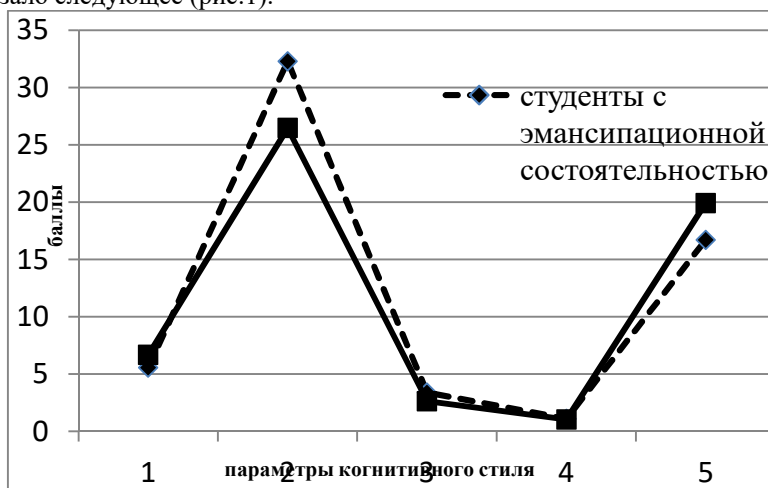

Рисунок 1. Когнитивные профили студентов с низким и достаточным уровнем антиципационной состоятельности

- 1 – гибкость познавательного контроля
- 2 – категориальная широта
- 3 – когнитивная эквивалентность
- 4 – полнезависимость
- 5 – импульсивность

Антиципационно состоятельным студентам свойственны более высокие показатели по когнитивной широте и низкие по импульсивности. Верификация различий при помощи критерия Манна-Уитни в среднегрупповых значениях отдельных параметров когнитивного стиля студентов с низким и достаточным уровнями антиципационной состоятельности показала наличие статистически

значимых различий по импульсивности ($U_{Эмп} = 114$, $p \leq 0,05$). Антиципационно несостоятельные студенты, несомненно, являются более импульсивными. Возможно, именно данная черта не позволяет им изучить всесторонне ситуацию и сделать выводы о дальнейшем развитии событий с высокой точностью. Что касается остальных показателей когнитивного стиля, то по ним различия не являются статистически значимыми.

Изучение корреляций (критерий Спирмена) между показателем антиципационной состоятельности и параметрами когнитивного стиля показало следующее. Можно говорить о статистически значимой корреляции между антиципационной состоятельностью личности и полнезависимостью ($r_s = 0.301$, $p \leq 0,05$) и импульсивностью ($r_s = -0.312$, $p \leq 0,05$). Если психологическое объяснение отрицательной корреляции между импульсивностью и антиципационной состоятельностью является очевидным, то попробуем проинтерпретировать связь между антиципацией и полнезависимостью. Скорее всего, студенты, относительно свободные от влияния поля (давления ситуации), независимые от других как в процессе принятия решения, так и в его содержании, способные и желающие работать автономно, обладают большими ресурсами для адекватной оценки ситуации и прогноза развития событий. То, что они не используют подсказки и помощь социального окружения, позволяет им более точно предсказывать развитие событий относительно собственной жизни (напомним, опросник содержит именно такой компонент антиципации), опираясь на свой опыт.

Таким образом, можно говорить о том, что чем выше полнезависимость и ниже импульсивность личности, тем большей антиципационной компетентностью она будет обладать и, следовательно, тем выше у нее будет способность прогнозировать развитие ситуации в условиях неопределенности, нестабильности современного мира.

Литература:

1. Белицкая А.А. Динамика антиципации студентов на различных этапах обучения в вузе // Экономические и гуманитарные науки. 2011. № 12 (239). С.16 – 20.
2. Холодная М.А. Когнитивные стили: о природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. 324 с.
3. Менделевич В.Д. Антиципационные механизмы неврогенеза // Психологический журнал. 1996. №4. С. 107 – 115.

**Когнитивные константы идеологических матриц
(по материалам анкетированного опроса студентов Юга России)**

Константинов М.С.

*Кандидат политических наук,
Южный федеральный университет,
доцент кафедры теоретической и прикладной политологии
E-mail: konstantinov@sfedu.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-00906а, «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

Аннотация: В статье на материале социологических исследований молодёжного сознания студентов Юга России, проведённых в 2015 г. и 2019 г. и включавших групповые интервью, анкетированные опросы и фокус-группы, представлен анализ ключевых структурных элементов когнитивно-идеологических матриц – социально манифестируемых «константных» концептов «презентабельных» идеологий, и латентных «мерцающих» концептов, мигрировавших из конкурирующих идеологий и проявляющих себя только в кризисных ситуациях лиминального выбора. Показано, что несмотря на произошедшие с 2015 по 2019 г. изменения в идеологических саморепрезентациях, в студенческом сознании сохраняют актуальность праворадикальные концепты, которые в ситуации масштабного социально-экономического и/или политического кризиса могут стать исходными точками кристаллизации праворадикальных идеологий.

Ключевые слова: политические идеологии, когнитивно-идеологические матрицы, концепт, молодёжное сознание, студенческая молодёжь, Юг России, экономический кризис.

**Cognitive constants of ideological matrices
(based on the questionnaire of students of Russian South)**

Konstantinov M.S.

*Southern Federal University (Russia),
associate professor of Department of Theoretical and Applied
Political Science
E-mail: konstantinov@sfedu.ru*

Abstract: *In an article based on sociological studies of youth consciousness of students of the South of Russia, conducted in 2015. and 2019 and including group interviews, questionnaires and focus groups, an analysis of the key structural elements of cognitive and ideological matrices is presented: manifested «constant» concepts of «presentable» ideologies, and latent «flickering» concepts that migrated from competing ideologies and manifest themselves only in crisis liminal choice situations. It is shown that despite the changes in ideological self-representations that took place from 2015 to 2019, right-wing radical concepts remain relevant in the student mind, which in a situation of a large-scale socio-economic and / or political crisis can become the starting points for the crystallization of right-wing ideologies.*

Keywords: *political ideologies, cognitive ideological matrices, concept, youth consciousness, students, South of Russia, economic crisis.*

Одна из основных проблем изучения политических идеологий — подвижность, многозначность и удивительная пластичность ключевых идеологических концептов, значения которых (в соответствии с концепцией британского политолога М. Фридена [1]) существенно варьируются в зависимости от их периферийного окружения. Шотландский политический теоретик У.Б. Гэлли даже выдвинул, в связи с этим, довольно радикальную концепцию «сущностной оспариваемости концептов политического языка» [2]. Данная проблема неоднократно становилась объектом изучения. Достаточно упомянуть классическое исследование, проведённое под руководством Филиппа Конверса и продемонстрировавшее несоответствие между верованиями масс и убеждениями образованных элит – носителей идеологии [3]. В этой связи можно также упомянуть понятие идеологеми Ф. Джеймисона, а также концепцию «плавающих означающих», предложенную Ж. Лаканом, а затем развитой Э. Лаклау, Ш. Муфф, С. Жижекком и др. [4; 5; 6] для описания отношений между гетерогенным массовым сознанием и логически упорядоченными идеологическими системами.

Указанное представление о концептуальной пластичности современных политических идеологий, способных заимствовать элементы конкурирующих идеологий, стала исходной для серии социологических исследований студенческого сознания Юга России, проведённых в 2015–2019 гг. научным коллективом, объединившим учёных из Южного федерального университета и Южного научного центра Российской академии наук. Концептуализируя указанную проблему, исследователи решили обратиться к тому уровню студенческого сознания, на котором идеология находится ещё в

латентном состоянии, только зарождается и кристаллизуется. Теоретико-методологической базой исследования стала авторская концепция когнитивно-идеологических матриц, описывающая дорефлективную (и потому политически нейтральную) среду, в которой из элементов седиментированного социального опыта индивида формируются протоэлементы политических идеологий. Это тот самый «нулевой уровень» идеологии, на котором возникает идеологическая «протоплазма» посредством формирования предрасположенности индивида к той или иной, а чаще сразу к нескольким идеологиям.

При этом в отличие от идеологии, матрица нечувствительна к противоречию, поскольку элементы матрицы не подлежат рефлексии. Рефлексируются они уже в процессе образования протоидеологических элементов. И именно поэтому протоэлементы различных идеологий могут храниться в индивидуальном сознании, не порождая когнитивного диссонанса. Матрица как бы объединяет два уровня, или слоя индивидуального сознания. В нижнем слое находятся неупорядоченные результаты «мозаичной» социализации индивида (седиментированный, но не отрефлексируемый социальный опыт), а в верхнем слое – усвоенные индивидом в процессе обучения фрагменты различных идеологических систем, используемых индивидом в качестве объяснительных моделей фактов актуальной для индивида проблематизированной социальной реальности.

Этот подход позволил объяснить кажущуюся «разорванность» и гетерогенность студенческого сознания, которое одновременно включает в себя нередко противоречащие друг другу идеологические концепты и ценностные установки (например, положительную оценку либеральных ценностей прав и свобод человека легко сочетая с позитивным отношением к лозунгам «Хватит кормить Кавказ!» и «Россия только для русских!»). Отсутствие когнитивного диссонанса между этими противоречиями объясняется отсутствием рефлексии по поводу этих несформировавшихся концептов. Эта толерантность к противоречию делает матрицу потенциально открытой к кристаллизации любых протоидеологических элементов, и одновременно она может выступать в качестве инертной среды, предотвращающей конфликтное взаимодействие логически противоречащих друг другу концептов, и скрывая те из них, которые потенциально могут вызывать когнитивный или социальный дискомфорт. Эти «мерцающие» концепты могут периодически актуализироваться, отвечая на вызовы лиминальных ситуаций, но в обычном состоянии они деактивированы и практически никак себя не проявляют. И поэтому при разработке методики социологического

исследования этих концептов необходимо учитывать как их «мерцающий» характер, так и степень развитости и связности декларируемых индивидом идеологических установок, конфликтующих с «мерцающими» концептами.

В методическом аспекте анкетированный опрос в исследованиях 2015 и 2019 гг. предварялся серией свободных групповых интервью, в ходе которых фиксировались идеологические константы студенческого сознания, а также способы их вербализации. А количественные результаты проведённого опроса корректировались и уточнялись на качественном материале завершающих исследование фокус-групп. Первый опрос на тему «Украинский кризис глазами студенческой молодёжи» проводился с конца апреля по начало июня 2015 г. и охватил 718 респондентов [7]; выборка второго опроса на тему «Россия и мир – сегодня и завтра» составила 816 респондентов. Таким образом, стандартное отклонение в целом по выборке в первом случае составило $\pm 3,7\%$, во втором – $\pm 3,4\%$.

Уже на материалах первого опроса регрессионный анализ ценностной структуры студенческого сознания позволил сделать следующие выводы:

- основополагающими (константными) в студенческой среде являются универсалистские либеральные ценности личной свободы, прав человека и т. д.

- эта либеральная матрица испытывает на себе воздействие мигрировавших из праворадикальных идеологий концептов, таких как «нация», «империя», антилиберализм, антифеминизм и др.

- праворадикальные концепты находятся в латентном состоянии, как бы «мерцают»: в зависимости от социальной ситуации, они могут скрывать себя или манифестировать;

- под воздействием указанных концептов происходит двоякого рода деконтекстуализация – исходные либерально-универсалистские концепты партикуляризируются, а изначально партикулярные концепты нации, народа и т. д., получают универсалистскую интерпретацию.

В результате возникает несколько типов когнитивно-идеологических матриц, определяющих студенческое восприятие фактов проблематизированной социальной реальности [8].

Но ещё больший интерес представляет сравнение этих результатов с эмпирическим материалом, полученным в рамках второго опроса 2019 г. Сразу следует обратить внимание на сдвиги, произошедшие в идеологическом самопозиционировании опрошенных студентов (рис. 1):

Рисунок 1. Динамика идеологических саморепрезентаций студенческой молодёжи Ростовской области

На диаграмме, приведённой на рис. 1, можно увидеть существенное уменьшение (по сравнению с 2015 г.) количества сторонников практически всех «правых» идеологий – консерватизма (на 15,5 %), национального патриотизма (на 14,6 %) и монархизма (на 5,8 %). Можно заметить и некоторое сокращение сторонников либерализма, но в анкете 2015 г. отсутствовали ответные позиции экологизма и феминизма, поэтому их приверженцы, как правило, идентифицировали себя в качестве либералов. Из этого можно заключить, что количество сторонников семейства либеральных идеологий, в целом, не изменилось. Так же как не видно статистически значимых изменений на левом фланге – сторонников коммунизма, социализма, анархизма. Однако, идеологическая саморепрезентация манифестирует лишь рефлексивный уровень матрицы, – идеологизированное социальное «Ме» (в терминах Дж. Мида [9, pp. 173–178]). Но одновременно на нижнем уровне матрицы вокруг нескольких «мерцающих концептов» параллельно могут формироваться неотрефлексированные группы протоидеологических концептов, репрезентирующих влияние других (часто конфликтующих с первой) идеологий (см. таблицу 1).

Лозунги	Полностью согласен		Что-то в этом есть		Совершенно не приемлю		Меня это не волнует		Затрудняюсь ответить	
	2015	2019	2015	2019	2015	2019	2015	2019	2015	2019
<i>Личная свобода и права человека неприкосновенны!</i>	74,0	75,5	15,5	16,3	1,5	0,7	1,9	1,6	7,1	5,9
<i>«Перемены требуют наши сердца!..»*</i>	-	50,7	-	25,2	-	4,0	-	6,7	-	13,4
<i>Все беды России - результат жидомасонского заговора</i>	8,1	15,4	10,6	15,6	40,9	28,3	9,9	13,1	30,5	27,6
<i>Хватит кормить другие народы!</i>	10,9	38,5	23,3	23,0	30,2	13,8	15,0	7,7	20,6	16,9
<i>Свободу Интернету!*</i>	-	58,1	-	21,2	-	3,3	-	6,1	-	11,3
<i>Сохраним природу для наших детей!*</i>	-	76,2	-	11,8	-	1,0	-	3,4	-	7,6
<i>Россия только для русских!</i>	8,2	11,4	25,6	11,6	45,1	50,1	10,2	12,5	10,9	14,3
<i>Долой олигархов! («Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!» в 2019 г.)</i>	20,5	25,6	37,6	17,8	9,1	17,6	18,0	12,0	14,9	27,0

<i>За славянское братство! («Славяне всех стран, соединяйтесь!» в 2019 г.)</i>	35,4	22,2	24,2	19,9	6,7	20,0	12,1	15,2	21,6	22,8
--	------	------	------	------	-----	------	------	------	------	------

Таблица 1. Отношение к значимым политическим лозунгам (в процентах от общего количества)

*этого варианта ответа не было в опросе 2015 г.

Как видно из приведённых в таблице 1 данных, значимость либеральных лозунгов личной свободы и прав человека за прошедшие с предыдущего опроса 5 лет совершенно не изменились. Но при этом существенно выросла поддержка лозунга «Хватит кормить другие народы!» с 34,2 % в 2015 г. до 61,5 % в 2019 г. (в совокупности позиций «полностью согласен» и «что-то в этом есть»). Хотя это можно считать проявлением так называемого «шовинизма благосостояния» [10] – нежелания терпеть лишения ради помощи другим народам. А вот пройти мимо повышения толерантности на 12,6 % к лозунгу «Все беды России – результат жидомасонского заговора» никак нельзя. На этом основании нельзя не признать, что студенческое сознание сохраняет выявленную в 2015 г. открытость влиянию праворадикальных идей, и в ситуации масштабного социально-экономического и/или политического кризиса, эти концепты вполне могут кристаллизироваться в праворадикальную матрицу, вытеснив либеральные установки и ценности на периферию сознания.

Литература:

1. Freedен M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 2006. 592 p.
2. Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56. — Pp. 167–198.
3. Converse P.E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Critical Review: A Journal of Politics and Society. 2006. Vol. 18. No. 1–3. — Pp. 1–74.
4. Jameson F. The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. London & New York: Routledge Classics, 2002. 296 p.
5. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985. 197 p.
6. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. Москва: Художественный журнал, 1999. 236 с.
7. Поцелуев С.П., Константинов М.С., Лукичев П.Н., Внукова Л.Б., Николаев И.В., Тупаев А.В. Игры на идеологической периферии.

Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. 226 с.

8. Поцелуев С.П., Константинов М.С. Мигрирующие концепты правого радикализма в идеологических аттитюдах студенческой молодежи // Политическая наука. 2018. № 4. С. 146–178.

9. Mead G.H. Mind, Self, and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: The University of Chicago Press, 1972. 440 p.

10. Andersen J.G., Bjørklund T. Structural Changes and New Cleavages: the Progress Parties in Denmark and Norway // Acta Sociologica. 1990. Vol. 33. No. 3. Pp. 195–217.

Роль ФРГ в продвижении интеграционных процессов в ЕС

Котов М.В.

Нижегородский государственный университет

имени Н.И. Лобачевского,

магистрант

E-mail: Kotov.M95@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666 «Интеграционные процессы в Европе: сравнительный анализ»

Аннотация: В статье приводится краткий анализ влияния Германии на процесс европейской интеграции. Автор подчеркивает тот факт, что реализация внешнеэкономической политики, направленной на расширение экспорта и поиск новых рынков сбыта, была основополагающей на первом этапе интеграции. Стоит отметить также, что немецкая экономика была и остается лидирующей среди стран-основательниц европейской интеграции. Институты ЕС не могут не обращать внимания на немецкую позицию при принятии решений. В свою очередь, они являются отличной площадкой для проведения взвешенного политического курса немецкого руководства. Это позволяет получать значительные неэкономические преференции. Германия после Второй Мировой войны смогла снова стать конкурентной державой на мировой арене за счет выражения коллективной европейской позиции. Дальнейшее развитие сотрудничества в рамках европейской интеграции остается приоритетным во внешней политики Германии.

Ключевые слова: интеграция, Европейский союз, экспорт, импорт, общий рынок, сотрудничество.

The Role of Germany in Promoting Integration Processes in The EU

Kotov M.V.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,

Student of magistracy

E-mail: Kotov.M95@yandex.ru

Abstract: *The article provides a brief analysis of the influence of Germany on the process of European integration. The author emphasizes the fact that the implementation of foreign economic policy aimed at expanding exports and searching for new sales markets was fundamental at the first stage of integration. It is also worth noting that the German economy was and remains the leader among the founding countries of European integration. EU institutions cannot ignore the German position when making decisions. In turn, they are an excellent platform for conducting a balanced political course of the German leadership. This allows you to receive significant non-economic preferences. After World War II, Germany was again able to become a competitive power on the world stage by expressing a collective European position. Further development of cooperation within the framework of European integration remains a priority in German foreign policy.*

Keywords: *Integration, European Union, export, import, common market, cooperation*

Участие Германии в европейской интеграции было и остается важнейшим внешнеполитическим направлением немецкой политики. ФРГ является одной из шести стран-основательниц Европейского союза. На протяжении всех этапов интеграции Германия занимала важное место в этом процессе.

После поражения во Второй Мировой войне послевоенной Германии необходимо было встраиваться в новую мировую систему международных отношений. Для этого необходимо было заручиться поддержкой соседей. Экономическая кооперация со странами Бенилюкса, Франции и Италии посредством создания Европейского объединения угля и стали 1952 года был первым шагом по созданию общего рынка. Объединение последовательно создавало условия, которые сами по себе обеспечивали наиболее рациональное распределение продукции при возможно более высоком уровне производительности, сохраняло постоянную занятость и заботилось о том, чтобы не вызвать существенных и долговременных нарушений в

экономике государств-членов [1]. Столь активное участие Германии в создании в 1957 году Европейского экономического сообщества (ныне – Европейский союз) было и остается жизненно необходимым. Внешнеэкономическая деятельность Германии, направленная на расширение экспорта товаров и услуг, нуждалась и нуждается в стабильном рынке сбыта. Одной из основ немецкой внешней политики является участие в европейской интеграции и развитие ЕС. Даже «особый немецкий путь», который декларировался на разных этапах истории Германии, так или иначе всегда имел европейскую перспективу [2, с. 35].

Площадка интеграции может принести на современном этапе для ФРГ ряд преимуществ. Среди неэкономических интересов стран-интегратор, благодаря участию в интеграционной группировке, стремится к укреплению своих международных позиций, выступая в качестве более сильного участника на мировой арене, чем отдельно взятое государство [3, с. 21].

Однако в силу меняющейся международной обстановки, включающей в себя решение одного из основных вкладчиков в бюджет стран ЕС – Великобритании – покинуть союз, роль лидера интеграционного процесса возрастает. Несмотря на трудности в виде экономических и политических кризисов и разногласий, возникающих по вопросам европейской миграционной политики, Германия на каждом этапе развития интеграционного процесса способна извлечь выгоду от интеграции [4, с. 28].

Экономическая модель, основанная на расширении экспорта среди стран Европейского союза, безусловно, выгодна для ФРГ. Несмотря на утяжеление бремени по формированию единого бюджета Европейского союза после выхода Великобритании, Германии выгодно продолжать инвестировать в ЕС. Руководство Германии рассматривает в приоритете взаимодействие со своими партнерами по ряду вопросов: обеспечение безопасности на европейском континенте при активном сотрудничестве с другими организациями в регионе. ЕС и НАТО в последнее время активизировали взаимное сотрудничество в данных сферах.

Год за годом Германия продолжает демонстрировать высокое положительное сальдо торгового баланса – более 8 % ВВП страны в 2016 г [5]. По данным Германского федерального статистического ведомства, суммарный внешнеторговый оборот ФРГ с иностранными государствами в 2017 году увеличился на 6,5% по сравнению с 2016 годом, достигнув значения 1541,9 млрд евро по сравнению с 1450,2 млрд евро годом ранее. Сальдо торгового баланса по-прежнему остается для Германии положительным и составляет 91,7 млрд евро.

При этом суммарный экспорт Германии в третьи страны в отчетный период вырос на 5,4%, и составил 931,6 млрд евро. Объем импорта так же продолжает сохранять тенденцию роста с 2009 года [6, с. 51].

По данным Федерального статистического управления (Destatis), по предварительным результатам, экспорт Германии в ноябре 2019 года был на 2,9% ниже, а импорт – на 1,6% ниже, чем в ноябре 2018 года [7].

Небольшое снижение экономического роста ФРГ на фоне неопределенной ситуации с образовавшимся экономическим вакуумом после Brexit маловероятно скажется на курсе ФРГ к наращиванию влияния в ЕС. Интеграционное объединение является основой для реализации национальных интересов Германии. Устойчивое экономическое развитие в рамках международных организаций является ключевой основой к проведению внешнеполитического курса страны с учетом национальных интересов Германии. Несмотря на ряд проблем и разночтений, ЕС продолжает развивать интеграционные процессы.

Литература:

1. Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901771691> (дата обращения 13.01.2020)
2. Басов Ф.А. Германия в Европейском Союзе: от экономического локомотива к политическому лидерству // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10 № 1. С. 33–52.
3. Стрежнева М.В. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. 2005. Т. 3 № 1 С. 17–28.
4. Жарикова М.В. Роль Германии в современных европейских интеграционных процессах и их значение для российско-германского экономического сотрудничества: диссертация ... кандидата Экономических наук: 08.00.14 / Жарикова Мария Викторовна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»], 2018. – 185 с.
5. Statistisches Jahrbuch Deutschland und Internationales 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.destatis.de/GPStatistik/receive/DEAusgabe_ausgabe_00000646 (дата обращения 10.01.2020).
6. Захаров А.Н., Старова Ю.А. Внешняя торговля Германии // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. №10. С. 49–58.
7. Exporte im November 2019: -2,9 % zum November 2018 [Электронный ресурс]. Режим

доступа: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2020/01/PD20_009_51.html (дата обращения 12.01.2020).

Интернационализация вузовского образования как инструмент «мягкой силы» Российской Федерации: за и против

Кошелева Е.Ю.

*Кандидат исторических наук,
Национальный исследовательский Томский государственный
университет, доцент
E-mail: koshevalena@mail.ru*

Нам И.В.

*Доктор исторических наук,
Национальный исследовательский Томский государственный
университет, профессор кафедры антропологии и этнологии
факультета исторических и политических наук
E-mail: tinnaa@list.ru*

**Статья подготовлена в рамках грантов РФФИ
№18-49-70003 и №19-29-07445.**

Аннотация: Образование – важный параметр, по которому эксперты оценивают степень эффективности применения механизма мягкой силы. В статье исследована роль интернационализации и повышения конкурентоспособности российского высшего образования в качестве одного из эффективных инструментов мягкой силы государства. Анализируется генезис понятия мягкая сила. Рассмотрены факторы, влияющие на экспорт образования РФ. Показана связь правительственных проектов «5 - 100» и «Экспорт образования» со значительным увеличением количества иностранных обучающихся в институтах системы высшего образования России. Выявлены сильные и слабые стороны интернационализации вузов, которые обуславливают качество и количество образовательных мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Отмечается, что, несмотря на ухудшение отношений Россия – Запад и действующие экономические санкции, сфера культурной и научной дипломатии пострадала наименее всего.

Ключевые слова: мягкая сила, глобальный рейтинг мягкой силы, образовательная миграция, российское высшее образование, управление образовательными процессами.

Internationalization of Higher Education as a Tool of Russia's Soft Power: Pros and Cons

Kosheleva E. Yu.

Candidate of history,

National research Tomsk state University, associate Professor

E-mail: koshelevalena@mail.ru

Nam I. V.

Doctor of history,

National research Tomsk state University, Professor of the

Department of anthropology and Ethnology

faculty of historical and political Sciences

E-mail: tinnaa@list.ru

Abstract: *Education is an important parameter by which experts evaluate the effectiveness of soft power. The article examines the role of internationalization and increase of Russian higher education competitiveness as an effective tool of the state soft power. The genesis of the concept of soft power is analyzed. Factors affecting the export of education in the Russian Federation are considered. The connection between the government projects «5 - 100» and «Export of education» with a significant increase in the number of international students in Russian higher education institutions is shown. The strengths and weaknesses of the internationalization of higher education institutions, which determine the quality and number of educational migrants from near and far abroad, are revealed. It is noted that, despite the deterioration of relations between Russia and the West and the current economic sanctions, the sphere of cultural and scientific diplomacy suffered the least.*

Keywords: *soft power, global soft power rating, educational migration, Russian higher education, management of educational processes.*

Концепция мягкой или гибкой силы была разработана американским политологом Джозефом Наем в конце 1980-х годов и представлена в статье «Soft Power» в журнале Foreign Policy в 1990 г. [1]. Эта концепция получила широкое распространение как объяснительная модель действий государства и негосударственных акторов на международной арене, связанных с невоенными методами. По мнению Дж. Ная, «жесткая сила», к которой он относит использование военной техники, угроз, санкций, больше не может работать эффективно в современном мире. Изначально Дж.Най противопоставлял мягкую и жесткую силу, куда относил военные и

экономические рычаги внешнеполитического воздействия. Однако сейчас экономические факторы стали считаться сложносоставными. Соответственно, в зависимости от наполнения, их можно отнести как к жесткой, так и к мягкой силе.

С 2000-х годов Россия заинтересовалась развитием методов мягкой силы в связи с политикой восстановления российского влияния в общемировом масштабе. Это отразилось на включении данного понятия в ряд важнейших документов, связанных с внешней политикой РФ.

Впервые категория мягкая сила в России встречается в интервью Министра иностранных дел Сергея Лаврова, опубликованном в «Российской газете» в 2008 г. Он определил мягкую силу, как «способность [страны] воздействовать на окружающий мир с помощью своей цивилизационной, гуманитарно-культурной, внешнеполитической и иной привлекательности» [2]. С.В. Лавров отметил, что позитивно относится к этому определению и предложил использовать его для описания взаимоотношений с зарубежными партнерами. Спустя непродолжительное время понятие мягкая сила обрело официальный правовой статус и стало фигурировать в правительственных документах. В 2010 г. были опубликованы «Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества» [3]. В первом разделе этого документа провозглашается, что «в контексте усилий по активному противодействию пропагандистским кампаниям под лозунгом «сдерживания» России все большее значение приобретает культурная дипломатия. Используя специфические формы и методы воздействия на общественное мнение, культурная дипломатия как никакой другой инструмент «мягкой силы» способна работать на укрепление международного авторитета страны, служить убедительным свидетельством возрождения Российской Федерации в качестве свободного и демократического государства» [3]. В 2013 г. была принята Концепция внешней политики РФ [4], в 2015 г. - Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом [5], в 2016 г. – новая Концепция внешней политики РФ [6]. Все эти документы оперируют понятием мягкая сила и видят необходимость ее применения в дипломатической, политической и культурной сферах влияния России.

Одним из самых известных рейтингов по оцениванию воздействия мягкой силы государства на мировое сообщество является Глобальный рейтинг мягкой силы (The Soft Power 30), разработанный Джонатаном Макклори из британского консалтингового агентства «Портленд Коммьюникейшнз» [7]. Агентство публикует рейтинг тридцати самых

влиятельных государств, успешно применяющих «мягкую силу». Ежегодные отчеты с 2015 по 2019 гг. можно найти в открытом доступе на сайте агентства www.softpower30.com. В этом рейтинге страны ранжируются по индексу, который рассчитывается исходя из семи параметров: правительство (Government), культура (Culture), вовлечённость (Engagement), образование (Education), цифровизация (Digital), предпринимательство (Enterprise) и опрос экспертов (Polling).

Россия в этом списке находится на последних местах. В 2015 г. она вообще не вошла в число рейтинговой тридцатки, в 2016 г. была размещена на 27 позиции, в 2017 г. – на 26, в 2018 г. – на 28, а в 2019 г. оказалась на 30 месте. Самые высокие баллы из семи параметров Россия традиционно получает за вовлеченность, цифровизацию, культуру и образование. В 2019 г. эксперты поместили Россию на 20-е место по параметру образование.

Рассмотрим подробнее высшее образование как инструмент мягкой силы. В связи с глобализацией, университеты различных стран конкурируют за абитуриентов на международном рынке образовательных услуг. Образование из общественного национального достояния превращается в личное дело каждого. Абитуриент может выбрать вуз в любой точке мира и приехать туда на учебу. Россия также заинтересована в притоке иностранных студентов.

В 1990-е – 2000-е гг. РФ находилась в конце списка стран-лидеров международного образования. По данным Института статистики ЮНЕСКО в 2018 г. Россия переместилась на пятую позицию этого рейтинга, занимая 5% рынка [8]. Первое место в этом списке длительное время принадлежит США.

Современное российское образование ценится во многих, особенно азиатских странах. Соотношение невысокой цены и качественного образования, возможность учиться по квотам национальных государств или получать стипендии на обучение по линии федеральных министерств РФ или университетов, привлекают иностранных абитуриентов. Для РФ интернационализация высшего образования необходима и выгодна.

Благодаря образовательной миграции происходит формирование взаимовыгодных отношений с другими странами, так как выпускники российской высшей школы становятся «проводниками» России в сфере торговли, предпринимательства и политики по возвращению на родину.

Обучение иностранных студентов способствует повышению степени интернационализации вузов, что положительно отражается на их международных рейтингах и способствует привлечению

платежеспособных абитуриентов, готовых обучаться по контракту в престижных университетах.

Местная экономика региона начинает развиваться за счет увеличения числа людей с высшим образованием и стремлением остаться в принимающей стране после окончания учебы. В связи с транснациональным характером миграции в современном мире, большое значение придается таким бытовым аспектам, как интернет-коммуникация, транспорт и сфера банковских услуг, позволяющих мигранту «жить на две страны», не теряя связь с родиной. Соответственно, в регионе-реципиенте развивается рынок банковских, интернет-услуг, транспортной логистики. Помимо этого, услуги платного здравоохранения, аренды жилья, и сферы обслуживания также развиваются – иностранные студенты живут не только университетской жизнью, но также вовлечены в городскую жизнь. Это позволяет повысить рентабельность кафе, ресторанов, кинотеатров, баров, парикмахерских, косметических салонов, платных поликлиник и других предприятий сферы услуг.

Образовательные мигранты наиболее удобная и перспективная для государства категория получения новых граждан через систему натурализации, т.к., в отличие от других категорий мигрантов, они уже адаптированы и частично интегрированы в принимающее общество благодаря вовлеченности в академическую жизнь вуза и длительности пребывания в стране.

С другой стороны, есть ряд опасностей, связанных с интернационализацией высшего образования РФ. Так, не секрет, что значительная часть университетов России предъявляют минимальные требования к качеству иностранного контингента при условии его платежеспособности. Многие респонденты проводимых нами опросов отмечают, что одним из факторов, повлиявших на выбор страны для учебы, стала легкость поступления в российский вуз. Еще одна угроза, которую может таить в себе интернационализация, заключается в нарушении религиозной безопасности студентов, персонала и преподавателей вузов, т.к. иногда студентами становятся иностранцы, активно проповедующие экстремистские и террористические взгляды, являясь сторонниками запрещенных в России организаций.

Отметим, однако, что плюсы интернационализации высшего образования перевешивают возможные минусы. Согласно правительственным проектам «5-100» и «Экспорт образования», в ближайшие годы запланировано существенное увеличение набора иностранного контингента студентов.

Таким образом, интернационализация образования как один из инструментов «мягкой силы» является одним из эффективных

инструментов по продвижению геополитических, демографических и экономических интересов страны.

Литература:

1. Joseph S. Nye Soft power // Foreign policy. 1990. №80. Pp.153-171.

2. Лавров С. В. Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова по тематике отношений с зарубежными русскоязычными общинами, опубликованное в «Российской газете» 30 октября 2008 года // [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/activity/compatriots/forum/-/asset_publisher/QPhCKwsLtu5Z/content/id/318910 (дата обращения 1.12.2019).

3. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества (утв. Президентом РФ 18.12.2010) // База данных «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130289/ (дата обращения: 12.01.2020).

4. Концепция внешней политики Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 12.02.2013) // База данных «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=C467B4BB89A465461F44346BBC21829E&req=doc&base=LAW&n=142236&REFFIELD=134&REFDST=100008&REFDOC=207990&REFBASE=LAW&stat=refcode%3D19025%3Bindex%3D13#10bjta090yк> (дата обращения 1.12.2019).

5. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом // База данных «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1586408644009833760151079818&cacheid=F30812D13EEA09C8E183F9C02F4130F0&mode=splus&base=LAW&n=188569&rnd=0.33026244371252855#1ah178zsnv3> (дата обращения: 14.01.2020).

6. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640 // База данных «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=207990&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.33026244371252855#005114727253303264> (дата обращения: 12.01.2020).

7. McClory J. The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power. London-New York-Washington DC: Portland Communications, 2016. 120 p.

8. Агранович М. На высшем уровне. Россия - в мировом топе по привлекательности для иностранных студентов // Российская газета. 10.12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/12/10/rossijskie-vuzy-voshli-v-chislo-samyh-privlekatelnyh-dlia-inostrancev.html> (дата обращения: 23.08.2019)

К вопросу о реальности перспектив Арабской Весны 2.0

Кунитсына Е.С.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
студентка*

E-mail: kkunitsina@icloud.com

Аннотация: *Рассматривается возможность повторения событий Арабской Весны в странах Ближнего Востока в изменившихся исторических условиях. Показаны возможные предпосылки нового социального взрыва и его потенциально разрушительное воздействие на обстановку во всем Ближневосточном регионе.*

Ключевые слова: *Арабская Весна, политический прогноз, продовольственные проблемы, демографическая ситуация, новое поколение.*

On the reality of the prospects for the Arab Spring 2.0

Kunitsyna E. S.

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Student*

E-mail: kkunitsina@icloud.com

Abstract: *we Consider the possibility of repeating the events of the Arab Spring in the Middle East countries in the changed historical conditions. Possible preconditions for a new social explosion and its potentially destructive impact on the situation in the entire middle East region are shown.*

Keywords: *Arab Spring, political forecast, food problems, demographic situation, new generation.*

Ближний Восток – сегодня один из самых нестабильных регионов планеты, претерпевающий постоянные социальные, экономические и политические изменения. Процессы, протекающие в этом регионе,

характерны для всего мира, но нигде не стоят так остро, как в этой части мира. Во взрослую жизнь входит новое поколение молодых, амбициозных людей, жаждущих получать новые знания и применять их на практике. При изучении ситуации, по мнению международных аналитических центров, центральным вопросом на данный момент, является прогнозирование ситуации в регионе к 2025 году. Учитывая тот факт, что до этой даты остается меньше пяти лет, большинство экспертов сходятся в том, что на протяжении этого времени нынешние, по большей части негативные тенденции и процессы, воздействующие на регион, не удастся ни обратить вспять, ни даже существенно ограничить [1]. Последствия данных негативных изменений затронут, как минимум, еще несколько поколений. Масштабные климатические изменения, экологические проблемы, конец нефтяной эпохи, бедность населения, дефицит воды и продовольствия – со всем этим региону предстоит столкнуться уже в ближайшее время. Основной удар в данном случае примут на себя самые незащищенные слои населения, прежде всего – молодежь. По мнению ряда политологов и экспертов, все это может привести к сценарию «второй арабской весны» - массовой уличной активности с целью свержения правящих режимов, где главным действующим лицом станет как раз таки молодое поколение Ближнего Востока.

Относительно недавние протесты в арабских странах – Ираке, Ливане, Алжире и Судане – безусловно, не такие масштабные как девять лет назад, но многие аналитики уже предсказывают вторую волну Арабской весны. Следует отметить, что уличные протесты не базируются на религиозной или этнической принадлежности, а тем более, не носят партийного характера. Причина, скорее, кроется в социально-экономических проблемах. Еще в 2002 году, ООН опубликовало второй Доклад о развитии человеческого потенциала в арабских странах. Уже тогда, группа арабских ученых, рассматривающих перспективу развития региона, отмечала стремление жителей арабских стран к гласности и свободе слова, а также другие экономические проблемы, с которыми в скором времени столкнется регион [3]. Безусловно, данный документ следует рассматривать через призму желания США влиять на ситуацию на Ближнем Востоке и диктовать собственные условия. Но, в целом, процессы, протекающие сегодня, схожи с событиями Арабской весны. Их причина во многом остается той же – неудовлетворенность своей жизнью молодых людей, закрытые и коррупционные экономики, неспособные впитать людей, ищущих работу, и, конечно, авторитарные правительства, глухие к проблемам и чаяниям общества и своих избирателей. Однако по мнению ряда экспертов, отличительной чертой второй Арабской Весны

может стать стремление не просто к свержению правительства, а к решительному слоу всей «системы» [4]. На данный момент, центром политической нестабильности становится Алжир. Свержение президента Судана Омара аль-Башира, которому на тот момент было 75 лет, можно расценить как одно из ключевых событий второй Арабской Весны. Нынешние события в Ливии тоже можно считать второй волной «арабской весны» — хотя бы потому, что без первой они были бы попросту невозможны.

Какая же роль в данном случае уготована молодому поколению арабских стран? С одной стороны, уместно говорить о конфликте поколений. Большинство руководителей стран Ближнего Востока – это политики 60+ (как минимум), своими глазами наблюдавшие события 2011 года. Новое поколение, вступающее во взрослую жизнь, становится мощной разрушительной силой в руках тех, кто стремится захватить власть в регионе. Рассматривая демографические аспекты Арабской весны, многие ученые, в частности В. Желтов, отмечают, что социальный протест молодежи сопровождается освобождением ее от инерции прежних социальных и семейных отношений, которая особенно сильна в арабском мире. Судя по характеру социальных сдвигов в большинстве стран арабского мира, молодежь проявляет готовность приобщиться к ценностям либеральных демократий, утвердившихся в продвинутых капиталистических обществах [5]. Сказывается также массово выраженный рост уровня образования молодых людей, увеличение возраста вступления в брак.

В своей совокупности арабский мир молод. Молодежь в возрасте до 20 лет в арабском мире составляет половину населения. Лица от 15 до 24 лет составляют четверть населения. Средний возраст в арабском мире составляет 25 лет, тогда как в европейских нациях – 38 лет [5]. По отдельным странам этот показатель выглядит следующим образом: средний возраст в Тунисе составляет 29 лет, а в Египте – 24. Прогноз большинства исследователей на ближайшие 25 лет выглядит следующим образом: в этот период продолжится спад рождаемости, возрастная структура населения будет изменяться, эволюционируя от «молодой» к «переходной», когда от 45 до 60% населения будут составлять люди старше 30 лет [6]. Следовательно, изменится и демографическое положение в регионе.

Таким образом, рассматривая положение дел в странах Ближнего Востока, следует отметить нарастание напряженности и увеличение числа массовых уличных столкновений. Вторая волна Арабской Весны, по мнению большинства аналитиков, вполне возможна даже ранее 2025 года. Более того, определенные характерные признаки можно уже наблюдать в отдельных регионах, в частности, в Судане, Алжире и

других. Здесь, как и прежде, молодое поколение, не останется в стороне и примет в ней активное участие. Причины кроются и в неудовлетворенности молодого населения экономической ситуацией, а возможно, и в более в глобальных вещах, таких как желание свергнуть старшее поколение, по их мнению, ничего не понимающее в государственных вопросах, и стремление к поиску справедливости и истины. Учитывая нынешнюю высокую степень напряженности в отношениях США – Иран-Ирак – Сирия - Турция, не исключено, что стабильность в этой части Ближнего Востока, неожиданно даже для крупных акторов, может быть взорвана событиями в Судане, Алжире, Египте, особенно если учитывать воздействие исламского фактора. Однозначно можно сказать, что данный вопрос требует дальнейшего изучения.

Литература:

1. Корунов А.В. Будущее Ближнего Востока: два горизонта угроз и возможностей [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/budushchee-blizhnego-vostoka-dva-gorizonta-ugroz-i-vozmozhnostey/>
2. Кудряшова И.В. Европа и «Арабская Весна» // АПЕ. 2012. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropa-i-arabskaya-vesna>
3. Доклад ООН о развитии человеческого потенциала в арабских странах [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/a-33-a-2003-10-29-1-1/610603.html>
4. Мануков С. «Арабская весна-2»: На севере Африки начинается вторая волна потрясений [Электронный ресурс] / EADaily. – Режим доступа: <https://easily.com/ru/news/2019/04/14/arabskaya-vesna-2-na-severe-afriki-nachinaetsya-vtoraya-volna-potryaseniya>
5. Желтов В.В., Желтов М.В. Арабская весна: демографические аспекты // Территория новых возможностей. 2012. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/arabskaya-vesna-demograficheskie-aspekty>
6. Бордунова Екатерина Демографическая ситуация на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] / Демоскоп Weekly. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/student03.php>

Советская идеология в оценке А.А. Амальрика

Кушнерева К.В.

*Вологодский Государственный Университет,
Институт истории и филологии,
Магистрант*

E-mail: k.v.kushnereva@yandex.ru

***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ
«Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый
генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-
00269.***

Аннотация: В тексте статьи в социально-историческом контексте анализируется книга-эссе «СССР и Запад в одной лодке», которая была опубликована в 1978 г. в Лондоне. Дается краткий экскурс об историческом наследии автора. Акцентируется внимание на личности Андрея Алексеевича Амальрика как диссидента. Освещаются мотивы написания одной из частей произведения «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», как одного из воплощений направления «историческая футурология». Вниманию предлагается освещение политических взаимоотношений СССР и Западных стран в ракурсе взглядов эмигранта. Проанализирован вопрос понимания советской идеологии автором. Исследуется вопрос отношения различных категорий граждан к советскому режиму, а также скорость падения режима, предпосылки и причины этих событий. Приводятся данные об интересе исследователей к очерку, в том числе в среде диссидентов.

Ключевые слова: А.А. Амальрик, эмиграция, диссидент, СССР, футурология, советская система, советская идеология.

Soviet ideology in the assessment of A. A. Amalrik

Kushnereva K.V.

*Vologda State University,
Institute of history and Philology,
Graduate student*

E-mail: k.v.kushnereva@yandex.ru

Abstract: The text of the article analyzes the book-essay «the USSR and the West in one boat» which was published in 1978 in London. A brief

overview of the author's historical heritage is given. Attention is focused on the personality of Andrei Alexeyevich Amalrik as a dissident. The motives of writing one of the parts of the work «will the Soviet Union Last until 1984?», as one of the embodiments of the direction "historical futurology". Attention is given to the coverage of political relations between the USSR and Western countries in the perspective of the views of the emigrant. The author analyzes the question of understanding the Soviet ideology. The article examines the attitude of various categories of citizens to the Soviet regime, as well as the speed of the fall of the regime, the background and reasons for these events. Data on the interest of researchers in the essay, including among dissidents, are given.

Key words: *A. A. Amalrik, emigration, dissident, USSR, futurology, Soviet system, Soviet ideology.*

Андрей Алексеевич Амальрик родился в 1938 г. в семье историка, одного из авторов популярной, в свое время книги «В поисках исчезнувших цивилизаций». Рано потерял мать. В 1959–1960 гг. и 1962–1963 гг. изучал историю в МГУ. Подготовил курсовую работу «Норманны и Киевская Русь», написанную без оглядки на официальные теории и во многом противоречащую им, и был исключен из университета со второго курса.

После этого Амальрик сменил много случайных работ, ухаживал за отцом-инвалидом. Но большую часть сил и времени он посвятил литературе. В 1963–1965 гг. он написал ряд пьес. В мае 1965 г. Амальрика арестовали. Ввиду отсутствия постоянного места работы он попадал под действие печально знаменитого «указа о туеядцах» (указ президиума Верховного совета РСФСР от 4 мая 1961 г.).

Из судебного процесса он вынес, что «верность убеждениям заключается не в том, чтобы доказывать их правоту каждому встречному, а в том, чтобы следовать им в своей работе...» [1]. Андрей Алексеевич был осужден к 2,5 г. ссылки в Красноярский край. Но уже летом 1966 г. благодаря настойчивым хлопотам друзей и адвокатов ему удалось вернуться в Москву.

Автор первым среди диссидентов начал систематически общаться с иностранными корреспондентами (в мемуарах он писал, что выполнял роль своего рода «офицера связи» между диссидентскими кругами и зарубежными журналистами). Историк отмечал: «Когда я писал и собирался дать для публикации свои книги, я понимал, что мне грозит тюрьма и был готов к этому» [1].

После ссылки автором было издано произведение «Нежеланное путешествие в Сибирь», опубликованное в 1970 г. в Нью-Йорке. Сам историк в предисловии к данной работе писал: «То, что произошло со

мною и что я здесь описываю, не является сколько-нибудь удивительным или исключительным в моей стране. Но как раз этим моя история интересна. Я старался писать как можно проще, не пренебрегая скучными подробностями; из них, большей частью, и складывается существование заключенного и ссыльного, иначе едва ли можно почувствовать атмосферу, в которой я жил. Я очень хотел писать объективно; если мне это не совсем удалось и кое-где проскальзывают ноты раздражения, я очень сожалею об этом. Я хотел, чтобы читатель, волей-неволей видя всё моими глазами, всё же мог бы дать свою оценку увиденному. Мне самому всё происходящее казалось порой до чудовищности нелепым, в другие минуты – совершенно естественным» [2, с. 3].

В 1973 г. в журнале «Time», в Нью-Йорке, была опубликована статья, посвященная А.А. Амальрику. В ней сообщалось следующее: «После трех лет пребывания в сибирских лагерях 35-летний писатель Андрей Амальрик с нетерпением ждал возвращения домой. Как только его срок истек, он снова был арестован и приговорен еще к трем годам за «измышления, порочащие Советское государство» [1].

С исторической точки зрения интересно произведение очерка «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», который был подготовлен в период с апреля по июнь 1969 г. и опубликован на русском языке в этом же году Фондом имени Герцена в Амстердаме. В это же время происходит и публикация исследования на английском языке в Нью-Йорке. Ведущей линией работы является высказывание автором своих основных идей и взглядов. Позднее работа несколько раз переиздавалась, была также включена в книгу А.А. Амальрика «СССР и Запад в одной лодке».

С выходом этого произведения можно выявить новую линию в творчестве автора, а именно футурологическую. Можно утверждать, что автор предсказывал еще в 1969 г. крах системы. Одной из предпосылок он называл международные отношения, а именно отношения с Китаем (возможность скорого развязывания войны с этой страной). Другой причиной распада СССР, описанной историком, становилось вызревание «культурной оппозиции». Автор считал, что в кругу интеллигенции складывается понимание скорого падения режима. А. Амальрик писал: «вышла новая сила, которая стала в оппозицию уже не только официальной культуре, но и многим сторонам идеологии и практики режима. Она возникла в результате скрещения двух противоположных тенденций – стремления общества ко все большей общественно-политической информации и стремления режима все больше препарировать официально даваемую информацию и получила название «самиздата», так автором описывалось новое

явление в советской культуре. «Естественно, что в «самиздате» режим увидел еще большую опасность для себя, чем в «культурной оппозиции», и борется с ним еще более решительно» – продолжал автор, подводя итог роли новых веяний в культуре в ускорении «падения» режима [3].

А. Амальрик говорил, что «СССР настолько еще отгорожен от остального мира, что всё, происходящее там, многим здесь, на Западе, кажется чуть ли не более далеким, чем события на луне. Понадобится немало времени, прежде чем на Западе почувствуют, что люди в СССР – такие же человеческие существа, как и жители любой другой страны мира, и нарушение их неотъемлемых прав – оскорбление всему человечеству. Эта мысль лежит в основе всех моих выступлений» [4].

В книгу «СССР и Запад в одной лодке» включены статьи 1975–1978 гг., а также очерк «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». «После моего выезда из СССР вышли ее новые голландское, французское, английское, американское, немецкое, каталонское и финское издания, и я подумал, что есть смысл и в переиздании по-русски», – писал А. Амальрик. Статьи издания посвящены отношениям между СССР и Западом, движению за права человека и борьбе с советской репрессивной системой. Советская идеология показана через призму произведений автора. Автор определил идеологию как социально значимую систему идей, поддерживаемую той или иной общественной группой и служащую закреплению или изменению общественных отношений. А.А. Амальрик писал: «Поскольку официально разрешенной остается единственная идеология и единственная представляющая ее партия, остальные идеологии нашли себе весьма мало число открытых сторонников и тем более не дошли до своего логического завершения в виде создания политических партий» [4].

В своих работах историк неоднократно ссыался на известных диссидентов, таких как А.И. Солженицын и А.Д. Сахаров. В частности, исследователь писал: «Солженицын считает, что она [идеология] все еще имеет решающее значение для определения государственной политики; Сахаров – что она служит только камуфляжем для прагматизма деидеологизированных верхов. Мне же кажется, что она играет некую промежуточную роль – не будучи к тому же сама, по существу, единой идеологией. Хотя верны замечания о ее камуфляжном характере и сам я выше назвал ее «обрядовой», все же ее инерционная сила очень велика и нельзя сказать, что нет «наверху» людей, для которых она остается идеологией в подлинном смысле слова» [4].

Автор неоднократно повторял мысль о том, что он хочет, чтобы его правильно поняли: «Проводимый десятилетиями террор породил в моей стране не только атмосферу страха, но и связанную с ней атмосферу всеобщего недоверия и подозрительности. Поэтому, когда появились люди, осмеливающиеся делать, то, что раньше никто не решался делать или что каралось немедленным арестом, почти за каждым из них полз слух, что раз они действуют так смело – значит имеют на то разрешение или указание тайной полиции. Эти слухи исходили от тех, кто из-за природной или привитой трусости сам никогда не решился бы сделать что-то неудобное режиму и потому не мог понять, что просто могут быть более смелые или более отчаивающиеся люди» [1]. Таким образом, автор подчеркивал, что устную или даже письменную оценку режиму решались дать немногие, а те, кому все-таки это удавалось, подвергались нелюбезной оценке.

Отметим, что современники поразились предвидению Андрея Амальрика, предсказавшего будущий развал Советского Союза, и отмечали, что не всё получилось, как в его работах. Во многом размышления Андрея Сергеевича подтвердились: «И мы все свидетели и участники разрушения страны» [1].

В целом же творчество Андрея Алексеевича было воспринято неоднозначно. Одни говорили о значительном вкладе историка в изучение современных процессов, другие же отзывались отрицательно: «Взять, к примеру, некоего Амальрика, которого «Вашингтон Пост» величает «историком» и автором «захватывающих, блестящих» творений. На деле же он причастен не столько к истории, сколько к скандальным уголовным историям. Мелкий клеветник-валютчик осужден советским судом к трехлетнему заключению» [5].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что писателю удалось предугадать падение советского режима, практически точно, с разницей в семь лет. Продолжая биографическую линию жизни автора, стоит отметить, что за книгу «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» и другие работы историк был приговорён в 1970 г. к 3 годам заключения по статье 190-1 УК РСФСР. В июле 1976 г. А.А. Амальрик был вынужден покинуть СССР. В эмиграции он продолжил общественную и публицистическую деятельность. 12 ноября 1980 г. А.А. Амальрик погиб в автокатастрофе в Испании. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. В 1991 г. Андрей Алексеевич был реабилитирован судом.

Литература:

1. Архив истории инакомыслия общества «Мемориал». Ф.116.

2. Амальрик А.А. Нежеланное путешествие в Сибирь. New York: Harcourt Brace Jovanovich. 1970. 294 с.

3. Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Въхи». URL: <http://www.vehi.net/politika/amalrik.html> (дата обращения: 10.01.2020).

4. Амальрик А. СССР и Запад в одной лодке // ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=50675&p=1> (дата обращения: 10.01.2020).

5. Александров И. Ницета антикоммунизма // Правда. 1970. 17 декабря.

Модели политического лидерства современной российской молодежи

Лагутин О.В.

Кандидат политических наук

Санкт-Петербургский государственный университет,

Доцент

E-mail: apisol@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01184, «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)».

Аннотация: В тезисах рассматривается проблема эмпирической интерпретации моделей политического лидерства со стороны современной российской молодежи. В основу материала положено эмпирическое исследование по молодежной политике, проведенное в четырех различных регионах страны. Объектом исследования являются молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Моделирование политического лидерства молодежи производится путем многомерных методов анализа данных. Для получения элементов моделей – характерных особенностей лидерства используется факторный анализ. Эти элементы включают в себя: источники политической информации; социальные установки, основанные на приоритетности между коллективизмом или индивидуализмом; сущностные признаки лидерства; функциональные особенности молодежных политических организаций; причинно-мотивационный аспект участия/вступления в молодежные политические организации;

степень доверия к общественно-политическим институтам; формы политического участия молодежи в комбинации готовности и конкретных практик участия. Сами же модели формируются путем иерархического кластерного анализа, в ходе которого было получено пять моделей молодежного политического лидерства.

Ключевые слова: Политическое лидерство. Молодежь. Модель. Элементы модели. Факторный анализ. Кластерный анализ.

Models of political leadership of modern Russian youth

Lagutin O.V.

PhD in political science, dozent;

St. Petersburg State University;

E-mail: apisol@yandex.ru

Abstract: *The theses address the issue of empirical interpretation of models of political leadership on the part of modern Russian youth. The material is based on an empirical study on youth policy conducted in four different regions of the country. The subject of the study is young people between the ages of 14 and 30. The simulation of youth political leadership is done through multidimensional methods of data analysis. Factor analysis is used to obtain elements of models - characteristic features of leadership. These elements include: sources of political information; social attitudes based on the priority between collectivism or individualism; Essential signs of leadership; Functional features of youth political organizations; the causal and motivational aspect of participation/entry into youth political organizations; A degree of trust in social and political institutions; forms of political participation of young people in a combination of preparedness and specific participation practices. The models themselves are formed by hierarchical cluster analysis, during which five models of youth political leadership were obtained.*

Keywords: *Political leadership. Youth. Model. Elements of the model. Factor analysis. Cluster analysis.*

Исследования, посвященные включению современной молодежи в политический процесс, имеют большие научные перспективы. Это серьезный материал для конструирования гражданина будущего - как будущего избирателя, а так и будущего политика. Особый интерес в политической науке имеют исследования, направленные на выявление социальных кластеров среди молодого поколения, обладающих лидерскими качествами, политически активных, и политически грамотных. Задачами прикладной

политологии в данной области являются поиск структурных элементов политического лидерства российской молодежи, сформированных в современных условиях, типологии молодежного политического лидера, и моделей молодежного политического лидерства в целом. Эти задачи решаются с помощью использования количественных и качественных методов исследования с применением средств современного программного обеспечения по обработке данных.

Достижению вышеупомянутых задач был посвящен проект «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184, в рамках которого были проведены эмпирические исследования в 2018-2019 гг. в Алтайском крае, Ленинградской области, Санкт-Петербурге и Новосибирске. Методом исследования выступало личное стандартизированное интервью, объем выборки составил 1000 респондентов (по 250 в каждом из регионов), которые являлись представителями молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно проживающими на указанной территории.

В ходе факторного анализа с использованием статистического пакета SPSS были получены новые признаки, которые определяются как элементы моделей молодежного лидерства в политической сфере. Эти элементы включают в себя:

- источники политической информации;
- социальные установки, основанные на приоритетности между коллективизмом или индивидуализмом;
- сущностные признаки лидерства;
- функциональные особенности молодежных политических организаций;
- причинно-мотивационный аспект участия/вступления в молодежные политические организации;
- степень доверия к общественно-политическим институтам;
- формы политического участия молодежи в комбинации готовности и конкретных практик участия.

К примеру, для выявления факторов, которые могут сформировать типологию лидерских признаков для молодых политиков (табл. 1), использовалась процедура факторного анализа на основе следующих блоков переменных, дающих определение молодежного лидерства и признаков политического лидерства в целом:

- 1) руководитель молодежного общественно-политического объединения;
- 2) депутат молодежного парламента;
- 3) молодой депутат представительных органов;

- 4) молодой руководитель политической партии;
- 5) активный политический блогер;
- 6) активист общественно-политического объединения;
- 7) молодой активист политической партии;
- 8) статус, занимаемая должность;
- 9) наличие большого числа единомышленников;
- 10) реальное влияние на политику;
- 11) политическая активность;
- 12) наличие каких-то ресурсов, в том числе материальных, и связей;
- 13) известность.

Таблица 1. Факторы, определяющие тип молодежного политического лидера

Переменные основные признаки политического лидерства	Факторы				
	1	2	3	4	5
Политическая активность	0,633				
Активист общественно-политического объединения	0,577				
Молодой активист политической партии	0,574				
Руководитель молодежного общественно-политического объединения	0,461				0,360
Молодой депутат представительных органов		0,741			
Молодой руководитель политической партии		0,690			
Депутат молодежного парламента		0,436			
Наличие большого числа единомышленников			0,813		
Активный политический блогер			0,503		
Наличие каких-то ресурсов, в том числе материальных, и связей				0,731	
Известность				0,700	
Статус, занимаемая должность					0,797
Реальное влияние на политику			-0,497		-0,554

В результате процедуры факторного анализа были получены пять новых признаков (факторов), имеющих латентный характер:

фактор 1 — «Активисты и руководители общественных и политических организаций» включает признаки, связанные с активной позицией индивидов в политической деятельности партий и общественных движений;

фактор 2 — «Активисты и лидеры представительных органов власти» образуется признаками, определяющих молодежного лидера как одного из депутатов в молодежном парламенте, в представительных органах власти, руководителей политической партии;

фактор 3 — «Активный политический блогер с большим числом единомышленников» сформирован переменной, фиксирующей онлайн-

активность лидера общественного мнения с большим числом сторонников;

фактор 4 — «Известность и наличие ресурсов» образуется статистической связью одноименных переменных как ключевых признаков политического лидерства;

фактор 5 — «Наличие должности» и «Реальное влияние на политику» включают соответствующие переменные с обратной связью, что указывает на отсутствие реального влияния на политику лиц, имеющих определенный статус и должность в системе общественно-политических институтов [1, с. 70-71].

Теперь представим результаты иерархического кластерного анализа в виде дендрограммы со всеми группами полученных факторов, которые и являются элементами моделей молодежного политического лидерства (табл. 2) [2, с. 522-523].

Таблица 2. Модели молодежного политического лидерства в современной России

NFAC1_3 Коллективист;

NFAC2_3 Индивидуалист;

NFAC1_1 Печатная продукция как источник информации;

NFAC2_1 Теле-радио – Интернет;

NFAC3_1 Личный круг общения как источник информации;

NFAC1_2 Активисты и руководители общественных,

политических организаций;

NFAC2_2 Активисты и лидеры представительных органов власти;

NFAC3_2 Активный политический блогер с большим числом единомышленников;

NFAC4_2 Известность и наличие ресурсов как ключевой признак политического лидерства;

NFAC5_2 Наличие должности, позволяющей влиять на политику;

NFAC1_4 Молодежные политические организации как актор политической социализации;

NFAC2_4 Молодежные политические организации как социальный лифт;

NFAC3_4 Молодежные политические организации как канал рекрутирования элит;

NFAC1_5 Самореализация в коллективе единомышленников;

NFAC2_5 Идеино-целевые причины;

NFAC3_5 Материальные причины;

NFAC4_5 Карьерные устремления в политике;

NFAC1_7 Активная конвенциональная форма защиты интересов;

NFAC2_7 Активная неконвенциональная форма защиты интересов;

NFAC3_7 Пассивная конвенциональная форма защиты интересов;

NFAC1_6 Участвовал в неконвенциональных формах защиты интересов;

NFAC2_6 Участвовал в конвенциональных формах защиты интересов;

NFAC3_6 Обращался в государственные и общественные институты;

NFAC4_6 Закулисные формы защиты интересов.

В результате иерархического кластерного анализа было образовано пять кластеров, которые и сформировали пять различных моделей политического лидерства в молодежной среде:

1 кластер

- Тип молодежи: приоритет и опыт участия в неконвенциональных формах защиты своих интересов и интересов своей группы, коллективист, предпочитающий печатную продукцию в качестве источника информации;
- Образ молодежного лидера: ключевые признаки политического лидерства — известность и наличие ресурсов; мотивы лидерства — материальные причины и карьерные устремления в политике.

2 кластер

- Тип молодежи: сочетание активных конвенциональных и закулисных форм защиты интересов своих интересов и интересов своей группы;

- Образ молодежного лидера: молодежные политические организации как канал рекрутирования элит (социальный лифт).

3 кластер

- Тип молодежи: отсутствие объединяющих характеристик группы;

- Образ молодежного лидера: активный политический блогер с большим числом единомышленников или обладатель должности, позволяющей влиять на политику.

4 кластер

- Тип молодежи: личный круг общения как источник информации;

- Образ молодежного лидера: активисты и руководители общественных, политических организаций, ориентированные на самореализацию в коллективе единомышленников;

- Канал продвижения по карьерной лестнице: молодежные политические организации как акторы политической социализации и как канал социального лифта.

5 кластер

- Тип молодежи: индивидуалист, предпочитающий в качестве источников политической информации теле-радио или интернет; предпочитающие и имеющие практику участия в пассивных конвенциональных формах защиты своих интересов, обращались в государственные и/или общественные институты; участвовали в конвенциональных формах защиты интересов;

- Образ молодежного лидера: активисты и лидеры, работающие в представительных органах власти, идущие туда по идейным причинам.

Таким образом, в сознании российской молодежи сформированы определенные модели политического лидерства по следующим критериям: стратегия защиты интересов: конвенциональная – неконвенциональная; формы социального действия: коллективистские – индивидуалистские; приоритетные источники политической информации: печатная – цифровая; причины вступления в молодежные политические организации: материальные и карьерные – идейные. Первую модель молодежного лидерства условно можно назвать – «Прагматик», в основе которой лежат материально-карьерная мотивация политической деятельности, основанной на известности и обладанием ресурсной базой. Вторая модель – «Умеренный активист», рассматривающий членство в политических

молодежных организациях как канал рекрутирования в элитные группы. Третья модель – «Блогер» - самая аморфная модель без каких-либо объединяющих в группы характеристик. Четвертая модель «Лидер группы» - лидеры общественно-политических организаций с группами единомышленников. Пятая модель – «Идейный парламентарий». Первая и пятая модели являются политическими антиподами. Третья модель – в середине дендрограммы имеет нейтральный характер.

Литература:

1. Молодежное политическое лидерство в ценностно-когнитивном пространстве Северо-Западных и Южно-Сибирских регионов России [О. В. Попова, Я. Ю. Шашкова, С. Ю. Асеев и др.; под ред. О. В. Поповой]; Российская ассоциация политической науки, Алтайский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2019, С.70-71.

2. Лагутин О. В., Негров Е. О. Образ идеального молодежного политического лидера глазами молодежи // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14. № 4. С.522-523.

Инновационная политика развития человеческого потенциала российских регионов в контексте глобальных целей устойчивого развития

Лазарева Е.И.

Доктор экономических наук

Южный федеральный университет, заведующая кафедрой

E-mail: elazareva@sfedu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00594.

Аннотация: Модели приращения человеческого потенциала (капитала) в ракурсе инновационной трансформации региональных трендов становятся ключевыми для достижения глобальных целей устойчивого развития. Цель исследования – обоснование особенностей управления человеческим капиталом, обеспечивающих решение актуальной задачи системной оценки потенциала человеческих ресурсов, а также разработки стратегии его приращения в интересах повышения степени устойчивости и темпов социально-экономического развития инновационного типа. Новационность авторского подхода

заключается в обосновании четырехкомпонентной модели человеческого капитала, включающей не только традиционные элементы – материальные характеристики, но и приобретающие особую значимость в условиях инновационных трансформаций компоненты, отражающие его нематериальные качества. Результаты эмпирической верификации авторских рекомендаций свидетельствуют об эффективности инновационной политики, нацеленной на приращение (накопление) качественного человеческого потенциала российских регионов.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, инновационная политика, глобальные цели устойчивого развития.

Innovative human development policy of the Russian regions in the context of global sustainable development goals

Lazareva E.I.

Doctor of Economic Sciences

Southern Federal University

E-mail: elazareva@sfnedu.ru

Abstract: Models of human potential (capital) increment from the perspective of innovative transformation of regional trends are becoming key to achieving global sustainable development goals. The purpose of the study is to substantiate the features of human capital management that provide a solution to the urgent task of systematically assessing the potential of human resources, as well as developing a strategy for its increment in the interests of increasing the degree of sustainability and the pace of socio-economic development of the innovative type. The innovativeness of the author's approach consists in substantiating the four-component model of human capital, which includes not only traditional elements - material characteristics, but also components that reflect its intangible qualities that are of particular importance in the context of innovative transformations. The results of the authors' recommendations empirical verification testify to the effectiveness of innovative policy aimed at incrementing (accumulating) the quality human potential of Russian regions.

Keywords: human potential, human capital, innovative policy, global sustainable development goals.

Актуальность представленного исследования определяется возрастающей ролью качественных человеческих ресурсов в современных процессах устойчивого развития региональных социо-эколого-экономических систем, ориентированного на инновации [1].

Диагностика глобальных целей устойчивости динамических трендов инициирует рассмотрение в качестве миссии системы управления региональным развитием приращение человеческого потенциала, причем термин «человеческий потенциал» получает свою новую, расширенную интерпретацию. Новое измерение человеческого потенциала в отличие от традиционного использует его широкое понимание, охватывающее такие аспекты этой категории, как свобода предпринимательства и политического выбора, безопасность (как физическая (социальная), так и экономическая), качество системы образования и состояние здоровья, и ряд других (Stiglitz, Sen & Fitoussi, 2009) [2].

Цель статьи – обоснование особенностей управления человеческим капиталом российских регионов, обеспечивающих достижение глобальных целей устойчивого развития на основе системной оценки потенциала человеческих ресурсов, а также разработки стратегии его приращения в интересах повышения степени устойчивости и темпов социально-экономического развития инновационного типа.

Особенности стратегического менеджмента динамических трендов развития региональных систем тесно коррелированы с всеобъемлющей модификацией условий их формирования под воздействием постиндустриальной трансформации и глобализации. К новым обстоятельствам следует, прежде всего, отнести переход к инновационно-информационному («цифровому») обществу, инициирующему замену парадигмы конкуренции информационной парадигмой. Широкая информатизация и высокоскоростная глобализация общества инициируют протекающие одновременно процессы диффузии эталонов качества жизни (характеризуемых высокой воспроизводимостью технологий, продуктов и хозяйственных механизмов) и расширяющего возможности человека повышения темпов их изменений в информационноёмкой среде. Данные процессы обуславливают, в свою очередь, модификацию мирового экономического сообщества, стимулируемую интеграцией национальных и региональных рынков товаров, услуг, капитала, информации, а также возрастающую мобильность традиционных и инновационных факторов производства.

Производство новой стоимости товаров все в более определяющей степени детерминировано уникальными креативными качествами и усилиями субъекта труда – человека, перемещающегося в центр ресурсообеспечивающей системы инновационного экономического развития. «Человеческие качества» (высокий профессионализм, качество образования, интеллектуально-новаторский потенциал) и стратегии их конвертации в рост производительности труда / доходов организации

превращаются в ключевые технологии устойчиво-инновационного развития территории.

Происходящие качественные изменения не могут не влиять на современную систему стратегического менеджмента полиструктурной траектории устойчиво-инновационного развития региональных систем, интегрирующую в себе все сферы, влияющие на многогранный результат (производство, маркетинг, финансы, обучение персонала и т.д.). Расширение в эпоху интеллектуальной экономики факторов и источников позитивной экономической эволюции, взаимосвязанная трансформация категорий качества и инновационности экономического развития и его ресурсных детерминант инициировали формирование концептуально новых подходов к процессу стратегического менеджмента, обосновывающих его нацеленность на приращение человеческих ресурсов [4].

Признание (прямое или косвенное) различно трактуемого человеческого потенциала / капитала в качестве ключевого ресурса воспроизводственного процесса (в отличие от его исключительно «целевой» трактовки) характерно для трудов представителей многих направлений экономических исследований. Доминирующее место среди методологических подходов занимает возникшая в противовес отраслевой организации ресурсная концепция, служащая раскрытию механизмов / источников поддержки устойчиво-конкурентных преимуществ экономических агентов путем присвоения ими экономической / инновационной ренты. В основе подхода лежит представление о бизнес-организации как уникальном многокомпонентном ресурсном потенциале, состояние и развитие которого непосредственно зависят от стратегии управления и служат ключевым источником прибыльности бизнеса.

Конкурентоспособность экономических агентов на всех уровнях стратегического менеджмента в значительной степени детерминируется качеством практики / стратегии управления антропосоциальным (человеческим и социальным) капиталом и инвестициями в его развитие.

Одной из основных черт человеческого капитала все большим количеством исследователей признается значимо-мультипликативная положительная экстерналия, что служит обоснованием государственного инвестирования сфер воспроизводства качественных человеческих ресурсов (наука, образование и подготовка профессиональных кадров, здравоохранение) [3]. Структура человеческого капитала как ключевого ресурса экономической динамики постепенно расширяется за счет инсталляции нематериальных (не стоимостных) характеристик – таких как уровень

сегментации социального капитала и качество экологической среды, качество образования и здоровья населения, свобода доступа к научным достижениям и инновационным технологиям, и т.п. [4].

Человеческий капитал представляет собой основу интеллектуального капитала фирмы. Он не только играет жизненно важную роль в разработке и создании новых идей и знаний; он также способствует обмену знаниями и идеями с помощью внутренних отношений. Человеческий капитал также дополняет структурный и инновационный капитал фирмы, создавая новые и уникальные знания, например, ученого, разрабатывающего или использующего патенты фирмы. Наиболее эффективное использование человеческого капитала в условиях цифровой трансформации возможно только в рамках постоянного роста числа высокопроизводительных рабочих мест.

На основе разработки и эмпирической апробации структурной модели человеческого капитала выяснено и доказано, что наибольшее влияние на устойчивость инновационно-ориентированных трендов развития человеческого потенциала российских регионов оказывает одна из четырех компонент – компонента, характеризующая качество социально-средовой системы региона (характеризуемая, прежде всего, степенью социальной сегментации регионального социума). Далее, в порядке убывания степени влияния (со значительным отрывом) – материальный уровень жизни, качество экологической среды и качество индивидуального человеческого капитала [5].

Среди качественных характеристик условий реализации стратегии устойчиво-инновационного развития человеческого потенциала следует выделить нарастающие актуализацию внешнего контекста экономической эволюции и интенсификацию взаимодействия экономики с социальными системами, возрастание роли в эволюционном процессе постоянно обновляемой информации и жизнеобеспечивающей сферы в целом. Переход субъектов регионального развития к ориентации на качество и конкурентное соперничество в инновационной сфере в этих условиях определяет такие приоритетные задачи стратегического менеджмента как: смена комплекта ресурсов устойчиво-инновационного развития; нацеленность на достижение высоких показателей качества жизни (взамен более узкой целевой задачи, для которой характерны индикаторы уровня жизни); сетевое / координационное управление.

Идентификация ресурсно-целевых индикаторов модели инновационно-ориентированной динамики человеческого потенциала, имеющей потенциал устойчивого развития, требует тесной корреляции экономических (интерпретируемых как фундамент улучшения материальных условий развития индивидуума (социума) в рамках

ресурсно-технологического, образовательного и инновационного потенциала территории), антропосоциальных (определяющих качество жизни населения, его социальную активность) и корпоративных (характеризующих, прежде всего, способность корпораций осваивать инновации, новые формы предпринимательской деятельности, в том числе, в пространстве глобальной экономики) параметров качества.

Один из альтернативных регулирующих в долгосрочном периоде процесс накопления и перераспределения ренты на человеческий капитал механизмов представлен на рисунке 1.

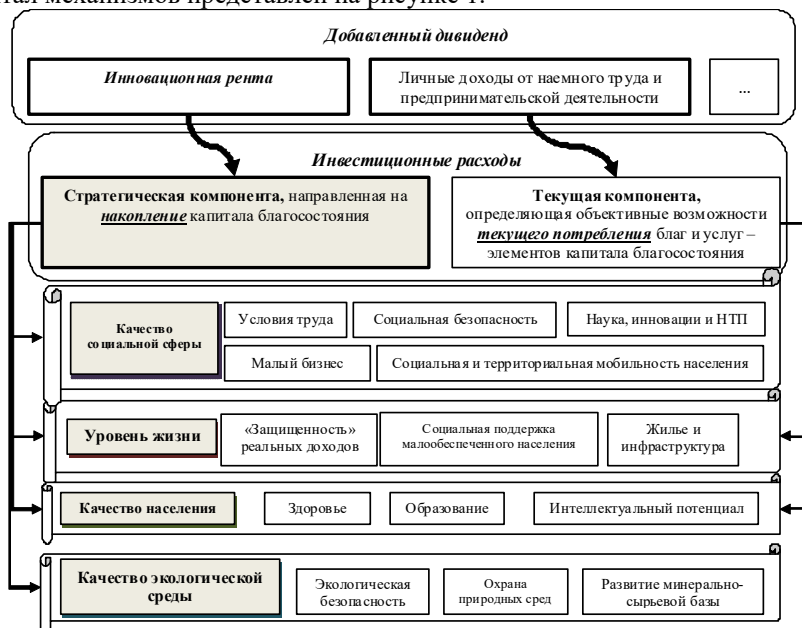

Рис. 1. Механизм общественного расходования инновационной ренты (ренты на человеческий капитал) в стратегическом менеджменте

Литература:

1. Анопченко Т.Ю., Лазарева Е.И., Лозовицкая Д.С., Мурзин А.Д. Анализ ключевых параметров устойчивого развития региона в условиях цифровизации экономики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 1 (104). С. 7-12.
2. Stiglitz J.E., Sen A. & Fitoussi J-P. Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (CMEPSP). 2009 / URL: www.stiglitz-sen-fitoussi.fr.

3. Anopchenko T., Lazareva E., Bagdasaryan I.S., Vasileva Z.A., Almabekova O.A. Human Resource Innovative Management Using the Tools of Econometrics // 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts (SGEM 2015) 2015. С. 393-399.

4. Лазарева Е.И., Косолапова Н.А., Пашкова Ф.Ю. и др. Модели экологической ориентации государственно-частных стратегий инвестирования человеческого капитала в инновационной экономике. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. 2008. 346 с.

5. Lazareva E., Anopchenko T., Murzin A. Human capital in the system of urban territory sustainable development management // Springer Geography. 2020. С. 269-277.

Европейское пространство безопасности: проблемы фрагментации и неравномерности

Леушкин Д.В.

Кандидат политических наук

ИМОМИ ННГУ

Доцент кафедры зарубежного и регионоведения и локальной истории

E-mail: den.leushkin@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00666, «Интеграционные процессы в Европе: сравнительный анализ».

Аннотация: В статье анализируется специфика современного состояния европейского пространства безопасности. Особое внимание уделяется характеристике таких особенностей данного пространства, как фрагментация и неравномерность. Рассматриваются характерные черты этих явлений, причины возникновения. Определяется роль основных организаций, вовлеченных в процесс решения актуальных проблем региональной безопасности. Прежде всего, это касается Организации Североатлантического договора, Европейского Союза и Организации по Безопасности и сотрудничеству в Европе. Затрагивается вопрос о роли и интересах США в процессе формирования европейского пространства безопасности, а также уделяется внимание причинам, приведшим к кризису отношений России с Европейским союзом и Организацией североатлантического договора и серьезно ограничивающим возможности формирования по-настоящему

общи́европейской системы безопасности. Выделяются факторы, определяющие текущее состояние и перспективы развития европейского пространства безопасности.

Ключевые слова: европейское пространство безопасности, европейская безопасность, НАТО, Европейский союз, ОБСЕ, ОДКБ.

European Security Area: Problems of Fragmentation and Unevenness

Leushkin D.V.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,

Docent

E-mail: den.leushkin@mail.ru

Abstract: *The article analyzes the specifics of the current state of the European security area. Particular attention is paid to characterizing such features of a given area as fragmentation and unevenness. The specific features of these phenomena, the causes of occurrence are considered. The role of the main organizations involved in the process of solving urgent problems of regional security is determined. First of all, it concerns the North Atlantic Treaty Organization, the European Union and the Organization for Security and Cooperation in Europe. It touches on the role and interests of the United States in the process of forming the European security area, and also pays attention to the reasons that led to a crisis in relations between Russia and the European Union and the North Atlantic Treaty Organization and seriously limiting the possibilities of creating a truly pan-European security system. The factors that determine the current state and prospects of development of the European security space are highlighted.*

Keywords: *European security area, European security, NATO, European Union, the OSCE, CSTO*

Европейское пространство безопасности в настоящее время фрагментировано и неоднородно. Отсутствует единая система региональной безопасности, нет какой-либо структуры, играющей координирующую и регулирующую роль. В регионе действуют несколько организаций, занимающихся решением различных проблем безопасности. НАТО и ОДКБ формально имеют самый широкий набор функций и инструментов в сфере обеспечения безопасности, от коллективной обороны до борьбы с международным терроризмом, хотя обе эти организации не являются чисто

европейскими. НАТО призвана решать проблемы безопасности Евроатлантического региона, ОДКБ по количеству участников значительно уступает Альянсу и имеет евроазиатское измерение. Европейский союз постепенно наращивает свой потенциал в сфере безопасности, однако, безусловно, не обладает статусом и возможностями универсальной организации в данной области, и, например, не подменяет собой НАТО с точки зрения обеспечения коллективной обороны стран-членов. Кроме того, Евросоюз по составу входящих в него государств не является общеевропейским объединением, а после выхода Великобритании в результате Брексита может лишиться важного участника.

Единственная по-настоящему общеевропейская по составу участников организация – ОБСЕ, так и не стала влиятельной структурой, координирующей деятельность различных субъектов в области региональной безопасности. Ее функции, ресурсы, возможности серьезно ограничены, а фактическая роль в системе европейской безопасности продолжает падать. ОБСЕ участвует в урегулировании конфликта на Украине, однако деятельность организации по разрешению кризиса нельзя назвать эффективной.

Также можно выделить группу государств, претендующих на вступление в НАТО и ЕС и выдвигающих в этих структурах решение проблем региональной и национальной безопасности.

Отдельно следует упомянуть нейтральные государства, не входящие ни в какие военно-политические блоки (НАТО, ОДКБ) или даже в ЕС и ориентирующиеся на другие механизмы обеспечения безопасности.

Таким образом, европейское пространство безопасности имеет неоднородный ландшафт. Различные международные организации, так или иначе вовлеченные в процесс решения проблем региональной безопасности, не формируют целостного и слаженно работающего механизма, где каждый элемент четко выполняет свою функцию.

Европейское пространство безопасности отличается неравномерностью с точки зрения актуальности угроз для разных стран региона и способности государств обеспечить свою безопасность.

Проблема неравномерности обеспечения безопасности связана в том числе и с тем, что разные государства Европы находятся в неравных условиях, поскольку встроены в различные региональные структуры, пользуются разными механизмами. Например, европейские страны НАТО рассчитывают на помощь союзников в рамках обязательств по коллективной безопасности и обороне. Россия и Белоруссия входят в ОДКБ. Нейтральные государства за счет своего

статуса пытаются избежать вовлечения в региональные конфликты и кризисы.

Неравномерность и неоднородность европейского пространства безопасности также характеризуются тем, что для государств, находящихся в разных частях Европы, список актуальных угроз безопасности может существенно отличаться. При этом острота проблемы, ее близость и серьезность непосредственно влияют на готовность государства вовлекаться в ее решение. Так, европейские государства, в первую очередь сталкивающиеся с проблемой беженцев и ростом международного терроризма, как следствия конфликтов в Северной Африке и на Ближнем Востоке, как более заинтересованные и обеспокоенные стороны могут более активно участвовать в решении данной проблемы. В то же время, страны, находящиеся в непосредственной близости от зоны украинского конфликта, могут быть более озабочены решением этого кризиса.

Представляется, что пока нет предпосылок преодоления неравномерности и фрагментации пространства европейской безопасности из-за существенных разногласий ведущих игроков (региональных организаций, крупнейших государств Европы, внерегиональных игроков, влияющих на европейские процессы в сфере безопасности), касающихся видения системы европейской безопасности.

У ключевых субъектов Европейского региона расходятся взгляды на определение роли и места различных структур в системе безопасности, разные представления о характере и источниках угроз. Многие страны-члены НАТО и ЕС выступают за сохранение роли Альянса как ведущей региональной структуры и гаранта обеспечения коллективной обороны и безопасности. В то же время, некоторые европейские государства, в частности, Франция и Германия, выступают за придание Европейскому союзу большей самостоятельности в решении проблем безопасности. В этой связи характерны высказывания Президента Франции Э. Макрона о единой европейской армии и поддержка его позиции со стороны канцлера Германии А. Меркель [1].

Россия, с одной стороны, является важной частью европейского пространства безопасности, без которой невозможно решение многих ключевых проблем региона. С другой стороны, в 2014 году страны НАТО обвинили Российскую Федерацию в незаконной оккупации Крыма и военном вмешательстве на востоке Украины [2]. После чего отношения Москвы с Организацией Североатлантического договора были серьезно ограничены. В Лондонской декларации, принятой на юбилейном саммите НАТО в декабре 2019 года, говорится о том, что

«агрессивные действия России представляют собой угрозу для евроатлантической безопасности» [3].

В свою очередь, Европейский союз в 2014 году, в связи присоединением Крыма к России и конфликтом на Украине ввел антироссийские санкции, которые были продлены в очередной раз в декабре 2019 года еще на полгода, до 31 июля 2020 года [4].

Еще до кризиса отношений с ЕС и НАТО 2014 года российская сторона неоднократно выступала с различными инициативами, направленными на формирование действительно общеевропейской системы безопасности, но ее предложения не находили поддержки. В нынешних условиях возможности для равноправного и конструктивного диалога и тем более сотрудничества России с Евросоюзом и НАТО в области безопасности весьма ограничены.

Серьезное влияние на формирование европейского пространства безопасности оказывают и внешние игроки, прежде всего, США, через НАТО и отношения с отдельными странами региона. Вашингтон пытается сохранить свое влияние в Европе и усилить присутствие на европейском рынке вооружений, требуя от союзников вносить больший вклад в обеспечение безопасности. Согласно тексту Лондонской декларации НАТО, страны Альянса подтвердили необходимость выполнения Обязательства по оборонным инвестициям, принятого еще в 2014 году на саммите в Уэльсе, и планируют увеличить свои расходы на оборону до 2% ВВП и 20% этих расходов инвестировать в новые силы и средства. В документе подчеркивается, что расходы на оборону государств-членов, не считая США, продолжали расти на протяжении последних пяти лет, при этом свыше 130 млрд. долларов США вкладываются в оборону дополнительно [3].

НАТО и ЕС, вероятно, и дальше будут углублять взаимодействие в области безопасности, тем более что в последние несколько лет в двусторонних отношениях наметился определенный прогресс. После подписания 8 июля 2016 года Президентом Европейского Совета и Президентом Европейской Комиссии вместе с Генеральным секретарем НАТО Совместной декларации начался новый этап двусторонних отношений. В настоящее время существует более 70 предложений по развитию сотрудничества в самых разных направлениях и в различных форматах, от обмена информацией до совместных действий [5]. При этом вряд ли в ближайшее время стоит ждать прорыва в создании в рамках ЕС самостоятельного, независимого от НАТО военно-политического центра. Пока нет перспектив для налаживания прямых контактов и конструктивного взаимодействия ОДКБ и НАТО. Страны ЕС и НАТО будут по-прежнему ориентироваться на решение проблем национальной и региональной безопасности преимущественно в рамках этих структур.

Отношения России с Организацией Североатлантического договора и Европейским союзом, вероятно, в ближайшее время тоже не претерпят существенных изменений.

Литература:

1. Меркель поддержала идею Макрона создать единую европейскую армию // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/13/11/2018/5beaf5a49a794790d3fe9ee4> (дата обращения 12.01.2020).

2. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе - 4-5 сентября 2014. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 11.01.2020).

3. Лондонская Декларация, опубликованная руководителями НАТО на встрече в Лондоне, 3-4 декабря 2019 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm?selectedLocale=ru (дата обращения 10.01.2020).

4. Волков К. ЕС продлил санкции против России // Российская газета. 19.12.2019 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/12/19/es-prodlil-sankcii-protiv-rossii.html> (дата обращения 12.01.2020).

5. Fourth progress report on the implementation of the common set of proposals endorsed by NATO and EU Councils on 6 December 2016 and 5 December 2017. 17 June 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_06/190617-4th-Joint-progress-report-EU-NATO-eng.pdf (дата обращения 10.01.2020).

Визуализация будущего как технология адаптации к глобальным вызовам современности

Лукьянова Н.А.

Доктор философских наук

*Томский политехнический университет, заведующая кафедрой -
руководитель отделения социально-гуманитарных наук;*

Томский государственный университет, профессор.

E-mail: Kir712@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31100

Аннотация: В статье процесс визуализации будущего рассматривается как одна из технологий адаптации к глобальным вызовам современности. На основании теоретических выводов и прикладных исследований (психологическое анкетирование, анализ творческих работ студентов и контент-анализ молодежных СМИ) сделан вывод о том, что семиотический процесс создания будущего имеет три базовые составляющие: временная перспектива (ориентация на прошлое, настоящее или будущее), эмоциональная ориентация (позитивная или негативная) при оценке значимости временной перспективы, временная автономия и/или временная связанность. Выявлено, что визуализация образа будущего у студенческой молодежи имеет свою специфику, а именно, выстраивается через процессы целеполагания, которые, во-первых, обладают коротким временным горизонтом, во-вторых, временной акцент смещается с будущего на настоящее и прошлое, особенно при оценке будущего страны.

Ключевые слова: будущее, молодежь, визуальные образы, время, символизм.

Visualization of the future as a technology to adapt to modern global challenges

Lukianova N.A.

Doctor of philosophy

Tomsk Polytechnic University, head of the Department-head of the

Department of social and humanitarian Sciences;

Tomsk state University, Professor.

E-mail: Kir712@yandex.ru

Abstract: The authors of the article consider the process of the visualization of the future considered as one of the technologies for the adaptation to the global challenges of our time. According to the theoretical findings and applied research (psychological questionnaire, analysis of creative work of students and content analysis of youth media), it is concluded that the semiotic process of the creation of the future has three basic components: a temporal perspective (the orientation to the past, present or future), emotional orientation (positive or negative) during the assessment of the significance of a temporal perspective, temporary autonomy and / or temporal connectivity. It is found that the visualization of

the image of the future among students has its own specifics, namely, it is built through goal setting processes, which, firstly, have a short time horizon, and secondly, the temporal emphasis shifts from the future to the present and the past, especially during the assessment of the future of our country.

Key words: *future, youth, visual images, time, symbolism.*

Современные процессы адаптации к будущему представляют собой сложный многоуровневый процесс, включающий установки и ожидания молодежи относительно будущего России, визуализированные в символах настоящего. В 2019 году, в рамках выполнения проекта РФФИ и АНО ЭИСИ «Визуальные репрезентации будущего как фактор конструирования образа России» № 19-011-31182 нашим исследовательским коллективом были проведены исследования и заявлена проблема, связанная с отсутствием позитивного образа России о будущем, финансируемая негативным новостным контентом. Установлено, что адаптация к будущему всегда требует новых форм выражения, новых символов. Позитивная визуализация будущего определяет реальность идеологий настоящего.

В рамках проекта предложена междисциплинарная, исследовательская концепция для анализа визуальных репрезентаций студенческой молодежи, определяющих образ будущего в его позитивном и/или негативном аспектах, с целью установления «общепринятой» совокупности способов «семиотического» говорения о будущем молодого человека в России, раскрывающая взаимообусловленность базовых социальных конструктов (в их символической форме). Это генерируемые студенческой молодежью проекты будущего, детерминированные господствующим типом дисциплинарности. Полученные результаты открывают новые перспективы для исследования социальных институтов, порождающих новые символы в реальности настоящего, которые становятся образцом, эталоном в аргументации выбора в ощущениях собственного существования для современной молодежи.

Необходимо отметить, что процессы формирования «нового символизма» как «памяти о будущем» связаны с образно-символическим мифокодированием, которое формируется и осуществляется молодым поколением через механизмы визуальной коммуникации как один из способов адаптации к будущему. Процессы визуализации связаны с созданием концепта «память о будущем» как последовательности этапов формирования образа будущего в качестве мифологической сущности: от именованного к образу и повествованию. Под влиянием образности происходит трансформация коммуникативного пространства в сторону эфемерности и

нестабильности. В силу того, что в современном информационном потоке парадоксальным образом сочетаются два аспекта. С одной стороны, многообразие информации разрушает как личные, так и культурные смыслы. С другой, информационные потоки образуют точки встречи, где соприкасаются, встречаются люди. В этом кроется успех социальных сетей. Отметим, что функционирование визуальных знаков настоящего, которыми «цифровое поколение» маркирует действительность, задает образец образно-эмоциональных моделей коммуникации, которые полагаются молодежью в качестве бессознательного соматического базиса образов будущего, включая образы будущего России. В структуру визуализации будущего включено образно-символическое мифокодирование как механизм «нового символизма» - процесс успешной адаптации старых символов к изменениям социальной структуры.

Данный процесс связан с процессами становления политической идентичности, который является дуальным. Он существует: как общий образ России в глобальном будущем как сочетание глокальности и глобальности, а также с пониманием собственной роли и места в этих процессах (условно назовем эти два процесса как «образ для себя» и «образ для других») [1]. Такой процесс становления собственной политической идентичности дуален и находит воплощение в представлениях о будущем, символах, стереотипах поведения. Этот процесс, в том числе и при формировании позитивного или негативного образа России, сопровождается непрерывной символической борьбой – «образа для себя» и «образа для других». Поскольку в этом процессе происходит навязывание своего видения социального порядка. На основании контент-анализа молодежных СМИ и интернет-ресурсов ведущих российских вузов (вузы из проекта 5-100) выявлено, что они ориентированы, в большей степени, на оптимистичную оценку личного будущего молодежи сейчас и в меньшей степени на формирование позитивного образа России в целом в будущем. Сделан вывод о недостаточной активности общеполитического дискурса относительно позитивного образа будущего России на временном горизонте до 10 лет.

Понятие «образ будущего» как визуальная категория требует отдельного осмысления. Можно отметить, что этот процесс складывается из последовательности «образ – познание – знак – значение – понимание – смысл» как системы конституирования неизвестного знания. В таком понимании образ будущего (его когнитивная схема) – это один из возможных вариантов, который в том или ином виде (к примеру, как элемент схемы) присутствует в актуальной реальности субъекта познания. Ключевым элементом

конструирования образа будущего в описанной выше последовательности этапов является «regisrienda – то, что должно быть воспринято». Данный вывод может быть использован в схемах (в том числе в политическом дискурсе), описывающих будущее и экстраполирующих наши сегодняшние представления / схемы на образ будущего, с учётом возможных неточностей / ошибок и пр., выявляемых с течением времени (проблема фальсификации знания). Именно знание как один из социокультурных феноменов и один из видов социальных практик имеет ряд особенностей, которые обеспечивают ему возможность создания рациональных схем, интерпретация оснований которых зависит от нашего толкования проблем, связанных с regisrienda [2].

В процессе выполнения проекта были выполнены прикладные исследования (контент-анализ молодежных СМИ и анкетирование студентов). Было выявлено соотношение позитивных и негативных образов видения собственного будущего в России студенческой молодежью сегодня и через 5–10 лет: безусловно лидирует позитивный образ личного будущего над негативным, меньшая разница между позитивным и негативным образами будущего при оценке молодежью будущего России. Установлено, что триггерными точками в новом символизме является момент формирования ценностей в период до 12 лет (семья, мир, справедливость, достаток и пр.). Важными факторами взросления на этом этапе становятся институт семьи и информационное пространство, транслируемое в СМИ важнейшие события. Именно транслируемые события, происходящие в период становления личности, являются отправными (триггерными) точками в последующем конструировании образа будущего России.

Визуализация образа будущего включает несколько составляющих: временная перспектива (ориентация на прошлое, настоящее или будущее), эмоциональная ориентация (позитивная или негативная) при оценке значимости временной перспективы для собственного будущего (будущее для себя) и будущего страны в целом (будущее для других), а также параметр «временной автономии». Последний параметр означает связанность трех времен или наоборот их автономность.

По результатам прикладного психологического исследования были получены следующие результаты. Современные студенты имеют достаточно адекватные представления о себе и о будущем, имеет место осознание собственных возможностей, положительное отношение личности к своему будущему, уверенность в себе. Однако образ будущего, структурированный целевой, смысловой и временной связью с настоящим, имеется лишь на краткосрочную перспективу

сроком около одного года. Он формируется исходя из возможностей социально-психологического капитала личности на данный момент, особенностей реальных социально-экономических условий и ситуации, отношений и принципов, которыми живет социум в настоящее время. В содержании ответов не выявлено стремление студентов сосредоточиваться на осмыслении будущих долговременных целей и дальних жизненных перспектив, в большей мере ответы касаются разрешения вопросов, актуальных на настоящее и ближайшее время: «сдать сессию», «помириться с девушкой», «написать и сдать курсовую», «устроиться или найти подработку» и др. В отдаленной перспективе (более пяти лет) представлены разрозненные события из различных жизненных сфер, которые не имеют четкой структурированности и достаточно размыты: «переехать в другой город», «открыть свой бизнес», «приобрести подержанную иномарку» и др. Лишь 12% студентов имеют временную перспективу образа будущего описывают подробно и последовательно, с указанием времени: «получить второе высшее образование через два года», «посещать дополнительные курсы по предпринимательству в следующем году», «заняться общественной работой этим летом» и т.п.

По второму параметру можно отметить, что студенты (в том числе и в силу возраста) смотрят в свое будущее достаточно позитивно, связывая свое настоящее и будущее. Эмоциональная оценка последнего максимально высокая в сравнении с оценкой прошлого и настоящего, хотя разрыв не такой и значительный. Это связано в целом с юношеским оптимизмом и желанием мыслить позитивно. Кроме того, незначительный разрыв в показателях позволяет предполагать, что начиная осваивать те или иные статусные позиции, социальные роли, взрослый образ жизни, профессиональные обязанности, межличностные отношения, респонденты при создании образа своего будущего, своих устремлений включают механизмы защиты, что несколько снижает уровень положительной оценки в баллах. Они пытаются найти подтверждения адекватности принятых ими решений, реальности своих устремлений, «личностного стандарта», сложившегося социально-психологического капитала. Происходит проецирование своих потребностей во внешний мир, проверка приобретенного опыта в процессе создания своего личного образа устремленности в будущее. Однако, при визуализации образа будущего страны, студенты не связывают будущее страны с его прошлым и настоящим и полагают, что последние два не имеют значительного влияния на будущее. Максимально положительно оценивается образ прошлого страны, т.к. его можно проанализировать и дать обоснованную оценку. В ожиданиях относительно будущего

доминируют установки, связанные с ее благополучием, сконцентрированные на личностном благосостоянии (стабильная работа, стабильный доход, профессиональная успешность и самореализация) и эмоциональном благополучии (любовь, счастливая семья, здоровье близких). Доминантами ценностями в будущем, как и в прошлом остаются семья, здоровье, счастье и материальный достаток.

В целом, результаты проекта позволили сформулировать следующие практические рекомендации для управленческих решений, включая предложения по актуализации программ развития России в сфере молодежной политики:

1) Проводить регулярный мониторинг состояния ценностно-нормативной составляющей общественного сознания молодежи, с целью выявления ценностно-нормативных aberrаций.

2) Проводить пропагандистскую работу по формированию активного электорального поведения молодежи (акцент должен быть сделан на работе с детьми до 12 лет).

3) Необходимо стимулировать образовательную мобильность молодежи для расширения горизонтов планирования карьеры.

4) Необходимо формирование информационного пространства путем создания ярких информационных событий, позволяющих молодежи оценить свой потенциал в будущем, и не только здесь, и сейчас. Для этого информационные события должны обладать временным горизонтом не менее 10 лет.

Итак, подчеркнем, что визуализация будущего как технология адаптации к глобальным вызовам современности рассматривается в качестве единого коммуникативного концепта, учитывающего ориентированность во времени коллективных и личностных устремлений. Триггерными точками в новом символизме в контексте различных компонентов восприятия настоящего являются транслируемые события, происходящие в период становления личности. При оценке своего личного будущего (будущее для себя) целеполагание молодежи осуществляется с учетом связанности временных зон (прошлое, настоящее, будущее). В отношении образа будущего страны (будущее для других) молодые люди не связывают будущее страны с его прошлым и настоящим и полагают, что последние два не имеют значительного влияния на будущее. Сделан вывод о том, что специфика формирования «молодежного портрета будущего» в контексте новых тенденций развития науки и техники в том, что он (молодежный портрет будущего) выстраивается через процессы целеполагания, которые, во-первых, обладают коротким временным горизонтом, во-вторых, временной акцент смещается с будущего на настоящее и прошлое, особенно при оценке будущего страны. Данный

вывод особенно значим при оценке процессов, участвующих в формировании образа России, как памяти о будущем.

Литература:

1. Лукьянова Н.А. Символический капитал власти в технологиях конструирования национальной идентичности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2013. № 4 (51). С. 122-127.
2. Гончаренко М.В. Знание о будущем в контексте ретроспективного анализа // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 3. С. 93-98.

Процесс дегуманизации: интерпретация и механизмы

Лушников Д.А.

*Доктор социологических наук,
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
заведующий кафедрой социологии
E-mail: keremet2000@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00237, «Деконструирование образа врага в современных социально-политических, этнических и этноконфессиональных конфликтах».

Аннотация: Статья посвящена интерпретации понятия «дегуманизация» в современной социально-гуманитарной мысли и анализу механизмов дегуманизации как процесса. Рассматриваются интерпретации понятия дегуманизации, рассматриваемые в работах исследователей, относящихся к различным отраслям социально-гуманитарного знания: психологии, политологии, социологии и антропологии. Дегуманизация включается в рамки методов конструирования образа врага в современных социально-политических, этнических и этноконфессиональных конфликтах, этот процесс рассматривается как формирование образа «дегуманизованного другого» посредством использования анималистических метафор и образов. Рассматриваются интерпретации таких видов дегуманизации, как анималистическая дегуманизация, инфрагуманизация, механическая дегуманизация. На основании анализа научной литературы, выделяется ряд механизмов/методов/технологий дегуманизации: 1) зооморфизация

(анималистическая дегуманизация); 2) инфрагуманизация; 3) делигитимация; 4) моральное исключение; 5) объективизация/реификация (овеществление), деперсонификация (механическая дегуманизация).

Ключевые слова: дегуманизация, демонизация, инфрагуманизация, моральное исключение, моральный конфликт, деперсонификация, регуманизация.

The Dehumanization Process: Interpretation and Mechanisms

Lushnikov D.A.

*Doctor of Social Sciences,
«North Caucasus Federal University»,
Head of the Department of Sociology
E-mail: keremet2000@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the interpretation of the concept of «dehumanization» in modern social and humanitarian thought and the analysis of the mechanisms of dehumanization as a process. The article deals with the interpretation of the concept of dehumanization, considered in the works of researchers belonging to various branches of social and humanitarian knowledge: psychology, political science, sociology and anthropology. Dehumanization is included in the framework of methods of constructing the image of the enemy in modern socio-political, ethnic and ethno-confessional conflicts, this process is considered as the formation of the image of the «dehumanized other» through the use of animalistic metaphors and images. We consider the interpretation of such types of dehumanization as animalistic dehumanization, infrahumanization, mechanical dehumanization. Based on the analysis of scientific literature, a number of mechanisms/methods/technologies of dehumanization are identified: 1) zoomorphization (animalistic dehumanization); 2) infrahumanization; 3) deligitimization; 4) moral exclusion; 5) objectification/reification (reification), depersonalization (mechanical dehumanization).

Keywords: dehumanization, demonization, infrahumanization, moral exclusion, moral conflict, depersonalization, regumanization.

Понятие «дегуманизация» (рус. «расчеловечивание») в западной науке в первую очередь интерпретируется в рамках психологического и социально-психологического знания. К примеру, С. Опотоу считает, что «дегуманизация — это психологический процесс, при котором

противники рассматривают друг друга как недочеловеков, не заслуживающих моральной оценки» [1, с. 417].

М. Майэс связывает дегуманизацию с затянувшимися «моральными/ценностными конфликтами», сильные чувства ненависти и отчуждения при их протекании обуславливают увеличение психологической дистанции между группами, ведущее к «моральному исключению» [2]. Моральное исключение, в свою очередь, интерпретируется как психологический процесс, при котором члены одной группы рассматривают свою группу и ее ценностно-нормативную среду как превосходящую относительно другой группы. Как следствием, так и причиной данного процесса является дегуманизация и маргинализация аутгруппы.

Профессор Мельбурнского университета Н. Хаслам предлагает рассматривать дегуманизацию как повседневный социальный феномен, уходящий корнями в обычные социально-когнитивные процессы [3, с. 252-264]. Ученый выделяет две формы дегуманизации, основанные на отрицании двух «чувств человечности»: человеческой видовой уникальности и человеческой природы. В первом случае данное отрицание низводит человека до животного, отсюда Н. Хаслам выводит «анималистическую дегуманизацию». Во втором – до деперсонифицированного объекта, автомата, чему соответствует «механическая дегуманизация». С дихотомией, предложенной Н. Хасламом, солидаризируются и другие ученые-психологи, интерпретируя и верифицируя ее в своих эмпирических исследованиях. К примеру, в работе Р. Мартинеса, Р. Родригеса-Байлона и М. Мойя «Это животные или машины? Измерение дегуманизации» [4, с. 1110-1122] в методологии эмпирического исследования также используется деление дегуманизации на две формы: 1) отрицания уникальных человеческих качеств другого, представление его животным; 2) отрицания человеческой природы другого, представление его автоматом.

Очевидно, что при «анималистической дегуманизации» в качестве основного механизма процесса выступает зооморфизация, а при «механической дегуманизации» – реификация (которую в данном случае можно интерпретировать, как овеществление посредством деперсонификации). Дегуманизация в своих интерпретациях часто сводится к механической, обозначаясь как поведение или процесс, подрывающий индивидуальность, деперсонифицирующий индивида.

Вызывает интерес тот факт, что Н. Хаслам не ограничивается межгрупповым уровнем дегуманизации, к чему склонны большинство исследователей, относящихся к социально-психологическому, социологическому и социально-антропологическому знанию. Он

редуцирует дегуманизацию к внутриличностным когнитивным процессам, наблюдающимся на уровне повседневного межличностного общения.

Концепция Н. Хаслама позволяет нам эвристически пойти еще дальше и редуцировать дегуманизацию к уровню генетических программ, поскольку в своей анималистической форме она сводится к зооморфизации (и обнаруживающейся в диалектическом единстве противоположной ей «антропоморфизации»). Которые, в свою очередь, редуцируются к генетическим программам межвидовой и внутривидовой дифференциации.

Анималистическая и механическая дегуманизации Н. Хаслама становятся относительно распространенными объектами исследований в современных социально-гуманитарных науках. К числу фундаментальных можно отнести исследование М.Ж. Пачилли, М. Роккато, С. Паглиаро и С. Руссо отраженное в работе «От политических противников к врагам? Роль воспринимаемой нравственной дистанции в анималистической дегуманизации политической аутгруппы» [5, с. 360-373]. Ученые рассматривают связи между политической идентичностью, восприятием моральной дистанции между политическими группами и внутригрупповой анималистической дегуманизацией. Ученые установили положительную корреляцию между внутригрупповой идентификацией и аутгрупповой дегуманизацией, опосредованную моральной дистанцией между ингруппой и дегуманизируемой аутгруппой.

Понимание анималистических механизмов дегуманизации отражается и во множестве практических и прикладных работ, затрагивающих проблематику пропаганды в СМИ, формирования образа врага и негативного информационно-пропагандистского контента в информационных войнах и психологических операциях, дегуманизации в истории геноцида и репрессий.

Ф. Найтли и С. Кин считаются основоположниками проблематики конструирования образа врага, этот процесс они рассматривали как формирование образа «дегуманизированного другого» посредством использования анималистических метафор и образов [6].

Э. Штетер и Д. Виллс в своем исследовании, посвященном конструированию образа врага канадскими СМИ в кампании против терроризма, акцентируют важность использования при дегуманизации «животных метафор» и «животных образов» [7, с. 7-24].

Взгляд на дегуманизацию как следствие социального неравенства, односторонний процесс, при котором высокоранговые группы игнорируют и стигматизируют низкоранговые группы, тем самым избавляясь от моральной ответственности и легитимируя свое

господство, в своем исследовании палестино-израильского конфликта как межгрупповой войны («Враг как животное: симметричная дегуманизация во время асимметричной войны») опровергают Е. Брюно и Н. Ктейли [8]. Ученые исследуют «явную»/«откровенную» дегуманизацию (англ. «blatant dehumanization») в асимметричном противостоянии израильтян и палестинцев и приходят к выводу о симметричности дегуманизации и агрессивности в этом очевидно асимметричном конфликте.

Исследовательский акцент на аутгрупповых и ингрупповых аспектах дегуманизации и, как следствие, проблематике внутригрупповой идентификации, моральной аутгрупповой дистанции и исключения, межгрупповых конфликтов, стигматизации и т.п., привел к появлению понятия «инфрагуманизация» (англ. «infracumanization»).

Термин «инфрагуманизация» введен в научный тезаурус социально-гуманитарного знания профессором Католического университета Лувена Жаком-Филиппом Лейнсом. Инфрагуманизация является частным термином по отношению к дегуманизации и является собой, по мнению ученого, отрицание человечности оппонентов в межгрупповых конфликтах. «Инфрагуманизация аутгрупп предполагает рассмотрение их как в меньшей степени человеческих и более звероподобных, чем ингруппа, которая воспринимается как в сущности человеческая» [9, с. 139-172].

Ж.-Ф. Лейнс с коллегами верифицировал данное явление посредством исследования эмоциональной составляющей групповой идентификации, разделяя эмоции на уникально человеческие (ностальгия, любовь, сожаление и т.д.) и общие для людей и животных (гнев, радость, страх и т.д.). Ученые пришли к выводу о том, что люди привносят уникальные человеческие эмоции в ингруппу, а не в аутгруппу, определенным образом отказывая аутгруппам в человечности. Инфрагуманизация в большинстве своем не приводит к дегуманизации других, сознательному лишению их человечности и представляет собой естественное для индивида/группы следствие действия механизма групповой идентификации, завышающего оценку ингруппы и внутригрупповой среды относительно аутгрупп.

По нашему мнению, эволюционно-генетический базис механизма групповой идентификации, инфрагуманизации и дегуманизации как таковой основывается на генетических программах межвидовой и внутривидовой дифференциации (их производная – рассматриваемая в трудах Б.Ф. Поршнева, архаическая программа «Мы – Они», различающая человека/ингруппу от палеоантропов и других чужих человеческих групп).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что интерпретации дегуманизации как явления и как процесса затрагивают разные уровни социальной реальности. На макроуровне это политически организованные и контролируемые властью действия, направленные против других стран, больших социальных групп и отдельных меньшинств. На мезоуровне это действия одних институтов, групп и общностей внутри одного общества относительно других, инфрагуманизация (дифференциация ингруппа – аутгруппа) на уровне институтов, социальных организаций, больших социальных общностей и групп. На микроуровне социальной организации это инфрагуманизация (дифференциация ингруппа – аутгруппа) на уровне малых групп, а также дегуманизация как когнитивный внутриличностный процесс (Н. Хаслам) и наше эволюционно-биологическое понимание дегуманизации как производного явления относительно генетических программа межвидовой и внутривидовой дифференциации.

Также мы можем обобщить и выделить механизмы дегуманизации, рассматриваемые в работах исследователей, относящихся к различным отраслям социально-гуманитарного знания.

1. Зооморфизация (анималистическая дегуманизация).
2. Инфрагуманизация.
3. Делигитимация.
4. Моральное исключение.
5. Объективизация/реификация (овеществление), деперсонализация (механическая дегуманизация).

Литература:

1. Opatow, Susan, «Aggression and Violence», in *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*, eds. M. Deutsch and P.T. Coleman. (San Francisco: Jossey-Bass, 2000), p.417.
2. Maiese, Michelle. Dehumanization. *Beyond Intractability*. Eds. Guy Burgess and Heidi Burgess. Conflict Information Consortium, University of Colorado, Boulder. Posted: July 2003.
3. Haslam, N. Dehumanization: An Integrative Review // *Personality and Social Psychology Review* 2006, Vol. 10, No. 3, 252–264.
4. Martínez, R., Rodríguez-Bailón, R., & Moya, M. Are they animals or machines? Measuring dehumanization // *The Spanish Journal of Psychology*, 15, Volume 15, Issue 3, November 2012 , pp. 1110-1122.
5. Pacilli, M. G., Rocco, M., Pagliaro, S., Russo, S. From political opponents to enemies? The role of perceived moral distance in the animalistic dehumanization of the political outgroup // *Group Processes & Interpersonal Relations*. Volume: 19, Issue: 3, page(s): 360-373.

6. Knightly, P. The first casualty. London: Deutsch Press. 1975.; Keen, S. Faces of the enemy [Video recording]. California News Reel. 1987.
7. Steuter, E., Wills, D. Discourses of Dehumanization: Enemy Construction and Canadian Media Complicity in the Framing of the War on Terror // Global Media Journal -- Canadian Edition ISSN: 1918-5901 (English) -- ISSN: 1918-591X (Français) Volume 2, Issue 2, pp. 7-24.
8. Bruneau, E., & Kteily, N. The enemy as animal: Symmetric dehumanization during asymmetric warfare. *PLoS ONE*, 12(7). 2017. Article ID e0181422.
9. Leyens, J.-P., Demoulin, S., Gaunt, R., Paladino M.P. Infra-humanization: The wall of group differences // *Social Issues and Policy Review*, 1 (1). 2007. pp. 139-172.

Эффективность международных форматов и механизмов разрешения кризиса в Венесуэле в условиях политической нестабильности в стране

Мансуров Т.З.

*Кандидат политических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доцент кафедры конфликтологии
E-mail: timur-man333@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются международные форматы и переговорные площадки по разрешению политического кризиса в Венесуэле, которые существуют на сегодняшний день. Значительное внимание уделяется особенностям развития этих форматов, применяемых инструментов, механизмов и средств для решения кризиса между противоборствующими сторонами, показывается степень их эффективности. Анализируются условия и возможности ведения диалога между непосредственными сторонами конфликта и достигнутые результаты в рамках этого процесса. Рассматривается роль внешних игроков, а также международных организаций в урегулировании политической ситуации в стране, влияние которых носит как позитивный, так и негативный характер. Автор работы приходит к выводу, что, несмотря на крайнюю полярность позиций сторон конфликта, на сегодняшний день насущными представляются прямые переговоры между ними ради достижения мира и благополучия в стране, а не только ориентирование на региональные страны и крупные государства мира.

Ключевые слова: Венесуэла, политический кризис, правящий режим, оппозиция, переговоры, диалог, международные форматы.

Effectiveness of international formats and mechanisms for resolving the crisis in Venezuela in the context of political instability in the country

Mansurov T.Z.

Kazan (Volga region) Federal University, Department of conflict resolution studies, associate Professor

E-mail: timur-man333@mail.ru

Abstract: *The article examines the international formats and negotiation platforms for resolving the political crisis in Venezuela, which exist today. Considerable attention is paid to the peculiarities of the development of these formats, the tools, mechanisms and means used to solve the crisis between the warring parties, and the degree of their effectiveness is shown. The conditions and opportunities for dialogue between the immediate parties to the conflict and the results achieved in this process are analyzed. The role of external players, as well as international organizations in the settlement of the political situation in the country, whose influence is both positive and negative, is considered. The author comes to the conclusion that, despite the extreme polarity of the positions of the parties to the conflict, direct negotiations between them for the sake of achieving peace and well-being in the country, and not only focusing on regional countries and large States of the world, are urgent today.*

Keywords: *Venezuela, political crisis, the regime, the opposition, negotiation, dialogue, international formats.*

В условиях, когда прямые контакты сторон между представителями режима Н. Мадуро и оппозицией в лице Х. Гуайдо представляются крайне сложными, значимыми механизмами урегулирования кризиса выступают переговоры, проводимые на международных площадках. В его решении принимают участие различные региональные организации, деятельность которых, однако, представляется малоэффективной и противоречащей друг другу. Так, например, одни организации (АЛБА, СЕЛИАК, УНАСУР), в создании которых активную роль сыграл бывший президент Венесуэлы У. Чавес в контексте строительства «Социализма XXI века», поддерживают существующий режим, а другие (МЕРКОСУР, ОАГ), наоборот, в основном говорят о необходимости ухода Н. Мадуро с поста президента и проведения свободных демократических выборов.

Безусловно, это определенная борьба «правых» и «левых» режимов и поддерживающих их крупных государств мира (Китая, России, США), от влияния которых во многом будет зависеть исход политического кризиса, и между которыми существуют собственные факторы конфликтогенности.

На мой взгляд, на сегодняшний день неконструктивной представляется деятельность так называемой «Группы Лима», наднациональной организации, специально созданной для решения политического кризиса в стране. Ее составляют государства, изначально объявившие действия Н. Мадуро по созданию Национальной конституционной ассамблеи незаконными и поддерживающие в своих действиях самопровозглашенного президента Х. Гуайдо [1]. Данный механизм урегулирования вряд ли можно назвать эффективным, так как все решения, принимаемые в этом формате и диктуемые в основном США и Канадой, сводятся к отставке действующего президента Венесуэлы и проведения новых выборов, которые, по мнению их представителей, только и будут демократическими. Переговоры хотя и не рассматривают силовой сценарий решения конфликта, но представляются малоэффективными, так как не учитывают мнение венесуэльских властей, которые на них даже и не присутствуют.

В контексте разрешения кризиса представляется важной деятельность двух других площадок переговоров: «норвежский формат» и переговоры Международной контактной группы по Венесуэле. Первый формат отличается тем, что он явился, пожалуй, первой нейтральной площадкой, на которой стороны смогли обсудить без лишнего внешнего давления предложения по решению политического кризиса в стране. Норвегия, несмотря на позиции большинства европейских стран, не признает легитимность президентства Х. Гуайдо, что позволяет сторонам конфликта, и, прежде всего, режиму Н. Мадуро, видеть потенциал развития в посредничестве норвежских властей. И хотя стороны не пришли к какому-либо взаимоустраивающему решению или компромиссам по отдельным вопросам углубляющегося кризиса, готовность обсуждать свои позиции и проводить переговоры между непосредственными сторонами конфликта можно считать достаточным прогрессом, учитывая их крайние противоположные позиции.

Всего в Норвегии состоялось три раунда переговоров в мае и июле 2019 года, а уже к началу августа процесс зашел в тупик в связи с введением новых экономических санкций США в отношении венесуэльского режима. Необходимости создания «норвежского формата», по мнению эксперта Института Латинской Америки РАН Д.

Розенталя, способствовали «неудачи, которые Гуайдо пережил в последние месяцы и тяжелая экономическая ситуация в стране, которая с каждым днем ведет к ослаблению позиций действующего президента» [2].

Проведенные переговоры, содержание которых в СМИ не разглашались, явились во многом пробой сил с целью изучения возможностей разрешения кризиса. По заявлению министра иностранных дел Норвегии Инне Эриксен Сорейде, сделанного по итогам первых двух раундов дискуссий, «Стороны продемонстрировали свою готовность двигаться вперед в поисках согласованного и конституционного решения для страны, которое включает в себя политические, экономические и избирательные вопросы» [2]. Учитывая полярные интересы сторон, становится понятным, что ни к какому соглашению они не пришли, если оно вообще возможно в сложившейся в стране ситуации. С другой стороны, переговоры продемонстрировали ответ на запрос венесуэльского общества о необходимости перемен и наличие небезграничных ресурсов как действующего президента, так и лидера оппозиции. Как мне кажется, «норвежский формат» показал начальную эффективность своей деятельности, а потенциал его развития представляется достаточно большим.

В отличие от первого формата, переговоры, проводимые в рамках Контактной группы по Венесуэле, способствовали выработке общих параметров по разрешению политического кризиса в стране. (Создание Международной контактной группы по Венесуэле было инициировано странами-членами ЕС на заседании министров иностранных дел стран – членов ЕС в Бухаресте в конце января – начале февраля 2019 года, к которой впоследствии присоединился ряд стран Латинской Америки и Карибского бассейна). По мнению бывшего Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини, «Задача не в том, чтобы начать официальную процедуру медиации или официальный диалог, а в том, чтобы поддержать политический процесс, который Группа впоследствии сможет сопровождать и консолидировать» [3]. Другими словами, деятельность участников данного формата направлена на выработку согласованного подхода ряда государств, заинтересованных в мирном и демократическом решении конфликта. При этом страны договариваются обеспечить всю необходимую помощь для укрепления доверия между сторонами конфликта, запуска процесса диалога между ними, в который эти страны вмешиваться не будут. Целью переговоров, проходящих в различных государствах региона Латинской Америки, является продвижение процесса урегулирования конфликта путем

проведения новых выборов, которые могут затронуть сразу несколько уровней власти, включая, возможно, и избирательные органы.

Деятельность Контактной группы вызывает значительный интерес в связи с теми принципами, которые предполагают мирное и демократическое урегулирование кризиса. Однако их воплощение в жизнь в современных условиях представляется крайне затруднительным. Правительство Н. Мадуро положительно восприняло деятельность этого формата переговоров и даже пыталось посылать для участия в нем своих представителей. Однако сопротивление легитимного режима вызывает проведение новых выборов, на которых действующий президент или его приемник могут не одержать победы. К тому же, «Положение о Международной контактной группе по Венесуэле» предусматривает равноправное участие оппозиционных политических сил, в том числе партий, в предстоящей избирательной кампании, деятельность большинства которых находится под запретом. Другим условием разрешения кризиса видится освобождение политических заключенных и формирование сбалансированного состава Избирательного совета страны. Шаги действующих властей Венесуэлы в этом направлении пока затруднительны или возможны частично.

В свою очередь лидер оппозиции Х. Гуайдо вообще отказался от участия в переговорах в той или форме, восприняв их как «способ затянуть время и уйти от разрешения ситуации» [4]. Он четко придерживается позиции США, которые настаивают на смене власти и не идут ни на какие контакты, по крайней мере, официальные по началу всестороннего диалога и достижению компромиссов. В этом контексте нельзя не согласиться с мнением исследователя А. Фененко, который отметил, что «Вашингтон делегировал часть своих полномочий младшим партнерам в Европе. США хотят, чтобы ЕС выступил в роли доброго полицейского, а сами выступают в роли злого. В случае если европейцам не удастся уговорить Мадуро уйти по-хорошему, то США попытаются сместить его силовым путем» [4]. Между тем, как бы не развивалась ситуация, возникает закономерный вопрос, возможно ли вообще какое-либо продвижение по разрешению кризиса в рамках данного формата при наличии непримиримости и почти полной взаимоисключаемости позиций сторон конфликта, конечно, если он не ставит своей целью облегчить уход Н. Мадуро с поста президента.

На мой взгляд, приданию эффективности Контактной группы может способствовать более инклюзивный состав участников (например, привлечение к нему России и Китая, которым пока европейские страны отказывают в членстве), оказав необходимое давление на стороны конфликта, или создать более нейтральную

площадку переговоров с примерно равным составом участников, поддерживающих как правящий режим, так и оппозицию. Россия здесь могла бы сыграть большую роль, имея мощные рычаги воздействия на правительство Венесуэлы. Латиноамериканские страны оказывают слабое влияние на переговоры, подписываются под формальными решениями, но при этом не активно идут на их реализацию, соглашаясь по политическим и идеологическим мотивам с позицией то одной, то другой стороны конфликта. Роль России в данном формате была бы очень востребованной, в противном случае он рискует превратиться в некое подобие «Группы друзей Ливии» или «Группы друзей Сирии» [5], деятельность которых в этих странах скорее способствовала эскалации вооруженного конфликта, чем его решению.

Интересным в плане возможного подхода к разрешению кризиса является «Механизм Монтевидео», предложенный как альтернативный вариант подходу Контактной группы еще на ее первом заседании в Уругвае этой страной, а также Мексикой, Боливией и 14 странами Карибского бассейна. Во многом он повторяет предложения стран ЕС (установление диалога, проведение переговоров и поиск вариантов решения, подписание соглашений и реализация договоренностей под международным контролем). Его отличием является то, что в нем вопрос проведения президентских выборов выступает лишь возможным, а не обязательным условием разрешения кризиса, считая это обстоятельство вмешательством во внутренние дела государства. Вместе с тем, несмотря на проводимые контакты этих стран «Механизм Монтевидео» и сторон конфликта, никаких соглашений достичь не удалось, так как последние занимают полярные позиции относительно конкретных механизмов и инструментов решения кризиса.

Таким образом, в условиях политической нестабильности и глубокого экономического кризиса желательными представляются прямые переговоры между сторонами конфликта, которые, например, сейчас ведут власти Венесуэлы с умеренной оппозицией, нежели решения, навязанные внешними игроками. Многое будет зависеть от политической воли и желания сторон договориться ради сохранения мира и благополучия в своей стране. В таких условиях возможны многие договоренности и компромиссы. Вместе с тем, на сегодняшний день преобладающее влияние продолжают оказывать крупные государства мира и региональные страны, главной задачей которых также должно стать недопущение развития противоборства по военному сценарию.

Литература:

1. Политический кризис в Венесуэле: Группа Лимы поддержала Гуайдо. URL: <https://tsn.ua/ru/svit/politicheskiy-krizis-v-venesuele-gruppa-limy-podderzhala-guaydo-1291806.html> (дата обращения: 5.01.2020).
2. Селимова Ф. Стороны конфликта в Венесуэле сошлись в Норвегии. На диалог сторонников Гуайдо толкнули политические неудачи. URL: http://www.ng.ru/world/2019-05-30/6_7587_venesuela.html (дата обращения: 7.01.2020).
3. Международная контактная группа по Венесуэле. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia_ru/57640/ (дата обращения: 7.01.2020).
4. Выход из венесуэльского кризиса будут искать в Монтевидео. Россия и Китай остались за бортом международной контактной группы. URL: http://www.ng.ru/world/2019-02-06/7_7501_venesuela.html (дата обращения: 10.01.2020).
5. Киселев Д. Могерини поставили подножку. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3114634> (дата обращения: 10.01.2020).

Политика идентичности и формирование межнационального согласия в регионе

Мартынов М.Ю.

Доктор политических наук

БУ ВО «Сургутский государственный университет ХМАО-Югры»,

главный научный сотрудник

E-mail: martinov.mu@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411- 860001 р_а «Формирование гражданской идентичности как ресурс межнационального согласия в регионе».

Аннотация: В статье анализируется политика идентичности в качестве фактора формирования отношений межнационального согласия. Рассмотрена миграционная динамика, показаны риски межнациональной конфликтности. Эти риски порождает конкуренция между людьми, давно проживающими в регионе и теми, кто приезжает в последнее время, так называемыми «мигрантами», «приезжими», за рабочие места, а в первую очередь, за доступ к

пользованию социальной инфраструктурой. Это недовольство может облекаться в националистическую форму. Сделан вывод, что микшировать подобные противоречия, используя лишь политику формирования толерантности недостаточно, поскольку корни проблемы коренятся отнюдь не в националистических предрассудках. Показана эволюция государственной национальной политики от формирования толерантности к политике идентичности. Приводятся результаты социологических опросов, которые свидетельствуют об успешности этой политики. Сделан вывод, что даже в таком сложном с этнической и миграционной точки зрения регионе, каким является Югра, целенаправленная государственная политика по формированию гражданской идентичности при поддержке и понимании со стороны граждан, способна решить сложные проблемы по гармонизации межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональное согласие, гражданская идентичность, межнациональные отношения, межэтническая конфликтность.

Identity policy and formation of interethnic harmony in the region

Martynov M.Yu.

Doctor of Political Sciences

Surgut State University,

Chief Researcher

E-mail: martinov.mu@gmail.com

Abstract: *The article analyzes the identity policy as a factor in the formation of relations of interethnic harmony. Migration dynamics is considered, the risks of interethnic conflict are shown. It is concluded that it is not enough to mix such contradictions using only the policy of forming tolerance. The evolution of the state national policy from the formation of tolerance to identity policy is shown. The results of sociological surveys that indicate the success of this policy are presented. It is concluded that a purposeful state policy on the formation of civil identity is able to solve complex problems of harmonization of interethnic relations.*

Keywords: *interethnic accord, civic identity, interethnic relations, interethnic conflict.*

Югра относится к регионам-донорам России и занимает в экономическом отношении лидирующие позиции среди субъектов Российской Федерации. Предприятия Ханты-Мансийского

автономного округа-Югры сегодня формируют около 7,5% промышленного производства и 15,1 % доходов государственного бюджета Российской Федерации. Устойчивая развитая экономика с постоянными рабочими местами, низким уровнем безработицы и высокими доходами делает Ханты-Мансийский автономный округ комфортным для жизни и труда для его жителей. Но одновременно этот фактор определяет повышенную миграционную привлекательность региона.

Ежегодно в ХМАО-Югре на постоянное место жительства приезжают около 80 тыс. чел. В экономике округа задействованы около 100 тыс. временных трудовых мигрантов, большинство из них привлекаются к работе вахтовым методом на короткие периоды времени. На данный момент в экономике округа занято 78,8 тысяч человек, работающих вахтовым методом, что составляет около 9 % от занятого населения [5]. Не менее 16% работников, занятых в экономике ХМАО, не являются его постоянными жителями. Миграционные процессы существенно изменяют этнонациональный состав населения. За последние десять лет, например, в три раза увеличилось представительство народов Кавказа и в десять раз - Средней Азии. Миграция из стран и регионов с высокой этнополитической конфликтностью, особенно нелегальная, несет в себе потенциальную опасность повышения криминализации и распространения в регионе экстремистских идеологий.

Неготовность местного сообщества успешно адаптировать вновь прибывших может создавать риски неблагоприятной ситуации в сфере межнациональных отношений. Эти риски нередко давали о себе знать. Например, еще пять-шесть лет назад доля граждан Ханты-Мансийского автономного округа, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в 2014 г., составила 46,2 %, в 2015 г. – 52,7 %. Причем эти оценки были существенно ниже, нежели в других регионах. По тогдашней оценке политического аналитика института ЕВРАЗЭС Н. Фридрихсон, «Ханты-Мансийск – типичный пример северной территории с возрастающим числом межнациональных конфликтов».

Однако во второй половине 2010-гг. в межнациональных отношениях произошли принципиальные изменения, позволяющие говорить о формировании ситуации межнационального согласия.

Об этом свидетельствуют, например, результаты социологического исследования в ХМАО-Югре, проведенного в 2018 году Институтом социологии Российской академии наук под руководством директора Центра исследований межнациональных отношений Л.М. Дробижевой. Согласно данным исследования,

подавляющее большинство анализируемых групп югорчан (90%) «обладают выраженной готовностью на принятие инонациональных представителей как сограждан и жителей региона, что объясняется привычностью быстро меняющегося состава населения, обусловленного историческими традициями освоения региона» [3, с. 29-30].

Эти изменения стали результатом эффективной государственной национальной политики в регионе. В 2016 г. была принята «Стратегия реализации государственной национальной политики Российской Федерации в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре на период до 2025 года». С 2019 года утверждена отдельная государственная программа автономного округа «Реализация государственной национальной политики и профилактика экстремизма».

Важным инструментом национальной политики, направленным на реализацию целей, обозначенных в этих программных документах, явился региональный стандарт по реализации государственной национальной политики и профилактики экстремизма. Он закрепил требования к организации работы по обеспечению оптимальной структуры управления на региональном и муниципальном уровнях, единой системы коллегиальных органов и тактических программных документов в сфере государственной национальной политики.

Другим документом в сфере национальной политики, - на этот раз уже на муниципальном уровне, стало создание модельной муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактика экстремизма». К программе прилагалась характеристика основных мероприятий, отражающих содержание деятельности в части укрепления межнационального и межконфессионального согласия, поддержки и развития языков и культур народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования, обеспечения социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов, профилактики экстремизма.

Помимо деятельности органов власти по гармонизации межнациональных отношений существенную роль играют институты гражданского общества, в частности, некоммерческие организации, работающие в сфере межнациональных отношений. На сегодняшний день эти организации стали неотъемлемой частью общественной жизни округа.

Очевидно, что это улучшение ситуации стало результатом напряженной и целенаправленной деятельности органов власти,

институтов гражданского общества, всех граждан Ханты-Мансийского автономного округа. Но существенную роль при этом сыграл и выбор правильной и научно обоснованный выбор стратегии национальной политики в регионе.

В частности, по результатам исследования 2010-2016 гг. нами были сделаны выводы и рекомендации о необходимости перехода от политики формирования толерантности к представителям других народов и их культурам к политике формирования гражданской идентичности, содержательная сторона которой к этому времени уже была достаточно разработана политической наукой [6, с. 78-92].

По результатам наших исследований акценты символической политики в регионе рекомендовано было сместить на формирование общей системы ценностей в формате общегражданской, в том числе региональной идентичности [1, с. 76-77].

Был сделан вывод, что трактовка случающихся конфликтов как межэтнических только потому, что в них принимают участие люди разных национальностей, является некорректной, и, лишь камуфлирует реальные проблемы. На самом деле, предпосылкой большинства конфликтов, привычно относимых к категории межэтнических, лежат не столько этнические предрассудки или националистические установки, сколько сформировавшийся «распределительный» тип экономики, обуславливающий борьбу за ресурсы социальной сферы между местными жителями и «приезжими». Конкуренция между людьми, давно проживающими в регионе и теми, кто приезжает в последнее время, так называемыми «мигрантами», «приезжими» за рабочие места, а в первую очередь, за доступ к пользованию социальной инфраструктурой. Это недовольство может облекаться в националистическую форму. Происходит социально-психологический перенос недовольства, которое, по сути, носит социальный характер, на приезжих, маркируемых по признаку национальной принадлежности [4, с. 104].

Был сделан вывод, что микшировать подобные противоречия, используя лишь политику формирования толерантности, недостаточно, поскольку главные причины проблемы коренятся отнюдь не в националистических предрассудках. Поэтому единственно эффективной политикой в сфере межнациональных отношений выступает политика идентичности [2, с. 110-111].

Мониторинговое исследование, проведенное под эгидой Института социологии РАН в 2019 г., показало, что доминирующим типом отношений в межнациональной сфере стало межнациональное согласие.

Таким образом, даже в таком сложном с этнической и миграционной точки зрения регионе, каким является Югра, целенаправленная государственная политика по формированию гражданской идентичности при поддержке и понимании со стороны граждан, способна решить сложные проблемы по гармонизации межнациональных отношений.

Литература:

1. Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Жизненные стратегии и политическое поведение молодежи Югры // Социологические исследования. 2013. № 12. С.75-79.

2. Мартынов М.Ю., Пуртова В.С. Редистрибутивная модель социального поведения и межэтническая конфликтность // Социологические исследования. 2017. № 9. С.108-113.

3. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / Отв. ред. Л. М. Дробизева. Москва: ФНИСЦРАН, 2018. 552 с.

4. Модели социального поведения молодежи Югры и формирование региональной идентичности. Авторский коллектив: М.Ю. Мартынов, А.И. Габеркорн, В.С. Пуртова, В.В. Мархинин, Н.В. Ушакова / под ред. М.Ю. Мартынова. Сургут: Дефис, 2016. 150 с.

5. Родь Ю.С. Эволюция структуры занятости и ее следствие для Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Вестник Югорского государственного университета. 2016 г. Выпуск 4 (43). С. 55–62.

6. Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: когнитивный потенциал и исследовательское поле // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии: научное издание / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2015. 464 с.

7. Доклад на совместное заседание Координационного совета по делам национально-культурных автономий и взаимодействию с религиозными объединениями при Правительстве Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Межведомственной комиссии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по противодействию экстремистской деятельности. URL:

<https://deppolitiki.admhmao.ru/upload/iblock/e4c/Doklad-Drobizhevoy-L.M.-prilozhenie-7.docx> (дата обращения: 02.01.2020).

Язык как культурно-символический ресурс. Русско-сербские параллели

Мартынова М.Ю.

*Доктор исторических наук
Институт этнологии и антропологии РАН,
главный научный сотрудник - зав. Центром европейских
исследований.
E-mail: martynova@iea.ras.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09152 офи_м «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

Аннотация: Автор с позиций социального антрополога рассматривает языковые процессы в контексте проблем идентичности. Какова роль не только объективных, но и субъективных факторов развития языка? Насколько язык является исторически заданным явлением, и в какой степени конструктом, результатом «социальной инженерии», идеологической работы с целью укрепления нации? На Балканах сербский язык, подобно тому, как это происходит с русским языком на постсоветском пространстве, оказался виноватым за все старые обиды и идеологические клише. Это привело к пересмотру положения и роли русского и сербского языков, и их взаимоотношений с языками «титовых» этнических групп во всех новых государствах. В отличие от Балкан, в постсоветских странах, где язык в значительной степени тоже трактуется как государствообразующий фактор, где государственные языки также укрепляют свой статус, причем за счет сужения использования русского языка, этим языкам не требовалось отстаивать сам факт своего существования. Они имели и сохраняют свои названия и словарный запас. Они по сути дела, не нуждаются в дополнительном конструировании, т.к. имеют реальные отличия от русского языка. На Балканах в этом отношении все обстоит гораздо сложнее. Процессы политической, экономической и культурной интеграции или дезинтеграции находят отражение и в языковой политике.

Ключевые слова: языковые процессы, национальная идентичность, этническая идентичность, этнокультурная политика, государственные языки, Балканы.

Language as a cultural and symbolic resource. Russian-Serbian parallels

Martynova M.Y.

Doctor of history

Institute of Ethnology and Anthropology RAS, head of the Department for European studies

E-mail: martynova@iea.ras.ru

Abstract: *The author from the standpoint of a social anthropologist considers language processes in the context of identity problems. What is the role of not only objective, but also subjective factors of language development? To what extent is language a historically given phenomenon, and to what extent a construct, the result of «social engineering», ideological work with the goal of strengthening the nation? In the Balkans, the Serbian language, just as it happens with the Russian language in the post-Soviet space, turned out to be to blame for all the old insults and ideological clichés. This led to a review of the position and role of the Russian and Serbian languages and their relationship with the languages of the «titular» ethnic groups in all new states. Unlike the Balkans, in post-Soviet countries, where the language is also largely interpreted as a state-forming factor, where state languages also strengthen their status, and due to narrowing the use of the Russian language, these languages did not need to defend the fact of their existence. They had and keep their names and vocabulary. They, in fact, do not need additional design, because have real differences from the Russian language. In the Balkans, things are much more complicated in this regard. The processes of political, economic and cultural integration or disintegration are reflected in language policy.*

Keywords: *language processes, national identity, ethnic identity, ethnocultural policy, official languages, Balkans.*

Говоря о языковых процессах в контексте проблем идентичности, о языке, как маркере идентичности, важно понять, что язык наряду с практическим коммуникативным предназначением играет еще и символическую роль. Он формирует чувство родственности с группой и одновременно участвует в процессах межгрупповой дифференциации. Язык является основным средством, с помощью которого люди могут различать, принадлежит ли индивид к их

сообществу или же этот индивид соотносит себя (в большинстве случаев) с каким-нибудь другим сообществом. Эти сообщества могут быть разными. Каждый человек одновременно принадлежит ко многим группам, и каждая группа тяготеет к тому, чтобы развивать особую вариацию языка групп (молодежный слэнг, профессиональный жаргон и т.д.), позволяющую ее членам легко идентифицироваться и разграничиваться от других. Наиболее отчетливо проявляются группы, имеющие национальный или этнический характер. И язык играет важную роль в национальной и этнической дифференциации, он обеспечивает ощущение отличия от других народов и государств.

Формирование наций (наций в их толковании как согражданства) в определенной степени всегда является процессом лингвистической стандартизации, сопровождается формированием литературной формы языка. Национальность во многом отождествляется с идеей языка. Государственные языки отличаются от других стихийно развивающихся языков тем, что они подвергаются стандартизации, вырабатываются определенные нормы орфографии, произношения, постепенно исчезают локальные варианты языка. Для этого создаются грамматики, пишутся словари. Стандартный государственный/национальный язык есть некая идея языка. Отождествление национальности с идеей языка – идеологическое явление, плод деятельности интеллектуалов, а не реальное самосознание носителей языка. Национальный, стандартный язык – своего рода конструкт, результат идеологической работы с целью создания и укрепления нации. Каждый национальный язык представляет собой культурную конструкцию, появление которой обязано конкретному человеку/конкретным людям» [1].

Не секрет, что в конфликтных ситуациях язык становится ареной социальной и политической борьбы, инструментом социального конструирования. В некоторых странах вопрос о том, в какой сфере общения следует использовать тот или иной язык, превратился в серьёзную политическую проблему. В современной истории, в частности, это характерно для русского языка в государствах на территории бывшего СССР.

Трансформация политической системы на востоке Европы в странах бывшего «социалистического лагеря» привела к актуализации проблемы консолидации населения и его идентичности. Особенно она оказалась актуальна там, где изменились государственные границы, в странах, образовавшихся на развалинах федераций – СССР и СФРЮ. Один из дискуссионных вопросов – соотношение национальной (общегосударственной) и этнической идентичностей. Понятие гражданская нация, национальная (общегосударственная) и

гражданская идентичность достаточно новое явление в политическом лексиконе стран постсоциализма. Исторически сложилось, что в СССР, а вслед за ним и в Югославии, нацию толковали как этнокультурную общность, хотя и существовали понятия «советский народ» и югославы, которые объединяли граждан государства. В постсоциалистическое время все активнее стало внедряться понимание нации как граждан государства, аналогично тому, как это существует во многих странах мира, например, во Франции, Великобритании, США. Это толкование нации до сих пор имеет своих оппонентов, которые полагают, что гражданская идентичность формируется в ущерб этнической. Сторонники понимания нации как согражданства говорят о возможности сосуществования у одного человека нескольких идентичностей, о совместимости гражданской и этнокультурной идентичностей. Принципиальной является убежденность в том, что единство гражданской нации, т.е. населения страны, историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования может и должна сочетаться с культурным (этнокультурным) многообразием, культурной сложностью гражданской нации.

Рискну заметить, что если в воззрениях наших предшественников этническая принадлежность или идентичность считалась свойством раз и навсегда данным человеку от рождения, то события последних десятилетий демонстрируют подвижность данной категории, зависимость от обстоятельств и конструируемость. Продемонстрируем это на примере Балкан.

Балканский регион двадцать пять лет назад стал ареной жесткой радикализации этно-национальных проектов, заставивших весь мир по-новому взглянуть на проблемы национализма, сепаратизма, экстремизма, терроризма, обеспечения прав меньшинств. Перемены, произошедшие на Балканах в последние десятилетия, привели к существенным изменениям в этнической сфере. Следствием кризиса стала перегруппировка населения на территории экс-Югославии по этническому принципу, в зонах конфликта практически не осталось районов со смешанным населением. Резко сократилось число межэтнических браков. Возросла численность южнославянской диаспоры за пределами Балкан. Появились новые нюансы в осмыслении понимания идентичности и локальной культуры, изменилась государственная этнонациональная политика. В странах Восточной Европы, в т.ч. на Балканах, 25 лет назад образовались новые государства. Как на это отреагировали языковые процессы?

Какова роль не только объективных, но и субъективных факторов развития языка? Насколько язык является исторически заданным

явлением, и в какой степени конструктором, результатом «социальной инженерии», идеологической работы с целью укрепления нации? Очень показателен в этом отношении пример Балкан. Здесь этнонационализм усиливается языковым компонентом. Все государства, образовавшиеся на развалинах Югославии, избрали путь выработки собственных языковых стандартов и искусственного размежевания на основе исторического, диалектического принципов, с учетом региональных фольклорных и литературных традиций.

На Балканах сербский язык, подобно тому, как это происходит с русским языком на постсоветском пространстве, оказался виноватым за все старые обиды и идеологические клише. Это привело к пересмотру положения и роли русского и сербского языков, и их взаимоотношений с языками преобладающих этнических групп во всех новых государствах. В отличие от Балкан, в постсоветских странах, где язык в значительной степени тоже трактуется как государствообразующий фактор, где государственные языки также укрепляют свой статус, причем за счет сужения использования русского языка, этим языкам не требовалось отстаивать сам факт своего существования. Они имели и сохраняют свои названия и словарный запас. Они по сути дела, не нуждаются в дополнительном конструировании, т.к. имеют реальные отличия от русского языка. На Балканах в этом отношении все обстоит гораздо сложнее.

Процессы политической, экономической и культурной интеграции или дезинтеграции находят отражение и в языковой политике. Ограничусь сербскохорватским языковым пространством. Начиная с 1850 г., когда в Вене крупнейшие сербские, хорватские и словенские ученые подписали так называемое *Литературное соглашение*, и на протяжении почти всего XX века в бывшей Югославии, несмотря на определенные противоречивые тенденции, государственный язык постепенно унифицировался под названием хорватскосербский/сербскохорватский язык. В 1990-е годы под влиянием политических и как следствие культурных перемен на постюгославском пространстве в этом языке стало появляться все больше языковых различий. Сегодня он является надъязыковым койне (Функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов (этнолектов) или языков. Койне развивается, как правило, по линии сохранения и обогащения языка или диалекта, становящегося койне. Койне чаще всего (хоть и не всегда) складывается на базе диалектов одного языка или на базе близкородственных языков). В постюгославских государствах названия

официальных языков соответствуют названиям государств. Из одного языка создано четыре: боснийский (бошняцкий), сербский, хорватский и черногорский. Между литературными нормами боснийского, сербского, хорватского и черногорского языков разница намного меньше (все они основаны на штокавском диалекте), чем, например, между диалектами хорватского языка – кайкавским и чакавским.

Как отметил один из ведущих лингвистов Западных Балкан профессор Белградского университета, член Академии наук и искусств Европы Ранко Бугарски, «когда люди со средним образованием из Белграда, Загреба, Сараево и Подгорицы общаются между собой, они без проблем и сегодня понимают друг друга – так же, как в те времена, когда официально существовал общий сербскохорватский язык. То есть в обиходе, в нормальном общении сербскохорватский язык пережил и войну, и искусственное размежевание и «лингвистический инжиниринг» [2, 3]. Если же рассматривать политически-символический уровень, то сербскохорватского языка больше нет. Но даже те, кто не возражает против этого, причем не только носители языка, но и профессионалы, осознают языковую общность ареала. Не случайно они стали употреблять для его обозначения термин ВСХС – по первым буквам названий языков. (Об этом я услышала на Первом боснийско-герцеговинском славистическом конгрессе в 2013 г.).

Как считают лингвисты, основываясь на концепции аусбау-парадигмы, в начале XXI века сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки превращаются в отдельные *аусбау-языки*, оставаясь одним *абштанд-языком*. Ранее, в XX веке единый сербохорватский язык был одним *аусбау-языком*. Имеется в виду, что аусбау – функционально полноценный язык, имеющий собственный письменный стандарт и часто определенный официальный статус. Абштанд – имеет настолько сильные структурные отличия, что может считаться отдельным языком. В основу концепции Аусбау-парадигмы, разработанной немецкими социолингвистами, заложена мысль о том, что существует два набора критериев, которые возможно использовать для различения языка и диалекта: один основан на этносоциальных функциях, другой – на объективных структурных особенностях языка [4, 5].

В каждой из стран Западных Балкан немало сделано для размежевания языков. Появление языковых различий не происходило спонтанно. Процесс шел при определенных усилиях национальных элит, которые поставили цель увеличить языковую дистанцию. Процесс инжиниринга языка начала Хорватия (эта тенденция стала проявляться еще в 60-е годы 20 века), и именно она наиболее последовательно из

всех государств боснийско-сербско-хорватско-черногорского (БСХЧ) языкового пространства реализовала политику разграничения языков. Черногория отделилась от общего сербскохорватского языка позже остальных. Черногорский язык стал служебным в 2007 г. согласно Конституции Черногории, его существование официально провозглашено в 2008 г. Тогда же был учрежден Совет по стандартизации черногорского языка. В Боснии и Герцеговине официальные языки – боснийский (*босанский*), хорватский и сербский (хотя в конституции вопрос языка не прописан, но текст ее опубликован в трех языковых вариантах). При этом ситуация в двух субъектах страны – в Федерации Босния и Герцеговина и Республике Сербской несколько отличается.

Современный сербский языковой стандарт ближе всего к языку, использовавшемуся в СФРЮ. Сербский язык, в отличие от остальных трех, пришедших на смену общему, не был подвергнут лингвистическому инжинирингу. Ситуация с сербским языком отличается из-за сочетания геополитических, исторических, культурологических и психологических причин. Во-первых, сербский язык определенным образом представлял и представляет собой основу того, что называлось сербскохорватским языком. Во-вторых, он был центральным в географическом и геополитическом смыслах. Были еще другие причины, но и перечисленных достаточно, чтобы утверждать, что с самого начала сербский язык себя чувствовал независимым, воспринимался его носителями как основа и защита сербскохорватского наследия. Образно говоря, сербский язык, как и русский, чувствовал себя старшим братом. Поэтому в Сербии не было официально предпринято ничего, чтобы отделить сербский язык от хорватского. Но это не означает, что в Сербии вопрос языка воспринимался с равнодушием. Просто сербский национализм искал различия не в самом языке, не в речи, а в системе написания, сделав упор на поддержке «сербской» кириллицы и ограничении использования «хорватской» латиницы.

Литература:

1. См. Евсева Л.Н. Роль языка в формировании национальной идентичности. Автореферат диссертации... Архангельск, 2009.
2. Bugarski Ranko. Lica jezika. Beograd, Biblioteka XX vek, 2001;
3. Bugarski Ranko (ed.). Language in the Former Yugoslav Lands 2004 и др.
4. Kloss H. Abstand languages and Ausbau languages // Anthropological Linguistics. Harvard: Harvard Press, 1967.

5. Trudgill P. Globalisation and Ausbau sociolinguistics of modern Europe. 2004.

Управляемость политизированными виртуальными сообществами в российском Интернете

Мартьянов Д.С.

*Кандидат политических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры политических институтов и прикладных
политических исследований
E-mail: dsmartyanov@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31551, «Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды».

Аннотация: В данной статье исследуется феномен управляемости политической коммуникации в условиях политики постправды. Автор рассматривает основные подходы к исследованию управляемости и анализирует факторы трансформация управляемости в современном обществе. Публичная сфера рассматривается как нормативный идеал самоорганизации коммуникативного пространства. Идеология рассматривается как фактор установления господствующей рациональности. Феномен постправды анализируется автором как идеологический инструмент маркирования субъектов неконвенциональной рациональности. Постправда исследуется в контексте трудностей становления партисипаторной управляемости и формирования публичной сферы как среды соучастия. Приводятся результаты комплексного исследования 115 виртуальных сообществ социальной сети моделей «публичной сферы» и «эхо-камеры» в условиях современной российской политики.

Ключевые слова: виртуальное сообщество, управляемость, эхо-камеры, публичная сфера, постправда, политическая идеология.

Manageability of Russian politicized virtual communities

Martyanov D.S.

PhD in Political Science

St. Petersburg State University,

Department of Political Institutions and Applied Political Research,

Associate Professor

E-mail: dsmartyanov@mail.ru

Abstract: *This article explores the phenomenon of manageability of political communications in the post-truth context. The author considers the main approaches to the study of manageability and analyzes the factors of transformation of manageability in modern society. The public sphere is a normative ideal of communicative space self-organization. The author considers ideology as a factor in the prevailing rationality. The phenomenon of post-truth is analyzed as marking tool of unconventional rationality. Post-truth is explored in the context of difficulties of establishing participatory manageability and the formation of the public sphere as an environment of complicity. The results of a comprehensive study of 115 virtual communities of the Vkontakte social network are presented. Conclusions are drawn about the influence of ideology on the implementation of the «public sphere» and «echo chamber» models in modern Russian politics.*

Keywords: *virtual community, manageability, echo chamber, public sphere, post-truth, political ideology.*

Динамика концептуализации управляемости в современном научном дискурсе представляет собой движение от субъект-объектной концепции (т.е. традиционного управленческого подхода) к субъект-субъектной, предполагающей распространение субъектности на всех участников взаимодействия. Залогом успеха субъект-субъектной управляемости является эффективность коммуникативных моделей, которые сами по себе обеспечивают достижение результатов. Переход к доминированию сетевых моделей коммуникации иллюстрирует как снижение значимости характерных для субъект-объектной управляемости иерархических систем взаимодействия, так и практические механизмы самоорганизации – такие как краудсорсинг или краудфайдинг.

Самоорганизация становится важнейшим фактором развития общества. Основой, которая позволяет реализовывать субъект-субъектный подход на макроуровне является новое атомизированное состояние общества, характеризующееся как «индивидуализированное

условиях доминирования межличностной коммуникации, требующей повышенной активности отдельных индивидов. В рамках коммуникативистского подхода нормативным идеалом подобной самоорганизации является публичная сфера.

Коммуникативное пространство в таких условиях видится совокупностью открытых площадок, которые позволяют отдельным индивидам вести общественно значимую рациональную дискуссию. Взаимозаменяемость таких площадок видится при этом крайне высокой, а потому важным представляется конвенциональный характер разделяемой рациональности и принятие её критериев в качестве фундамента коммуникации, что позволяет сформировать единое коммуникативное пространство.

Достижение такой конвенциональности возможно лишь в условиях доминирования системы ценностей, формирующей господствующую идеологию. В этом ключе концепция «конца идеологий» Ф. Фукуямы [7], как и предшествовавшая ей концепция деидеологизации [3], видятся хотя и не вполне оправдавшими себя, но в целом, верно указывающими очевидный вектор постепенного формирования глобального доминирования неолиберализма. Следует согласиться с Дж. Шварцмантелем в том, что доминирующая идеология неолиберализма использует «захват» новых идеологий [8, 286].

Господство определенной рациональности не означает её неизменности. Более того, рациональность, а вместе с ней и правила игры, которые она определяет, могут постепенно меняться. Концепция множественности публичных сфер [9] предполагает определенную дискуссию в отношении конвенциональности господствующей рациональной системы, а постепенная интеграция между доминирующей публичной сферой и альтернативными публичными сферами будет означать трансформацию дискурса, ценностей, а также господствующей рациональности.

Постправда характеризует не столько широкое распространение ошибочной информации, либо дезинформации, сколько используется для маркировки тех политических сил, которые не вписываются в господствующий идеологический фарватер. Интенсивность взаимных обвинений в «фейковых новостях» служит именно индикатором накала политической борьбы, социально-политического антагонизма, нежели показателем наступления новой эры. В то же время сущность «эпохи постправды» именно в обострении ценностных противоречий внутри политических элит, что очень хорошо видно на американском примере. С точки зрения исследования управляемости, «эпоху постправды» можно охарактеризовать как точку кризиса управляемости на макроуровне и как нарастание тенденций неуправляемости.

Наиболее последовательно концепция управляемости как субъект-субъектного подхода получила своё развитие в рамках концепта партисипаторной (или партисипативной) управляемости, предполагающей «совместное производство» публичной политики во имя общего блага [5, с. 19; 6]. Развитие общества в таком ключе предполагает усиление социальных связей и интенсификацию социального взаимодействия.

Запрос на общественную или партисипаторную управляемость находит выражение и в теоретических поисках, касающихся трансформации публичной сферы. В.С. Вахштайн и Т.В. Вайзер на основе анализа зарубежной научной литературы отмечают тенденции реконцептуализации категории «сообщество», которая должна воплотить в себе культуру гражданского участия. В связи с этим сообщество предстает как (1) концепция, складывающаяся в контексте публичной коммуникации; (2) при этом члены сообщества не имеют ничего общего, кроме признания друг друга в качестве равноправных коммуникантов; (3) наличествует недеструктивная степень разногласия

Сближение категорий «сообщество» и «публичная сфера» показательно по двум причинам. Во-первых, очевидна динамика публичной сферы, которая через соучастие стремится придать качество нормативного идеала). Во-вторых, заметно концептуальное расширение категории «сообщество», которое долгое время использовалось для обозначения мезоуровневых социальных общностей, до макроуровня. Это представляется важным, потому что в определенной степени делегитимирует (или, как минимум, понижает значимость) замкнутые группы как важного участника политического процесса.

Возникновение концепций «эхо-камер» [10] и «безопасных пространств» [11] хорошо иллюстрирует попытку выделить группы. Не стремясь оценить корректность соотнесения конкретных сообществ с этими типами, отметим лишь то, что подобная теоретическая фиксация в целом соответствует построению теории постправды как идеологического инструмента, а не как научной концепции.

Эхо-камеры представляют собой эпистемологические сообщества, которые исключают себя из публичной сферы и создают замкнутое и гомогенное, с точки зрения доминирующей идеологии, коммуникативное пространство. Эхо-камера способствует усилению внутригруппового мнения в условиях изоляции от опровержения.

Также в эхо-камерах любые альтернативные точки зрения подвергаются тотальной критике и отсутствует доверие в отношении всех внешних источников. Доверие к аргументации основывается только на легитимных внутренних источниках.

Эхо-камера как идеальный тип противостоит идеалу публичной сферы, что и является центральным конфликтом общества постправды. Рост значимости «эхо-камер» на фоне кризиса публичной сферы будет свидетельствовать об актуализации постправды и кризисе коммуникативной управляемости.

На разных уровнях социального взаимодействия управляемость, как и подходы к её достижению, могут варьироваться. Как мы уже отмечали, управляемость на макроуровне стремится к использованию субъект-субъектных концепций. В то же время управление эхо-камерой будет предполагать субъект-объектную управляемость.

Для исследования управляемости политизированными сообществами в российских социальных сетях в рамках гранта мы сформировали выборку из 115 сообществ в социальной сети направленности, а также 50 сообществ, которые представляют общественных организаций, политических партий.

В контексте исследования взаимосвязи между идеологиями и управляемостью нам было интересно узнать, насколько классические идеологии, а также новые идеологические направления могут являться факторами формирования других моделей рациональности. Очевидным механизмом достижения поддержания такой рациональности было бы формирование эхо-камер.

Для исследования сообществ был применен комплекс методов – сетевой анализ, конверсационный анализ, дискурс-анализ, включенное наблюдение и эксперимент.

Комплексное исследование выявило ряд интересных фактов. Исследование практики модерации виртуальных сообществ выявило как реализацию модели «публичной сферы», предполагающей конфронтационную рациональную коммуникацию, так и модели «эхо-камер». Исследование не выявило как признаков неуправляемости коммуникативным пространством, так и его подконтрольности [4]. Модель публичной сферы наиболее последовательно реализуется в «институциональных» сообществах, которые ориентируются на общественное мнение. В то же время «идеологические» сообщества в целом также не представляют собой воплощение «эхо-камер», хотя в части из них признаки эхо-камер выявлены были. Единственным исключением, выявившим идеологию как фактор жесткого

формирования субъект-объектной управляемости, стала феминистская идеология.

Поскольку в целом идеологический фактор (если понимать под идеологией общепринятые её проявления в духе консерватизма или либертарианства) не оказался существенным при выборе модели управления, дополнительно по результатам дискурс-анализа мы выделили три группы сообществ, которые можно было бы обозначить как лоялистские, антилоялистские и нейтральные. Определенным сюрпризом стало то, что именно лоялистские сообщества продемонстрировали большую склонность к субъект-субъектной управляемости.

Следует заключить, что в российских социальных сетях крайне заметно доминирование публичной сферы. В то же время заметный раскол на лоялистов и антилоялистов чреват формированием принципу, а носящего бессодержательный протестный характер, что может в дальнейшем способствовать росту политического антагонизма в российском обществе.

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 325 с.

2. Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Сообщества и коммуникация: трансформация социальных механизмов формирования солидарности. М. 2016. 86 с. // <https://ssrn-com/abstract=2807018> (дата обращения: 05.01.2020)

3. Мартянов Д.С. Виртуальные идеологии и кризис идеологий в информационном обществе // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Чита, 2013. № 4 (51). С. 77-83.

4. Мартянов Д.С. Мартянова Н. А. Селективная модерация в условиях виртуальной публичной сферы // Социодинамика. 2019. № 12. С. 74-85.

5. Сморгунев Л.В. Партиципаторная управляемость и публичная политика // Сотрудничество в публичной политике и управлении / Под ред. проф. Л.В. Сморгунева. СПб.: изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2018. С. 18-21.

6. Соловьев А.И. Сообщественное управление: столкновение повесток как политический процесс // Сотрудничество в публичной политике и управлении / Под ред. проф. Л.В. Сморгунева. СПб.: изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. С. 52-64.

7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007. 588 с.
8. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 312 с.
9. Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. No. 25/26. 1990. P. 56-80.
10. Garimella K., De Francisci Morales G., Gionis A., Mathioudakis M. Political Discourse on Social Media: Echo Chambers, Gatekeepers, and the Price of Bipartisanship. In Proceedings of the 2018 World Wide Web Conference: WWW '18. Geneva: International World Wide Web Conferences Steering Committee. 2018. P. 913-922.
11. Gibson, A. Free Speech and Safe Spaces: How Moderation Policies Shape Online Discussion Spaces. Social Media + Society. 2019. // <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305119832588> (дата обращения: 10.12.2019)

**Ситуация в сфере межнациональных отношений и пути
раннего предупреждения межэтнической конфликтности (на
примере ХМАО)**

Мархинин В.В.

*Кандидат философских наук
БУ ВО «Сургутский государственный университет»,
доцент кафедры политико-правовых дисциплин
E-mail: textref@rambler.ru*

Ушакова Н.В.

*Кандидат исторических наук
БУ ВО «Сургутский государственный университет»,
заведующий кафедрой политико-правовых дисциплин
E-mail: ushakova_nv@rambler.ru*

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в
рамках научного проекта № 18-411-860001\19.**

Аннотация: Ханты-Мансийской автономный округ является одним из стабильно развивающихся регионов России, и представляет интерес, с точки зрения анализа динамики развития межэтнических отношений в относительно благоприятной социально-экономической ситуации. Исторически сложившиеся многонациональное сообщество

пережило несколько этапов миграционных волн, что и сформировало современную этническую палитру округа. Разнообразие этнических групп обусловило особую роль некоммерческих организаций в сфере гармонизации межэтнических отношений в округе, их влияния на общины и создания институтов взаимодействия с властью муниципалитетов и округа в целом. Настоящее исследование посвящено анализу роли национально культурных организаций в политике гармонизации межэтнических отношений в регионе.

Ключевые слова: *межэтнические отношения, миграция, некоммерческие организации, гармонизация, гражданские активисты, диаспоры.*

Inter-ethnic relations and preventing ethnic conflicts in KHAMAO-Ugra, Russia

Markhinin V.V.

PhD

Surgut State University,

Associate professor of the department of political science and law,

E-mail: textref@rambler.ru

Ushakova N.W.

PhD

Surgut State University,

head of the department of political science and law,

Surgut State University

E-mail: ushakova_nv@rambler.ru

Abstract: *KHAMAO-Ugra, one of the few economically stable regions of contemporary Russia, is of an interest in making sense of the dynamics of inter-ethnic relations and their development in rather a favorable social and economic situation. Throughout more than half a century the region was being settled by migrants in three major waves, thus a multicultural and poly-ethnic community had emerged. The post-soviet era had brought the need for constructing new social networks, and thus the NGO's involved in ethnic entrepreneurship had become an important element of local social life. The aim of the paper is to discover a part those NGO's playing in constructing inter-ethnic relations in the region*

Keywords: *inter-ethnic relations, migration, NGO's, civil activism, diasporas.*

Раннее предупреждение конфликтов в сфере межэтнических отношений – одна из ключевых задач в деятельности органов власти и местного самоуправления региона. Одним из факторов актуализации этой задачи являются миграционные и демографические процессы, трансформирующие этнокультурную ситуацию, проблематизирующие процессы распределения социальных и экономических ресурсов. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра относится к числу регионов, в которых эти явления развиваются особенно динамично, в силу исторических и конъюнктурных особенностей региона.

Экономические потребности региона обусловили сохранявшиеся на протяжении более чем полувека высокие показатели миграционного прироста. Во второй половине XX в. И первые десятилетия XXI в. миграционные процессы вызвали глубокие изменения в этническом составе населения, сокращали долю коренных малочисленных народов и славянских этносов, увеличивали долю татар, башкир, азербайджанцев, украинцев; миграции начала XXI в. резко увеличили численность и долю народов Кавказа и Средней Азии в этническом составе населения ХМАО. Этот тренд в обозримом будущем будет усиливаться как за счет естественного прироста, так и за счет новых миграционных процессов, в ходе которых ранее сформированное население замещается вновь прибывающими контингентами.

Ситуация в межэтнических отношениях на территории ХМАО формируется в относительно благоприятных условиях: в регионе на протяжении десятилетий сохраняются одни из наиболее высоких показателей доходов, имеет место достаточно благоприятная ситуация на рынке труда, за счет регионального бюджета осуществляются масштабные социальные программы. Влияние прежних благоприятных факторов формирования межэтнических отношений будет снижаться по мере исчерпания возможностей роста добычи полезных ископаемых и потребностей в дальнейшем развитии сферы услуг. По всей видимости, будет сокращаться и роль такого позитивного фактора общественной жизни, как опережающий среднероссийские показатели рост доходов и уровня жизни в целом. В ближайшие годы начнут ощущаться и негативные последствия повышения пенсионного возраста – жители округа не получают дополнительный доход в виде пенсий, не будут иметь возможности покинуть рынок труда и освободить рабочие места.

Показателем сокращения ресурсной базы преодоления межэтнических противоречий является усиление конкуренции за социальные ресурсы – льготы, пособия, места в детских садах и школах, бюджетные места в вузах, медицинские услуги в системе ОМС.

Дефицит этих ресурсов является одним из главных раздражающих факторов. Доступность всех перечисленных социальных благ.

В то же время, факторы усложнения межэтнических отношений, имевшие место и прежде, сохраняются. Главным из этих факторов, безусловно, останется динамичное изменение этнического состава населения, которое в свою очередь, будет актуализировать необходимость социализации и интеграции новых жителей региона в уже сформированное принимающее сообщество, потребность к взаимной адаптации принимающего сообщества и мигрантов.

В этих условиях будет сохраниться потребность общества в наличии дееспособных организаций этнокультурного характера.

На сегодняшний день эти организации стали неотъемлемой частью общественной жизни округа. Они вносят позитивный вклад в дело социализации жителей региона, распространения в их среде установок межнационального согласия и дружбы народов [Об этом см. также: 1]. Некоторые из возможных траекторий их развития представляют собой существенный риск для общества. Первая из нежелательных альтернатив состоит в сведении деятельности этнокультурных НКО к чисто художественной деятельности, к культивированию национальных традиций хореографии, вокала, прикладного творчества и т.п. Важно сохранять такие функции этих НКО, как артикуляция социальных интересов и диалог с другими сегментами гражданского общества и с властями. Другая – также нежелательная – альтернатива заключается в трансформации этих структур в инструменты этнического антрепренерства, продвижения групповых и индивидуальных интересов лидеров за счет мобилизации представителей тех или иных этносов. Потенциально такая деятельность способна приводить к попыткам присвоения лидерами НКО полномочий по наложению санкций, принуждению и т.п. – в обход существующих легальных практик. В регионе на сегодняшний день сложилась неформальная традиция дистанцирования этнокультурных организаций и их лидеров от политической деятельности; эта традиция является, в основном, полезной. Тем не менее, в определенных случаях, когда серьезные социально-политические проблемы этнических сообществ не находят разрешения на протяжении долгих лет, деполитизация тех, кто естественным образом призван выступать в роли их лидеров, нежелательна, и попросту вредна. Примером такого отстранения от актуальной политической повестки является деятельность (а точнее – публичное бездействие) Ассамблеи коренных народов в вопросах, порожденных конфликтами между общинами, ведущими традиционный образ жизни, и нефтегазовыми корпорациями. Отсутствие эффективного

посредничества в этом вопросе открывает путь для эксплуатации соответствующих проблем различными деструктивными силами, способно привести к возникновению насильственных эксцессов между общинами коренных малочисленных народов и работниками нефтегазовой отрасли. Актуальной задачей является развитие НКО, занимающихся популяризацией и сохранением русской традиционной культуры; на сегодняшний день темпы развития таких организаций явно недостаточны. Без сохранения и роста престижа русской культуры невозможно представить себе формирование межнационального согласия. Отсутствие или нехватка НКО, способных взять на себя такую работу будет приводить к возникновению всевозможных деструктивных и маргинальных структур вульгарно-националистического, неоязыческого и попросту неонацистского толка. Представляется очевидным, что никакие полицейские меры сами по себе не будут способны пресечь деятельность таких сил и снять негативные последствия их активности.

Мигрантофобские настроения, бытовая ксенофобия и т.п. явления неизбежно будут возникать в обществах, где развиваются этнодемографические процессы, аналогичные тем, что имеют место на территории Югры. Распространение такого рода настроений в общественной жизни региона блокируется отчасти благоприятной социально-экономической ситуацией, отчасти, тем фактом, что округ вот уже более полувека интегрирует в свою повседневную общественную жизнь новые контингенты населения, прибывающие на его территорию в процессе трудовой миграции.

Успех этой интеграции, по нашему мнению, напрямую зависит от способности принимающего сообщества предлагать вновь прибывшим понятную общепринятую модель социального поведения; основой этой модели в сложившейся исторической ситуации может быть русская светская культура, функционирующая с учетом региональной этнокультурной мозаики. Опросы, проводившиеся нами ранее, показывают, что предпосылки для позитивного восприятия содержания русской культуры в этом качестве имеются как в общественном мнении жителей, так и в среде активистов этнокультурных организаций [2; 3]. Эксперты, принявшие участие в интервью, единодушно отмечают, что в этом вопросе существует целый ряд проблем. В общем, они связываются с недостаточной социализированностью представителей мигрантских сообществ, наличием языковых и культурных барьеров, самосегрегацией мигрантов.

Адаптация мигрантов к нормам принимающего сообщества немислима без участия ориентированных на их интересы НКО,

развитие таких НКО должно строиться так, чтобы обеспечивать преодоление только что обозначенных проблем, а не их консервации.

В последние годы округ пережил всплеск симпатий к экстремистским, исламистским идеологиям. В настоящее время их популярность пошла на спад, и, насколько можно судить по полученным нами данным, эта тенденция сохранится и в дальнейшем. Тем не менее, распространение радикальных и фундаменталистских трактовок ислама продолжается, хотя и в более скромных масштабах. Соответствующие процессы сегодня отмечаются нашими респондентами также, как отмечались 10-12 лет назад.

Во взаимодействии со СМИ присутствуют системные проблемы. Местные СМИ, особенно получающие поддержку от властей, стремятся освещать ситуацию в сфере межэтнических отношений в конструктивном духе. К сожалению, эти публикации не имеют большого общественного резонанса. СМИ с более крупной аудиторией действуют в рыночной логике и отдают приоритет публикациям скандального характера; такие материалы получают большой резонанс, но не способны играть положительной роли в деле гармонизации межэтнических отношений. Эта ситуация, по нашему мнению, не поддается каким-то очевидным алгоритмам коррекции при помощи властных инструментов. В качестве возможного подхода к преодолению этой проблемы можно предложить развитие диалога и взаимодействия между этнокультурными НКО и журналистским сообществом.

В своей деятельности НКО, работающие в поле этнокультурной деятельности, получают поддержку и от общества, и от местных и региональных властей. Чиновников и властные структуры лидеры таких НКО справедливо рассматривают в качестве своих помощников и союзников. Тем не менее, в их среде господствует гиперкритическое, нигилистическое отношение к государственной политике в области гармонизации межэтнических отношений. Вероятно, критический настрой в данном вопросе не является беспочвенным, однако четко артикулировать свои претензии участники интервью, проведенных в ходе нашего исследования, не смогли. Такое положение вещей свидетельствует о необходимости развития диалога гражданского общества и власти и поиске путей преодоления их взаимного непонимания.

Литература:

1. Мартынов М.Ю. Пуртова В.С. Ценности патриотизма в и формирование гражданской идентичности (по материалам социологического опроса в Югре) // Вестник Удмуртского

университета. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 3 № 1. 2019 С.14-19.

2. Мархинин В.В., Ушакова Н.В. Межэтнические и межконфессиональные отношения в ХМАО – Югре: точки напряжения и предпосылки гармонизации // Общество: политика, экономика, право. № 10 (63). 2018. С. 33-39.

3. Этноконфессиональная идентичность молодежи: предпосылки развития и преодоления межнациональных конфликтов // V Северо-Кавказские социологические чтения. новые контуры социальной реальности Ставрополь, 16 ноября 2016 г. Материалы Международной научно-практической конференции. Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)2017. С. 115-118.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. ЖИЗНЬ В РЕЖИМЕ ОНЛАЙН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: СТРАХИ И ТРЕВОГИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ	3
Авксентьев В.А. ЭТНИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНО-ЭКСПЕРТНОМ ДИСКУРСЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ	9
Агапов О.Д. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОДЕКС РОССИИ: S.W.O.T – АНАЛИЗ	16
Аксюмов Б.В. ЭТНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СТРОИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ.....	27
Алехина Л.Л., Голоктионова Ю.Г. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА МИРОВОГО РАЗВИТИЯ..	32
Андреева Ю.В. ВЕРБАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ МОДЕЛИ В МОТИВАЦИОННОЙ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	39
Анкудинова П.М. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛО- ГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	45
Антонова Н.Л. СТИПЕНДИАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» ОБРАЗОВАНИЯ	51
Анчев С. И. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НА БАЛКАНАХ: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И РОССИЕЙ (БОРЬБА ЗА МОРАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ВЫЖИВАНИЕ).....	55

Асеев С.Ю. РОЛЬ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ	61
Асеева Т.А. РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ).....	66
Ачкасов В.А. ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ НАЧАЛО В ЭСКАЛАЦИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ.....	71
Ачкасова В.А. МЕДИАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ	77
Ашмарина А.А. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕС: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ.....	84
Баранецкий А.Н. СЛАВЯНСКИЙ ВЕКТОР В ГЕОПОЛИТИКЕ ХХВЕКА: ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ.....	89
Баранов А.В. ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС СОЗДАНИЯ ДОВЕРИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ КРЫМУ	95
Баранов Н.А. КРЫМСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	101
Баранова Т.В. ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРОПЕ	108
Барматова С.П. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЦЕНАТСТВА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ	113

Белашенко Д.А. ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ	120
Бершов В.Н. РЕШЕНИЕ СИРИЙСКО-ЛИВАНСКОГО ВОПРОСА В АРАБСКОЙ ЛИГЕ В 1945 ГОДУ	126
Беспалова Т.В. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	130
Буркова Е.И. КРЫМ: ПЕРЕКРЕСТОК ЦИВИЛИЗАЦИЙ ИЛИ ЗОНА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА?	136
Буга Д.В. ОЧЕРЧИВАЯ ГРАНИЦЫ ВСЕЛЕННОЙ.....	142
Бахтуридзе З.З., Васильева Н.А. О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	149
Ветренко И.А. АКТУАЛИЗАЦИЯ ИГРОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ....	156
Внукова Л.Б. ЦЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ: НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА.....	163
Гарбузов Д.В., Рамазанов С.П. СУВЕРЕНИЗАЦИЯ ИЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	168

Гаффаров И.З. ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ.....	173
Герашенко К. В. МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАК СПОСОБ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ И ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ.....	178
Глухова А.В. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ КАК ФАКТОР ЕДИНСТВА РОССИИ.....	183
Гогоадзе М.Г., Шевченко Н.Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА: ВИЗУАЛЬНЫЙ И ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.....	187
Головин Ю.А. ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В РЕГИОНЕ.....	192
Головин Ю.А., Комаров О.Е. КЛАССИФИКАЦИЯ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ПРОЕКТОВ	197
Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ФУНКЦИИ, ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ	204
Горин А. А., Сафиуллина Е. А. ВНУТРИКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ РЕКОНСТРУИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РФ	211
Гриценко Г.Д. ЭТНИЧНОСТЬ В МАНИФЕСТНЫХ КОНФЛИКТАХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	217
Гришин Н.В. НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	223

Гурская Ю. А. РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, КАК ФАКТОР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ	228
Давлетшина Л.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГЕНЕРАТИВНОСТИ СЕМЬИ В АСПЕКТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО КАПИТАЛА: РЕЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД	235
Данильченко Г. Д. СИНТЕЗ ДУХОВНЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ УКРАИНЦЕВ КЫРГЫЗСТАНА	241
Denkova J., Ananiev J. EFFICIENT AND RESPONSIBLE ADMINISTRATION BY APPLYING NEW MANAGEMENT MODEL	246
Донцова М.В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ЮГЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ	252
Дука А.В. УКОРЕНЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ .	258
Жидкова В.Ю. «МЯГКАЯ СИЛА» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	268
Жидкова В.Ю., Щетинина Е.А. ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУКИ	272
Заркович С. Весна КОСОВО И МЕТОХИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ	279

Зиновьева В.И. ИНКЛЮЗИЯ В ВУЗЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ.....	291
Иванкина Л.И. ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ТОЧКА РОСТА НОВЫХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	296
Исаева Е.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИНСТИТУТОВ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В РОССИИ: НОВЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ.....	301
Исламов Т. Р. ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМА ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ.....	307
Кажарская О. Н. РАЗВИТИЕ ЭМПАТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ КАК ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ЛИЧНОСТИ.....	313
Казанцев Д.А. МОЛОДЕЖНЫЕ ПАРЛАМЕНТЫ И МОЛОДЕЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕТЕВОГО ПОДХОДА НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ И АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....	318
Kalenova T.S., Abdrakhmanova G.S. KAZAKHSTAN’S ROLE IN THE GLOBAL NUCLEAR SECURITY SYSTEM	323
Каленова Т.С., Жалелова Г.М. РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ.....	328

Качусов Д.А. РОЛЬ ВОЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ).....	333
Кацук И.В. КОНЦЕПЦИЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	339
Ковалёв В.А. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ УТОПИИ: СОВРЕМЕННАЯ ПРОЕКЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ИВАНА ЕФРЕМОВА).....	345
Kowalska-Stus H. КУЛЬТУРНЫЕ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПОЛЬСКОЙ РУСОФОБИИ.....	352
Когут В.Г., Нурышев Г.Н. КРЫМ В ПАРАДИГМЕ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ	372
Кокорина Е.Г. «НЕСТАБИЛЬНОСТЬ» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	380
Коньшев В.Н. ПРОБЛЕМА ГИБРИДНЫХ УГРОЗ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ	385
Кнежевич Я. ХРОНОТОП КРЫМА В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ ЙОВАНА ДЖОРДЖЕВИЧА «ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ В 1887 ГОДУ»	392
Коловский Д.И. ГРАЖДАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В РОССИИ: РОЖДЕНИЕ, ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ, ПРИМЕНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ И ВОЙН.....	397

Кольба А. И. ФАКТОРЫ КОНСТРУКТИВНОГО/ДЕСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И БИЗНЕС-СТРУКТУРАМИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА. 403	403
Кондрашихина О. А. КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ АНТИЦИПАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ КАК РЕСУРСЫ АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ.....	408
Константинов М.С. КОГНИТИВНЫЕ КОНСТАНТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТРИЦ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТИРОВАННОГО ОПРОСА СТУДЕНТОВ ЮГА РОССИИ)	415
Котов М.В. РОЛЬ ФРГ В ПРОДВИЖЕНИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕС	422
Кошелева Е.Ю., Нам И.В. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗА И ПРОТИВ	426
Куницына Е.С. К ВОПРОСУ О РЕАЛЬНОСТИ ПЕРСПЕКТИВ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ 2.0	432
Кушнерева К.В. СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ОЦЕНКЕ А.А. АМАЛЬРИКА.....	436
Лагутин О.В. МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ	441
Лазарева Е.И. ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	448

Леушкин Д.В. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ФРАГМЕНТАЦИИ И НЕРАВНОМЕРНОСТИ	454
Лукьянова Н.А. ВИЗУАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО КАК ТЕХНОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ К ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОСТИ	459
Лушников Д.А. ПРОЦЕСС ДЕГУМАНИЗАЦИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ.....	466
Мансуров Т.З. ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФОРМАТОВ И МЕХАНИЗМОВ РАЗРЕШЕНИЯ КРИЗИСА В ВЕНЕСУЭЛЕ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СТРАНЕ	472
Мартынов М.Ю. ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В РЕГИОНЕ.....	478
Мартынова М.Ю. ЯЗЫК КАК КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС. РУССКО- СЕРБСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ.....	484
Мартьянов Д.С. УПРАВЛЯЕМОСТЬ ПОЛИТИЗИРОВАННЫМИ ВИРТУАЛЬНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТЕ.....	491
Мархинин В.В., Ушакова Н.В. СИТУАЦИЯ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПУТИ РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ХМАО)	497

Для заметок

Научное издание

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТВЕТЫ»**

**Сборник научных трудов
XXXVII Международного Харакского форума**

(Симферополь, 5-7 ноября 2020 г.)

В двух томах

Том 1

Под общей редакцией *Т.А. Сенюшкиной*

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 29,99. Тираж 500 экз. Заказ № 03А/13.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru